U 56/216
6.7

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. ГРУЗИНСКАГО.
При ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

У 56
У 216

Выпускъ VII.

Ѳ. М. Достоевскій

въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ.

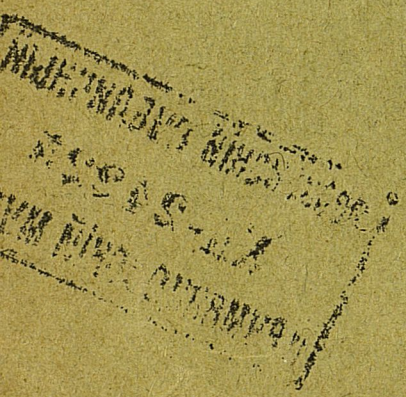
Составилъ
Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).

Всероссійская Публичная Библ...

Содержаніе: I. Вступительная статья о Достоевскомъ. II. Хронологическая канва. III. Воспоминанія и письма современниковъ о Достоевскомъ. IV. Письма Достоевскаго. V. Замѣтки и статьи Достоевскаго. VI. Литература о Достоевскомъ.

1970

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.



ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. ГРУЗИНСКАГО.
При ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

У 56
216
801-82
118201

Выпускъ VII.

Ѳ. М. Достоевскій

въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ.

СОСТАВИЛЪ
Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).

Содержаніе: I. Вступительная статья о Достоевскомъ. II. Хронологическая канва. III. Воспоминанія и письма современниковъ о Достоевскомъ. IV. Письма Достоевскаго. V. Замѣтки и статьи Достоевскаго. VI. Литература о Достоевскомъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-24225
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗ

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

2007067306

Отдѣл. типогр. Т-ва И. Д. Сытина. Якиманка, д. Кириллова.
Москва. — 1912.

Всероссійская Публичная Библіотека

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки“.

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе историческіе обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными предпріятіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ, въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ, по крайней мѣрѣ, рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напр., къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напр., отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ 4 тома).

При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпущена первая серія книжекъ: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Западничество, Славянофильство. Каждая книжка содержитъ: 1) избранныя сочиненія писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, подборъ важнѣйшихъ изъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ, — словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія; 2) примѣчанія; 3) вводную руководящую статью. Составленіе каждой книжки редакція поручаетъ отдѣльному компетентному лицу. Въ первой серіи участвовали: *В. В. Каллашъ*, *А. Д. Алферовъ*, *Н. А. Заозерскій*, *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ* и *Н. Л. Бродскій*.

Во вторую серію входятъ: Некрасовъ (вышла), Достоевскій, Островскій, Тургеневъ и Л. Толстой. Участвуютъ въ ней: *В. Е. Чешихинъ (Вѣтринскій)*, *Н. М. Мендельсонъ*, *Н. Л. Бродскій и Н. П. Сидоровъ*

I.

Ѳедоръ Михайловичъ ДОСТОЕВСКІЙ.

Жизнь, личность и творчество.

I.

Жизнь Достоевскаго обнимаетъ 1821—1881 годы. Первое вполнѣ сознательное развитіе его относится къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ. Литературная дѣятельность его приходится сначала на вторую половину сороковыхъ годовъ, затѣмъ слѣдуетъ насильственный перерывъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и, наконецъ, наиболѣе громкая полоса дѣятельности Достоевскаго падаетъ на царствованіе Александра II. Русская жизнь и литература пережили за это время глубокій соціальный переломъ, связанный съ паденіемъ крѣпостного права и измѣненіемъ состава тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ сосредоточивалась умственная жизнь страны. Преимущественно дворянская интеллигенція тридцатыхъ - сороковыхъ годовъ уступила мѣсто интеллигенціи разночинной. Въ литературно-общественной жизни нарастаніе этой новой интеллигенціи замѣтно ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда и выступилъ Достоевскій. Къ этой средѣ онъ принадлежалъ и по происхожденію и по воспитанію.

Разсказы его брата, Андрея Михайловича Достоевскаго (см. отд. воспом.), вводятъ насъ въ жизнь семьи Достоевскихъ,—семьи московскаго врача-чиновника, скромной, почти бѣдной, ютящейся въ тѣсной казенной квартиркѣ. Здѣсь крѣпокъ безусловный роди-

тельскій авторитетъ, крѣпки традиціонныя представленія о вѣрности службѣ царской и вѣрѣ православной. Отношенія къ дѣтямъ чужды выраженій нѣжности и внимательной ласки: если они ни въ чемъ не нуждаются, свободны отъ обычныхъ въ ту пору и въ этой средѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, то все же обхожденіе съ ними, особенно со стороны отца, довольно суровое. Это былъ человѣкъ угрюмый, нервный и раздражительно-самолюбивый, угнетенный заботою о благосостояніи семьи. Письмо Ѳ. Д—го къ нему отъ 10 мая 1838 года характерно говоритъ, какъ трудно давались семьѣ деньги и какъ прижимисто расходовалъ ихъ глава семьи. Суровая дисциплина не допускаетъ, чтобы дѣти, во время урока съ отцомъ, сидѣли, они не смѣютъ даже облокотиться и стоятъ „истуканчиками“. Она простирается даже на игры дѣтей, и мячъ и лапта изгнаны, какъ игры неприличныя. Поощряются только умственный трудъ, ученье, книги съ извѣстнымъ выборомъ въ семейномъ кругу читаютъ вслухъ не для забавы, а для поученія (напр., исторію Карамзина и т. п.), ибо образованіе одно можетъ обезпечить судьбу честнаго труженика, вѣроятно, такого же слуги царю, какъ и отецъ.

Смягчающей полосой въ жизни дѣтей была деревня, небольшое имѣньице въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, пріобрѣтенное въ 1831 году, вѣроятно, на приданое жены Достоевскаго отца и его скромныхъ сбереженій. Сюда раннею весною переселялась мать съ дѣтьми на все лѣто. Деревня, по словамъ Ѳ. М., оставила въ немъ „самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь“, и все въ ней было полно для него „самыми дорогими воспоминаніями“, между прочимъ, о встрѣчахъ съ крестьянами (мужикъ Марей, Алена Ѳедоровна и т. п.), о разсказахъ простолюдиновъ про мучениковъ и подвижниковъ и т. п. Рядомъ съ послѣдними вліяніями, съ пріобщеніемъ къ народно-религіознымъ представленіямъ, умѣстно отмѣтить разсказы по священной исторіи отца діакона, обучавшаго дѣтей, но увлекавшаго своимъ энтузіазмомъ также и родителей.

Изъ періода школьныхъ вліяній на Достоевскаго, прежде всего само-собою напрашивается имя Пушкина, „голубога“ молодежи тридцатыхъ годовъ. Поклоненіе Пушкину проводило Достоевскаго чрезъ всю жизнь. Потомъ присоединяется имя Гоголя, съ кото-

рымъ Д—ій имѣетъ много общаго въ основныхъ своихъ настроеніяхъ. А. М. Достоевскій упоминаетъ еще учителя словесности въ институтѣ Чермака; учитель сильно поразилъ воображеніе старшихъ братьевъ Достоевскихъ и увлекъ ихъ на путь исключительныхъ симпатій къ родной литературѣ, вплоть до жажды отдать въ будущемъ свои силы именно ей.

По желанію отца, Ѳ. М. Достоевскій попалъ въ инженерное училище, но спеціальная школа, сулившая обезпеченіе на будущей службѣ, проходилась Достоевскимъ, съ ея обиліемъ прикладныхъ предметовъ и лагерной службой, какъ неизбѣжная повинность. Живое понятіе объ этой школѣ даютъ воспоминанія товарищей Д—го, романиста Григоровича и художника Трутовскаго (см. отд. воспом.) и др. Пользуясь нѣкоторыми привилегіями, изъ которыхъ самая существенная — свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, инженерное училище обладало обычными недостатками закрытыхъ учебныхъ заведеній. Оно отличалось, какъ, впрочемъ, и другія военно-учебныя заведенія, казарменнымъ духомъ, въ немъ укоренилось жестокое обращеніе съ младшими воспитанниками и т. п. Въ школьныхъ воспоминаніяхъ героевъ „Записокъ изъ подполья“ и „Подростка“, можетъ-быть, нужно видѣть отголосокъ темныхъ сторонъ училищной жизни самого Д—го.

Но за внѣшней школьной жизнью и постылыми занятіями была для него и другая жизнь, закрытая отъ большинства товарищей. Переписка Д—го съ его нѣжно любимымъ братомъ Михаиломъ, попавшимъ въ Ревель, вводитъ насъ въ необыкновенно богатый и разнообразный кругъ чтенія его. Не только все, что появлялось въ русской литературѣ, но и всѣ крупнѣйшія явленія нѣмецкой и французской литературы ему не чужды; иностранные авторы читаются въ оригиналахъ, увлекаютъ его и нерѣдко вызываютъ замѣчательныя по оригинальности и самостоятельности сужденія мысли: Гете и Шиллеръ, особенно послѣдній, Гофманъ, Корнель и Расинъ, Бальзакъ, Викторъ Гюго и пр. Жоржъ-Зандъ, „одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество“, сильно поразила юношеское воображеніе (Д—аго „Дневникъ писателя“ 1876, іюнь).

Въ общемъ письма Д—аго за это время обвѣяны ясно выраженнымъ романтическимъ настроеніемъ, съ возвышенно-меланхолическими размышленіями о тщетѣ земного, съ раздумьемъ о высшихъ цѣляхъ жизни, и въ то же время съ порывами къ славѣ и прекрасному будущему (письмо 31 окт. 1838 года), съ культомъ дружбы расцвѣтшей подъ обаяніемъ Шиллера (какъ знаменитая дружба Герцена и Огарева десять лѣтъ предъ тѣмъ)... „Мысли въ его головѣ родились подобно брызгамъ въ водоворотѣ“,—выразился о Достоевскомъ этой страстной молодой поры одинъ изъ видѣвшихъ его (А. Ризенкампфъ, „Біографія и проч.“ стр. 35).

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ Д—ій уже пробуетъ силы и начинаетъ писать драмы: „Борисъ Годуновъ“ и „Марія Стюартъ“, не дошедшія до насъ. Первые наброски „Бѣдныхъ людей“,—повѣсти, которая вскорѣ создала ему чрезвычайно видное мѣсто въ литературѣ,—также относятся, по нѣкоторымъ указаніямъ, къ періоду пребыванія въ инженерномъ училищѣ. Здѣсь, слѣдовательно, вопреки школьной лямкѣ и предполагаемой хлѣбной профессіи, уже опредѣлялось его призваніе, какъ писателя. Это призваніе заставило его, вскорѣ по выходѣ изъ училища съ дипломомъ, бросить службу и выйти въ отставку, промѣнять возможность карьеры и обезпеченнаго мирнаго существованія на невѣрный заработокъ литератора.

Первымъ выступленіемъ Д—го въ печати были переводы Бальзака („Евгенія Гранде“), Жоржъ-Зандъ, Сю и др. Повѣсти Жоржъ-Зандъ онъ переводитъ, по словамъ его въ одномъ письмѣ, по 25 рублей ассигнаціями съ листа, при чемъ считаетъ этотъ гонораръ весьма приличнымъ и выгоднымъ (письмо начала 1844 г.). Весьма скромно было вознагражденіе и за „Бѣдныхъ людей“, за первое изданіе которыхъ Достоевскій получилъ отъ Некрасова всего 250 руб. Зато въ смыслѣ литературнаго успѣха „Бѣдные люди“ сразу дали все, что только онъ могъ пожелать. Происходятъ описанный въ „Дневн. писателя“ ночной визитъ къ Достоевскому Некрасова и Григоровича и знакомство съ Бѣлинскимъ (въ маѣ мѣсяцѣ 1845 г.), о чемъ Д—ій вспоминалъ и на каторгѣ и „укрѣплялся духомъ“. Молодой писатель былъ на время окруженъ исключительнымъ вниманіемъ всего литературнаго міра. Было даже отчего закружиться головѣ.

Въ упоеніи успѣхомъ Д—ій тотчасъ же принимается за новые сюжеты, за „Двойника“ и др. Но вслѣдъ за исключительнымъ успѣхомъ „Бѣдныхъ людей“ послѣдовало явное охлажденіе къ такъ много обѣщавшему первымъ своимъ произведеніемъ новичку. Предсказавшій Д—му будущность „великаго художника“, Бѣлинскій былъ совершенно разочарованъ новыми его произведеніями, и въ письмѣ Анненкову 15 февраля 1848 года, напр., писалъ, что „каждое его новое произведеніе—новое паденіе... Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ геніемъ“... Личныя отношенія Д—го съ кругомъ Бѣлинскаго и Некрасова въ связи съ этимъ также совершенно разстроились, поводами были, какъ разногласіе Д—го съ радикальными убѣжденіями Бѣлинскаго, такъ, повидимому, и болѣе мелочныя причины: насмѣшки надъ болѣзненно-самолюбивымъ Д—мъ со стороны друзей Бѣлинскаго и т. п. Отсюда, между прочимъ, источникъ позднѣйшихъ, иногда крайне рѣзкихъ до болѣзненной злобности отзывовъ Д—го о критикѣ, такъ горячо благословившемъ его на долгій и тернистый литературный путь.

Разойдясь лично съ Бѣлинскимъ, Д—ій, тѣмъ не менѣе, дѣлилъ тогда общественно-политическое настроеніе его, былъ преданъ соціально-гуманному понятію о задачахъ литературы и рѣзко отрицательно относился лишь къ раціоналистическому взгляду Бѣлинскаго на религію и Христа и къ его упованіямъ въ духѣ утопическаго соціализма.

На почвѣ интереса къ новымъ соціально-гуманистическимъ вѣяніямъ, Д—ій въ Петербургѣ сошелся съ кружками фурьеристовъ (его братъ М. Д—ій также былъ фурьеристомъ). Собранія кружковъ и рѣчи въ нихъ дали поводъ къ извѣстному дѣлу Буташевича-Петрашевскаго. Д—ій, будучи близокъ къ кружку Дурова, сохранялъ однако, самостоятельное отношеніе къ высказывавшимся здѣсь мнѣніямъ, къ попыткамъ политической пропаганды и т. п. Онъ говорилъ здѣсь о необходимости въ первую очередь освободить крестьянъ, что, по его мнѣнію, должно было сдѣлать правительство. Есть указаніе, что горячо доказывая свою мысль, Д—ій однажды воскликнулъ, что освобожденіе необходимо „хотя бы чрезъ возстаніе“. Нѣтъ, однако, основаній не довѣрять безусловно показанію Д—го, данному имъ слѣдственной

комиссіи (см. отд. V) и свидѣтельствующему о совершенной умѣренности его освободительнаго настроенія.

Въ преступленіе, достойное смертной казни, Д—му было вмѣнено „участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной Церкви и Верховной Власти (т.-е. письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“) и покушеніе къ распространенію посредствомъ домашней литографіи сочиненій противъ правительства“. Арестованный совмѣстно съ многими участниками кружковъ и общими знакомыми 23 апрѣля 1849 года, Д—ій содержался въ Петропавловской крѣпости, гдѣ написалъ разсказъ „Маленькій герой“, напечатанный лишь восемь лѣтъ спустя. 19 декабря состоялась Высочайшая конфирмація приговора высшаго военнаго суда, генералъ-аудиторіата, по которой Достоевскій по лишеніи правъ долженъ былъ быть сосланъ на каторгу на 4 года. Надъ всѣми завиненными была 22 декабря 1849 года продѣлана на Семеновскомъ плацу церемонія объявленія приговора о смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Приговоренные пережили весь ужасъ, длившійся до получаса, ожиданія немедленной насильственной смерти, и потомъ только имъ былъ объявленъ настоящій приговоръ. Эти незабываемыя минуты были, конечно, одною изъ причинъ того горячаго осужденія смертной казни, какое не разъ прорывается у Достоевскаго и въ романахъ (см. особенно „Идіота“), и въ прямыхъ протестахъ его противъ этого вида расправы государства съ своими членами.

Заключеніе въ крѣпости было перенесено Д—мъ лучше, чѣмъ другими его товарищами по дѣлу, хотя на лицѣ и во рту образовались золотушныя язвы. Отправленный въ Сибирь въ одномъ поѣздѣ съ Дуровымъ и Ястржембскимъ, въ Тобольскѣ Д—ій былъ встрѣченъ на пересыльномъ дворѣ женами декабристовъ. Онѣ умолили смотрителя острога устроить для нихъ свиданіе съ новыми политическими ссыльными на квартирѣ смотрителя. Отъ этихъ героинь Сибири Д—ій получилъ въ благословеніе Евангеліе, служившее ему четыре года въ острогѣ и съ которымъ онъ впослѣдствіи не разставался. Изъ Тобольска онъ былъ направленъ въ крѣпость Омскъ, и здѣсь, въ прославленномъ имъ „Мертвомъ Домѣ“, вмѣстѣ съ Дуровымъ отбылъ сполна срокъ своего наказанія.

Надежда, что не навѣки же онъ осужденъ на каторгу и на постоянное пребываніе среди гнусной, по большей части, толпы самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ, поддержала Д—го и въ острогѣ. Хотя нѣсколько разъ онъ былъ боленъ отъ тяжелой острожной жизни, но выдержалъ ее. Онъ сколько возможно заботился о поддержаніи здоровья при помощи работъ на открытомъ воздухѣ. Онѣ обычно были тяжелы, но иногда тяжелы не столько усиліями, сколько принудительностью своею. Въ противоположность Дурову, вышедшему изъ заключенія развалиною, Д—ій даже находилъ, что въ Сибири его здоровье поправилось противъ того, что было въ послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ, когда имъ владѣла злая ипохондрія (см. разсказъ С. Д. Яновскаго въ отд. III). Однако припадки, проявлявшіеся уже въ Петербургѣ, именно въ острогѣ или непосредственно послѣ него опредѣлились, какъ несомнѣнная эпилепсія.

Два письма Д—го къ брату и къ Фонвизиной, писанныя непосредственно по выходѣ изъ каторжныхъ работъ, лучше и точнѣе, чѣмъ „Записки изъ Мертваго Дома“, писанныя нѣсколько лѣтъ спустя, передаютъ нравственное состояніе Д—го по выходѣ и то, какъ повліяло на него пребываніе въ острогѣ. Ему пришлось выдержать со стороны каторжанъ „все мщеніе и преслѣдованіе, которыми они живутъ и дышатъ къ дворянскому сословію“. „Но вѣчное сосредоточеніе въ самомъ себѣ,—пишетъ Д—ій брату:—куда я убѣгалъ отъ горькой дѣйствительности, принесло свои плоды“. Опредѣленно говоритъ объ этихъ плодахъ Д—ій въ письмѣ къ Фонвизиной: они были въ укрѣпленіи глубокаго религіознаго настроенія дѣтскихъ лѣтъ, вопреки всѣмъ сомнѣніямъ и невѣрію вѣка, раздѣляемымъ и Д—мъ. Но здѣсь же, въ многолюдномъ одиночествѣ, долженъ былъ опредѣлиться и „надрывъ“ Д—го, его сосредоточеніе на собственныхъ страданіяхъ и страсть къ выслѣживанію и анализу послѣднихъ глубинъ страдающаго и больного духа.

По выходѣ изъ Омскаго острога, назначенный рядовымъ на службу въ Семипалатинскъ, Д—ій жадно хватается снова за книги, которыхъ былъ лишенъ четыре года, снова стремится вернуться къ литературной дѣятельности. Внѣшняя сторона его жизни въ Семипалатинскѣ передана въ воспоминаніяхъ барона

А. Е. Врангеля, который вниманіемъ своимъ къ рядовому чрезвычайно облегчилъ положеніе Д—го и вызвалъ къ нему сочувственное и болѣе мягкое отношеніе и со стороны его непосредственнаго начальства. Въ Семипалатинскѣ Д—ій пережилъ серьезное сердечное увлеченіе, стоившее ему многихъ мученій и борьбы, закончившееся бракомъ: 6 февраля 1857 г. Д—ій женился на предметѣ своего увлеченія, вдовѣ надзирателя по корчемной части, Маріи Дмитріевнѣ Исаевой. Повидимому, бракъ не былъ счастливымъ; жена Достоевскаго, уже тогда заболѣвшая чахоткой, умерла отъ нея въ 1864 г. Естественно, что Д—ій рвался изъ Семипалатинска, особенно, когда началось новое царствованіе и явились надежды на амнистію. Онъ добивался возможности печататься и пускалъ для того всѣ возможныя въ его положеній пружины. Болѣе всего помогло участіе друга его семипалатинскаго житья бар. Врангеля, который передалъ герою севастопольской войны Тотлебену письмо Д—го съ просьбою ходатайствовать за него предъ государемъ (см. отд. писемъ). Тогда Д—мъ было также написано нѣсколько стихотвореній въ патріотическомъ духѣ, имѣвшихъ цѣлью завѣрить о его полной политической благонадежности предъ Высочайшими особами. Для оцѣнки этихъ стиховъ должно принять во вниманіе, какъ показанія Д—го по дѣлу петрашевцевъ, такъ въ особенности его письмо къ Аполлону Майкову отъ 18 января 1856 г. Какъ извѣстно, поэтъ держался весьма консервативныхъ взглядовъ на исключительную роль и право власти содѣйствовать всякому движенію общества; Д—ій заявляетъ себя въ письмѣ вполнѣ солидарнымъ съ Майковымъ, и въ искренности Д—го, какъ здѣсь, такъ и въ упомянутыхъ стихотвореніяхъ, можно не сомнѣваться. Изъ этого же письма мы узнаемъ, что въ Семипалатинскѣ уже начаты „Записки изъ Мертваго Дома“.

Въ 1857 году Д—ій напечаталъ въ „Отечеств. Зап.“ за подписью, ничего не говорившей читателямъ: „М—ій“, „Маленькаго героя“, а въ слѣдующемъ году писалъ „Дядюшкинъ сонъ“ и „Село Степанчиково“. Послѣднимъ произведеніемъ Д—ій откликнулся, хотя и довольно слабо, на ожиданія освобожденія крестьянъ, что можно усмотрѣть въ изображеніи того утонченнаго издѣвательства надъ крѣпостными людьми, какое позволяетъ себѣ, при са-

момъ благодушномъ помѣщикѣ, зазнавшійся его приживальщикъ Ѳома Опискинъ. Въ концѣ 1857 года Д—мъ, уже вышедшимъ въ офицеры, было подано прошеніе объ отставкѣ, но отставка пришла только весною 1859 г. Въ срединѣ лѣта Д—ій оставилъ, наконецъ, навсегда ужасную для него Сибирь; замѣчательно, что военная служба, жизнь въ Семипалатинскѣ, поѣздки съ Врангелемъ рѣшительно ничѣмъ не отразились въ писаніяхъ Д—го. Очевидно, онъ и послѣ острога жилъ, до послѣдней степени отрѣшенный отъ внѣшняго міра. Поглощенный всецѣло личными переживаніями, внутренней работой мысли и чувства и писательскими замыслами чисто-психологическаго характера, Д—ій просто прошелъ мимо своеобразнаго полудикаго угла Сибири и какъ будто не замѣтилъ своей военной службы. Только въ статьѣ „Книжность и грамотность“ („Время“, 1861 г.) онъ вспомнилъ, какъ читывалъ „вслухъ солдатикамъ и другому народу разныхъ капитановъ Полей, Панфиловъ и пр.“.

Въ срединѣ лѣта 1859 г. Д—ій оставилъ Сибирь и переѣхалъ въ назначенное ему мѣсто жительства—Тверь (дорога до Твери описана имъ подробно въ письмѣ А. И. Гейбовичу, своему ротному командиру, „Историч. Вѣстн.“, 1885 г., № 1). Скучая въ маленькомъ губернскомъ городѣ, равнодушный къ его интересамъ и жителямъ, Д—ій тотчасъ же по пріѣздѣ снова началъ хлопотать о разрѣшеніи переѣхать въ столицы и печататься подъ своимъ именемъ, чего и достигъ въ концѣ года, и тогда же переѣхалъ въ Петербургъ.

Воспоминанія Страхова и Милюкова передаютъ о радушномъ пріемѣ, какой встрѣтилъ Д—ій въ средѣ литераторовъ. Объ отличавшемъ Д—го тогда бодромъ настроеніи разсказываетъ Пальмъ (см. его рѣчь на могилѣ въ „Біографіи и т. д.“). Но сначала Д—му было все же нелегко устроиться и наладить журнальныя связи. Некрасовъ, послѣ долгихъ колебаній, уклонился отъ напечатанія „Села Степанчикова“, что навсегда оттолкнуло Д—го отъ „Современника“. Въ 1860 г. Д—му удалось выпустить въ Москвѣ собраніе своихъ сочиненій въ двухъ томахъ, и въ этомъ году онъ писалъ романъ „Униженные и оскорбленные“ (съ извѣстными автобіографическими деталями о началѣ своей литературной дѣятельности, приписанными лицу разсказчика), а также

продолжалъ работать надъ „Мертвымъ Домомъ“ и вмѣстѣ съ братомъ (М. М. Достоевскимъ) готовился къ изданію и редактированію собственнаго журнала.

Въ этомъ журналѣ „Время“ и появились названныя сейчасъ произведенія Д—го, что было, конечно, одной изъ главныхъ притягательныхъ силъ новаго органа. Журналъ Достоевскихъ, выходившій съ 1861 года, долженъ былъ служить, согласно заявленной программѣ, писанной Ѳ. М., „огромному перевороту, которому предстоитъ совершиться мирно и согласно во всемъ нашемъ отечествѣ, именно слитію образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ“. Послѣ разъединенія, созданнаго петровской реформой, русскимъ предстоитъ „создать себѣ новую реформу, нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ“. Съ точки зрѣнія этого новаго слитія началъ образованности и началъ народныхъ „Время“ отрицало недавніе споры западниковъ и славянофиловъ и пыталось создать собственную „почвенную“ точку зрѣнія. Какъ заявляетъ главнѣйшій теоретикъ „Времени“ Н. Н. Страховъ, это было „русское, патріотическое направленіе, искавшее себѣ опредѣленія и, какъ того требовала логика, наконецъ, примкнувшее къ славянофильству“ (Воспоминанія, стр. 207). „Время“ имѣло несомнѣнный успѣхъ. Въ первомъ году было 2.300 подписчиковъ, во второмъ 4.300. Кромѣ имени Достоевскаго, журналъ за первый годъ далъ произведенія даже сотрудниковъ „Современника“ — Некрасова, Островскаго, Щедрина — потомъ печаталъ Тургенева („Призраки“) и т. д. Отдѣлъ литературной критики былъ въ рукахъ Аполлона Григорьева. Вначалѣ отношенія „Времени“ къ остальной журналистикѣ были вполнѣ дружественныя, но быстро испортились, когда „Время“ въ 1862 году (статья Страхова) вступилось за Тургенева и за вѣрность жизни типа Базарова, что яростно отрицалъ „Современникъ“, и принялось преслѣдовать „нигилизмъ“, какъ язву отступничества отъ народныхъ началъ. Въ 1862 году Д—ій лѣтомъ съѣздилъ за границу и съ удвоенной энергіей принялся за журнальную работу по возвращеніи, но въ 1863 году журналъ неожиданно былъ прекращенъ за статью Страхова въ апрѣльской книжкѣ, подъ заглавіемъ „Роковой вопросъ“, объ

отношеніяхъ Россіи и Польши. Страховъ указывалъ, что обостренность этихъ отношеній зависитъ, между прочимъ, отъ неравенства въ образованіи и культурныхъ средствахъ; ими Польша во многомъ опередила Россію и въ нихъ мы должны съ нею сравняться, стать выше, чтобы польская культура подчинилась русской культурѣ, какъ типу культуры высшей. Это было, повидимому, понято, какъ оправданіе бунтующей Польши или какъ намекъ на необходимость для Россіи представительныхъ учрежденій, и вызвало, вопреки прямому смыслу статьи, запрещеніе журнала.

Свободный отъ руководства журналомъ Достоевскій снова ѣдетъ лѣтомъ за границу, но здѣсь ему не повезло, и въ Баденѣ, гдѣ въ 1862 году онъ выигралъ нѣсколько тысячъ франковъ, теперь онъ жестоко проигрался въ рулетку, какъ проигрался потомъ и въ 1867 году. Эти казусы совершенно разбивали, конечно, всякіе матеріальные расчеты. Переписка Д—го 60-хъ годовъ, особенно съ того времени, когда онъ за границей поселяется на нѣсколько лѣтъ, полна черезъ край выраженій полной душевной растерянности подъ гнетомъ матеріальныхъ затрудненій. Они ложились прежде всего на писательскую дѣятельность, такъ какъ приходилось запродавать свои произведенія впередъ, едва только обдумавъ ихъ, и при неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ ошибкахъ относительно срока работъ путаться и мучаться расчетами и счетами. Страховъ и Майковъ въ этихъ случаяхъ не разъ выручали Д—го своимъ посредничествомъ и участіемъ въ его необыкновенно запутанныхъ денежныхъ отношеніяхъ. Въ 1863 г. выручилъ Д—го тогдашній издатель „Библіотеки для чтенія“ П. Д. Боборыкинъ, пославшій ему подъ будущаго „Игрока“ деньги впередъ, при чемъ Д—ій своего обязательства такъ и не выполнилъ, возвративъ деньги позднѣе. Въ другихъ случаяхъ выручалъ Катковъ, издатель „Русск. Вѣстн.“ и т. д.

Въ концѣ 1863 года, когда Д—ій былъ въ Москвѣ у умиравшей отъ чахотки жены, М. М. Достоевскимъ было получено разрѣшеніе на новый журналъ „Эпоха“ (цензура не дозволила названій „Правда“ и „Дѣло“). Это былъ моментъ весьма трудный для журналистики; она переживала тогда кризисъ частью вслѣдствіе все усиливавшагося давленія цензуры, частью вслѣдствіе

нарожденія газетъ и перемѣны въ настроеніяхъ общества, утомленнаго возбужденіемъ времени начала реформъ. „Эпоха“, затѣянная безъ денегъ, съ самаго начала выходила неаккуратно. Смерть жены, а вскорѣ и брата тяжело легла на Д—го вмѣстѣ съ массой журнальной непосильной работы. Взявъ на себя исполненіе обязательствъ брата, онъ лично почти ничего не писалъ въ „Эпохѣ“ и выпускалъ книги журнала одну за другою, лишь бы исполнить обязательства предъ подписчиками. Но при этой спѣшной работѣ журналъ терялъ характеръ журнала, являясь сборникомъ иногда интересныхъ, но большею частью случайныхъ статей. Въ сентябрѣ умеръ А. Григорьевъ, одна изъ видныхъ силъ „Времени“ и „Эпохи“. Подписка на 1865 г. пошла; „Эпоха“ страстно полемизировала въ ту пору жесточайшихъ журнальныхъ браней (яркій образецъ этой полемики см. въ V отдѣлѣ), и привлекала все-таки читателей. Но всѣ средства были уже ухлопаны въ уплату долговъ предыдущаго года, вмѣстѣ съ небольшимъ наслѣдствомъ, полученнымъ Д—имъ, и на второй книжкѣ 1865 года журналъ прекратился, оставивъ за собою 15 тысячъ долга.

Эти обстоятельства, частью освѣщаемыя письмомъ Д—го къ Врангелю (см. отд. писемъ, письмо отъ 31 марта 1865 года), необходимость передохнуть и успокоиться и начать расплату съ долгами, погнали его снова за границу. Здѣсь онъ провелъ лѣто и осень и, между прочимъ, посѣтилъ въ Копенгагенѣ Врангеля, друга семипалатинскаго житья. За границей было начато „Преступленіе и наказаніе“, дописанное по возвращеніи въ Россію (въ ноябрѣ). 1866 годъ былъ весь проведенъ въ Россіи. Къ этому времени относится кратковременное увлеченіе Д—го молодою писательницею Корвинъ-Круковскою, сестрою знаменитой женщины-математика Софьи Ковалевской (см. ея воспоминанія). Лѣто прошло подъ Москвой въ кругу родственниковъ, и здѣсь Д—ій продолжалъ романъ „Преступленіе и наказаніе“, борясь съ произволомъ издателей „Русскаго Вѣстника“, требовавшихъ отъ него передѣлокъ и смягченій. Запродавъ право собственности на свои сочиненія издателю Стелловскому, въ концѣ года Д—ій долженъ былъ въ кратчайшій срокъ дать ему неизданный романъ. Пришлось диктовать его стенографисткѣ: ею была Анна Гри-

горьевна Сниткина, на которой Д—ій въ началѣ слѣдующаго года женился. Это былъ моментъ вновь возрожденной послѣ успѣха „Мертваго Дома“ популярности Д—аго у самыхъ широкихъ круговъ читателей; „Преступленіе и наказаніе“ было у всѣхъ на устахъ и, между прочимъ, всѣхъ поразило случайное совпаденіе съ преступленіемъ Раскольникова одного довольно страннаго убійства, совершоннаго незадолго до печатанія романа студентомъ Даниловымъ въ Москвѣ: имъ былъ убитъ ростовщикъ съ цѣлью ограбленія, при чемъ мотивы убійства напоминали (впрочемъ, отдаленно) психологію Раскольникова. По словамъ Страхова, самъ Д—ій былъ очень доволенъ этимъ совпаденіемъ, какъ доказательствомъ своей художественной проницательности.

Между тѣмъ за долги Д—му грозило заключеніе, а нужно было поддерживать семью свою и семью брата, а также пасынка (см. письма къ нему, очень задушевныя и теплыя). Спасаясь отъ кредиторовъ, Д—ій уѣзжаетъ съ женой 14 апрѣля 1867 года снова за границу, гдѣ остается четыре года съ небольшимъ, живя послѣдовательно въ Дрезденѣ, въ Баденъ-Баденѣ (полуторамѣсячная задержка вслѣдствіе новаго полнаго проигрыша въ рулетку), въ Швейцаріи, въ Италіи и снова въ Германіи. Его письма этого періода даютъ отчетливое понятіе о внѣшнихъ условіяхъ и событіяхъ этой жизни и знакомятъ съ ходомъ его работъ, съ матеріальными тревогами, доходившими иногда до совершеннаго отчаянія и ярости (письмо 16 окт. 1869 г.), съ горемъ отъ кончины перваго ребенка и со столкновеніями въ родѣ размолвки съ Тургеневымъ. Менѣе мы узнаемъ о внутреннихъ глубокихъ переживаніяхъ, находившихъ отраженіе преимущественно въ художественномъ творчествѣ. За границей, по выраженію самого Д—аго въ письмѣ Майкову отъ 30 дек. 1870 г., онъ „сильно жилъ, хотя и уединенно“. Не разъ встрѣчаемъ въ этихъ письмахъ выраженія глубокой тоски по родинѣ; она нужна ему и для цѣлей писательства и вслѣдствіе отвращенія къ бытовой складкѣ буржуазной заграничной жизни, и къ бродячей русской заграничной интеллигенціи. Въ этотъ періодъ написаны „Идіотъ“, „Вѣчный мужъ“ и начаты „Бѣсы“, задуманъ „Дневникъ писателя“ и романъ „Атеизмъ“; часть послѣдняго замысла была осуществлена только гораздо позднѣе въ „Братьяхъ Кара-

мазовыхъ". Крайнее нервное разстройство и раздраженіе, съ какими Д—ій бѣжалъ изъ Петербурга, объясняютъ многія его странности (въ томъ числѣ столкновеніе въ 1867 г. съ Тургеневымъ), но во время пребыванія за границей здоровье его значительно поправилось, и онъ возвратился домой, по словамъ воспоминаній Страхова, гораздо болѣе мягкимъ и даже кроткимъ человѣкомъ.

Послѣднее десятилѣтіе своей жизни Д—ій проводитъ преимущественно въ Петербургѣ, лѣтомъ уѣзжая ненадолго за границу или въ Старую-Руссу, гдѣ провелъ всю зиму 1874—75 гг., когда писалъ „Подростка", и даже пріобрѣлъ домъ. Теперь внѣшняя жизнь его, благодаря, главнымъ образомъ, женѣ, вполнѣ наладилась. Прежнія непрерывныя денежныя затрудненія, отравлявшія существованіе и возможность правильной работы, исчезли, явилось полное обезпеченіе, растетъ писательская слава и личная популярность.

И той и другой содѣйствовалъ особенно „Дневникъ писателя". Д—ій велъ этотъ „Дневникъ" сначала въ „Гражданинѣ", который редактировалъ въ 1873 году, потомъ въ видѣ самостоятельнаго изданія въ 1876 и 77 годахъ. Это были бесѣды на темы, почему-либо привлекавшія вниманіе Д—аго, живой откликъ на событія времени, иногда воспоминанія, мимоходомъ зарисованныя художественныя картинки жизни, иногда цѣлыя небольшія повѣсти („Кроткая"), и все вмѣстѣ необычайно привлекало читателей, какъ живая лѣтопись чувствъ и настроеній геніальнаго писателя.

„Дневникомъ" Д—ій пользовался особенно для выраженія своихъ общественно-политическихъ воззрѣній. Какъ „Гражданинъ" кн. Мещерскаго былъ органомъ консерватизма, такъ и „Дневникъ писателя" выражалъ взгляды, рѣзко расходившіеся во многомъ съ широкимъ либеральнымъ общественнымъ мнѣніемъ. „Мнѣ все кажется, что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и кружками", писалъ Д—ій о себѣ еще въ 1846 г. (письмо 17 дек.), и это же настроеніе, воинствующее и проповѣдническое, проникаетъ собою и „Дневникъ писателя". Изъ письма Д—аго Всев. Соловьеву видно, что свое „послѣднее слово" въ формулировкѣ взглядовъ на задачи Россіи, онъ высказалъ въ „Дневникѣ "1876 г. за іюнь мѣсяцъ. Враждуя съ радикализмомъ,

Д—ій присталъ къ берегу, къ которому издавна приставали разночинцы бюрократическаго слоя, къ идеализаціи государства, осуществляющаго будто бы христіанскіе идеалы.

„Дневникъ“ имѣлъ большой матеріальный успѣхъ: многіе номера выдерживали по два-три изданія. По прекращеніи правильнаго выпуска „Дневника“ у Д—го устанавливается иное общеніе съ читателями, чрезъ многочисленныя письма къ нему. Лица, большею частью незнакомыя, обращаются къ Д—му съ просьбами помощи и совѣта, ищутъ указаній его, какъ руководителя общественной совѣсти и т. п. (отвѣты на нѣкоторыя изъ этихъ писемъ даны въ концѣ отдѣла писемъ). Заваленный перепиской Д—ій былъ постоянно тревожимъ и посѣтителями въ томъ же родѣ. Онъ былъ также очень часто приглашаемъ на литературные вечера, и на этихъ вечерахъ (чаще всего въ пользу литературнаго фонда) онъ имѣлъ обыкновенно большой успѣхъ, съ особымъ паѳосомъ читая, между прочимъ, „Пророка“ Пушкина.

Послѣдній большой романъ Д—аго, печатавшійся такъ же, какъ и другіе его большіе романы (кромѣ „Подростка“, появившагося въ „Отечественныхъ Запискахъ“), въ „Русскомъ Вѣстникѣ 1879—80 годовъ—„Братья Карамазовы“. „Много въ немъ легло меня и моего“, говоритъ объ этомъ произведеніи Д—ій въ письмѣ И. Аксакову (см. отдѣлъ писемъ).

Во время печатанія второй части имѣвшихъ огромный успѣхъ „Карамазовыхъ“, въ дни торжествъ 6—8 іюня 1880 года, по случаю открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, Достоевскому суждено было стать предметомъ настоящаго апоѳеоза. Рѣчь его о Пушкинѣ, произнесенная 8 іюня, была встрѣчена непередаваемымъ энтузіазмомъ восторженной публики и представителей литературы (см. воспоминанія Страхова). Общественно-политическія и религіозныя вѣрованія Д—аго, близкія къ славянофильству, были здѣсь на второмъ планѣ. Заражала людей и увлекала въ Д—омъ не программа, а его экстатическая личность и манера, его безудержное настроеніе, пророческій паѳосъ, умѣвшій не быть смѣшнымъ въ обстановкѣ офиціальности и холодноватой торжественности. Самъ Д—ій очень огорчался этимъ противорѣчіемъ между тяготѣніемъ лично къ нему и къ его творчеству и холодностію къ его вѣрованіямъ въ ихъ конкретной опредѣлен-

ности (см. его письма послѣ Пушкинскихъ торжествъ), но такое противорѣчіе проводило его до могилы.

Когда онъ 28 января 1881 года почти скоропостижно скончался (послѣдніе годы онъ страдалъ эмфиземой легкихъ и умеръ отъ легочнаго кровотеченія), общее настроеніе сказалось въ необыкновенной картинѣ его похоронъ, соединившей разнообразнѣйшіе слои общества. Въ погребеніи приняло участіе 72 депутаціи, при выносѣ пѣли 15 хоровъ пѣвчихъ отъ разнообразныхъ учрежденій, гробъ провожали многіе десятки тысячъ народа, и по всей Россіи на смерть Д—аго откликнулись, какъ на подлинное общественное бѣдствіе.

II.

Достоевскій былъ одною изъ тѣхъ исключительныхъ геніальныхъ натуръ, изученіе которыхъ въ сущности никогда не будетъ закончено, ибо каждое новое поколѣніе и каждое новое глубокое изслѣдованіе будутъ открывать не только новыя подробности и детали, но и новыя точки зрѣнія. Въ предѣлахъ вступительной статьи къ матеріаламъ для сужденій объ этой натурѣ возможно только намѣтить немногія черты, выступающія рельефно въ самомъ этомъ матеріалѣ.

Воспоминанія о дѣтствѣ Д—аго и о его молодости, въ связи съ письмами его, устанавливаютъ въ натурѣ его крайнюю подвижность и яркую впечатлительность. „Настоящій огонь“, говорятъ о ребенкѣ родители. Отецъ, имѣя въ виду его страстный, увлекающійся темпераментъ и считаясь съ суровой дисциплиной, какой требовало николаевское время, пророчитъ сыну солдатскую шапку. По необычайному бурному характеру реакцій на раздражающія впечатлѣнія Д—аго можно сравнить только съ Бѣлинскимъ, не даромъ получившимъ отъ друзей прозвище, „неистоваго Виссаріона“. Д—ій, подобно знаменитому критику, съ такою же страстностью воспринимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра; какъ онъ, готовъ итти въ своихъ увлеченіяхъ до послѣдняго предѣла. „Вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ“, говоритъ онъ о себѣ самъ (письмо Майкову 16 авг. 1867 г.).

Несомнѣнно, на этотъ непомѣрно страстный характеръ, отъ чисто внѣшнихъ житейскихъ проявленій его до интимнѣйшихъ внутреннихъ переживаній, наложила свою печать эпилепсія. Болѣзнь эта проявляется не только извѣстными судорожными припадками, составляющими собственно-падучую, но и болѣе или менѣе рѣзкими и стойкими измѣненіями нормальной личности человѣка. Болѣзнь развилась у Д—аго еще предъ заключеніемъ въ крѣпость. Врачи связываютъ происхожденіе эпилепсіи иногда съ траумой черепа; повидимому, что-то подобное нужно подозрѣвать въ сообщеніи О. Ѳ. Миллера, намекающаго со словъ „очень близкаго къ Ѳ. М.“ человѣка на какой-то трагическій случай семейной жизни Достоевскихъ въ самой ранней юности Ѳ. М—ча. Какъ бы ни было, всѣ свѣдѣнія о Д—омъ соотвѣтствуютъ типическому разложенію личности, описываемому психіатріей при эпилепсіи.

„Передъ припадкомъ“, читаемъ мы, напр., въ лекціяхъ общей психопатологіи проф. Н. Попова: „больные иной разъ рѣзко мѣняются; они становятся печальными, раздражительными, угрюмыми, нерѣдко сутягами,—и все это за нѣсколько часовъ до приступа. У другихъ замѣчается замедленіе психическихъ процессовъ, родъ отупѣнія, у третьихъ—какая-то болтливость, чувство благосостоянія. Непосредственно предъ двигательнымъ припадкомъ наблюдается *аура*. Роль этой физической ауры также часто играютъ разнородныя психическія разстройства: то больной испытываетъ галлюцинаціи, при чемъ, если онѣ зрительныя, обыкновенно ему представляется красное: кровь, пламя, человѣкъ въ красной мантіи и т. д.; если онъ слышитъ голоса, то это чаще всего угрозы, оскорбленія. Иногда наблюдаются импульсивныя дѣйствія. Достоевскій, страдавшій эпилепсіей, устами одного изъ своихъ героевъ, описываетъ собственную ауру [1]). Оказывается, что предъ самымъ припадкомъ, онъ испытывалъ такое острое чувство высшаго блаженства, которое былъ бы не въ состояніи вынести, если бы оно не продолжалось только одно мгновеніе. Мнѣ лично подобную ауру пришлось констатировать лишь одинъ разъ. Какова бы ни была такая аура, у одного и того же боль-

[1]) Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, Кирилловъ въ „Бѣсахъ“

ного она повторяется передъ каждымъ приступомъ. Разъ наступилъ припадокъ, и здѣсь его существенной частью является элементарное психическое разстройство — помраченіе сознанія... Окончился типичный судорожный припадокъ, а психическія разстройства обыкновенно остаются, разсѣиваясь лишь мало-помалу. Одни больные нѣкоторое время находятся еще въ состояніи неполнаго сознанія, ничего не понимаютъ, плохо помнятъ, съ трудомъ сочетаютъ свои мысли; въ другихъ случаяхъ развивается угнетеніе съ усиленной раздражительностью", и т. д.

Болѣзнь производитъ нерѣдко и гораздо болѣе сложныя и печальныя опустошенія въ духовной личности, слабоуміе, длительныя сумеречныя состоянія сознанія, эпилептическія маніи. Въ лучшемъ случаѣ создается такъ называемый эпилептическій характеръ. „Наблюденіе показываетъ, — пишетъ тотъ же психіатръ,—что у лицъ, которыя долгое время страдали эпилепсіей, очень часто характеръ становится крайне раздражительнымъ; подъ вліяніемъ ничтожныхъ причинъ они приходятъ въ состояніе аффекта, легко доходящаго до степени патологическаго. Рядомъ съ этимъ настроеніе подобныхъ больныхъ дѣлается болѣе и болѣе мрачнымъ, подавленнымъ; они начинаютъ враждебно смотрѣть на окружающихъ, проявляя по отношенію къ нимъ поразительную жестокость, становятся подозрительными, недовѣрчивыми. Очень нерѣдко у нихъ при этомъ замѣчается сильное стремленіе къ ханжеству, къ религіозности, представляющее странный контрастъ съ остальными свойствами характера, съ притупленіемъ нравственнаго чувства. Впрочемъ, всѣ только что перечисленныя черты эпилептика не отличаются постоянствомъ. Обыкновенно здѣсь замѣчаются рѣзкія колебанія: сразу безъ видимой причины больные дѣлаются робкими, боязливыми, любезными до приторности, услужливыми до идолопоклонства; иногда мы можемъ наблюдать у нихъ состояніе глубокаго отчаянія, тоски".—„Перемежаемость явленій какъ въ сферѣ чувствъ, такъ и умственныхъ способностей, составляетъ выдающуюся черту въ характерѣ эпилептиковъ. Это — общій законъ, который господствуетъ надъ всѣми проявленіями страданія, накладываетъ своеобразный отпечатокъ на психическіе и физическіе симптомы болѣзни, существенно періодической,—говоритъ Falret-père.—Эпи-

лептики этого типа обыкновенно очень долго сохраняютъ въ цѣлости свои интеллектуальныя силы въ собственномъ смыслѣ; нерѣдко сюда принадлежатъ люди даже съ выдающимися дарованіями, играющіе видную роль въ общественной жизни, создавшіе себѣ громкое имя въ исторіи. Однако, знакомясь ближе съ біографіями подобныхъ лицъ, почти всегда бываетъ можно подмѣтить, что нервное страданіе и на нихъ наложило свою тяжелую руку" (таковы примѣры Кромвеля, Петра Великаго, Наполеона)...

Типическій эпилептическій характеръ узнается и у Достоевскаго, превосходно описавшаго рѣдкую ауру безконечнаго блаженства, вѣчной гармоніи; ее онъ сравнивалъ съ состояніемъ Магомета, въ моментъ ея созерцавшаго всѣ блаженства и дивныя гармоніи небесныхъ міровъ („Бѣсы", послѣдній разговоръ Кириллова съ Шатовымъ). И кажется, самъ Д—ій вѣрилъ порою, что это было не просто болѣзненное состояніе, а дѣйствительное касаніе мірамъ инымъ: „это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть"...

Въ сношеніяхъ съ живыми людьми болѣзненное состояніе Д—аго часто сказывалось безмѣрной раздражительностью, почти невѣроятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо — лицо „сидѣвшаго въ тюрьмѣ фанатика-сектанта" (Всев. Соловьевъ) искажалось злобой и приводило въ недоумѣніе до испуга, когда онъ буквально накидывался на людей. Л. Оболенскій разсказываетъ, какъ однажды Д—ій на литературномъ товарищескомъ обѣдѣ накинулся на Н. С. Курочкина (врача-поэта), который что-то разсказывалъ о необыкновенно выносливомъ въ физіологическомъ отношеніи сердцѣ Салтыкова. „Вдругъ Д—ій съ крикомъ и почти съ пѣной у рта набросился на Курочкина. Трудно было даже понять его мысль и причину гнѣва. Онъ кричалъ, что современные врачи и физіологи перепутали всѣ понятія, что сердце не есть комокъ мускуловъ, а важная духовно-нравственная сила, и т. д. и т. д. Курочкинъ пытался возразить покойно, что онъ говорилъ только о сердцѣ въ анатомическомъ смыслѣ, но Д—ій не унимался", пока всѣ не замолчали („Ист. Вѣст." 1902, февр., стр. 500—502). Какъ не узнать въ этой ярости, скажемъ тутъ

же, бѣшенства, съ которымъ Дмитрій Карамазовъ принимаетъ непонятные ему „хвостики“ въ головномъ мозгу. Однажды у А. Майкова при посѣщеніи послѣдняго какимъ-то литераторомъ, Д—ій, не желая видѣть гостя (онъ вообще „терпѣть не могъ незнакомыхъ лицъ“—его слова въ письмѣ Исаевой), ушелъ въ сосѣднюю комнату ожидать его ухода. Гость разсыпался въ комплиментахъ хозяину за какое-то стихотвореніе, можетъ-быть, излишне льстивыхъ. Вдругъ Д—ій быстро выступаетъ изъ-за дверей, нервно взмахнулъ обѣими руками и, потрясая ими въ воздухѣ, сердито прошипѣлъ: „Что это за подлецъ говоритъ?!“ (Восп. Д. И. Стахѣева, „Ист. Вѣст.“ 1907, I). „Несчастный Д—ій совсѣмъ измучился,—пишетъ Н. Н. Страховъ Н. Я. Данилевскому 6 января 1874 года (т.-е. въ то время, когда Д—ій кончалъ свое редакторство у кн. Мещерскаго). — Я его очень цѣню и многое ему прощаю, но при его теперешней раздражительности просто избѣгаю съ нимъ видѣться“ („Рус. Вѣст.“ 1901, янв., стр. 132). И такихъ разсказовъ о совершенной непригодности великаго писателя, какъ несчастнаго, нервно-измученнаго человѣка, для спокойнаго общежитія и обихода съ людьми очень много. Съ этой точки зрѣнія приходится объяснять болѣзненную вспышку Достоевскаго противъ Тургенева, яростную временами ругань по адресу Бѣлинскаго, странности въ отношеніяхъ къ публикѣ, коробившія людей (см. воспоминанія Ковалевской, Всев. Соловьева и др.), — все, что давало обильную пищу молвѣ о Д—омъ, какъ о полупомѣшанномъ.

Въ тѣсную связь съ эпилептическимъ характеромъ, какъ таковымъ, надо поставить и ту черту личности и творчества Д—аго, которую Н. К. Михайловскій опредѣлилъ въ извѣстной статьѣ, какъ „жестокость таланта“. Жестокость, какъ роковой спутникъ эпилепсіи, отмѣчена психіатромъ въ вышеприведенномъ описаніи болѣзни. Но то, что безнаказанно могли проявлять великіе эпилептики—Наполеонъ и Петръ Великій, во власти которыхъ было обозрѣвать хладнокровно поля битвъ или собственноручно рубить головы провинившимся,—то, конечно, немыслимо было для удовлетворенія больного стремленія обыкновенному смертному, воспитанному вдобавокъ въ понятіяхъ, діаметрально противоположныхъ міровоззрѣнію, идеализующему силу. И въ

Д—омъ данная черта эпилептическаго характера преломляется, какъ болѣзненное пристрастіе къ кропотливому анализу и настойчивому созерцанію острыхъ страданій и мукъ человѣческой души. Рѣзко бросается въ писаніяхъ Д—аго указаніе, настойчиво повторяемое, о той мѣрѣ страданія, при которой человѣкъ находитъ, наконецъ, острое чувство наслажденія въ самомъ этомъ страданіи. Едва ли можно считать эту особенность человѣческой психики чѣмъ-то безусловно свойственнымъ всегда и всѣмъ людямъ, и необходимо признать ее, какъ черту, особливо свойственную самому Д—ому и болѣзненно близкую къ садическому извращенію. Тургеневъ (см. извлеченія изъ его писемъ) поставилъ точку на і, грубо обозвавъ своего антагониста маркизомъ де-Садомъ. Въ воспоминаніяхъ В. В. Т—вой мы находимъ наивно разсказанный, поразительный примѣръ несомнѣннаго мучительства надъ чистой душою дѣвушки, которую онъ пугаетъ, изображая, какъ могли оскорбить ее на улицѣ какіе-то негодяи, принявъ ее за проститутку. Въ миніатюрѣ, это—буквально повтореніе той утонченной пытки, какой въ страшныхъ „Запискахъ изъ подполья“ подвергаетъ дѣвушку, хотя и продажную, но еще не утратившую чистоты души, герой этихъ записокъ, мрачная отвратительная карикатура мучавшихъ Д—аго темныхъ, больныхъ склонностей его души, карикатура, подставленная, какъ кривое зеркало, тѣневымъ сторонамъ и нашей души.

Эпилепсія, какъ извѣстно, сопровождала нѣкоторыхъ выдающихся религіозныхъ дѣятелей, какъ Магомета. Это—болѣзнь, почти священная какъ порожденіе нездѣшняго духа, это—болѣзнь визіонеровъ и духовидцевъ. Тѣнь ея мистически-суевѣрно настраивала и Д—аго, вообще крайне склоннаго къ суевѣрному наивному вниманію къ такъ называемымъ „загадочнымъ“ явленіямъ и сторонамъ человѣческой души. Онъ описываетъ поразительными чертами мистическій ужасъ, временами охватывавшій его alter ego—беллетриста въ повѣсти „Униженные и оскорбленные“, ужасъ, напоминающій страхи, мучавшіе Гоголя, эту столь родственную ему многими чертами душу. Его мучитъ страхъ летаргіи. Преслѣдуютъ безотчетныя навязчивыя мрачныя представленія, какъ ожиданіе скорой смерти, то своей, то другихъ, напр., смерти Крестовскаго, для чего не было никакихъ внѣшнихъ пово-

довъ. Онъ вѣритъ въ народныя симпатическія средства. Посѣщаетъ самъ гадалокъ и другихъ къ нимъ таскаетъ, какъ Врангеля и Всеволода Соловьева въ Семипалатинскѣ и Петербургѣ. Боязливо присматривается къ спиритизму. Въ трудныя минуты жизни благоговѣйно загадываетъ на Евангеліи, что сдѣлалъ и въ предсмертную болѣзнь, усмотрѣвъ въ выпавшемъ изреченіи несомнѣнное предвѣщаніе скорой своей кончины. Всѣ эти черточки, стоящія на границѣ мистическаго суевѣрія, должны быть признаны характерными для личности Достоевскаго съ его умомъ, совершенно чуждымъ строгой позитивной дисциплины

Кто знаетъ также, насколько болѣзнь окрасила и его представленія о собственной миссіи. Мечтой его была „и жизнь, и скорбь, и смерть пророка“ (любимый имъ стихъ Огарева). Раннія его мечты о славѣ и писательской дѣятельности (см. письмо къ брату) окрашены необычайно высокой самооцѣнкой уже тогда, когда онъ не имѣлъ еще никакихъ объективныхъ данныхъ для сужденія о мѣрѣ своихъ силъ (эти постоянныя сравненія себя съ Пушкинымъ, Гоголемъ и пр.). Первенствовать среди „нашихъ“ онъ привыкъ быстро, и его первенство и авторитетъ охотно признавали многіе, какъ о томъ разсказано въ воспоминаніяхъ С. Д. Яновскаго и др., начиная со старшаго брата и кончая міромъ начинающихъ литераторовъ. Въ качествѣ какого-то руководителя душъ онъ, напр., счелъ себя въ правѣ „не пускать“ своего врача и Трутовскаго на собранія петрашевцевъ, и оба этому покорились.

Среди дѣятелей литературнаго міра его отличаетъ и то отталкиваетъ, то покоряетъ ему сердца непререкаемый тонъ пророка и провидца. Д. И. Стахѣевъ передаетъ, что при своемъ посѣщеніи старца-схимника въ Оптиной пустыни, даже и здѣсь, Д—ій не удержался: „Самъ говорилъ больше, чѣмъ онъ, волновался, горячо возражалъ ему, развивалъ и разъяснялъ значеніе произносимыхъ имъ словъ и, незамѣтно для самого себя, изъ человѣка, желающаго внимать поучительнымъ рѣчамъ, обращался въ учителя“. Часто рѣчь Д—аго была настоящимъ экстазомъ, напоминающимъ то, что описано въ вечерѣ у Епанчиныхъ, гдѣ князь Мышкинъ кончилъ припадкомъ падучей. „Сижу, бывало, слушаю,—говоритъ тотъ же г. Стахѣевъ,—какъ онъ, не умолкая, говоритъ въ продолженіе цѣлаго вечера, и со страхомъ

думаю, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ съ ума сойдетъ, такъ возбужденна бывала его рѣчь, и такъ быстро, самъ того не замѣчая, онъ перескакивалъ съ одного предмета на другой", и это оканчивалось иногда припадкомъ. „Собесѣдникъ иногда онъ былъ неудобный, не любилъ, чтобы ему возражали и не только не терпѣлъ возраженій, но даже и вообще прерывать его рѣчь и подсказывать что-либо не позволялъ. Оборветъ, бывало, каждаго, рѣшившагося вставить въ его рѣчь свое слово. „Молчите! Не умничайте!"

Въ воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго, который восхищается умѣньемъ Д—аго „ненавидѣть" либераловъ, радикаловъ и революціонеровъ, изображена одобрительно сцена, какъ отдѣлывалъ Д—ій „современную" женщину, явившуюся къ нему со своими изліяніями. „Достоевскій ее слушаетъ и внимательно и нервно, и я вижу по лицу его, что каждая черта принимаетъ какой-то острый характеръ, точно внутри кипитъ вулканъ, чувствую, какъ онъ сдерживается, и вотъ въ ту минуту, когда, выпаливъ свой зарядъ современныхъ словъ, несчастная стриженая ждетъ отъ *своего* Достоевскаго одобрительное слово,—неумолимый врагъ женскаго вопроса обращается къ ней съ вопросомъ: „Вы кончили?"—„Кончила",—отвѣчаетъ стриженая. „Такъ вотъ что; слушайте меня, я буду кратче васъ, вы много болтали... а я вамъ вотъ что скажу: все, что вы говорили, пошло, глупо. Понимаете вы, глупо?! Наука безъ васъ можетъ обойтись, а семья, дѣти, кухня, безъ женщины не могутъ обойтись... У женщины одно призваніе... И все, что вы мнѣ разсказывали—вздоръ! Слышите, вздоръ!.. Больше я вамъ ничего не скажу!" (Кн. В. П. Мещерскій. „Мои воспоминанія". Ч. II. Спб., 1898). Такъ Д—ій, что называется, „накидывался" на людей, явленія, идеи. Этотъ тонъ нетерпѣливой раздражительности проникаетъ собою все, что писалъ Д—ій о предметахъ, относительно которыхъ ждалъ противорѣчія со стороны воображаемаго читателя. Это — чисто личный тонъ непризнаннаго судьи въ важныхъ для него вопросахъ, относительно которыхъ, можетъ-быть, въ глубинѣ души не устранены еще всѣ сомнѣнія, и внутренняго, дѣйствительнаго, глубокаго успокоенія не достигнуто.

При болѣзненной раздражительности темперамента, съ своею боязнью незнакомыхъ лицъ, съ жаждою въ то же время пропо-

вѣдничества и власти надъ умами, Д—ій всегда не столько бралъ силою спокойнаго убѣжденія, сколько экстазомъ, взвинченнымъ напряженіемъ нервовъ, увлекалъ и покорялъ, какъ то было въ особенности, напр., во время Пушкинскихъ торжествъ, личнымъ своимъ одушевленіемъ и фанатическимъ взрывомъ чувства. Но холодный анализъ его пушкинской рѣчи, такъ поразившей на празднествѣ, легко обнаруживалъ ея внутреннюю неубѣдительность и противорѣчивость (какъ то показано въ извѣстной статьѣ объ этой рѣчи Глѣба Успенскаго). Какъ сказано мѣтко Львомъ Толстымъ, Д—ій не годился въ руководители душъ потому, что самъ въ сущности не зналъ куда вести, все время находился въ самомъ жаркомъ процессѣ борьбы непримиримыхъ противорѣчій (см. „письмо Страхову 1883 года).

Личность и общественно-политическая проповѣдь Достоевскаго на время получили исключительно широкую популярность въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе глубокаго недоразумѣнія. Справа цѣнили въ Достоевскомъ защитника православія, врага русскаго радикализма. Тамъ были Аполлонъ Майковъ, Страховъ, но особенно кн. Мещерскій, Побѣдоносцевъ (см. его письмо къ Аксакову) и другіе сторонники всеупрaвляющей государственности, въ Достоевскомъ видѣвшіе прежде всего союзника русской государственности даннаго момента и православія, обезпокоенныхъ наплывомъ революціонныхъ идей. Съ этой стороны высоко ставили не столько славянофильскія идеи Д—аго, съ извѣстнымъ ихъ демократизмомъ въ области мысли, совѣсти, печати, сколько его нетерпѣливую и пристрастную вражду къ русскому свободомыслію, въ которомъ онъ не желалъ видѣть ничего, кромѣ поверхностнаго обезьяничанья съ Европы. За эту вражду прощали Д—му всѣ его злыя карикатуры на предержащихъ властей, какъ, напр., губернаторъ въ „Бѣсахъ“. Въ увлеченіи полемики и раздраженія Д — ій, въ самомъ дѣлѣ, иногда вдается въ такіе выводы изъ своихъ охранительныхъ взглядовъ, которые сближаютъ его съ современнымъ „черносотенствомъ“ и невольно отталкиваютъ. Непріятно поражаетъ, напр., его защита войны, какъ таковой (см. письмо Хмыровой). Нѣкоторыя выраженія его писемъ (напр., письма къ Пуцыковичу, сотруднику „Моск. Вѣдом.“) и замѣтокъ прямо коробятъ, какъ, напр., объясненіе революціоннаго

броженія еврейскою интригой. Поражаетъ намѣреніе, высказанное въ одной замѣткѣ „Записной книжки“, защищать казнь нѣсколькихъ революціонеровъ съ точки зрѣнія правоты государства, убивающаго во имя идеи, что тѣмъ ужаснѣе, что, самъ переживши ужасъ смертнаго, подлежащаго немедленному исполненію приговора, онъ выступалъ въ „Идіотѣ“ однимъ изъ одушевленнѣйшихъ противниковъ смертной казни, и ее-то теперь, подъ конецъ жизни, готовъ былъ оправдывать на томъ основаніи, что государство не есть еще Церковь, какою оно должно нѣкогда стать.

Что цѣнили въ Достоевскомъ его современники, не раздѣлявшіе его программы, что покоряло въ немъ сердца, это чувствуется въ такихъ воспоминаніяхъ, какъ разсказъ г-жи В. В. Т—вой, одушевленно передающей громадное впечатлѣніе, производимое и его декламаціей и его чтеніемъ на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ. Это—непрерывное горѣніе въ геніальной душѣ вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго существованія, постоянный призывъ sursum corda въ общественной атмосферѣ, подавленной обыденщиною и гнетомъ подозрительной власти, гдѣ обыватель безопасно можетъ только „годить“.

Достоевскій указывалъ путь подвига, и это было больше, чѣмъ та націоналистическая программа, которую онъ исповѣдывалъ. Онъ горѣлъ стремленіемъ къ идеалу Христа, и это было больше, чѣмъ его православіе. Онъ страстно вѣрилъ въ мессіанистическое призваніе русскаго народа и звалъ къ сліянію съ нимъ образованные классы, и это подлинное демократическое стремленіе больше заключало покоряющей сердца правды, чѣмъ указанія, что во имя народныхъ началъ необходимо покореніе Константинополя. И не разъ и не два онъ рѣзко расходился со своими политическими друзьями, когда въ оцѣнкѣ общественно-политическихъ явленій давалъ просторъ своему непосредственному чувству надъ программой. Не даромъ его сближаютъ съ христіанскими соціалистами, съ которыми онъ дѣлитъ глубокое отвращеніе къ міру мѣщанства, сходясь здѣсь съ Герценомъ (см. „Зимнія замѣтки о лѣтн. впечатлѣніяхъ“). Такъ, онъ высоко оцѣнилъ въ концѣ-концовъ, вопреки кн. Мещерскому, зарисовавшему вышеприведенный анекдотъ, стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему обра-

зованію, а въ своей рѣчи о Пушкинѣ, можно сказать, освятилъ вѣковое скитальчество русской интеллигенціи, какъ благую ея историческую миссію въ служеніи идеалу всечеловѣчества. И наконецъ, онъ, конечно, расходился съ Побѣдоносцевымъ, когда твердилъ о просвѣщеніи, образованіи для всѣхъ и въ особенности, когда наканунѣ смерти, въ послѣднемъ номерѣ „дневника“ приглашалъ правительство къ „довѣрію народу“ и призывалъ къ земскому собору.

На разстояніи уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, конечно, яснѣе оцѣнивается подлинно дѣйственное, чисто моральное значеніе личности и проповѣди Достоевскаго. Его „заминка“, по выраженію Толстого, то-есть нетерпѣливая раздражительная приверженность къ усвоенной имъ *формѣ* его моральныхъ идеаловъ,—формѣ, представляющей своеобразную амальгаму славянофильства и разночиннаго демократизма (напомнимъ, что Д—ій совершенно чуждъ какой бы ни было идеализаціи дворянства, какъ сословія),—эта „заминка“ уже отошла въ прошлое. Осталась борющаяся, живая въ этой борьбѣ личность. Въ этой борьбѣ весь Достоевскій, какимъ его будетъ знать дальнее потомство.

Душа его постоянно какой-то бурный, пламенный очагъ сталкивающихся между собой идей, настроеній, чувствъ, и этотъ огонь вырывается пламенными языками его творчества, сжигающаго обыденныя мысли и готовыя формы взглядовъ на вещи. Молодость Достоевскаго богата одинаково и страстнымъ, все покрывающимъ тяготѣніемъ къ міру духовныхъ интересовъ и, повидимому, увлеченіями вполнѣ низменнаго порядка, на что намеки имѣются въ его перепискѣ (см., напр., конецъ письма къ брату отъ 8 октября 1845), и что можно предполагать по обилію въ его писаніяхъ изображеній, изумительно точныхъ, всякаго рода глубокихъ моральныхъ паденій и трущобнаго міра. Приходится считаться съ отмѣченнымъ уже признаніемъ его относительно романа „Братья Карамазовы“, какъ произведенія во многомъ личнаго, и замѣтками о томъ, что „всѣ мы—Федоры Павловичи Карамазовы“ (см. выдержки изъ записной книжки). Не будетъ преувеличеніемъ или оскорбленіемъ памяти геніальнаго художника признать, что въ немъ самомъ, какъ въ его Митѣ Карамазовѣ, временами къ собственному его ужасу (и въ этомъ ужасѣ его

создается геніями только въ молодости, только она, собственно, геніальна, зрѣлый же возрастъ лишь работаетъ надъ тѣмъ, что дано уже въ молодости. Такъ было и съ Достоевскимъ. Его молодость богата необыкновеннымъ наплывомъ идей и образовъ, которые онъ въ теченіе всего своего послѣдующаго творчества комбинируетъ и развиваетъ. Это изумительное по интенсивности броженіе мысли отразилось, между прочимъ, въ письмахъ Д—го къ его брату (до ссылки). Здѣсь указаны и литературныя вліянія, и собственныя мысли, и настроенія Д—аго въ призмѣ юношескихъ мечтаній о славѣ и писательской дѣятельности.

Когда появились „Бѣдные люди", Бѣлинскій съ восторгомъ встрѣтилъ ихъ, какъ новое явленіе въ духѣ „натуральной школы", связанной съ именемъ Гоголя. Повѣсть такъ блистательно выступившаго новичка отвѣчала соціальнымъ настроеніямъ, въ то время проникавшимъ въ литературу, она говорила о бѣднотѣ столичной въ тонѣ, уже составлявшемъ не новость послѣ „Станціоннаго смотрителя" Пушкина или „Шинели" Гоголя. Но названные разсказы были только эпизодами въ творчествѣ Пушкина и Гоголя, здѣсь же, казалось, будетъ освѣщена соціальная проблема въ ея глубинѣ и детальности. Отъ Достоевскаго ждали новыхъ созданій въ томъ же направленіи и духѣ, освѣщенія въ реалистическомъ духѣ быта, новыхъ сторонъ его и новыхъ подробностей въ духѣ гуманистической проповѣди. Частью это и было сдѣлано Д—мъ, продолжавшимъ брать своихъ героевъ въ той же средѣ. И когда онъ рядомъ съ бытовыми сюжетами сталъ еще неувѣренной и неровной рукой брать сюжеты чисто психологическіе и даже психопатическіе, въ этомъ увидѣли полное паденіе таланта, на дѣлѣ искавшаго только собственной дороги.

Авторитетъ Бѣлинскаго, благословившаго „Бѣдныхъ людей" и съ негодованіемъ отвернувшагося отъ „Хозяйки", какъ отъ „нервической чепухи", надолго опредѣлилъ отношеніе критики къ Д—му, напримѣръ, отношеніе Добролюбова. „Въ „Бѣдныхъ людяхъ", написанныхъ подъ свѣжимъ вліяніемъ лучшихъ сторонъ Гоголя и наиболѣе жизненныхъ идей Бѣлинскаго, Д—ій со всею энергіей и свѣжестью молодого таланта принялся за анализъ поразившихъ его аномалій нашей бѣдной дѣйствительности и въ этомъ анализѣ умѣлъ выразить свой высоко-гуман-

ный идеалъ... Въ разныхъ видахъ и случаяхъ представилъ намъ Д — ій недостатокъ уваженія человѣка къ самому себѣ и недостатокъ уваженія къ человѣку другихъ людей". И смыслъ и все значеніе литературной дѣятельности Д—аго критикъ видитъ въ постановкѣ, благодаря этимъ произведеніямъ, вопроса о положеніи „забитыхъ людей" (заглавіе статьи): „въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда не заглушенныя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души запрятанный протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаго давленія и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе". Въ заключеніе Добролюбовъ даже находитъ возможнымъ указать характерамъ, болѣе сильнымъ и проникнутымъ иниціативою, на обрисованныхъ Д—мъ и другими авторами забитыхъ людей, какъ на классъ, таящій въ себѣ „живую душу и вѣчное, неисторжимое никакими муками сознаніе своего человѣческаго права на жизнь и счастье", намекая тѣмъ на возможность въ будущемъ организаціи бѣдныхъ классовъ для борьбы за ихъ поруганныя человѣческія права.

Примѣрно въ томъ же смыслѣ были поняты и съ восторгомъ приняты читателями и знаменитыя „Записки изъ Мертваго Дома". Изъ всѣхъ писаній Д—го это произведеніе наиболѣе проникнуто бытовымъ реализмомъ и сознательной тенденціею въ духѣ гуманизма. Сдержанный строгими рамками дѣйствительнаго острожнаго быта, о которомъ нужно было разсказать, какъ выходцу изъ Дантова ада, со всей правдивостью и простотою, Д—ій набрасывалъ свои воспоминанія, можно сказать, между дѣломъ. Сначала онъ записывалъ ихъ просто, чтобъ не забыть: тотчасъ по выходѣ изъ острога невозможно было разсчитывать скоро напечатать воспоминанія политическаго заключеннаго. Тогда гораздо больше занимали Д—аго его новыя повѣсти. Потомъ, когда явилась возможность печатать, Д—ій печаталъ эти воспоминанія урывками, въ промежуткахъ отъ писанія и печатанія романа „Униженные и оскорбленные". Все это опредѣлило форму „Мертваго Дома", съ ея отсутствіемъ преднамѣренности и всегдашней склонности Д—го выдвинуть впередъ вовсе не бытъ, а свои духовныя глубокія переживанія. Оттого „Записки изъ Мертваго

Дома", съ ихъ столь естественной и безыскусственной формой воспоминаній, съ готовой, опредѣленной „Бѣдными людьми" и всею натуральною школой концепціей міра острожниковъ, какъ міра людей, въ которыхъ въ крайнемъ униженіи не гаснетъ „искра Божія", кажутся теперь, когда мы знаемъ Д—го, какъ автора „Преступленія и наказанія", „Идіота", „Бѣсовъ" и „Братьевъ Карамазовыхъ", какимъ-то уклоненіемъ, хотя необыкновеннымъ, отъ настоящаго Достоевскаго. Это была наиболѣе законченная и художественно совершенная дань его тому знамени, подъ которое зачислилъ Д—аго Бѣлинскій.

Но письма молодого Достоевскаго и его раннія произведенія въ связи съ всегдашнимъ его тяготѣніемъ къ вѣчнымъ загадкамъ человѣческой души, показываютъ, что, подобно Гоголю, Д—ій лишь отчасти примыкалъ къ направленію, получившему тогда названіе натуральной школы и въ освѣщеніи реализма изображавшему русскій бытъ во всемъ его многообразіи. Скептически относясь къ увлеченію радикальными точками зрѣнія въ области общественности, Д—ій и въ своей морали и въ своей философіи оставался чистой воды романтикомъ, тяготѣвшимъ не къ повседневному быту, а къ постановкѣ чисто моральныхъ вопросовъ и психологическихъ задачъ. Его увлеченія и мечты въ точности соотвѣтствуютъ тому опредѣленію русскаго романтизма, какое дано было Бѣлинскимъ, пережившимъ эти настроенія нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. „Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобы питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его! Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пу-

чину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди недалекіе и неглубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами" (см. „Русская литература въ 1841 г."). Эти удивительныя строки замѣчательнымъ образомъ подходятъ къ Достоевскому, къ его личности и творчеству съ ихъ внутреннимъ всесжигавшимъ огнемъ борьбы и устремленій отъ праха въ высь, съ блаженствомъ и идеализаціей страданія, какъ такового. Д—ій былъ часто именно такимъ вдохновеннымъ безумцемъ, какъ падалъ иногда до плоскаго піэтизма и морализма въ духѣ Побѣдоносцева и Каткова.

Истый романтикъ-созерцатель въ молодости, Д—ій смотритъ, согласно романтическому кодексу, на міръ, какъ на „чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью", и до конца для него міръ—борьба Бога и дьявола, а поле битвы ихъ—души людей. Въ тѣхъ же письмахъ онъ развиваетъ романтическую мечту полнаго познанія сердцемъ, а не однимъ умомъ, познанія природы, души, Бога, любви и высказываетъ (письмо отъ 31 октября 1838 года) такое мнѣніе о единствѣ истинной философіи и поэзіи, которое въ своемъ развитіи легло въ основу эстетической теоріи Влад. Соловьева. „Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное—природа. Замѣть, что поэтъ въ порывѣ вдохновенія разгадываетъ Бога, слѣдовательно, исполняетъ назначеніе философіи. Слѣдовательно, поэтическій восторгъ есть восторгъ философіи. Слѣдовательно, философія есть та же поэзія, только высшій градусъ ея". Мы знаемъ изъ писемъ его, что предметомъ его особенныхъ увлеченій были Шиллеръ, Гофманъ, Викторъ Гюго (ранней его поры). Шиллеру онъ подражаетъ въ собственной драмѣ „Марія Стюартъ" и впослѣдствіи заставляетъ братьевъ Карамазовыхъ цитировать изъ него множество стиховъ. Его своеобразная оцѣнка Гомера, его сравненіе греческаго рапсода съ Христомъ, если не ошибаемся, вполнѣ въ духѣ романтическаго тогдашняго взгляда нѣмцевъ на древне-греческое творчество. Если онъ требуетъ „пасть въ прахъ предъ Корнелемъ", то потому, что „чего же требуетъ романтизмъ, ежели высшія идеи его не раз-

виты въ „Cid'ѣ!“ Въ Гоголѣ Достоевскій, очевидно, усвоилъ не реалистическую форму только, со вниманіемъ къ бытовымъ подробностямъ, но и сроднился съ нимъ душою въ извѣстныхъ его религіозно-моральныхъ настроеніяхъ и идеалахъ, такъ поразившихъ современниковъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

Послѣ „Бѣдныхъ людей“ Достоевскій пишетъ „Двойникъ“, сюжетъ котораго и много позднѣе очень занималъ его. Здѣсь можно видѣть какъ отраженіе той самой двойственности, которую остро чувствовалъ въ себѣ самъ Д—ій, такъ, съ другой стороны, и отраженіе все того же увлеченія романтическими писателями. У Гофмана, которому онъ хочетъ подражать и въ жизни, „стать сумасшедшимъ“, мотивъ раздвоенія личности встрѣчается неоднократно, какъ и вообще отличающее Д—го тяготѣніе къ темнымъ, загадочнымъ сторонамъ человѣческой души. Въ „Хозяйкѣ“, столь раздражившей Бѣлинскаго, усмотрѣвшаго въ этомъ разсказѣ не совсѣмъ несправедливо нервическое раздраженіе и склонность къ наукѣ чаромутія, такое тяготѣніе Д—аго сказалось особенно сильно. Но, помимо экстраординарности совпаденій, которыя нагромождены въ „Хозяйкѣ“ (Д—ій сводитъ студента, страдающаго падучей, съ хозяиномъ, у котораго тоже падучая и съ которымъ живетъ сумасшедшая женщина), здѣсь замѣчательна характерная для Д—аго мысль поставить человѣка *науки*, какъ онъ ее понималъ всегда, то-есть человѣка съ чисто разсудочными, въ идеалъ возводимыми логическими требованіями, противъ темныхъ и загадочныхъ силъ, гдѣ-то въ глубинахъ человѣческаго организма таящихся, противъ того невѣдомаго и непознаваемаго, которое тщетно хочетъ разложить и ощупать наука. Студентъ Ордыновъ—это до извѣстной степени Раскольниковъ, съ его всеразлагающимъ умомъ, но пасующій предъ велѣніями, ему самому непонятными и даже ненавистными, исходящими откуда-то изъ тѣхъ же то страшныхъ, то благодѣтельныхъ, непознанныхъ глубинъ человѣческаго естества. Есть сходство и въ изображеніяхъ бреда у Ордынова и у Раскольникова, но въ „Прест. и нак.“ этотъ бредъ представленъ гораздо болѣе сильнымъ, болѣе реалистическими красками. Любопытно, что въ той же „Хозяйкѣ“ высказана также и занимающая неоднократно

Достоевскаго въ его позднѣйшихъ писаніяхъ идея, что слабые, томящіеся по волѣ и бунтующіе противъ власти, въ сущности въ волѣ-то и не нуждаются и сами, достигнувъ ея, готовы разстаться съ ней добровольно: „Слабому человѣку одному не сдержаться. Только дай ему все, онъ самъ же придетъ, все назадъ отдастъ, дай ему полцарства земного въ обладаніе, попробуй—ты думаешь что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому человѣку—самъ ее свяжетъ, назадъ принесетъ“ (сравни „Великаго инквизитора“).

Возвращаясь къ тому, въ какой мѣрѣ было усвоено Д—имъ новое натуралистическое вѣяніе, должно замѣтить, что предѣлы чисто бытового наблюденія Д—аго довольно скромны. Выросши въ атмосферѣ мелкаго чиновничества, наблюдая столичный бытъ, онъ не выходилъ изъ предѣловъ средняго круга интеллигенціи. И самъ Д—ій и его поклонники—сторонники его программы—отстаивали горячо мысль, что онъ въ каторгѣ хорошо изучилъ русскій народъ. На каторгѣ писатель, дѣйствительно, видѣлъ представителей различныхъ слоевъ народа, но, въ смыслѣ широкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, это сближеніе съ народомъ чрезъ людей, выброшенныхъ изъ нормальной колеи, съ одной стороны, несчастныхъ, съ другой—дѣйствительныхъ нравственныхъ уродовъ, было едва ли достаточно. Оно могло дать много для изученія разнообразныхъ типовъ преступности и ея психологіи, и криминалисты (А. Ѳ. Кони и др.) очень высоко ставятъ Д—аго, какъ криминолога. Но о народѣ въ цѣломъ, острогъ все-таки не могъ дать болѣе или менѣе точныхъ и достовѣрныхъ данныхъ и понятій. Мужикъ Марей, Алена Ѳедоровна поразили и тронули дѣтское воображеніе Д—аго. Они выросли для него въ огромный символъ, стали олицетвореніемъ особливо прекрасныхъ чертъ русскаго народа. Но кромѣ символическихъ мужиковъ во снѣ Раскольникова и еще, можетъ-быть, немногихъ мимолетныхъ сценъ, въ произведеніяхъ этого „знатока“ народа вовсе нѣтъ народной жизни въ ея глубокой повседневности, въ отношеніяхъ крестьянина (народъ былъ тогда преимущественно крестьянинъ) къ своему крестьянскому труду, въ міру, къ другимъ сломъ (впрочемъ, послѣднее отмѣчено Д—имъ, какъ окрашенное

одной краской глубокой вражды къ дворянству). Подлинная физіономія „православнаго“ народа рисовалась Д—му подъ предвзятымъ угломъ славянофильскаго вѣрованія въ русскій народъ, какъ въ народъ-христоносецъ по преимуществу. Даже изображеніе Д—имъ (см. „Дневн. писателя“ 1873 года, „Власъ“) отношеній народа къ предмету его религіозныхъ вѣрованій напоминаетъ не дѣйствительное, дѣтски простодушное принятіе религіозной традиціи, а воспаленную религіозную душевную борьбу самого Д—аго.

Вообще Д — ій вводитъ въ свои произведенія бытъ лишь строго въ мѣру необходимости, какъ бы только обставляетъ наскоро сколоченными декораціями быта единственно ему важное и интересное, занимающія его психологическія и моральныя проблемы, и положительно, какъ художникъ-натуралистъ Д—ій ни шагу дальше не сдѣлалъ того, что имъ было усвоено и воспринято въ сороковые годы. Онъ великолѣпно знаетъ Петербургъ, его грязь и слякоть и матеріальную, и нравственную, знаетъ уѣздный и губернскій городъ, но во всемъ этомъ онъ не былъ новъ, и мастерски, и оригинально передаетъ только кошмарныя видѣнія большого города, видѣнія скитающихся по нему интеллигентныхъ пролетаріевъ, какимъ онъ себя постоянно чувствовалъ. До какой степени Д—ій былъ равнодушенъ къ быту, какъ къ самодовлѣющей, достойной воспроизведенія, формѣ жизни, можно видѣть по его большимъ романамъ. Утвердительно приходится сказать, что это романы вполнѣ не современные, тутъ нѣтъ отраженія явленій въ ихъ сколько-нибудь полномъ соотвѣтствіи преобладающимъ настроеніямъ времени. Ни малѣйшаго сравненія не только съ Анной Карениной или романами Тургенева, но даже съ произведеніями П. Боборыкина, какъ отраженіями жизни, по которымъ можно изучать общественные типы и настроенія того или иного момента русской жизни, романы Достоевскаго не выдержатъ. Знаменитое „Преступленіе и наказаніе“ даетъ въ лицѣ Раскольникова до того отвлеченный типъ, что большая часть читателей и критики, не оцѣнившихъ глубины психологическаго содержанія, увидѣла въ этомъ произведеніи просто необыкновенно интересный уголовный романъ и совершенно и по праву не признала тогда въ Раскольниковѣ героя новаго времени, ге-

роя шестидесятыхъ годовъ, несмотря даже на эпизодъ со студентомъ Даниловымъ. Обстановка „Идіота“ также до послѣдней степени условна, и дѣйствіе всего произведенія совершенно такъ же могло бы быть перенесено и въ сороковые, какъ и въ шестидесятые годы. Пикантность современности, рѣшительно ничѣмъ не связанную съ основнымъ ходомъ романа, придаетъ „Идіоту“ исключительно эпизодъ съ кучкой „нигилистовъ“, списанныхъ, повидимому, съ натуры, но превратившихся въ явную карикатуру. Даже романъ „Бѣсы“ съ его обличеніемъ того же нигилизма, перешедшаго на почву политической смуты, и съ положеннымъ въ основу его, что касается политической фабулы, процессомъ Нечаева, былъ прочтенъ, какъ романъ-памфлетъ. Памфлетомъ, не заглянувшимъ глубоко въ историческую сущность явленія, романъ остался и для потомства, но центръ интереса перенесся на чисто психологическіе моменты, нисколько не типическіе для революціонерства начала семидесятыхъ годовъ. Ставрогинъ, Кирилловъ, Шатовъ—вотъ герои, и понынѣ привлекающіе читателя, а не тупой Верховенскій или карикатуры на Тургенева въ лицѣ Кармазинова и человѣка сороковыхъ годовъ въ лицѣ Степана Трофимовича, которому злостно приданы черты, отдаленно напоминающія Грановскаго (біографію послѣдняго Д—ій спеціально прочелъ для „Бѣсовъ“). Наконецъ братья Карамазовы, съ ихъ страстью къ отвлеченнымъ религіознымъ преніямъ, уже менѣе всего соотвѣтствуютъ общественному настроенію конца семидесятыхъ годовъ, когда происходитъ дѣйствіе романа: это—молодежь сороковыхъ годовъ, знавшая наизусть Шиллера по переводамъ 30-хъ годовъ, не желавшая обѣдать, пока не рѣшитъ вопроса о бытіи Божіемъ (извѣстный разсказъ Тургенева о Бѣлинскомъ), а не молодежь той поры, когда такъ исключительно стояли на чредѣ вниманія вопросы политической борьбы и экономическаго освобожденія народной массы.

Само собою разумѣется, Д—ій былъ настолько наблюдателенъ и мастеръ своего дѣла (что блистательно доказалъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“), что умѣлъ затушевывать это несоотвѣтствіе эпохамъ бытовыхъ декорацій и красокъ. Иногда второстепенныя фигуры его романовъ поражаютъ полнотой и

законченностью, именно какъ бытовыя русскія фигуры и типы, какъ художественныя объективныя, вполнѣ живыя и жизненныя созданія. Достоевскій положительно пренебрегъ тою стороною своего художественнаго генія, которую развернулъ въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“. Впрочемъ, это было отчасти и слѣдствіемъ всю жизнь удручавшей его необходимости писать и писать, не думая объ отдѣлкѣ и законченности декорацій и бытовыхъ деталей, тоновъ и пр.

Естественно, что самъ авторъ жестоко страдалъ, видя, какъ не соотвѣтствуютъ замыслу его спѣшныя созданія. Этого рода жалобы нерѣдки въ его письмахъ. Въ воспоминаніяхъ Всеволода Соловьева имѣется, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ огорченъ былъ Д—ій отзывомъ друга о его Макарѣ Ивановичѣ въ „Подросткѣ“ и какъ на словахъ онъ обрисовалъ эту фигуру въ несравненно болѣе яркомъ и оригинальномъ свѣтѣ, нежели то удалось въ дѣйствительно написанномъ романѣ. Какъ мелкіе примѣры несообразностей, вслѣдствіе спѣшной работы, можно указать, что въ „Бѣсахъ“ чиновникъ при губернаторѣ фонъ-Блюмеръ чрезъ нѣсколько страницъ превращается въ Блюма; въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Коля Красоткинъ, сначала сынъ вліятельнаго чиновника, потомъ превращается въ сына вдовы, и т. п.

Д—ій обладалъ замѣчательнымъ критическимъ чутьемъ. Въ его „Дневникѣ писателя“ и письмахъ разсѣяны удивительно мѣткія и тонкія характеристики писателей—напримѣръ, Некрасова, Герцена, Писемскаго, Жоржъ-Зандъ, и т. п. и даже тамъ, гдѣ онъ былъ явно ослѣпленъ страстью и преходящимъ раздраженіемъ, въ его отзывахъ объ отдѣльныхъ людяхъ литературы много требующихъ большого вниманія мѣткихъ чертъ, какъ въ отзывахъ о Бѣлинскомъ (рѣзко въ разное время противорѣчивыхъ) и Тургеневѣ. Вполнѣ способенъ былъ Д—ій и къ той самокритикѣ, которая въ процессѣ художественной работы составляетъ необходимое условіе успѣшности ея. Но онъ писалъ такъ, какъ только можетъ писать геніальный человѣкъ, обуреваемый неудержимымъ наплывомъ образовъ и находящійся подъ гнетомъ матеріальной необходимости, писать, заботясь лишь о томъ, чтобы выразить и выдвинуть на первый планъ самое глав-

ное и существенное, отдѣлать только этотъ первый планъ и кой-какъ набросать все остальное. „Множество отдѣльныхъ романовъ и повѣстей втискиваются у меня въ одинъ, такъ что ни мѣры ни гармоніи,—съ горечью пишетъ онъ Н. Н. Страхову 23 апр. 1871 года. „Весь талантъ уходитъ на одинъ широкій размахъ", писалъ онъ однажды въ молодости про новую литературу, спѣшно удовлетворяющую прессу, что было и его удѣломъ. „На что мнѣ слава, когда я пишу изъ хлѣба"—какъ бы фрондируя своей участью литературной клячи, пишетъ онъ брату въ 1845 г. (24 марта). Онъ разсказываетъ въ письмѣ изъ крѣпости о томъ состояніи крайняго нервнаго возбужденія, въ какомъ только и умѣетъ творить. Правда, въ письмѣ брату отъ 31 мая 1858 года Д—ій подробно излагаетъ, какъ „цѣлые мѣсяцы, годы" передѣлываетъ разъ блеснувшую въ головѣ его мысль или сцену, но это касается лишь идеи, замысла, вынашиваемаго дѣйствительно годами (объ этомъ многочисленны указанія въ его письмахъ), а не обработки формы. Какъ истый романтикъ, онъ ограничивался подолгу мечтами о томъ, какъ осуществить свой замыселъ, и эти мечты самъ Д—ій признаетъ наиболѣе счастливыми моментами своей писательской жизни. А затѣмъ, послѣ набросанныхъ на бумагѣ сжатыхъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, какія опубликованы относительно „Бѣсовъ", и развѣ общаго сценарія (чаще, повидимому, и его не бывало, судя по нестройной архитектурѣ романовъ), начиналось спѣшно изо дня въ день писаніе...

Письмо Страхову отъ 26 февраля 1869 года опредѣленно говоритъ о сознательномъ выборѣ Достоевскимъ въ своихъ творческихъ замыслахъ явленій, кажущихся исключительными. „У меня свой особенный взглядъ на дѣйствительность въ искусствѣ, и то, что большинство называетъ почти фантастическимъ и исключительнымъ, — то для меня иногда составляетъ самую сущность дѣйствительнаго. Обыденность явленій и казенный взглядъ на нихъ по-моему не есть еще реализмъ, а даже—напротивъ. Въ каждомъ номерѣ газеты вы встрѣчаете отчетъ о самыхъ дѣйствительныхъ фактахъ и о самыхъ мудреныхъ. Для писателей нашихъ они фантастичны, да они и не занимаются ими; а между тѣмъ они *факты*. Кто же будетъ ихъ замѣчать, ихъ

разъяснять и описывать? Они поминутны и ежедневны, а не *исключительны*". Это взглядъ, какъ мы сказали, чисто романтическій. Все романтическое теченіе первой четверти XIX вѣка отдавало особое вниманіе неповседневному, ибо въ исключительности, поражающей воображеніе, заключена особая притягательная сила, заманчивая трудность раскрыть смыслъ и происхожденіе исключительнаго, совершившагося по тѣмъ же, однако, законамъ человѣческой души, что и явленія, не привлекающія къ себѣ. Такъ и всѣ крупные романы Достоевскаго имѣютъ въ основѣ какую-нибудь необыкновенную уголовщину, психопатическія осложненія со стороны исключительныхъ натуръ и совершенно необычайныя и фантастическія стеченія обстоятельствъ. Этою стороною своихъ произведеній Д—ій, видимо, очень тѣсно связанъ съ французскимъ романомъ, тѣмъ болѣе, что Д—ій до конца своихъ дней былъ самымъ горячимъ поклонникомъ Виктора Гюго и Бальзака, заслонившихъ для него собою первоначальное вліяніе нѣмецкой романтики. Рѣшаемся мимоходомъ отмѣтить два-три совпаденія съ Бальзакомъ. Французскій авторъ „Человѣческой Комедіи" въ рамкахъ бытового реалистическаго романа, несомнѣнно, чувствовалъ пристрастіе именно къ натурамъ и положеніямъ исключительнымъ, рѣзко выраженнымъ и загадочнымъ. Въ произведеніяхъ Бальзака временами чувствуются какъ бы первообразы нѣкоторыхъ положеній и лицъ у Д—аго. Какъ порожденіе соціальныхъ и моральныхъ противорѣчій времени, Бальзакъ въ „Женщинѣ 30 лѣтъ" даетъ, напримѣръ, такое положеніе: съ дѣвушкою, ожесточенною равнодушіемъ къ ней матери и въ дѣтскихъ лѣтахъ утопившею брата-соперника въ материнской любви, авторъ сводитъ пирата, человѣка по нынѣшней терминологіи стоящаго „внѣ добра и зла", человѣка,—все себѣ позволившаго. Блѣдная тѣнь вѣрующаго и невѣрующаго Ивана Карамазова какъ будто проносится въ „Обѣднѣ атеиста", въ образѣ знаменитаго ученаго, совершеннаго скептика, ежегодно служащаго заупокойную литургію за бѣднаго савояра-водовоза, когда-то помогавшаго ученому въ его студенческіе годы. Баронъ Гюло въ „Бѣдныхъ родственникахъ" можетъ быть сближенъ съ сладострастниками Д—аго. „Вѣчный мужъ" Д—аго невольно вспоминается, когда при чтеніи романа „Отецъ Горіо" вы натал-

киваетесь на эпитетъ этого героя—„вѣчный отецъ“. Старикъ Смитъ въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ даже внѣшностью необычайно напоминаетъ портретъ бальзаковскаго выходца изъ могилы, тупѣющаго въ нищетѣ и униженіи отъ близкихъ, требующаго возстановленія своихъ правъ отъ жены, отъ него отвернувшейся. Но то, что иногда только затронуто у Бальзака, какъ штрихъ большой соціальной картины, у Д—го превращается и разрастается въ углубленную картину великаго и захватывающаго страданія и основныхъ движеній каждой человѣческой души.

Романтикъ по настроенію и цѣлямъ художественнаго творчества, Д—ій былъ все-таки реалистомъ въ своихъ средствахъ. Его проникновеніе въ глубины человѣческаго сознанія мы менѣе всего въ силахъ признать не за правдивое, не за реальное воспроизведеніе душевной жизни его героевъ. Онъ романтикомъ субъективнымъ оставался, однако, и въ этомъ самомъ воспроизведеніи, поскольку не списывалъ своихъ героевъ изъ наблюденій внѣшняго міра, а, наоборотъ, объективировалъ въ нихъ собственную свою душевную борьбу и собственныя свои переживанія во всей исключительной широтѣ ихъ и интенсивности. Въ этомъ отношеніи онъ опять-таки близокъ къ Гоголю, вообще къ тому типу творчества, который есть въ своей глубокой сущности судъ писателя надъ самимъ собою въ образахъ. Къ этому типу принадлежало, какъ извѣстно, творчество Гоголя, а изъ новѣйшихъ писателей положительно признаетъ себя такимъ творцомъ Генрикъ Ибсенъ. Послѣднему принадлежитъ извѣстное опредѣленіе жизни и творчества, идущее особенно къ Достоевскому: „Жить—значитъ вести борьбу съ темными силами души, творить—значитъ вершить судъ надъ самимъ собою“. Это — самое основное въ творчествѣ Д—омъ, все остальное—лишь болѣе или менѣе существенныя, но не первенствующія черты. Мы поэтому не останавливаемся здѣсь на проявленіяхъ въ творчествѣ Д—го болѣзненныхъ сторонъ его личности. Дѣйствительно, его талантъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ „жестокій“, и міръ Д—го населенъ до излишества психопатами, переполненъ какимъ-то изступленнымъ культомъ страданія, его взоръ прикованъ, какъ въ гипнозѣ, къ однимъ и тѣмъ же не-

разрѣшимымъ внѣ живой борьбы и жизни вопросамъ (см. объ этомъ статью Михайловскаго, статьи Чижа и Баженова, „Живую жизнь“ В. Вересаева). Въ связи съ болѣзненной раздражительностью было и отсутствіе въ талантѣ Д—го настоящаго юмора, хотя онъ часто и стремится смѣшить, но его смѣхъ чаще всего только злость неврастеника, а иногда сардонически ужасенъ („Бобокъ“). Чтобы засмѣяться добрымъ и свѣтлымъ смѣхомъ, Д—ій былъ слишкомъ серьезная, запуганная громадностью мірового зла и связанныхъ съ нимъ вопросовъ, натура.

Исходя изъ анализа собственной души, воспроизводя въ образахъ собственную душевную борьбу, Д—ій, тѣмъ не менѣе далекъ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ созданіяхъ, отъ голой автобіографичности. „Записки изъ Мертваго Дома“ воспроизводятъ цѣликомъ его внѣшнюю острожную жизнь и почти не затрагиваютъ тяжелую внутреннюю борьбу религіознаго начала. Къ наиболѣе автобіографическимъ вещамъ принадлежатъ „Униженные и оскорбленные“, „Игрокъ“ и „Подростокъ“. Въ первомъ романѣ автобіографичны подробности о началѣ литературной дѣятельности Ивана Петровича, отъ лица котораго ведется повѣствованіе, и съ натуры списанъ портретъ издателя въ эпилогѣ романа (Краевскій). „Игрокъ“ воспроизводитъ переживанія Д — го, какъ уже сказано, увлекавшагося игрой въ рулетку до самозабвенія. Насколько здѣсь Д—ій торопился, безъ разбору хватая нужныя ему черты прямо изъ личныхъ эпизодовъ, видно изъ того, что онъ не усомнился вложить въ уста героя разсказъ о собственномъ приключеніи, какъ онъ посулилъ плюнуть въ кофе монсиньора кардинала (объ этомъ разсказываетъ баронъ А. Е. Врангель). Вѣроятно, настроенія „Подростка“ были также настроеніями самолюбивой юности Д—го.

Въ лучшихъ вещахъ Д—го, въ противоположность этимъ болѣе слабымъ, мы имѣемъ вполнѣ художественную переработку личныхъ раздумья и впечатлѣній и объективированіе собственныхъ страданій, отъ которыхъ Д—ій и отдѣлывался такимъ путемъ художественнаго воспроизведенія. Мы бы даже, пожалуй, не подозрѣвали этого,—настолько иногда жива и художественна объективація, если бы мы положительно не знали изъ прямыхъ заявленій Д—аго, что въ данное произведеніе имъ вложена личная, имъ пережитая и

преодолѣнная борьба. И какъ разъ, эти произведенія безусловно наиболѣе сильныя въ галлереѣ Д—го. Изъ перваго періода дѣятельности, какъ произведеніе рѣзко субъективное, имъ прямо названа „Неточка Незванова“. Изъ второго періода имѣются прямыя указанія о „Запискахъ изъ подполья“, на мракъ и душевное одичаніе которыхъ Д—ій смотрѣлъ, по его словамъ, какъ на преодолѣнную имъ самимъ ступень (см. воспоминанія В. В. Т—вой). Въ „Идіота“ онъ хотѣлъ вложить собственное идеальное—увы!—непригодное къ жизни пониманіе человѣческаго существа, во всей красотѣ правдивости и братскаго ко всѣмъ чувства. Въ особенности же личной вещью является послѣдній его романъ „Братья Карамазовы“.

Главные дѣйствующія лица этихъ произведеній, а равно и нѣкоторые герои „Преступленія и наказанія“ и „Бѣсовъ“ живутъ въ твореніяхъ Д—аго такой болѣзненно-интенсивною жизнью, отражаютъ столько болѣзненныхъ переживаній его самого, такъ глубокъ и интименъ характеръ ихъ острыхъ столкновеній между собою и до такой степени обнажаютъ они читателю послѣднія глубины человѣческой психики, что нельзя вѣрить, чтобъ эти образы были только проникновеніемъ писателя въ чужую душу, а не отраженіемъ собственнаго огня борьбы въ его душѣ. Всѣ они говорятъ однимъ языкомъ,—языкомъ самого Достоевскаго, и ихъ изумительный діалогъ—верхъ мастерства, блещущій огнемъ скрещивающихся ударовъ діалектическаго поединка, раскрывается, какъ монологъ раздвоенной души, какою была душа Д—го съ ея провалами въ преисподнюю и взлетами въ горній міръ возвышенныхъ идеаловъ. Изумительно странный міръ излюбленныхъ героевъ Д—го, къ которымъ онъ постоянно возвращается, обрабатывая одни и тѣ же положенія, томясь одной борьбою; всѣ его романы съ невѣроятно сложною, втѣсненною въ нихъ на протяженіи иногда немногихъ дней и даже часовъ игрою бурныхъ страстей, событій, контроверзъ и кровавыхъ столкновеній; ощущаемая въ нихъ трагическая, грозная, неумолимая сила тайнаго, закономѣрно надо всѣмъ тяготѣющаго рока и предопредѣленія, и неутолимая жажда свободы,—все это составляетъ въ своей совокупности одно живое цѣлое. Обнять все это, отозваться на вѣчные, здѣсь затронутые, вѣчно каждаго

въ разное время разно трогающіе вопросы бытія значитъ только коснуться необыкновенной души Д—аго. Въ ней, вѣроятно, навсегда останутся не поддающіяся разрѣшенію загадки и тайны.

Послѣднимъ творческимъ замысломъ Д—аго, какъ узнаемъ изъ его мементо 24 декабря 1877 года, было написать „Русскаго Кандида". Рядомъ съ задуманнымъ также жизнеописаніемъ Христа, въ „Русскомъ Кандидѣ" долженъ былъ, повидимому, найти себѣ воплощеніе и положительный исходъ вѣчной духовной борьбы Д—аго съ собою. Отчасти, можетъ-быть, „Русскій Кандидъ" намѣчался въ Алешѣ Карамазовѣ, какъ побѣдителѣ темнаго карамазовскаго начала въ духѣ вѣры и труда и дѣятельнаго подвига. Какъ извѣстно, Кандидъ Вольтера кончаетъ тѣмъ, что послѣ всѣхъ жизненныхъ скитаній, борьбы и фальшивыхъ увлеченій отдается скромной общеполезной работѣ: „Нужно обрабатывать свой садъ!" подобно тому, какъ Фаустъ Гёте кончаетъ и находитъ полное нравственное удовлетвореніе въ томъ, что хочетъ создать благодатный клочокъ земли для мирнаго и плодотворнаго людского труда. Такъ, вѣроятно, и русскій Кандидъ разрѣшалъ бы, въ скромномъ примѣненіи къ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ, вѣчные проклятые вопросы человѣческаго бытія и не менѣе сложные вопросы русской общественной борьбы и строительства жизни.

Весьма вѣроятно, что положительный отвѣтъ Д—го вполнѣ не удовлетворилъ бы насъ, какъ не удовлетворяетъ блѣдный и схематическій Алеша: слишкомъ велика была „заминка" его предвзятыхъ, не обязательныхъ ни для кого общественно-политическихъ представленій. Но какъ Д—ій чувствовалъ необходимость выхода изъ непрерывнаго состоянія душевной борьбы и двойственности, которыми сгорала его душа, и мечталъ о дѣйственномъ идеалѣ Кандида,—такъ и читатель Д—аго рано или поздно чувствуетъ потребность преодолѣнія Д—го, выхода изъ него на просторъ Божьяго міра для созданія веси Божіей. Въ художественныхъ созданіяхъ Д—аго каждый можетъ находить отраженіе той или иной стадіи собственной душевной борьбы, можетъ присоединиться къ его общественной и политической и религіозной положительной программѣ или нѣтъ, но всѣ равно оцѣнятъ, что

безъ такой борьбы заглохло бы развитіе человѣческой совѣсти и мысли.

Говоря словами Гоголя, безъ этихъ побасенокъ, иногда болѣзненныхъ и томительныхъ въ своей исключительности и стихійному ужасу предъ загадками жизни, но всегда страшно серьезныхъ и захватывающихъ, пробуждающихъ и волнующихъ, „міръ задремалъ бы, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души“.

Ч. Вѣтринскій.

II

Хронологическая канва.

1821 г. „Срѣтенскаго Сорока, церкви Петра и Павла, что при больницѣ для бѣдныхъ, тысяча восемьсотъ двадцать перваго года, октября 30 дня родился младенецъ въ домѣ больницы для бѣдныхъ, у штабъ-лекаря Михаила Андреевича Достоевскаго,—сынъ Ѳеодоръ... Крещенъ мѣсяца ноября 4 дня".

1831 г. Пріобрѣтеніе Достоевскими имѣнія въ Тульской губерніи; лѣтнія туда поѣздки семьи.

1834 г. Осенью поступленіе Ѳ. М. Достоевскаго въ московскій частный пансіонъ Л. И. Чермака.

1836 г. Вліяніе учителя словесности. Пушкинъ.

1837 г. 27 февраля. Смерть матери, Маріи Ѳедоровны Достоевской.
„ Весною, поѣздка Ѳ. М. Достоевскаго съ братомъ М. М. въ Петербургъ и поступленіе въ приготовительный пансіонъ К. Ф. Костомарова.
„ Осенью, поступленіе въ главное Инженерное училище.

1837—1843 гг. Годы ученія въ Инженерномъ училищѣ.

1838 г. 18 янв. Вступилъ кондукторомъ въ кондукторскую роту главнаго Инженернаго училища.
„ Лѣто въ лагеряхъ. Увлеченіе Бальзакомъ, В. Гюго, Гофманомъ.
„ Осенью, оставленъ на второй годъ.
„ Зимою, сближеніе съ И. Н. Шидловскимъ и Бережецкимъ.—Шиллеръ.

1839 г. Смерть Мих. А. Достоевскаго.

1840 г. 29 ноября. Съ изволенія Его Имп. Высоч. генералъ-инспектора инженерной части за хорошее поведеніе и знаніе фронтовой службы произведенъ въ унтеръ-офицеры.
„ 27 декабря. По Высоч. повелѣнію переименованъ въ портупей-юнкера.

1841 г. Начало года. Несохранившіеся драматическіе опыты „Марія Стюартъ" и „Борисъ Годуновъ".
„ 5 августа. Произведенъ по экзамену въ полевые инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ въ главномъ Инженерномъ училищѣ, для продолженія полнаго курса наукъ, въ нижнемъ офицерскомъ классѣ (инженерная академія).

1842 г. 11 августа. Произведенъ по экзамену подпоручикомъ съ переводомъ въ верхній офицерскій классъ.

1843 г. 12 августа. Выпущенъ изъ главнаго Инженернаго училища, по окончаніи полнаго курса наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ, на дѣйствительную службу въ инженерный корпусъ.

„ 23 августа. Зачисленъ при с.-петербургской инженерной командѣ, съ употребленіемъ при чертежной инженернаго департамента.

1844 г. Въ концѣ предыдущаго и началѣ 1844 г. переводъ романа Бальзака „Евгенія Грандэ“. Въ теченіе года чтеніе и переводы Жоржъ Зандъ, Сю и пр.

„ Работа надъ „Бѣдными Людьми“.

„ Проектъ драмы (письмо 30 сент. 1844 г.). Подача въ отставку.

„ 19 октября. Высочайшимъ приказомъ уволенъ за болѣзнію отъ службы съ чиномъ поручика.

„ 17 декабря. Исключенъ изъ списковъ с.-петербургской инженерной команды.

1845 г. Половина марта. Окончены въ теченіе зимы, послѣ передѣлки, „Бѣдные люди“ и окончательно отдѣланы въ началѣ мая.

„ Май. Ночной визитъ къ Достоевскому Некрасова и Григоровича и знакомство Достоевскаго съ Бѣлинскимъ.

„ Лѣтомъ поѣздка въ Ревель къ брату М. М.

„ 16 ноября. Письмо къ брату съ разсказомъ объ успѣхѣ въ литературной средѣ.

„ Въ концѣ года проектъ „Зубоскала“. Написанъ „Романъ въ 9 письмахъ“.

1846 г. 15 января. Выходъ въ свѣтъ альманаха Некрасова „Петербургскій сборникъ“, съ первымъ произведеніемъ Достоевскаго „Бѣдные Люди“.

„ Статья Бѣлинскаго о „Бѣдныхъ Людяхъ“ въ „Отеч. Зап.“.

„ 1 февраля. „Двойникъ“. Приключенія г. Голядкина („Отечественныя Записки“, № 2).

„ Не сохранившіяся повѣсти „Сбритыя бакенбарды“ и „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“.

„ „Господинъ Прохарчинъ“ („Отеч. Зап.“, кн. 10).

„ Лѣтомъ поѣздка къ брату въ Ревель.

„ Осенью, хлопоты по проекту изданія собранія и повѣстей.

„ Въ концѣ года Д—ій расходится съ редакціей „Современника“.

1847 г. „Романъ въ 9 письмахъ“, въ „Современникѣ“ Некрасова и Панаева (№ 1). „Хозяйка“ („Отеч. Зап.“, №№ 10 и 12).

„ Отдѣльное изд. „Бѣдныхъ Людей“.

1848 г. Февральская революція въ Парижѣ. Кружки Петрашевскаго и др.

„ „Чужая жена“ („Отеч. Зап.“, № 1), „Слабое сердце“ (ib. № 2), „Разсказы бывалаго человѣка“ (кн. 4), „Елка и свадьба“ (ib. № 10), „Бѣлыя ночи“ (ib., т. 61), „Ревнивый мужъ“ (ib. кн. 12).

1849 г. „Неточка Незванова“ („Отеч. Зап.“, №№ 1—2, 5—6).

„ Мартъ. Прочтеніе на собраніи у Петрашевскаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

„ 23 апрѣля. Арестъ и заключеніе въ Петропавловскую крѣпость.

„ 19 декабря. По Высочайшему повелѣнію, разжалованъ съ отсылкою въ каторжную работу въ крѣпостяхъ.

1849 г. 22 декабря. Обрядъ надъ Петрашевцами и Достоевскимъ лишенія дворянства и смертной казни чрезъ разстрѣляніе.
„ Ночь съ 24 на 25 декабря. Достоевскій закованъ въ кандалы и отправленъ изъ Петербурга въ Сибирь.

1850 г. 11 января. Пріѣздъ въ Тобольскъ. Встрѣча на пересыльномъ дворѣ съ женами декабристовъ.
„ 17 января. Отъѣздъ въ Омскъ.

1850—1854 гг. Отбываніе каторги въ Омскомъ острогѣ.

1854 г. 15 февраля. Окончаніе срока каторжныхъ работъ.
„ 22 февраля. Письмо къ брату съ обзоромъ пребыванія въ каторгѣ.
„ 2 марта. Опредѣленъ по окончаніи срока каторжныхъ работъ рядовымъ въ Сибирскій линейный № 7 баталіонъ (нынѣ пятый Туркестанскій стрѣлковый).
„ Начало марта. Письмо Н. Д. Фонвизиной.
„ Конецъ марта. Прибытіе въ Семипалатинскъ.
„ Май. Стихотвореніе на европейскія событія въ 1854 году.
„ 21 ноября. Пріѣздъ въ Семипалатинскъ барона А. Е. Врангеля.

1855 г. 19 февраля. Восшествіе на престолъ императора Александра II.
„ Стихи на смерть Николая I и на восшествіе на престолъ Александра II (не сохранились).
„ Начало „Записокъ изъ Мертваго Дома“ (письмо Майкову 16 янв. слѣд. года).

1856 г. 15 января. Произведенъ въ унтеръ-офицеры баталіона № 7.
„ 18 января. Письмо А. Н. Майкову (о своихъ убѣжденіяхъ, началѣ воспоминаній о „Мертвомъ Домѣ“ и друг. работахъ).
„ 24 марта. Письмо на имя Э. Тотлебена съ просьбою ходатайствовать о помилованіи, пересланное чрезъ А. Е. Врангеля.
„ 1 октября. По Высоч. повелѣнію, за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ.

1857 г. 6 февраля. День вѣнчанія Достоевскаго въ Одигитріевской церкви города Кузнецка съ М. Д. Исаевою.
„ 18 апрѣля. Сообщеніе командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса Высочайшаго повелѣнія: Достоевскому и законнымъ дѣтямъ его даровать прежнія права по происхожденію, но безъ права на прежнее имущество. Дошло до Достоевскаго въ маѣ.
„ 25 августа. Патентъ на чинъ прапорщика.
„ Въ концѣ года подача Достоевскимъ прошенія объ отставкѣ, съ указаніемъ, что жить намѣренъ въ Москвѣ.
„ Маленькій герой („Отеч. Зап.“, кн. 8, за подписью *М—ій*).

1859 г. 18 марта. Увольненіе за болѣзнью отъ службы, подпоручикомъ, съ распоряженіемъ о жительствѣ въ Твери. Дошло въ маѣ.
„ „Дядюшкинъ Сонъ“ („Русское Слово“, № 3).
„ 30 іюня. Выданъ временный билетъ на проѣздъ въ Тверь до выдачи паспорта.
„ 2 іюля. Отъѣздъ изъ Семипалатинска.
„ Осень въ Твери. Подача прошенія на Высочайшее имя о разрѣшеніи свободнаго жительства. Работа надъ „Мертвымъ Домомъ“.
„ „Село Степанчиково и его обитатели“ („Отеч. Зап.“ №№ 11 и 12).
„ Въ концѣ ноября разрѣшеніе оставить Тверь, и тогда же—переѣздъ въ Спб.

1860 г. Выходъ собранія сочиненій въ двухъ томахъ, въ Москвѣ, въ изд. Н. А. Основскаго.

„ Работа надъ „Униженными и оскорбленными".

1861 г. Участіе въ изданіи журнала „Время".

„ „Униженные и оскорбленные" въ печати („Время" кн. 1—7 и отд. изд.).

1861—1862 гг. Появленіе „Записокъ изъ Мертваго Дома" („Время", 1861, 4, 9—11 и 1862, 1—3, 5 и 12; также: „Русскій Міръ" 1861 г. №№ 1, 3, 7).

„ „Скверный анекдотъ" („Время", № 11).

1862 г. Два отдѣльныхъ изданія „Записокъ изъ Мертваго Дома".

„ 7 и 8 іюня. Отъѣздъ за границу. Пребываніе въ Парижѣ, Лондонѣ (свиданіе съ Герценомъ), Женевѣ.

1863 г. „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ" („Время", кн. 2—3).

„ Въ маѣ закрыто „Время" на 4-й книгѣ за статью Н. Страхова „Нерѣшенный вопросъ", о Польшѣ.

„ Поѣздка лѣтомъ за границу. Римъ. Проектъ „Игрока".

„ Зима и начало слѣд. года въ Москвѣ у постели М. Д. Достоевской.

1864—1865 гг. Работы по изданію журнала „Эпоха", замѣнившаго „Время".

1864 г. 24 марта. Выходъ первой книги „Эпохи".

„ „Записки изъ подполья" („Эпоха", кн. 1—2 и 4).

„ 16 апрѣля. Смерть М. Д. Достоевской.

„ 10 іюня. Смерть Михаила М. Достоевскаго.

„ 25 сентября. Смерть Аполлона Григорьева.

1865 г. Необыкновенное событіе или пассажъ въ пассажѣ" („Эпоха", кн. 2).

„ 31 марта—14 апрѣля. Письмо барону А. Е. Врангелю послѣ банкротства „Эпохи".

„ Въ концѣ іюля отъѣздъ за границу. Начало „Преступленія и наказанія".

„ Осень въ Висбаденѣ. — Поѣздка въ октябрѣ въ Копенгагенъ къ А. Е. Врангелю.

„Ноябрь. Возвращеніе въ Россію. — Продажа авторскаго права Стелловскому.

1865—1866 гг. Полное собраніе соч. Спб. 3 тома, изд. Стелловскаго (въ этомъ собраніи „Игрокъ", впервые здѣсь напечатанный), а также рядъ изданій отдѣльныхъ произведеній, Стелловскаго же.

1866 г. „Преступленіе и наказаніе" („Русскій Вѣстникъ", 1—2, 4, 6, 8, 11—12) и отд. изданіе.

„ Лѣто на дачѣ подъ Москвою въ Люблинѣ, гдѣ писалась вторая половина „Преступленія и наказанія".

„ Въ концѣ года писаніе романа „Игрокъ" и знакомство со стенографисткой Анной Григорьевной Сниткиной.

1867 г. 15 февраля. Второй бракъ съ А. Г. Сниткиной, въ Петербургѣ.

1867—1871 гг. Годы заграничной жизни.

1867 г. 14 апрѣля отъѣздъ за границу. Два мѣсяца въ Дрезденѣ.

„ Не сохранившаяся статья о Бѣлинскомъ.

„ 16 (28) авг. Письмо Аполлону Майкову о столкновеніи съ Тургеневымъ и проигрышахъ въ рулетку.

„ Задуманъ „Дневникъ писателя" (письмо къ Хмыровой — 29 сент.)

1867 г. Въ концѣ года начатъ „Идіотъ“.
„ Вышли третье изд. „Записокъ изъ Мертваго Дома“ и второе и третье „Преступленія и наказанія“.

1868 г. „Идіотъ“ („Русскій Вѣстникъ“, кн. 1, 2, 4—12) и отдѣльное изданіе.
„ Лѣто—въ Швейцаріи, затѣмъ въ Италіи.
„ Въ концѣ года идея романа „Атеизмъ“ (прототипъ „Братьевъ Карамазовыхъ), письма о томъ Майкову 11 (23) декабря и Хмыровой 8 марта 1869 г.

1869 г. Начало года во Флоренціи. „Заря“ и увлеченіе книгой Н. Данилевскаго „Россія и Европа“.
„ Со второй половины года жизнь въ Дрезденѣ.

1870 г. „Вѣчный мужъ“ („Заря“, 1—2).
„ Начато писаніе романа „Бѣсы“.
„ 4-е изданіе „Прест. и нак.“.

1871—1872 гг. „Бѣсы“ („Русск. Вѣст.“, 71 г. 1—2, 4, 7, 9—12 и 72 г. 11 и 12).

1871 г. 8 іюля возвращеніе въ Петербургъ изъ-за границы. Продолженіе работы надъ „Бѣсами“.

1872 г. Проектъ путешествія на Востокъ.
„ Отдѣльное изд. повѣсти „Вѣчный мужъ“.

1873 г. Редактированіе газеты „Гражданинъ“ и въ ней „Дневникъ писателя“ (XVI главъ) и „Иностранныя событія“.
„ Отд. изданіе романа „Бѣсы“, Спб.
„ „Маленькія картины“ въ благотворительномъ въ пользу голодающихъ самарцевъ сборникѣ „Складчина“.

1874 г. Въ концѣ марта арестъ за упущеніе въ соблюденіи цензурныхъ правилъ.
„ Осень и зима въ Старой Руссѣ (также и весна слѣд. года).
„ Второе изданіе „Идіота“, Спб.
„ Начало „Подростка“.

1875 г. „Подростокъ“ („Отеч. Зап.“ 1, 2, 4, 5, 9, 11 и 12), и отд. изд.
„ Четвертое изданіе „Записокъ изъ Мертваго Дома“.
„ Лѣто въ Эмсѣ.

1876—1877 гг. „Дневникъ писателя“.

1876 г. Лѣто въ Эмсѣ.
„ Іюньскій номеръ „Дневника“ о восточномъ вопросѣ, profession de foi.
„ Отд. изд. „Подростка“.

1877 г. „Кроткая“, разсказъ въ „Русскомъ Сборникѣ“, приложеніи къ журналу „Гражданинъ“, т. I, ч. I и II.
„ Лѣто въ Курской губерніи.
„ 24 декабря. Memento на всю жизнь.

1878 г. Лѣтомъ начатъ романъ „Братья Карамазовы“.
„ Четвертое изд. „Преступленія и наказанія“.

1879—1880 гг. „Братья Карамазовы“ („Русск. Вѣст.“ 79 г.—1, 2, 4—6, 8—11; 80 г.—1, 4, 7—11), а также и отд. изданіе.

1879 г. Второе изданіе „Дневника писателя“ за 1876 г.
„ Пятое изданіе ром. „Униженные и оскорбленные“.
„ Іюнь. Поѣздка съ Влад. Соловьевымъ въ Оптину Пустынь.

1880 г. 25 мая. Обѣдъ московскихъ литераторовъ въ „Эрмитажѣ“ въ честь Ѳ. М. Достоевскаго.

„ 6—8 іюня. Пушкинскія торжества при открытіи памятника въ Москвѣ.

„ 8 іюня. Рѣчь Достоевскаго въ засѣданіи Общества любителей росс. словесности (тогда же напечатана въ рядѣ изданій).

„ „Дневникъ писателя“, единств. выпускъ этого года, два изданія.

„ Участіе въ „чтеніяхъ произведеній Пушкина“ въ пользу литерат. фонда (19 и 26 октября).

1881 г. 28 января, въ 8 час. 38 м. веч. Д. скончался.

„ 31 января, торжественное погребеніе на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ.

III.

Изъ воспоминаній и писемъ современниковъ о Достоевскомъ.

Дѣтство и учебные годы.

(Изъ „Матеріаловъ для жизнеописанія“ О. Ѳ. Миллера.)

Едва ли не самымъ раннимъ воспоминаніемъ Ѳ. М. было, какъ однажды няня привела его, лѣтъ около трехъ, при гостяхъ въ гостиную, заставила стать на колѣни передъ образами и, какъ это всегда бывало, на сонъ грядущій прочесть молитву: „Все упованіе, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ Своимъ“. Гостямъ это очень понравилось, и они говорили, лаская его: „Ахъ, какой умный мальчикъ!“ Воспоминаніе это врѣзалось въ его память, молитву же ту онъ твердилъ всю жизнь и ею же напутствовалъ ко сну своихъ собственныхъ дѣтей. Ѳедоръ Михайловичъ вспоминалъ также, что держали ихъ строго и рано начинали учить. Его уже четырехлѣтнимъ сажали за книжку и твердили: „Учись!“, а на воздухѣ было такъ тепло, хорошо, такъ и манило въ большой и тѣнистый больничный садъ! Зато, когда отецъ уѣзжалъ на практику, мать отпускала дѣтокъ на волю.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ Андрея Михайловича Достоевскаго, брата Ѳедора Михайловича:

„Отецъ нашъ, штабъ-лѣкарь Михаилъ Андреевичъ Достоевскій, по окончаніи курса медицины въ существовавшей тогда Московской медицинской академіи въ 1812 г., былъ зачисленъ медикомъ въ военную службу, а по окончаніи войны служилъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ. Въ 1819 г. онъ женился на дочери московскаго купца Ѳедора Тимоѳеевича Нечаева, Маріѣ Ѳедоровнѣ; а въ 1820 г. родился старшій братъ нашъ Михаилъ. Въ концѣ 1820 г. отецъ перешелъ изъ военнаго вѣ-

домства въ гражданское и поступилъ врачомъ, съ званіемъ штабъ-лѣкаря, въ московскую Маріинскую больницу, гдѣ и родился братъ Ѳедоръ Михайловичъ и всѣ остальныя дѣти, кромѣ послѣдней младшей сестры нашей".

„Квартира, занимаемая отцомъ, была въ нижнемъ этажѣ. Отецъ нашъ, уже семейный человѣкъ, имѣвшій въ то время 4—5 человѣкъ дѣтей, пользуясь штабъ-офицерскимъ чиномъ, занималъ квартиру, состоящую собственно изъ двухъ комнатъ, кромѣ передней и кухни. При входѣ, какъ обыкновенно, была передняя въ одно окно, отъ которой задняя часть отдѣлялась досчатой столярной перегородкой; образовавшаяся отъ сего полутемная комнатка служила дѣтскою для двухъ старшихъ братьевъ (т.-е. для Михаила и Ѳедора Михайловичей). Далѣе залъ,—довольно помѣстительная комната о 2-хъ окнахъ на улицу и 3-хъ на чистый дворъ. Потомъ—гостиная въ два окна на улицу, отъ которой таковою же перегородкою было отдѣлено полусвѣтлое помѣщеніе для спальни. Вотъ и вся квартира. Впослѣдствіи, когда семейство наше увеличилось, прибавили къ квартирѣ еще одну комнату. Обстановка квартиры была очень скромная.

„День проходилъ въ нашемъ семействѣ по разъ заведенному порядку,—одинъ какъ другой. Вставали утромъ рано, часовъ въ 6. Въ восьмомъ часу отецъ выходилъ уже въ больницу или въ „палату", какъ у насъ говорилось. Въ 9 часовъ утра отецъ, возвратившись изъ больницы, ѣхалъ сейчасъ же въ объѣздъ своихъ городскихъ паціентовъ, или, какъ у насъ говорилось, „на практику". Въ его отсутствіе мы, дѣти, занимались уроками. Возвращался отецъ постоянно почти въ 12 часовъ, и сейчасъ же обѣдали. Въ 4 часа дня пили вечерній чай, послѣ котораго отецъ вторично шелъ въ палату къ больнымъ. Вечера проводились въ гостиной, и ежели отецъ не былъ занятъ „скорбными листами", то читали вслухъ. Въ праздничные дни, въ особенности въ святки, въ той же гостиной иногда играли, при участіи родителей, въ карты—въ короли, при чемъ братъ Ѳедоръ, по юркости своего характера, всегда уловчался сдѣлать какой-нибудь обманъ, въ чемъ и бывалъ не разъ уличаемъ. Въ девятомъ часу вечера, аккуратно, накрывался ужинный столъ и, поужинавъ, мы, мальчики, становились передъ образомъ; прочитавъ молитвы и простившись съ родителями, отходили ко сну.

„Посторонніе, или такъ называемые гости, у насъ появлялись очень рѣдко, въ особенности по вечерамъ. Все знакомство родителей ограничивалось, большею частію, утренними визитами. Когда же изрѣдка случалось, что родители выѣдутъ вечеромъ въ гости, то игры наши дѣлались болѣе шумными и разнообразными. Впрочемъ, отсутствіе родителей никогда не было продол-

жительнымъ; въ 9—10 часовъ вечера они, непремѣнно, возвращались.

„Въ лѣтнюю пору въ домашнемъ препровожденіи времени появлялось нѣкоторое разнообразіе, а именно совершались семейныя вечернія прогулки. Домъ московской Маріинской больницы находился на Божедомкѣ, между зданіями двухъ женскихъ институтовъ—Екатерининскаго и Александровскаго, и вблизи Марьиной рощи. Эта роща была всегдашнею цѣлью нашихъ лѣтнихъ прогулокъ. Часовъ въ 7 вечера, мы всѣ, дѣти съ родителями и по большей части съ другими обитателями Маріинской больницы, отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часового, стоявшаго при ружьѣ и въ полной солдатской формѣ у воротъ Александровскаго института, принято было за непремѣнную обязанность давать этому часовому копейку или грошъ; но подача эта дѣлалась не въ руку, а просто бросалась подъ ноги. Прогулки происходили весьма чинно, и дѣти даже за городомъ, въ Марьиной рощѣ, не позволяли себѣ порѣзвиться, побѣгать. Въ прогулкахъ этихъ отецъ всегда разговаривалъ съ дѣтьми о предметахъ, могущихъ развить ихъ. Такъ, помню неоднократныя наглядныя толкованія его о геометрическихъ началахъ, объ острыхъ, тупыхъ и прямыхъ углахъ, кривыхъ и ломаныхъ линіяхъ, каковыя въ московскихъ кварталахъ встрѣчаются почти на каждомъ шагу.

„Къ числу лѣтнихъ разнообразныхъ дѣлъ нужно отнести также ежегодныя посѣщенія Троицкой лавры. Но это было въ самое раннее наше дѣтство, такъ какъ съ покупкой родителями въ 1831 г. своего имѣнія поѣздки къ Троицѣ прекратились. Я помню одно только такое путешествіе къ Троицѣ, въ которомъ участвовалъ и я. Ѣздили „на долгихъ“, останавливаясь по цѣлымъ часамъ почти на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь останавливаются на 2—3 минуты. У Троицы проводили дня два, посѣщали всѣ церковныя службы и, накупивъ игрушекъ, тѣмъ же порядкомъ возвращались домой, употребивъ на все путешествіе дней 5—6. Отецъ по служебнымъ обязанностямъ въ этихъ путешествіяхъ не участвовалъ, а мы ѣздили только съ матушкой и съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

„Въ театрахъ родители наши почти никогда не бывали, и я помню всего одинъ или два раза, когда на большіе праздники бралась ложа, и мы всѣ, дѣти, ѣздили вмѣстѣ съ родителями въ театръ. Но при этомъ пьесы выбирались съ большимъ разборомъ. Помню, что одинъ разъ мы видѣли „Жако, или Бразильскую обезьяну“. Не совсѣмъ припоминаю сюжетъ этой пьесы, но въ памяти моей сохранилось только то, что артистъ, игравшій обезьяну, былъ замѣчательный эквилибристъ; братъ Ѳедоръ

долгое время бредилъ имъ и пытался подражать ему. Это было еще въ самыхъ раннихъ годахъ его дѣтства".

Самъ Ѳ. М. разсказывалъ Аннѣ Григорьевнѣ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на него, десятилѣтняго, представленіе совершенно другого рода — „Разбойниковъ" Шиллера, съ Мочаловымъ въ главной роли.

„Ежели мы рѣдко бывали въ театрахъ,—продолжаетъ Андрей Михайловичъ,—то зато въ балаганахъ московскихъ на праздники и на масленицу мы бывали постоянно. У насъ былъ дѣдушка (родной дядя матери) Василій Михайловичъ Котельницкій. Онъ былъ профессоромъ Московскаго университета по одной изъ каѳедръ медицинскаго факультета; былъ бездѣтенъ и имѣлъ свой собственный деревянный домъ „подъ Новинскимъ". Этотъ-то дѣдушка, очень уважаемый родителями и очень любившій насъ, дѣтей, кажется, поставилъ родителямъ въ обязательство, чтобы во время праздниковъ и масленицы мы всѣ приходили къ нему на цѣлый день. Такъ какъ всѣ балаганы были почти около его дома, то дѣдъ и водилъ насъ въ эти балаганы по своему выбору. Родители наши уже не сопутствовали намъ въ этихъ прогулкахъ, вполнѣ довѣряя насъ дѣду.

„Родители наши были люди весьма религіозные, въ особенности матушка. Всякое воскресенье и большой праздникъ мы обязательно ходили въ церковь къ обѣднѣ, а наканунѣ ко всенощной. Исполнять это было удобно, такъ какъ у насъ была очень большая и хорошая церковь.

„При больницѣ находился большой и красивый садъ, съ многочисленными липовыми аллеями и содержащимися въ большой чистотѣ дорожками. Этотъ-то садъ и былъ почти нашимъ жилищемъ въ лѣтнее время. Тамъ мы чинно прогуливались съ нянею или, усѣвшись на скамейкахъ, проводили цѣлые часы. Тамъ же происходили и наши дѣтскія игры. Играть, впрочемъ, позволялось только въ лошадки; игры же въ мячъ, и въ особенности при помощи палокъ, какъ-то въ лапту и проч., строго воспрещались, какъ игры опасныя и неприличныя. Въ больницѣ, кромѣ насъ, было много жильцовъ, докторовъ и прочихъ служащихъ; но, сколько запомню, въ семействахъ этихъ не было дѣтей намъ сверстниковъ, дѣти были или старше насъ или совсѣмъ маленькія, а потому мы поневолѣ довольствовались только играми между собою, которыя и были очень однообразны. Разъ намъ удалось видѣть на какомъ-то гуляньѣ бѣгуна, который за деньги показывалъ свое искусство бѣгать. При этомъ онъ во рту держалъ конецъ платка, напитаннаго какимъ-то спиртнымъ веществомъ. Я помню, что братъ Ѳедоръ долгое время представлялъ этого бѣгуна и неутомимо бѣгалъ по садовымъ аллеямъ, держа

во рту тоже конецъ носового своего платка". (Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что Ѳ. М., по его собственнымъ словамъ, любилъ въ дѣтствѣ выказываться силою, ловкостью и т. п.). „Въ больничномъ саду прогуливались также и больные или въ суконныхъ верблюжьяго цвѣта халатахъ или въ лѣтнихъ тиковыхъ, смотря по погодѣ, но всегда бѣлыхъ, какъ снѣгъ, колпакахъ, вмѣсто фуражекъ, и въ башмакахъ или туфляхъ безъ задковъ. Братъ Ѳедоръ очень любилъ какъ-нибудь украдкою вступать въ разговоры съ этими больными, въ особенности ежели попадались мальчики; но это строго преслѣдовалось, и отецъ былъ весьма недоволенъ, ежели до него доходили объ этомъ слухи".

Отецъ, по воспоминаніямъ родственниковъ, вообще былъ строгъ, и нянѣ Аленѣ Фроловнѣ не разъ приходилось скрывать отъ него вины дѣтей и вообще защищать ихъ отъ родительской грозы.

„Болѣе разнообразныя игры наши,—продолжаетъ Андрей Михайловичъ,—происходили въ деревнѣ, въ позднѣйшее уже время. Купленная нашими родителями въ 1831 г. деревня находилась въ Тульской губерніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, въ 150 верстахъ отъ Москвы. Въ эту-то деревню каждою раннею весною матушка наша переселялась на цѣлое лѣто хозяйничать. Отецъ по служебнымъ обязанностямъ оставался въ Москвѣ, пріѣзжая только на нѣсколько дней въ срединѣ лѣта. Въ первые годы, когда еще старшіе братья не были въ пансіонѣ, мы всѣ сопутствовали матери и проводили все лѣто въ деревнѣ. Поѣздка въ деревню для насъ, дѣтей, составляла эпоху, которой мы дожидались съ нетерпѣніемъ. Ѣздили обыкновенно на своихъ деревенскихъ же лошадяхъ, которыя нарочно пріѣзжали за нами съ крестьяниномъ Семеномъ Широкимъ, слывшимъ за лучшаго наѣздника, любителя и знатока лошадей. Совершали эту поѣздку обыкновенно въ двое сутокъ—на третьи. Во время поѣздокъ этихъ братъ Ѳедоръ бывалъ въ какомъ-то лихорадочномъ настроеніи. Онъ всегда избиралъ мѣсто сидѣнія на облучкѣ. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой братъ не соскочилъ бы съ брички, не обѣгалъ бы близлежащей мѣстности или не повертѣлся бы съ Семеномъ Широкимъ около лошадей.

„Въ деревнѣ мы постоянно почти были на воздухѣ и, исключая игръ, проводили цѣлые дни на поляхъ, присутствуя и приглядываясь къ труднымъ полевымъ работамъ. Всѣ крестьяне любили насъ очень, въ особенности брата Ѳедора. Онъ, по своему живому характеру, брался за все: то попроситъ водить лошадь съ бороной, то погоняетъ лошадь, идущую въ сохѣ и т. п. Лю-

билъ онъ также вступать въ разговоры съ крестьянами, которые всегда охотно съ нимъ говорили; но вѣрхомъ удовольствія его было исполнить какое-либо порученіе, или сдѣлать одолженіе, и быть чѣмъ-нибудь полезнымъ. Я помню, что одна крестьянка, вышедшая на поле жать, вмѣстѣ съ маленькимъ ребенкомъ въ люлькѣ, пролила нечаянно жбанчикъ воды, и бѣднаго ребенка нечѣмъ было напоить. Братъ сейчасъ же взялъ жбанчикъ, сбѣгалъ въ деревню (версты $1^1/_2$) за водою и принесъ, къ радости матери, полный жбанъ воды. Онъ самъ зналъ, что его любили. Сцена, описанная имъ съ такою теплотою въ „Дневникѣ писателя“ съ крестьяниномъ Мареемъ [1]) достаточно рисуетъ эту любовь.

„Имѣніе наше состояло изъ двухъ небольшихъ деревенекъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ $1^1/_2$ верстахъ; въ одной, а именно сельцѣ Даровое, мы жили, а другая называлась Чермашня [2]). Въ эту Чермашню мы хаживали очень часто пѣшкомъ, а братъ Ѳедоръ иногда ѣздилъ верхомъ. Онъ очень любилъ, когда матушка давала какое-либо порученіе, чтобы сообщить что-либо въ Чермашню, и всегда вызывался исполнить это порученіе.

„Въ заключеніе краткихъ своихъ воспоминаній о деревнѣ, я не могу не упомянуть о дурочкѣ Аграфенѣ. Въ деревнѣ, у насъ была дурочка, не принадлежавшая ни къ какой семьѣ; она все время проводила, шляясь по полямъ, и только въ сильные морозы зимой ее насильно пріючивали къ какой-либо избѣ. Ей уже было тогда лѣтъ 20—25; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминаетъ постоянно о ребенкѣ, похороненномъ на кладбищѣ. Читая въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ исторію Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминалъ нашу дурочку Аграфену [3]).

„Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ насъ такъ называемой грамотѣ, т.-е. азбукѣ,—говоритъ А. М. Достоевскій,—занималась

---

[1]) Крестьянинъ Марей—лицо дѣйствительно существовавшее: это былъ красивый мужикъ, выше среднихъ лѣтъ (40—45), брюнетъ съ окладистою бородою, въ которую пробивалась уже сѣдина. Онъ считался въ деревнѣ большимъ знатокомъ рогатаго скота, и когда приходилось покупать на ярмаркѣ коровъ, то всегда посылали Марея.

[2]) Названіе Чермашня встрѣчается въ послѣднемъ романѣ Д—аго. „Братья Карамазовы“. Такъ названо имѣніе старика Карамазова, куда онъ даетъ порученіе старшему своему сыну Ивану Ѳед., по поводу продажи лѣсной дачи.

[3]) Ѳедоръ Михайловичъ и самъ подробно вспоминалъ о своемъ дѣтскомъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ и о значеніи ея въ его жизни въ „Дневникѣ писателя“. См. „Дн.“ за 1876 г. февраль и апрѣль, и за 1877 г. іюль—августъ, эпизоды о мужикѣ Мареѣ, объ Аленѣ Фроловнѣ, разсказы о „мученикахъ и подвижникахъ“. *Ч. В—ій.*

наша матушка. Азбуку учили не по-нынѣшнему: *а*, *б*, *в* и т. д., а выговаривали по-старинному, т.-е. *азъ*, *буки*, *вѣди*... Послѣ буквъ слѣдовали склады: двойные, тройные, четверные и чуть ли не пятерные, въ родѣ тѣхъ, которые часто и выговаривать было трудно. Когда премудрость эта уже постигалась, тогда приступали къ постепенному чтенію. Конечно, я не помню, какъ учились азбукѣ старшіе братья, и эти воспоминанія относятся ко мнѣ лично. Но такъ какъ учительница была одна (наша мать), и даже руководство или азбука преемственно перешла отъ старшихъ ко мнѣ, то я имѣю основаніе предполагать, что и братья начинали ученіе тѣмъ же способомъ. Первою книгою для чтенія была у всѣхъ насъ одна. Это священная исторія ветхаго и новаго завѣта на русскомъ языкѣ (кажется переведенная съ нѣмецкаго сочиненія Гибнера). Она называлась собственно: „Сто четыре священныхъ исторіи ветхаго и новаго завѣта“. При ней было нѣсколько довольно плохихъ литографій съ изображеніемъ сотворенія міра, пребыванія Адама и Евы въ раю, потопа и прочихъ главныхъ священныхъ фактовъ. Помню, какъ въ недавнее уже время, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ, я, разговаривая съ братомъ Ѳ. М. про наше дѣтство, упомянулъ объ этой книгѣ, и съ какимъ онъ восторгомъ объявилъ мнѣ, что ему удалось разыскать этотъ же самый экземпляръ книги (т.-е. нашъ дѣтскій), и что онъ бережетъ ее какъ святыню.

„Какъ я начинаю себя помнить, я засталъ уже братьевъ умѣющими читать и писать и приготовляющимися къ поступленію въ пансіонъ.

„Для подготовленія къ такому пансіону, двухъ старшихъ братьевъ отдали на полупансіонъ къ Н. И. Драшусову, куда они ѣздили въ продолженіе цѣлаго года или даже болѣе ежедневно по утрамъ и возвращались къ обѣду. У Драшусова былъ маленькій пансіонъ для приходящихъ; онъ самъ занимался французскимъ языкомъ, два взрослыхъ сына его занимались преподаваніемъ математики и словесныхъ предметовъ, и даже жена его Евгенія Петровна, кажется, что-то преподавала. Но въ этомъ скромномъ пансіонѣ некому было заниматься латинскимъ языкомъ, а потому подготовленіе братьевъ по этому предмету принялъ на себя самъ отецъ. Помню даже утро, въ которое онъ, ѣздивши на практику, купилъ латинскую грамматику Бантышева и отдалъ ее братьямъ. И вотъ съ этого времени каждый вечеръ отецъ началъ заниматься съ братьями латынью. Разница между отцомъ-учителемъ и посторонними учителями, ходившими къ намъ, была та, что у послѣднихъ ученики сидѣли въ продолженіе всего урока; у отца же братья, занимаясь нерѣдко по часу и болѣе, не смѣли не только сѣсть, но даже и облокотиться на

столъ. Стоятъ, бывало, какъ истуканчики, склоняя по очереди *mensa, mensae...* или спрягая *amo, amas, amat!..* Братья очень боялись этихъ уроковъ, происходившихъ всегда по вечерамъ. Отецъ, при всей своей добротѣ, былъ чрезвычайно взыскателенъ и нетерпѣливъ; а главное очень вспыльчивъ". (По воспоминаніямъ нѣкоторыхъ родственниковъ, онъ былъ человѣкъ угрюмый, нервный, подозрительный.) „Бывало, чуть какой-либо со стороны братьевъ промахъ, — такъ сейчасъ и разразится крикъ. Замѣчу тутъ кстати, что, несмотря на вспыльчивость отца, въ семействѣ нашемъ принято было обходиться съ дѣтьми очень гуманно: насъ не только не наказывали тѣлесно,—никогда и никого,—но даже я не помню, чтобы когда-либо старшихъ братьевъ ставили на колѣни или въ уголъ. Главнѣйшимъ наказаніемъ для насъ было то, что отецъ вспылитъ. Такъ и при латинскихъ урокахъ: при малѣйшемъ промахѣ со стороны братьевъ, отецъ разсердится, обзоветъ ихъ лѣнтяями, тупицами, въ крайнихъ же случаяхъ даже броситъ занятіе, недокончивъ урока, что считалось уже хуже всякаго наказанія.

„Вѣроятно, это гуманное отношеніе къ намъ, дѣтямъ, со стороны родителей и было поводомъ къ тому, что при жизни своей они не рѣшались помѣстить насъ въ гимназію, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназіи не пользовались въ то время хорошею репутаціею, и въ нихъ существовало обычное и заурядное, за всякую малѣйшую провинность, наказаніе тѣлесное. Вслѣдствіе чего и были предпочтены частные пансіоны. Когда подготовленіе братьевъ было окончено, то они поступили въ пансіонъ Леонтія Ивановича Чермака, съ начала учебнаго курса 1834 года.

„Пансіонъ Л. И. Чермака былъ однимъ изъ старинныхъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, въ то уже время онъ существовалъ болѣе 20 лѣтъ. Помѣщался онъ на Новой Басманной, въ домѣ бывшемъ княгини Касаткиной (нынѣ Алексѣева), возлѣ Басманной полицейской части. Я не былъ одновременно съ братьями въ этомъ пансіонѣ, но, поступивъ въ него вслѣдъ за братьями, т.-е. въ 1837 г., и пробывъ въ немъ болѣе трехъ лѣтъ, я въ правѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ пансіонѣ, гдѣ и братъ провелъ около трехъ лѣтъ. Въ заведеніе это принимались дѣти, большею частію, на полный пансіонъ, т.-е. находились тамъ въ теченіе цѣлой недѣли, возвращаясь домой (ежели было куда) на время праздниковъ.

„Подборъ хорошихъ преподавателей и строгое наблюденіе за исправнымъ и своевременнымъ приходомъ ихъ, и въ то же время присутствіе характера семейственности, напоминающаго дѣтямъ хотя отчасти ихъ домъ и домашнюю жизнь,—вотъ по-моему идеалъ закрытаго воспитательнаго заведенія. Пансіонъ Л И.

Чермака былъ близокъ къ этому идеалу. Говорю только „близокъ“, потому что совершенства нѣтъ ни въ чемъ. Преподавателями въ пансіонъ избирались только лица, зарекомендованныя казенными инспекторами, а въ послѣднее время, въ высшемъ классѣ, преподавали даже профессора университета, напримѣръ, Дм. Матв. Перевощиковъ по математикѣ, И. И. Давыдовъ по словесности и другіе.

„Чермакъ содержалъ свой почти образцовый пансіонъ болѣе чѣмъ 25 лѣтъ; ученики изъ его пансіона были лучшими студентами въ университетѣ, и въ заведеніи его получили начальное воспитаніе люди, сдѣлавшіеся впослѣдствіи видными общественными дѣятелями. Помимо Ѳ. М. Достоевскаго, я могу указать на Губера, Геннади“.

Самъ Ѳ. М. указывалъ на то, что съ нимъ вмѣстѣ учились въ пансіонѣ Чермака Шумахеръ, сынъ профессора Каченовскаго и Мюльгаузенъ (бывшій потомъ ректоромъ Московскаго университета).

„Итакъ, съ 1834 г. старшіе братья начали ѣздить на цѣлую недѣлю въ пансіонъ. Старшая сестра тоже была отдана около этого времени въ пансіонъ. Родителями рѣшено было, чтобы братья и сестра мои по праздникамъ раздѣляли между собою труды по обученію меня различнымъ предметамъ. На долю старшаго брата Михаила отецъ отнесъ ариѳметику и географію; на долю брата Ѳедора пали исторія и русскій языкъ, а сестрѣ поручено было заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками. Учительскія отношенія ко мнѣ братьевъ и сестры нисколько не измѣнили нашихъ братскихъ, доселѣ существовавшихъ, отношеній. Въ субботу съ утра чувствовалось уже прибытіе всей семьи подъ родной кровъ. И родители дѣлались нѣсколько веселѣе, и къ столу приготовлялось кое-что лишнее,—однимъ словомъ, пахло чѣмъ-то праздничнымъ. Въ этотъ день и неизмѣняемое время обѣда (12 час.) поневолѣ измѣнялось. Покуда лошади поѣдутъ съ Божедомки на Басманную, покуда соберутся братья и пріѣдутъ, проходитъ добрыхъ полтора—два часа, такъ что обѣдъ подавался въ этотъ день къ двумъ часамъ. За сестрой ѣздили, большею частію, по вечерамъ, уже въ сумерки. Но вотъ пріѣхали братья, не успѣли поздороваться, какъ и горячее на столѣ; садимся обѣдать, и тутъ же, не удовлетворивши перваго аппетита, братья начинаютъ разсказывать о всемъ случившемся въ продолженіе недѣли. Во-первыхъ, отрапортуютъ правдиво о всѣхъ полученныхъ въ продолженіи недѣли по различнымъ предметамъ баллахъ, а потомъ и начнутся разсказы про учителей, про различныя дѣтскія, а иногда и не совсѣмъ приличныя шалости товарищей. За разсказами и разговорами, и обѣдъ въ этотъ день

продолжался гораздо долѣе. Родители самодовольно слушали и молчали, давая высказаться пріѣзжимъ. Можно сказать, что откровенность въ разсказахъ была полная. Вспоминаю, что отецъ ни разу не давалъ наставленій сыновьямъ. При разсказахъ о различныхъ шалостяхъ, случавшихся въ классѣ, отецъ только приговаривалъ: „Ишь шалунъ, ишь разбойникъ, ишь негодяй“... и т. п., смотря по степени шалости; но ни разу не говаривалъ: „Смотрите, не поступайте-де и вы такъ!“ Этимъ давалось, кажется, знать, что отецъ и ожидать не можетъ отъ нихъ подобныхъ шалостей. Пообѣдавъ и поговоривъ еще нѣсколько, братья садились за свои ломберные столы и предавались чтенію. Помню, я рѣдко видалъ, чтобы по субботамъ и воскресеньямъ братья занимались приготовленіемъ уроковъ и привозили съ собою учебники. Зато книгъ для чтенія привозилось достаточно, такъ что братья постоянно проводили домашнее время за чтеніемъ. Въ послѣднюю пору, т.-е. около 1836 г., братья съ особеннымъ воодушевленіемъ разсказывали про своего учителя русскаго языка, который просто сдѣлался ихъ идоломъ, такъ какъ на каждомъ шагу былъ ими вспоминаемъ. Вѣроятно, это былъ преподаватель не заурядный, а въ родѣ нашего почтеннаго отца дьякона; братья отзывались о немъ не только какъ о хорошемъ учителѣ, но въ нѣкоторомъ отношеніи какъ о джентльменѣ. Очень жаль, что я не помню теперь его фамиліи; но въ мое время учителя этого, кажется, не было уже и въ высшихъ классахъ.

„Выше я упомянулъ о семейныхъ чтеніяхъ, происходившихъ въ гостиной. Чтенія эти существовали, кажется, постоянно въ кругу родителей. Читали попеременно вслухъ или отецъ или мать; я помню, что при чтеніяхъ этихъ всегда находились и старшіе братья, еще до поступленія ихъ въ пансіонъ. Впослѣдствіи и они сами читали вслухъ, когда уставали родители. Читались, по-преимуществу, произведенія историческія: „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина (у насъ былъ свой экземпляръ) и чаще всего 11-й и 12-й томы, „Біографія Ломоносова“, Ксеноф. Полевого и пр. Изъ чисто-литературныхъ произведеній помню читали Державина (въ особенности оду „Богъ“), Жуковскаго—переводную прозу, повѣсти Карамзина: „Бѣдную Лизу“ и „Марѳу Посадницу“, а также и „Письма русскаго путешественника“; изъ Пушкина,—преимущественно повѣсти. Впослѣдствіи начали читать и романы: „Юрій Милославскій“, „Ледяной Домъ“, „Стрѣльцы“, и сентиментальный романъ „Семейство Холмскихъ“; читались также и сказки Казака Луганскаго“ [1]).

---

[1]) „Юрій Милославскій“ Н. П. Загоскина—1829 года, „Ледяной Домъ“ И. И. Лажечникова—1835 г., „Стрѣльцы“ К. П. Масальскаго—1832 г.,—

По собственнымъ словамъ Ѳ. М., онъ очень любилъ читать путешествія, и подъ вліяніемъ такого чтенія пламенною мечтою его сдѣлалось посѣтить Венецію, Константинополь и вообще востокъ, сильно занимавшій его воображеніе.

„Старшіе братья, — продолжаетъ свои воспоминанія Андрей Михайловичъ, — читали во всякое свободное время. Въ рукахъ брата Ѳедора я чаще всего видалъ Вальтеръ-Скотта — Квентина Дорварда и Ваверлея; у насъ были собственные экземпляры, и вотъ ихъ-то онъ перечитывалъ неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный переводъ. Такому же чтенію и перечитыванію подвергались и всѣ произведенія Пушкина. Любилъ также братъ Ѳедоръ повѣсти Нарѣжнаго, изъ которыхъ „Бурсака“ перечитывалъ неоднократно. Не помню навѣрное, читалъ ли онъ тогда что-либо изъ Гоголя, а потому не могу объ этомъ и говорить. Помню также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ романъ Вельтмана „Сердце и Думка“ [1]). Исторія же Карамзина была его настольною книгою, и онъ читалъ ее всегда, когда не было чего-либо новенькаго. Появлялись въ нашемъ домѣ и книжки издававшейся въ то время „Библіотеки для Чтенія“ [2]). Какъ теперь помню эти книжки, мѣнявшія ежемѣсячно цвѣтъ своихъ обложекъ, на которыхъ изображался загнутый уголокъ съ именами литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи. Эти книги уже были исключительнымъ достояніемъ братьевъ. Родители ихъ не читали. Я потому обозначилъ названія нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, которыя читалъ тогда братъ, что съ названіями этими, а равно и съ именами ихъ авторовъ, я, еще бывши ребенкомъ, познакомился исключительно со словъ брата. Вообще братъ Ѳедоръ любилъ болѣе чтеніе серьезное, въ отличіе отъ брата Михаила, который любилъ поэзію и самъ пописывалъ стихи, бывши въ старшихъ классахъ пансіона (чѣмъ братъ Ѳедоръ не занимался). Но на Пушкинѣ они мирились, и оба, ка-

---

все историческіе романы; проникнутые болѣе или менѣе сильно условнымъ духомъ т. н. „офиціальной народности“. „Семейство Холмскихъ“—романъ Д. Н. Бѣгичева; Казакъ Луганскій—псевдонимъ В. И. Даля; произведенія обоихъ примыкаютъ къ той школѣ.— *Ч. В—ій.*

[1]) В. Т. Нарѣжный (1780—1825), авторъ многихъ романовъ съ замысловатыми приключеніями, вводившій въ свои произведенія и бытовыя реалистическія черты, въ этомъ отношеніи предшественникъ Гоголя. А. Ѳ. Вельтманъ (1802—1870), романистъ и археологъ, фантазеръ большой руки. Его книга „Сердце и Думка. Приключенія“ вышла въ 1838 г.— *Ч. В—ій.*

[2]) Журналъ О. Сенковскаго, выходившій ежемѣсячно съ 1834 г. и весьма популярный вслѣдствіе разнообразнаго легкаго (часто до легковѣсности) матеріала, который давался въ каждой книжкѣ.— *Ч. В—ій.*

жется, и тогда чуть не всего знали наизусть [1]). Надо припомнить, что Пушкинъ тогда былъ еще современникъ; объ немъ, какъ о современномъ поэтѣ, мало говорилось еще съ каѳедры; произведенія его еще не заучивались наизусть по требованію преподавателей. Авторитетность Пушкина, какъ поэта, была тогда менѣе авторитетности Жуковскаго, даже между преподавателями словесности,—она была менѣе и во мнѣніи нашихъ родителей, что̀ вызывало неоднократно горячіе протесты со стороны братьевъ, въ особенности брата Ѳедора. Помню, что братья какъ-то одновременно выучили наизусть два стихотворенія: старшій братъ „Графа Габсбургскаго“, а братъ Ѳедоръ, какъ бы въ параллель тому „Смерть Олега“. Когда эти стихотворенія были произнесены ими въ присутствіи родителей, то предпочтеніе было отдано первому, вѣроятно, вслѣдствіе бо̀льшей авторитетности сочинителя. Матушка наша очень полюбила два эти произведенія, и часто просила братьевъ произносить ихъ; помню, что даже во время своей болѣзни, уже лежа въ постели (она умерла чахоткой), она съ удовольствіемъ прислушивалась къ нимъ.

„Не могу не припомнить здѣсь одного случившагося у насъ эпизода. Изъ товарищей къ братьямъ не ходилъ никто. Разъ только къ старшему брату пріѣзжалъ изъ пансіона нѣкто Кудрявцевъ. Брату позволено было отдать ему визитъ, но тѣмъ знакомство и кончилось. Зато въ домъ нашъ былъ вхожъ одинъ мальчикъ [2]), сынъ знакомой нашихъ родителей. Онъ учился въ гимназіи и былъ нѣсколько старше моихъ братьевъ. Этому-то гимназисту удалось гдѣ-то достать ходившую тогда въ рукописи сатиру Воейкова [3]) „Домъ сумасшедшихъ“ и заучить на память. Со словъ его братья тоже выучили эту сатиру и сказали въ присутствіи отца. Отецъ остался очень недоволенъ и высказалъ предположеніе, что это, вѣроятно, измышленія и продѣлки гимназистовъ; но когда его увѣрили, что это сочиненіе Воейкова, то онъ все-таки высказалъ, что оно неприлично, потому что въ немъ помѣщены дерзкія выраженія противъ извѣстныхъ литераторовъ, а въ особенности противъ Жуковскаго. По разсказамъ того же гимназиста мы познакомились со сказкою Ершова „Конекъ Горбунокъ“ и всѣ выучили ее наизусть“.

---

1) Конечно, только то, что попадалось имъ въ руки, такъ какъ полнаго собранія его сочиненій тогда еще не было.

2) Ваничка Умновъ.

3) А. Ѳ. Воейковъ (1779—1839), средней руки стихотворецъ начала XIX вѣка, при неуживчивомъ характерѣ, крайне бранчивою и пристрастною полемикою вооружилъ противъ себя большую часть литераторовъ, которыхъ и изобразилъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“; сатира въ печати появилась только въ 1857 г.—*Ч. В—ій.*

Если, за исключеніемъ Ванички Умнова,—впрочемъ, и не товарища Достоевскихъ по пансіону — никто не ходилъ къ нимъ изъ сверстниковъ, то это, вѣроятно, происходило отъ строгой разборчивости и мнительности родителей, особенно отца, въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ пріятелей. Самъ Ѳ. М. разсказывалъ, что онъ постоянно стремился имѣть ихъ, но это ему не давалось вслѣдствіе крайней его обидчивости. Его деликатное сердце не выносило тѣхъ подчасъ грубыхъ шутокъ и насмѣшекъ, съ какими, какъ быть водится, обращались къ нему товарищи. Зато, какъ вспоминаетъ одинъ изъ его однокашниковъ, онъ любилъ защищать и другихъ—особенно новичковъ—отъ придирокъ и насильственнаго обращенія съ ними старшихъ учениковъ, столь обычнаго во всѣхъ учебныхъ зеведеніяхъ.

„Отецъ нашъ, — продолжаетъ Андрей Михайловичъ, — былъ чрезвычайно внимателенъ въ наблюденіи за нравственностью дѣтей, и въ особенности относительно старшихъ братьевъ, когда они сдѣлались уже юношами. Я не помню ни одного случая, когда бы братья вышли куда-нибудь одни; это считалось отцомъ за неприличное, между тѣмъ какъ къ концу пребыванія братьевъ въ родительскомъ домѣ старшему было почти уже 17 лѣтъ, а брату Ѳедору почти 16. Въ пансіонъ они всегда ѣздили на своихъ лошадяхъ, и точно такъ же и возвращались. Родители наши были отнюдь не скупы, — скорѣе даже тароваты; но, вѣроятно, по тогдашнимъ понятіямъ считалось тоже за неприличное, чтобы молодые люди имѣли свои хотя маленьія карманныя деньги. Я не помню, чтобы братья имѣли въ своемъ распоряженіи хотя нѣсколько мелкихъ монетъ, и, вѣроятно, они ознакомились съ деньгами только тогда, когда отецъ оставилъ ихъ въ Петербургѣ. Я упоминалъ выше, что отецъ не любилъ дѣлать нравоученій и наставленій; но у него была одна, какъ мнѣ кажется теперь, слабая сторона. Онъ очень часто повторялъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти его, въ особенности мальчики, должны готовиться пробивать себѣ сами дорогу, что со смертію его они останутся нищими и т. п. Все это рисовало мрачную картину. Я припоминаю еще и другія слова отца, которыя служили не нравоученіемъ, а скорѣе остановкою и предостереженіемъ. Я уже говорилъ неоднократно, что братъ Ѳедоръ былъ слишкомъ горячъ, энергично отстаивалъ свои убѣжденія, и вообще былъ довольно рѣзокъ на слова. При такихъ проявленіяхъ со стороны брата отецъ неоднократно говаривалъ: „Эй, Ѳедя, уймись, не сдобровать тебѣ... быть тебѣ подъ красной шапкой!“

„Не могу не упомянуть о томъ мнѣніи, какое братъ Ѳ. М. высказалъ мнѣ о нашихъ родителяхъ. Это было не такъ давно, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ. Я какъ-то разговорился съ

нимъ о нашемъ давно прошедшемъ и упомянулъ объ отцѣ. Братъ мгновенно воодушевился, схватилъ меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда онъ говорилъ по душѣ) и горячо высказывалъ: „Да знаешь ли, братъ, вѣдь это были люди передовые, и въ настоящую минуту они были бы передовыми!.. А ужъ такими семьянами, такими отцами... намъ съ тобою не быть, братъ!“

„Наступила зима 1836—1837 гг. Еще съ осени наша мать слегла въ постель съ тѣмъ, чтобы болѣе съ нея не вставать. Это было самое горькое время въ дѣтскій періодъ нашей жизни; мы готовились ежеминутно потерять мать. Несмотря на помощь многихъ врачей и тогдашнихъ знаменитостей, которые поспѣшили протянуть руку помощи своему собрату, исходъ былъ неизбѣженъ, и мы лишились матери 27 февраля 1837 г.

„Спустя нѣсколько времени послѣ смерти матушки, отецъ нашъ началъ серьезно подумывать о поѣздкѣ въ Петербургъ (въ которомъ ни разу еще не бывалъ), чтобы отвезти туда двухъ старшихъ сыновей для помѣщенія ихъ въ инженерное училище.

„Не знаю, — говоритъ Андрей Михайловичъ, — вслѣдствіе какихъ причинъ, извѣстіе о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже послѣ похоронъ матушки. Вѣроятно, наше собственное горе и сидѣніе всего семейства постоянно дома было причиною этому. Помню, что братья чуть съ ума не сходили, услыхавъ объ этой смерти и о всѣхъ подробностяхъ ея. Братъ Ѳедоръ въ разговорахъ съ старшимъ братомъ нѣсколько разъ повторялъ, что ежели бы у насъ не было семейнаго траура, то онъ просилъ бы позволенія отца носить трауръ по Пушкинѣ. Конечно, до насъ не дошло еще тогда стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина, но братья гдѣ-то достали другое стихотвореніе неизвѣстнаго мнѣ автора. Они такъ часто произносили его, что я его помню и теперь, спустя 45 лѣтъ. Вотъ оно:

Нѣтъ поэта, рокъ свершился,
Опустѣлъ родной Парнасъ!
Пушкинъ умеръ, Пушкинъ скрылся
И навѣкъ покинулъ насъ.
Сѣверъ, сѣверъ, гдѣ твой геній?
Гдѣ пѣвецъ твоихъ чудесъ?
Гдѣ виновникъ наслажденій?
Гдѣ нашъ Пушкинъ?—Онъ исчезъ!
Да, исчезъ онъ, духъ могучій,
И землѣ онъ измѣнилъ!
Онъ вознесся выше тучей,
Онъ взлетѣлъ туда, гдѣ жилъ!

„Отецъ, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, намѣревался совсѣмъ переселиться въ деревню (онъ подалъ уже въ отставку),

а потому до поѣздки въ Петербургъ желалъ поставить памятникъ на могилѣ нашей матери. Избраніе надписи на памятникѣ отецъ предоставилъ братьямъ. Они оба рѣшили, чтобы было только обозначено имя, фамилія, день рожденія и смерти. На заднюю же сторону памятника выбрали надпись изъ Карамзина: „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра“. И эта прекрасная надпись была исполнена.

„Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Отецъ Іоаннъ Баршевъ отслужилъ напутственный молебенъ, и путешественники, усѣвшись въ кибитку, двинулись въ путь (ѣхали на сдаточныхъ), объ которомъ хотя и мелькомъ, но такъ поэтично упомянулъ братъ Ѳ. М. 40 лѣтъ спустя въ одномъ изъ номеровъ „Дневника писателя“ [1]).

Достоевскій въ инженерномъ училищѣ [2]).

(Изъ воспоминаній А. Савельева.)

Въ одинъ и тотъ же годъ, когда поступилъ Ѳ. М. въ инженерное училище (1838 г.) кондукторомъ, я поступилъ въ то же училище дежурнымъ офицеромъ въ должность военнаго воспитателя. Посѣщая почти каждый день училище по службѣ и дежуря въ немъ по два, а иногда по три раза въ недѣлю, мнѣ приходилось знакомиться съ существовавшими въ училищѣ порядками, съ внутреннею жизнью въ немъ, съ мѣстными обычаями, сохранившимися между молодежью, и съ самою молодежью, такъ называвшимися кондукторами.

Въ описываемое мною время кондукторская рота главнаго инженернаго училища, гдѣ находился Ѳ. М. Достоевскій, представляла собою совершенно отдѣльный міръ, весьма мало имѣвшій общаго съ остальнымъ учебнымъ міромъ. Это была особая корпорація молодыхъ людей, отъ 14 до 18 и болѣе лѣтъ, у которой были свои преданія, правила и обычаи; хорошо подготовленные въ элементарномъ образованіи, поступавшіе въ училище по конкурентному экзамену, каждый изъ нихъ числился на службѣ и присягалъ съ поступленія въ училище. Въ этомъ маленькомъ міру молодые люди щеголяли своимъ званіемъ, чест-

---

[1]) См. „Дн. пис.“, 1876 г., январь.

[2]) „Нов. Время“, 1896, № 7150. См. также воспоминанія Савельева, сообщенныя въ „Матеріалахъ“ Миллера. А. И. Савельева, вслѣдствіе ставшаго извѣстнымъ ученымъ-нумизматомъ, Д. В. Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ (отрывки изъ нихъ приведены далѣе) называетъ однимъ изъ любимыхъ въ училищѣ офицеровъ.

ностью, безпристрастіемъ, уваженіемъ къ личности и другими качествами человѣка, понимающаго свои нравственныя права и обязанности.

Наблюдая за молодежью, изучая ее, насколько у меня доставало способностей и усердія, для правильной оцѣнки характера и наклонностей юношей, ввѣренныхъ моему наблюденію, мнѣ не разъ случалось видѣть, и въ часы занятій и во время прогулокъ (рекреацій) кондукторовъ, Ѳ. М. Достоевскаго или одного или вдвоемъ, но ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ кондукторомъ старшаго класса И. Бережецкимъ. Я никогда не видалъ, чтобы эти молодые люди принимали участіе не только въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ товарищей, но и въ общихъ любимыхъ играхъ (напр., „загонки"); никогда они не ходили въ танцкласс, бывшій въ ротѣ по вторникамъ и отличавшійся особеннымъ одушевленіемъ, даже не ходили слушать разсказы балладъ Жуковскаго домашняго гудочника, писаря Игумнова, являвшагося по вечерамъ въ рекреаціонную залу, всегда наполненную кондукторами. Часто подъ разными предлогами Ѳ. М. или гулялъ съ своимъ товарищемъ въ другихъ камерахъ, или садился заниматься у своего столика, съ огаркомъ сальной свѣчки, вставленной въ жестяной подсвѣчникъ; но любимымъ его мѣстомъ для занятій была амбразура окна въ угловой (такъ называемой „круглой каморѣ") спальнѣ роты, выходящей на Фонтанку. Случалось нерѣдко, что онъ не замѣчалъ ничего, что кругомъ него дѣлалось; въ извѣстные установленные часы товарищи его строились къ ужину, проходили по круглой каморѣ въ столовую, потомъ съ шумомъ проходили рекреаціонную залу, къ молитвѣ, снова расходились по камерамъ, а Достоевскій только тогда убиралъ въ столикъ свои книги и тетради, когда проходившій по спальнямъ барабанщикъ (Яргинъ), бившій вечернюю зорю, принуждалъ его прекратить свои занятія. Бывало, въ глубокую ночь можно было замѣтить Ѳ. М. у столика, сидящимъ за работою. Набросивъ на себя одѣяло сверхъ бѣлья, онъ, казалось, не замѣчалъ, что отъ окна, гдѣ онъ сидѣлъ, сильно дуло; щиты, которые ставились къ рамамъ, нисколько не предохраняли отъ внѣшняго холода и особенно это было чувствительно подлѣ окна, гдѣ Ѳ. М. любилъ заниматься. Нерѣдко на замѣчанія мои, что здоровѣе вставать ранѣе и заниматься въ платьѣ, Ѳ. М. любезно соглашался со мною, говорилъ, что ночная тишина, полумракъ спальни, освѣщаемой сальной свѣчей, вставленной въ жестяной шандалъ, располагаетъ къ спокойной работѣ, но складывалъ свои тетради и, повидимому, ложился спать. Однако проходило немного времени, какъ его можно было видѣть опять въ томъ же нарядѣ у того же столика сидящимъ за его рабо-

тою. Привычка заниматься ночью осталась у Ѳ. М. до послѣднихъ дней его жизни.

Въ то время нельзя было думать, чтобы предметомъ занятій Ѳ. М. были его серьезные литературные труды; но, зная способности и прилежаніе его по всѣмъ учебнымъ предметамъ, его всегдашнюю готовность помогать товарищамъ, дѣлясь съ ними своими учебными записками, которыя онъ составлялъ за лекціями преподавателей, или составляя для товарищей сочиненія [1]) на заданныя темы по русской литературѣ (В. П. Плаксина [2]), нельзя было предполагать, чтобы Ѳ. М. Достоевскому не доставало времени для его классныхъ занятій. Я тогда допускалъ, что постоянная, усидчивая его работа, особенно письменная, ночью, когда никто ему не мѣшалъ, была литературная и, конечно, не для газеты, издававшейся, подъ названіемъ въ родѣ „Рижскій снятокъ“, а для болѣе серьезнаго предмета. Но какая это была работа—отгадать было трудно; самъ Ѳ. М. никому о ней не говорилъ. Только впослѣдствіи, много времени спустя (въ семидесятыхъ годахъ), при одномъ изъ моихъ свиданій съ Ѳ. М. Достоевскимъ, когда я припомнилъ его ночныя письменныя занятія въ ротѣ, и особенно то обстоятельство, что я мѣшалъ ему ночью заниматься, можетъ-быть, переводомъ или составленіемъ своего романа „Бѣдные люди“, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, этотъ романъ занималъ его въ училищѣ, но что еще до поступленія своего въ училище, при той средѣ, которая его окружала, онъ составлялъ планъ для повѣсти о „Бѣдныхъ людяхъ“. Впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ писемъ Ѳ. М. говоритъ, что въ 1845 г., въ началѣ зимы, онъ началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“.

Часто на дежурствѣ въ училищѣ я любилъ бесѣдовать съ молодежью и пользовался ихъ сочувствіемъ ко мнѣ. Не буду здѣсь упоминать о тѣхъ кондукторахъ того времени, нынѣ,—увы!—почтенныхъ старцахъ, которые уже въ молодые годы своимъ блестящимъ образованіемъ, богатыми способностями и рѣдкими душевными качествами (какъ Г. К. Р. и др.) привлекали къ себѣ не только своихъ товарищей, но и всѣхъ когда-либо съ ними бесѣдовавшихъ. Но, признаюсь, ни одна изъ бесѣдъ съ молодыми людьми того времени не оставляла во мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія и грустнаго настроенія, какъ мои бесѣды съ

---

[1]) По разсказамъ ген.-лейт. Виктора Алексѣевича Родіонова, Ѳ. М. Достоевскій писалъ ему, какъ близкому его товарищу, сочиненія на слѣдующія темы: „Ночь на маневрахъ“, „Ермакъ Тимоѳеевичъ“, „Характеръ Ярослава“.

[2]) Вас. Петр. Плаксинъ, преподаватель русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, составитель учебниковъ въ духѣ старинной риторики.

Достоевскимъ. Онъ говорилъ всегда тихо, медленно, съ разстановкою; казалось, это происходило вслѣдствіе физическихъ причинъ—особеннаго устройства его груди, легкихъ или дыхательныхъ органовъ (надо вспомнить его горловую болѣзнь передъ поступленіемъ въ училище, на которую указалъ въ письмахъ А. М. Достоевскій), но совсѣмъ не отъ старанія говорить риторически, изящно и убѣдительно. Самое простое воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, какой-нибудь не важный историческій эпизодъ имъ передавались медленно, но прекрасно, съ особеннымъ, ему свойственнымъ, воодушевленіемъ. Онъ, кажется, сознавалъ самъ, какое впечатлѣніе на слушателя производили его разсказы, и потому любилъ говорить обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, хотя нерѣдко по словамъ его замѣтна была желчность, но, съ другой стороны, въ разсказахъ Достоевскаго заключалось столько же теплоты, сколько и правды.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ, приведу еще нѣсколько словъ о немъ. Сколько помню, онъ для его товарищей казался мистикомъ или идеалистомъ. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, несмотря на то, что не имѣлъ къ ней призванія; отъ природы своеобычный, но не своенравный, онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя нелегко мирятся съ идеями и поступками общества, если они бываютъ несогласны съ ихъ убѣжденіями. Такого рода личности не поддаются никакимъ давленіямъ, хотя бы это упорство имъ стоило дорого. Таковъ былъ въ юности Ѳ. М. Достоевскій, такимъ онъ оставался и въ преклонные годы, когда постепенно разрушались его силы, когда въ голосѣ его звучали уже ноты отживающаго человѣка, души прекрасной, а въ глазахъ вспыхивалъ прежній блескъ впечатлительнаго юноши, искавшаго въ людяхъ милосердія и справедливости.

Воспоминанія К. Трутовскаго [1]).

Когда я поступилъ въ инженерное училище (въ 1839 году), то Ѳ. М. уже былъ въ IV классѣ (выпускномъ), т.-е. былъ тремя классами старше меня. Я хорошо помню его личность, какая она была въ то время. Онъ былъ хорошо сложенъ, коренастый, походка была у него какая-то порывистая, цвѣтъ лица былъ у него какой-то сѣрый, взглядъ всегда вдумчивый, и выраженіе лица большею частію сосредоточенное. Военная форма совсѣмъ

[1]) Щукинскій сборникъ, выпускъ первый. Москва, 1902 г. Воспоминанія художника Трутовскаго написаны въ 1886 г.

не шла какъ-то къ нему. Онъ держалъ себя всегда особнякомъ и мнѣ онъ представляется почти постоянно ходящимъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ взадъ и впередъ съ вдумчивымъ выраженіемъ или по-долгу разсуждающимъ съ двумя своими товарищами: Бекетовымъ и Бережецкимъ. Видъ его всегда былъ серьезный, и я не могу себѣ представить его смѣющимся или очень веселымъ въ кругу товарищей. Не знаю почему, но онъ у насъ, въ училищѣ, носилъ названіе Фотія, вѣроятно, воспитанники, изучая исторію, нашли какое-нибудь сходство его съ историческимъ Фотіемъ. Воспитанники (или, какъ мы назывались тогда, кондукторы) старшихъ классовъ держали себя отдѣльно отъ младшихъ; но все же не настолько, какъ въ заведеніяхъ, гдѣ было большое число воспитанниковъ. У насъ же въ училищѣ комплектъ былъ всего въ 125 человѣкъ, и помѣщались мы въ общихъ номерахъ (дортуарахъ). Не помню, когда и при какихъ обстоятельствахъ я сошелся съ Ѳ. М., но думаю, что поводомъ нашего сближенія было то обстоятельство, что меня, какъ хорошо рисовавшаго, воспитанники старшихъ классовъ, и даже офицеры (офицерскихъ классовъ), часто просили рисовать имъ на архитектурныхъ проектахъ орнаментъ колоннъ и т. п., то, вѣроятно, я и Ѳ. М. дѣлалъ эту услугу, и тогда онъ обратилъ вниманіе, подмѣтивъ во мнѣ способности. Я помню, какъ ласково онъ разговаривалъ со мной и совѣтовалъ заниматься побольше рисованіемъ и чтеніемъ всего, касающагося искусства. Когда онъ окончилъ курсъ въ офицерскомъ классѣ, и уже служилъ въ инженерномъ департаментѣ, то я сталъ бывать у него по праздникамъ, заходилъ къ нему на квартиру, которую онъ занималъ на Владимирской, противъ д. Фридериксъ на углу переулка. Квартира его состояла изъ 4 комнатъ, изъ которыхъ одна только была меблирована, гдѣ онъ занимался и спалъ, а другія комнаты были совершенно пусты, безъ мебели. Когда я приходилъ къ нему, то онъ всегда привѣтливо встрѣчалъ меня, ласково бесѣдовалъ по-долгу со мной, указывалъ мнѣ, что я долженъ читать, знакомилъ меня съ лучшими произведеніями литературы, и давалъ мнѣ часто книги и попрежнему интересовался моими занятіями по рисованію. Я тогда много рисовалъ карикатуръ преподавателей, особенно часто фигурировалъ у меня Остроградскій, математикъ, и эти карикатуры всегда вызывали его улыбку и смѣхъ, который такъ рѣдко появлялся на его серьезномъ лицѣ, и этотъ смѣхъ освѣщалъ его физіономію. При нашихъ бесѣдахъ, онъ мнѣ первый выяснилъ все великое значеніе твореній Гоголя, всю глубину его юмора, который я до того времени, какъ еще очень юный, понять не могъ, тѣмъ болѣе, что профессоръ Плаксинъ, преподававшій намъ русскую литературу, внушалъ намъ, что

Гоголь это верхъ бездарности, пошлости, и что его произведенія грязны и циничны до неприличія. Самое сильное и рѣшающее впечатлѣніе было для меня, когда Ѳ. М. съ невыразимымъ одушевленіемъ объяснялъ мнѣ всю глубину мысли въ повѣсти „Шинель“. Я разомъ понялъ все и особенно значеніе „незримыхъ слезъ сквозь видимый смѣхъ“. Все, что говорилъ мнѣ Ѳ. М., я воспринималъ, съ воспріимчивостью молодости, и я ему много обязанъ въ моемъ развитіи, онъ научилъ меня понимать и цѣнить въ литературѣ все великое и гуманное, по крайней мѣрѣ, далъ мнѣ первый и сильный толчокъ. Въ это же время Ѳ. М. писалъ своихъ „Бѣдныхъ людей“, но я не зналъ этого, такъ какъ онъ мнѣ никогда не говорилъ объ этомъ, и не читалъ выдержекъ изъ своего произведенія, да и могъ ли онъ давать на судъ сочиненіе такому ребенку, какимъ я былъ тогда; мнѣ было всего 15 лѣтъ. Когда я былъ уже офицеромъ (въ офицерскомъ классѣ и жилъ на своей квартирѣ), то Ѳ. М. иногда посѣщалъ меня, но не часто, такъ какъ онъ нигдѣ не бывалъ. Вообще мы подолгу бесѣдовали съ нимъ о литературѣ и живописи. Въ этотъ періодъ времени, когда мнѣ было 17 лѣтъ, я, какъ водится, былъ влюбленъ, и про свою любовь довѣрчиво разсказывалъ Ѳ. М., показывалъ ему свои стихи, писанные къ своему предмету. Особу, въ которую я былъ влюбленъ, звали Анна и фамилія ея была Иванова, но домашніе звали ее Неточка. Ѳ. М. такъ понравилось это милое названіе, что онъ свою повѣсть назвалъ Неточка Незванова.

Въ промежутокъ времени отъ 1846 до 1849 г. я видѣлся съ Ѳ. М. не особенно часто, но изрѣдка посѣщалъ его, когда онъ жилъ гдѣ-то на Мѣщанской, и потомъ въ редакціи журнала „Эпоха“, который издавалъ его братъ Михаилъ Михайловичъ совмѣстно съ нимъ [1]). Разъ, какъ-то случилось, что Ѳ. М. прожилъ нѣсколько дней у меня на квартирѣ и когда ложился спать, то всякій разъ просилъ меня, что въ случаѣ, если онъ умретъ, то чтобы не спѣшили его хоронить; онъ страшно боялся летаргіи и при этомъ представлялъ мнѣ весь ужасъ пробужденія въ могилѣ. Посѣщая его въ это время, я встрѣчалъ у него многихъ лицъ, которыя были потомъ судимы и сосланы, но не имѣлъ никакого понятія о ихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. Слышалъ только, что они гдѣ-то собираются, но цѣли ихъ собраній я не зналъ. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ звали меня на эти собранія, но Ѳ. М. никогда. Я тогда всецѣло былъ погруженъ въ свои занятія въ академіи художествъ и службой при инженерномъ училищѣ.

---

[1]) Какъ извѣстно, изданіе журнала относится уже къ 60 годамъ.

Въ 1849 году скончалась моя мать, и я уѣхалъ въ отпускъ въ деревню, въ Харьковскую губ. Въ Харьковѣ я былъ пораженъ вѣстью, что Ѳ. М. и другіе были арестованы на своемъ собраніи, судимы и сосланы. Горько мнѣ было услышать эту тяжелую вѣсть и тяжело было за участь дорогого мнѣ человѣка, съ такой возвышенной душой и съ такимъ высокимъ талантомъ. Въ то время уже зачитывались его „Бѣдными людьми“; и имя его получило громкую извѣстность. Въ 1862 г. [1]) Ѳ. М. вернулся изъ ссылки, и велика была радость нашего свиданія. Я видѣлъ его свободнымъ и спокойнымъ, здоровье его тогда было хорошо, онъ былъ какъ-то бодрѣе и свѣжѣе. Много онъ мнѣ разсказывалъ о своей тяжелой жизни, о своихъ страданіяхъ, но озлобленія въ немъ не было никакого. Напротивъ, въ немъ развились широкая снисходительность и безграничная гуманность. Взглядъ его на многое совершенно измѣнился, и онъ страстно жаждалъ жить и работать. Падучая болѣзнь его прошла (?). Мы вспомнили съ нимъ прошлое, наше училище, которое мы поминали съ благодарностью, въ которомъ при строгой дисциплинѣ всѣ начальники относились къ намъ съ гуманностью и доброжелательствомъ, и въ которомъ положены были начала многихъ хорошихъ воззрѣній, которыя укоренились на всю жизнь. Когда я жилъ въ Москвѣ (съ 1871 по 1881 г.), то Ѳ. М. присылалъ мнѣ иногда свои сочиненія,—затѣмъ я послѣдній разъ видѣлся съ нимъ въ 1880 г. во время Пушкинскаго праздника. Мы какъ-то обѣдали вмѣстѣ—я, покойный Перовъ [2]) и Ѳ. М.,—и затѣмъ я уже съ нимъ не видѣлся.

Я убѣжденъ, что Ѳ. М. имѣлъ большое вліяніе на мое развитіе въ томъ возрастѣ, когда такъ важны первыя впечатлѣнія и когда они такъ легко воспринимаются. Много надо было имѣть сердечности, чтобы не скучать заниматься совершенно чужимъ ему юношей при его серьезности и уединенной его жизни,—и я всю жизнь сохраню о немъ отрадное воспоминаніе.

Изъ воспоминаній Д. В. Григоровича [3]).

Первый годъ въ училищѣ былъ для меня сплошнымъ терзаніемъ. Даже теперь, когда меня раздѣляетъ отъ этого времени больше полустолѣтія, не могу вспомнить о немъ безъ тягостнаго

---

[1]) Не точно. Д—ій вернулся въ Спб. въ концѣ 1859 года.

[2]) Знаменитый художникъ, В. Перовъ, въ маѣ 1872 г. написавшій очень извѣстный портретъ Достоевскаго.

[3]) Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (1822—1899), извѣстный беллетристъ, авторъ „Антона Горемыки“ и др. повѣстей и романовъ, былъ то-

чувства; и этому не столько способствовали строгость дисциплинарныхъ отношеній начальства къ воспитанникамъ, маршировка и ружистика, не столько даже трудность ученья въ классахъ, сколько новые товарищи, съ которыми предстояло жить въ однѣхъ стѣнахъ, спать въ однѣхъ комнатахъ. Представить трудно, чтобы въ казенномъ и притомъ военно-учебномъ заведеніи могли укорениться и существовать обычаи, возможные развѣ въ самомъ дикомъ обществѣ. Начальство не могло этого не знать; надо полагать, оно считало зло неизбѣжнымъ и смотрѣло на него сквозь пальцы, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы внѣшній видъ былъ исправенъ и высшая власть осталась имъ довольна.

Комплектъ учащихся состоялъ изъ ста двадцати воспитанниковъ, или *кондукторовъ*, какъ ихъ называли, чтобъ отличать отъ кадетъ. Въ мое время треть изъ нихъ составляли поляки, треть— нѣмцы изъ прибалтійскихъ губерній, треть — русскіе. Въ старшихъ двухъ классахъ были кондукторы, давно брившіе усы и бороду; они держали себя большею частію особнякомъ, присоединяясь къ остальнымъ въ крайнихъ только случаяхъ. Отъ тѣхъ, которые были моложе, новичкамъ положительно житья не было. Съ перваго дня поступленія новички получали прозвище *рябцовъ*,—слово, производимое, вѣроятно, отъ рябчика, которымъ тогда военные называли штатскихъ. Смотрѣть на рябцовъ, какъ на парій, было въ обычаѣ. Считалось особенною доблестью подвергать ихъ всевозможнымъ испытаніямъ и униженіямъ.

Новичокъ стоитъ гдѣ-нибудь, не смѣя шевельнуться; къ нему подходитъ старшій и говоритъ задирающимъ голосомъ: „Вы, рябецъ, такой-сякой, начинаете, кажется, кутить?“—„Помилуйте... я ничего“...—„То-то ничего... смотрите вы у меня!“ и—затѣмъ щелчокъ въ носъ или повернутъ за плечи и ни за что ни про что угостятъ пинкомъ. Или: „Эй вы, рябецъ, какъ васъ?.. Ступайте въ третью камору: подлѣ моей койки лежитъ моя тетрадь, несите сюда, да смотрите живо, не то расправа!“ Крайне забавнымъ считалось налить воды въ постель новичка, влить ему за воротникъ ковшъ холодной воды, налить на бумагу чернилъ и заставить его слизать, заставить говорить непристойныя слова, когда замѣчали, что онъ конфузливъ и маменькинъ сынокъ. Въ классахъ, во время приготовленія уроковъ, какъ только дежурный офицеръ удалялся, поперекъ двери изъ одного класса въ другой ставился столъ; новички должны были на четверенькахъ прохо-

---

варищемъ Д—аго по инженерному училищу, но курса не окончилъ, удрученный нравами его, и перешелъ вскорѣ въ академію художествъ. Приводимые отрывки извлечены изъ „Литературныхъ воспоминаній“ (Полн. собр. соч., изд. 1896, т. XII).

дить подъ нимъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны ихъ встрѣчали крученными жгутами и хлестали куда ни попало. И Боже упаси было заплакать или отбиваться отъ такого возмутительнаго насилія. Сынъ доктора К., поступившій въ одно время со мной, началъ было отмахиваться кулаками; вокругъ него собралась ватага и такъ исколотили, что его пришлось снести въ лазаретъ; къ его счастью, его научили сказать, что онъ споткнулся на классной лѣстницѣ и ушибся. Пожалуйся онъ, разскажи, какъ было дѣло, онъ, конечно, дорого бы поплатился.

И все это происходило въ казенномъ заведеніи, гдѣ надъ головой каждаго висѣлъ Дамокловъ мечъ строгости, взыскательности самой придирчивой; гдѣ за самый невинный проступокъ— разстегнутый воротникъ или пуговицу — отправляли въ карцеръ или ставили у дверей на часы съ ранцемъ на спинѣ и не позволяли опускать ружье на полъ.

Разноплеменность въ составѣ персонала училища не давала себя чувствовать или, по крайней мѣрѣ, настолько слабо выражалась, что была почти незамѣтна; ее сглаживали чувство строгой зависимости, распространявшейся на всѣхъ одинаково, трудъ и сложность занятій въ классахъ, отчасти также общій го́норъ, царившій въ мое время въ училищѣ; го́норъ основывался на преимуществѣ передъ другими военно-учебными заведеніями, не допускавшемъ въ училищѣ тѣлеснаго наказанія. Такое преимущество въ значительной степени приподымало духъ каждаго, составляло его гордость. Обращеніе съ жалобой къ дежурному офицеру за дурное обращеніе старшихъ считалось равносильнымъ фискальству, шпіонству.

Въ числѣ воспитанниковъ моего времени, отличившихся впослѣдствіи, были: Тотлебенъ, К. П. Кауфманъ, Достоевскій и Паукеръ.

Какъ результатъ перваго года, проведеннаго въ училищѣ, долженъ сказать, рѣшительно не понимаю, какъ я, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ крайне запоздалымъ,—какъ могъ я пережить въ этой атмосферѣ, гдѣ товарищи были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство.

Разъ, въ воскресенье, отправился я изъ училища, желая навѣстить бывшаго моего наставника К. Ф. Костомарова. Я пришелъ утромъ, въ то время, когда его питомцы (ихъ былъ новый комплектъ и попрежнему человѣкъ пять) не занимались. Меня тотчасъ же всѣ радостно обступили; я былъ для нихъ предметомъ живѣйшаго любопытства, могъ сообщить о житьѣ-бытьѣ училища, въ которое они должны были вступить будущею весной.

Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находился юноша лѣтъ семнадцати, средняго роста, плотнаго сложенія, бѣлокурый, съ лицомъ, отличавшимся болѣзненною блѣдностью. Юноша этотъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ пріѣхалъ изъ Москвы съ старшимъ братомъ Мих. Мих. Послѣдній не держалъ экзамена въ инженерное училище, опредѣлился въ кондукторскую саперную роту, былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ на службу въ Ревель. По возвращеніи оттуда, спустя уже нѣсколько лѣтъ, М. М. вышелъ въ отставку, открылъ папиросную фабрику, занимался одновременно переводами сочиненій Гёте, написалъ комедію „Старшая и меньшая“ и послѣ возвращенія изъ ссылки Ѳ. М. сдѣлался редакторомъ журнала *Эпоха*.

Сближеніе мое съ Ѳ. М. Достоевскимъ началось едва ли не съ перваго дня его поступленія въ училище. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полустолѣтія, но хорошо помню, что изъ всѣхъ товарищей юности я никого такъ скоро не полюбилъ и ни къ кому такъ не привязывался, какъ къ Достоевскому. Казалось, онъ сначала отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, несмотря на врожденную сдержанность характера и отсутствіе юношеской экспансивности — откровенности. Ему радостно было встрѣтить во мнѣ знакомаго въ кругу чужихъ лицъ, не упускавшихъ случая грубо, дерзко придираться къ новичку. Ѳ. М. уже тогда выказывалъ черты необщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу и искалъ уединеннаго мѣста; вскорѣ нашлось такое мѣсто и надолго стало его любимымъ: глубокій уголъ четвертой камеры съ окномъ, смотрѣвшимъ на Фонтанку; въ рекреаціонное время его всегда можно было тамъ найти и всегда съ книгой.

Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостью и податливостью характера, я не ограничился привязанностью къ Достоевскому, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имя которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ нашихъ товарищей читали спеціальные учебники и лекціи, и не только потому, что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслѣдствіе общаго равнодушія къ литературѣ.

Первыя литературныя сочиненія, читанныя мной на русскомъ языкѣ, были мнѣ сообщены Достоевскимъ, это были: переводъ „Котъ Муръ“ Гофмана и Исповѣдь“ англичанина, принимавшаго опіумъ“ Матюрена, книга мрачнаго содержанія и весьма цѣни-

мая тогда Достоевскимъ. ....Литературное вліяніе Достоевскаго не ограничилось мной; имъ увлеклись еще три товарища: Бекетовъ, Витковскій и Бережецкій; образовался такимъ образомъ кружокъ, который держался особо и сходился, какъ только выпадала свободная минута.....

Чтеніе и мысли, которыя оно пробуждало, не только мѣшали мнѣ слѣдить за уроками, но замѣтно охлаждали къ класснымъ занятіямъ. Достоевскій, сколько помнится, учился также неважно; онъ приневоливалъ себя съ тѣмъ, чтобы окончить курсъ и переходить изъ класса въ классъ безъ задержки. Послѣднее не удалось ему, однакожъ; при переходѣ въ одинъ изъ классовъ, онъ не выдержалъ экзамена и долженъ былъ въ немъ остаться еще годъ; неудача эта потрясла его совершенно, онъ сдѣлался боленъ и пролежалъ нѣсколько времени въ лазаретѣ.

.....Около этого времени (1844—45 г.) я случайно встрѣтился на улицѣ съ Достоевскимъ вышедшимъ изъ училища и успѣвшимъ уже перемѣнить военную форму на статское платье. Я съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнимать его. Достоевскій также мнѣ обрадовался, но въ его пріемѣ замѣтна была нѣкоторая сдержанность. При всей теплотѣ, даже горячности сердца, онъ еще въ училищѣ, въ нашемъ тѣсномъ, почти дѣтскомъ кружкѣ, отличался несвойственной возрасту сосредоточенностью и скрытностью и не любилъ особенно громкихъ, выразительныхъ изъявленій чувствъ. Радость моя при неожиданной встрѣчѣ была слишкомъ велика и искренна, чтобы пришла мнѣ мысль обидѣться его внѣшнею холодностью. Я немедленно съ воодушевленіемъ разсказалъ ему о моихъ литературныхъ знакомствахъ и попыткахъ и просилъ сейчасъ же зайти ко мнѣ, обѣщая прочесть ему теперешнюю мою работу, на что онъ охотно согласился.

Онъ, повидимому, остался доволенъ моимъ очеркомъ, хотя и не распространялся въ излишнихъ похвалахъ; ему не понравилось только одно выраженіе въ главѣ „Публика шарманщика“. У меня было написано такъ: „Когда шарманка перестаетъ играть, чиновникъ изъ окна бросаетъ пятакъ, который падаетъ къ ногамъ шарманщика“. — „Не то, не то,—раздраженно заговорилъ вдругъ Достоевскій,—совсѣмъ не то! У тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ... Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, *звеня* и *подпрыгивая*...“ Замѣчаніе это,—помню очень хорошо,—было для меня цѣлымъ откровеніемъ. Да, дѣйствительно, *звеня* и *подпрыгивая* выходитъ гораздо живописнѣе, дорисовываетъ движеніе. Художественное чувство было въ моей натурѣ; выраженіе: пятакъ упалъ не просто, а *звеня* и *подпрыгивая*,—этихъ двухъ словъ было для меня довольно, чтобы

понять разницу между сухимъ выраженіемъ и живымъ художественно-литературнымъ пріемомъ.

....Въ теченіе этого времени я чаще и чаще видѣлся съ Достоевскимъ. Кончилось тѣмъ, что мы согласились жить вмѣстѣ, каждый на свой счетъ. Матушка посылала мнѣ ежемѣсячно пятьдесятъ рублей; Достоевскій получалъ отъ родныхъ изъ Москвы почти столько же. По тогдашнему времени, денегъ этихъ было бы за глаза для двухъ молодыхъ людей; но деньги у насъ не держались и расходились обыкновенно въ первыя двѣ недѣли; остальныя двѣ недѣли часто приходилось продовольствоваться булками и ячменнымъ кофеемъ, который тутъ же подлѣ покупали мы въ домѣ Фридерикса. Домъ, гдѣ мы жили, находился на углу Владимирской и Графскаго переулка; квартира изъ кухни и двухъ комнатъ съ тремя окнами, выходившими въ Графскій переулокъ; послѣднюю комнату занималъ Достоевскій, ближайшую къ двери—я. Прислуги у насъ не было, самоваръ ставили мы сами, за булками и другими припасами также отправлялись сами.

Когда я сталъ жить съ Достоевскимъ, онъ только что кончилъ переводъ романа Бальзака, „Евгенія Грандѐ“. Бальзакъ былъ любимымъ нашимъ писателемъ; говорю „нашимъ“ потому, что оба мы одинаково имъ зачитывались, считая его неизмѣримо выше всѣхъ французскихъ писателей. Не знаю, какъ потомъ думалъ Достоевскій, но я до сихъ поръ остался вѣренъ прежнему мнѣнію и часто перечитываю нѣкоторыя изъ твореній Бальзака. Не могу припомнить, какимъ образомъ, черезъ кого, переводъ „Евгеніи Грандѐ“ попалъ въ журналъ „Библіотека для Чтенія“; помню только, когда книга журнала попала къ намъ въ руки, Достоевскій глубоко огорчился, и было отчего: „Евгенія Грандѐ“ явилась едва ли не на треть въ сокращенномъ видѣ противъ подлинника. Но таковъ ужъ, говорили, былъ обычай у Сенковскаго, редактора „Библіотеки для Чтенія“. Онъ поступалъ также безцеремонно съ оригинальными произведеніями авторовъ. Послѣдніе были настолько смирны, что молчали, лишь бы добиться счастья видѣть свою рукопись и свое имя въ печати.

Увлеченіе Бальзакомъ было причиной, что Бѣлинскій, къ которому въ первый разъ повелъ меня Некрасовъ, сдѣлалъ на меня впечатлѣніе обратное тому, какое я ожидалъ. Настроенный Некрасовымъ, я ждалъ, какъ счастья, видѣть Бѣлинскаго; я переступалъ его порогъ робко, съ волненіемъ, заблаговременно обдумывая выраженія, съ какими я выскажу ему мою любовь къ знаменитому французскому писателю. Но едва я успѣлъ коснуться, что сожитель мой,—имя котораго никому не было тогда извѣстно, — перевелъ „Евгенію Грандѐ“, Бѣлинскій разразился противъ общаго нашего кумира жесточайшею бранью, назвалъ

его мѣщанскимъ писателемъ, сказалъ, что если бы только попала ему въ руки эта „Евгенія Грандѐ“, онъ на каждой страницѣ доказалъ бы всю пошлость этого сочиненія. Я былъ до того озадаченъ, что забылъ все, что готовился сказать, входя къ Бѣлинскому; я положительно растерялся и вышелъ отъ него, какъ ошпаренный, негодуя противъ себя еще больше, чѣмъ противъ Бѣлинскаго. Не знаю, что онъ обо мнѣ подумалъ; онъ, вѣроятно, смотрѣлъ на меня какъ на мальчишку, не умѣвшаго двухъ словъ сказать въ защиту своего мнѣнія.

Достоевскій, между тѣмъ, просиживалъ цѣлые дни и часть ночи за письменнымъ столомъ. Онъ слова не говорилъ о томъ, что пишетъ: на мои вопросы онъ отвѣчалъ неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я пересталъ спрашивать. Я могъ только видѣть множество листовъ, исписанныхъ тѣмъ почеркомъ, который отличалъ Достоевскаго: буквы сыпались у него изъ-подъ пера точно бисеръ, точно нарисованныя. Такой почеркъ видѣлъ я впослѣдствіи только у одного писателя: Дюма—отца. Какъ только Достоевскій переставалъ писать, въ его рукахъ немедленно появлялась книга. Онъ одно время очень пристрастился къ романамъ Ф. Сулье, особенно восхищали его „Записки демона“. Усиленная работа и упорное сидѣнье дома крайне вредно дѣйствовали на его здоровье; онѣ усиливали его болѣзнь, проявляющуюся нѣсколько разъ еще въ юности, въ бытность его въ училищѣ. Нѣсколько разъ во время нашихъ рѣдкихъ прогулокъ съ нимъ случались припадки. Разъ, проходя вмѣстѣ съ нимъ по Троицкому переулку, мы встрѣтили похоронную процессію. Достоевскій быстро отвернулся, хотѣлъ вернуться назадъ, но, прежде чѣмъ успѣли мы отойти нѣсколько шаговъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ настолько сильный, что я съ помощью прохожихъ принужденъ былъ перенести его въ ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его въ чувство.

Послѣ такихъ припадковъ наступало обыкновенно угнетенное состояніе духа, продолжавшееся дня два или три.

Разъ утромъ (это было лѣтомъ) Достоевскій зоветъ въ свою комнату; войдя къ нему, я засталъ его сидящимъ на диванѣ, служившимъ ему также постелью; передъ нимъ, на небольшомъ письменномъ столѣ, лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, съ загнутыми полями и мелкоисписанная.

— Садись-ка, Григоровичъ; вчера только что переписалъ; хочу прочесть тебѣ; садись и не перебивай,—сказалъ онъ съ необычною живостью.

То, что онъ прочелъ мнѣ въ одинъ присѣстъ и почти не останавливаясь, явилось вскорѣ въ печати подъ названіемъ „Бѣдные люди“.

Я былъ всегда высокаго мнѣнія о Достоевскомъ; его начитанность, знаніе литературы, его сужденіе, серьезность характера дѣйствовали на меня внушительно; мнѣ часто приходило въ голову, какъ могло случиться, что я успѣлъ уже написать кое-что, это кое-что было напечатано, я считалъ уже себя нѣкоторымъ образомъ литераторомъ, тогда какъ Достоевскій ничего еще не сдѣлалъ по этой части. Съ первыхъ страницъ „Бѣдныхъ людей“ я понялъ, насколько то, что было написано Достоевскимъ, было лучше того, что я сочинялъ до сихъ поръ; такое убѣжденіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось чтеніе. Восхищенный донельзя, я нѣсколько разъ порывался броситься ему на шею; меня удерживала только его нелюбовь къ шумнымъ, выразительнымъ изліяніямъ; я не могъ, однакожъ, спокойно сидѣть на мѣстѣ и то и дѣло прерывалъ чтеніе восторженными восклицаніями.

Результатъ этого чтенія болѣе или менѣе извѣстенъ читающей публикѣ. Исторія о томъ, какъ я силой почти взялъ рукопись „Бѣдныхъ людей“ и отнесъ ее Некрасову, разсказана самимъ Достоевскимъ въ его „Дневникѣ“. Изъ скромности, вѣроятно, онъ умолчалъ о подробностяхъ, какъ чтеніе происходило у Некрасова. Читалъ я. На послѣдней страницѣ, когда старикъ Дѣвушкинъ прощается съ Варенькой, я не могъ больше владѣть собою и началъ всхлипывать; я украдкой взглянулъ на Некрасова: по лицу у него также текли слезы. Я сталъ горячо убѣждать его въ томъ, что хорошаго дѣла никогда не надо откладывать, что слѣдуетъ сейчасъ же отправиться къ Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырехъ часовъ утра), сообщить ему объ успѣхѣ и сегодня же условиться съ нимъ насчетъ печатанія его романа.

Некрасовъ, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро одѣлся, и мы отправились.

Долженъ признаться, я поступилъ въ настоящемъ случаѣ очень необдуманно. Зная хорошо характеръ моего сожителя, его нелюдимость, болѣзненную впечатлительность, замкнутость, мнѣ слѣдовало бы разсказать ему о случившемся на другой день, но сдержанно, а не будить его, не тревожить неожиданною радостью и, вдобавокъ, не приводить къ нему чуть ли не ночью незнакомаго человѣка [1]); но я самъ былъ тогда въ возбужденномъ состояніи; въ такія минуты здраво разсуждаютъ болѣе спокойные люди.

---

[1]) Не совсѣмъ точно; см. разсказъ Д—аго объ этомъ посѣщеніи, „Дневн. пис.“ 1877 г., янв., гл. вторая, III.

На стукъ нашъ въ дверь отворилъ Достоевскій; увидавъ подлѣ меня незнакомое лицо, онъ смутился, поблѣднѣлъ и долго не могъ слова отвѣтить на то, что говорилъ ему Некрасовъ. Послѣ его ухода я ждалъ, что Достоевскій начнетъ бранить меня за неумѣренное усердіе и излишнюю горячность, но этого не случилось; онъ ограничился тѣмъ только, что заперся въ своей комнатѣ, и долго послѣ того я слышалъ, лежа на своемъ диванѣ, его шаги, говорившіе мнѣ о взволнованномъ состояніи его духа.

Послѣ знакомства съ Некрасовымъ и черезъ него съ Бѣлинскимъ, который прочелъ рукопись „Бѣдныхъ людей“, съ Достоевскимъ произошла замѣтная перемѣна. Во время печатанія „Бѣдныхъ людей“ онъ постоянно находился въ крайне нервномъ возбужденіи. Со свойственною ему несообщительностью, онъ не говорилъ мнѣ о томъ, какъ сошелся съ Некрасовымъ и что дальше было между ними. Стороною только доходили до меня слухи о томъ, что онъ требовалъ печатать „Бѣдныхъ людей“ особымъ шрифтомъ и окружить рамкой каждую страницу; я не присутствовалъ при этихъ разговорахъ и не знаю, справедливо это или нѣтъ; если и было что-нибудь похожее, тутъ, вѣроятно, не обошлось безъ преувеличенія.

Могу сказать только съ увѣренностью, что успѣхъ „Бѣдныхъ людей“ и еще больше, кажется, неумѣренно-восторженныя похвалы Бѣлинскаго положительно вредно отразились на Достоевскомъ, жившемъ до той поры замкнуто, въ самомъ себѣ, встрѣчавшемся, да и то не часто, съ немногими товарищами, не имѣвшими ничего общаго съ литературой. Возможно ли было такому человѣку, даже при его умѣ, сохранить нормальное состояніе духа, когда съ перваго шага на новомъ поприщѣ такой авторитетъ, какъ Бѣлинскій, преклонился предъ нимъ, громко провозглашая, что появилось новое свѣтило въ русской литературѣ? Вскорѣ послѣ „Бѣдныхъ людей“ Достоевскій написалъ повѣсть „Господинъ Прохарчинъ“ или „Господинъ Голядкинъ“, не помню хорошо названія. Чтеніе назначено было у Некрасова; я также былъ приглашенъ. Бѣлинскій сидѣлъ противъ автора, жадно ловилъ каждое его слово и мѣстами не могъ скрыть своего восхищенія, повторяя, что одинъ только Достоевскій могъ доискаться до такихъ изумительныхъ психологическихъ тонкостей.

Увлеченіе Бѣлинскаго не сдѣлало бы еще, можетъ-быть, такого дѣйствія на Достоевскаго, какъ тотъ внезапный, рѣзкій поворотъ на его счетъ въ мнѣніи Бѣлинскаго и его кружка.

Вотъ что около этого времени писалъ Бѣлинскій къ Анненкову: „Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть „Хозяйка“,—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ по-

мирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подбавивши немного Гоголя. Онъ еще написалъ кое-что послѣ того, но каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о „Бѣдныхъ людяхъ“; я трепещу при мысли перечитать ихъ. Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!“ Писалъ это Бѣлинскій, честнѣйшій изъ людей, но склонный къ увлеченію,—писалъ совершенно искренно, какъ всегда, по убѣжденію. Бѣлинскій не стѣснялся громко высказывать свое мнѣніе о Достоевскомъ; близкіе люди его кружка ему вторили.

Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора „Бѣдныхъ людей“ чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную волю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, что послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ.

Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости.

Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскаго; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты, ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ „Бѣдныхъ людяхъ“ чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя.

Въ послѣднемъ обвиненіи—если можно это считать обвиненіемъ молодому начинающему литератору—была доля правды. Лицо старика Дѣвушкина въ „Бѣдныхъ людяхъ“ невольно приводитъ на память чиновника Поприщина въ „Запискахъ сумасшедшаго“; сцена, когда дочь директора роняетъ платокъ и Поприщинъ, бросившись подымать его, скользитъ на паркетѣ и чуть не разбиваетъ себѣ носъ, напоминаетъ сцену, когда у Дѣвушкина, въ присутствіи начальника, отрывается пуговица, и онъ, растерявшись, старается поднять ее. Не только въ пріемѣ частаго повторенія одного и того же слова, но въ постройкѣ

самыхъ фразъ, въ ихъ духѣ замѣтно проглядываетъ вліяніе Гоголя. „Также читалъ очень пріятное изображеніе, описанное курскимъ помѣщикомъ; курскіе помѣщики хорошо пишутъ!“— „Хотѣлъ бы разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки, какъ они, что они“ и т. д.—„Хотѣлось бы быть генераломъ для того, чтобъ увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разные экивоки“...—„Настасья Петровна; хорошее имя: Настасья Петровна; у меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна“ (Чичиковъ у Коробочки).—„Не то я тебя, знаешь, березовымъ вѣникомъ, чтобъ для вкусу-то... Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобъ еще былъ получше“... (Плюшкинъ). — „А вотъ черти-то тебя и припекутъ и припекутъ! Скажутъ: а вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина обманывала, и припекутъ, припекутъ!“... и т. д. Складъ этихъ фразъ, ихъ духъ, если можно такъ выразиться, часто встрѣчаемый въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго, не можетъ служить ему большимъ упрекомъ. Слѣдовало бы тогда винить все тогдашнее литературное молодое поколѣніе; всѣ въ одинаковой степени были увлечены Гоголемъ; почти все, что писалось въ повѣствовательномъ родѣ, было отраженіемъ повѣстей Гоголя, преимущественно повѣсти „Шинель“. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго не замѣтно уже тѣни подражанія; онъ становится совершенно самостоятельнымъ.

Не помню, о чемъ-то разъ зашелъ у меня съ Достоевскимъ горячій споръ. Результатъ былъ тотъ, что рѣшено было жить порознь. Мы разъѣхались, но, однакожъ, мирно, безъ ссоры. Бывая оба часто у Бекетовыхъ, мы встрѣчались дружелюбно, какъ старые товарищи.

Изъ воспоминаній П. В. Анненкова [1]).

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостиной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія на лицѣ. Онъ тоже замѣтилъ меня и прокричалъ „Идите скорѣй, сообщу новость“... „Вотъ отъ этой самой рукописи,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною,—которую вы видите, не могу оторваться цѣлый день. Это—романъ начинающаго таланта: каковъ этотъ господинъ

---

[1]) „Замѣчательное десятилѣтіе“. Воспоминанія и критическіе очерки. Т. III, стр. 138—139, или въ сборникѣ „Литературныя воспоминанія“. Спб. 1909. П. В. Анненковъ былъ однимъ изъ постоянныхъ членовъ кружка Бѣлинскаго.

съ виду и каковъ объемъ его мысли — еще не знаю, а романъ открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціальнаго романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно художники, т.-е. не подозрѣвая и сами, что у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все,—а какая драма, какіе типы! Да я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ „Достоевскій“, и образцы его мотивовъ представлю сейчасъ“. И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ паѳосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще большую окраску своей интонаціей и нервной передачей. Такъ встрѣтилъ онъ первое произведеніе нашего романиста.

И этимъ еще не кончилось. Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать для молодого автора то, что онъ дѣлалъ уже для многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, для Кольцова и Некрасова, т.-е. высвободить его талантъ отъ резонерскихъ наклонностей и сообщить ему сильные, такъ сказать, нервы и мускулы, которые могли бы овладѣвать предметами прямо, сразу, не надрываясь въ попыткахъ, но тутъ критикъ встрѣтилъ уже рѣшительный отпоръ. Въ домѣ же Бѣлинскаго прочитанъ былъ новымъ писателемъ и второй его разсказъ: „Двойникъ“; это—сенсаціонное изображеніе лица, существованіе котораго проходитъ между двумя мірами—реальнымъ и фантастическимъ, не оставляя ему возможности окончательно пристроиться ни къ одному изъ нихъ. Бѣлинскому нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной темы, но мнѣ, присутствовавшему тоже на этомъ чтеніи, показалось, что критикъ еще имѣетъ заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость „набить руку“, что называется въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и онъ относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но Бѣлинскій ошибся: онъ встрѣтилъ не новичка, а совсѣмъ уже сформировавшагося автора, обладающаго потому и закоренѣлыми привычками работы, несмотря на то, что онъ являлся, повидимому, съ первымъ своимъ произве-

деніемъ. Достоевскій выслушивалъ наставленія критика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученный его повѣстью, сразу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыши высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ; онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитоліи. Такъ, рѣшаясь отдать романъ свой въ готовившійся тогда альманахъ, авторъ его совершенно спокойно, и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймой.

Впослѣдствіи изъ Достоевскаго вышелъ, какъ извѣстно, изумительный искатель рѣдкихъ, поражающихъ феноменовъ человѣческаго мышленія и сознанія, который одинаково прославился вѣрностію, цѣнностію, интересомъ своихъ психическихъ открытій — и количествомъ обманныхъ образовъ и выводовъ, полученныхъ путемъ того же самаго тончайшаго хирургически-остраго, такъ сказать, психическаго анализа, какой помогъ ему создать и всѣ наиболѣе яркіе его типы. Съ Бѣлинскимъ онъ вскорѣ разошелся—жизнь развела ихъ въ разныя стороны, хотя довольно долгое время взгляды и созерцаніе ихъ были одинаковы.

Воспоминанія С. Д. Яновскаго [1]).

Вотъ буквально вѣрное описаніе наружности того Ѳедора Михайловича, какимъ онъ былъ въ 1846 году: роста онъ былъ ниже средняго, кости имѣлъ широкія и въ особенности широкъ былъ въ плечахъ и въ груди; голову имѣлъ пропорціональную, но лобъ чрезвычайно развитой съ особенно выдававшимися лобными возвышеніями, глаза небольшіе, свѣтло-сѣрые и чрезвычайно живые, губы—тонкія и постоянно сжатыя, придававшія всѣму лицу выраженіе какой-то сосредоточенной доброты и ласки; волосы у него были болѣе чѣмъ свѣтлые, почти бѣловатые и чрезвычайно тонкіе и мягкіе, кисти рукъ и ступни ногъ — примѣчательно большія. Одѣтъ онъ былъ чисто и можно сказать изящно; на

---

1) „Русскій Вѣстникъ“. 1885 г., 4. Авторъ воспоминаній—врачъ, котораго свелъ въ 1846 г. съ Ѳ. М. Достоевскимъ Валеріанъ Н. Майковъ. 4 февр. 1872 Д—ій въ письмѣ къ Яновскому называетъ его—„одинъ изъ незабвенныхъ“, „одинъ изъ тѣхъ, которые рѣзко отозвались въ моей жизни“. „Вы любили меня и возились со мною, съ больнымъ душевною болѣзнію (вѣдь я теперь сознаю это), до моей поѣздки въ Сибирь“.

немъ былъ прекрасно сшитый изъ превосходнаго сукна черный сюртукъ, черный казимировый жилетъ, безукоризненной бѣлизны голландское бѣлье и Циммермановскій цилиндръ; если что и нарушало гармонію всего туалета, это не совсѣмъ красивая обувь и то, что онъ держалъ себя какъ-то мѣшковато, какъ держатъ себя не воспитанники военно-учебныхъ заведеній, а окончившіе курсъ семинаристы. Легкія при самомъ тщательномъ осмотрѣ и выслушиваніи оказались совершенно здоровыми, но удары сердца были не совершенно равномѣрны, а пульсъ былъ неровный и замѣчательно сжатый, какъ бываетъ у женщинъ и у людей нервнаго темперамента.

За чаемъ же мы бесѣдовали о разныхъ предметахъ, но болѣе всего о медицинѣ, о соціальныхъ вопросахъ, о вопросахъ касавшихся литературы и искусствъ и очень много о религіи.

Во всѣхъ своихъ сужденіяхъ Ѳ. М. поражалъ меня, равно какъ и другихъ въ то время нашихъ знакомыхъ, особенною вѣрностью своихъ взглядовъ, обширною, сравнительно съ нами (хотя всѣ мы были съ университетской подготовкой и люди читавшіе), начитанностью и до того глубокимъ анализомъ, что мы невольно вѣрили его доказательствамъ, какъ чему-то конкретному, осязаемому.

Въ концѣ 1846 года знакомство мое съ Ѳ. М. перешло въ близкую пріязнь, и бесѣды наши приняли характеръ самый искренній и задушевный. Сближеніе нашему весьма много содѣйствовало, во-первыхъ, наше сверстничество: мнѣ было 28 лѣтъ, а Ѳ. М. 24 года. Я отъ природы былъ человѣкъ увлекающійся, крайне любознательный, патріотъ, что называется до мозга костей, и любилъ чтеніе до опьянѣнія, притомъ человѣкъ вѣрующій въ Откровеніе; Ѳ. М. былъ человѣкъ сосредоточенный, мыслитель глубокій, наблюдатель или лучше сказать нравственный химикъ-аналитикъ неудовлетворимый, писатель самолюбія большого и въ то же время патріотъ и вѣрующій. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который понималъ бы его вѣчно роющійся въ анализѣ умъ, и сочувствуя его неутомимой работѣ, цѣнилъ бы ее по достоинству. Я съ моею профессіей и мой маленькій въ то время кружокъ знакомыхъ въ этомъ отношеніи удовлетворяли его вполнѣ.

Сойдясь со мной на дружескую ногу, вотъ что довѣрилъ мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ человѣкъ положительно бѣдный и живетъ своимъ трудомъ, какъ писатель. Въ это время онъ сообщалъ мнѣ многое о тяжелой и безотрадной обстановкѣ его дѣтства, хотя благоговѣйно отзывался всегда о матери, о сестрахъ и о братѣ Михаилѣ Михайловичѣ; объ отцѣ онъ рѣшительно не любилъ говорить и просилъ о немъ не

спрашивать, а также мало говорилъ о братѣ Андреѣ Михайловичѣ...

Первая болѣзнь, для которой Ѳ. М. обратился ко мнѣ за пособіемъ, была чисто мѣстною; но во время лѣченія онъ часто жаловался на особенныя головныя дурноты, подводя ихъ подъ общее названіе „кондрашки“. Я же, наблюдая за нимъ внимательно и зная много изъ его разсказовъ о тѣхъ нервныхъ явленіяхъ, которыя бывали съ нимъ въ его дѣтствѣ, а также принимая во вниманіе его темпераментъ и тѣлосложеніе, постоянно допускалъ какую-нибудь нервную болѣзнь...

...Изо всѣхъ записокъ, мною полученныхъ отъ Ѳ. М., въ особенности интересна была одна, въ которой онъ изъ Парголова увѣдомлялъ меня, проживавшаго въ Павловскѣ, о томъ, что теперь ему не до „кондрашки“, такъ какъ онъ сильно занятъ сборомъ денегъ по подпискѣ въ пользу одного несчастнаго пропойцы, который, не имѣя на что выпить, а потомъ напиться и, наконецъ, опохмелиться, ходитъ по дачамъ и предлагаетъ себя *поспѣшься* за деньги. Разсказъ Ѳ. М. былъ верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи; въ немъ было столько гуманности, столько участія къ бѣдному пропойцѣ, что невольно слеза прошибала, но было немало и того юмора и той преслѣдующей зло безпощадности, которыя были въ талантѣ Ѳ. М.

Ѳ. М. какъ въ то время, когда познакомился со мною, такъ и послѣ, когда возвратился изъ Сибири и жилъ своимъ домомъ, даже и тогда, когда (братъ его) дѣйствительно имѣлъ хорошія средства и повидимому брату ни въ чемъ не отказывалъ, все-таки былъ бѣденъ и въ деньгахъ постоянно нуждался. Когда же вспомнишь то, что плату за трудъ Ѳ. М. получалъ постоянно хорошую, что жизнь онъ велъ, въ особенности, когда былъ холостымъ, чрезвычайно скромную и безъ претензій, то невольно задаешься вопросомъ: куда же онъ дѣвалъ деньги? На этотъ вопросъ я могу отвѣчать положительно вѣрно, такъ какъ въ этомъ Ѳ. М. былъ со мною откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо: онъ всѣ почти свои деньги раздавалъ тѣмъ, кто былъ хоть сколько-нибудь бѣднѣе его; иногда же и просто такимъ, которые были хотя и не бѣднѣе его, но умѣли выманить у него деньги, какъ у добряка безграничнаго. Въ карты Ѳ. М. не только не игралъ, но не имѣлъ понятія ни объ одной игрѣ и ненавидѣлъ игру. Вина и кутежа онъ былъ рѣшительный врагъ; притомъ же, будучи отъ природы чрезвычайно мнительнымъ (что у него было несомнѣннымъ признакомъ извѣстныхъ страданій мозга и именно такого рода, которыя впослѣдствіи обнаружились чистою формою падучей болѣзни) и состоя подъ страхомъ „кондрашки“, онъ всячески воздерживался отъ всего возбуждающаго. Эта мнитель-

ность доходила у него до смѣшного на взглядъ людей постороннихъ, чѣмъ онъ, однакоже, очень обижался; а между тѣмъ нельзя было иногда не разсмѣяться, когда бывало видишь, что стоило кому-нибудь случайно сказать: „Какой славный, душистый чай!“ какъ Ѳ. М., пившій обыкновенно не чай, а теплую водицу, вдругъ встанетъ съ мѣста, подойдетъ ко мнѣ и шепнетъ на ухо: „Ну, а пульсъ, батенька, каковъ? а? вѣдь чай-то цвѣточный!“ И нужно было спрятать улыбку и успокоить его серьезно въ томъ, что пульсъ ничего и что даже языкъ хорошъ и голова свѣжа.

Единственно, что любилъ Ѳ. М., это—устройство изрѣдка обѣдовъ въ Hôtel de France въ Малой Морской, цѣлою компаніей близкихъ ему людей. Обѣды эти обыкновенно обходились не дороже двухъ рублей съ человѣка; но веселья и хорошихъ воспоминаній они давали каждому чуть не на все время до новой сходки. Обѣдъ заказывался всегда Ѳ. М. и стоилъ рубль съ персоны; изъ напитковъ допускались: предъ обѣдомъ рюмка, величиною съ наперстокъ, водки (при одномъ видѣ которой Яковъ Петровичъ Бутковъ[1]) дѣлалъ прекислую гримасу) и по два бокала шампанскаго за обѣдомъ, да чай à discrétion послѣ обѣда. Ѳ. М. въ то время водки не пилъ, шампанскаго ему наливали $^1/_4$ бокала, и онъ прихлебывалъ его по одному глоточку послѣ спичей, которые любилъ говорить и говорилъ съ увлеченіемъ. Чаепитіе же продолжалось до поздней поры и прекращалось съ уходомъ изъ гостиницы. Обѣды эти Ѳ. М. очень любилъ; онъ на нихъ велъ задушевныя бесѣды, и они составляли для него дѣйствительно праздникъ. Вотъ какъ онъ самъ объяснялъ мнѣ причину его любви къ этимъ сходкамъ: „Весело на душѣ становится, когда видишь, что бѣдный пролетарій (пролетаріемъ онъ называлъ каждаго живущаго поденнымъ заработкомъ, а не рентой или инымъ какимъ-нибудь постояннымъ доходомъ, напримѣръ службой) сидитъ себѣ въ хорошей комнатѣ, ѣстъ хорошій обѣдъ и запиваетъ даже шипучкою и притомъ настоящею“. По окончаніи этого праздничнаго обѣда, Ѳ. М. съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подходилъ ко всѣмъ, жалъ у каждаго руку и приговаривалъ: „А вѣдь обѣдъ ничего, хорошъ, рыба подъ соусомъ была даже очень и очень вкусная“. Якова Петровича Буткова онъ при этомъ еще и цѣловалъ.

...Припоминая себѣ тѣ часы, которые я проводилъ каждодневно съ незабвеннымъ Ѳ. М., я не могу пройти молчаніемъ бесѣдъ о литературѣ, которыя онъ велъ со мною иногда одинъ-на-

---

[1]) Литераторъ, авторъ очерковъ мелко-чиновнаго, мѣщанскаго и т. п. быта Петербурга († 1856 г.).

одинъ, а иногда и въ присутствіи другихъ общихъ нашихъ пріятелей. Само собою разумѣется, что Пушкина и Гоголя онъ ставилъ выше всѣхъ и часто, заговоривъ о томъ или другомъ изъ нихъ, цитировалъ изъ ихъ сочиненій на память цѣлыя сцены или главы. Лермонтова и Тургенева онъ тоже ставилъ очень высоко; изъ произведеній послѣдняго въ особенности хвалилъ „Записки охотника“. Чрезвычайно уважительно отзывался о всѣхъ произведеніяхъ, хотя по числу въ то время незначительныхъ, И. А. Гончарова, котораго отдѣльно напечатанный „Сонъ Обломова“ (весь романъ въ то время напечатанъ еще не былъ) цитировалъ съ увлеченіемъ. Изъ писателей эпохою постарше онъ рекомендовалъ Лажечникова. О другихъ же нашихъ беллетристахъ, какъ, напримѣръ, о гр. Соллогубѣ, Панаевѣ (Ив. Ив.) онъ отзывался не особенно одобрительно и, не отказывая имъ въ дарованіи, не признавалъ въ нихъ художественныхъ талантовъ. У меня въ то время была порядочная библіотека, и я часто, возвратясь домой, заставалъ Ѳ. М. за чтеніемъ вынутой изъ шкапа книги, и чаще всего съ Гоголемъ въ рукахъ. Гоголя Ѳ. М. никогда не уставалъ читать и нерѣдко читалъ его вслухъ, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же онъ читалъ „Мертвыя Души“, то почти каждый разъ, закрывая книгу, восклицалъ: „Какой великій учитель для всѣхъ русскихъ, а для нашего брата въ особенности! Вотъ такъ настольная книга! Вы ее, батюшка, читайте каждый день понемножку, ну хоть по одной главѣ, а читайте; вѣдь у каждаго изъ насъ есть и патока Манилова и дерзость Ноздрева, и аляповатая неловкость Собакевича, и всякія глупости и пороки“.

Кромѣ сочиненій беллетристическихъ, Ѳ. М. часто бралъ у меня книги медицинскія, особенно тѣ, въ которыхъ трактовалось о болѣзняхъ мозга и нервной системы, о болѣзняхъ душевныхъ и развитіи черепа по старой, но въ то время бывшей въ ходу, системѣ Галля. Эта послѣдняя книга съ рисунками занимала его до того, что онъ часто приходилъ ко мнѣ вечеромъ потолковать объ анатоміи черепа и мозга, физіологическихъ отправленіяхъ мозга и нервовъ, о значеніи черепныхъ возвышенностей, которымъ Галль придавалъ важное значеніе. Прикладывая каждое мое объясненіе непремѣнно къ формамъ своей головы и требуя отъ меня понятныхъ для него разъясненій каждаго возвышенія и углубленія въ его черепѣ, онъ часто затягивалъ бесѣду далеко за полночь. Черепъ же Ѳ. М. сформированъ былъ дѣйствительно великолѣпно. Его обширный, сравнительно съ величиною всей головы, лобъ, рѣзко выдѣлявшіяся лобныя пазухи и далеко выдавшіяся окраины глазницы при совершенномъ отсутствіи возвышеній въ нижней части затылочной кости дѣлали

голову Ѳ. М. похожею на Сократову. Онъ сходствомъ этимъ былъ очень доволенъ, находилъ его самъ и обыкновенно, говоря объ этомъ, добавлялъ: „А что нѣтъ шишекъ на затылкѣ, это хорошо, значитъ не юбошникъ; вѣрно, даже очень вѣрно, такъ какъ я, батенька, люблю не юбку, а, знаете ли, чепчикъ люблю, чепчикъ, вотъ такой, какіе носитъ Евгенія Петровна (мать Аполлона Николаевича и другихъ Майковыхъ, которую Ѳ. М. да и всѣ мы глубоко почитали и любили), больше ничего; ну и значитъ вѣрно".

Когда я припоминаю себѣ все, что воскресаетъ во мнѣ съ именемъ Ѳ. М., т.-е. его безпредѣльную гуманность, его неудержимую страсть къ анализу, въ самую душу забиравшемуся; когда я вспоминаю о томъ, какъ онъ любилъ ближняго и какъ постоянно стремился быть ему полезнымъ своимъ разумнымъ и честнымъ словомъ; наконецъ, когда я представляю себѣ его кроткій, со сжатыми вплотную губами образъ, похожій на Сократа,—я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что Ѳедоръ Михайловичъ отъ природы былъ назначенъ отнюдь не въ инженерное или иное какое-нибудь техническое вѣдомство. Любимый имъ предметъ изученія былъ душа человѣка.

Ѳ. М. очень любилъ общество, или, лучше сказать, собраніе молодежи, жаждущей какого-нибудь умственнаго развитія, но въ особенности онъ любилъ такое общество, гдѣ чувствовалъ себя какъ бы на каѳедрѣ, съ которой могъ проповѣдывать. Съ этими людьми Ѳ. М. любилъ бесѣдовать, и такъ какъ онъ по таланту и даровитости, а также и по знаніямъ стоялъ неизмѣримо выше многихъ изъ нихъ, то онъ находилъ особенное удовольствіе развивать ихъ и слѣдить за развитіемъ талантовъ и литературной наметки этихъ молодыхъ своихъ товарищей. Я не помню ни одного изъ извѣстныхъ мнѣ товарищей Ѳ. М. (а я ихъ зналъ почти всѣхъ), который не считалъ бы своею обязанностью прочесть ему свой литературный трудъ. Такъ поступали: А. У. Порѣцкій, Я. П. Бутковъ, П. М. Цейдлеръ; объ А. Н. Плещеевѣ, Крешевѣ и М. М. Достоевскомъ я уже не говорю, такъ какъ послѣдніе, и въ особенности А. Н. Плещеевъ, получали отъ Ѳ. М. темы для работъ и даже цѣлые конспекты для повѣстей. Если рѣшеніе полученныхъ задачъ оказывалось неудовлетворительнымъ, то таковые разсказы и повѣсти тутъ же самими авторами торжественно уничтожались. (Далѣе Яновскій приводитъ такіе случаи съ Бутковымъ и Плещеевымъ.)

...Его любовь, съ одной стороны, къ обществу и къ умственной дѣятельности, а съ другой—недостатокъ знакомства въ другихъ сферахъ, кромѣ той, въ какую онъ попалъ, оставивъ инженерное училище, были причиной того, что онъ легко со-

шелся съ Петрашевскимъ. Когда я бывало заводилъ рѣчь съ Ѳ. М., зачѣмъ онъ самъ такъ аккуратно посѣщаетъ пятницы у Покрова и отчего на этихъ собраніяхъ бываетъ такъ много людей,—Ѳ. М. отвѣчалъ мнѣ всегда: „Самъ я бываю оттого, что у Петрашевскаго встрѣчаю и хорошихъ людей, которые у другихъ знакомыхъ не бываютъ; а много народу у него собирается потому, что у него тепло и свободно, притомъ же онъ всегда предлагаетъ ужинъ, наконецъ, у него можно полиберальничать, а вѣдь кто изъ насъ смертныхъ не любитъ поиграть въ эту игру, въ особенности, когда выпьетъ рюмочку винца; а его Петрашевскій тоже даетъ, правда, кислое и скверное, но все-таки даетъ. Ну, вотъ къ нему и ходитъ всякій народъ; но вы туда никогда не попадете—я васъ не пущу". И не пустилъ, за что я ему, какъ истинному моему другу и учителю, во всю мою жизнь былъ и до сихъ поръ остаюсь душой и сердцемъ благодаренъ.

Хотя Ѳ. М., бывая въ собраніяхъ Петрашевскаго, можетъ-быть, что-нибудь противное тогдашнему строю государственному и говорилъ, въ особенности, если мы не упустимъ изъ виду того, что это было до освобожденія крестьянъ, но заговорщикомъ и бунтаремъ онъ не былъ и не могъ быть. Ѳ. М. не былъ и народникомъ въ томъ смыслѣ, какъ толковали тогда это слово, напримѣръ, Цейдлеръ, Порѣцкій и др., сосредоточившіе всѣ свои думы и дѣйствія на улучшеніи положенія простолюдина, котораго называли „мальцомъ". Ѳ. М. всегда былъ печальникомъ, утѣшителемъ и защитникомъ бѣдныхъ; призваніемъ его было изучать болѣзнь души и помочь ей стать въ здоровыя условія; вѣрнѣйшее лѣкарство у него всегда была молитва. Молился онъ не за однихъ невинныхъ, но и за завѣдомыхъ грѣшниковъ.

Ѳ. М. никогда, даже въ шутку не позволялъ себѣ не только солгать, но обнаруживалъ чувство брезгливости ко лжи, нечаянно сказанной другимъ. Я помню какъ-то разъ весь кружокъ близкихъ Ѳ. М. людей собрался вечеромъ у А. Н. Плещеева. Ѳ. М. по обыкновенію былъ въ хорошемъ расположеніи духа и много говорилъ. Но за ужиномъ зашла рѣчь о томъ, какъ бы достигнуть того, чтобы ни Гречъ, ни Булгаринъ, ни даже самъ П. И. Чичиковъ (такъ прозванъ былъ нами одинъ изъ писателей) никогда не лгали. Во время этого разговора кто-то въ совершенно шуточномъ тонѣ, защищая послѣдняго, сказалъ: „Ну, ему можно извинить, такъ какъ онъ хоть и прижимаетъ нашего брата, сотрудника, но все-таки платитъ и не обсчитываетъ, а что иногда солжетъ, то это не бѣда, такъ какъ и въ Евангеліи сказано, что иногда и ложь бываетъ во спасеніе". Услыхавъ эти слова, Ѳ. М. тотчасъ замолчалъ, сильно сосредоточился и все

остальное время только и повторялъ намъ, близко къ нему находившимся: „Вотъ оно что, даже и на Евангеліе сослался; а вѣдь это неправда, въ Евангеліи-то этого не сказано! Когда слышишь, что человѣкъ лжетъ, то дѣлается гадко, но когда онъ лжетъ и клевещетъ на Христа, то это выходитъ и гадко и подло".

Изъ воспоминаній А. П. Милюкова [1]).

Познакомился я съ Ѳ. М. Достоевскимъ зимою 1848 года. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. Съ первыхъ дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ; взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабандным путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто-литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, несмотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше, чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей, которые, съ одной стороны, изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самыми крайними программами соціализма, а съ другой—видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли; читали жгучія рѣчи, произносимыя во французской палатѣ, на франкфуртскомъ съѣздѣ, и въ то же время понимали, что легко можно пострадать за какое-нибудь недозволенное сочиненіе, даже за неосторожное слово. Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, на-

---

[1]) Ѳ. М. Достоевскій. „Рус. Стар.", 1881 г., книги 3 и 5, и въ книгѣ Милюкова „Литературныя встрѣчи и знакомства". Спб. 1890.—А. П. Милюковъ, преподаватель словесности и литераторъ 40—60-хъ годовъ, былъ составителемъ перваго курса словесности, проникнутаго идеями Бѣлинскаго и вышедшаго въ пятидесятыхъ годахъ, и въ молодости вращался въ томъ же кругу, что и Достоевскій.

родамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, то знаетъ, какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи.

И вотъ въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь посторонняго нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса [1]). Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дерикеръ—литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили, большею частью, о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня.

Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, между прочимъ, спросилъ, не хочу ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ, А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я только что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой—свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: „Поэту“ и „Впередъ“. И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ, напримѣръ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

---

[1]) И. И. Введенскій (1813—1855), преподаватель словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, происхожденіемъ изъ духовнаго сословія, готовился занять каѳедру литературы въ Спб. университетѣ, но потерпѣлъ неудачу по подозрѣнію въ излишнемъ его демократизмѣ. Кружокъ Введенскаго занимаетъ замѣтное мѣсто въ ряду другихъ кружковъ той поры и соприкасался съ кругомъ фурьеристовъ.

Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить.

И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ и братья Достоевскіе, Михаилъ Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ московскихъ казармахъ, и у него тоже сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень симпатичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому.

Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной. Дуровъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Пальмомъ и Алексѣемъ Дмитріевичемъ Щелковымъ на Гороховой улицѣ, за Семеновскимъ мостомъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые, а между тѣмъ гости сходились каждую недѣлю и засиживались обыкновенно часовъ до трехъ ночи, то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на прокатъ рояля. Собирались обыкновенно по пятницамъ. Я вошелъ въ этотъ кружокъ среди зимы и посѣщалъ его регулярно до самого прекращенія вечеровъ послѣ ареста Петрашевскаго и посѣщавшихъ его лицъ. Здѣсь, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филипповъ, оба люди очень образованные и милые.

О собраніяхъ Петрашевскаго я знаю только по слухамъ. Что же касается кружка Дурова, который я посѣщалъ постоянно и считалъ какъ бы своей дружеской семьей, то могу сказать положительно, что въ немъ не было чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писанаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры, большею частью, обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванной у насъ революціями въ Европѣ, правительство едва ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и скорѣе слѣдуетъ ожидать движенія снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, говорили, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую Пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенной настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. Я помню, какъ однажды, съ обычной своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина „Уединеніе“ [1]). Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳ. М. Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ.

Другой предметъ, на который также часто обращались бесѣды въ нашемъ кружкѣ, была тогдашняя цензура. Нужно вспомнить, до какихъ крайностей доходили въ то время цензурныя стѣсненія, какіе ходили въ обществѣ разсказы по этому предмету и какъ умудрялись тогда писатели провести какую-нибудь смѣлую мысль подъ вуалемъ цѣломудренной скромности,— чтобы представить, въ какомъ смыслѣ высказывалась въ нашемъ кружкѣ молодежь, горячо любившая литературу. Это тѣмъ понятнѣе, что между нами были не только начинавшіе литераторы, но и такіе, которые обратили уже на себя вниманіе пу-

---

[1]) „Деревня“.

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

блики, а романъ Ѳ. М. Достоевскаго „Бѣдные люди“ обѣщалъ уже въ авторѣ крупный талантъ. Разумѣется, вопросъ объ отмѣнѣ цензуры не находилъ у насъ ни одного противника.

Толки о литературѣ происходили, большею частью, по поводу какихъ-нибудь замѣчательныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и особенно такихъ, которыя соотвѣтствовали направленію кружка. Но разговоръ обращался и на старыхъ писателей, при чемъ высказывались мнѣнія рѣзкія и иногда довольно односторонніе и несправедливыя. Однажды, я помню, рѣчь зашла о Державинѣ, и кто-то заявилъ, что видитъ въ немъ скорѣе напыщеннаго ритора и низкопоклоннаго панегириста, чѣмъ великаго поэта, какимъ величали его современники и школьные педанты. При этомъ Ѳ. М. Достоевскій вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ:

— Какъ?! да развѣ у Державина не было поэтическихъ, вдохновенныхъ порывовъ? Вотъ это развѣ не высокая поэзія?!

И онъ прочелъ на память стихотвореніе „Властителямъ и Судіямъ“ съ такою силою, съ такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣхъ увлекъ своей декламаціей и безъ всякихъ комментарій поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ читалъ онъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Виктора Гюго, сходныхъ по основной мысли или картинамъ, и при этомъ мастерски доказывалъ, насколько нашъ поэтъ выше, какъ художникъ.

Въ Дуровскомъ кружкѣ было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуена и Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ, однакожъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ

общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы [1]). Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ и фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ.

Не меньше занимали насъ бесѣды о тогдашнихъ законодательныхъ и административныхъ новостяхъ, и понятно, что при этомъ высказывались рѣзкія сужденія, основанныя иногда на неточныхъ слухахъ или не вполнѣ достовѣрныхъ разсказахъ и анекдотахъ. И это въ то время было естественно въ молодежи, съ одной стороны, возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой — возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскій высказывался съ неменьшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь. Въ сужденіяхъ его постоянно слышался авторъ „Бѣдныхъ людей“, горячо сочувствующій человѣку въ самомъ приниженномъ его состояніи. Когда, по предложенію одного изъ членовъ нашего кружка, рѣшено было писать статьи обличительнаго содержанія и читать ихъ на нашихъ вечерахъ, Ѳ. М. Достоевскій одобрилъ эту мысль и обѣщалъ, съ своей стороны, работать, но, сколько я знаю, не успѣлъ ничего приготовить въ этомъ родѣ. Къ первой же статьѣ, написанной однимъ изъ офицеровъ, гдѣ разсказывался извѣстный тогда въ городѣ анекдотъ, онъ отнесся неодобрительно и порицалъ какъ содержаніе его, такъ и слабость литературной формы. Я, съ своей стороны, прочелъ на одномъ изъ нашихъ вечеровъ переведенную мною на церковно-славянскій языкъ главу изъ „Paroles d'un croyant“ Ламеннэ, и Ѳ. М. Достоевскій сказалъ мнѣ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ моемъ переводѣ выразительнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, онъ разумѣлъ при этомъ только самое

---

[1]) Едва ли здѣсь А. П. Милюковъ, по ошибкѣ памяти, не перенесъ въ сороковые годы славянофильскихъ взглядовъ Достоевскаго гораздо болѣе поздней поры. Не видно ни изъ чего, чтобы Д—ій уже въ сороковые годы былъ близко знакомъ съ славянофильскими взглядами, какъ извѣстно высказывавшимися тогда въ весьма тѣсныхъ московскихъ кружкахъ. — *Ч. В—ій.*

свойство языка, но отзывъ его былъ для меня очень пріятенъ. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось рукописи. Въ послѣднія недѣли существованія Дуровскаго кружка возникло предположеніе литографировать и сколько можно болѣе распространять этимъ путемъ статьи, которыя будутъ одобрены по общему соглашенію, но мысль эта не была приведена въ исполненіе, такъ какъ вскорѣ большая часть нашихъ друзей, именно всѣ, кто посѣщалъ вечера Петрашевскаго, были арестованы.

Незадолго передъ закрытіемъ кружка одинъ изъ нашихъ членовъ ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда списокъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, писаннаго по поводу его „Переписки съ друзьями“. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ это письмо на вечерѣ и потомъ, какъ самъ онъ говорилъ, читалъ его въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи. Впослѣдствіи это послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ его обвиненію и ссылкѣ. Письмо это, которое въ настоящее время едва ли увлечетъ кого-нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. У многихъ изъ нашихъ знакомыхъ оно обращалось въ спискахъ, вмѣстѣ съ привезенной также изъ Москвы юмористической статьею А. Герцена, въ которой остроумно и зло сравнивались обѣ наши столицы. Вѣроятно, при арестѣ петрашевцевъ немало экземпляровъ этихъ сочиненій отобрано и передано было въ третье отдѣленіе. Нерѣдко С. Ѳ. Дуровъ читалъ свои стихотворенія, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ слушали мы его переводъ извѣстной пьесы Барбье „Кіайя“, въ которой цензура уничтожила нѣсколько стиховъ. Кромѣ бесѣдъ и чтенія, у насъ бывала по вечерамъ и музыка. Послѣдній вечеръ нашъ заключился тѣмъ, что одинъ даровитый піанистъ, Кашевскій, сыгралъ на роялѣ увертюру изъ „Вильгельма Теля“ Россини [1]).

(23 апрѣля 1849 года А. П. Милюковъ узналъ (отъ М. М. Достоевскаго) объ арестѣ Ѳ. М., а также и Дурова, Монбелли, Филиппова и друг.).

Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безо всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ, не имѣлъ никакого состоянія и жилъ одними литературными работами для „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ велъ ежемѣсячно „внутреннее обозрѣніе“ и

---

[1]) О петрашевцахъ см.: Сборникъ (изд. В. Саблина) „Петрашевцы“ М., 1907.; В. Семевскій, „Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ“ въ сборникѣ „На славномъ посту“ (Спб., 1900), и отдѣльной брошюрой.

помѣщалъ небольшія повѣсти. Съ арестомъ его, семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи, и только А. А. Краевскій [1]) помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго, зная его скромность и сдержанность; хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей и нерѣдко высказывалъ мнѣ свое несочувствіе къ тѣмъ рѣзкостямъ, которыя позволяли себѣ тамъ болѣе крайніе и неосторожные люди. Сколько я зналъ, на него не могло быть сдѣлано никакихъ серьезно опасныхъ показаній, да притомъ въ послѣднее время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ, въ чемъ и не ошибся.

Въ концѣ мая мѣсяца (1849 г.) я нанялъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Котловской, поблизости отъ Крестовскаго острова, и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго, которому тогда было, если не ошибаюсь, лѣтъ семь. Мать навѣщала его каждую недѣлю. Однажды, кажется, въ серединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ, и вдругъ маленькій Ѳедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: „Папа, папа пріѣхалъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, въ это утро моего пріятеля освободили, и онъ поспѣшилъ видѣть сына и повидаться со мною. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухмѣсячной разлуки. Вечеромъ пошли мы на острова, и онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ и содержаніи въ казематѣ, о допросахъ въ слѣдственной комиссіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Ѳедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и рокового письма Бѣлинскаго, но, если дѣлу захотятъ придать серьезное значеніе, что—по тогдашнему времени было очень вѣроятно,—то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшительные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки.

Лѣто тянулось печально. Одни изъ близкихъ моихъ знакомыхъ были въ крѣпости, другіе жили на дачахъ, кто въ Парголовѣ, кто въ Царскомъ Селѣ. Я изрѣдка видался съ И. И. Введенскимъ и каждую недѣлю съ М. М. Достоевскимъ. Въ концѣ августа переѣхалъ я опять въ городъ, и мы стали бывать другъ у друга еще чаще. Извѣстія о нашихъ друзьяхъ были очень неопредѣленныя: мы знали только, что они здоровы, но едва ли

---

[1]) Издатель „Отеч. Записокъ“.

кто-нибудь изъ нихъ выйдетъ на свободу. Слѣдственная комиссія закончила свои засѣданія, и надобно было ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Но до этого было, однако, еще далеко. Прошла осень, потянулась зима, и только передъ святками рѣшена была участь осужденныхъ. Къ крайнему удивленію и ужасу нашему, всѣ приговорены были къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, какъ извѣстно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни на Семеновскомъ плацу, на самомъ эшафотѣ, куда введены были всѣ приговоренные, прочитали имъ новое рѣшеніе, по которому имъ дарована жизнь, съ замѣною смертной казни другими наказаніями. По этому приговору, Ѳ. М. Достоевскому назначалась ссылка въ каторжныя работы на четыре года, съ зачисленіемъ его, по окончаніи этого срока, рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Все это случилось такъ быстро и неожиданно, что ни я, ни братъ его не были на Семеновскомъ плацу и узнали о судьбѣ нашихъ друзей, когда все уже было кончено, и ихъ снова перевезли въ Петропавловскую крѣпость, кромѣ М. В. Петрашевскаго, который прямо съ эшафота отправленъ былъ въ Сибирь.

Осужденныхъ отвозили изъ крѣпости въ ссылку партіями по два и по три человѣка. Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ. Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ-быть, и никогда не придется видѣть. Мы поѣхали въ крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-майору М—ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человѣкъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня очень огорчило, но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

Насъ провели въ какую-то большую комнату, въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверть на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и въ сопровожденіи офицера

вошли Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Несмотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серьезное спокойствіе на лицѣ одного, та же привѣтливая улыбка у другого. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье—въ полушубкахъ и валенкахъ. Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ недалеко отъ входа и нисколько не стѣснялъ насъ. Ѳедоръ Михайловичъ прежде всего высказалъ свою радость брату, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью разспрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенной теплотою отозвались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ, ни другой на строгость суда или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшила ихъ, и, конечно, въ это время они не предчувствовали, какъ она отзовется на ихъ здоровьѣ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, когда имъ стали присылать книги и журналы.

Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается на свободѣ въ Петербургѣ, а не тотъ, кому сейчасъ предстоитъ ѣхать въ Сибирь на каторгу. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ѳедоръ Михайловичъ былъ спокоенъ и утѣшалъ его.

— Перестань же, братъ,—говорилъ онъ,—ты знаешь меня, не въ гробъ же я уйду, не въ могилу провожаешь,—и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ, еще и лучше меня, можетъ, достойнѣе меня... Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это,—я даже не сомнѣваюсь, что увидимся... А вы пишите, да когда обживусь—книгъ присылайте, я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ... А выйду изъ каторги—писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ-то самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что увижу и переживу,—будетъ о чемъ писать...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотрѣлъ на свою будущую каторгу, точно на какую-нибудь поѣздку за границу, гдѣ ему предстоитъ любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться съ новыми, привлекатель-

ными людьми, при полной свободѣ и со всѣми средствами и удобствами путешественника. Онъ какъ-будто не думалъ о томъ, что долженъ провести четыре года въ „мертвомъ домѣ“, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ людьми, выброшенными изъ общества за страшныя преступленія; а можетъ-быть, его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко падшихъ преступникахъ тѣ человѣческія черты, ту глубоко подъ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ.

Болѣе получаса продолжалось наше свиданіе, но оно показалось намъ очень короткимъ, хотя мы много-много переговорили. Печально перезванивали колокольчики на крѣпостныхъ часахъ, когда вошелъ плацъ-майоръ и сказалъ, что намъ время разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись мы и пожали другъ другу руки. Я не предчувствовалъ тогда, что съ Дуровымъ никогда уже болѣе не встрѣчусь, а Ѳ. М. Достоевскаго увижу только черезъ восемь лѣтъ.

Извѣстно, что въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ—на поселеніи или въ военной службѣ въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ поспѣшили воспользоваться дарованной свободой и мало-по-малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филиппова, тяжело раненаго при штурмѣ Карса и умершаго въ александропольскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири. Но не для всѣхъ освобожденныхъ каторжная жизнь прошла безслѣдно: нѣкоторые поплатились за нее здоровьемъ. Больше другихъ пострадалъ С. Ѳ. Дуровъ, сосланный, какъ я уже говорилъ, вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ въ Омскъ. Кто читалъ „Записки изъ Мертваго дома“, тотъ знаетъ, при какихъ условіяхъ должны были провести четыре года молодые люди, не знакомые до тѣхъ поръ ни съ нуждой, ни съ принудительной работой. Какое нужно было здоровье и запасъ нравственныхъ силъ, чтобы вынести переходъ отъ жизни въ развитомъ кружкѣ столичнаго общества къ страшному быту каторжнаго острога! Люди, посвятившіе себя литературѣ, страстные любители театра и музыки, одинъ—даровитый поэтъ, другой—высокоталантливый романистъ,—вдругъ брошены были въ смрадную арестантскую

казарму, въ толпу представителей всевозможныхъ пороковъ и преступленій, оторванные отъ всего, что было дорого для нихъ въ Божьемъ мірѣ, и лишенные всякой умственной пищи. Какъ мучительна была для нихъ одна мысль о томъ, что придется надолго оставить литературныя занятія, видно изъ письма Достоевскаго къ брату изъ Петропавловской крѣпости, писаннаго 22 декабря, по возвращеніи съ эшафота. Говоря о предстоящей каторгѣ, онъ пишетъ: „Лучше пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ“, и при этомъ прибавляетъ: „та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая свыклась съ возвышенными потребностями духа,—та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ“ [1]).

Дуровъ не выдержалъ тяжести арестантской жизни. „Онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка,—говоритъ Ѳ. М. Достоевскій въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“;—вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой“. По возвращеніи изъ Сибири, онъ послѣдніе годы жизни провелъ у А. И. Пальма больнымъ и разслабленнымъ калѣкой. При извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ въ южную Россію А. Н. Плещеевъ писалъ ему:

Уѣдешь ты на теплый югъ,
И гдѣ лазурью блещетъ море—
Тебя покинетъ злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.
Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа, извѣдавшая муки,
И пѣсенъ, выстраданныхъ ей,
Къ намъ долетятъ святые звуки.
Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участьемъ.

Но теплое участіе и постоянная заботливость А. И. Пальма не могли уже сохранить разбитой жизни несчастнаго [2]).

Ѳ. М. Достоевскій, благодаря своей энергіи и никогда не покидавшей его вѣрѣ въ лучшую судьбу, счастливѣе перенесъ тяжкое испытаніе каторжной жизни, хотя она отразилась и на его здоровьѣ. Если и до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то, безъ сомнѣнія, слабые и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Сибири я не подо-

---

[1]) Письмо это хранится у Анны Григорьевны Достоевской.—*А. Милюковъ.* — Въ числѣ писемъ Достоевскаго, изданныхъ О. Миллеромъ и Н. Страховымъ, напечатанъ подъ 22 декабря только приведенный въ отдѣлѣ писемъ отрывокъ о самомъ обрядѣ смертной казни.

[2]) Дуровъ умеръ 6 дек. 1869 г. въ Полтавѣ.—*Ч. В—ій.*

зрѣвалъ этого, но, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была уже тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей. Онъ говорилъ однажды, что здоровье Дурова особенно пошатнулось съ тѣхъ поръ, когда осенью посылали ихъ разбирать на рѣкѣ старую барку, при чемъ иные арестанты стояли по колѣна въ водѣ. Можетъ-быть, это подѣйствовало и на его здоровье и ускорило развитіе болѣзни до той степени, въ какой она обнаружилась впослѣдствіи.

Въ первое время послѣ помилованія, Достоевскому разрѣшено было жить только въ провинціи, и онъ поселился въ Твери, чтобы быть ближе къ роднымъ, изъ которыхъ одни жили въ Петербургѣ, а другіе въ Москвѣ. Братъ получилъ отъ него письмо и тотчасъ же поѣхалъ повидаться съ нимъ. Въ это время Ѳедоръ Михайловичъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ: онъ женился въ Сибири, на вдовѣ Маріи Дмитріевнѣ Исаевой, которая умерла потомъ отъ чахотки, если не ошибаюсь, въ 1863 г. [1]). Дѣтей отъ этого брака у него не было, но на его попеченіи остался пасынокъ. Въ Твери Достоевскій прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ готовился возобновить свою литературную дѣятельность, прерванную каторгой, и много читалъ. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочимъ, по просьбѣ его, я отправилъ къ нему „Псалтырь“ на славянскомъ языкѣ, „Коранъ“ во французскомъ переводѣ Казимирскаго и „Les romans de Voltaire“. Онъ говорилъ потомъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли [2]).

Въ это время у М. М. Достоевскаго была собственная табачная фабрика, и дѣло шло недурно: его папиросы съ сюрпризами расходились по всей Россіи. Но занятія по фабрикѣ не отвлекали его, однакоже, отъ литературы. Между прочимъ, по моей просьбѣ онъ перевелъ романъ Виктора Гюго „Le dernier jour d'un condamné“ для журнала „Свѣточъ“, который я тогда редактировалъ вмѣстѣ съ издателемъ Д. И. Калиновскимъ. Однажды Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостною вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ, и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ, наконецъ, я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Ѳедоръ Михайловичъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ-будто смотрѣлъ бодрѣе

---

1) Въ 1864 г.

2) Напомнимъ, что на склонѣ жизни Д—ій думалъ о русскомъ Кандидѣ; впечатлѣніе отъ повѣсти Вольтера было, очевидно, весьма стойкое,— *Ч. В—ій.*

прежняго и не утратилъ нисколько своей обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями и вспоминали старые годы и нашихъ общихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю. Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ, уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ-будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись впрахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи, и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились или совершались реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма.

Мало-по-малу Ѳедоръ Михайловичъ началъ разсказывать подробности о своей жизни въ Сибири и нравахъ тѣхъ отверженцевъ, съ которыми пришлось ему прожить четыре года въ каторжномъ острогѣ. Бо́льшая часть этихъ разсказовъ вошла потомъ въ его „Записки изъ Мертваго дома“. Сочиненіе это выходило при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: въ цензурѣ вѣялъ уже въ то время духъ терпимости, и въ литературѣ появились произведенія, какія недавно еще были немыслимы въ печати. Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжныхъ, мрачная канва всѣхъ этихъ разсказовъ о страшныхъ злодѣяхъ и, наконецъ, то, что самъ авторъ былъ только-что возвращенный политическій преступникъ, смущало нѣсколько цензуру; но это, однакожъ, не заставило Достоевскаго уклониться въ чемъ-нибудь отъ правды. И „Записки изъ Мертваго дома“ производили потрясающее впечатлѣніе: въ авторѣ ихъ видѣли какъ бы новаго Данта, который спускался въ адъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ существовалъ не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительности. По условіямъ тогдашней цензуры Ѳедоръ Михайловичъ принужденъ былъ только выбросить изъ своего сочиненія эпизодъ о ссыльныхъ полякахъ и политическихъ арестантахъ. Онъ передавалъ намъ по этому предмету немало интересныхъ подробностей. Кромѣ того, я помню еще одинъ разсказъ его, который тоже не вошелъ въ „Записки“, вѣроятно, по тѣмъ же цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права.

Изъ всѣхъ разсказовъ Достоевскаго о его житьѣ въ каторгѣ можно было видѣть, какое онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе. Если прежде своей ссылки онъ особенно любилъ подмѣчать теплое чувство и симпатичныя черты въ бѣдной и приниженной средѣ,

то теперь, кажется, еще внимательнѣе всматривался въ людей, отверженныхъ обществомъ, и старался отыскать въ нихъ ту искру Божію, о которой говорилъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Вспоминая о преступникахъ, какихъ ему пришлось видѣть въ каторжномъ острогѣ, онъ не относился къ нимъ съ брезгливостью и презрѣніемъ человѣка, который по образованію стоялъ неизмѣримо выше ихъ, а старался найти какую-нибудь человѣческую черту въ самомъ ожесточенномъ сердцѣ. Съ другой стороны, онъ не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цвѣтущіе годы своей молодости. Правда, и отъ другихъ, возвратившихся изъ каторги „петрашевцевъ“ мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому человѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылкѣ не только хорошо узнать русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самого себя. О долгихъ лишеніяхъ въ острогѣ говорилъ онъ неохотно и только съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ литературы, но и тутъ прибавлялъ, что, читая по необходимости одну Библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства.

По возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ, Ѳедоръ Михайловичъ горячо интересовался всѣми сколько-нибудь замѣчательными явленіями въ нашей литературѣ. Съ особеннымъ участіемъ всматривался онъ въ молодыхъ начинающихъ писателей и, видимо, радовался, когда подмѣчалъ въ комъ-нибудь изъ нихъ дарованіе и любовь къ искусству. Когда я завѣдывалъ редакціей журнала „Свѣточъ“, у меня каждую недѣлю собирались по вечерамъ сотрудники, большею частью молодежь. Между прочимъ, постояннымъ моимъ посѣтителемъ былъ извѣстный романистъ Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, тогда только что оставившій университетъ и начинавшій свою дѣятельность лирическими стихотвореніями, замѣчательными по свѣжести мысли и изяществу формы [1]). Однажды онъ въ присутствіи Достоевскаго прочелъ небольшую пьесу „Солимская Гетера“, сходную по сюжету съ извѣстной картиною Семирадскаго „Грѣшница“. Ѳедоръ Михайловичъ, выслушавъ это стихотвореніе, отнесся къ автору съ самымъ

---

[1]) Авторъ „Петербургскихъ трущобъ“ и романа-памфлета „Кровавый пуфъ“, съ нагроможденными въ этихъ произведеніяхъ невѣроятными приключеніями и кровавыми интригами, Крестовскій ни какъ поэтъ, ни какъ романистъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій.— *Ч. В—гій.*

теплымъ сочувствіемъ и послѣ того не разъ просилъ Крестовскаго повторять его. Еще съ большимъ участіемъ любилъ онъ слушать его поэтическіе эскизы, связанные въ одну небольшую лирическую поэму, подъ общимъ названіемъ „Весеннія ночи“. Стихотворенія эти такъ нравились ему, что нѣкоторые эпизоды онъ удержалъ въ памяти. Однажды, когда В. В. Крестовскій почему-то не былъ на моемъ обычномъ вечерѣ, Достоевскій за ужиномъ самъ продекламировалъ изъ его „Ночей“:

Здѣсь-то, Боже, сколько ягодъ,
Сколько спѣлой земляники!
Помнишь, какъ мы ровно за годъ
Тутъ сходились безъ улики?
Только разъ, кажись, попался
Намъ въ кустахъ твой старый дядя
И потомъ, когда встрѣчался,
Все лукаво улыбался,
На меня съ тобою глядя...

Я могъ бы разсказать еще нѣсколько случаевъ, какъ, съ одной стороны, его радовалъ всякій новый талантъ, а съ другой—возмущало проявленіе въ молодыхъ людяхъ испорченности вкуса или равнодушія къ литературѣ. Онъ скорѣе извинялъ легкомысленное увлеченіе какой-нибудь ложной идеей, чѣмъ индиферентизмъ въ искусствѣ или неуваженіе къ таланту. Въ сужденіяхъ Достоевскаго о капитальныхъ произведеніяхъ литературы выражалась та же тонкая наблюдательность, какую мы находимъ и въ типахъ, созданныхъ имъ въ собственныхъ романахъ. Это отчасти видно и въ его рѣчи на московскихъ празднествахъ, при открытіи памятника Пушкину, но еще ярче обнаруживалась эта своеобразность, когда дѣло шло объ иностранныхъ авторитетахъ, утвержденныхъ на мнѣніяхъ присяжныхъ критиковъ: тутъ онъ былъ оригинально смѣлъ, и если не во всемъ справедливъ, то всегда самобытенъ и чуждъ обыденной рутины. Въ его критическихъ и публицистическихъ отзывахъ, несмотря на ихъ парадоксальность и односторонность, часто выражался психологическій анализъ и виднѣлись такія же неуловимо-тонкія черты, какъ и въ оригинальныхъ лицахъ лучшихъ его произведеній.

Позднѣйшія отношенія Ѳедора Михайловича къ обществу и нашему молодому поколѣнію извѣстны изъ его „Дневника“. Онъ всегда готовъ былъ выслушать молодого человѣка, ободрить его и помочь добрымъ совѣтомъ, хотя никогда не заискивалъ передъ „новыми людьми“ для пріобрѣтенія популярности. Я знаю, какъ однажды пришелъ къ нему незнакомый студентъ, не въ видахъ полученія какого-нибудь покровительства, а только съ желаніемъ открыть свои религіозныя и нравственныя сомнѣнія симпатичному человѣку, и послѣ довольно продолжительной бесѣды съ нимъ,

вышелъ въ слезахъ, ободренный и обновленный душевно. И, кажется, это не единственный случай въ такомъ родѣ. Можно ли было такъ дѣйствовать на молодежь безъ горячей любви къ ней?

Съ особенной симпатіей относился Ѳ. М. Достоевскій къ дѣтямъ, не только въ знакомыхъ ему семействахъ, но и совершенно постороннимъ. Нерѣдко видалъ я, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дѣтскими играми, входилъ въ ихъ интересы и вслушивался въ ихъ наивные разговоры. Не удивительно, что въ сочиненіяхъ его мы находимъ нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, прелестныхъ, какъ головки Греза. У меня остался въ памяти одинъ случай, который даетъ наглядное понятіе о томъ, какъ ему близко было все, что касалось интереса дѣтей. Однажды я разсказалъ ему, что былъ свидѣтелемъ маленькой сцены на нашей улицѣ. Какъ-то лѣтомъ сидѣлъ я вечеромъ у открытаго окна. Пастухъ гналъ нѣсколько коровъ и, остановясь передъ нашимъ домомъ, пустилъ рѣзкую трель изъ своей двухъ-аршинной трубы, хорошо извѣстной всѣмъ петербургскимъ жителямъ, не уѣзжающимъ на лѣто за городъ. И вотъ какой-то мальчикъ мастеровой, въ пестрядевомъ халатишкѣ и безъ сапогъ, подошелъ къ пастуху и предложилъ ему грошъ за то, чтобы онъ позволилъ ему поиграть немного на своемъ мусикійскомъ орудіи. Пастухъ согласился, передалъ ему трубу и началъ объяснять, какъ за нее приняться. Ребенокъ едва держалъ этотъ уродливый и не по силамъ его тяжелый инструментъ. Сначала щеки его надулись, какъ пузырь, но ничего не выходило, потомъ мало-по-малу начали слышаться хотя слабые, но довольно рѣзкіе отрывистые звуки. Мальчикъ, видимо, былъ очень доволенъ. Но въ самомъ жару этого музыкальнаго упражненія, когда у него вырвалась такая звонкая трель, что коровы дружно замычали, откуда-то явился городовой, взялъ ребенка за ухо и крикнулъ: „Что ты, пострѣленокъ, балуешь! Вотъ я тебя!“ Мальчикъ оторопѣлъ, бросилъ трубу и побѣжалъ, опустя печально голову.

Когда я разсказалъ это Ѳедору Михайловичу, онъ быстро заходилъ по комнатѣ и заговорилъ съ жаромъ:

„Неужели вамъ этотъ случай кажется только забавнымъ? Да вѣдь это драма, серьезная драма! Бѣдный мальчишка этотъ родился въ какой-нибудь деревнѣ, по цѣлымъ днямъ былъ на свѣжемъ воздухѣ, бѣгалъ въ полѣ, ходилъ съ ребятишками въ лѣсъ по грибы или за ягодами, видѣлъ, какъ овцы пасутся, слышалъ, какъ птицы поютъ. Можетъ-быть, тятька или, такъ, дядя какой-нибудь на телѣгу съ сѣнокоса посадитъ его или даже верхомъ на кобылкѣ дастъ проѣхаться. Тамъ у ребенка была какая-нибудь свистулька, а можетъ, и дудка, и онъ насвистывалъ

на ней во всю силу своей дѣтской груди. И вотъ привезли этого ребенка въ Петербургъ и отдали на годы въ ученье, или, лучше сказать, на мученье, къ какому-нибудь слесарю и мѣднику, и сидитъ онъ съ ранняго утра до ночи въ подвалѣ душной мастерской, въ непроглядномъ дыму и копоти, и не слышитъ ничего, кромѣ стука молотковъ по мѣди и желѣзу, да ругани подмастерьевъ. Вѣдь это маленькій „Мертвый домъ“, гдѣ суждено ему вести каторжную жизнь много лѣтъ, а вѣрнѣе, безсрочно, какъ тамъ въ сибирскомъ особомъ разрядѣ. Все развлеченіе его въ томъ только, что хозяинъ пошлетъ его сбѣгать въ кабакъ за водкой, да въ Свѣтлый праздникъ онъ съ другими малолѣтними каторжниками-ремесленниками пошатается на вонючемъ дворѣ, да можетъ постоять у воротъ, если не прогонитъ дворникъ. И вотъ теперь у этого мальчишки завелся грошъ, и онъ не проѣлъ его на пряникѣ, не пропилъ на грушевомъ квасу, а видитъ—гонятъ коровушекъ, и у пастуха какая-то большая дудка. Онъ ужъ слыхалъ ее. Захотѣлось ему удовлетворить высшей, эстетической потребности, такъ или иначе присущей всякому человѣку, и отдаетъ онъ свой послѣдній грошъ пастуху, чтобы далъ ему минуту, одну только минуту, поиграть, хоть нѣсколько звуковъ выжать изъ этой, придавленной въ душной мастерской, дѣтской груди. Какое удовольствіе! Какое наслажденіе! Труба его звучитъ, онъ самъ на ней наигрываетъ, и корова замычала, откликается ему по-деревенски. Вдругъ полицейскій, блюститель городского порядка и тишины, хватаетъ бѣднаго ребенка за вихоръ, отнимаетъ у него трубу, грозитъ ему... Да поймите же, сколько въ этомъ трогательнаго, какая это драма! Славный ребенокъ, бѣдный ребенокъ!“

Въ послѣдніе годы мнѣ случалось слышать, что Достоевскаго обвиняли въ гордости и пренебрежительномъ обращеніи не только съ людьми мало ему извѣстными, но даже и съ тѣми, кого онъ давно и хорошо зналъ. Говорили, будто, проходя по улицѣ, онъ умышленно не узнавалъ знакомыхъ и даже, встрѣчаясь съ ними гдѣ-нибудь въ домѣ, не отвѣчалъ на поклоны и иногда про человѣка, давно ему извѣстнаго, спрашивалъ: „Кто это такой?“ Можетъ-быть, подобные случаи и дѣйствительно были, но, мнѣ кажется, это происходило не отъ надменности или самомнѣнія, а только вслѣдствіе несчастной болѣзни и, большею частью, вскорѣ послѣ припадковъ. Кто былъ свидѣтелемъ жестокости этихъ часто повторявшихся припадковъ и видѣлъ, какіе слѣды оставляли они на нѣсколько дней, тотъ пойметъ, отчего онъ не узнавалъ иногда людей довольно близкихъ. Я помню вотъ какой случай. Когда я жилъ въ Павловскѣ, Ѳедоръ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Мы пили чай. Только что дочь

моя подала ему стаканъ, онъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, зашатался, и я съ трудомъ дотащилъ его до дивана, на который онъ упалъ въ судорогахъ, съ искаженнымъ лицомъ. Его сильно било. Когда черезъ четверть часа онъ очнулся, то ничего не помнилъ и только проговорилъ глухимъ голосомъ: „Что это было со мною?“ Я старался успокоить его и просилъ остаться у меня ночевать, но онъ рѣшительно отказался, говоря, что долженъ непремѣнно воротиться въ Петербургъ. Зачѣмъ воротиться—онъ не помнилъ, но зналъ только, что нужно. Я хотѣлъ послать за извозчикомъ, но онъ и это отклонилъ. „Лучше пройдемъ пѣшкомъ до вокзала,—это меня освѣжитъ“, говорилъ онъ. Мы вышли, когда уже было довольно темно. Квартира моя была у самаго выѣзда на Колпинскую дорогу, такъ что намъ предстояло пройти черезъ весь паркъ, въ эти часы почти безлюдный. Не доходя еще до такъ называемой Сѣтки, Достоевскій вдругъ остановился и прошепталъ: „Со мной сейчасъ будетъ припадокъ!“ Кругомъ не было ни души. Я посадилъ его на траву у самой дорожки. Онъ посидѣлъ минутъ пять, но припадка, къ счастію, не было. Мы пошли дальше, но у самой лѣстницы, которая недалеко отъ дворца спускается къ мостикамъ черезъ Славянку, онъ снова остановился и, смотря на меня помутившимися глазами, сказалъ: „Припадокъ! Сейчасъ припадокъ!“ Однакожъ и теперь обошлось тѣмъ, что мы минутъ 10 просидѣли на скамейкѣ. И это повторялось еще раза два, прежде чѣмъ дошли до вокзала. Оттуда послалъ я сторожа на дачу за его родственникомъ, который тотчасъ же пріѣхалъ и проводилъ его въ Петербургъ. Когда на другой день я поѣхалъ навѣстить его, онъ былъ слабъ, какъ будто послѣ болѣзни, и въ первую минуту не узналъ меня. Я думаю, онъ самъ догадывался, что его напрасно подозрѣваютъ въ гордости.

По разсказамъ старшаго брата, Ѳедоръ Михайловичъ еще въ дѣтствѣ былъ мальчикъ крайне впечатлительный и нервный, но впослѣдствіи припадки должны были еще больше развить въ немъ чувствительность и раздражительность. Мнѣ кажется, они имѣли даже большое вліяніе на самый характеръ его творчества. Если при жизненной правдѣ и психической вѣрности бо́льшей части созданныхъ имъ лицъ, особенно въ послѣднихъ сочиненіяхъ, на нихъ лежитъ печать какой-то болѣзненной фантазіи, если они представляются намъ точно сквозь какое-то цвѣтное стекло, въ странномъ колоритѣ, придающемъ имъ призрачный видъ,—то на все это, какъ и на его личный характеръ, дѣйствовала, безъ сомнѣнія, его несчастная болѣзнь, особенно развившаяся въ Сибири. Я увѣренъ, что близкіе друзья покойнаго Достоевскаго которые знали его хорошо и долго, согласятся со мною, что за-

мѣтная въ немъ иногда несообщительность и рѣзкость вовсе не были слѣдствіемъ гордости или слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ. Если теперь неловкіе почитатели сдѣлали изъ него какого-то обличительнаго пророка, то въ этомъ онъ вовсе не виноватъ.

Въ Мертвомъ Домѣ.

(Изъ разсказовъ, записанныхъ П. К. Мартьяновымъ) [1]).

Самою тяжелою службой въ это время для молодежи была караульная, въ особенности при нарядѣ ея за офицеровъ въ крѣпостной острогъ. Это — тотъ знаменитый острогъ, который описалъ Ѳ. М. Достоевскій въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“; въ немъ содержались въ то время изъ числа петрашевцевъ двое: Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій и Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ. Была ли съ ними знакома молодежь въ Петербургѣ, неизвѣстно, но во время заключенія ихъ въ острогѣ она принимала въ судьбѣ ихъ самое горячее участіе и дѣлала для нихъ все, что только могла.

Крайне печальное зрѣлище представляли изъ себя тогда эти когда-то блестящіе петрашевцы. Одѣтые въ общій арестантскій нарядъ, состоявшій изъ сѣрой пополамъ съ чернымъ куртки—съ желтымъ на спинѣ тузомъ и таковой же мягкой безъ козырька фуражки—лѣтомъ, полушубка съ наушниками и рукавицами—зимой, закованные въ кандалы и громыхающіе ими при каждомъ движеніи, по внѣшности они ничѣмъ не отличались отъ прочихъ арестантовъ. Только одно, это ничѣмъ и никогда нестирающіеся слѣды воспитанія и образованія, выдѣляло ихъ изъ массы заключенниковъ. Ѳ. М. Достоевскій имѣлъ видъ крѣпкаго, приземистаго, коренастаго рабочаго, хорошо выправленнаго и поставленнаго военной дисциплиной. Но сознанье безысходной, тяжкой своей доли какъ будто окаменяло его. Онъ былъ неповоротливъ, малоподвиженъ и молчаливъ. Его блѣдное, испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а ротъ открывался только для отрывистыхъ и короткихъ отвѣтовъ по дѣлу или по службѣ. Шапку онъ нахлобучивалъ на лобъ до самыхъ бровей, взглядъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный, непріятный, голову склонялъ напередъ и глаза

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1895 г., № 11, „Въ переломѣ вѣка“, глава „Морячки“. „Морячки“—это были Лихаревъ и Левшинъ, кн. Хованскій и Калугинъ, Брылкинъ и бар. фонъ-Геллесенъ, гардемарины, разжалованные въ 1849 г. и опредѣленные на военную службу въ 4, 5 и 6-мъ сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ въ Омскъ. Со словъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и записано о Достоевскомъ и Дуровѣ.

опускалъ въ землю. Каторга его не любила, но признавала нравственный его авторитетъ; мрачно, но безъ ненависти къ превосходству, смотрѣла она на него и молча сторонилась. Видя это, онъ самъ сторонился ото всѣхъ и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда ему было тяжело или невыносимо грустно, онъ вступалъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ арестантовъ. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, и подъ двуцвѣтной курткой съ тузомъ на спинѣ казался баричемъ. Высокаго роста, статный и красивый, онъ держалъ голову высоко, его большіе, черные, на выкатѣ, несмотря на ихъ близорукость, глаза смотрѣли ласково, и уста какъ бы улыбались всякому. Шапку онъ носилъ съ заломомъ на затылкѣ и имѣлъ видъ весельчака даже въ минуты тяжелыхъ невзгодъ. Съ каждымъ арестантомъ онъ обходился ласково, и арестанты любили его. Но онъ былъ изнуренъ болѣзнію и зачастую едва могъ ходить. Его ноги тряслись и съ трудомъ носили хилое, разслабленное тѣло. Несмотря на это, онъ не падалъ духомъ, старался казаться веселымъ и заглушалъ боли тѣла остроумными шутками и смѣхомъ.

Отъ караула при острогѣ требовали, по тому времени, большого вниманія, энергіи и бдительности. Онъ долженъ былъ не только сопровождать арестантовъ на работы, но и слѣдить за ними во время ихъ нахожденія въ острогѣ. Утренняя и вечерняя повѣрка личнаго состава, наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ казармахъ, за недопущеніемъ проноса вина, табаку, картъ и другихъ запрещенныхъ предметовъ, за тишиной и спокойствіемъ среди заключенныхъ, нечаянные осмотры у нихъ и обыски и т. п.—дѣлали службу начальника караула весьма тяжелой и отвѣтственной. Но „морячки“ съ особеннымъ удовольствіемъ шли по наряду за офицеровъ въ караулъ при острогѣ, такъ какъ они имѣли возможность быть на виду у начальства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчать, хотя нѣсколько, тяжелую участь возбуждавшихъ всеобщее сожалѣніе заточниковъ. Сверхъ наряда арестантовъ на работы по крѣпости и въ ея окрестностяхъ, нѣсколько арестантовъ назначалось еще и для работъ при острогѣ. Эти послѣдніе арестанты находились въ распоряженіи караула и оставлялись до посылки куда нужно — или въ кордегардіи или въ своихъ камерахъ. При такихъ условіяхъ „морячки“ всегда могли, для работъ при острогѣ, оставлять тѣхъ заключенныхъ, кого они хотѣли. Обыкновенно, извѣстна была очередь смѣны карауловъ; такъ, напримѣръ, караулъ отъ 4-го батальона, съ Левшинымъ за начальника, долженъ былъ на другой день смѣниться карауломъ отъ 5-го батальона, съ княземъ Хованскимъ за начальника, который, въ свою очередь, имѣлъ быть смѣненъ карауломъ отъ 6-го батальона, съ Брылкинымъ за начальника. Же-

лавшій оставить кого-либо изъ арестантовъ для работъ при острогѣ писалъ о томъ наканунѣ записку начальнику караула, котораго онъ долженъ былъ на утро смѣнить, и тотъ оставлялъ просимаго арестанта въ острогѣ. Такимъ образомъ, Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ часто оставлялись для работъ при острогѣ и, по смѣнѣ стараго караула, требовались новымъ начальникомъ въ кордегардію и находились нѣкоторое время въ комнатѣ караульнаго офицера, гдѣ имъ сообщались новости дня, передавались отъ сердобольныхъ людей пожертвованія, и дозволялось чтеніе приносимыхъ молодежью книгъ и получаемыхъ отъ родственниковъ или сотоварищей писемъ изъ Петербурга. Время вызова сообразовалось съ часами, когда посѣщеній начальства не ожидалось; но на всякій случай въ кордегардіи всегда находился наготовѣ назначенный для сопровожденія ихъ на работы конвойный. Генераламъ Бориславскому, какъ завѣдывавшему всѣми работами арестантовъ, и де-Граве, какъ коменданту крѣпости, было даже сообщено объ этомъ въ частномъ разговорѣ докторомъ Троицкимъ, но они только посмѣялись, посовѣтовавъ ему передать юношамъ, чтобы они все-таки были осторожными.

Характеръ Ѳ. М. Достоевскаго, по разсказамъ одного изъ „морячковъ", былъ вообще несимпатиченъ, онъ смотрѣлъ волкомъ въ западнѣ; не говоря уже объ арестантахъ, которыхъ онъ вообще чуждался и съ которыми ни въ какія человѣческія соприкосновенія не входилъ; ему тяжелы казались и гуманныя отношенія лицъ, интересовавшихся его участію и старавшихся по возможности быть ему полезными. Всегда насупленный и нахмуренный, онъ сторонился вообще людей, предпочитая въ шумѣ и гамѣ арестантской камеры оставаться одинокимъ, дѣлясь съ кѣмъ-нибудь словомъ, какъ какой-нибудь драгоцѣнностью, только по надобности. Будучи вызванъ „морячками" въ офицерскую комнату, онъ держался съ ними болѣе, чѣмъ сдержанно, на приглашеніе присѣсть и отдохнуть часто отказывался и уступалъ только настоятельной просьбѣ, отвѣчалъ на вопросы неохотно, а въ интимные разговоры и сердечныя изліянія почти никогда не пускался. Всякое изъявленіе сочувствія принималъ недовѣрчиво, какъ будто подозрѣвалъ скрытую въ томъ неблагопріятную для него цѣль. Онъ отказывался даже отъ чтенія приносимыхъ молодежью книгъ и только раза два заинтересовался „Давидомъ Копперфильдомъ" да „Замогильными записками Пикквикскаго клуба", Диккенса, въ переводѣ Введенскаго, и бралъ ихъ въ госпиталь для прочтенія. Докторъ Троицкій объяснялъ его нелюдимость и мнительность болѣзненнымъ состояніемъ его организма, подвергавшагося, какъ извѣстно, эпилептическимъ припадкамъ, и расшатанностью всей нервной системы, хотя на видъ

онъ казался здоровымъ, бодрымъ и крѣпкимъ и на всѣ работы ходилъ наравнѣ съ другими. По мнѣнію же „морячка“, нелюдимость его происходила изъ боязни, чтобы какія-нибудь отношенія къ людямъ или нелегальныя поблажки не сдѣлались извѣстными начальству и не отягчили бы, вслѣдствіе того, его положенія. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Несмотря на крайне болѣзненный и изнуренный видъ, онъ всѣмъ интересовался, любилъ входить въ соприкосновеніе съ интересовавшею его общею, внѣострожною, людскою жизнью и былъ сердечно благодаренъ за всякое посильное облегченіе или матеріальную помощь. Говорилъ онъ обо всемъ охотно, даже вступалъ въ споры и могъ увлекать своимъ живымъ и горячимъ словомъ слушателя. Въ немъ чувствовалась правдивая, искренне убѣжденная и энергичная натура, которую не могло сломить несчастіе, и за это онъ пользовался большей, чѣмъ Ѳ. М. Достоевскій, симпатіею.

Поражало „морячковъ“ въ характерѣ этихъ двухъ петрашевцевъ то, что они ненавидѣли другъ друга всею силою души, никогда не сходились вмѣстѣ и въ теченіе всего времени нахожденія въ Омскомъ острогѣ не обмѣнялись между собою ни единымъ словомъ. Вызванные вмѣстѣ для бесѣды въ офицерскую комнату, они оба сидѣли, насупившись, въ разныхъ углахъ и даже на вопросы юношей отвѣчали односложными: „да“ или „нѣтъ“, такъ что ихъ стали вызывать не иначе, какъ поодиночкѣ. С. Ѳ. Дуровъ, на сдѣланный ему по сему предмету вопросъ, отвѣчалъ, что ни одинъ изъ нихъ не начнетъ говорить первымъ, такъ какъ острожная жизнь сдѣлала ихъ врагами. Въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ Ѳ. М. Достоевскій распространяется обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ арестантахъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогѣ, замаскировывая только нѣкоторыхъ подъ начальными буквами ихъ фамилій; но С. Ѳ. Дурова ни полнымъ именемъ, ни подъ иниціалами фамиліи нигдѣ, какъ будто его въ острогѣ не было, не упоминаетъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшительно нельзя было умолчать о немъ, онъ отзывался такъ: „Насъ, т.-е. меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали“... или: „Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой“... Большое участіе въ петрашевцахъ принималъ старшій докторъ госпиталя Троицкій. Онъ иногда сообщалъ имъ черезъ „морячковъ“, что они теперь могутъ (тотъ или другой) прійти въ госпиталь на передышку, и они отправлялись и вылеживали тамъ

по нѣскольку недѣль, получая хорошій сытный столъ, чай, вино и другіе предметы, частію съ госпитальной, частію съ докторской кухни. „Записки изъ Мертваго Дома“, какъ разсказывалъ одному изъ юношей И. И. Троицкій, началъ писать Достоевскій въ госпиталѣ, съ его разрѣшенія, такъ какъ арестантамъ никакихъ письменныхъ принадлежностей, безъ разрѣшенія начальства, имѣть было нельзя, а первыя главы ихъ долгое время находились на храненіи у старшаго госпитальнаго фельдшера. Покровительствовалъ петрашевцамъ и генералъ Бориславскій, черезъ адъютанта своего управленія, подпоручика Иванова. Онъ разрѣшилъ назначать ихъ на самыя легкія работы (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они, какъ, напримѣръ, Достоевскій, сами хотѣли итти на работы вмѣстѣ съ прочими арестантами, въ особенности въ началѣ прибытія на каторгу), и въ крѣпости и внѣ оной, къ числу которыхъ относились: малярныя работы, верченіе колесъ, обжиганіе алебастра, отгребаніе снѣга и проч. Ѳедору Михайловичу даже было позволено ходить въ канцелярію инженернаго управленія для письменныхъ занятій, отъ которыхъ его велѣно было, впрочемъ, скоро уволить, по докладу полковника Мартена корпусному командиру о несоотвѣтствіи подобныхъ занятій для людей, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Не малую услугу оказалъ Ѳ. М. Достоевскому также и одинъ изъ „морячковъ“.

Оставленный однажды для работъ въ острогѣ, онъ находился въ своей казармѣ и лежалъ на нарахъ. Вдругъ пріѣхалъ плацъ-майоръ Кривцовъ—этотъ, описанный въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, звѣрь въ образѣ человѣка.

— Что это такое?!—закричалъ онъ, увидя Ѳедора Михайловича на нарахъ.—Почему онъ не на работѣ?

— Боленъ, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ находившійся въ караулѣ за начальника „морячокъ“, сопровождавшій плацъ-майора въ камеры острога: — съ нимъ былъ припадокъ падучей болѣзни.

— Вздоръ!.. Я знаю, что вы потакаете имъ!.. Въ кордегардію его!.. Розогъ!..

Пока стащили съ наръ и отвели въ кордегардію дѣйствительно вдругъ заболѣвшаго со страху петрашевца, караульный начальникъ послалъ къ коменданту ефрейтора съ докладомъ о случившемся. Генералъ де-Граве тотчасъ пріѣхалъ и остановилъ приготовленія къ экзекуціи, а плацъ-майору Кривцову сдѣлалъ публичный выговоръ и строго подтвердилъ, чтобы больныхъ арестантовъ отнюдь не подвергать наказаніямъ.

Изъ воспоминаній барона А. Е. Врангеля [1]).

...Въ Петербургѣ, живя до моего отъѣзда въ Сибирь, я знакомъ съ Ѳ. М. не былъ, но зналъ хорошо его любимаго брата, Михаила. До моего отъѣзда я побывалъ у него; узнавъ, что я направляюсь въ Сибирь, гдѣ уже находился въ это время сосланный туда Ѳ. М., онъ поручилъ мнѣ передать брату письма, немного бѣлья, книги и 50 р. денегъ. Также взялъ я письмо къ Ѳ. М. отъ Аполлона Майкова.

Пріѣхавъ въ Омскъ въ концѣ ноября, я Ѳ. М. тамъ не засталъ: онъ уже закончилъ свой срокъ каторги и былъ, какъ я узналъ, очень недавно переведенъ солдатомъ безъ выслуги въ Семипалатинскій № 7 батальонъ.

Вскорѣ по дѣламъ службы и я водворился въ Семипалатинскѣ.

Такъ угодно было судьбѣ, ровно черезъ пять лѣтъ послѣ моего нахожденія на Семеновскомъ плацу, въ роковую минуту жизни Ѳ. М., свести меня теперь съ нимъ, и уже на долгіе годы.

По дорогѣ въ Семипалатинскъ я остановился въ Омскѣ.

Здѣсь я познакомился съ г-жею Ивановой, оказавшей много добра Достоевскому въ его бытность на каторгѣ. Она была дочь декабриста Анненкова и супруги его, француженки Прасковьи Ивановны, послѣдовавшей въ числѣ нѣкоторыхъ женъ декабристовъ за ними на каторгу. Мужъ г-жи Ивановой былъ начальникъ жандармовъ. Г-жа Иванова была чудная, добрая женщина, высокообразованная, защитница несчастныхъ, особенно политическихъ. Ѳ. М. Достоевскаго она и мать ея знали еще въ Тобольскѣ, куда его привезли въ началѣ 1850 года, послѣ приговора. Тобольскъ тогда былъ центръ, куда собирали изъ всей Россіи присужденныхъ, тамъ находился „Главный приказъ о ссыльныхъ“. Оттуда уже ихъ разсылали по всей Сибири. Въ Тобольскѣ г-жа Иванова снабдила Ѳ. М. бѣльемъ, книгами и

---

[1]) Иллюстрир. приложенія къ „Новому Времени“ 1908 и 1909 гг., №№ 11753—11888. Баронъ А. Е. Врангель, будучи лицеистомъ, присутствовалъ при исполненіи приговора надъ петрашевцами. Окончивъ въ 1853 г. курсъ лицея 20-лѣтнимъ юношей, онъ поступилъ въ Министерство Юстиціи и напросился на службу въ Сибирь; она привлекала тогда многихъ, какъ интересный и благодарный для работы край; сюда скликалъ къ себѣ образованную молодежь генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій). Баронъ Врангель попалъ въ Сибирь Западную и въ 1854 году былъ назначенъ въ Семипалатинскую область „стряпчимъ казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ“ (областнымъ прокуроромъ). Въ Семипалатинскѣ онъ и сошелся съ Ѳ. М. Достоевскимъ.

деньгами. Продолжала она свои заботы о немъ и въ Омскѣ, чѣмъ во многомъ облегчила ему пребываніе его на каторгѣ. Когда я въ 1856 году возвращался въ Петербургъ, то Ѳ. М. горячо поручалъ мнѣ побывать у нея и благодарить за все добро, оказанное ему, что я и сдѣлалъ.

Здѣсь кстати будетъ опровергнуть существующія нѣкоторыя легенды по поводу Ѳ. М. во время его пребыванія на каторгѣ.

Скажу по совѣсти, что въ большинствѣ случаевъ отношеніе и начальства и всего образованнаго общества къ „политическимъ“ было въ то время значительно благодушнѣе и гуманнѣе. Сибирь во времена государя Николая Павловича была переполнена политическими ссыльными, русскими и поляками; эти „политическіе“ были все люди образованные, идейные, либеральные, серьезные люди. Отношеніе же къ Ѳ. М. Достоевскому было полно особаго сочувствія. Могу засвидѣтельствовать со словъ самого Ѳ. М., что ни на каторгѣ, ни въ бытность его безсрочнымъ солдатомъ его никогда никто изъ начальства или товарищей-каторжниковъ, или солдатъ—пальцемъ не тронули, и все появившееся объ этомъ въ печати, несомнѣнно, вымыселъ. Какъ часто мнѣ приходилось слышать предположенія, что тѣлесныя-то наказанія будто бы и довели Ѳ. М. до припадковъ, и эта легенда такъ и осталась въ умахъ многихъ.

[Въ ноябрѣ 1854 года Врангель прибылъ въ Семипалатинскъ.]

На другой день, разобравъ свои чемоданы, я... отправился къ военному губернатору области, Петру Михайловичу Спиридонову. Онъ немедленно послалъ своего адъютанта искать мнѣ квартиру, а такъ какъ онѣ были всѣ наперечетъ, то черезъ нѣсколько часовъ я уже перебрался въ свой новый „home“, разложился, поѣхалъ обѣдать къ губернатору, разузналъ, гдѣ и какъ разыскать Ѳ. М. Достоевскаго, и послалъ просить его къ себѣ вечеромъ пить чай. Достоевскій въ то время жилъ уже въ своей частной квартирѣ.

Достоевскій не зналъ, кто и почему его зоветъ, и, войдя ко мнѣ, былъ крайне сдержанъ. Онъ былъ въ солдатской сѣрой шинели, съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и красными же погонами, угрюмъ, съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Свѣтло-русые волосы были коротко острижены, ростомъ онъ былъ выше средняго. Пристально оглядывая меня своими умными, сѣро-синими глазами, казалось, онъ старался заглянуть мнѣ въ душу,—что, молъ, я за человѣкъ. Онъ признался мнѣ впослѣдствіи, что былъ очень озабоченъ, когда посланный мой сказалъ ему, что его зоветъ „г-нъ стряпчій уголовныхъ дѣлъ“. Но когда я извинился, что не самъ первый пришелъ къ нему, передалъ ему письма, посылки и поклоны и

сердечно разговорился съ нимъ, онъ сразу измѣнился, повеселѣлъ и сталъ довѣрчивъ. Часто послѣ онъ говорилъ мнѣ, что, уходя въ этотъ вечеръ къ себѣ домой, онъ инстинктивно почуялъ, что во мнѣ онъ найдетъ искренняго друга.

Читая письма брата и сестеръ, я помню, онъ прослезился, а на меня въ то время нашло опять то чувство отчаянія, жуткой тоски и одиночества, которое такъ нерѣдко со времени моего длиннаго странствованія нападало на меня. Во время моей бесѣды съ Ѳ. М. я получилъ цѣлую груду писемъ изъ Петербурга отъ моихъ близкихъ, родныхъ и друзей. Порывисто вскрывъ ихъ, я набросился на нихъ и, читая ихъ, вдругъ разрыдался; былъ я въ то время юноша экспансивный, очень привязанный къ семьѣ своей. Мнѣ такъ показалась невыносимой моя оторванность отъ всего дорогого мнѣ, сдѣлалось такъ жутко за будущее. Мы оба стояли другъ передъ другомъ, забытые судьбой, одинокіе... Мнѣ такъ было тяжко, что я, несмотря на высокое мое званіе „господина областного стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ“, какъ-то невольно, недолго думая, бросился на шею стоявшему передо мной съ устремленнымъ на меня грустнымъ задумчивымъ взоромъ Ѳедору Михайловичу. Онъ сердечно приласкалъ меня, дружески, горячо, какъ старому знакомому, пожалъ мнѣ руку, и мы дали себѣ слово какъ можно чаще видѣться.

Весною 1854 года, по освобожденіи изъ каторги, Достоевскій, какъ извѣстно, былъ переведенъ солдатомъ безъ выслуги въ Семипалатинскъ, куда и былъ доставленъ по этапу вмѣстѣ съ другими. Первое время, очень недолго, онъ жилъ вмѣстѣ съ солдатами въ казармѣ, но вскорѣ, по просьбѣ ген. Иванова и другихъ, ему разрѣшили жить особо, близъ казармъ, за отвѣтственностью его ротнаго командира, Степанова. Онъ, кромѣ того, состоялъ подъ наблюденіемъ своего фельдфебеля, который за малую „мзду“ не особенно часто безпокоилъ его.

Первое время было для него трудное—полное одиночество. Но мало-по-малу онъ познакомился съ нѣкоторыми офицерами и чиновниками, хотя былъ далекъ отъ тѣснаго сближенія съ ними. Конечно, послѣ каторги новое его положеніе, тяжелое съ матеріальной стороны, все же, благодаря относительной свободѣ, казалось ему раемъ, такъ онъ самъ мнѣ говорилъ. Какъ это большею частью бываетъ при свойственной женщинамъ душевной чуткости и сердечности, имъ заинтересовались и приняли горячее участіе нѣсколько интеллигентныхъ дамъ города, и въ особенности Марія Дмитріевна Исаева и жена его ротнаго командира Степанова. Самъ командиръ былъ горчайшій пьяница, за что и былъ удаленъ изъ Петербурга. Степанова пописывала

стихи, которые Ѳ. М. долженъ былъ читать и исправлять. М. Д. Исаева, какъ извѣстно, овдовѣвъ, впослѣдствіи стала женою Достоевскаго.

Въ мое время Семипалатинскъ былъ полу-городъ, полу-деревня. Всѣ постройки были деревянныя, бревенчатыя, очень немногія обшиты досками. Жителей было 5—6 тысячъ человѣкъ вмѣстѣ съ гарнизономъ и азіатами, кокандскими, бухарскими, ташкентскими и казанскими купцами. Полуосѣдлые киргизы жили на лѣвомъ берегу, большею частью въ юртахъ, хотя у нѣкоторыхъ богачей были и домишки, но только для зимовки. Ихъ насчитывали тамъ до трехъ тысячъ.

Въ городѣ была одна православная церковь, единственное каменное зданіе, 7 мечетей, большой мѣновой дворъ, куда сходились караваны верблюдовъ и вьючныхъ лошадей, казармы, казенный госпиталь и присутственныя мѣста. Училищъ, кромѣ одной уѣздной школы, не было. Аптека—даже и та была казенная. Магазиновъ, кромѣ одного галантерейнаго, гдѣ можно было найти все,—отъ простого гвоздя до парижскихъ духовъ и склада суконъ и матерій,—никакихъ: все выписывалось съ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ; о книжномъ магазинѣ и говорить нечего,—некому было читать. Я думаю, во всемъ городѣ газеты получали человѣкъ 10—15, да и немудрено,—люди въ то время въ Сибири интересовались только картами, попойками, сплетнями и своими торговыми дѣлами. Не забывайте, что въ это время шла Крымская война, но ею мало интересовались: ужъ слишкомъ было далеко, да это и не было свое „сибирское“ дѣло. Сибиряки держали себя тогда особнякомъ и говорили: „Онъ изъ Россіи“.

Я выписывалъ три газеты: „С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости“, „Augsburger Allgemeine Zeitung“, „Indépendance Belge“, къ великому удовольствію Ѳ. М., который съ особенной любовью читалъ „Indépendance Belge“, не говоря уже о русской газетѣ. „Augsburger Zeitung“ онъ не трогалъ, мало понимая тогда по-нѣмецки и не любя этотъ языкъ.

... Среди двухъ слободъ (казацкой и татарской), сливаясь съ ними въ одно, лежалъ собственно русскій городъ съ частью, именовавшеюся еще крѣпостью, хотя о ней въ то время уже и помину не было. Валы были давно снесены, рвы засыпаны пескомъ, и только на память оставлены большія каменныя ворота. Здѣсь жило все военное: помѣщался линейный батальонъ, конная казачья артиллерія, все начальство, главная гауптвахта и тюрьма—мое вѣдомство. Ни деревца, ни кустика, одинъ сыпучій песокъ, поросшій колючками.

Здѣсь жилъ и Достоевскій. У меня сохранился рисунокъ его хаты.

Конечно, жизнь тогда была дешева: одинъ фунтъ мяса стоилъ грошъ, 1 пудъ гречневой крупы—30 к. Ѳ. М. бралъ домой свою ежедневную порцію щей и каши и чернаго хлѣба, и если самъ не съѣдалъ, то давалъ своей бѣдной хозяйкѣ.

Правда, Ѳ. М. часто обѣдалъ у меня, да и знакомые его приглашали. Хата Д—го находилась въ самомъ безотрадномъ мѣстѣ. Кругомъ пустырь, сыпучій песокъ, ни кустика, ни дерева. Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на одинъ бокъ, безъ фундамента, вросшая въ землю, и безъ единаго окна наружу, ради опаски отъ грабителей и воровъ.

У Достоевскаго была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая, въ ней царствовалъ всегда полумракъ. Бревенчатыя стѣны были смазаны глиной и когда-то выбѣлены; вдоль двухъ стѣнъ шла широкая скамья. На стѣнахъ, тамъ и сямъ,—лубочныя картинки, засаленныя и засиженныя мухами. У входа, налѣво отъ дверей,—большая русская печь. За нею помѣщалась постель Ѳ. М., столикъ и, вмѣсто комода, простой дощатый ящикъ. Все это спальное помѣщеніе отдѣлялось отъ прочаго ситцевою перегородкою. За перегородкой въ главномъ помѣщеніи стоялъ столъ, маленькое въ рамѣ зеркальце. На окнахъ красовались горшки съ геранью и были занавѣски, вѣроятно, когда-то красныя. Вся комната была закопчена и такъ темна, что вечеромъ съ сальною свѣчою,—стеариновыя тогда были большою роскошью, а освѣщенія керосиномъ еще не существовало,—еле-еле могъ читать. Какъ при такомъ освѣщеніи Ѳ. М. писалъ ночи напролетъ,—рѣшительно не понимаю. Была еще пріятная особенность его жилья: тараканы стаями бѣгали по столу, стѣнамъ и кровати, а лѣтомъ особенно блохи не давали покоя, какъ это бываетъ во всѣхъ песчаныхъ мѣстностяхъ.

Съ каждымъ днемъ мы ближе и ближе сходились съ Ѳ. М. Онъ сталъ все чаще и чаще заходить ко мнѣ во всякое время дня, насколько позволяла его солдатская и моя чиновничья служба, зачастую обѣдалъ у меня, но особенно любилъ заходить вечеркомъ пить чай — безконечные стаканы — и курить мой „Бостанжогло“ (тогдашняя табачная фирма) изъ длиннаго чубука.

Моя дружба съ Достоевскимъ скоро обратила на себя вниманіе кого слѣдуетъ. Я замѣтилъ, что письма мои я получалъ двумя-тремя днями послѣ раздачи другимъ, замѣтилъ, что недоброжелатели мои, а ихъ между взяточниками-чиновниками было не мало, съ сарказмомъ разспрашивали меня о Достоевскомъ, выражая свое удивленіе, что я вожусь съ солдатомъ. Самъ губернаторъ вскорѣ предостерегъ меня, опасаясь, въ виду моей молодости, вліянія на меня Достоевскаго, какъ революціонера.

Военный губернаторъ области былъ П. М. Спиридоновъ, добрѣйшій человѣкъ, простякъ, гуманный и въ высшей степени хлѣбосолъ. Благодаря своему высокому положенію, онъ былъ, конечно, первое лицо въ городѣ. Я очень скоро сдѣлался у него своимъ человѣкомъ, обѣдалъ черезъ день и пріобрѣлъ его полное довѣріе. Онъ встрѣчалъ Достоевскаго то тамъ, то сямъ и, кажется, самъ даже ходатайствовалъ за него у батальоннаго командира по просьбамъ изъ Омска. Желая, во что бы то ни стало, дать ему возможность ближе узнать и оцѣнить Достоевскаго, я попросилъ разрѣшенія ввести Ѳ. М. къ нему въ домъ. Онъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ: „Ну, ну, приходи съ нимъ, да запросто, въ шинели, скажи ему“.

Вскорѣ Спиридоновъ искренно полюбилъ Достоевскаго,—онъ сдѣлался у него своимъ человѣкомъ; гдѣ только могъ, Спиридоновъ ему помогалъ и вообще былъ ему полезенъ. Примѣръ, данный военнымъ губернаторомъ, открылъ Достоевскому доступъ ко всему высшему обществу богоспасаемаго града Семипалатинска.

... Развлеченій въ Семипалатинскѣ не было никакихъ. За два года моего пребыванія не заглянулъ туда ни одинъ проѣзжій музыкантъ, да и фортепіано было только одно въ городѣ, какъ рѣдкость. Не было даже и примитивныхъ развлеченій, хотя бы въ родѣ балагана или фокусника. Разъ, помню, писаря батальона устроили въ манежѣ представленіе, играли какую-то пьесу. Достоевскій помогалъ имъ совѣтами, повелъ и меня смотрѣть. Кажется, весь городъ собрался, особенно любопытный прекрасный полъ; манежъ былъ набитъ... И кончилось это удовольствіе скандаломъ. Въ антрактѣ, въ видѣ дивертисмента, вышли солисты-писаря и, думая забавить публику, запѣли такія сальныя пѣсни, преподнесли такіе срамные куплеты, что дамы бросились бѣжать, а Бѣликовъ [1]) и офицеры пришли въ неистовый восторгъ и буквально гоготали отъ удовольствія.

Не помню ни одной вечеринки съ танцами, ни одного пикника или общественной прогулки. Все жило большею частью особнякомъ, чуждалось другъ друга. Мужчины пили, ѣли, играли, скандалили и ѣздили по гостямъ къ богатымъ татарамъ. Жены сплетничали.

Въ городѣ находилось еще нѣсколько политическихъ ссыльныхъ поляковъ и бывшихъ венгерскихъ офицеровъ (изъ нашихъ поляковъ). Послѣ сдачи намъ Гергеемъ въ 1848 году своей арміи [2]), государь Николай Павловичъ приказалъ этихъ офицеровъ

---

[1]) Ботальонный командиръ, начальникъ Д—аго.

[2]) При подавленіи возстанія Венгріи соединенными силами Австріи и Россіи.

арміи, въ сущности нашихъ плѣнниковъ, сослать попросту на поселеніе, какъ бывшихъ своихъ подданныхъ. Поляки жили очень замкнуто, особнякомъ, и съ русскими не водились. Богатые между ними заботились о своихъ бѣдныхъ собратіяхъ, и вообще между ними была большая солидарность. Ѳ. М. недолюбливалъ ихъ, избѣгалъ ихъ, и мы познакомились только съ однимъ бывшимъ инженеромъ, Гиршфельдомъ, который приходилъ изрѣдка разнообразить нашу монотонную жизнь.

... Я сближался съ Достоевскимъ все тѣснѣе; отношенія наши стали самыя простыя и безыскусственныя; двери мои для него всегда были открыты, днемъ и ночью. Часто, возвращаясь домой со службы, я заставалъ у себя Достоевскаго, пришедшаго уже ранѣе меня съ ученія или изъ полковой канцеляріи, въ которой исполнялъ онъ разныя канцелярскія работы. Разстегнувъ шинель, съ чубукомъ во рту, онъ шагалъ по комнатѣ, часто разговаривая самъ съ собою, такъ какъ въ головѣ у него вѣчно роилось нѣчто новое. Какъ сейчасъ вижу его въ одну изъ такихъ минутъ; въ это время онъ задумалъ писать „Дядюшкинъ сонъ“ и „Село Степанчиково“.

Онъ былъ въ заразительно веселомъ настроеніи, хохоталъ и разсказывалъ мнѣ приключенія дядюшки, распѣвалъ какія-то отрывки изъ оперъ, но, увидавъ внесенную моимъ Адамомъ янтарную стерляжью уху, сталъ тормошить Адама, чтобы онъ скорѣе давалъ ѣсть. Адама Ѳ. М. любилъ,—впрочемъ, какъ и всѣхъ обиженныхъ судьбою,—защищалъ и одарялъ деньгами, когда заводилась у него самого лишняя копейка, что давало моему Лепорелло, горчайшему пьяницѣ, возможность лишній разъ выпить.

Ѳ. М. очень любилъ читать Гоголя и Виктора Гюго. Старое поколѣніе тогда Гоголя недолюбливало, мы же, молодежь, восхищались имъ. Въ лицеѣ были товарищи, которые цѣлыя страницы его сочиненій знали наизусть, многимъ изъ товарищей мы давали клички изъ „Мертвыхъ Душъ“, такъ, напримѣръ, у насъ былъ Чичиковъ, были Селифанъ и Коробочка.

Когда Ѳ. М. былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ любилъ декламировать, особенно Пушкина; любимые его стихи были „Пиръ Клеопатры“ изъ „Египетскихъ ночей“. Лицо его при этомъ сіяло, глаза горѣли.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ!

Какъ-то вдохновенно и торжественно звучалъ голосъ Достоевскаго въ такія минуты.

Долженъ, впрочемъ, сказать, что я въ то время мало занимался литературой; я весь предался сухой наукѣ и подчасъ этимъ возмущалъ Достоевскаго. „Да бросьте вы ваши профессорскія книги!“ приставалъ онъ ко мнѣ. Во время нашихъ бесѣдъ о Сибири онъ горячо доказывалъ мнѣ, что у Сибири нѣтъ будущности, такъ какъ всѣ ея рѣки впадаютъ въ Ледовитый океанъ и другого выхода въ море нѣтъ. О пріобрѣтеніяхъ Н. Н. Муравьева на берегахъ Великаго океана въ Семипалатинскѣ никто и не зналъ, а о желѣзномъ пути въ Сибирь и во снѣ не видѣли и думать не смѣли: сочли бы такія мечты за бредъ умопомѣшаннаго! Я самъ хохоталъ, когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1858 году, будучи на Амурѣ, познакомился съ знаменитымъ Бакунинымъ, который развивалъ мнѣ эту мысль.

Ѳ. М. я отъ души уже въ то время полюбилъ, а какъ высоко цѣнилъ, лучшимъ подтвержденіемъ могутъ служить сохранившіяся до сихъ поръ мои письма къ роднымъ изъ Сибири. Вотъ что я читаю въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ—2-е апрѣля, въ Семипалатинскѣ: „Судьба сблизила меня съ рѣдкимъ человѣкомъ, какъ по сердечнымъ, такъ и умственнымъ качествамъ; это нашъ юный несчастный писатель Достоевскій. Ему я многимъ обязанъ, и его слова, совѣты и идеи на всю жизнь укрѣпятъ меня. Съ нимъ я занимаюсь ежедневно, и теперь будемъ переводить философію Гегеля и „Психею“ Каруса. Онъ человѣкъ весьма набожный, болѣзненный, но воли желѣзной. Узнайте, добрый папенька, Бога ради, не будетъ ли амнистіи? Сколько несчастныхъ ожидаютъ и надѣются, какъ утопающіе хватаются за соломинку! Неужели сердце нашего новаго государя, добраго и милостиваго, не пойметъ, что великодушіе лучшее средство побѣдить недоброжелателей?“

Въ другомъ письмѣ къ сестрѣ отъ 15 мая читаю:

„Попроси отца, умоляю, узнать черезъ Александра Ѳедоровича Веймарнъ, будетъ ли при коронованіи амнистія нѣкоторымъ политическимъ преступникамъ и не можно ли шепнуть слово Дубельту или князю Орлову [1]) о Достоевскомъ? Неужели же этотъ замѣчательный человѣкъ погибнетъ здѣсь въ солдатахъ? Это было бы ужасно. Горько и больно за него—я полюбилъ его, какъ брата, и уважаю, какъ отца“.

Снисходительность Ѳ. М. къ людямъ была какъ бы не отъ міра сего. Онъ находилъ извиненіе самымъ худымъ сторонамъ человѣка,—все объяснялъ недостаткомъ воспитанія человѣка,

---

[1]) Управляющій III отдѣленіемъ С. Е. В. канцеляріи (нынѣ департаментъ полиціи) и шефъ жандармовъ.

вліяніемъ среды, въ которой росли и живутъ, а часто даже натурою и темпераментомъ человѣка.

— Ахъ, милый другъ Александръ Егоровичъ, да такими ихъ вѣдь Богъ создалъ!—говаривалъ онъ. Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бѣдное находило въ немъ особое участіе. Его изъ ряда выдающаяся доброта извѣстна всѣмъ, близко знавшимъ его. Кто не помнитъ его заботливости о семьѣ его брата М. М., его попеченія о маленькомъ Пашѣ Исаевѣ и о многихъ другихъ?

Бывали у насъ съ нимъ бесѣды и на политическія темы. О процессѣ своемъ онъ какъ-то молчалъ, а я не разспрашивалъ. Знаю и слышалъ отъ него только, что Петрашевскаго онъ не любилъ, затѣямъ его положительно не сочувствовалъ и находилъ, что политическій переворотъ въ Россіи пока немыслимъ, преждевременъ, а о конституціи по образцу западныхъ,—при невѣжествѣ народныхъ массъ,—и думать смѣшно.

Я какъ-то разъ писалъ ему изъ Копенгагена и сказалъ, что не доросла еще Россія до конституціи и долго еще не дорастетъ, что одинъ земскій соборъ совѣщательный необходимъ. На это Д—ій отвѣтилъ письмомъ, что во многомъ онъ согласенъ со мною.

Изъ товарищей своихъ Ѳ. М. часто вспоминалъ Дурова, Плещеева и Григорьева. Ни съ кѣмъ изъ нихъ въ перепискѣ не состоялъ; черезъ мои руки шли только письма къ брату его Михаилу, разъ къ Аполлону Майкову, теткѣ Куманиной и молодому Якушкину.

... Теперь не обойду молчаніемъ и то, что мнѣ извѣстно о припадкахъ его падучей болѣзни. Богъ миловалъ, я лично никогда свидѣтелемъ ихъ не былъ. Но знаю, что припадки бывали довольно часто; обыкновенно его хозяйка немедленно давала мнѣ знать. Послѣ припадка онъ чувствовалъ себя всегда дня 2—3 разбитымъ, вялымъ, мысли не вязались, голова не работала. Первые признаки болѣзни, какъ онъ утверждалъ, появились еще въ Петербургѣ, а развилась она на каторгѣ. Въ Семипалатинскѣ они случались черезъ три мѣсяца. Приближеніе ихъ онъ чувствовалъ и говорилъ, что передъ приступомъ его тѣло охватываетъ какое-то невыразимое чувство сладострастія. Жутко было видѣть въ эти минуты его страданія, да еще при такихъ жизненныхъ условіяхъ; жалокъ и безпомощенъ онъ былъ послѣ каждаго пароксизма!

Ѳедоръ Михайловичъ былъ общительнѣе меня, особенно часто онъ навѣщалъ семью Исаевыхъ. Онъ сидѣлъ у нихъ по вечерамъ и согласился давать уроки ихъ единственному ребенку — Пашѣ, шустрому мальчику 8—9 лѣтъ. Марія Дмитріевна Исаева была,

если не ошибаюсь, дочь директора гимназіи въ Астрахани и вышла тамъ замужъ за учителя Исаева. Какъ онъ попалъ въ Сибирь — не помню. Исаевъ былъ больной, чахоточный и сильно пилъ. Человѣкъ онъ былъ тихій и смирный. Маріи Дмитріевнѣ было лѣтъ за 30; это была довольно красивая блондинка, средняго роста, очень худощавая, страстная и экзальтированная. Уже тогда зловѣщій румянецъ игралъ на ея блѣдномъ лицѣ, и нѣсколько лѣтъ спустя, чахотка унесла ее въ могилу. Она была начитанна, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. Въ Ѳедорѣ Михайловичѣ она приняла горячее участіе, хотя я и не думаю, чтобы она глубоко оцѣнила его: скорѣе она пожалѣла несчастнаго, забитаго судьбою человѣка. Возможно, что даже привязалась къ нему, но влюблена въ него ничуть не была. Она знала, что у него падучая болѣзнь, что у него нужда въ средствахъ крайняя, да и человѣкъ онъ „безъ будущаго“, говорила она. Ѳедоръ же Михайловичъ чувство жалости и состраданія принялъ за отвѣтную любовь и влюбился въ нее со всѣмъ пыломъ молодости. Достоевскій пропадалъ у Исаевыхъ по цѣлымъ днямъ, усиленно тащилъ и меня, но не симпатична была мнѣ та среда.

Въ началѣ марта въ 10 дней прискакалъ изъ Петербурга въ Омскъ флигель-адъютантъ Ахматовъ съ извѣстіемъ о смерти императора Николая I. 12 марта эта вѣсть дошла и до насъ.

Слухъ о мягкости характера, гуманности и добротѣ новаго царя давно проникъ въ Сибирь. Мы съ Ѳ. М. пошли въ соборъ на панихиду. Настроеніе, правда, было серьезное, но слезы ни одной,—только старые военные и солдаты вздыхали да охали, а одинъ изъ нихъ, старикъ-великанъ, бывшій преображенецъ, все повторялъ: „Не будетъ онъ, голубчикъ, больше съ нами христосоваться, не будетъ!“ И у Достоевскаго воскресла надежда на перемѣну въ своей участи,—на амнистію. Болѣе всего всѣхъ насъ занималъ вопросъ, будетъ ли еще длиться война.

[Этимъ лѣтомъ Врангель переѣхалъ съ Д—имъ на дачу въ такъ называемый „Казаковъ Садъ“.]

Усадьба наша расположена была на высокомъ берегу Иртыша, къ рѣкѣ шелъ отлогій зеленый лугъ. Мы тутъ устроили шалашъ для купанья; вокругъ него группировались разнообразные кусты, густыя заросли ивы и чаща тростника. То тамъ, то сямъ среди зелени виднѣлись образовавшіеся отъ весенняго разлива пруды и небольшія озерки, кишѣвшія рыбой и водяной дичью. Купаться мы начали въ маѣ.

Цвѣтниками нашими мы съ Ѳ. М. занимались ретиво и вскорѣ привели ихъ въ блестящій видъ. Ярко запечатлѣлся у меня образъ Ѳ. М., усердно помогавшаго мнѣ поливать молодую раз-

саду. Въ потѣ лица, снявъ свою солдатскую шинель, въ одномъ ситцевомъ жилетѣ розоваго цвѣта, полинявшемъ отъ стирки, копался онъ въ грядкахъ. На шеѣ болталась неизмѣнная, домашняго издѣлія, кѣмъ-то ему преподнесенная, длинная цѣпочка изъ мелкаго голубого бисера. На цѣпочкѣ висѣли большіе лукообразные серебряные часы. Онъ обыкновенно былъ весь поглощенъ этимъ занятіемъ и, видимо, находилъ въ этомъ времяпрепровожденіи большое удовольствіе.

Дни стояли очень жаркіе. Нерѣдко въ заботахъ нашихъ о цвѣтникахъ принимали живое участіе обѣ дочери городской хозяйки Достоевскаго. Онѣ занимались обыкновенно поливкой цвѣтовъ. Потрудившись часокъ-другой, мы шли купаться и затѣмъ располагались на террасѣ пить чай или обѣдать. Читали мы газеты, покуривая трубки, вспоминали съ Ѳ. М. о Петербургѣ, о близкихъ и дорогихъ намъ лицахъ, бранили Европу. Вѣдь шла еще война подъ Севастополемъ, и мы скорбѣли и тревожились...

Катаясь верхомъ, я уговорилъ, наконецъ, и Достоевскаго сѣсть на одну изъ моихъ лошадей, самую смирную; повидимому, это довелось ему въ первый разъ, и какъ ни былъ смѣшонъ и неуклюжъ въ роли кавалериста въ своей сѣрой солдатской шинели, но скоро вошелъ во вкусъ, и мы съ нимъ дѣлали верхомъ длинныя прогулки въ Семборъ, въ окрестныя зимовья и въ степь съ разбросанными на ней юртами киргизъ и ихъ ставками. Ахъ, чудно хороша была степь! Въ эту пору вся она была въ цвѣту, благоухала; яркая зелень, испещренная цвѣтами, какъ дивный коверъ, разстилалась на необозримое пространство. Что за прелесть степь раннею весною, пока жгучіе лучи солнца не коснулись ея, не изсушили ея!

... Любовь Достоевскаго къ М. Д. Исаевой не охладѣвала; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ проводилъ время у Исаевыхъ, всякій разъ возвращался оттуда въ какомъ-то экстазѣ, восторгался и удивлялся, что я не вторилъ ему...

Однажды Ѳ. М. является домой хмурый, разстроенный и объявляетъ мнѣ съ отчаяніемъ, что Исаевъ переводится въ Кузнецкъ, верстъ за 500 отъ Семипалатинска. „И вѣдь она согласна, не противорѣчитъ... Вотъ что возмутительно!“ горько твердилъ онъ.

Дѣйствительно, вскорѣ состоялся переводъ Исаева въ Кузнецкъ. Отчаяніе Достоевскаго было безпредѣльно; онъ ходилъ, какъ помѣшанный; при мысли о разлукѣ съ Маріей Дмитріевной, ему казалось, что все для него въ жизни пропало. А тутъ у Исаевыхъ оказались долги, пришлось все распродать, — и двинуться въ путь все же было не на что. Выручилъ я ихъ, и собрались они, наконецъ, въ путь-дорогу.

Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевскій рыдалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ. Много лѣтъ спустя, онъ напоминаетъ мнѣ объ этомъ въ своемъ письмѣ отъ 31 марта 1865 года. Да, памятный это былъ день!

Мы поѣхали съ Ѳ. М. провожать Исаевыхъ, выѣхали поздно вечеромъ, чудною майскою ночью; я взялъ Достоевскаго въ свою линейку, Исаевы помѣстились въ открытую перекладную телѣгу,— купить кибитку у нихъ не было средствъ. Передъ отъѣздомъ они заѣхали еще ко мнѣ на дорожку выпить вина. Желая доставить Достоевскому возможность на прощанье поговорить съ Маріей Дмитріевной, я еще у себя, какъ слѣдуетъ, напоилъ шампанскимъ ея муженька. Дорогою, по сибирскому обычаю, повторилъ,— тутъ ужъ онъ былъ въ полномъ моемъ распоряженіи; немедленно я его забралъ въ свой экипажъ, гдѣ онъ скоро заснулъ, какъ убитый. Ѳ. М. пересѣлъ къ М. Д. Дорога была, какъ укатанная, вокругъ густой сосновый боръ, мягкій лунный свѣтъ, воздухъ былъ какой-то сладкій и томный; ѣхали, ѣхали... но пришла пора и разстаться. Обнялись бѣдные, оба утирали глаза, а я перетаскивалъ пьянаго, соннаго Исаева и усаживалъ его въ повозку; онъ немедленно же захрапѣлъ, повидимому, не сознавая ни времени, ни мѣста. Паша, маленькій сынъ его, тоже спалъ. Дернули лошади, тронулся экипажъ, поднялись клубы дорожной пыли, вотъ ужъ еле виднѣется повозка и ея сѣдоки, затихаетъ почтовый колокольчикъ, а Достоевскій все стоитъ, какъ вкопанный, безмолвный, склонивъ голову, слезы катятся по щекамъ. Я подошелъ, взялъ его руку,— онъ какъ бы очнулся послѣ долгаго сна и, не говоря ни слова, сѣлъ со мной въ экипажъ. Мы вернулись къ себѣ на разсвѣтѣ. Достоевскій не прилегъ,— все шагалъ и шагалъ по комнатѣ и что-то говорилъ самъ съ собою. Измученный душевной тревогой и безсонной ночью, онъ отправился въ близлежащій лагерь на ученіе. Вернувшись, лежалъ весь день, не ѣлъ, не пилъ и только курилъ нервно трубку за трубкой.

Время взяло свое, и это болѣзненное отчаяніе начало улегаться. Съ Кузнецкомъ началась усиленная переписка, которая, однако, не всегда радовала Ѳ. М. Онъ чуялъ что-то недоброе. Къ тому же въ письмахъ были вѣчныя жалобы на лишенія, на свою болѣзнь, на неизлѣчимую болѣзнь мужа, на безотрадное будущее,— все это не могло не угнетать Ѳ. М. Онъ еще болѣе похудѣлъ, сталъ мраченъ, раздражителенъ, бродилъ, какъ тѣнь. Онъ даже бросилъ свои „Записки изъ Мертваго Дома“, надъ которыми работалъ еще недавно съ такимъ увлеченіемъ. Любимое его времяпрепровожденіе было, когда мы въ теплые вечера растягивались на травѣ и, лежа на спинѣ, глядѣли на міріады

звѣздъ, мерцавшихъ въ синей глубинѣ неба. Эти минуты успокаивали его. Созерцаніе величія Творца, всепроникающей, всемогущей Божеской силы наводило на насъ какое-то умиленіе; сознаніе нашего ничтожества какъ-то смиряло нашъ духъ. О религіи съ Достоевскимъ мы мало бесѣдовали. Онъ былъ скорѣе набоженъ, но въ церковь рѣдко ходилъ и поповъ, особенно сибирскихъ, не любилъ. Говорилъ о Христѣ съ восторгомъ. Манера его рѣчи была очень своеобразная. Вообще онъ говорилъ не громко, зачастую начиналъ чуть не шопотомъ, но чѣмъ онъ больше одушевлялся, тѣмъ голосъ его подымался звучнѣе и звучнѣе, а въ минуты особаго волненія онъ, говоря, какъ-то захлебывался и приковывалъ вниманіе своего слушателя страстностью рѣчи. Чудныя минуты пережилъ я съ нимъ! Какъ много дало мнѣ сближеніе съ такой прекрасной, богато одаренной натурой! Между нами за все время нашего совмѣстнаго житья не пробѣжала ни одна тучка, не было ни одного недоразумѣнія. Онъ былъ 10-ю годами старше меня, много опытнѣе меня. Не разъ, когда я по молодости моихъ лѣтъ и житейской неопытности приходилъ въ отчаяніе отъ окружающей меня гнусной среды, въ которой я принужденъ былъ работать, когда подчасъ, казалось, силы оставятъ меня въ борьбѣ,— Ѳ. М. всячески поддерживалъ во мнѣ энергію, подбодрялъ меня своими совѣтами и участіемъ. За многое я ему благодаренъ. На многое онъ открылъ мнѣ глаза, и особенно я чту его память за чувство гуманности, которое онъ вселилъ въ меня. Послѣ всего вышеизложеннаго читатель пойметъ, что я не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ подавленности духа, причиненнаго Ѳ. М. его злосчастнымъ романомъ.

Я рѣшилъ, что буду всячески его развлекать. При всякомъ удобномъ случаѣ тащилъ его всюду съ собой. Познакомилъ его съ горными инженерами ближайшихъ свинцово-серебряныхъ заводовъ: Локтевскаго и Змѣиногорскаго. Трудно давалось мнѣ отвлекать его отъ грустныхъ думъ. Онъ вдругъ сталъ суевѣренъ, началъ разсказывать мнѣ о ясновидящихъ, навѣщалъ гадалокъ, а такъ какъ у меня въ мои 22 года въ то время былъ свой романъ, то онъ и меня потащилъ къ какой-то старухѣ, гадавшей на бобахъ. Положеніе наше съ нимъ, казалось, было однородное: и у меня были преграды — 400 верстъ разстоянія, но разница была въ томъ, что героиня моя была на 15 лѣтъ старше меня, имѣла 6 человѣкъ дѣтей, что, впрочемъ, не мѣшало ей пускать пыль въ глаза выписываемыми ею парижскими туалетами и изъ поклонниковъ своихъ вить веревки. Ѳ. М. въ своихъ письмахъ ко мнѣ не разъ вспоминаетъ мою героиню, а время этого эпизода именуетъ „безконечно страшное горе“.

Но вотъ вскорѣ я получилъ письма изъ Петербурга, въ которыхъ сообщалось, что новый царь милостивъ и очень добръ, что новыя вѣянія уже сказываются и ожидаются величайшія преобразованія. Это извѣстіе чрезвычайно подняло духъ Достоевскаго; онъ пріободрился и уже не такъ упорно отказывался отъ моихъ развлеченій...

... Вернувшись изъ Локтевскаго завода, мы застали городъ въ большомъ возбужденіи. Изъ Омска пришло извѣстіе, что въ виду тревожнаго положенія на южной границѣ и волненій среди киргизовъ,—ѣдетъ самъ генералъ-губернаторъ, произведетъ смотръ войскамъ, на случай выступленія въ походъ; будетъ также, говорили, произведена ревизія присутственныхъ мѣстъ.

Необходимо было приготовиться на всякій случай и Достоевскому въ походъ; нужно было озаботиться купить сапоги, подошвы, непромокаемую куртку, самое необходимое изъ бѣлья,—однимъ словомъ, экипироваться съ ногъ до головы, такъ какъ у него, можно сказать, всего и имущества было только то, что на немъ. Опять нужны деньги, опять заботы и тревога,—откуда ихъ ему взять. Проклятый денежный вопросъ никогда не давалъ ему покоя. Братъ Миша и тетка прислали ему недавно немного,—просить еще и еще было тяжело, а деньги у Достоевскаго какъ-то не держались къ тому же. Нужда матеріальная изводила его, а тутъ еще изъ Кузнецка шли безотрадныя вѣсти, одна тревожнѣе другой. М. Д. Исаева, уѣхавъ въ путь съ мужемъ, пьянымъ и вѣчно больнымъ, томилась и скучала. Всѣ письма ея были переполнены жалобами на свое полное одиночество, на страшную потребность обмѣняться живымъ словомъ, отвести душу. Въ послѣдующихъ письмахъ все чаще и чаще ею стало упоминаться имя новаго знакомаго въ Кузнецкѣ, товарища мужа М. Д., симпатичнаго молодого учителя. Съ каждымъ письмомъ отзывы становились все восторженнѣе и восторженнѣе, восхвалялась его доброта, его привязанность и его высокая душа. Достоевскій терзался ревностью; жутко было смотрѣть на его мрачное настроеніе, отражавшееся на его здоровьѣ.

Мнѣ страшно стало жаль его, и я рѣшился устроить ему свиданіе съ Маріей Дмитріевной на полпути между Кузнецкомъ и Семипалатинскомъ, въ Зміевѣ, куда еще недавно насъ такъ радушно зазывалъ горный генералъ Г. Очень я разсчитывалъ также, что эта встрѣча и объясненіе положатъ конецъ несчастному роману Достоевскаго. Но вотъ въ чемъ была задача: какъ довезти Ѳ. М. туда, за 200 верстъ отъ Семипалатинска, такъ, чтобы эта поѣздка осталась тайной? Какъ я уже говорилъ, начальство такихъ дальнихъ поѣздокъ не разрѣшало. Губернаторъ и баталіонный командиръ Ѳ. М. наотрѣзъ уже два раза отказы-

вали отпустить его со мною въ Зміевъ. Ну, думаю, была не была! Открылъ мой планъ Достоевскому. Онъ радостно ухватился за него; совсѣмъ ожилъ мой Ѳ. М., очень ужъ влюбленъ былъ, бѣдняга. Немедля я написалъ въ Кузнецкъ Маріи Дмитріевнѣ, убѣждая ее непремѣнно пріѣхать къ назначенному дню въ Зміевъ. Въ городѣ же распространилъ слухъ, что послѣ припадка Ѳ. М. такъ слабъ, что лежитъ. Далъ знать и батальонному командиру Достоевскаго, говорю: „боленъ, лежитъ и лѣчитъ его военный врачъ Lamotte". А Lamotte, конечно, за насъ: другъ намъ былъ, чудный, благородной души человѣкъ. Полякъ, студентъ Виленскаго университета, онъ высланъ былъ сюда на службу изъ-за какого-то политическаго дѣла. Прислугѣ моей было сказано всѣмъ говорить, что Достоевскій боленъ и лежитъ у насъ. Закрыли ставни, чтобы какъ будто не тревожить больного. Велѣно никого не принимать. На счастье наше, все высшее начальство, начиная съ военнаго губернатора, только что выѣхало въ степь.

Словомъ, все благопріятствовало. Благословясь, двинулись въ путь въ 10 часовъ вечера. Можно сказать, не ѣхали, а вихремъ неслись, чего, повидимому, совсѣмъ не замѣчалъ мой бѣдный Ѳ. М.; увѣряя, что мы двигаемся черепашьимъ шагомъ, онъ то и дѣло понукалъ ямщиковъ. Миновавъ Локтевскій заводъ, мы на утро были въ Зміевѣ. Каково же было разочарованіе и отчаяніе Достоевскаго, когда стало извѣстно намъ, что М. Д. не пріѣдетъ; вмѣсто же нея Ѳ. М. было передано письмо, въ которомъ М. Д. извѣщала, что мужу значительно хуже, отлучиться она не можетъ, да и пріѣхать не на что, такъ какъ денегъ нѣтъ. Настроеніе Достоевскаго описывать не берусь; я только ломалъ себѣ голову, какимъ способомъ я его успокою.

Въ тотъ же день мы поскакали обратно и, отмахавъ 300 верстъ въ 28 часовъ, „по-сибирски", счастливо добрались домой, переодѣлись и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошли въ гости. Такъ никто никогда въ Семипалатинскѣ и не узналъ о нашей продѣлкѣ.

Потекла наша жизнь по-старому: Ѳ. М. хандрилъ или порывисто работалъ; я, какъ умѣлъ, его развлекалъ. Но слишкомъ бѣдна впечатлѣніями была наша унылая жизнь. Послѣ томительныхъ часовъ ежедневной службы, къ роду которой ни Ѳ. М., ни мое сердце не лежало,—чѣмъ заполняли мы наши дни?

Все тѣ же прогулки вдоль Иртыша, уходъ за цвѣтами, купанье, чаепитіе на балконѣ съ длинными чубуками. Впрочемъ, я, какъ страстный рыболовъ, еще удилъ рыбу, а Достоевскій, лежа тутъ же на травѣ, читалъ зачастую вслухъ, перечитывая большею частью безсчетно разъ скудный запасъ нашихъ книгъ. Читалъ онъ мнѣ, помню, между прочимъ, „для руководства"

Аксакова „Уженье рыбы“ и „Записки ружейнаго охотника“. Библіотеки въ городѣ не было. Множество привезенныхъ мною книгъ по зоологіи и естественнымъ наукамъ и другимъ спеціальнымъ наукамъ я дочиталъ, кажется, до того, что зналъ наизусть. Достоевскій больше предпочиталъ литературу, и на каждую новую книгу мы съ жадностью набрасывались. Но монотонность нашихъ дней искупалась тѣми минутами, когда на Ѳ. М. находилъ порывъ творчества. Настроеніе его дѣлалось въ то время такое приподнятое, что возбужденіе его невольно отражалось и на мнѣ. Казалось, и жизнь семипалатинская становилась какъ-будто сноснѣе; но въ то время настроеніе это такъ же внезапно, къ сожалѣнію, падало, какъ и приходило. Достаточно невеселой вѣсти изъ Кузнецка — и все пропало: хирѣлъ и завядалъ Ѳ. М.

Я уже упоминалъ выше, что въ этотъ періодъ нашей совмѣстной жизни Ѳ. М. работалъ надъ своимъ знаменитымъ произведеніемъ, „Записками изъ Мертваго Дома“. Мнѣ первому выпало счастье видѣть Ѳ. М. въ эти минуты его творчества, первому довелось слушать наброски этого безподобнаго произведенія, и еще теперь, спустя долгіе годы, я вспоминаю эти минуты съ особеннымъ чувствомъ. Сколько интереснаго, глубокаго и поучительнаго довелось мнѣ черпать въ бесѣдахъ съ нимъ! Замѣчательно, что, несмотря на всѣ тяжкія испытанія судьбы: каторгу, ссылку, ужасную болѣзнь и непрестанную матеріальную нужду,— въ душѣ Ѳ. М. неугасимо теплились самыя свѣтлыя, самыя широкія человѣческія чувства. И эта удивительная, несмотря ни на что, незлобивость всегда особенно поражала меня въ Достоевскомъ.

[А. Врангель далѣе подробно разсказываетъ о пріѣздѣ въ Семипалатинскъ для ревизіи генералъ-губернатора Гасфорда, напустившаго на себя важность и грубость.]

Я былъ въ числѣ приглашенныхъ въ этотъ день у генерала на обѣдъ. Жену его я отлично зналъ по Петербургу. Она встрѣтила меня очень привѣтливо, усадила меня подлѣ себя на диванъ.

Во время обѣда генералъ нашъ совсѣмъ преобразился, чувствовалось, что говоришь съ обыкновеннымъ смертнымъ. Былъ въ духѣ, разспрашивалъ меня о моихъ родныхъ и, между прочимъ, сказалъ, что знаетъ о моихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Достоевскимъ. Дай, думаю, воспользуюсь его добрымъ настроеніемъ, расположу его въ пользу Ѳ. М. Незадолго передъ этимъ Достоевскій написалъ стихи на смерть императора Николая I. Обсудивъ съ нимъ, мы рѣшили передать черезъ Гасфорда стихи вдовствующей императрицѣ. Стихи эти, насколько помню, начинались такъ:

„Какъ гаснетъ въ небесахъ зарница,
Угасъ Супругъ великій Твой".

На очень почтительную мою просьбу посодѣйствовать мнѣ въ этомъ Гасфордъ наотрѣзъ отказалъ исполнить мое желанье, добавивъ:

— За бывшихъ враговъ правительства никогда я хлопотать не буду. Если же въ Петербургѣ сами вспомнятъ, то я противодѣйствовать не буду.

Теперь умѣстно, пожалуй, будетъ сказать, какимъ образомъ стихи эти все-таки достигли своего назначенія. Цѣль моя была напомнить о Достоевскомъ, возбудить свыше интересъ къ нему. Писалъ я неоднократно отцу, всевозможнымъ вліятельнымъ роднымъ, просилъ найти возможность передать стихи вдовствующей государынѣ, и, наконецъ, хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ: стихи взялся передать его высочество принцъ П. Г. Ольденбургскій. Принцъ, какъ извѣстно, былъ большой любитель музыки и плохой композиторъ, дружилъ онъ въ то время съ извѣстнымъ піанистомъ Адольфомъ Гензельтомъ, который исправлялъ его сочиненія. Гензельтъ же былъ долголѣтній преподаватель музыки всей нашей семьи и другъ дома. И вотъ къ нему-то и обратились мои родные. Онъ съ готовностью исполнилъ нашу просьбу. Стихи получены были императрицей; это мнѣ достовѣрно извѣстно, такъ какъ мнѣ впослѣдствіи подтвердилъ это Сахтынскій, управляющій дѣлами III отдѣленія. Было еще другое стихотвореніе Достоевскаго—„На вступленіе на престолъ Александра II"—оно мною передано лично по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ Эдуарду Ивановичу Тотлебену.

Достоевскій въ то время изнемогалъ отъ болѣзни; минутами онъ страшился за умъ и память свою. Литературная его дѣятельность для него было самое завѣтное въ жизни. Изъ-за пребыванія его въ ссылкѣ, произведенія его не могли печататься; въ отчаяніи онъ даже предлагалъ печатать его сочиненія подъ моимъ именемъ. Конечно, это слишкомъ лестное для меня предложеніе я отклонилъ. Кромѣ того, литература, кромѣ славы, была его единственный заработокъ. Въ то же время онъ рвался къ личной жизни, его ожидалъ бракъ, въ которомъ ему грезилось „безконечное счастье". А вѣчная вопіющая нужда? Годами онъ былъ лишенъ самаго необходимаго. И кто знаетъ, не прибѣгни Достоевскій къ средству, за которое такъ рѣзко осуждаютъ его строгіе критики, не погибъ ли бы въ дебряхъ Сибири безвременно одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей — гордость Россіи?

[Предположенный походъ былъ отмѣненъ.]

За отъѣздомъ генералъ-губернатора, наше семипалатинское сонное царство какъ-то еще больше оцѣпенѣло въ своей безжи-

зненности. Такъ какъ солдатикамъ, послѣ усиленныхъ ученій, данъ былъ отдыхъ, то у Ѳ. М. было больше досуга. Засѣли мы опять въ нашемъ „Казаковомъ Саду“; изо дня въ день все то же и то же. Вѣсти изъ Кузнецка приходили неутѣшительныя; теперь Ѳ. М. бросилъ уже и къ гадалкамъ ходить, хандрилъ, скучалъ, какъ-то не работалось ему. Онъ не зналъ, какъ убить время. Тутъ онъ вспомнилъ о Маринѣ О., дочери ссыльнаго поляка. Достоевскій въ бытность Исаевыхъ въ Семипалатинскѣ, по просьбѣ Маріи Дмитріевны, принялъ участіе въ дѣвочкѣ, занимался съ ней. Онъ отправился теперь къ О., и, послѣ нѣкоторыхъ переканій, дѣвушку стали отпускать въ „Казаковъ Садъ“ учиться. Ей исполнилось уже 17 лѣтъ, она подросла, расцвѣла, похорошѣла и стала чрезвычайно развязна. Она очень оживляла нашъ домъ, бѣгала, усиленно кокетничала и задорно заигрывала со своимъ учителемъ.

Я въ это время былъ поглощенъ одной своей романической исторіей, искалъ отвлеченія въ путешествіяхъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отмахалъ 2.000 верстъ. Побывалъ въ горахъ Алтая, въ Усть-Каменогорскѣ и Бухтырьмѣ, на рѣкѣ Иртышѣ, въ степяхъ, въ Локтевскомъ и Змѣиногорскомъ заводахъ.

Ѳ. М. сидѣлъ много одинъ, хандрилъ, училъ Марину, немного пописывалъ и велъ горячую переписку съ Маріей Дмитріевной; письма къ ней подчасъ были цѣлыя тетради.

При отъѣздѣ моемъ, видя, какъ Ѳ. М. ретиво принялся за уроки съ Мариною, явно неравнодушной къ своему учителю, я, признаться, обрадовался: думалъ, хандра пройдетъ, завяжется новое чувство и отвлечетъ его, можетъ-быть, отъ роковой страсти къ М. Д. Но дѣло сложилось иначе.

Вернувшись изъ моихъ путешествій, я узналъ цѣлую трагедію.

Марина, при первой моей встрѣчѣ съ ней послѣ моего возвращенія, своимъ видомъ поразила меня: мрачная, похудѣвшая, какая-то опустившаяся показалась она мнѣ. Я обратилъ вниманіе Ѳ. М.,—онъ подтвердилъ, что и самъ видитъ, что Марина не прежняя, но сколько ни добивается узнать отъ нея причину, добиться не можетъ. Принялись мы допрашивать ее оба, и вотъ что повѣдала она намъ.

Сынъ городского головы, носившій въ городѣ кличку „Ваньки-Саврасаго“, 18-лѣтній юноша, давно заглядывался на красивую Марину; при помощи ключницы, прельщавшей ее богатствомъ, Марина сдалась; негодяй, позабавившись, скоро ее бросилъ. Но это еще не все, что угнетало ее. Свидѣтелемъ этихъ похожденій былъ кучеръ юнаго савраса, старый, грязный киргизъ, какъ оказывается, забиравшій, по приказанію своего хозяина, Марину

въ условленномъ мѣстѣ для того, чтобы доставить ее въ назначенное для rendez-vous мѣсто. И вотъ, въ одну изъ такихъ поѣздокъ, этотъ гнусный человѣкъ пригрозилъ ей, что, если она не отдастся ему, онъ объ ея похожденіяхъ донесетъ отцу и мачехѣ. Запуганная и безхарактерная Марина поддалась. Этотъ негодяй всячески эксплоатировалъ ее, преслѣдовалъ по пятамъ; она ненавидѣла его, боялась и молила, признавшись намъ во всемъ, помочь избавиться отъ этого злодѣя.

Дѣло было вопіющее. Пришлось мнѣ воспользоваться моею властью,—я выселилъ киргиза изъ города.

Черезъ годъ послѣ этого отецъ Марины выдалъ ее насильно замужъ за стараго, необразованнаго хорунжаго Семипалатинскаго казачьяго полка. Марина его ненавидѣла и кокетничала со всѣми попрежнему. Старикъ изводилъ ее своею ревностью.

Впослѣдствіи, когда Достоевскій былъ женатъ, Марина не разъ служила причиной ревности и раздора между Маріей Дмитріевной и Ѳедоромъ Михайловичемъ, преслѣдуя его своимъ кокетствомъ, что страшно волновало уже больную тогда его жену.

[Весною 1855 г. Врангель навсегда покидалъ Семипалатинскъ.

Вернувшись въ Семипалатинскъ изъ Барнаула, я нашелъ Достоевскаго осунувшимся, похудѣвшимъ, грустнымъ, совсѣмъ убитымъ. Съ моимъ пріѣздомъ Ѳ. М. пріободрился, но мнѣ пришлось его огорчить, сообщивъ ему о моемъ скоромъ отъѣздѣ изъ Семипалатинска.

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ пролетѣли быстро. Въ концѣ декабря я собрался въ путь. Ѳ. М. весь день со мной не разставался, помогалъ мнѣ укладываться... Оба мы были въ грустномъ, тревожномъ состояніи. Невольно набѣгала мысль,— увидимся ли?

Мы оба, смѣю думать, въ эти два года тѣсно сжились, полюбили другъ друга, привязались, дѣлили между собой оба и радости, и горести сибирской жизни, выкладывали, какъ говорится, другъ другу душу. А какъ это дорого въ тяжелыя минуты оторванности отъ всего дорогого, какъ облегчаетъ это,—пойметъ всякій, кому случалось быть въ такихъ условіяхъ.

И вотъ, дѣйствительно, по отъѣздѣ моемъ, онъ пишетъ мнѣ рядъ дружескихъ, трогательныхъ писемъ, онъ томится въ одиночествѣ. Въ письмѣ къ мнѣ отъ 21 декабря онъ пишетъ:

„Хочу говорить съ вами попрежнему, какъ въ Семипалатинскѣ, когда вы были для меня всѣмъ,—и другомъ и братомъ, когда мы оба дѣлили другъ съ другомъ свои заботы сердечныя“.

Жутко мнѣ было покидать его. Я былъ молодъ, здоровъ, полонъ розовыхъ надеждъ. А онъ?!. Онъ, этотъ Богомъ отмѣ-

ченный великій талантъ, волею судебъ оставался здѣсь, въ этихъ дебряхъ, безсрочнымъ солдатомъ, заброшенный, больной, одинокій, безъ опоры, безъ слова сочувствія, лишаясь послѣдняго друга!

Но... насталъ и часъ моего отъѣзда.

Уже смеркалось. Вышелъ Адамъ, забралъ чемоданы, мы обнялись крѣпко-крѣпко. Расцѣловались и дали слово другъ друга не забывать. Какъ умѣлъ, старался я его ободрить и обнадежить. Оба мы, какъ и въ первое свиданіе, прослезились. Усѣлся я въ кибитку, обнялъ въ послѣдній разъ моего бѣднаго друга. Ямщикъ дернулъ вожжами, рванулась впередъ моя тройка и поскакала. Я оглянулся еще разъ назадъ: въ вечернемъ мракѣ еле виднѣлась понурая фигура Достоевскаго.

Въ февралѣ я вернулся къ своимъ въ Петербургъ. И вотъ началась непрерывная переписка съ Достоевскимъ по его служебнымъ, денежнымъ и авторскимъ дѣламъ. Участь его въ то время все еще не была выяснена вполнѣ. Я зналъ, что милостивый манифестъ появится въ коронацію, но какія милости будутъ именно петрашевцамъ,—конечно, никто предугадать не могъ; самъ Дубельтъ и статсъ-секретарь Сахтынскій еще не знали ничего. Эта неизвѣстность волновала Достоевскаго. Нетерпѣніе его росло не по днямъ, а по часамъ. Онъ какъ-то совершенно упускалъ, что я самъ,—маленькій сибирскій чиновникъ, „молокососъ“,—не могъ двинуть разомъ его дѣла, да и многіе мои родственники, занимавшіе хотя высокіе посты, все же ничего подѣлать для ускоренія этого дѣла не могли. Да и мнѣ не хотѣлось безъ толку надоѣдать имъ,—это только могло испортить дѣло. Этого Достоевскій, изнемогавшій отъ неопредѣленности своего тяжкаго положенія, какъ натура крайне нервная, возбужденная, не понималъ; стоитъ хотя бы прочесть рядъ его писемъ ко мнѣ за это время. Я дѣлалъ, что могъ; главнымъ ходатаемъ за него былъ графъ Э. И. Тотлебенъ.

Э. И. я зналъ, еще будучи лицеистомъ; я часто встрѣчалъ его у дяди моего отца, Кр. Ег. Мандерштернъ,—тогдашняго коменданта Петропавловской крѣпости. Съ Достоевскимъ Тотлебенъ былъ товарищъ по инженерному училищу и инженерной службѣ, а съ младшимъ братомъ его, Адольфомъ, Ѳ. М. дружилъ. 23 марта 1856 г. Достоевскій пишетъ мнѣ: „Съ братомъ (Тотлебена) я другъ съ дѣтства“. Немедленно по пріѣздѣ моемъ я побывалъ у Э. И., напомнилъ ему о Достоевскомъ, разсказалъ о его тяжеломъ положеніи и просилъ его сдѣлать для Ѳ. М. все возможное. Посѣтилъ и брата графа, Адольфа. Оба приняли горячее участіе въ Достоевскомъ и пообѣщали сдѣлать все, что въ силахъ будетъ.

Имя Э. И. Тотлебена гремѣло тогда не только въ Россіи, но и по всей Европѣ [1]). Какъ человѣкъ, это была пресимпатичная личность. Слава и почести ничуть не измѣнили его. Онъ остался тѣмъ же привѣтливымъ, добрымъ и гуманнымъ человѣкомъ, какимъ я знавалъ его до Севастополя. Графъ много посодѣйствовалъ облегченію участи Достоевскаго своимъ заступничествомъ за него у князя Орлова и прочихъ сильныхъ петербургскаго міра.

Достоевскій очень цѣнилъ Тотлебена и глубоко былъ растроганъ его участіемъ и хлопотами за него. Онъ называетъ его „рыцаремъ“. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 23 марта 1856 г. онъ пишетъ: „Это—рыцарская душа, возвышенная и великодушная. Вы не можете представить себѣ, съ какимъ восторгомъ я гляжу на поведеніе такихъ душъ, какъ вы и они оба, относительно меня“.

Но наиболѣе всѣхъ былъ полезенъ Достоевскому въ ходѣ его судьбы принцъ П. Г. Ольденбургскій. Меня онъ помнилъ еще по лицею; будучи нашимъ попечителемъ, онъ почти ежедневно посѣщалъ лицей. Пришлось мнѣ вновь вмѣшать въ это дѣло Адольфа Гензельта. Я передалъ черезъ него принцу новые стихи Достоевскаго на коронацію, о которыхъ онъ пишетъ мнѣ въ двухъ письмахъ,—отъ 23 марта 1856 года: „Нельзя ли пустить въ ходъ стихотвореніе?..“ И отъ 23 мая:

„Просить неофиціально позволенія печатать, не представивъ въ то же время сочиненія, по-моему, неловко. Поэтому-то я и началъ съ стихотворенія... Прочитайте, перепишите и постарайтесь, чтобы оно дошло до Монарха“.

Я сдѣлалъ, что могъ. Принцъ передалъ стихи государынѣ Маріи Александровнѣ. Дошли ли они до государя, — я не знаю.

Одновременно съ присылкой этихъ стиховъ, Достоевскій увѣдомляетъ меня, что вышлетъ мнѣ статью: *Письма объ искусствѣ*, для передачи президенту Академіи, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ [1]): „Хочу просить позволенія посвятить статью мою ей и напечатать хотя бы безъ имени. Статья моя — плодъ десятилѣтнихъ обдумываній. Всю ее, до послѣдняго слова, я обдумалъ еще въ Омскѣ [2]). Будетъ много оригинальнаго, замѣчательнаго. За изложеніе я ручаюсь. Можетъ-быть, во многомъ со мной будутъ несогласны многіе. Но я въ свои идеи вѣрю, и того довольно. Статью хочу прочесть предварительно Аполлону Майкову. Это собственно—назначеніе христіанства въ искусствѣ“.

Эта статья такъ и не дошла до меня.

---

[1]) Тотлебенъ руководилъ въ осажденномъ Севастополѣ всѣми инженерными работами. *Ч. В—ій.*

[1]) Письмо 13 апр. 1856 г.

[2]) На каторгѣ.

О другой статьѣ, начатой Достоевскимъ еще въ дни моего сожительства съ нимъ, статьѣ „О Россіи“, онъ въ томъ же письмѣ пишетъ: „Я говорилъ вамъ по поводу статьи „О Россіи“. Но это выходилъ чисто политическій памфлетъ. Изъ статьи моей я слова не захотѣлъ бы выкинуть. Но врядъ ли позволили бы мнѣ начать мое печатаніе съ памфлета, несмотря на самыя патріотическія идеи. А выходило дѣльно, и я былъ доволенъ. Сильно занимала меня статья эта. Но я бросилъ ее. Ну, какъ откажутъ напечатать! Къ чему же пропадать моимъ трудамъ?“

Статьи этой я также не получилъ.

Добиться, въ случаѣ помилованія, права печатать свои произведенія составляло главную работу Достоевскаго въ то время. Помимо горячей любви къ своему дѣлу, и матеріальная нужда побуждала его напоминать о себѣ и пробуждать къ себѣ интересъ свыше. Расходовъ у Ѳ. М. была бездна, а денегъ буквально ни гроша. Долги, долги и долги, и только одна надежда впереди,—заработокъ на повѣстяхъ и романахъ, которые непрестанно роились у него въ головѣ.

Наконецъ, въ январѣ 1860 года Достоевскій получилъ разрѣшеніе поселиться въ Петербургѣ. Онъ не замедлилъ переѣхать сюда, но одинъ, жену устроилъ въ Москвѣ, такъ какъ климатъ петербургскій былъ вреденъ для ея слабыхъ легкихъ.

Поселился онъ, какъ мнѣ помнится, на Гороховой улицѣ. Мы часто видѣлись, но какъ-то мимолетно,— и онъ и я завертѣлись въ петербургской сутолокѣ. Къ тому же осенью 1860 г. я былъ объявленъ женихомъ и все свободное время проводилъ у моей невѣсты, а Достоевскій работалъ день и ночь, писалъ, писалъ и писалъ. Зато рѣдкія наши свиданія всегда были полны самыхъ теплыхъ воспоминаній о прошломъ. Памятенъ мнѣ одинъ эпизодъ въ одну изъ нашихъ встрѣчъ.

Зашелъ Ѳ. М. какъ-то ко мнѣ побесѣдовать; между прочимъ, разговоръ коснулся предстоящаго собранія дворянъ Петербургской губерніи. Я порывался сказать рѣчь „по поводу вольностей и правъ, дарованныхъ дворянству Екатериной II“. Достоевскій живо набросалъ для меня блестящую рѣчь, но... я, по счастью, воздержался, и рѣчи не произнесъ [1]).

Помнится мнѣ, еще присутствовалъ я какъ-то разъ на публичномъ чтеніи Достоевскаго. Въ этотъ вечеръ Достоевскій читалъ въ залѣ Руадзе (нынѣ домъ Гартонга), у Полицейскаго моста, „Ревизора“ Гоголя. Мастерство его чтенія мнѣ было хорошо извѣстно. Залъ былъ переполненъ слушателями. Появленіе До-

---

[1]) Въ этомъ собраніи сдѣланы были заявленія въ конституціонномъ духѣ, повлекшія за собой кару участникамъ.— *Ч. Б—ій.*

стоевскаго и чтеніе его сопровождалось громомъ аплодисментовъ, но я лично не былъ въ этотъ вечеръ удовлетворенъ его чтеніемъ; я видѣлъ, что онъ не въ ударѣ, мнѣ казалось, что онъ былъ смущенъ, голосъ былъ вялый и тихій, мѣстами его было почти не слышно. Послѣ чтенія онъ разыскалъ меня въ толпѣ, подошелъ и подтвердилъ мое предположеніе,—не по себѣ ему было, и читать онъ былъ совсѣмъ не расположенъ, но къ нему пристали, а отказывать въ чемъ-либо людямъ онъ не умѣлъ. Это было первое его чтеніе по возвращеніи изъ ссылки, если я не ошибаюсь.

Въ 1865 году, вернувшись какъ-то изъ моего лѣтняго отпуска въ Копенгагенъ, я нашелъ отчаянное письмо Достоевскаго изъ Висбадена. Оказывается, онъ проигрался тамъ въ пухъ и прахъ. Положеніе его было безвыходное, денегъ ни гроша; тѣснятъ, грозятъ и требуютъ со всѣхъ сторонъ,—онъ былъ въ полномъ отчаяніи. Эта новая страсть Достоевскаго къ игрѣ была для меня полной неожиданностью. Въ Сибири, гдѣ такъ развито было картежничество, онъ картъ въ руки не бралъ. Но, вѣроятно, его страстная натура и потрясенные нервы требовали сильныхъ ощущеній, и онъ нашелъ ихъ въ азартной игрѣ въ рулетку. Нечего было дѣлать, пришлось выручать стараго друга, помогъ ему, хотя и самъ не очень-то былъ при деньгахъ. Одновременно написалъ ему, просилъ его непремѣнно пріѣхать ко мнѣ въ Копенгагенъ.

Пріѣхалъ онъ ко мнѣ 1 октября, прожилъ у меня недѣлю, очень понравился моей женѣ и много возился съ двумя моими дѣтьми. Я нашелъ его похудѣвшимъ и постарѣвшимъ. Очень радостна была наша встрѣча; всплыли, конечно, воспоминанія о Сибири, о „Казаковомъ Садѣ“, о нашихъ сердечныхъ увлеченіяхъ и пр. и пр. Много говорили и о покойной его первой женѣ, Маріи Дмитріевнѣ, и о красавицѣ Маринѣ О., къ которой такъ ревновала Ѳ. М. жена.

Невольно въ откровенной дружеской бесѣдѣ коснулись и его семейной жизни и странныхъ, мнѣ непонятныхъ и по сю пору, взаимныхъ отношеній супруговъ. Какъ-то въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ онъ говорилъ: „Мы были положительно несчастны оба, но не могли перестать любить другъ друга; даже чѣмъ несчастнѣе были, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ другу“. При личномъ свиданіи въ Копенгагенѣ онъ вновь подтвердилъ мнѣ это. Я никогда не предвидѣлъ въ этомъ бракѣ счастья для Достоевскаго. Всѣ страданія, вся обуза, что онъ взваливалъ, благодаря этому браку, себѣ на плечи, на долгое время лишили его душевнаго покоя... Не разъ въ Семипалатинскѣ я старался от-

резвить Ѳ. М. отъ его любовнаго психоза относительно Исаевой, но онъ и слушать не хотѣлъ; для него Марія Дмитріевна тогда рисовалась въ какомъ-то лучезарномъ ореолѣ.

Между прочимъ, въ нашей бесѣдѣ въ Копенгагенѣ Достоевскій высказалъ свой взглядъ на женщинъ и далъ мнѣ поучительный совѣтъ. Затронувъ въ воспоминаніяхъ нашихъ сибирскихъ знакомыхъ, я упомянулъ о коварствѣ и легкомыслiи одной сибирской дамы, и въ отвѣтъ на это отъ Ѳ. М. услышалъ слѣдующее: „Будемъ всегда глубоко благодарны за тѣ дни и часы счастья и ласки, которыя дала намъ любимая нами женщина. Не слѣдуетъ требовать отъ нея вѣчно жить и только думать о васъ; это недостойный эгоизмъ, который надо умѣть побороть".

Видъ у Достоевскаго въ этотъ пріѣздъ его ко мнѣ былъ неважный,—еще раньше онъ жаловался мнѣ въ письмахъ на свое постоянное недомоганіе. „Кромѣ падучей, сжигаетъ меня какая-то лихорадка, ознобъ, жаръ каждую ночь, и я худѣю ужасно", писалъ онъ мнѣ.

Да и какое здоровье могло бы выдержать ту тревожную жизнь, какую въ то время велъ Достоевскій! Вѣчно нуждаясь, неся заботы на своихъ плечахъ не только о своей семьѣ, но и о семьѣ брата Михаила, всегда въ неоплатныхъ долгахъ, всегда подъ страхомъ быть за долги посаженнымъ въ тюрьму, онъ ночь и день не зналъ покоя: день метался по редакціямъ, а ночи писалъ напролетъ: „на заказъ, изъ-подъ палки", какъ онъ выразился. Все это не могло, конечно, не стразиться не только на здоровьѣ Достоевскаго, но и на его характерѣ.

Во время его пребыванія у меня въ Копенгагенѣ онъ, между прочимъ, разсказалъ анекдотъ о себѣ, до какой степени нервности и раздражительности онъ подчасъ доходилъ. Находясь въ Парижѣ, Достоевскій задумалъ побывать въ Римѣ. Для этого потребовалось на паспортѣ получить визу папскаго нунція, посланника при французскомъ дворѣ. Зашелъ Достоевскій къ нему разъ — нѣтъ дома, второй разъ — тоже. Пришелъ въ третій; вышелъ молодой аббатъ, попросилъ сѣсть, обождать, такъ какъ монсиньоръ завтракаетъ и будетъ пить кофе. Достоевскій взбѣленился, вскочилъ со стула и началъ кричать: Dites à votre Monseigneur, que je crache dans son café,—qu'il me signe immédiatement mon passeport,—ou je me précipiterai chez lui avec scandal!" Юный аббатъ опѣшилъ, вытаращивъ глаза отъ удивленія. Такая особа—для него, какъ Monseigneur,—и вдругъ собираются „cracher dans son café!" Онъ бросился въ кабинетъ монсиньора, быстро вернулся съ другимъ аббатомъ и тутъ же попросилъ нашего Ѳедора Михайловича немедленно убираться, а за паспортомъ прислать portier изъ отеля.

„Да, погорячился!“ сконфуженно улыбаясь, прибавилъ Ѳ. М., заканчивая свой парижскій эпизодъ [1]). Но, повидимому, такое раздраженное его состояніе не скоро еще миновало; позже, въ письмѣ своемъ отъ 18 февраля, онъ пишетъ мнѣ: „Я сталъ нервенъ, раздражителенъ, характеръ мой испортился, я не знаю, до чего это дойдетъ“.

Изъ воспоминаній Н. Н. Страхова [2]).

Мое знакомство съ Ѳ. М. началось именно на журнальномъ поприщѣ, притомъ еще раньше, чѣмъ стало выходить „Время“. Въ концѣ 1859 года было объявлено объ изданіи въ слѣдующемъ году новаго ежемѣсячнаго журнала „Свѣточъ“, подъ редакціею Д. И. Калиновскаго. Главнымъ сотрудникомъ въ этомъ журналѣ былъ А. П. Милюковъ, въ то время мой сослуживецъ по одному изъ учебныхъ заведеній. Я предложилъ ему для перваго же номера свою статью, первую большую статью, съ которою я выступалъ на петербургское журнальное поприще. Къ великой радости, статья была одобрена, и А. П. пригласилъ меня въ свой литературный кружокъ, на свои вторники, въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Якобса. Съ перваго вторника, когда я явился въ этотъ кружокъ, я считалъ себя какъ будто принятымъ, наконецъ, въ общество настоящихъ литераторовъ и очень всѣмъ интересовался. Главными гостями А. П. оказались братья Достоевскіе, Ѳедоръ Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ, давнишніе друзья хозяина и очень привязанные другъ къ другу, такъ что бывали обыкновенно вмѣстѣ. Кромѣ ихъ, часто являлись А. Н. Майковъ, В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, докторъ С. Д. Яновскій, А. А. Чумиковъ, В. Д. Яковлевъ и другіе. Первое мѣсто въ кружкѣ занималъ, конечно, Ѳ. М.: онъ былъ у всѣхъ на счету крупнаго писателя и первенствовалъ не только по своей извѣстности, но и по обилію мыслей и горячности, съ которою ихъ высказывалъ. Кружокъ былъ невеликъ, и члены его были очень близки между собою, такъ что стѣсненія, столь

---

[1]) Эпизодъ этотъ разсказанъ въ повѣсти „Игрокъ“ отъ лица героя.— *Ч. В—ій.*

[2]) Изъ книги „Біографія, письма и проч“ — Николай Николаевичъ Страховъ (1828—1896), близкій другъ Аполлона Григорьева и Ѳ. Достоевскаго, во „Времени“ и „Эпохѣ“ велъ, подъ псевдонимомъ *Н. Косица* оживленную полемику противъ „нигилизма“ и матеріалистическихъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ. Философъ идеалистической школы, Страховъ былъ также авторомъ многихъ литературно-критическихъ работъ, изъ которыхъ особенно извѣстны его статьи по поводу „Войны и Мира“ Л. Толстого.

обыкновеннаго во всѣхъ русскихъ обществахъ, не было и слѣда. Но и тогда была замѣтна обыкновенная манера разговора Ѳ. М. Онъ часто говорилъ съ своимъ собесѣдникомъ въ полголоса, почти шопотомъ, пока что-нибудь его особенно не возбуждало; тогда онъ воодушевлялся и круто возвышалъ голосъ. Впрочемъ, въ то время его можно было назвать довольно веселымъ въ обыкновенномъ настроеніи; въ немъ было еще очень много мягкости, измѣнявшей ему въ послѣдніе годы, послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ трудовъ и волненій. Наружность его я живо помню: онъ носилъ тогда одни усы и, несмотря на огромный лобъ и прекрасные глаза, имѣлъ видъ совершенно солдатскій, т.-е. простонародныя черты лица. Помню также, какъ я въ первый разъ увидѣлъ, почти мелькомъ, его первую жену, Марью Дмитріевну; она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе блѣдностью и нѣжными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположеніе къ болѣзни, которая свела ее въ могилу.

Разговоры въ кружкѣ занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мнѣ довелось пройти,—школа, во многомъ расходившаяся съ тѣми мнѣніями и вкусами, которые у меня сложились.

Въ то время я занимался зоологіею и философіею и потому, разумѣется, прилежно сидѣлъ за нѣмцами и въ нихъ видѣлъ вождей просвѣщенія. У литераторовъ оказалось другое; всѣ они очень усердно читали французовъ и были равнодушны къ нѣмцамъ. Всѣмъ извѣстно было, что М. М. Достоевскій составляетъ исключеніе, владѣя нѣмецкимъ языкомъ такъ, чтобы читать на немъ и дѣлать переводы. Ѳ. же М., хотя, конечно, учился этому языку, но, какъ и другіе, совершенно его забросилъ и до конца жизни читалъ только по-французски. Въ ссылкѣ онъ, какъ видно, предполагалъ взяться за серьезныя занятія и просилъ брата выслать ему исторію философіи Гегеля въ подлинникѣ; но книга осталась нечитанною, и онъ подарилъ ее мнѣ вскорѣ послѣ перваго знакомства.

Естественно, что и направленіе кружка сложилось подъ вліяніемъ французской литературы. Политическіе и соціальные вопросы были тутъ на первомъ планѣ и поглощали чисто-художественные интересы. Художникъ, по этому взгляду, долженъ слѣдить за развитіемъ общества и приводить къ сознанію нарождающееся въ немъ добро и зло, быть поэтому наставникомъ, обличителемъ, руководителемъ; такимъ образомъ, почти прямо заявлялось, что вѣчные и общіе интересы должны быть подчинены временнымъ и частнымъ. Этимъ публицистическимъ направленіемъ Ѳ. М. былъ вполнѣ проникнутъ и сохранялъ его до конца жизни.

Очевидно, это направленіе мыслей сложилось подъ вліяніемъ французской литературы, было одно изъ направленій *сороковыхъ годовъ*,—тѣхъ плодовитыхъ годовъ, когда Европа, кипѣвшая особенно сильно духовною жизнью, производила на насъ, русскихъ, большое вліяніе и посѣяла у насъ сѣмена, которыя долго потомъ развивались... Что касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старому, чѣмъ литературный кружокъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было *понимать Гегеля* и *знать Гёте наизусть*. Поэтому, и по другимъ причинамъ разногласія, настроеніе кружка рѣзко бросилось мнѣ въ глаза.

Въ основаніи этого настроенія, конечно, лежало прекрасное чувство, гуманность, состраданіе къ людямъ, попавшимъ въ трудное положеніе, и прощеніе имъ ихъ слабости. Въ самомъ дѣлѣ, легко провиниться въ нѣкоторой жестокости, когда мы указываемъ ближнимъ неисполненныя требованія,—даже если это нравственныя требованія. Поэтому литературный кружокъ, въ который я вступилъ, былъ для меня во многихъ отношеніяхъ школою гуманности. Но другая черта, поразившая меня здѣсь, представляла гораздо большую неправильность. Съ удивленіемъ замѣчалъ я, что тутъ не придавалось никакой важности всякаго рода *физическимъ* излишествамъ и отступленіямъ отъ нормальнаго порядка. Люди, чрезвычайно чуткіе въ нравственномъ отношеніи, питавшіе самый возвышенный образъ мыслей и даже большею частью сами чуждые какой-нибудь физической распущенности, смотрѣли, однако, совершенно спокойно на всѣ безпорядки этого рода, говорили объ нихъ какъ о забавныхъ пустякахъ, которымъ предаваться вполнѣ позволительно въ свободную минуту. Безобразіе духовное судилось тонко и строго; безобразіе плотское не ставилось ни во что. Эта странная *эмансипація плоти* дѣйствовала соблазнительно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ повела къ послѣдствіямъ, о которыхъ больно и страшно вспомнить.

Я не безъ удивленія и не безъ противорѣчія слушалъ разговоры о современномъ значеніи различныхъ литературныхъ явленій и объ усиліяхъ уловить послѣднюю и новѣйшую черту въ общественной жизни. Ѳ. М. былъ также чрезвычайно этимъ занятъ; изъ его литературной дѣятельности уже видно, какъ онъ былъ преданъ такому служебному направленію. Эта дѣятельность ясно распадается на два отдѣла: первый, отъ „Бѣдныхъ Людей“ до „Преступленія и наказанія“, ясно носитъ на себѣ вліяніе Гоголя—по кругу предметовъ и задачъ; второй, болѣе самостоятельный, отъ „Преступленія и наказанія“ и до конца,

весь посвященъ нарождающимся общественнымъ явленіямъ и главной нашей внутренней болѣзни, нигилизму.

Но, твердо держась этого служенія минутѣ, безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ уловленіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Ѳ. М. въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности. Хотя онъ всегда искалъ въ произведеніяхъ искусства какого-нибудь современнаго или національнаго значенія, но художество само по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій, и подъ конецъ жизни онъ прямо сталъ твердить знаменитую формулу *искусства для искусства*. Это противорѣчіе постоянно жило въ немъ, какъ и многія другія противорѣчія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, конечно, находившія себѣ примиреніе въ глубинѣ его души и во многихъ случаяхъ, очевидно, спасавшія его отъ ложныхъ и ненормальныхъ путей; подымаясь надъ этими противорѣчіями, онъ восходилъ на тѣ высоты, которыя дали такое прекрасное настроеніе всей его дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ это какъ нельзя яснѣе: постоянное стремленіе къ настоящей художественности дало произведеніямъ Ѳ. М. ту ширину и глубину, которой никогда бы въ нихъ не было при узкомъ пониманіи задачи.

Когда я вспоминаю его, то меня поражаетъ именно неистощимая подвижность его ума, неизсякающая плодовитость его души. Въ немъ какъ будто не было ничего сложившагося, такъ обильно нарастали мысли и чувства, столько таилось неизвѣстнаго и непроявившагося подъ тѣмъ, что успѣло сказаться.

Съ чрезвычайной ясностью въ немъ обнаруживалось особеннаго рода раздвоеніе, состоящее въ томъ, что человѣкъ предается очень живо извѣстнымъ мыслямъ и чувствамъ, но сохраняетъ въ душѣ неподдающуюся и неколеблющуюся точку, съ которой смотритъ на самого себя, на свои мысли и чувства. Онъ самъ иногда говорилъ объ этомъ свойствѣ и называлъ его рефлексіею. Слѣдствіемъ такого душевнаго строя бываетъ то, что человѣкъ сохраняетъ всегда возможность судить о томъ, что наполняетъ его душу, что различныя чувства и настроенія могутъ проходить въ душѣ, не овладѣвая ею до конца, и что изъ этого глубокаго душевнаго центра исходитъ энергія, оживляющая и преобразующая всю дѣятельность и все содержаніе ума и творчества.

Какъ бы то ни было, Ѳ. М. всегда поражалъ меня широкостью своихъ сочувствій, умѣньемъ понимать различные и противоположные взгляды. При первомъ знакомствѣ онъ оказался величайшимъ поклонникомъ Гоголя и Пушкина и безмѣрно восхищался ими съ художественной стороны. Помню до сихъ

поръ, какъ въ первый разъ услышалъ я его чтеніе стиховъ Пушкина. Его заставилъ читать М. М., очевидно, благоговѣвшій передъ братомъ и съ наслажденіемъ его слушавшій. Ѳ. М. читалъ два удивительныхъ отрывка: „Только что на проталинахъ весеннихъ“ и „Какъ весенней теплой порою“, которые цѣнилъ очень высоко и изъ которыхъ послѣдній потомъ выбралъ для чтенія и на *Пушкинскомъ праздникѣ*. Въ первый разъ я ихъ услышалъ отъ него за двадцать лѣтъ до этого праздника, и помню мое разочарованіе: Ѳ. М. читалъ очень хорошо, но тѣмъ нѣсколько подавленнымъ, пониженнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно читаютъ стихи неопытные чтецы. Помню и другія его чтенія стиховъ и прозы: положительно онъ не былъ тогда вполнѣ искуснымъ чтецомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что въ послѣдніе годы жизни онъ читалъ удивительно, и совершенно справедливо приводилъ публику въ восхищеніе своимъ искусствомъ.

Гоголь былъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, особенно у литераторовъ, употреблявшихъ безпрестанно въ разговорѣ его выраженія. Помню, какъ Ѳ. М. дѣлалъ очень тонкія замѣчанія о выдержанности различныхъ характеровъ у Гоголя, о жизненности всѣхъ его фигуръ, Хлестакова, Подколесина, Кочкарева и проч. Вообще литература, въ тѣ времена, имѣла еще для всѣхъ такое значеніе, какого она уже не имѣетъ для нынѣшнихъ поколѣній. Самъ же Ѳ. М. былъ преданъ ей всѣмъ сердцемъ и не только воспитался на Пушкинѣ и Гоголѣ, но и постоянно ими питался. Когда его рѣчь на Пушкинскомъ праздникѣ затмила всѣ другія рѣчи и доставила ему торжество, о которомъ трудно составить понятіе тому, кто не былъ самъ его свидѣтелемъ, мнѣ не разъ приходило на мысль, что эта награда досталась Ѳ. М. по всей справедливости, что изъ всей толпы хвалителей и почитателей, конечно, никто больше его не любилъ Пушкина.

Дорого обходился ему литературный трудъ. Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать отъ него, что для излѣченія отъ падучей доктора однимъ изъ главныхъ условій ставили прекратить вовсе писаніе. Сдѣлать этого, разумѣется, не было возможности, даже если бы онъ самъ могъ рѣшиться на такую жизнь,—на жизнь безъ исполненія того, что онъ считалъ своимъ призваніемъ. Мало того, не было возможности даже и отдохнуть хорошенько, годъ или два. Только передъ самой смертью дѣла его, благодаря больше всего заботливости Анны Григорьевны, устроились такъ, что отдыхъ былъ возможенъ; но передъ самой же смертью онъ

меньше, чѣмъ когда-нибудь, былъ расположенъ остановиться на своемъ пути.

Припадки болѣзни случались съ нимъ приблизительно разъ въ мѣсяцъ—таковъ былъ обыкновенный ходъ. Но иногда, хотя очень рѣдко, были чаще; бывало даже и по два припадка въ недѣлю. За границею, т.-е. при большемъ спокойствіи, а также вслѣдствіе лучшаго климата, случалось, что мѣсяца четыре проходило безъ припадка. Предчувствіе припадка всегда было, но могло и обмануть. Въ романѣ „Идіотъ“ есть подробное описаніе ощущеній, которыя испытываетъ въ этомъ случаѣ больной. Самому мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳ. М. припадокъ обыкновенной силы. Это было, вѣроятно, въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это былъ очень важный и отвлеченный предметъ. Ѳ. М. очень одушевился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показывавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ бы ища словъ для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и безсмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты.

Припадокъ на этотъ разъ не былъ сильный. Вслѣдствіе судорогъ все тѣло только вытягивалось, да на углахъ губъ показалась пѣна. Черезъ полчаса онъ пришелъ въ себя, и я проводилъ его пѣшкомъ домой, что было недалеко.

Много разъ мнѣ разсказывалъ Ѳ. М., что передъ припадкомъ у него бываютъ минуты восторженнаго состоянія. „На нѣсколько мгновеній,—говорилъ онъ,—я испытываю такое счастіе, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй, всю жизнь“.

Слѣдствіемъ припадковъ были иногда случайные ушибы при паденіи, а также боль въ мускулахъ отъ перенесеныхъ ими судорогъ. Изрѣдка появлялась краснота лица, иногда—пятна. Но главное было то, что больной терялъ память и дня два или три чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Душевное состояніе

его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характеръ этой тоски, по его словамъ, состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство.

Обыкновенно ему приходилось торопиться, писать къ сроку, гнать работу и нерѣдко опаздывать съ работою. Причина состояла въ томъ, что онъ жилъ одною литературою и до послѣдняго времени, до послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ нуждался, поэтому забиралъ деньги впередъ, давалъ обѣщанія и дѣлалъ условія, которыя потомъ и приходилось выполнять. Распорядительности и сдержанности въ расходахъ у него не было въ той высокой степени, какая требуется при житьѣ литературнымъ трудомъ, неимѣющемъ ничего опредѣленнаго, никакихъ прочныхъ мѣрокъ. И вотъ онъ всю жизнь ходилъ, какъ въ тенетахъ, въ своихъ долгахъ и обязательствахъ и всю жизнь писалъ, торопясь и усиливаясь. Но была еще причина, постоянно увеличивавшая его затрудненія и гораздо болѣе важная. Ѳ. М. всегда откладывалъ свой трудъ до крайняго срока, до послѣдней возможности; онъ принимался за работу только тогда, когда оставалось уже въ обрѣзъ столько времени, сколько нужно, чтобы ее сдѣлать, дѣлая усердно. Это была лѣность, доходившая иногда до крайней степени, но не простая, а особенная, *писательская лѣность*, которую съ большою отчетливостью пришлось мнѣ наблюдать на Ѳ. М. Дѣло въ томъ, что въ немъ постоянно совершался внутренній трудъ, происходило нарастаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидимому, празднымъ, онъ въ сущности работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Ѳ. М. съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которое онъ носилъ въ головѣ, никогда не скучалъ праздностью и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли: безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались. „Кстати,—говоритъ онъ самъ на первой страницѣ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, гдѣ вывелъ на сцену самого себя,—мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ, и, право, это было не отъ лѣности. Отчего же?“

Попробуемъ отвѣчать за него. Писаніе было у него почти всегда перерывомъ внутренней работы, изложеніемъ того, что могло бы еще долго развиваться до полной законченности обра-

зовъ. Есть писатели, у которыхъ разстояніе между замысломъ и выполненіемъ чрезвычайно мало; мысль у нихъ является почти одновременно съ образомъ и словомъ; они могутъ дать выраженіе только вполнѣ сложившимся мыслямъ, и разъ сказавши что-нибудь, они сказать лучше не могутъ. Но большинство писателей, особенно при произведеніяхъ крупнаго объема, совершаютъ долгую и трудную работу; нѣтъ конца поправкамъ и передѣлкамъ, которыя все яснѣе и чище открываютъ возникшій въ туманѣ образъ. Ѳ. М. часто мечталъ о томъ, какія бы прекрасныя вещи онъ могъ выработать, если бы имѣлъ досугъ; впрочемъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, лучшія страницы его сочиненій создались сразу, безъ передѣлокъ, разумѣется, вслѣдствіе уже *выношенной* мысли.

Писалъ онъ почти безъ исключенія ночью. Часу въ двѣнадцатомъ, когда весь домъ укладывался спать, онъ оставался одинъ съ самоваромъ и, попивая не очень крѣпкій и почти холодный чай, писалъ до пяти и шести часовъ утра. Вставать приходилось въ два, даже въ три часа пополудни, и день проходилъ въ пріемѣ гостей, въ прогулкѣ и посѣщеніяхъ знакомыхъ.

На Ѳ. М. можно было ясно наблюдать, какой великій трудъ составляетъ писаніе для такихъ содержательныхъ писателей, какъ онъ. Въ свои произведенія онъ вкладывалъ только часть той непрерывной работы, которая совершалась въ его головѣ.

Что касается до поспѣшности и недодѣланности своихъ произведеній, то Ѳ. М. очень ясно видѣлъ эти недостатки и безъ всякихъ околичностей сознавался въ нихъ. Мало того, хоть ему и жаль было этихъ „недовершенныхъ созданій“, но онъ не только не каялся въ своей поспѣшности, а считалъ ее дѣломъ необходимымъ и полезнымъ. Для него главное было подѣйствовать на читателей, заявить свою мысль, произвести впечатлѣніе въ извѣстную сторону. Важно было не самое произведеніе, а минута и впечатлѣніе, хотя бы и не полное. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ вполнѣ журналистъ и отступникъ теоріи чистаго искусства. Такъ какъ планамъ и замысламъ у него не было конца, то онъ всегда носился съ нѣсколькими темами, которыя мечталъ обработать до полной отдѣлки, но когда-нибудь послѣ, когда будетъ имѣть больше досуга, когда времена будутъ спокойнѣе. А пока—онъ писалъ и писалъ полуобработанныя вещи,—съ одной стороны, чтобы добывать средства для жизни, съ другой стороны, чтобы постоянно подавать голосъ и не давать публикѣ покоя своими мыслями.

Ѳ. М. любилъ журналистику и охотно служилъ ей, разумѣется, ясно сознавая, что́ онъ дѣлаетъ и въ чемъ отступаетъ отъ строгой формы мысли и искусства. Онъ съ молодости былъ

воспитанъ на журналистикѣ и остался ей вѣренъ до конца. Онъ вполнѣ и безъ раздѣленія примыкалъ къ той литературѣ, которая кипѣла вокругъ него, не становился никогда въ сторонѣ отъ нея. Обыкновенное его чтеніе были русскіе журналы и газеты. Его вниманіе было постоянно устремлено на его собратій по части изящной словесности, на всякіе критическіе отзывы и объ немъ самомъ и объ другихъ. Онъ очень дорожилъ всякимъ успѣхомъ, всякою похвалою, и очень огорчался нападками и бранью. Тутъ были его главные умственные интересы, да тутъ же были и его вещественные интересы. Онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, никогда и не предполагая для себя какого-нибудь другого занятія, не задаваясь и мыслью о какомъ-нибудь мѣстѣ, казенномъ или частномъ. Въ случаяхъ нужды онъ безъ всякой щепетильности обращался съ просьбами къ различнымъ редакціямъ. Не разъ, когда его не было въ Петербургѣ, мнѣ случалось, по его просьбѣ, вести съ разными редакціями переговоры о деньгахъ, которыя онъ хотѣлъ получить за *будущую* повѣсть. Большею частью переговоры оканчивались отказомъ, и мнѣ иногда было очень больно отъ мысли, кому онъ дѣлаетъ предложенія, и притомъ напрасныя предложенія. Но онъ смотрѣлъ на эти случаи, какъ на неизбѣжные неудобства своей профессіи, и хорошо понималъ, что они никакъ не могутъ быть поставлены ему въ упрекъ. Зависимость отъ редакцій и книгопродавцевъ, всякіе торги и переговоры составляютъ всегда дѣло полюбовное, сдѣлку равныхъ между собою людей, и потому никогда не могутъ быть такъ тяжелы, какъ другія людскія отношенія.

Такимъ образомъ, литература была вполнѣ родною сферою Ѳ. М.; онъ избралъ ее своею профессіею и иногда даже высказывалъ гордость этимъ своимъ положеніемъ. Онъ усердно трудился и работалъ и достигъ своего: онъ сдѣлалъ одну изъ блистательныхъ литературныхъ карьеръ, достигъ громкой извѣстности, распространенія своихъ идей, а подъ конецъ жизни и матеріальнаго достатка.

Приведу, наконецъ, для большаго поясненія, и себя. Мнѣ пришлось поздно вступить въ литературу и сперва я готовился къ ученому поприщу. Поэтому я и смотрѣлъ на журналистику со стороны и принесъ въ нее нѣкоторое высокомѣріе. Всячески старался я избѣжать многописанія и заботился о полной отдѣлкѣ своихъ статей. Эти заботы обыкновенно возбуждали насмѣшки Ѳ. М. „Вы все стараетесь для „полнаго собранія“ своихъ сочиненій!“ говорилъ онъ.

Во все существованіе „Времени“ сотрудники его составляли двѣ группы. Одна держалась вокругъ Ап. Григорьева, умѣвшаго удерживать около себя молодыхъ людей привлекательными чертами своего ума и сердца, особенно же искреннимъ участіемъ къ ихъ литературнымъ занятіямъ; онъ умѣлъ будить ихъ способности и приводить ихъ въ величайшее напряженіе. Другую группу составляли Ѳ. М. и я; мы особенно подружились и видѣлись каждый день и даже не разъ въ день. Лѣтомъ 1861 г. я переѣхалъ съ Васильевскаго Острова на Большую Мѣщанскую (нынѣ Казанскую), въ домъ противъ Столярнаго переулка. Редакція была у Михаила Михайловича, жившаго на Малой Мѣщанской, въ угольномъ домѣ, выходившемъ на Екатерининскій каналъ; а Ѳ. М. поселился въ Средней Мѣщанской. Ап. Григорьевъ съ своею молодою компаніею ютился въ меблированныхъ комнатахъ на Вознесенскомъ проспектѣ, очень долго въ домѣ Соболевскаго. Я написалъ это, чтобы сказать, что намъ было близко другъ къ другу; но мнѣ живо вспомнился тогдашній низменный характеръ этихъ улицъ, грязноватыхъ и густо населенныхъ петербургскимъ людомъ третьей руки. Во многихъ романахъ, особенно въ „Преступленіи и наказаніи“, Ѳ. М. удивительно схватилъ физіономію этихъ улицъ и ихъ жителей.

Среди этихъ мѣстъ, наводящихъ тоску и отвращеніе, всѣ мы прожили очень счастливые годы. Когда дѣло идетъ хорошо, ничего не можетъ быть занимательнѣе и возбудительнѣе журнальной работы. Въ ней соединяется вся привлекательность общественной публичной жизни со всею прелестію уединенныхъ размышленій и усилій.

Часа въ три пополудни мы сходились обыкновенно въ редакціи съ Ѳ. М., онъ послѣ своего утренняго чая, а я послѣ своей утренней работы. Тутъ мы пересматривали газеты, журналы, узнавали всякія новости, и часто потомъ шли вмѣстѣ гулять до обѣда. Вечеромъ въ седьмомъ часу онъ опять иногда заходилъ ко мнѣ, къ моему чаю, къ которому всегда собиралось нѣсколько человѣкъ, въ промежутокъ до наступающаго вечера. Вообще онъ чаще бывалъ у меня, чѣмъ я у него, такъ какъ я былъ человѣкъ холостой и меня можно было навѣщать, не боясь никого обезпокоить. Если у меня была готовая статья или даже часть статьи, онъ обыкновенно настаивалъ, чтобы я прочелъ ее. До сихъ поръ слышу его нетерпѣливый и ласковый голосъ, раздававшійся среди шумныхъ разговоровъ: „Читайте, Н. Н., читайте!“ Тогда я, впрочемъ, не вполнѣ понималъ, какъ много лестнаго было для меня въ этомъ нетерпѣніи. Онъ никогда мнѣ не противорѣчилъ,—я помню всего только одинъ споръ, который возникъ изъ-за моей статьи,—но

онъ и никогда не хвалилъ меня, никогда не выражалъ особеннаго одобренія.

Наша тогдашняя дружба, хоть имѣла преимущественно умственный характеръ, но была очень тѣсна. Близость между людьми вообще зависитъ отъ ихъ натуры и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не переходитъ извѣстной мѣры. Каждый изъ насъ какъ будто проводитъ вокругъ себя черту, за которую никого не допускаетъ или, лучше, не можетъ никого допустить. Такъ и наше сближеніе встрѣчало себѣ препятствіе въ нашихъ душевныхъ свойствахъ, при чемъ я вовсе не думаю брать на себя меньшую долю этого препятствія. На Ѳ. М. находили иногда минуты подозрительности. Тогда онъ недовѣрчиво говорилъ: „Страхову не съ кѣмъ говорить, вотъ онъ за меня и держится". Это минутное сомнѣніе показываетъ только, какъ твердо мы вообще вѣрили въ наше взаимное расположеніе. Въ первые годы, это было чувство, переходившее въ нѣжность. Когда съ Ѳ. М. случался припадокъ падучей, онъ, опомнившись, находился сперва въ невыносимо-тяжеломъ настроеніи. Все его раздражало и пугало, и онъ тяготился присутствіемъ самыхъ близкихъ людей. Тогда братъ его или жена посылали за мной—со мной ему было легко, и онъ понемножку оправлялся. Вспоминая объ этомъ, я возобновляю въ своей памяти нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ чувствъ и думаю, что я, конечно, былъ тогда лучше, чѣмъ теперь.

Разговоры наши были безконечны,—и это были лучшіе разговоры, какіе мнѣ достались на долю въ жизни. Онъ говорилъ тѣмъ простымъ, живымъ, безпритязательнымъ языкомъ, который составляетъ прелесть русскихъ разговоровъ. При этомъ онъ часто шутилъ, особенно въ то время; но его остроуміе мнѣ не особенно нравилось, — это было часто внѣшнее остроуміе, на французскій ладъ, больше игра словъ и образовъ, чѣмъ мыслей. Читатели найдутъ образчики этого остроумія въ критическихъ и полемическихъ статьяхъ Ѳ. М. Но самое главное, что меня плѣняло и даже поражало въ немъ, былъ его необыкновенный умъ, быстрота, съ которою онъ схватывалъ всякую мысль, по одному слову и намеку. Въ этой легкости пониманія заключается великая прелесть разговора, когда можно вольно отдаваться теченію мыслей, когда нѣтъ нужды настаивать и объяснять, когда на вопросъ сейчасъ получается отвѣтъ, возраженіе дѣлается прямо противъ центральной мысли, согласіе дается на то, на что его просишь, и нѣтъ никакихъ недоумѣній и неясностей. Такъ мнѣ представляются тогдашніе безконечные разговоры, составлявшіе для меня и большую радость, и гордость. Главнымъ предметомъ ихъ были, конечно, журнальныя дѣла, но, кромѣ того, и всевозможныя темы,

очень часто самые отвлеченные вопросы. Ѳ. М. любилъ эти вопросы, о сущности вещей и о предѣлахъ знанія, и помню, какъ его забавляло, когда я подводилъ его разсужденія подъ различные взгляды философовъ, извѣстные намъ изъ исторіи философіи. Оказывалось, что новое придумать трудно, и онъ, шутя, утѣшался тѣмъ, что совпадаетъ въ своихъ мысляхъ съ тѣмъ или другимъ великимъ мыслителемъ.

... Достоевскій — субъективнѣйшій изъ романистовъ, почти всегда создававшій лица по образу и подобію своему. Полной объективности онъ рѣдко достигалъ. Для меня, близко его знавшаго, субъективность его изображеній была очень ясна, и потому всегда на половину исчезало впечатлѣніе отъ произведеній, которыя на другихъ читателей дѣйствовали поразительно, какъ совершенно объективные образы.

Часто я даже удивлялся и боялся за него, видя, что онъ описываетъ иныя темныя и болѣзненныя свои настроенія. Такъ, напр., въ „Идіотѣ“ описаны приступы падучей, тогда какъ доктора предписываютъ эпилептикамъ не останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ, которыя могутъ повести къ припадку, какъ приводитъ къ нему зрѣлище чужого припадка. Но Достоевскій не останавливался ни передъ чѣмъ, и, что бы онъ ни изображалъ, онъ самъ твердо вѣрилъ, что возводитъ свой предметъ въ перлъ созданія, даетъ ему полную объективность. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ него, что онъ считаетъ себя совершеннымъ реалистомъ, что тѣ преступленія, самоубійства и всякія душевныя извращенія, которыя составляютъ обыкновенную тему его романовъ, суть постоянное и обыкновенное явленіе въ дѣйствительности, и что мы только пропускаемъ ихъ безъ вниманія. Въ такомъ убѣжденіи онъ смѣло пускался рисовать мрачныя картины; никто такъ далеко не заходилъ въ изображеніи всякихъ паденій души человѣческой. И онъ достигалъ своего, т.-е. успѣвалъ давать своимъ созданіямъ настолько реальности и объективности, что читатели поражались и увлекались. Такъ много правды, психологической вѣрности и глубины было въ его картинахъ, что онѣ становились понятными даже для людей, которымъ сюжеты ихъ были совершенно чужды.

Часто мнѣ приходило въ голову, что если бы онъ самъ ясно видѣлъ, какъ сильно окрашиваетъ субъективность его картины, то это помѣшало бы ему писать; если бы онъ замѣтилъ недостатокъ своего творчества, онъ не могъ бы творить. Такимъ образомъ, извѣстная доля самообольщенія тутъ была необходима, какъ почти у всякаго писателя.

Но каждый человѣкъ имѣетъ, какъ извѣстно, не только недостатки своихъ достоинствъ, но иногда и достоинства своихъ недостатковъ. Достоевскій потому такъ смѣло выводилъ на сцену жалкія и страшныя фигуры, всякаго рода душевныя язвы, что умѣлъ или признавалъ за собою умѣнье произносить надъ ними высшій судъ. Онъ видѣлъ Божію искру въ самомъ падшемъ и извращенномъ человѣкѣ; онъ слѣдилъ за малѣйшею вспышкою этой искры и прозрѣвалъ черты душевной красоты въ тѣхъ явленіяхъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ презрѣніемъ, насмѣшкою или отвращеніемъ. За проблески этой красоты, открываемые имъ подъ безобразною и отвратительною внѣшностью, онъ прощалъ людей и любилъ ихъ. Эта нѣжная и высокая гуманность можетъ быть названа его музою, и она-то давала ему мѣрило добра и зла, съ которымъ онъ спускался въ самыя страшныя душевныя бездны. Онъ крѣпко вѣрилъ въ себя и въ человѣка, и вотъ почему былъ такъ искрененъ, такъ легко принималъ даже свою субъективность за вполнѣ объективный реализмъ.

Какъ бы то ни было, зная его по его личнымъ чувствамъ и мыслямъ, я могу свидѣтельствовать, что онъ питалъ своихъ читателей лучшею кровью своего сердца. Такъ поступаютъ призванные, настоящіе писатели, и въ этомъ заключается ихъ неотразимое дѣйствіе на читателей... Въ Достоевскомъ муза и человѣкъ сливались необыкновенно тѣсно.

Обращаюсь къ чисто личнымъ чертамъ. Никогда не было замѣтно въ немъ никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца. Онъ былъ безусловно чистъ отъ всякаго дурного чувства по отношенію къ власти; авторитетъ, который онъ старался поддержать и увеличить, былъ только литературный; авторитетъ же *пострадавшаго* человѣка никогда не выступалъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда во имя его нужно было требовать свободы мысли и слова, доказывать, что его мысли о правительствѣ никто не имѣетъ права считать потворствомъ или угодливостью. Ѳ. М. велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ рану въ душѣ, а, напротивъ, глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонные вечера Михайла Михайловича (кажется, они были по воскресеньямъ), съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Ѳ. М. и, наконецъ, сказала: „Смотрю на васъ и, кажется, вижу на вашемъ лицѣ тѣ страданія, какія вы перенесли...“ Ему были видимо досадны эти слова. „Какія страданія!..“ воскликнулъ онъ и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ. Помню такъ же, какъ, готовясь для

литературныхъ чтеній, бывшихъ тогда въ большой модѣ, онъ затруднялся, что ему выбрать. „Нужно что-нибудь новенькое, интересное“, говорилъ онъ мнѣ. „Изъ „Мертваго Дома?“ предложилъ я. „Я ужъ часто читалъ, да и не хотѣлось бы мнѣ. Мнѣ все тогда кажется, какъ будто я жалуюсь передъ публикою, все жалуюсь... Это нехорошо“.

Вообще онъ не любилъ обращаться къ прошлому, какъ будто желая вовсе его откинуть, и если пускался вспоминать, то останавливался на чемъ-нибудь радостномъ, какъ будто хвалился имъ. Вотъ почему изъ его разговоровъ трудно было составить понятіе о случаяхъ его прежней жизни.

Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно-русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ всякую мысль о непокорности. Ни сплетничества, ни охоты злословить у него не было, хотя ему случалось съ великою горечью и негодованіемъ говорить объ иныхъ лицахъ и распоряженіяхъ. На себѣ же онъ переносилъ и неудобные существующіе порядки не только безпрекословно, но часто съ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ дѣло, не его лично касающееся, а составляющее общее условіе, свойство котораго не зависитъ отъ этого частнаго случая. Такъ, напримѣръ, я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сильно раздражался противъ цензуры.

... Четыре съ лишнимъ года, проведенные Ѳ. М. за границею, были лучшимъ временемъ его жизни, т.-е. такимъ, которое принесло ему всего больше глубокихъ и чистыхъ мыслей и чувствъ. Онъ очень усиленно работалъ и часто нуждался; но онъ имѣлъ покой и радость счастливой семейной жизни и почти все время жилъ въ совершенномъ уединеніи, т.-е. вдали отъ всякихъ значительныхъ поводовъ оставлять прямой путь развитія своихъ мыслей и глубокой душевной работы. Рожденіе дѣтей, забота объ нихъ, участіе одного супруга въ страданіяхъ другого, даже самая смерть перваго ребенка,—все это чистыя, иногда высокія впечатлѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно за границей, при этой обстановкѣ и этихъ долгихъ и спокойныхъ размышленіяхъ въ немъ совершилось особенное раскрытіе того христіанскаго духа, который всегда жилъ въ немъ. Въ его письмахъ подъ конецъ вдругъ раздались звуки этой струны; она стала звучать въ немъ такъ сильно, что онъ не могъ оставлять эти звуки для себя одного, какъ это дѣлалъ прежде. Объ этой существенной перемѣнѣ, однакоже, письма не даютъ полнаго понятія. Но она очень ясно обнаружилась для всѣхъ знакомыхъ, когда Ѳ. М. вер-

нулся изъ-за границы. Онъ сталъ безпрестанно сводить разговоръ на религіозныя темы. Мало того, онъ перемѣнился въ обращеніи, получившемъ большую мягкость и впадавшемъ иногда въ полную кротость. Даже черты лица его носили слѣды этого настроенія, и на губахъ появлялась нѣжная улыбка. Помню маленькую сцену въ Славянскомъ Комитетѣ. Мы входили вмѣстѣ и съ нами поздоровался И. И. Петровъ. „Кто это?“ спросилъ меня Ѳ. М., или незнавшій его, или забывшій, какъ онъ безпрестанно забывалъ людей, съ которыми даже часто встрѣчался. Я сказалъ ему и прибавилъ: „Какой чудесный, чудеснѣйшій человѣкъ!“ Глаза Ѳ. М. любовно заблестѣли, онъ съ большою любовью поглядѣлъ на другихъ присутствовавшихъ и потихоньку сказалъ мнѣ: „Да, всѣ люди — существа прекрасныя!“ Искренность и теплота такъ и свѣтились въ немъ при этихъ словахъ.

Лучшія христіанскія чувства, очевидно, жили въ немъ,—тѣ чувства, которыя все чаще и яснѣе выражались и въ его сочиненіяхъ. Такимъ онъ вернулся изъ-за границы.

...Приготовиться къ празднику (Пушкинскому) было довольно времени. Открытіе памятника назначено было на 26 мая, день рожденія Пушкина; но за нѣсколько дней до этого числа скончалась государыня и торжество было отложено на двѣ недѣли глубокаго траура. Между тѣмъ многіе участники уже собрались въ Москвѣ и ожидали тутъ, когда дано будетъ разрѣшеніе. Въ числѣ ихъ былъ и Ѳ. М., пріѣхавшій изъ Старой Руссы, гдѣ проводилъ лѣто со своею семьей. Онъ явился на праздникъ въ офиціальномъ званіи депутата отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества. Другимъ депутатомъ былъ И. Ѳ. Золотаревъ. Я пріѣхалъ наканунѣ самаго открытія и только потомъ узналъ, что во время этого ожиданія въ Москвѣ почитатели Ѳ. М. давали ему обѣдъ, но не имѣлъ никакого понятія о томъ, что тамъ говорилось и дѣлалось [1]).

---

[1]) Вотъ подробности, извлеченныя изъ писемъ Ѳ. М. къ Аннѣ Григорьевнѣ. Ѳ. М. пріѣхалъ въ Москву 23 мая въ 10 часовъ вечера и дорогой узналъ о смерти государыни. Въ вокзалѣ ждали его: Юрьевъ, Лавровъ, Н. Аксаковъ, Барсовъ и человѣкъ 10 другихъ сотрудниковъ „Русской Мысли“. Звали на ужинъ, онъ отказался; остановился въ „Лоскутной гостиницѣ“, гдѣ, какъ потомъ оказалось, назначено было безплатное помѣщеніе для депутатовъ. 25 мая Ѳ. М. пригласили обѣдать въ „Эрмитажъ“. На обѣдѣ было 22 человѣка, именно С. А. Юрьевъ, В. М. Лавровъ, И. С. Аксаковъ, Н. Аксаковъ, Н. А. Рубинштейнъ, директоръ гимназіи Поливановъ, нѣсколько человѣкъ профессоровъ и т. д. Гостю было сказано шесть рѣчей, нѣкоторыя довольно длинныя. Говорили С. А. Юрьевъ, оба Аксаковы, три профессора, Н. Рубинштейнъ. Тема была—великое значеніе

Собираясь на праздникъ, откровенно признаюсь, я не ожидалъ ничего особенно хорошаго. Мнѣ живо представлялось, что долженъ произойти большой шумъ и восторгъ,—то явленіе, которое Ѳ. М. такъ хорошо называлъ „увизжаться отъ восторга". Но легко могло случиться, что изъ этого воодушевленія ничего не выйдетъ.

6 іюня всѣ мы съ 10 часовъ утра собрались въ Страстной монастырь слушать обѣдню и панихиду. Церковь наполнилась литераторами и вообще отборною интеллигенціею, которая сдержанно разговаривала подъ звуки сладкаго пѣнія. Служилъ митрополитъ Макарій; въ концѣ службы онъ говорилъ проповѣдь на ту простую тему, что нужно благодарить Бога, пославшаго намъ Пушкина, и нужно молиться Богу, чтобы онъ даровалъ намъ для всякихъ другихъ поприщъ подобныхъ сильныхъ дѣятелей. Проповѣдь показалась мнѣ нѣсколько холодною, и не было замѣтно, чтобы она произвела особенное впечатлѣніе. Первая минута восторга наступила, какъ мнѣ кажется, когда мы вышли на площадь, когда былъ сдернутъ холстъ со статуи и мы, при звукахъ музыки, пошли класть свои вѣнки къ подножію памятника. Церемонія у памятника имѣла совершенно свѣтскій характеръ и состояла изъ этого положенія вѣнковъ и изъ чтенія бумаги, которою комиссія, сооружавшая памятникъ, передавала его въ собственность городу Москвѣ. Бумагу читалъ съ высокой эстрады Ѳ. П. Корниловъ. Почему-то нельзя было совершить окропленія памятника святою водою, какъ это принято при всякихъ сооруженіяхъ.

Начиная съ этой короткой церемоніи, всѣми овладѣло радостное, праздничное настроеніе, не прерывавшееся цѣлыхъ три дня и не нарушенное никакимъ печальнымъ или досаднымъ случаемъ.

Могу свидѣтельствовать, что въ продолженіе трехъ дней, когда я слушалъ съ утра до вечера, не было сказано ни одного слова дѣйствительно враждебнаго; напротивъ, были примѣры дружелюбныхъ отношеній, завязавшихся между враждовавшими. Вотъ одно изъ чудесъ, которыя совершило воспоминаніе о Пушкинѣ. Общее впечатлѣніе праздника было чрезвычайно увлека-

---

гостя, какъ художника „всемірно-отзывчиваго", какъ публициста и русскаго человѣка. Ѳ. М. отвѣчалъ рѣчью, которая была восторженно принята и въ которой онъ свелъ дѣло на Пушкина. За обѣдомъ получены были двѣ привѣтственныя телеграммы, одна отъ профессора, выѣхавшаго внезапно изъ Москвы.

26 мая Ѳ. М. былъ на званомъ вечерѣ и ужинѣ у В. М. Лаврова, который оказался страстнымъ поклонникомъ Ѳ. М., многіе годы питающимся его сочиненіями.—*Н. Н. С.*

ющее и радостное. Многіе говорили мнѣ, что были минуты, когда они едва удерживали, или даже не успѣвали удержать слезы. Эта радость все росла и росла, не возмущаемая ни единымъ печальнымъ или досаднымъ обстоятельствомъ, и только на третій день достигла наибольшаго напряженія, совершеннаго восторга.

„Ну, что-то будетъ сказано о Пушкинѣ?“ думалъ я, когда ѣхалъ на праздникъ; и праздникъ самъ собою все больше и больше направлялся на этотъ вопросъ, все сильнѣе устремлялся къ единой мысли—воздать нашему великому поэту самую высокую и самую справедливую похвалу. Это была цѣль мирнаго состязанія, и соперники, наконецъ, дѣйствительно все забыли, кромѣ этой цѣли. Участниками были люди самыхъ различныхъ направленій и кружковъ; тутъ были не только ученые и писатели, но и депутаты отъ всякаго рода нашихъ государственныхъ и частныхъ учрежденій; присланъ былъ депутатъ отъ французскаго министерства просвѣщенія; тутъ читались телеграммы и письма отъ иностранныхъ учрежденій и писателей; особенно важны были телеграммы и привѣтствія отъ чеховъ, поляковъ и отъ другихъ славянскихъ земель, привѣтствія, искренность и теплота которыхъ была невольно замѣчена. Но все это была только обстановка; главная роль, существенное значеніе, очевидно, принадлежали нашимъ ученымъ и литераторамъ; имъ предстояла трудная и важная задача — растолковать духъ и величіе Пушкина.

Первый день состоялъ изъ торжественнаго засѣданія въ университетѣ и изъ обѣда, который Московская Дума давала депутатамъ. Отъ памятника всѣ отправились въ университетъ. Здѣсь академики и профессора читали свои статьи; въ этихъ статьяхъ были интересные факты, точныя подробности и вѣрныя замѣчанія, но вопросъ о Пушкинѣ не былъ поднимаемъ во всемъ своемъ объемѣ. Самою оживленною минутою засѣданія, конечно, была та, когда ректоръ провозгласилъ, что Тургеневъ избранъ почетнымъ членомъ университета. Тутъ раздались потрясающія, восторженныя рукоплесканія, въ которыхъ всего больше усердствовали студенты. Сейчасъ же почувствовалось, что большинство выбрало именно Тургенева тѣмъ пунктомъ, на который можно устремлять и изливать весь накопляющійся энтузіазмъ. Каждый разъ, когда и потомъ въ теченіе праздника произносилось это знаменитое имя или упоминалось объ его произведеніяхъ, толпа откликалась рукоплесканіями. Тургенева вообще чествовали, какъ бы признавая его главнымъ представителемъ нашей литературы, даже какъ бы прямымъ и достойнымъ наслѣдникомъ Пушкина. И такъ какъ Тургеневъ былъ на празд-

никѣ самымъ виднымъ представителемъ западничества, то можно было думать, что этому литературному направленію достанется главная роль и побѣда въ предстоявшемъ умственномъ турнирѣ. Извѣстно было, что Тургеневъ приготовилъ рѣчь, и, какъ разсказывали, нарочно ѣздилъ въ свое помѣстье, чтобы на свободѣ обдумать и написать ее.

За университетскимъ засѣданіемъ слѣдовалъ думскій обѣдъ въ залахъ Дворянскаго Собранія,—тѣхъ залахъ, которыя съ этой минуты и до конца были мѣстомъ праздника, такъ какъ въ нихъ происходили и публичныя засѣданія Общества Любителей Русской Словесности (утромъ 7 и 8 іюня) и литературно-драматическіе вечера. Никакого уличнаго торжества нельзя было устроить вслѣдствіе траура по императрицѣ, и потому среди будничной Москвы празднованіе шло только въ этихъ залахъ, гдѣ три дня съ утра до вечера толпился народъ и раздавались взрывы рукоплесканій.

Думскій обѣдъ былъ по всему истинно великолѣпенъ; а особенно пріятно вспомнить, что самъ Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ оркестромъ, такъ что увертюра изъ „Руслана“ была исполнена вполнѣ художественно (дѣло рѣдкое). За обѣдомъ были произнесены небольшія рѣчи преосвященнымъ Амвросіемъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ и читалъ свои стихи А. Н. Майковъ. Все было къ мѣсту и содержало прекрасныя мысли, но еще не захватывало всего предмета, т.-е. значенія Пушкина. Больше всего мое вниманіе было поражено рѣчью Аксакова. Какъ представитель славянофильства, онъ сдѣлалъ, какъ мнѣ казалось, важный шагъ, признавъ въ короткихъ, но ясныхъ и торжественныхъ словахъ, за Пушкинымъ значеніе „перваго истинно-русскаго, истинно-великаго народнаго поэта“. Мнѣ припомнились знаки нѣкоторой холодности, обнаруженной къ Пушкину прежними славянофилами; извѣстно, что они истинно-народнаго поэта готовы были видѣть лишь въ Гоголѣ, съ такою рѣзкостью показавшемъ полную оригинальность въ творчествѣ.

Настоящее состязаніе и дѣйствительная литературная оцѣнка Пушкина должна была начаться 7 іюня, въ первомъ публичномъ засѣданіи нашего „Общества“. Въ этотъ день среди другихъ рѣчей долженъ былъ читать свою рѣчь Тургеневъ, а потомъ Аксаковъ, т.-е. оба представителя противоположныхъ направленій. Но такъ какъ засѣданіе затянулось за множествомъ рѣчей, стиховъ, вызововъ и т. д., то успѣлъ читать одинъ Тургеневъ. Его рѣчь, разумѣется, была встрѣчена и провожена громкими, восторженными рукоплесканіями. Но между литераторами поднялись оживленные толки о мысляхъ, высказанныхъ въ этой рѣчи, и обнаружилось даже прямое желаніе какъ-ни-

будь возразить на нее и дополнить ее. Иначе и не могло быть въ „Обществѣ“, заключавшемъ въ себѣ такъ много славянофильствующихъ писателей. Главный пунктъ, на которомъ остановилось общее вниманіе, состоялъ въ опредѣленіи той *ступени*, на которую Тургеневъ ставилъ Пушкина. Онъ признавалъ его вполнѣ народнымъ, т.-е. самостоятельнымъ поэтомъ. Но онъ ставилъ еще другой вопросъ: есть ли Пушкинъ поэтъ *національный?* Національнымъ, по мнѣнію оратора, можетъ быть названъ только поэтъ великій и всемірный; потому что, если поэтъ вполнѣ выражаетъ духъ своей націи, то онъ тѣмъ самымъ есть великій поэтъ, а потому вмѣстѣ и всемірный поэтъ, вносящій свой вкладъ въ сокровищницу человѣчества. Такъ поставилъ ораторъ вопросъ, но поставилъ только затѣмъ, чтобы отказаться отвѣчать на него. „Я не утверждаю,—сказалъ онъ,—такого значенія Пушкина, но и не осмѣливаюсь отрицать его“. Эти слова возбудили большіе толки.

Но то, что случилось на другой день, превзошло всѣ ожиданія и расчеты. По порядку слѣдовало бы читать сперва Аксакову и потомъ Достоевскому; но, не знаю по какой причинѣ, рѣшено было, что Достоевскій будетъ читать въ первую половину засѣданія, а Аксаковъ—во вторую (эти половины раздѣлялись маленькимъ антрактомъ); эта перемѣна порядка оказалась важнѣе, чѣмъ сперва думали сами ораторы. Какъ только началъ говорить Ѳ. М., зала встрепенулась и затихла. Хотя онъ читалъ по писаному, но это было не чтеніе, а живая рѣчь, прямо, искренно выходящая изъ души. Всѣ стали слушать такъ, какъ будто до тѣхъ поръ никто и ничего не говорилъ о Пушкинѣ. То одушевленіе и естественность, которыми отличается слогъ Ѳ. М., вполнѣ передавались и его мастерскимъ чтеніемъ. Не говорю ничего о содержаніи рѣчи, но, разумѣется, оно давало главную силу этому чтенію. До сихъ поръ слышу, какъ надъ огромною притихшею толпою раздается напряженный и полный чувства голосъ: „Смирись, гордый человѣкъ, потрудись, праздный человѣкъ!“

Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ и изливавшая его на все, что казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ былъ весь полонъ энтузіазма, вдругъ услышала слово, уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всею душою въ восхищеніе и трепетъ. Мы тутъ же всѣ принялись цѣловать Ѳ. М.; нѣсколько человѣкъ, вопреки прави-

ламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду, какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Ѳ. М., упалъ въ обморокъ.

Восторгъ толпы заразителенъ. И на эстрадѣ и въ „комнатѣ для артистовъ“, куда мы ушли съ эстрады въ перерывъ засѣданія, всѣ были въ радостномъ волненіи и предавались похваламъ и восклицаніямъ. „Вы сказали рѣчь,—обратился Аксаковъ къ Достоевскому,—послѣ которой И. С. Тургеневъ, представитель западниковъ, и я, котораго считаютъ представителемъ славянофиловъ, одинаково должны выразить вамъ величайшее сочувствіе и благодарность“. Не помню другихъ подобныхъ заявленій; но живо осталось въ моей памяти, какъ П. В. Анненковъ, подошедши ко мнѣ, съ одушевленіемъ сказалъ: „Вотъ что значитъ геніальная, художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло!“

Кстати, замѣчу здѣсь одинъ маленькій случай, очень характерный. Въ первой половинѣ своей рѣчи, говоря о Пушкинской Татьянѣ, Ѳ. М. сказалъ: „Такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ Тургенева...“ При имени Тургенева, зала, какъ всегда, загрохотала отъ рукоплесканій и заглушила голосъ Ѳ. М. Мы слышали, какъ онъ продолжалъ: „...и Наташи въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстого“. Но никто въ залѣ не могъ этого слышать, и онъ долженъ былъ остановиться, чтобъ переждать, пока утихнетъ вновь и вновь подымавшійся шумъ. Когда онъ сталъ продолжать рѣчь, онъ не повторилъ этихъ заглушенныхъ словъ, и потомъ выпустилъ ихъ въ печати, такъ какъ они дѣйствительно не были произнесены во всеуслышаніе. Такова была горячка этого засѣданія, и такъ горячо шла внутренняя борьба въ публикѣ и въ представителяхъ литературы.

Приходилось затѣмъ еще говорить передъ публикой И. С. Аксакову. Его рѣчью должна была открыться вторая половина засѣданія. Онъ вышелъ и, какъ давнишній любимецъ Москвы, былъ встрѣченъ жаркими и долгими рукоплесканіями. Но, вмѣсто того, чтобы начать рѣчь, онъ вдругъ объявилъ съ каѳедры, что не будетъ говорить. „Я не могу говорить,—сказалъ онъ,—послѣ рѣчи Ѳедора Михайловича Достоевскаго, все, что я написалъ, есть только слабая варіація на нѣкоторыя темы этой *геніальной* рѣчи“. Слова эти вызвали громъ рукоплесканій. „Я считаю,—продолжалъ Аксаковъ,—рѣчь Ѳедора Михайловича Достоевскаго *событіемъ* въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій ли всемірный поэтъ Пушкинъ или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упраздненъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать!“ И Аксаковъ сошелъ съ каѳедры. Восторгъ опять овладѣлъ залою.

Въ концѣ засѣданія, на эстрадѣ вдругъ появилась группа дамъ; онѣ принесли огромный вѣнокъ Достоевскому. Его упросили взойти на каѳедру, сзади его, какъ рамку для головы, держали вѣнокъ, и долго не смолкали рукоплесканія всей залы.

Такимъ образомъ Достоевскій былъ чествуемъ, какъ герой этого дня. Всѣ чувствовали себя довольнѣе, всѣ, очевидно, были благодарны ему за то, что онъ разрѣшилъ, наконецъ, томительныя ожиданія, далъ всему празднику содержаніе и цвѣтъ. Поэтому публика уже не упускала его изъ виду и осыпала его наиболѣе громкими знаками одобренія. День этотъ, послѣдній день торжества, кончился литературно-музыкальнымъ вечеромъ, на которомъ и Достоевскій читалъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина. Всего значительнѣе было чтеніе стихотворенія „Пророкъ“. Достоевскій дважды читалъ его, и каждый разъ съ такой напряженной восторженностью, что жутко было слушать. Зная его, я не могъ безъ невольной жалости и умиленія видѣть его истощенное маленькое тѣло, охваченное этимъ напряженіемъ. Правая рука, судорожно вытянутая внизъ, очевидно удерживалась отъ напрашивающагося жеста; голосъ былъ усиливаемъ до крика. Чтеніе выходило слишкомъ рѣзкимъ, хотя произношеніе стиховъ было прекрасное. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣлялъ вкусъ Ѳ. М., любившаго напирать на музыкальность, на ритмъ стиховъ,—разумѣется, безъ нарушенія естественности. При концѣ жизни онъ достигъ въ такомъ чтеніи удивительнаго мастерства и любилъ читать и передъ публикою и въ частныхъ кружкахъ.

Этотъ второй и послѣдній вечеръ заключился, какъ и первый, увѣнчаніемъ бюста Пушкина на сценѣ, на которую выходили для этого всѣ исполнители. Въ первый вечеръ вѣнокъ былъ возложенъ Тургеневымъ, въ послѣдній—Достоевскимъ, котораго при всѣхъ пригласилъ къ тому самъ же Тургеневъ.

Такъ кончилось это торжество. Замолкли послѣднія восторженныя рукоплесканія, и мы разошлись, утомленные и довольные. Впечатлѣніе было для меня не только сильное, но и совершенно ясное. Мнѣ живо вспомнилось все литературное движеніе, въ которомъ когда-то я такъ близко участвовалъ. Прежде всего вспомнилось то постоянное поклоненіе Пушкину, которое исповѣдывалъ Достоевскій. Онъ еще въ „Бѣдныхъ людяхъ“, указалъ на Пушкина, какъ на образецъ и руководство (въ сужденіяхъ о „Станціонномъ смотрителѣ“), и потомъ всю жизнь питалъ и заявлялъ безграничный восторгъ къ главному герою нашей литературы. Побѣда, думалъ я, досталась Ѳ. М. по всей справедливости, потому что во всей этой толпѣ онъ, конечно, больше всѣхъ любилъ Пушкина.

Изъ воспоминаній С. В. Ковалевской [1]).

... Первый успѣхъ Анюты придалъ ей много бодрости, и она тотчасъ же принялась за другой разсказъ, который окончила въ нѣсколько недѣль. На этотъ разъ героемъ ея повѣсти былъ молодой человѣкъ Михаилъ, воспитанный вдали отъ семьи, въ монастырѣ, дядей монахомъ. Эту вторую повѣсть Достоевскій одобрилъ гораздо болѣе первой и нашелъ ее зрѣлѣе. Образъ Михаила представляетъ нѣкоторое сходство съ образомъ Алеши въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, я читала этотъ романъ, по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ въ свѣтъ, это сходство бросилось мнѣ въ глаза, и я замѣтила это Достоевскому, котораго видѣла тогда очень часто.

— А вѣдь это, пожалуй, и правда!—сказалъ Ѳ. М., ударивъ себя рукой по лбу: — но вѣрьте слову, я и забылъ о Михаилѣ, когда придумывалъ своего Алешу. Развѣ, впрочемъ, безсознательно онъ мнѣ пригрезился,—прибавилъ онъ, подумавъ.

Но при печатаніи этой второй повѣсти дѣло не обошлось, однако, такъ благополучно, какъ въ первый разъ. Произошла печальная катастрофа: письмо Достоевскаго попало въ руки нашего отца и вышла ужасная исторія...

... По пріѣздѣ въ Петербургъ, Анюта тотчасъ написала Достоевскому и попросила его бывать у насъ. Ѳ. М. пришелъ въ назначенный день. Помню, съ какой лихорадкой мы его ждали, какъ за часъ до его прихода уже стали прислушиваться къ каждому звонку въ передней. Однако этотъ первый его визитъ вышелъ очень неудачный.

Отецъ мой, какъ я уже сказала, относился съ большимъ недовѣріемъ ко всему, что исходило изъ литературнаго міра. Хотя онъ и разрѣшилъ сестрѣ познакомиться съ Достоевскимъ, но лишь скрѣпя сердце и не безъ тайнаго страха.

— Помни, Лиза, что на тебѣ будетъ лежать большая отвѣтственность,—напутствовалъ онъ мать, отпуская насъ изъ деревни.— Достоевскій — человѣкъ не нашего общества. Что мы о немъ знаемъ? Только — что онъ журналистъ и бывшій каторжникъ. Хороша рекомендація! Нечего сказать! Надо быть съ нимъ очень и очень осторожнымъ.

---

[1]) „Воспоминанія дѣтства" „Вѣстникъ Европы" 1890, VIII. Софья Васильевна Ковалевская, знаменитый математикъ, разсказываетъ о сближеніи Достоевскаго съ ея сестрою Анною Васильевною Корвинъ-Круковскою, послужившею Ѳ. Достоевскому свой литературный опытъ тайкомъ отъ родителей. Потомъ, не безъ сопротивленія со стороны родителей, началось и личное знакомство. С. В. Ковалевская была въ то время еще дѣвочкой и дѣтски влюбилась въ Д—аго. Знакомство относится къ 1866 году.

Въ виду этого отецъ строго приказалъ матери, чтобы она непремѣнно присутствовала при знакомствѣ Анюты съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и ни на минуту не оставляла ихъ вдвоемъ. Я тоже выпросила позволеніе остаться во время его визита. Двѣ старыя тетушки-нѣмки поминутно выдумывали какой-нибудь предлогъ появиться въ комнатѣ, съ любопытствомъ поглядывая на писателя, какъ на какого-то рѣдкаго звѣря, и, наконецъ, кончили тѣмъ, что усѣлись тутъ же на диванѣ, да такъ и просидѣли до конца его визита.

Анюта злилась, что ея первое свиданіе съ Достоевскимъ, о которомъ она такъ много напередъ мечтала, происходитъ при такихъ нелѣпыхъ условіяхъ; принявъ свою злую мину, она упорно молчала. Ѳ. М. было и неловко, и не по себѣ въ этой натянутой обстановкѣ; онъ и конфузился среди всѣхъ этихъ старыхъ барынь, и злился. Онъ казался въ этотъ день старымъ и больнымъ, какъ всегда, впрочемъ, когда бывалъ не въ духѣ. Онъ все время нервно пощипывалъ свою жидкую русую бородку и кусалъ усы, при чемъ все лицо его передергивалось.

Мама изо всѣхъ силъ старалась завязать интересный разговоръ. Съ своею самою свѣтскою, любезною улыбкой, но, видимо, робѣя и конфузясь, она подыскивала, что бы такого пріятнаго и лестнаго сказать ему и какой бы вопросъ предложить поумнѣе.

Достоевскій отвѣчалъ односложно, съ преднамѣренной грубостью. Наконецъ, à bout de ses ressources, мама тоже замолчала. Посидѣвъ съ полчаса, Ѳедоръ Михайловичъ взялъ шляпу и, раскланявшись неловко и торопливо, но никому не подавъ руки, вышелъ.

По его уходѣ Анюта убѣжала къ себѣ и, бросившись на кровать, разразилась слезами. „Всегда-то, всегда-то все испортятъ!“ повторяла она, судорожно рыдая.

Однако дней пять спустя, Достоевскій опять пришелъ къ намъ и на этотъ разъ попалъ какъ нельзя болѣе удачно: ни матери, ни тетушекъ дома не было, мы были однѣ съ сестрой, и ледъ какъ-то сразу растаялъ. Ѳ. М. взялъ Анюту за руку, они сѣли рядомъ на диванъ и тотчасъ заговорили какъ два старые, давнишніе пріятеля. Разговоръ уже не тянулся, какъ въ прошлый разъ, съ усиліемъ переползая съ одной, никому неинтересной темы на другую. Теперь и Анюта, и Достоевскій какъ бы торопились высказаться, перебивали другъ друга, шутили и смѣялись.

Я сидѣла тутъ же, не вмѣшиваясь въ разговоръ, не спуская глазъ съ Ѳедора Михайловича и жадно впивая въ себя все, что онъ говорилъ. Онъ казался мнѣ теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, совсѣмъ молодымъ и такимъ простымъ, милымъ и умнымъ.

„Неужели ему уже 43 года! — думала я: — неужели онъ въ три съ половиной раза старше меня и больше, чѣмъ въ два раза старше сестры. Да притомъ еще великій писатель: съ нимъ можно быть совсѣмъ какъ съ товарищемъ!“ И я тутъ же почувствовала, что онъ сталъ мнѣ удивительно милъ и близокъ.

Часа три прошло незамѣтно. Вдругъ въ передней раздался звонокъ: это вернулась мама изъ гостинаго двора. Не зная, что у насъ сидитъ Достоевскій, она вошла въ комнату еще въ шляпѣ, вся нагруженная покупками, извиняясь, что опоздала немножко къ обѣду.

Увидя Ѳедора Михайловича такъ запросто, одного съ нами, она ужасно удивилась и сначала даже испугалась. „Что бы сказалъ на это Василій Васильевичъ!“ было ея первой мыслью. Но мы бросились ей на шею и, видя насъ такими довольными и смѣющимися, она тоже растаяла и кончила тѣмъ, что пригласила Ѳ. М. запросто отобѣдать съ нами.

Съ этого дня онъ сталъ совершенно своимъ человѣкомъ у насъ въ домѣ и, въ виду того, что наше пребываніе въ Петербургѣ должно было продолжаться недолго, сталъ бывать у насъ очень часто, раза три-четыре въ недѣлю.

Особенно хорошо бывало, когда онъ приходилъ вечеромъ и, кромѣ него, у насъ чужихъ не было Тогда онъ оживлялся и становился необыкновенно милъ и увлекателенъ. Общихъ разговоровъ Ѳедоръ Михайловичъ терпѣть не могъ; онъ говорилъ только монологами и то лишь подъ условіемъ, чтобы всѣ присутствующіе были ему симпатичны и слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Зато, если это условіе было выполнено, онъ могъ говорить такъ хорошо, картинно и рельефно, какъ никто другой, кого я ни слышала.

Иногда онъ разсказывалъ намъ содержаніе задуманныхъ имъ романовъ, иногда — сцены и эпизоды изъ собственной жизни. Живо помню я, напр., какъ описывалъ намъ тѣ минуты, которыя ему, приговоренному къ разстрѣлянію, пришлось простоять, уже съ завязанными глазами, передъ взводомъ солдатъ, ожидая роковой команды: „стрѣляй!“ — когда вдругъ, на мѣсто того, забилъ барабанъ, и пришла вѣсть о помилованіи.

[Дальше авторъ передаетъ разсказъ Д—аго о первомъ припадкѣ падучей болѣзни, не совпадающій съ другими свидѣтельствами.

Иногда Достоевскій бывалъ очень реаленъ въ своей рѣчи, совсѣмъ забывая, что говоритъ въ присутствіи барышень. Мать мою онъ, порой, приводилъ въ ужасъ. Такъ, напр., однажды онъ началъ разсказывать сцену изъ задуманнаго имъ еще въ молодости романа: герой — помѣщикъ, среднихъ лѣтъ, очень хорошо

и тонко образованный, бывалъ за границей, читаетъ умныя книжки, покупаетъ картины и гравюры. Въ молодости онъ кутилъ, но потомъ остепенился, обзавелся женой и дѣтьми и пользуется общимъ уваженіемъ

Однажды просыпается онъ поутру, солнышко заглядываетъ въ окна его спальни; все вокругъ него такъ опрятно, хорошо и уютно. И онъ самъ чувствуетъ себя такимъ опрятнымъ и почтеннымъ. Во всемъ тѣлѣ разлито ощущеніе довольства и покоя. Какъ истый сибаритъ, онъ не торопится проснуться, чтобы подольше продлить это пріятное состояніе общаго растительнаго благополучія.

Остановившись на какой-то средней точкѣ между сномъ и бдѣніемъ, онъ переживаетъ мысленно разныя хорошія минуты своего послѣдняго путешествія за границу. Видитъ онъ опять удивительную полосу свѣта, падающую на голыя плечи св. Цециліи въ Мюнхенской галлереѣ. Приходятъ ему тоже въ голову очень умныя мѣста изъ недавно прочитанной книжки: „О міровой красотѣ и гармоніи“.

Вдругъ въ самомъ разгарѣ этихъ пріятныхъ грезъ и переживаній, начинаетъ онъ ощущать неловкость—не то боль внутреннюю, не то безпокойство. Вотъ какъ бываетъ съ людьми, у которыхъ есть застарѣлыя огнестрѣльныя раны, изъ которыхъ пуля не вынута: за минуту передъ тѣмъ ничего не болѣло, и вдругъ заноетъ старая рана и ноетъ, ноетъ.

Начинаетъ нашъ помѣщикъ думать и соображать: что бы это значило? Болѣть у него ничего не болитъ, горя нѣтъ никакого, а на сердцѣ точно кошки скребутъ, да все хуже и хуже.

Начинаетъ ему казаться, что долженъ онъ что-то припомнить, и вотъ онъ силится, напрягаетъ память... И вдругъ, дѣйствительно, вспомнилъ, да такъ жизненно, реально, и брезгливость при этомъ такую всѣмъ своимъ существомъ ощутилъ, какъ будто вчера это случилось, а не двадцать лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ за всѣ эти двадцать лѣтъ и не безпокоило это его вовсе.

Вспомнилъ онъ, какъ однажды, послѣ разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами, онъ изнасиловалъ десятилѣтнюю дѣвочку.

Мать моя только руками всплеснула, когда Достоевскій это проговорилъ.

— Ѳедоръ Михайловичъ! Помилосердуйте! Вѣдь дѣти тутъ!— взмолилась она отчаяннымъ голосомъ.

Я и не поняла тогда смысла того, что сказалъ Достоевскій,— только по негодованію мамы догадалась, что это должно быть что-то ужасное.

Впрочемъ, мама и Ѳ. М. скоро стали отличными друзьями. Мать очень его полюбила, хотя и приходилось ей подчасъ терпѣть отъ него.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Петербургѣ, мама задумала сдѣлать прощальный вечеръ и созвать всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Само собою разумѣется, она пригласила и Достоевскаго. Онъ долго отказывался, но мамѣ, на свою бѣду, удалось-таки уломать его.

[Вечеръ, по случайности состава гостей, у Круковскихъ выдался невыносимо скученъ.]

Гостямъ никакого не было дѣла другъ до друга. Всѣ скучали, но, какъ люди благовоспитанные, для которыхъ скучные вечера составляютъ неизбѣжный ингредіентъ жизни, безропотно подчинялись своей участи и переносили всю эту тоску стоически

Но можно представить себѣ, что сталось съ бѣднымъ Достоевскимъ, когда онъ попалъ въ такое общество! И видомъ своимъ и фигурой онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ. Въ припадкѣ самопожертвованія онъ счелъ нужнымъ облачиться во фракъ, и фракъ этотъ, сидѣвшій на немъ и дурно и неловко, внутренно бѣсилъ его въ теченіе всего вечера. Онъ началъ злиться уже съ самой той минуты, какъ переступилъ порогъ гостиной. Какъ всѣ нервные люди, онъ испытывалъ досадливую конфузливость, когда попадалъ въ незнакомое общество, и чѣмъ глупѣе, несимпатичнѣе ему, ничтожнѣе это общество, тѣмъ острѣе конфузливость. Возбуждаемую этимъ чувствомъ досаду, онъ, видимо, желалъ сорвать на комъ-нибудь.

Мать моя торопилась представить его гостямъ; но онъ, вмѣсто привѣта, бормоталъ что-то невнятное, похожее на воркотню, и поворачивался къ нимъ спиной. Что всего хуже — онъ тотчасъ изъявилъ притязаніе завладѣть всецѣло Анютой. Онъ увелъ ее въ уголъ гостиной, обнаруживая рѣшительное намѣреніе не выпускать ее оттуда. Это, разумѣется, шло въ разрѣзъ со всѣми приличіями свѣта; къ тому и обращеніе его съ ней было далеко не свѣтское: онъ бралъ ее за руку; говоря съ ней, наклонялся къ самому ея уху. Анютѣ самой становилось неловко, а мать изъ себя выходила. Сначала она попробовала „деликатно“ дать понять Достоевскому, что его поведеніе не хорошо. Проходя мимо, якобы не нарочно, она окликнула сестру и хотѣла послать ее за какимъ-то порученіемъ. Анюта уже было поднялась, но Ѳ. М. прехладнокровно удержалъ ее: „Нѣтъ, постойте, Анна Васильевна, я еще не досказалъ вамъ“.

Тутъ ужъ мать окончательно потеряла терпѣніе и вспылила.

— Извините, Ѳ. М., но ей, какъ хозяйкѣ дома, надо занимать и другихъ гостей,—сказала она очень рѣзко и увела сестру.

Ѳ. М. совсѣмъ разсердился и, забившись въ уголъ, молчалъ упорно, злобно на всѣхъ озираясь.

Въ числѣ гостей былъ одинъ, который съ первой же минуты сдѣлался ему особенно ненавистенъ. Это былъ нашъ дальній родственникъ, молодой нѣмецъ, офицеръ какого-то изъ гвардейскихъ полковъ.

Стоило Достоевскому взглянуть на эту красивую, рослую, самодовольную фигуру, чтобы тотчасъ возненавидѣть ее до остервенѣнія.

Молодой кирасиръ, живописно расположившись въ креслѣ, выказывалъ во всей ихъ красѣ модно сшитыя панталоны, плотно обтягивающія его длинныя, стройныя ноги. Потряхивая эполетами и слегка наклоняясь надъ моей сестрой, онъ разсказывалъ ей что-то забавное. Анюта, еще сконфуженная недавнимъ эпизодомъ съ Достоевскимъ, слушала его со своею нѣсколько стереотипною, салонною улыбкой,—„улыбкой кроткаго ангела“, какъ язвительно называла ее англичанка-гувернантка.

Взглянулъ Ѳ. М. на эту группу, и въ головѣ его сложился цѣлый романъ: Анюта ненавидитъ и презираетъ этого „нѣмчика“, этого „самодовольнаго нахала“, а родители хотятъ выдать ее замужъ за него и всячески сводятъ ихъ. Весь вечеръ, разумѣется, только за этимъ и устроенъ!

Выдумавъ этотъ романъ, Достоевскій тотчасъ въ него увѣровалъ и вознегодовалъ ужасно.

Модною темою разговоровъ въ эту зиму была книжка, изданная какимъ-то англійскимъ священникомъ: „Параллель православія съ протестантизмомъ“. Въ этомъ русско-нѣмецкомъ обществѣ это былъ предметъ для всѣхъ интересный, и разговоръ, коснувшись его, нѣсколько оживился. Мама, сама нѣмка, замѣтила, что одно изъ преимуществъ протестантовъ надъ православіемъ состоитъ въ томъ, что они больше читаютъ Евангеліе.

— Да развѣ Евангеліе написано для свѣтскихъ дамъ?—выпалилъ вдругъ упорно молчавшій до тѣхъ поръ Достоевскій.—Тамъ вонъ стоитъ: „Вначалѣ сотворилъ Богъ мужа и жену“ или еще: „Да оставитъ человѣкъ отца и мать и да прилѣпится къ женѣ“. Вотъ какъ Христосъ-то понималъ бракъ! А что скажутъ на это всѣ матушки, только о томъ и думающія, какъ бы выгоднѣе пристроить дочекъ!

Достоевскій проговорилъ это съ паѳосомъ необычайнымъ. По своему обыкновенію, когда волновался, онъ весь съеживался и словно стрѣлялъ словами. Эффектъ вышелъ удивительный. Всѣ благовоспитанные нѣмцы примолкли и таращили на него глаза. Лишь по прошествіи нѣсколькихъ секундъ всѣ вдругъ сообразили

всю неловкость сказаннаго, и всѣ заговорили разомъ, желая заглушить ее.

Достоевскій еще разъ оглядѣлъ всѣхъ злобнымъ, вызывающимъ взглядомъ, потомъ опять забился въ свой уголъ и до конца вечера не проронилъ больше ни слова.

Когда онъ на слѣдующій разъ опять явился къ намъ, мама попробовала было принять его холодно, показать ему, что она обижена; но, при ея удивительной добротѣ и мягкости, она ни на кого не могла долго сердиться, а всего менѣе на такого человѣка, какъ Ѳ. М., поэтому они скоро опять стали друзьями и все между ними пошло по-старому.

Зато отношенія между Анютой и Достоевскимъ какъ-то совсѣмъ измѣнились съ этого вечера—точно они вступили въ новый фазисъ своего существованія. Достоевскій совершенно пересталъ импонировать Анютѣ; напротивъ того, у нея явилось даже желаніе противорѣчить ему, дразнить его. Онъ же, со своей стороны, сталъ обнаруживать небывалую нервность и придирчивость по отношенію къ ней; сталъ требовать отчета, какъ она проводила тѣ дни, когда онъ у насъ не былъ, и относиться враждебно ко всѣмъ тѣмъ людямъ, къ которымъ она обнаруживала нѣкоторое восхищеніе. Приходилъ онъ къ намъ не рѣже, а, пожалуй, чаще и засиживался дольше прежняго, хотя все почти время проходило у него въ ссорахъ съ моей сестрой.

Въ началѣ ихъ знакомства сестра моя готова была отказаться отъ всякаго удовольствія, отъ всякаго приглашенія въ тѣ дни, когда ждала къ намъ Достоевскаго, и, если онъ былъ въ комнатѣ, ни на кого другого не обращала вниманія. Теперь же все это измѣнилось. Если онъ приходилъ въ такое время, когда у насъ сидѣли гости, она преспокойно продолжала занимать гостей. Случалось, ее куда-нибудь приглашали въ такой вечеръ, когда было условлено, что онъ придетъ къ ней, тогда она писала ему и извинялась.

На слѣдующій день Ѳ. М. приходилъ уже сердитый. Анюта дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его дурного расположенія духа, брала работу и начинала шить.

Достоевскаго это еще пуще сердило; онъ садился въ уголъ и угрюмо молчалъ. Сестра моя тоже молчала.

— Да бросьте же шить!—скажетъ, наконецъ, не выдержавъ характера, Ѳ. М. и возьметъ у нея изъ рукъ шитье.

Сестра моя покорно скреститъ руки на груди, но продолжаетъ молчать.

„Гдѣ вы вчера были?“ спрашиваетъ Ѳ. М. сердито. — „На балу“, равнодушно отвѣчаетъ моя сестра. „И танцовали?“— „Разумѣется“. — „Съ троюроднымъ братцемъ?“—„И съ нимъ и

съ другими".—„И васъ это забавляетъ?" продолжаетъ свой допросъ Достоевскій. Анюта пожимаетъ плечами. „За неимѣніемъ лучшаго, и это забавляетъ", отвѣчаетъ она и снова берется за свое шитье.

Достоевскій глядитъ на нее нѣсколько минутъ молча.

— Пустая вы, вздорная дѣвчонка, вотъ что! — рѣшаетъ онъ наконецъ.

Въ такомъ духѣ часто велись теперь ихъ разговоры. Постоянный и очень жгучій предметъ споровъ между ними былъ нигилизмъ. Пренія по этому вопросу продолжались иногда далеко за полночь, и чѣмъ дольше оба говорили, тѣмъ больше горячились и въ пылу спора высказывали взгляды гораздо болѣе крайніе, чѣмъ какихъ дѣйствительно придерживались.

— Вся теперешняя молодежь глупа и недоразвита!—кричалъ иногда Достоевскій. — Для нихъ всѣхъ смазные сапоги дороже Пушкина!

— Пушкинъ, дѣйствительно, устарѣлъ для нашего времени,— спокойно замѣчала сестра, зная, что ничѣмъ его нельзя такъ разбѣсить, какъ неуважительнымъ отношеніемъ къ Пушкину.

Достоевскій, внѣ себя отъ гнѣва, бралъ иногда шляпу и уходилъ, торжественно объявляя, что съ нигилисткой спорить безполезно и что ноги его больше у насъ не будетъ. Но завтра онъ, разумѣется, приходилъ опять какъ ни въ чемъ не бывало.

По мѣрѣ того, какъ отношенія между Достоевскимъ и моей сестрой, повидимому, портились, моя дружба съ нимъ все возростала. Я восхищалась имъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и совершенно подчинилась его вліянію. Онъ, разумѣется, замѣчалъ мое безпредѣльное поклоненіе себѣ, и оно ему было пріятно. Постоянно ставилъ онъ меня въ примѣръ сестрѣ.

Случалось Достоевскому высказать какую-нибудь глубокую мысль или геніальный парадоксъ, идущіе въ разрѣзъ съ рутинной моралью—сестрѣ вдругъ вздумается притвориться непонимающею; у меня глаза горятъ отъ восторга—она же нарочно, чтобы позлить его, отвѣтитъ пошлою, избитою истиною.

— У васъ дрянная, ничтожная душонка! — горячился тогда Ѳедоръ Михайловичъ,—то ли дѣло ваша сестра! Она еще ребенокъ, а какъ понимаетъ меня! Потому что у нея душа чуткая!

Я вся краснѣла отъ удовольствія, и если бы надо было, дала бы себя разрѣзать на части, чтобы доказать ему, какъ я его понимаю. Въ глубинѣ души я была очень довольна, что Достоевскій не выказываетъ теперь къ сестрѣ такого восхищенія, какъ въ началѣ ихъ знакомства. Мнѣ самой было очень стыдно этого чувства. Я упрекала себя въ немъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ измѣны противъ сестры, и, вступая въ безсознательную сдѣлку

съ собственной совѣстью, старалась особенной ласковостью, услужливостью искупить этотъ мой тайный грѣхъ передъ нею. Но угрызенія совѣсти все же не мѣшали мнѣ чувствовать невольное ликованіе каждый разъ, когда Анюта и Достоевскій ссорились. Ѳедоръ Михайловичъ называлъ меня своимъ другомъ, и я пренаивно вѣрила, что стою ближе къ нему, чѣмъ старшая сестра, и лучше его понимаю. Даже наружность мою онъ восхвалялъ въ ущербъ Анютиной.

[Дѣло кончилось предложеніемъ Достоевскаго сестрѣ С. В. Ковалевской, которое не было принято.]

... Ѳедоръ Михайловичъ пришелъ къ намъ еще разъ, проститься. Онъ просидѣлъ недолго, но съ Анютой держалъ себя дружественно и просто, и они обѣщали другъ другу переписываться. Со мной его прощанье было очень нѣжное. Онъ даже поцѣловалъ меня при разставаніи, но, вѣрно, былъ очень далекъ отъ мысли, какого рода были мои чувства къ нему и сколько страданій онъ мнѣ причинилъ.

Мѣсяцевъ шесть спустя, сестра получила отъ Ѳедора Михайловича письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что встрѣтился съ удивительной дѣвушкой, которую полюбилъ, и которая согласилась пойти за него замужъ. Дѣвушка эта была Анна Григорьевна, его вторая жена. „Вѣдь если бы за полгода тому назадъ мнѣ кто-нибудь это предсказалъ, клянусь честью, не повѣрилъ бы!“ наивно замѣчалъ Достоевскій въ концѣ своего письма.

Изъ воспоминаній Н. фонъ-Фохта [1]).

Ѳ. М. Д—ій очень любилъ молодежь, почти все свободное время отъ занятій онъ всецѣло отдавалъ этой молодежи, руководя всѣми ея развлеченіями. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ описываемое лѣто въ Люблинѣ поселилось нѣсколько семействъ, которыя быстро перезнакомились между собою. Было много молодежи, нѣсколько очень хорошенькихъ и взрослыхъ барышень, такъ что по вечерамъ на прогулку насъ собиралось со взрослыми до 20 человѣкъ. Все это общество было всегда беззаботно весело, всегда царствовало во всемъ полное согласіе,

---

[1]) Лѣто 1866 года, когда писалась вторая часть „Преступленія и наказанія“, Достоевскій проводилъ въ подмосковной дачной мѣстности Люблинѣ, гдѣ жила семья А. П. Иванова, женатаго на сестрѣ Д—го, Вѣрѣ Михайловнѣ. Н. фонъ-Фохтъ, въ то время юный воспитанникъ Константиновскаго межевого института, проводилъ много времени у Ивановыхъ и оставилъ нѣсколько воспоминаній о времяпрепровожденіи Д—го („Историческій Вѣстникъ“, 1901, XII).

и никогда даже малѣйшая тѣнь какого-либо недоразумѣнія или неудовольствія не пробѣгала между нами. И душою этого общества были А. П. Ивановъ и Ѳ. М. Достоевскій. Что они скажутъ, то дѣлали всѣ, и взрослые, и молодежь. Конечно, каждый изъ насъ, юношей, имѣлъ предметъ своего обожанія, но все это носило до такой степени невинный, идеалистическій характеръ, что старшіе только подсмѣивались надъ нами, шутя относились къ нашимъ вздорамъ и мечтаніямъ, не бросивъ ни разу зерно какого-либо недобраго подозрѣнія. Оттого и царствовали между всѣми нами дружба и полное единство. Да, счастливое было это время!

Прогулки обыкновенно оканчивались разными играми въ паркѣ, которыя затягивались иногда до полуночи, если дождь ранѣе не разгонитъ всѣхъ по домамъ. Ѳ. М. Достоевскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этихъ играхъ и въ этомъ отношеніи проявлялъ большую изобрѣтательность. У него однажды даже явилась мысль устроить нѣчто въ родѣ открытаго театра, на которомъ мы должны были давать импровизированныя представленія. Для сцены выбрали деревянный помостъ, охватывавшій въ видѣ круглаго стола стволъ столѣтней, широковѣтвистой липы. Въ то время вся наша молодежь зачитывалась сочиненіями Шекспира, и вотъ Ѳ. М. Д—ій рѣшилъ воспроизвести сцену изъ „Гамлета“. По его указаніямъ, сцена должна была быть воспроизведена въ слѣдующемъ видѣ: я и старшій сынъ А. П. Иванова стоимъ на часахъ и ведемъ бесѣду, вспоминая о недавно появившейся тѣни прежняго датскаго короля. Во время этого разговора вдругъ появляется тѣнь короля, въ лицѣ Ѳ. М., закутаннаго съ головою въ простыню. Онъ проходилъ по сценѣ, мы же, объятые ужасомъ, падаемъ. Послѣ этого медленно выступаетъ на сцену Гамлетъ (молодой докторъ К—нъ, племянникъ Ѳ. М.) и, увидя насъ лежащими на землѣ, останавливается, грознымъ взоромъ окидываетъ зрителей и торжественно произноситъ: „Всѣ люди—свиньи“. Эта фраза вызывала громкія рукоплесканія публики, и тѣмъ сцена кончалась. Въ этомъ родѣ изображались и другія сцены, и всегда въ нихъ участвовалъ самъ Д—ій. Словомъ, онъ забавлялся съ нами, какъ дитя, находя, быть-можетъ, въ этомъ отдыхъ и успокоеніе послѣ усиленной умственной и душевной работы надъ своимъ великимъ произведеніемъ („Прест. и наказ.“).

Ѳ. М. очень любилъ музыку, онъ почти всегда что-нибудь напѣвалъ про себя, и это лучше всего обозначало хорошее настроеніе его духа. Въ этомъ отношеніи вторая дочь А. П. Иванова, М. А., ученица Московской консерваторіи доставляла ему большое удовольствіе своею прекрасною игрою. Въ одномъ только

они расходились: М. А. была большая поклонница Шопена (какъ и вообще всѣ женщины), между тѣмъ, какъ Ѳ. М. не особенно жаловалъ музыку польскаго композитора, называя ее „чахоточной“. Онъ превыше всего ставилъ музыку Моцарта и Бетховена, а изъ русскихъ композиторовъ очень любилъ произведенія Глинки и Сѣрова, въ особенности оперу послѣдняго „Рогнѣда“.

Однажды въ присутствіи Ѳ. М. Достоевскаго я сыгралъ по слуху на рояли нѣмецкій романсъ на извѣстные стихи изъ Гейне:

Du hast Diamanten und Perlen...

Романсъ этотъ очень понравился Ѳ. М., и онъ полюбопытствовалъ узнать, гдѣ я его слышалъ. Я отвѣтилъ, что нѣсколько разъ слышалъ, какъ его играли шарманщики въ Москвѣ. Повидимому, Д—ій слышалъ этотъ романсъ впервые и сталъ частенько самъ его напѣвать. Не смѣю утверждать, но, быть-можетъ, у него вслѣдствіе сего явилась мысль въ 5-й главѣ II части своего романа „Преступленіе и наказаніе“ вложить въ уста умирающей Катерины Ивановны Мармеладовой тѣ же слова этого романса, которыя она произноситъ въ бреду.

Изъ воспоминаній Всеволода Соловьева [1]).

Я зналъ Ѳ. М. не просто какъ знакомаго—онъ былъ моимъ учителемъ и исповѣдникомъ. Особенныя обстоятельства помогли моему съ нимъ сближенію съ первой же минуты нашей встрѣчи, и сближеніе это относится именно къ тому періоду его жизни, когда онъ былъ почти одинокимъ и поддерживалъ сношенія только оъ ограниченнымъ кружкомъ своихъ старыхъ друзей. Въ то время Достоевскій имѣлъ на меня рѣшительное вліяніе, и я придавалъ большое значеніе почти каждому сказанному мнѣ имъ слову. Поэтому я имѣлъ обычай тогда же записывать многіе наши разговоры, его разсказы, и по преимуществу разсказы о себѣ самомъ.

[Авторъ разсказываетъ о вліяніи на него произведеній Д—го].

Въ самомъ концѣ 1872 года, я прочелъ въ газетахъ объявленіе объ изданіи журнала „Гражданинъ“ подъ редакціей

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1881, 3 и 4. Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ, родной братъ философа Владимира Соловьева, извѣстный авторъ историческихъ романовъ. О своихъ воспоминаніяхъ много лѣтъ спустя онъ говорилъ: „Многаго я не могъ внести въ свои печатныя воспоминанія объ этомъ человѣкѣ великаго духовнаго порыва и вмѣстѣ великаго грѣха“ (А. Измайловъ, „Литературный Олимпъ“, М. 1911 г., стр. 465).

Достоевскаго. Я думалъ, что онъ все еще за границей; но вотъ онъ здѣсь, въ одномъ городѣ со мною, я могу его видѣть, говорить съ нимъ. Меня охватила радость, волненіе. Я былъ ужасно молодъ и не сталъ задумываться: сейчасъ же отправился въ редакцію „Гражданина“ узнать адресъ новаго редактора. Мнѣ дали этотъ адресъ. Я вернулся къ себѣ, заперся и всю ночь напролетъ писалъ Достоевскому. Мнѣ любопытно было бы прочесть теперь письмо это. Можетъ-быть, въ немъ было очень много лишняго, но во всякомъ случаѣ я сказалъ ему все, что могъ сказать человѣку, котораго любилъ такъ долго и который имѣлъ на меня такое вліяніе.

На слѣдующее утро я послалъ это письмо по почтѣ и ждалъ. Прошло три-четыре дня—никакого отвѣта. Но я нисколько не смущался, я былъ совершенно увѣренъ, что Достоевскій не можетъ мнѣ не отвѣтить. Наступилъ новый 1873 годъ. Перваго января, вернувшись къ себѣ поздно вечеромъ и подойдя къ письменному столу, я увидѣлъ среди дожидавшихся меня писемъ визитную карточку, оборотная сторона которой была вся исписана. Взглянулъ—„Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій“.

Съ почти остановившимся сердцемъ я прочелъ слѣдующее:

„Любезнѣйшій Всеволодъ Сергѣевичъ, я все хотѣлъ вамъ написать; но откладывалъ, не зная моего времени. Съ утра до ночи и ночью былъ занятъ. Теперь заѣзжаю и не застаю васъ къ величайшему сожалѣнію. Я дома бываю около 8 часовъ вечера, но не всегда. И такъ у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю самъ, когда бы могъ вамъ назначить совершенно безошибочно.

„Крѣпко жму вашу руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій“.

Я чувствовалъ и зналъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ; но эти простыя и ласковыя слова, это посѣщеніе незнакомаго юноши (въ письмѣ своемъ я сказалъ ему года мои),—все это тронуло меня, принесло мнѣ такое радостное ощущеніе, что я не спалъ всю ночь, взволнованный и счастливый. Я едва дождался вечера. Я замиралъ отъ восторга и волновался, какъ страстный любовникъ, которому назначено первое свиданіе. Въ началѣ восьмого я поѣхалъ. Онъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку, во 2 ротѣ. Я нашелъ домъ № 14, прошелъ въ ворота и спросилъ—мнѣ указали отдѣльный флигелекъ въ глубинѣ двора. Сердце такъ и стучало. Я позвонилъ дрожащей рукою. Мнѣ сейчасъ же отворила горничная, но я съ минуту не могъ выговорить ни слова, такъ что она нѣсколько разъ и уже съ видимымъ недоумѣніемъ повторила:

— Да вамъ что же угодно?

— Дома Ѳедоръ Михайловичъ?—наконецъ проговорилъ я.

— Дома-съ, а барыни нѣту—въ театрѣ.

Я взобрался по узкой, темной лѣстницѣ, сбросилъ шубу на какой-то сундукъ въ низенькой передней.

— Пожалуйте, тутъ прямо... отворите двери, они у себя. — сказала горничная и скрылась.

Я прошелъ черезъ темную комнату, отперъ дверь и очутился въ его кабинетѣ. Но можно ли было назвать кабинетомъ эту бѣдную, угловую комнатку маленькаго флигелька, въ которой жилъ и работалъ одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ художниковъ нашего времени! Прямо, у окна, стоялъ простой старый столъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, лежало нѣсколько газетъ и книгъ... старая, дешевая чернильница, жестяная коробка съ табакомъ и гильзами. У стола—маленькій шкапъ, по другой стѣнѣ—рыночный диванъ, обитый плохимъ красноватымъ репсомъ; этотъ диванъ служилъ и кроватью Ѳедору Михайловичу, и онъ же, покрытый все тѣмъ же красноватымъ, уже совсѣмъ вылинявшимъ репсомъ, бросился мнѣ въ глаза черезъ восемь лѣтъ, на первой панихидѣ... Затѣмъ нѣсколько жесткихъ стульевъ, еще столъ—и больше ничего. Но, конечно, все это я разсмотрѣлъ потомъ, а тогда ровно ничего не замѣтилъ: я увидѣлъ только сутуловатую фигуру, сидѣвшую передъ столомъ, быстро обернувшуюся при моемъ входѣ и вставшую мнѣ навстрѣчу.

Передо мною былъ человѣкъ небольшого роста, худощавый, но довольно широкоплечій, казавшійся гораздо моложе своихъ 52 лѣтъ, съ негустой русой бородою, высокимъ лбомъ, у котораго порѣдѣли, но не посѣдѣли мягкіе тонкіе волосы, съ маленькими, свѣтлыми карими глазами, съ некрасивымъ и на первый взглядъ простымъ лицомъ. Но это было только первое и мгновенное впечатлѣніе—это лицо сразу и навсегда запечатлѣвалось въ памяти, оно носило на себѣ отпечатокъ исключительной духовной жизни. Замѣчалось въ немъ и много болѣзненнаго—кожа была тонкая, блѣдная, будто восковая. Лица, производящія подобное впечатлѣніе, мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть въ тюрьмахъ—это были вынесшіе долгое одиночное заключеніе фанатики-сектанты. Потомъ я скоро привыкъ къ его лицу и уже не замѣчалъ этого страннаго сходства и впечатлѣнія; но въ тотъ первый вечеръ оно меня такъ поразило, что я не могу его не отмѣтить...

Я назвалъ себя. Достоевскій ласково, добродушно улыбнулся, крѣпко сжалъ мою руку, и тихимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, поговоримъ...

Онъ усадилъ меня на стулъ передъ столомъ, сѣлъ рядомъ со мною и началъ набивать толстыя, большія папиросы, часто

поднимая на меня тихіе, ласковые глаза. Онъ, конечно, сразу же замѣтилъ, что передъ нимъ совершенно смущенный и взволнованный юноша и сумѣлъ такъ отнестись ко мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ моего смущенія какъ не бывало. Мы встрѣтились, будто старые и близкіе знакомые послѣ непродолжительной разлуки. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ по поводу новой его должности редактора „Гражданина“, передавалъ свои планы, надежды, которыя онъ возлагалъ на это дѣло.

— Только не знаю, не знаю, какъ справлюсь со всѣмъ этимъ, какъ разберусь... вотъ у меня есть сюжетъ для повѣсти, хорошій сюжетъ; я разсказалъ Мещерскому и онъ умоляетъ меня написать для „Гражданина“; но вѣдь это помѣшаетъ „Дневнику“, не могу же я два дѣла разомъ, никогда не могъ; если писать разомъ двѣ различныя вещи—обѣ пропали... ну вотъ и не знаю самъ на что рѣшиться... нынче всю ночь объ этомъ продумаю...

Насколько могъ, я отстаивалъ „Дневникъ“, особенно на первое время.

— Вѣдь это,—замѣтилъ я,—такая удобная форма говорить о самомъ существенномъ, прямо и ясно высказаться.

— Прямо и ясно высказаться!—повторилъ онъ.—Чего бы лучше и, конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будетъ; но нельзя, голубчикъ, сразу, никакъ нельзя, развѣ я объ этомъ не думалъ, не мечталъ!.. да что же дѣлать... ну, и потомъ есть вещи, о которыхъ если вдругъ, такъ никто даже и не повѣритъ. Вотъ хоть бы о Бѣлинскомъ (онъ раскрылъ № „Гражданина“ съ первымъ своимъ „Дневникомъ писателя“), развѣ тутъ я все сказалъ, развѣ то я могъ бы сказать! И совсѣмъ-то, совсѣмъ его не понимаютъ. Я хотѣлъ бы просто привести его собственныя слова—и больше ничего... ну, и не могъ.

— Да почему же!

— По непечатности.

Онъ передалъ мнѣ одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно, напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли и, однако, эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похвастаться какой-нибудь дикой мыслью.

— Конечно, конечно, только Бѣлинскій-то былъ не таковъ; онъ, если сказалъ, то могъ и сдѣлать; это была натура простая, цѣльная, у которой слово и дѣло вмѣстѣ. Другіе сто разъ задумаются, прежде чѣмъ рѣшиться и все же никогда не рѣ-

шатся, а онъ—нѣтъ. И знаете, теперь, вотъ въ послѣднее время, все больше и больше разводится такихъ натуръ: сказалъ—и сдѣлалъ, застрѣлюсь—и застрѣлился, застрѣлю—и застрѣлилъ. Все это—цѣльность, прямолинейность... и, о, какъ ихъ много, а будетъ и еще больше—увидите!..

Я не замѣчалъ, какъ шло время. Переходя отъ одного къ другому, мы начали сообщать другъ другу свѣдѣнія о самихъ себѣ. Я жадно ловилъ каждое его слово. Онъ спросилъ меня о годѣ и днѣ моего рожденія и сталъ припоминать:

— Постойте, гдѣ я былъ тогда?.. въ Перми... мы шли въ Сибирь... да, это въ Перми было...

Онъ разсказалъ, между прочимъ, объ одномъ человѣкѣ, который имѣлъ на него самое сильное вліяніе. Это былъ нѣкто Шидловскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я просилъ Ѳ. М. сообщить мнѣ нѣкоторыя біографическія и хронологическія свѣдѣнія для статьи о немъ, которую я готовилъ къ печати, онъ говорилъ мнѣ:

— Непремѣнно упомяните въ вашей статьѣ о Шидловскомъ; нужды нѣтъ, что его никто не знаетъ и что онъ не оставилъ послѣ себя литературнаго имени. Ради Бога, голубчикъ, упомяните—это былъ большой для меня человѣкъ и стоитъ онъ того, чтобъ его имя не пропало...

Шидловскій, по разсказамъ Достоевскаго, былъ человѣкъ, въ которомъ мирилась бездна противорѣчій: онъ имѣлъ „громадный“ умъ и талантъ, невыразившійся ни однимъ писанымъ словомъ и умершій вмѣстѣ съ нимъ [1]); кутежъ и пьянство—и постриженіе въ монахи. Умирая, онъ сдѣлалъ Богъ знаетъ что: онъ былъ тоже въ Сибири, на каторгѣ; когда его выпустили, то изъ желѣза своихъ кандалъ онъ сдѣлалъ себѣ кольцо, носилъ его постоянно и, умирая, проглотилъ это кольцо...

Мнѣ хотѣлось узнать что-нибудь достовѣрное объ ужасной болѣзни—падучей, которою, какъ я слышалъ, страдалъ Д—ій, но, конечно, я не могъ рѣшиться даже и издали подойти къ этому вопросу. Онъ самъ будто угадалъ мои мысли и заговорилъ о своей болѣзни. Онъ сказалъ мнѣ, что недавно съ нимъ былъ припадокъ.

— Мои нервы разстроены съ юности,—говорилъ онъ.—Еще за два года до Сибири, во время разныхъ моихъ литературныхъ непріятностей и ссоръ, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болѣзнь. Разсказать я не могу этихъ отвратительныхъ ощущеній, но живо ихъ помню; мнѣ

---

[1]) Передано, очевидно, не точно: Шидловскій писалъ стихи. См. далѣе письма Д-аго отъ 31 окт. 1838 г. и 1 янв. 1840 г.

часто казалось, что я умираю, ну, вотъ, право, настоящая смерть приходила и потомъ уходила. Я боялся тоже летаргическаго сна. И странно—какъ только я былъ арестованъ, вдругъ вся эта моя отвратительная болѣзнь прошла, ни въ пути, ни на каторгѣ въ Сибири и никогда потомъ я ея не испытывалъ—я вдругъ сталъ бодръ, крѣпокъ, свѣжъ, спокоенъ... Но во время каторги со мной случился первый припадокъ падучей и съ тѣхъ поръ она меня не покидаетъ. Все, что было со мною до этого перваго припадка, каждый малѣйшій случай изъ моей жизни, каждое лицо, мною встрѣченное, все, что я читалъ, слышалъ,— я помню до мельчайшихъ подробностей. Все, что началось послѣ перваго припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсѣмъ людей, которыхъ зналъ совсѣмъ хорошо, забываю лица. Забылъ все, что написалъ послѣ каторги; когда дописывалъ „Бѣсы“, то долженъ былъ перечитать все сначала, потому что перезабылъ даже имена дѣйствующихъ лицъ...

Потомъ говорилъ о четырехъ послѣднихъ годахъ своей жизни за границей, объ русскихъ людяхъ, превратившихся въ европейцевъ и возненавидѣвшихъ Россію, и, главнымъ образомъ, объ одномъ изъ нихъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ [1])... говорилъ о страсти къ рулеткѣ, о всякой страсти, о любви... Онъ меня исповѣдовалъ...

— Нѣтъ, кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ,—знаете ли, какъ любятъ! (и голосъ его дрогнулъ и онъ страстно зашепталъ): если вы любите чисто и любите въ женщинѣ чистоту ея и вдругъ убѣдитесь, что она потерянная женщина, что она развратна—вы полюбите въ ней ея развратъ, эту гадость, вамъ омерзительную, будете любить въ ней... вотъ какая бываетъ любовь!..

Было поздно, я сталъ прощаться. Онъ взялъ меня за руку и, удержавъ, сказалъ, что ему бы хотѣлось непремѣнно ввести меня въ тотъ литературный кружокъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ...

Пріемъ, сдѣланный мнѣ Достоевскимъ, и этотъ вечеръ, проведенный въ откровенной съ нимъ бесѣдѣ, конечно, способствовали нашему скорому сближенію. Я спѣшилъ къ нему каждую свободную минуту, и, если мы не видѣлись съ нимъ въ продолженіе недѣли, то онъ ужъ и пенялъ мнѣ.

По привычкѣ, онъ работалъ ночью, засыпалъ часовъ въ семь утра и вставалъ около двухъ. Я заставалъ его обыкновенно въ это время въ его маленькомъ, мрачномъ и бѣдномъ кабинетикѣ. На моихъ глазахъ, въ эти послѣднія восемь лѣтъ,

---

1) Вѣроятно, о Тургеневѣ.—Ч. В—ій.

онъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ, и всѣ онѣ были одна мрачнѣе другой, и всегда у него была неудобная комната, въ которой негдѣ было повернуться. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, только что умывшись и причесавшись, въ старомъ пальто, набивая свои толстыя папиросы, курилъ ихъ одна за другою, прихлебывая крѣпчайшій чай или еще болѣе крѣпкій кофе. Почти всегда я заставалъ его въ это время въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Это сейчасъ же и было видно: брови сдвинуты, глаза блестятъ, блѣдное, какъ воскъ, лицо, губы сжаты.

Въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно начиналъ съ того, что молча и мрачно протягивалъ мнѣ руку и сейчасъ же принималъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ даже и не замѣчаетъ моего присутствія..

Мало-по-малу онъ одушевлялся... Его живая, горячая мысль переносилась отъ одного предмета къ другому, все освѣщая своеобразнымъ, яркимъ свѣтомъ.

Онъ начиналъ мечтать вслухъ, страстно, восторженно, о будущихъ судьбахъ человѣчества, о судьбахъ Россіи.

Эти мечты бывали иногда несбыточны, его выводы казались парадоксальными. Но онъ говорилъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно и въ то же время такимъ пророческимъ тономъ, что очень часто я начиналъ и самъ ощущать восторженный трепетъ, жадно слѣдилъ за его мечтами и образами, и своими вопросами, вставками подливалъ жару въ его фантазію.

Послѣ двухъ часовъ подобной бесѣды я часто выходилъ отъ него съ потрясенными нервами, въ лихорадкѣ. Это было то же самое, что и въ тѣ годы, когда, еще не зная его, я зачитывался его романами. Это было какое-то мучительное, сладкое опьянѣніе, пріемъ своего рода гашиша.

Приходя къ нему вечеромъ, часовъ въ восемь, я заставалъ его послѣ только что оконченнаго имъ поздняго обѣда и тутъ ужъ не приходилось повторять утренней сцены молчанія и незамѣчанія другъ друга. Тутъ онъ бывалъ обыкновенно гораздо спокойнѣе и веселѣе. Тотъ же черный кофе, тотъ же черный чай стояли на столѣ, тѣ же толстыя папиросы выкуривались, зажигаясь одна о другую.

Разговоръ обыкновенно велся на болѣе близкія, болѣе осязательныя темы.

Онъ бывалъ чрезвычайно ласковъ, а когда онъ дѣлался ласковымъ, то привлекалъ къ себѣ неотразимо. Въ такомъ настроеніи онъ часто повторялъ слово „голубчикъ“. Это, дѣйствительно, особенно ласковое слово любятъ очень многіе русскіе

люди, но я до сихъ поръ не зналъ никого, въ чьихъ устахъ оно выходило бы такимъ задушевнымъ, такимъ милымъ.

— Постойте, голубчикъ!—часто говорилъ онъ, останавливаясь среди разговора.

Онъ подходилъ къ своему маленькому шкапику, отворялъ его и вынималъ различныя сласти: жестянку съ королевскимъ черносливомъ, свѣжую пастилу, изюмъ, виноградъ. Онъ ставилъ все это на столъ и усиленно приглашалъ хорошенько заняться этими вещами. Онъ былъ большой лакомка, я не уступалъ ему въ этомъ, и во время дальнѣйшаго разговора мы не забывали жестянку и корзиночки.

Часто по средамъ, просидѣвъ часовъ до десяти, мы отправлялись съ нимъ въ тотъ литературный кружокъ, въ который онъ ввелъ меня. Это было довольно далеко, но, шли ли мы или ѣхали, онъ почти всегда упорно молчалъ дорогой и я даже замѣчалъ, что онъ дѣйствительно не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ.

Онъ появлялся въ кабинетѣ хозяина, гдѣ ужъ обыкновенно были налицо нѣкоторые изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, появлялся какъ-то сгорбившись, мрачно поглядывая, сухо раскланиваясь и здороваясь, будто все это были его враги, или, по меньшей мѣрѣ, очень непріятные ему люди. Но проходило нѣсколько минутъ, и онъ оживлялся, начиналъ говорить, спорить, и почти всегда оказывался центромъ собравшагося общества.

Онъ былъ самымъ искреннимъ человѣкомъ, и потому въ словахъ его, мнѣніяхъ и сужденіяхъ часто встрѣчались большія противорѣчія; но былъ ли онъ правъ или не правъ, о чемъ бы ни говорилъ, онъ всегда говорилъ съ одинаковымъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, потому что высказывалъ только то, о чемъ думалъ и во что вѣрилъ въ данную минуту.

Одинъ разъ я его засталъ съ какой-то книгой въ рукѣ; онъ находился въ возбужденномъ состояніи.

— Что это? что вы читаете?

— Что я читаю?!—сейчасъ же отправляйтесь и купите эту книгу—это повѣсти Кохановской.

— Я ихъ знаю... читалъ... очень милыя повѣсти; не особенно сильный, но оригинальный и симпатичный талантъ.

— Стыдитесь!—закричалъ онъ.—Какъ вы судите! да знаете ли вы, понимаете ли, что это за повѣсти?—я сейчасъ бы отдалъ самыя лучшія мои вещи, отдалъ бы „Преступленіе и наказаніе“, „Записки изъ Мертваго Дома“, чтобы только подписаться подъ этими повѣстями... Вотъ это какая книга! Да я не знаю, гдѣ у насъ лучшія, есть ли онѣ?!. кто такъ пишетъ!..

Противорѣчить ему, доказывать, что онъ самъ фантазируетъ на тему автора и восхищается плодами своей фантазіи, было невозможно.

А на слѣдующій же день, именно на слѣдующій день, онъ говорилъ:

— Нѣтъ, наши женщины совсѣмъ не умѣютъ писать; вотъ напримѣръ, Кохановская, у ней есть талантъ, есть чувство, даже кой-какія мысли, но какъ она пишетъ, какъ пишетъ... развѣ можно такъ писать?!

— Помилуйте, Ѳедоръ Михайловичъ, да не вы ли вчера съ жаромъ объявляли, что готовы отдать всѣ свои романы, чтобы подписаться подъ ея повѣстями!—невольно крикнулъ я.

Онъ остановился, сердито взглянулъ на меня и сквозь зубы проговорилъ:

— Никогда ничего подобнаго я не могъ сказать... я не помню.

И я убѣжденъ, потому что хорошо зналъ его, что онъ дѣйствительно не помнилъ сказаннаго. Онъ могъ забыть, что угодно, но какъ наканунѣ, такъ и теперь, онъ былъ совершенно искренен. Это было впечатлѣніе минуты.

Онъ выдержалъ годъ своего редакторства и оказался крайне утомленнымъ. Не то, чтобы дѣла было много, но онъ очень медленно работалъ и работа была не по немъ. А главное, явилось убѣжденіе, что изъ дѣла, на которое возлагались такія большія надежды, не можетъ выйти ожидаемаго результата. Наконецъ, онъ не могъ разомъ работать двѣ работы. Онъ все собирался писать новый романъ и не находилъ времени, а между тѣмъ матеріалу накопилось достаточно, пора было высказаться въ образахъ, въ широкой картинѣ.

Въ началѣ 1874 года онъ сталъ мнѣ все чаще и чаще жаловаться на свое положеніе и, наконецъ, объявилъ, что дотянетъ только до лѣта и лѣтомъ освободится. Тутъ именно, весною 74 года, по различнымъ моимъ обстоятельствамъ, я видался съ нимъ рѣже. Какъ-то онъ заѣхалъ ко мнѣ и, не заставъ меня, оставилъ записку, въ которой, между прочимъ, объявлялъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ засѣсть на гауптвахту въ качествѣ редактора „Гражданина“ [1]). Утромъ, 22 марта, пришелъ ко мнѣ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

— А я къ вамъ знаете откуда?—сказалъ онъ.—Отъ узника: сидитъ нашъ Ѳедоръ Михайловичъ... ступайте къ нему, онъ ждетъ васъ

---

[1]) Арестъ этотъ состоялся за нарушеніе какихъ-то правилъ цензуры относительно сообщеній о Высочайшихъ Особахъ. *Ред.*

— Въ какомъ же онъ настроеніи?

— Въ самомъ лучшемъ; непремѣнно отправляйтесь.

Мы побесѣдовали нѣсколько минутъ, и я поѣхалъ въ извѣстный уголокъ Сѣнной площади. Меня тотчасъ же пропустили. Я засталъ Ѳедора Михайловича въ просторной и достаточно чистой комнатѣ, гдѣ, кромѣ него, въ другомъ углу былъ какой-то молодой человѣкъ, плохо одѣтый и съ самой безцвѣтной физіономіей. Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ за маленькимъ простымъ столомъ, пилъ чай, курилъ свои папиросы и въ рукахъ его была книга. Онъ мнѣ обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришли,—ласково заговорилъ онъ,—а то вы совсѣмъ пропали въ послѣднее время. Я собирался даже писать вамъ кой о чемъ, потому что вы мнѣ что-то начинаете не нравиться. Скажите, отчего вы пропали? или на меня сердитесь?.. но я думалъ, думалъ... вамъ не за что на меня сердиться.

— Да я и не думаю сердиться, дѣйствительно не за что; напротивъ, я сколько разъ къ вамъ собирался, но вотъ никакъ не могъ собраться: я нигдѣ не бываю; по цѣлымъ днямъ сижу дома.

Онъ задумался.

— Да, вотъ, я такъ и рѣшилъ, такъ оно и есть... вотъ объ этомъ мы и поговоримъ, голубчикъ.

Я оглянулся на молодого человѣка, бывшаго въ комнатѣ.

Ѳедоръ Михайловичъ сталъ стучать пальцемъ по столу, что въ извѣстныя минуты было одною изъ его привычекъ.

— Не обращайте вниманія,—шепнулъ онъ,—я ужъ его всячески пробовалъ; это какое-то дерево, можетъ, и разберу, что такое, только нечего его стѣсняться.

И дѣйствительно, мы сейчасъ же и позабыли о присутствіи этого свидѣтеля.

— Видите, что я хотѣлъ вамъ сказать,—заговорилъ Достоевскій,—такъ у васъ не можетъ продолжаться; вы что-нибудь съ собою сдѣлайте... и не говорите и не разсказывайте... я все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, я отлично понимаю ваше состояніе, я самъ пережилъ его. Это та же моя нервная болѣзнь, можетъ-быть, въ нѣсколько иной формѣ, но въ сущности то же самое. Голубчикъ, послушайте меня, сдѣлайте съ собою что-нибудь, иначе можетъ плохо кончиться... Вѣдь я вамъ разсказывалъ—мнѣ тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсѣмъ новымъ человѣкомъ сдѣлался... И только что было рѣшено, такъ сейчасъ всѣ мои муки и кончились, еще во время слѣдствія. Когда я очутился въ крѣпости, я думалъ, что тутъ мнѣ и ко-

нецъ, думалъ, что трехъ дней не выдержу, и—вдругъ совсѣмъ успокоился. Вѣдь я тамъ что дѣлалъ?.. я писалъ „Маленькаго героя“—прочтите, развѣ въ немъ видно озлобленіе, муки? Мнѣ снились тихіе, хорошіе, добрые сны, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ было лучше. О! это большое для меня было счастіе: Сибирь и каторга! Говорятъ: ужасъ, озлобленіе, о законности какого-то озлобленія говорятъ! ужаснѣйшій вздоръ! Я только тамъ и жилъ здоровой, счастливой жизнью, я тамъ себя понялъ, голубчикъ... Христа понялъ.,. русскаго человѣка понялъ, и почувствовалъ, что и я самъ русскій, что я одинъ изъ русскаго народа. Всѣ мои самыя лучшія мысли приходили тогда въ голову, теперь онѣ только возвращаются, да и то не такъ ясно. Ахъ, если бы васъ на каторгу!

Это было сказано до такой степени горячо и серьезно, что я не могъ не засмѣяться и не обнять его...

Я знаю, въ какую тоску, въ какое почти отчаяніе приводили его иногда отсутствіе денежныхъ средствъ, забота о завтрашнемъ днѣ, о нуждахъ семьи. Онъ почти всю жизнь не выходилъ изъ денежныхъ затрудненій, никогда не могъ отдохнуть, успокоиться.

Все это тяжело отзывалось на его произведеніяхъ и почти ни однимъ изъ нихъ онъ не былъ доволенъ. Онъ работалъ всегда торопясь, часто не успѣвая даже прочитать имъ написаннаго. А между тѣмъ вѣдь онъ писалъ не легкіе разсказы. У него иногда, въ горячія, вдохновенныя минуты, выливались глубоко поэтическія сцены, страницы красоты необыкновенной, которыхъ очень много въ каждомъ его романѣ. Но этого было мало; у него бывали глубокія психологическія задачи, въ его головѣ мелькали оригинальныя и замѣчательныя рѣшенія серьезныхъ нравственныхъ вопросовъ. Тутъ минутъ горячаго вдохновенія оказывалось недостаточно, требовалась спокойная работа мысли, а обстоятельства не давали его мысли спокойно работать. Потому-то въ его романахъ такъ много неяснаго, запутаннаго, потому-то его романы, и въ особенности послѣдніе, широко задуманные, въ общемъ производятъ впечатлѣніе только богатѣйшаго матеріала для настоящихъ романовъ.

Больной, измученный, онъ уставалъ больше и больше; но уставалъ не мыслью, не чувствомъ, а просто уставалъ физически. Ему трудно становилось работать, и онъ работалъ медленно. Онъ заранѣе продавалъ свой романъ, который ожидали съ нетерпѣніемъ. Редакція то и дѣло понуждала его высылать скорѣе рукопись. Эти понужденія раздражали его, онъ волновался, спѣшилъ, посылалъ начало и потомъ, торопясь продолженіемъ, почти забывалъ это начало. По мѣрѣ развитія романа являлась необходимость измѣнять то то, то другое, но исполнить этого

уже не было возможности—то, что нужно было измѣнить и переработать, оказывалось уже напечатаннымъ. Такимъ образомъ являлись великолѣпные эпизоды, но въ общемъ романъ представлялъ довольно безформенное и во всякомъ случаѣ невыдержанное произведеніе.

Онъ самъ отлично сознавалъ это, и подобное сознаніе для художника являлось горькимъ мученіемъ.

Я помню одинъ случай. Говоря въ одной изъ газетъ о „Подросткѣ“, указывая на прекрасные эпизоды и многія достоинства этого романа, я все же долженъ былъ сказать и объ его недостаткахъ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Достоевскому. Онъ встрѣтилъ меня, какъ человѣка глубоко его оскорбившаго, и между нами произошелъ настолько крупный разговоръ, что я взялъ шляпу и хотѣлъ уходить. Но онъ удержалъ меня, заперъ двери своей рабочей комнатки и началъ оправдываться, доказывать мнѣ, что я ошибался въ статьѣ моей.

Дѣло было въ старикѣ, Макарѣ Ивановичѣ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ „Подростка“.

Онъ сталъ объяснять мнѣ Макара Ивановича. И, конечно, теперь я ужъ не могу взять на себя безпристрастнаго сужденія о „Подросткѣ“: я знаю этотъ романъ не такимъ, каковъ онъ въ печати, а такимъ, каковъ онъ былъ въ замыслѣ автора.

Достоевскій говорилъ часа два, пожалуй, еще больше, и я могъ только сожалѣть о томъ, что не было стенографа, который бы записывалъ въ точности слова его. Если бы то, что онъ говорилъ мнѣ тогда, появилось передъ судомъ читателей, то они увидѣли бы одинъ изъ высочайшихъ и поэтическихъ образовъ, когда-либо созданныхъ художникомъ.

— Такъ вотъ что такое Макаръ!—сказалъ Достоевскій, заканчивая свою горячую рѣчь и мгновенно ослабѣвая.—И неужели вы теперь не согласитесь, что вы написали совсѣмъ не то, что вы меня обидѣли, и я имѣлъ полное право на васъ сердиться?!.

Мнѣ тяжело было говорить ему, что сегодняшній Макаръ не тотъ, о которомъ я говорилъ, судя по напечатанному тексту... Я испугался того впечатлѣнія, которое произвели на него слова мои: онъ сдѣлался вдругъ такимъ страдающимъ, такимъ жалкимъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній неподвижно, опустивъ голову, сжавъ брови—и вдругъ поднялъ на меня глаза, въ которыхъ не было и тѣни ни недавняго раздраженія, ни недавняго восторга. Эти глаза были кротки и очень печальны.

— Голубчикъ!—сказалъ онъ, особенно задушевно выговаривая свое любимое ласкательное слово,—я знаю, что вы правы, и вы знаете, что я люблю то, что вы пишете, потому что вы пи-

шете всегда искренно; но мнѣ было такъ тяжело, что именно вы дотронулись до самаго больного мѣста!.. А теперь забудьте, что я наговорилъ, и я тоже забуду... Довольно!.. довольно!..

Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ пройтись; но на улицѣ былъ такъ мраченъ, молчаливъ и раздражителенъ, что мнѣ стало тяжело, и я съ нимъ простился

По зимамъ 76—77 и 77—78 годовъ мы продолжали довольно часто видаться. И хотя мы жили на двухъ противоположныхъ концахъ города, Достоевскій иногда проводилъ у меня вечера.

Отмѣчу здѣсь одно обстоятельство, конечно, случайное, въ которомъ нѣтъ ничего веселаго, но которое между тѣмъ подавало поводъ къ довольно комичнымъ сценамъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ почти всегда послѣ своихъ мучительныхъ припадковъ падучей болѣзни, такъ что нѣкоторые наши общіе знакомые, узнавая, что у него былъ припадокъ, такъ и говорили, что его нужно искать у меня.

Бѣдный Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ достаточно времени привыкнуть къ своимъ припадкамъ, привыкали къ нимъ и ихъ послѣдствіямъ и его старые знакомые, которымъ все это уже не казалось страшнымъ и считалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но онъ бывалъ иногда совершенно невозможенъ послѣ припадка; его нервы оказывались до того потрясенными, что онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемымъ въ своей раздражительности и странностяхъ.

Придетъ онъ, бывало, ко мнѣ, войдетъ какъ черная туча, иногда даже забудетъ поздороваться, и изыскиваетъ всякіе предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидѣть; и во всемъ видитъ себѣ обиду, желаніе дразнить и раздражать его... Все-то у меня ему кажется не на мѣстѣ и совсѣмъ не такъ, какъ нужно, то слишкомъ свѣтло въ комнатѣ, то такъ темно, что никого разглядѣть невозможно... Подадутъ ему крѣпкій чай, какой онъ всегда любилъ—ему подаютъ пиво вмѣсто чая! нальютъ слабый—это горячая вода!..

Пробуемъ мы шутить, разсмѣшить его—еще того хуже: ему кажется, что надъ нимъ смѣются...

Впрочемъ, мнѣ почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподволь навести его на какую-нибудь изъ любимыхъ его темъ. Онъ мало-по-малу начиналъ говорить, оживлялся и оставалось только ему не противорѣчить. Черезъ часъ онъ уже бывалъ въ самомъ миломъ настроеніи духа. Только страшно блѣдное лицо, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе указывали на болѣзненное его состояніе. Но если случайно въ подобный день онъ встрѣчался съ посторонними, незнакомыми людьми, то дѣло усложнялось.

[Дальше разсказанъ незначительный случай проявленія рѣзкости Д—го въ обществѣ].

Конечно, онъ не былъ созданъ для общества, для гостиной. Отъ человѣка, жившаго почти всегда въ уединеніи, проведшаго четыре года на каторгѣ, десятки лѣтъ работавшаго и боровшагося съ нуждой,—отъ человѣка, нервная система котораго была совершенно потрясена страшной, неизлѣчимой болѣзнью, невозможно было требовать умѣнья владѣть собою. Для такого человѣка, и вовсе не въ силу того, что онъ былъ замѣчательный писатель, одинъ изъ знаменитыхъ людей русскихъ, а просто въ силу всѣхъ обстоятельствъ его жизни, въ силу исключительнаго болѣзненнаго состоянія его организма—нужны были особенныя мѣрки. Его странности могли возмущать не знавшихъ его людей,—людей, которымъ до него не было никакого дѣла, но всѣ, близко его знавшіе, ничуть не смущались и не могли смущаться этими странностями. Мы знали его умъ, его прекрасный талантъ, его доброту и благородство, разнообразнѣйшія свойства его яркой, богато одаренной природы. Болѣзненныя странности давали пищу только для добродушныхъ, веселыхъ разсказовъ о тѣхъ импровизированныхъ водевильныхъ сценахъ, въ которыхъ онъ игралъ грустно-комическую роль.

И теперь, когда его нѣтъ, эти бѣдныя странности вспоминаются, какъ нѣчто дорогое и милое, съ грустной улыбкой,—и больно, что все это прошло. Вмѣстѣ съ этими странностями нежданная могила унесла столько тепла, столько свѣта...

[Далѣе Всев. Соловьевъ разсказываетъ о посѣщеніи Д—имъ гадалки-француженки Фильдъ, о которой слышалъ отъ Владиміра Соловьева].

— Видите ли,—говорилъ Достоевскій,—не вѣрить въ возможность предсказаній нельзя, никакъ нельзя... это вздоръ! ужъ не говоря о томъ, что въ исторіи сохранилось многое въ этомъ родѣ, но почти каждый человѣкъ на себѣ знаетъ. Всѣ вѣрятъ, и, если не признаются, то единственно изъ малодушія, котораго въ насъ такъ много. Самъ вѣритъ, вѣритъ, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало,—и въ то же время смѣется, глумится надъ искреннимъ человѣкомъ, который такъ прямо и скажетъ, что вѣритъ... Вы знаете ея адресъ? пойдемте сейчасъ же, я хочу знать, что она мнѣ скажетъ!..

...— Она сказала,—говорилъ онъ (послѣ бесѣды съ Фильдъ),— что меня ожидаетъ такая извѣстность, такой почетъ, о которыхъ я никогда не могъ и мечтать. Повѣрить ей, такъ меня на рукахъ будутъ носить, засыпать цвѣтами—и все это будетъ выростать съ каждымъ годомъ, и я умру на верху этой славы... Ну вотъ, голубчикъ, можетъ-быть, она врунья, только интерес-

ная... интересная врунья! А вѣдь я все-таки же теперь и буду ждать этой славы, и ужъ это утѣшительно!

— Хорошо, что она предсказала вамъ славу,—замѣтилъ я;—но вѣдь вотъ же она предсказала и семейное горе...

— Да, и я теперь такъ и думаю, что оно навѣрное будетъ. Я вамъ говорю: она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Вѣдь другія говорятъ общими мѣстами, болѣе или менѣе ловко; но сейчасъ же и замѣчаешь шарлатанство, каждое предсказаніе можно повернуть такъ или иначе—ну, а у нея все ясно, опредѣленно. Интересная женщина!..

Мы стали припоминать историческіе факты сбывшихся предсказаній; но онъ то и дѣло возвращался къ словамъ Фильдъ, повторялъ каждую ея фразу.

Я оставилъ его въ очень возбужденномъ состояніи...

...Вспоминается мнѣ еще одно изъ нашихъ свиданій. Мнѣ нужны были для статьи біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ, и я обратился къ нему за ними. Онъ охотно вызвался сообщить мнѣ все, что о себѣ помнилъ. Началъ, ограничиваясь перечнемъ чиселъ и фактовъ, но скоро, по своему обыкновенію, увлекся, сталъ разсказывать.

— Эхъ, жаль, что вы не можете помѣстить въ статью свою очень много интереснаго изъ моей жизни, но все же запомните, можетъ-быть, потомъ кому-нибудь и скажете. Вы думаете, у меня есть друзья? Когда-нибудь были? Да, въ юности, до Сибири, пожалуй, что были друзья настоящіе, а потомъ, кромѣ самаго малаго числа людей, которые, можетъ-быть, нѣсколько и расположены ко мнѣ, никогда друзей у меня не было. Мнѣ это доказано, слишкомъ доказано! Слушайте, когда я вернулся въ Петербургъ, послѣ столькихъ-то лѣтъ, меня многіе изъ прежнихъ пріятелей и узнать не захотѣли, и потомъ всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мнѣ вмѣстѣ съ успѣхомъ. Уходилъ успѣхъ—и тотчасъ же и друзья уходили. Смѣшно это, конечно, старо, извѣстно всѣмъ и каждому, а между тѣмъ всякій разъ больно, мучительно... Я узнавалъ о степени успѣха новой моей работы по количеству навѣщавшихъ меня друзей, по степени ихъ вниманія, по числу ихъ визитовъ. Расчетъ никогда не обманывалъ. О, у людей чутье, тонкое чутье! Помню я, какъ всѣ кинулись ко мнѣ послѣ успѣха „Преступленія и наказанія“: кто годами не бывалъ—вдругъ явились, такіе ласковые... а потомъ и опять всѣ схлынули, два-три человѣка осталось. Да, два-три человѣка!..

— А друзья были такъ нужны, жилось тяжело, кредиторы за горло хватали, тюрьмой грозили. И это на первыхъ-то порахъ моей новой семейной жизни!.. Четыре года я протосковалъ

за границей, а вернуться боялся—опять то же, опять кредиторы заключеніе за долги... За границей не разъ бѣдствовать приходилось—не будь Каткова, который всегда выручалъ, просто пропадать пришлось бы!.. Ну, стоитъ мнѣ теперь получить большой успѣхъ, большую популярность—столько друзей явится, что и не оберешься. Будутъ и искренніе—о, конечно! только какъ же ихъ распознаешь?! Успѣхъ—это, знаете ли, какая вещь—это величайшій соблазнъ, тутъ всякое чувство мѣры теряется, человѣкъ вдругъ слѣпнетъ и дѣлается слабымъ, проводи его, кто хочетъ, надувай самымъ грубымъ манеромъ—всему повѣритъ, все приметъ за чистую монету...

— Успѣхъ,—продолжалъ онъ, больше и больше оживляясь,—успѣхъ одного служитъ успѣхомъ для многихъ. На чужомъ успѣхѣ многіе строятъ свои планы и достигаютъ кое-чего: и имъ перепадаетъ кусочекъ... Стоитъ человѣку получить большой, рѣшительный успѣхъ, популярность настоящую, съ которой ужъ нельзя спорить, которую ужъ никакими хитростями не уничтожишь, не уменьшишь—и смотришь: за этимъ человѣкомъ непремѣнно хвостики... хвостики! „Возлѣ виднаго человѣка и меня, дескать, замѣтятъ“. О, сколько въ такихъ случаяхъ можно сдѣлать интересныхъ наблюденій! только тотъ, за кѣмъ эти „хвостики“, такихъ наблюденій не сдѣлаетъ, ибо вдругъ теряетъ чувство мѣры... Да, только что же объ этомъ—поживете, много такого увидите!..

Онъ замолчалъ и сталъ стучать пальцемъ по столу, хмуря брови.

Изъ воспоминаній В. В. Т—вой (Починковской) [1]).

На мою долю когда-то выпало рѣдкое счастье—въ теченіе цѣлаго года не только часто видѣть и слышать Ѳедора Михайловича Достоевскаго, но и работать съ нимъ вмѣстѣ за однимъ и тѣмъ же столомъ, при свѣтѣ одной и той же типографской лампы. Мнѣ довелось не только читать въ двухъ корректурахъ „Дневникъ писателя“ 1873 года, но иногда присутствовать при самомъ его воспроизведеніи, такъ какъ многія страницы этого „Дневника“ писались при мнѣ, въ разговорахъ со мною...

Бываютъ воспоминанія, которыя, какъ талисманъ, предохраняютъ душу отъ охлажденія, зачерствѣнія, измельчанія и отчая-

---

[1]) „Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ“. „Истор. Вѣст.“ 1904 г. № 2. Г-жа В. Т—ва была корректоромъ типографіи Траншеля, гдѣ въ 1873 г. печатался „Гражданинъ“, во время редакторства Ѳ. М. Достоевскаго.

нія. Таковы мои воспоминанія сбъ этой порѣ моей совмѣстной работы съ Ѳедоромъ Михайловичемъ.

[О первой встрѣчѣ въ типографіи съ Д—мъ г-жа Т—ва передаетъ:]

Изъ комнатъ слѣва вышелъ Траншель вмѣстѣ съ невысокимъ, средняго роста, господиномъ въ мѣховомъ пальто и калошахъ, и оба остановились подлѣ меня у бюро, разговаривая между собою, т.-е. одинъ задавалъ короткіе и отрывистые вопросы, а другой также коротко отвѣчалъ на нихъ.

Господинъ въ пальто говорилъ тихимъ, глухимъ, какъ бы разслабленнымъ голосомъ. Онъ спрашивалъ, когда здѣсь бываетъ князь Мещерскій, когда выходитъ нумеръ и когда приступаютъ къ набору слѣдующаго.

Одинъ разъ я рѣшилась поднять на него глаза, но, встрѣтивъ неподвижный, тяжелый, точно непріязненный взглядъ, невольно потупилась и уже старалась на него не смотрѣть. Я угадывала, что это Достоевскій, но всѣ портреты его, какіе я видѣла, и мое собственное воображеніе рисовали мнѣ совсѣмъ другой образъ, нисколько не похожій на этотъ, дѣйствительный, который былъ теперь передо мною.

Это былъ очень блѣдный—землистой, болѣзненной блѣдностью—не молодой, очень усталый или больной человѣкъ, съ мрачнымъ изнуреннымъ лицомъ, покрытымъ, какъ сѣткой, какими то необыкновенно выразительными тѣнями отъ напряженно сдержаннаго движенія мускуловъ. Какъ будто каждый мускулъ на этомъ лицѣ съ впалыми щеками и широкимъ и возвышеннымъ лбомъ одухотворенъ былъ чувствомъ и мыслью. И эти чувства и мысли неудержимо просились наружу, но ихъ не пускала желѣзная воля этого тщедушнаго и плотнаго въ то же время, съ широкими плечами, тихаго и угрюмаго человѣка. Онъ былъ весь точно замкнутъ на ключъ,—никакихъ движеній, ни одного жеста, только тонкія, безкровныя губы нервно подергивались, когда онъ говорилъ. А общее впечатлѣніе съ перваго взгляда почему то напомнило мнѣ солдатъ изъ „разжалованныхъ“, какихъ мнѣ не разъ случалось видать въ моемъ дѣтствѣ,—вообще, напомнило тюрьму и больницу и разные „ужасы“ изъ временъ „крѣпостного права“... И уже одно это напоминаніе до глубины взволновало мнѣ душу.

Траншель провожалъ его до дверей: я смотрѣла имъ вслѣдъ и мнѣ бросилась въ глаза странная походка этого человѣка. Онъ шелъ неторопливо, мѣрнымъ и некрупнымъ шагомъ, тяжело переступая съ ноги на ногу, какъ ходятъ арестанты въ ножныхъ кандалахъ.

— Знаете, кто это?—сказалъ мнѣ Траншель, когда захлопнулась дверь.—Новый редакторъ „Гражданина“, знаменитый нашъ Достоевскій!—Этакая гниль!—вставилъ онъ съ брезгливой гримасой

Мнѣ показалось это тогда возмутительно-грубымъ, невѣжественнымъ кощунствомъ. Изъ всѣхъ современныхъ писателей Достоевскій былъ тогда для меня самымъ мучительнымъ и самымъ любимымъ. Но мнѣ, конечно, было извѣстно, что о немъ ходили тогда разные толки. Въ либеральныхъ литературныхъ кружкахъ и въ средѣ учащейся молодежи, гдѣ бывали у меня кое-какія знакомства, его безцеремонно называли „свихнувшимся“, а въ деликатной формѣ—„мистикомъ“, „ненормальнымъ“ (что по тогдашнимъ понятіямъ было одно и то же).

....Я часто стала видать Достоевскаго въ типографіи, но свиданія наши въ первое время ограничивались только взаимными привѣтствіями при входѣ и выходѣ или краткими замѣчаніями его мнѣ по поводу той или другой корректурной поправки. Я ссылалась тогда на грамматику, а онъ раздражительно воскликалъ:

— У каждаго автора свой собственный слогъ, и потому своя собственная грамматика... Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до чужихъ правилъ! Я ставлю запятую передъ *что*, гдѣ она мнѣ нужна; а гдѣ я чувствую, что не надо передъ *что* ставить запятую, тамъ я не хочу, чтобы мнѣ ее ставили!

— Значитъ *вашу* орѳографію можно только угадывать: ее знать нельзя,—возражала я, стараясь лучше понять, чего отъ меня требуютъ.

— Да! *Угадывать*. Непремѣнно. Корректоръ и долженъ умѣть угадывать!—тономъ не допускавшимъ никакихъ возраженій, сердито сдвигая брови, рѣшалъ онъ.

Я умолкала и старалась, насколько умѣла, угадывать, но внутренно испытывала что-то въ родѣ разочарованія. Ни повелительный тонъ, къ которому я совершенно тогда была непривычна, ни брюзгливо-недовольныя замѣчанія и раздражительныя тревоги по поводу какой-нибудь неправильно поставленной запятой никакъ не мирились съ моимъ представленіемъ объ этомъ писателѣ-человѣкѣ, писателѣ-страдальцѣ, писателѣ-сердцевѣдѣ.

Вначалѣ же почти все раздражало его. То—зачѣмъ поставили въ статьѣ его твердый знакъ на концѣ слова „однакожъ“, когда у него стоитъ мягкій „однакожь“. То—зачѣмъ вводное предложеніе „можетъ-быть“ поставлено въ запятыхъ, вмѣсто того, чтобы, какъ у французовъ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ поставить съ черточкой посрединѣ. То, наконецъ, зачѣмъ къ нему въ „Гражданинъ“ прислали статью о введеніи звуковой методы въ сельскія

народныя школы, когда онъ слышать равнодушно не можетъ объ этой методѣ...

— Не хочу я, чтобы нашихъ крестьянскихъ дѣтей обучали по этой методѣ!—съ непонятнымъ еще мнѣ тогда ожесточеніемъ говорилъ онъ.—Это не человѣческая метода, а попугайная. Пусть обучаютъ они по этой методѣ обезьянъ или птицъ. А для людей она совсѣмъ не годится. „Бб! вв! сс! тт!...“ развѣ свойственны людямъ такіе дикіе звуки? У людей должно быть человѣческое названіе каждой буквѣ. У насъ есть свои историческія преданія. То ли дѣло наша старинная азбука, по которой всѣ мы учились! *Азъ*, *буки*, *вѣди*, *глаголь*, *живѣте*, *земля*!—съ наслажденіемъ выговаривалъ онъ.—Сейчасъ чувствуешь что-то живое, осмысленное, какъ будто физіономія есть своя у каждой отдѣльной буквы. И неправда это, будто по звуковой онѣ легче выучиваются. Задолбить, можетъ-быть, скорѣй задолбятъ. Но никакого просвѣщенія отъ этого не прибавится. Все это однѣ выдумки! Никогда не повѣрю.

То же было и съ частыми напоминаніями о непреложности его авторскихъ и редакторскихъ корректуръ. И, наконецъ, онъ до того запугалъ меня этой „непреложностью“, что я не рѣшилась даже исправить однажды уже несомнѣнную описку его, и полемическая статья Ѳ. М. такъ и вышла съ ошибкой: „Кто виноватъ?“ Чернышевскаго (вмѣсто „Что дѣлать?“). И это вызвало потомъ упреки автору въ незнаніи „даже заглавія“ произведенія, по поводу котораго онъ полемизировалъ...

....Какъ то разъ—въ концѣ уже марта—мы работали поздно вдвоемъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ. Онъ сидѣлъ, какъ всегда, въ углу за столомъ, а я—рядомъ съ нимъ, за бюро. Я свѣряла его поправки и, прочитывая отдѣльныя полосы, передавала ему на просмотръ и на подпись.

Его „Дневникъ“ въ этомъ нумерѣ былъ отчасти философскаго содержанія и особенно интересенъ былъ для меня потому, что въ немъ говорилось о выставкѣ картинъ новой русской школы, которую я только что передъ тѣмъ ходила смотрѣть съ знакомыми литераторами. Но Ѳ. М., говоря о нѣкоторыхъ картинахъ, находилъ въ нихъ совсѣмъ не то, что находили эти знакомые литераторы.

Они, напримѣръ, восхищались извѣстной картиной Ге „Тайная вечеря“ за ея „реализмъ“,—за то, что изображаемое въ ней событіе носитъ характеръ такой обыкновенности, какъ будто дѣло происходитъ въ наши дни, въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь на Подъяческой, за ужиномъ въ складчину, тайкомъ отъ полиціи, въ кухмистерской Митрофанова; за то, что всѣ апостолы на картинѣ, какъ будто современные „соціалисты“ Христосъ—по ны-

нѣшнему—„хорошій, добрый человѣкъ, съ экстатическимъ темпераментомъ“, а Іуда—самый обыкновенный шпіонъ или agent-provocateur, получающій по таксѣ за каждый доносъ...

А Достоевскій говорилъ о той же картинѣ: „Гдѣ же тутъ восемнадцать вѣковъ христіанства? Гдѣ идея, вдохновлявшая столько народовъ, столько умовъ и сердецъ? Гдѣ же Мессія, обѣтованный міру Спаситель,—гдѣ же Христосъ?!..“

Они говорили о дѣйствительности, какъ она есть... А Достоевскій говорилъ, что такой дѣйствительности „совсѣмъ и не существуетъ“... Они хвалили новую школу за то, что она „свободна отъ идеальничанья, отъ фальши, лганья“... А Достоевскій доказывалъ, что именно тутъ-то и кроется фальшь и самое жалкое рабство предъ „направленіемъ“, такъ какъ сути вещей намъ знать не дано, и во всемъ, что мы ни изображаемъ, мы выражаемъ только самихъ себя и наши идеи о мірѣ вещей и явленій...

Все это были вопросы, надъ которыми съ особенной жадностью останавливались тогда мои мысли. Христосъ, христіанство—объ этомъ давно уже не говорили въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Это напоминало реакцію, „Переписку“ Гоголя, вообще „мистицизмъ“, котораго страшились тогда, какъ „жупела“

Достоевскій говорилъ и о нихъ, т.-е. о томъ кругѣ людей и понятій, въ которомъ жила я тогда, и который онъ опредѣлялъ съ язвительной складкой на губахъ—„либералами“.

Статья была написана страстно,—онъ, впрочемъ, все писалъ страстно, и эта горячая страстность невольно сообщалась и мнѣ. Я впервые тогда почувствовала на себѣ неотразимое обаяніе его личности. Голова моя кипѣла въ огнѣ его мыслей. И мысли эти казались мнѣ такъ понятны, онѣ такъ проникали меня насквозь, что, казалось, онѣ — мои собственныя. Было въ нихъ что-то и еще мнѣ особенно близкое: эти слова о Христѣ и Евангеліи напомнили мнѣ мою мать,— женщину пламенной вѣры, когда-то страдавшую за мое „невѣріе“... и я точно возвращалась теперь изъ Петербурга домой, и этотъ домъ мой были христіанскія мысли Ѳ. М. Достоевскаго. И вдругъ, сама не знаю почему, меня неудержимо потянуло на него оглянуться. Но, повернувъ слегка голову, я невольно смутилась. Ѳедоръ Михайловичъ пристально, въ упоръ, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто давно наблюдалъ за мною и ждалъ, чтобы я оглянулась...

И когда—далеко уже за полночь—я подошла къ нему, чтобы проститься, онъ тоже всталъ и, крѣпко сжавъ мою руку, съ минуту пытливо всматривался въ меня, точно искалъ у меня на лицѣ впечатлѣній моихъ отъ прочитаннаго, точно спрашивалъ меня: что же я думаю? поняла ли я что-нибудь?!.

Но я стояла передъ нимъ, какъ нѣмая: такъ поразило меня въ эти минуты его собственное лицо! Да, вотъ оно, это настоящее лицо Достоевскаго, какимъ я представляла его себѣ, читая его романы!..

Какъ бы озаренное властной думой, оживленно-блѣдное и совсѣмъ молодое, съ проникновеннымъ взглядомъ глубокихъ потемнѣвшихъ глазъ, съ выразительно-замкнутымъ очертаніемъ тонкихъ губъ,—оно дышало торжествомъ своей умственной силы, горделивымъ сознаніемъ своей власти... Это было не доброе и не злое лицо. Оно какъ-то въ одно время и привлекало къ себѣ, и отталкивало, запугивало и плѣняло... И я безсознательно, не отрываясь, смотрѣла на это лицо, какъ будто предо мной внезапно открылась „живая картина“ съ загадочнымъ содержаніемъ, когда жадно торопишься уловить ея смыслъ, зная, что еще одинъ мигъ, и вся эта рѣдкая красота исчезнетъ, какъ вспыхнувшая зарница. Такого лица я больше никогда не видала у Достоевскаго. Но въ эти мгновенья лицо его больше сказало мнѣ о немъ, чѣмъ всѣ его статьи и романы. Это было лицо *великаго* человѣка, историческое лицо.

Я ощутила тогда всѣмъ моимъ существомъ, что это былъ человѣкъ необычайной духовной силы, неизмѣримой глубины и величія, дѣйствительно геній, которому не надо словъ, чтобы видѣть и знать. Онъ все угадывалъ и все понималъ какимъ-то особеннымъ чутьемъ. И эти догадки мои о немъ много разъ оправдывались впослѣдствіи.

— Измучились вы сегодня!—съ нѣжной, точно родственной лаской заговорилъ онъ, провожая меня до дверей и помогая мнѣ надѣть верхнее платье. Поѣзжайте скорѣе домой, выспитесь хорошенько, Христосъ съ вами! Да возьмите непремѣнно извозчика, не идите пѣшкомъ. Еще обидитъ васъ какой-нибудь пьяный нахалъ.

Онъ самъ заперъ за мною двери на ключъ, такъ какъ всѣ кругомъ уже спали, и я вышла на улицу въ какомъ-то экстазѣ. Извозчиковъ близко не было, да и хотѣлось пройтись послѣ десятичасового сидѣнья, согнувшись надъ корректурами. Я шла, всю дорогу вспоминая его лицо и тотъ новый, внезапно раскрывшійся предо мною, его внутренній обликъ... „Какой онъ умный! Какой онъ добрый! Какой необыкновенный онъ человѣкъ! — восторженно думала я, — и какъ *они* совсѣмъ не понимаютъ его!“

Я не чувствовала ни малѣйшаго утомленія и, придя домой въ три часа, сѣла записывать только-что пережитыя впечатлѣнія. Точно въ нихъ заключалось какое-то удивительное сокровище,

которое надо было сберечь на всю жизнь. Но мнѣ казалось тогда, что эти впечатлѣнія со временемъ вырастутъ во что-то большое и важное, что̀ будетъ нужно и мнѣ и другимъ.

....Мы остались вдвоемъ въ ожиданіи корректуры, Ѳ. М. всталъ и, пододвинувъ свой стулъ къ бюро, за которымъ я работала, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, скажите мнѣ, что вы здѣсь дѣлаете? Знаете вы, зачѣмъ вы живете?

Въ первую минуту я растерялась отъ неожиданности, но, кое-какъ овладѣвъ собой, я отвѣчала, что пріѣхала въ Петербургъ учиться.

— Чему же вы здѣсь хотите учиться и гдѣ?..

— Хочу высшаго образованія... А учусь съ помощью книгъ. Я хожу въ Публичную библіотеку.

— Но зачѣмъ вамъ это высшее образованіе? Думали вы объ этомъ?

И въ голосѣ и въ лицѣ у него было при этомъ что-то язвительное, онъ не только какъ будто допрашивалъ, но и судилъ, обличалъ...

Я молчала. Сказать ему, что высшее образованіе даетъ высшее счастье—онъ скажетъ: „А думали ли вы, что такое счастье?“ Я думала, но не сумѣла бы отвѣтить, и всѣ отвѣты казались мнѣ теперь непроходимо глупыми... Но, въ концѣ-концовъ, я все-таки отвѣтила и даже сказала самую сокровенную свою мысль

— Я хочу писать... заниматься литературой,—робко пролепетала я.

И къ удивленію, Ѳ. М. не засмѣялся.

— Вы хотите писать? Во-отъ что!—протянулъ онъ.—О чемъ же вы хотите писать? То-есть, что именно: романъ, повѣсть или статью какую-нибудь?

— Я люблю психологическое... внутреннюю жизнь...—бормотала я, боясь взглянуть на него и чувствуя себя совершенно идіоткой.

— А вы думаете, это легко: изображать внутреннюю жизнь?

— Нѣтъ, я не думаю, что это легко. Я потому и учусь... и готовлюсь.

— Писательницъ во всемъ мірѣ только одна, достойная этого имени!—значительно продолжалъ онъ.—Это—Жоржъ-Зандъ! Можете ли вы сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ Жоржъ-Зандъ?

Я застыла въ отчаяніи. Онъ отнималъ у меня всякую надежду на будущность.. И не помня себя, точно во снѣ, я безсмысленно

повторяла ему: „Я хочу писать!.. Я чувствую потребность... Я только этимъ живу!“.

— Вы только этимъ живете?—серьезно переспросилъ онъ. Ну, если такъ, что жъ, и пишите. И запомните мой завѣтъ: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интригъ. Берите то, что даетъ сама жизнь. Жизнь куда богаче всѣхъ нашихъ выдумокъ! Никакое воображеніе не придумаетъ вамъ того, что даетъ иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Уважайте жизнь!

Ѳ. М. не разъ потомъ возвращался къ той же темѣ. Онъ то указывалъ мнѣ, какъ *не надо* писать *эссенціями*,—какъ пишутъ современные писатели-народники, то предлагалъ мнѣ сюжеты для повѣсти или романа.

— Никогда народъ не говоритъ такъ, эссенціями. Народъ говоритъ такимъ же языкомъ, какъ и мы. И, можетъ-быть, на дюжину словъ скажетъ одно забористое. А у нихъ сплошь вся рѣчь такими словами усѣяна. И выходитъ фальшиво, ни на что не похоже.

— Хотите, я вамъ дамъ чудесный сюжетъ,—съ увлеченіемъ говорилъ онъ.—Я сейчасъ встрѣтилъ одну мою старую знакомую,—дѣвицу лѣтъ тридцати,—и просто не узналъ ее: помолодѣла, цвѣтетъ и такъ вся и сіяетъ. „Я, говоритъ, замужъ надняхъ выхожу!“ Вотъ вамъ богатый сюжетъ. Займитесь психологіей старой дѣвушки—изъ бѣдныхъ гувернантокъ... Вѣчная зависимость отъ другихъ, постороннихъ, вѣчная забота о кускѣ хлѣба,—и вдругъ такое счастье: свой собственный уголъ, свое хозяйство, свои дѣти... полная свобода... Словомъ, совершенно новая жизнь!

Но меня совсѣмъ не манилъ такой сюжетъ, и мнѣ хотѣлось писать по своимъ собственнымъ сюжетамъ. Да и самъ Ѳ. М. высказывалъ потомъ иные взгляды на эту якобы „полную свободу“.

— Бракъ для женщины всегда рабство,—говорилъ онъ мнѣ однажды.—Если она „отдалась“—поневолѣ она ужъ раба. Самый тотъ фактъ, что она отдалась—уже рабство, и она въ зависимости навсегда отъ мужчины.

— Будьте историкомъ!—совѣтовалъ онъ въ другой разъ.—Ни одной еще женщины не было. Сколько славы!

— Хотите вы быть истинно-образованной женщиной?—спросилъ онъ меня однажды, какъ всегда внезапно (мы читали съ нимъ въ это время корректуру статьи Н. Н. Страхова о „Философіи исторіи“ Целлера).

— Конечно, хочу!

— Идите въ Публичную библіотеку, спросите себѣ „Отечественныя записки“ 1840—1845 гг. Тамъ вы найдете рядъ ста-

тей по исторіи наблюденій надъ природой. Это—Герцена. Хотя онъ потомъ, когда сталъ матеріалистомъ, отказался отъ этой книги, но это—лучшая его вещь. Лучшая философія не только въ Россіи,—въ Европѣ. Сдѣлайте, какъ я вамъ говорю,—вы будете мнѣ потомъ благодарны [1]).

Я сдѣлала, какъ онъ меня научилъ, и, конечно, была ему благодарна.

Съ тѣхъ поръ—я не могла не замѣтить—Ѳ. М. видимо занялся моимъ „просвѣщеніемъ".

— Подождите,—говорилъ онъ,—вотъ настанетъ опять зима, я познакомлю васъ съ моими друзьями литераторами, и мы будемъ устраивать литературные, поэтическіе вечера...

Онъ хотѣлъ теперь знать, что я читаю, съ кѣмъ видаюсь, какого держусь „направленія".

— Что это вы все носитесь съ „либералами"?—съ ироніей указывалъ онъ на книжку „Отечественныхъ записокъ", только что взятую мною по дорогѣ изъ библіотеки.—Читайте лучше Погодина, Карамзина, Соловьева.

— Все начиняете себя чужими мыслями!—ядовито восклицалъ онъ, опять заглядывая въ книгу, которую я читала.—Ну, что тутъ хорошаго—жевать эту жвачку, хотя бы разлиберальную?! Возьмитесь-ка лучше за математику, да и прите годика три! Думать по своему станете,—увѣряю васъ.

Ничто не проходило для него безслѣднымъ и незамѣченнымъ—разъ обратилъ онъ на васъ вниманіе. И по временамъ мнѣ казалось, что я нахожусь какъ бы подъ непрестаннымъ надзоромъ его художнической проницательности. И не скажу, чтобы это было всегда пріятно... Художникъ наблюдатель смахивалъ иногда на духовника-инквизитора.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда.

Даже костюмъ мой подвергался его строгому обзору и осужденію. Такъ, я помню, какъ онъ, насмѣшливо вертя въ рукахъ мою лаковую Wienerhut, допрашивалъ меня: „Какое направленіе доказываютъ эти шляпы современныхъ дѣвицъ?"

...Преслѣдуя меня всякаго рода допросами, Ѳ. М. самъ не любилъ никакихъ о себѣ вопросовъ.

Однажды онъ описывалъ мнѣ то удивительное состояніе, которое онъ испытываетъ всегда передъ наступленіемъ падучей, а я, наивно до глупости, хоть и съ сочувствіемъ, перебила его:

— У васъ падучая? Неужели? Отчего это?..

---

[1]) Герценъ не отказывался отъ своихъ статей, и это мѣсто воспоминаній вызываетъ недоумѣніе.

— Ну, объ этомъ я не стану теперь разговаривать,—это совсѣмъ ужъ другой вопросъ!—раздражительно оборвалъ онъ, и, помолчавъ, прибавилъ съ укоромъ:—Ничего-то вы не понимаете, какъ я вижу! А еще писателемъ быть хотите!

И такъ и не разсказалъ мнѣ всего, что хотѣлъ разсказать. Я хорошо запомнила этотъ урокъ, и съ тѣхъ поръ никогда уже ни о чемъ его не разспрашивала.

Такъ же, какъ „писательствомъ“, долго язвилъ онъ меня моимъ мнимо-польскимъ происхожденіемъ. И это только потому, что, проживъ въ ранней юности нѣсколько лѣтъ въ нашемъ Западномъ краѣ, я съ увлеченіемъ описывала ему однажды живописныя окрестности литовскаго города и красоты поэмъ Мицкевича.

— А все-таки—перебилъ онъ меня,—вашъ хваленый Мицкевичъ воспѣвалъ Валленрода, то-есть измѣнника и лгуна [1]). А истинный поэтъ не долженъ никогда воспѣвать ни измѣнниковъ, ни лгуновъ. Ни-ко-гда!—съ желчной страстью повторилъ онъ, прищуривая глаза и язвительно кривя губы.

И съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ него:

— Да вѣдь вы не можете этого понимать! Вы вѣдь не настоящая русская... Вы—полька!

...И такъ было всегда и во всемъ. Ничего въ половину. Или предайся во всемъ его Богу, вѣруй съ нимъ одинаково, іота въ іоту, или враги и чужіе! И тогда сейчасъ уже злобные огоньки въ глазахъ, и ядовитая горечь улыбки, и раздражительный голосъ, и насмѣшливыя, ледяныя слова...

Разъ Ѳ. М. засталъ меня за чтеніемъ Торквато Тассо—Гёте, котораго я тогда изучала. Мелькомъ взглянувъ на страницы, онъ прочелъ наизусть весь монологъ Торквато, особенно подчеркивая нѣкоторыя слова. Читалъ онъ нараспѣвъ и возвышенной декламаціей:

„...Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бъ могъ
Я унижаться, гдѣ спокойно
Я могъ бы оскорбленіе снести...“

— А этотъ Антоніо,—съ презрительнымъ выраженіемъ губъ вставилъ Ѳ. М.—Антоніо тутъ ничего и не понялъ!

„Его порывъ поэзіи увлекъ!..“

— Эти статсъ-секретари всегда такъ думаютъ,—что поэзія эта такъ, одинъ только порывъ и ничего болѣе. Вѣдь Гёте въ

---

1) Поэма „Конрадъ Валленродъ“.

душѣ самъ былъ такой статсъ-секретарь, въ родѣ Антоніо. И конечно, Тассо, какъ поэтъ, гораздо выше Гёте, хоть Гёте и относится къ нему свысока...

„Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ“...

съ тихимъ паѳосомъ, медленно началъ онъ глухимъ низкимъ голосомъ; но когда дошелъ до стиха:

„Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется“,—

голосъ его полился уже напряженно, грудными высокими звуками, и онъ все время плавно поводилъ рукою по воздуху, точно рисуя и мнѣ и себѣ эти волны поэзіи.

Одинъ разговоръ особенно памятенъ мнѣ. Было это въ самомъ началѣ іюня, когда, благодаря заботливости Ѳедора Михайловича, мы гораздо раньше кончали работу, и въ этотъ день кончали ее вдвоемъ съ метранпажемъ: Ѳедоръ Михайловичъ гостилъ у семьи.

[Неожиданно онъ пріѣхалъ въ типографію, и, какъ предполагала разсказчица, услышалъ рѣзкій споръ о себѣ между нею и сотрудникомъ „Отеч. Записокъ“ Н. А. Демертомъ, грубо обзывавшимъ Д—аго сумасшедшимъ.]

Онъ замѣтно отдохнулъ и поправился. Лицо у него въ этотъ вечеръ было такое кроткое, ясное и спокойное, какого я еще никогда у него не видала. „Ничего не слыхалъ!“ говорила я себѣ съ облегченіемъ.

— Куда же это вы такъ спѣшите, — остановилъ онъ меня, когда, окончивъ работу, я взялась за шляпу.— Вѣдь еще рано, десяти еще нѣтъ. Посидите со мной, пока нѣтъ корректуры.

Какъ ни прельщала меня прогулка по взморью, сознаніе, что Ѳ. М. желаетъ моего общества, было слишкомъ могущественно. Я послушно сѣла опять на прежнее мѣсто къ окну, впервые не чувствуя ни робости, ни смущенья въ его присутствіи.

Онъ пересѣлъ поближе ко мнѣ, за конторку, и нѣсколько минутъ молча курилъ и, казалось, о чемъ-то думалъ.

У меня опять тревожно забилось сердце при мысли, что онъ слышалъ мой разговоръ съ Демертомъ. „Хорошо, если слышалъ мою защиту, — думала я, — а если онъ слышалъ одну только брань?!“

— Ну, куда же вы теперь?—заговорилъ Ѳ. М.—День работали, а вечеромъ... Что вы дѣлаете по вечерамъ?

— Живу!..

— А что значитъ по-вашему это „живу“? Есть у васъ какія-нибудь опредѣленныя идеи? Есть у васъ какой-нибудь идеалъ или цѣль жизни? Или такъ и живете...—„безъ тоски, безъ думы роковой“?

— Нѣтъ, и съ думой, и съ тоской, и съ идеаломъ живу!—съ увлеченіемъ проговорила я, разгоряченная моимъ споромъ.

— И съ идеаломъ? — оживленно переспросилъ Ѳедоръ Михайловичъ.— Съ какимъ же, напримѣръ, идеаломъ? Ну, разскажите же мнѣ!

И потому ли, что я все еще была подъ впечатлѣніемъ „идейнаго“ спора съ Демертомъ и на душѣ у меня накипѣло, или голосъ его, тихій и ласковый, подѣйствовалъ на меня,—я, не смущаясь, отвѣтила ему горячимъ и смѣлымъ признаніемъ. Я говорила ему о моихъ мечтахъ и надеждахъ, объ усиліяхъ создать самостоятельно любимую дѣятельность, добиться завѣтной цѣли,—и о томъ, что женщинѣ это особенно трудно...

И, вѣроятно, онъ повѣрилъ моимъ словамъ, потому что слушалъ все время не прерывая и, въ свою очередь, поразилъ меня нежданнымъ признаніемъ:

— А знаете, какой я вамъ сейчасъ скажу комплиментъ? Ужъ навѣрно вы такого ни отъ кого не слыхали.—И, помолчавъ, онъ прибавилъ:—Вы мнѣ чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я вѣдь женатъ и вторично, и отъ второй жены у меня уже двое дѣтей. А впервые я женился еще въ Сибири. И первая жена—вы и лицомъ, и фигурой удивительно на нее похожи; она, бѣдная, умерла отъ чахотки

(Объ этомъ сходствѣ онъ уже говорилъ при мнѣ какъ-то Страхову: „Не правда ли, она ужасно похожа на Марью Дмитріевну?..“ Я не поняла тогда, кто это Марья Дмитріевна, но и Страховъ тогда подтвердилъ: „Да, пожалуй... нѣсколько напоминаетъ“.)

— Комплиментъ вамъ тутъ, конечно, не потому, что это была жена моя,—продолжалъ Ѳ. М.:—что же это за комплиментъ!—а потому, что была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, въ огнѣ этой восторженности, въ стремленіи къ идеалу. Идеалистка была въ полномъ смыслѣ слова. Да и чиста, и наивна притомъ была совсѣмъ, какъ ребенокъ. Хотя, когда я женился на ней, у нея былъ уже сынъ. Я женился уже на вдовѣ. Ну, что же, вы довольны ли моимъ комплиментомъ?—закончилъ онъ тономъ шутки.

— Очень довольна, Ѳ. М., только боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Что вы во мнѣ ошибаетесь, и я недостойна такого сравненія. Я не всегда такая.

— А вы будьте всегда,—внушительно, строго сказалъ онъ.— Стремитесь всегда къ самому высшему идеалу! Разжигайте это стремленіе въ себѣ, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда чтобы не погасалъ! Никогда!

— Ну, а вы мнѣ все-таки не сказали, какой же у васъ идеалъ?—снова началъ онъ, помолчавъ.—Идея-то ваша какая?

— Идеалъ одинъ... для того, кто знаетъ Евангеліе...

— А вы его знаете?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Въ дѣтствѣ я была очень религіозна и постоянно читала его.

— Но съ тѣхъ поръ, конечно, вы выросли, поумнѣли и, получивъ образованіе отъ высшихъ наукъ и искусствъ...

На углахъ его губъ появилась знакомая мнѣ „кривая“ улыбка. Но въ этотъ разъ она меня не смутила.

— Потомъ,—продолжала я тѣмъ же тономъ,—подъ вліяніемъ науки, религіозность эта стала принимать другія формы, но я всегда и думала, и думаю, что лучше и выше Евангелія ничего у насъ нѣтъ!

— Но какъ же вы понимаете Евангеліе? Его вѣдь разно толкуютъ. Какъ по-вашему; въ чемъ вся главная суть?

Вопросъ, который онъ задалъ мнѣ, впервые пришелъ мнѣ на умъ. Но сейчасъ же точно какіе-то отдаленные голоса изъ глубины моей памяти подсказали отвѣтъ:

— Осуществленіе ученія Христа на землѣ, въ нашей жизни, въ совѣсти нашей...

— И только?—тономъ разочарованія протянулъ онъ.

Мнѣ самой показалось этого мало.

— Нѣтъ, и еще... Не все кончится здѣсь, на землѣ. Вся эта жизнь земная—только ступень... въ иныя существованія...

— Къ мірамъ инымъ! — восторженно сказалъ онъ, вскинувъ руку вверхъ къ раскрытому настежь окну, въ которое виднѣлось тогда такое прекрасное, свѣтлое и прозрачное іюньское небо.

— И какая это дивная, хотя и трагическая задача—говорить это людямъ!—съ жаромъ продолжалъ онъ, прикрывая на минуту глаза рукою.—Дивная и трагическая, потому что мученій тутъ очень много... Много мученій, но зато — сколько величія! Ни съ чѣмъ несравнимаго... То-есть, рѣшительно ни съ чѣмъ! Ни съ однимъ благополучіемъ въ мірѣ сравнить нельзя!

— И какъ трудно осуществить эту задачу! — робко вставила я, думая о своемъ.

Онъ взглянулъ на меня съ блескомъ въ глазахъ.

— Вы говорите, что хотите писать. Вотъ вы и пишите объ этомъ!

И, какъ бы въ благословеніе на этотъ путь, Ѳедоръ Михайловичъ подарилъ мнѣ тогда три-четыре листка оставшейся у него почтовой бумаги въ осьмушку, на которой всегда писалъ онъ свои статьи.

— Вотъ вамъ отъ меня! — съ удареніемъ сказалъ онъ, передавая ихъ мнѣ.

Они живы у меня до сихъ поръ—эти три листка, пожелтѣвшіе, гладкіе и простые.

Мы простились въ тотъ вечеръ, какъ еще никогда не прощались: точно мы были съ нимъ равные другъ другу, взаимно преданные друзья.

Послѣ этого разговора мнѣ уже не хотѣлось ѣхать на взморье, слушать о какихъ-то „юродивыхъ Ѳедюшкахъ въ Тетюшкахъ“, и вмѣсто того, чтобы итти на Фонтанку, какъ мы условились съ Демертомъ, я долго бродила гдѣ-то по улицамъ, „разжигая душевный костеръ“...

... Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно оживленъ. Какимъ-то вдохновеніемъ вѣяло отъ него. И только что вошелъ—началъ „перестраивать“ комнату.

— Намъ сегодня придется долго съ вами работать,—оживленно говорилъ онъ,— поэтому, давайте, устроимъ все поудобнѣе. И прежде всего переставимъ столъ этотъ такъ—поперекъ стѣны, а не вдоль. Такъ будетъ намъ обоимъ лучше, просторнѣе. Сядемъ другъ противъ друга. Лампу поставимъ сюда, посерединѣ. Ну-съ, хорошо. Теперь надо подумать о чаѣ. Кого-нибудь надо послать въ трактиръ.—Онъ вынулъ деньги. Я сходила внизъ къ Траншелю, оттуда послали въ трактиръ, и намъ принесли пару стакановъ, огромный трактирный чайникъ кипятку, чаю и сахару. И мы съ Ѳ. М. пили чай „по-братски“ и „какъ товарищи“.

Мы проработали съ нимъ вдвоемъ всю ночь—вплоть до разсвѣта. И эта ночь запечатлѣлась въ моей памяти на всю жизнь. Этотъ „чердакъ“, общій умственный трудъ, полное уединеніе съ глазу на глазъ съ такимъ писателемъ, какъ Достоевскій,— во всемъ этомъ была для меня какая-то особенная духовная красота, какое-то ни съ чѣмъ несравнимое упоеніе.

Шторы были спущены. Жестяная лампа съ картоннымъ колпакомъ освѣщала только нашу работу и наши блѣдныя, усталыя и въ то же время разгоряченныя лица. Все остальное было въ тѣни, какъ на картинахъ Рембрандта. И весь міръ—гдѣ-то на другомъ полушаріи... Мы сидѣли другъ противъ друга за маленькимъ столомъ, гдѣ было такъ тѣсно и неудобно работать, но гдѣ мы съ увлеченіемъ и работали и говорили. Собственно, говорилъ онъ одинъ, а я только съ жадностью слушала и внима-

тельно запоминала каждое его слово. Онъ курилъ,—онъ всегда очень много курилъ,—и мнѣ видится до сихъ поръ его блѣдная худая рука, съ узловатыми пальцами, съ вдавленной чертой вокругъ кисти,—быть-можетъ, слѣдами каторжныхъ кандаловъ,—видится, какъ рука эта тушитъ докуренную толстую папиросу, и жестяная коробка изъ-подъ сардинокъ, доверху наполненная окурками его „пушекъ“. Мнѣ видится, какъ лампа начинаетъ постепенно меркнуть, и блѣдный, утренній свѣтъ заливаетъ всю комнату, и какъ Ѳ. М. положивъ ногу на ногу, охвативъ колѣно руками,—точь въ точь на портретѣ Перова,—пытливо глядитъ мнѣ прямо въ лицо и говоритъ своимъ напряженно-глухимъ груднымъ голосомъ:

— Вотъ мы съ вами сидимъ тутъ, на этомъ чердакѣ, работаемъ до бѣлаго дня, а сколько людей теперь веселятся, безпечно жуируютъ вокругъ насъ! И въ голову имъ даже никогда не придетъ, что вотъ вы,—молодая,—а не промѣняете вашей жизни на ихъ... Вѣдь не промѣняете ни за что вы этой трудной вашей жизни на ихъ легкую и веселую?

— Не промѣняю!..

— Ну, вотъ видите! Значитъ, правда! Значитъ, есть нѣчто высокое, благородное и святое въ этой жизни труда? — все такъ же напряженно, съ тихимъ жаромъ говорилъ онъ, точно доказывая кому-то истину своихъ мыслей.

— Есть!—откликнулась я съ волненіемъ. Меня волновалъ его голосъ, и волновали слова. Сколько разъ я думала то же самое! Но теперь я думала не о себѣ, а о немъ,—о красотѣ душевной этого человѣка... Знаменитый писатель, больной—и по доброй волѣ дѣлилъ теперь со мной эту тяжелую жизнь, чтобъ облегчить хоть на мигъ для меня ея гнетущую тяжесть... Онъ внушалъ мнѣ въ эти минуты благоговѣніе и любовь безъ границъ. И это было такое могучее, радостное чувство подъема и вѣры въ себя и въ людей и благословенія—этой трудной, тяжелой, но истинно-человѣческой жизни!..

— И вотъ представьте теперь себѣ,—съ возрастающимъ воодушевленіемъ продолжалъ, между тѣмъ, Ѳедоръ Михайловичъ,—представьте, что съ вами случилось что-нибудь въ такомъ родѣ... Я недавно узналъ такой случай. Нынче весною,—вотъ какъ теперь, на разсвѣтѣ,—возвращались съ ужина послѣ акта трое юношей-правовѣды. Но не были пьяницы,—отнюдь!—всѣ были трезвы и даже вели между собой возвышенный разговоръ и читали стихи... Ну, тамъ, декламація изъ Шиллера, гимнъ Радости и Свободѣ... Самыя чистыя и возвышенныя слова говорили, какъ подобаетъ юности съ идеаломъ въ душѣ. И вотъ на Невскомъ, гдѣ-то тутъ, подлѣ насъ, подлѣ церкви Знаменія, попалась имъ

навстрѣчу женщина,—изъ тѣхъ, которыя ночью гуляютъ, потому что это ихъ промыселъ, онѣ только этимъ и существуютъ... И вотъ эти юноши,—въ возвышенномъ настроеніи и съ идеаломъ въ душѣ (любимое выраженіе Ѳедора Михайловича, которому онъ придавалъ различныя значенія посредствомъ оттѣнковъ голоса),—почувствовавъ необычайное омерзѣніе къ этой женщинѣ, истасканной, набѣленной и нарумяненной, торговавшей собою... такое вдругъ почувствовали къ ней омерзѣніе и такую свою необыкновенно высокую чистоту, что плюнули ей—всѣ трое—въ лицо. И были за это всѣ трое привлечены въ участокъ, къ мировому. Я ихъ тамъ видѣлъ и слышалъ—еще розовые и почти безъ усовъ. И вотъ тамъ они въ камерѣ мирового судьи, не желая платить штрафъ за безчинство, краснорѣчиво, по всѣмъ правиламъ высшихъ наукъ, защищали свое „законное право“ поступить именно такъ, какъ они поступили, въ порывѣ благороднаго негодованія „на эту истасканную продажную тварь“...

Онъ замолчалъ, какъ будто припоминая, что было дальше, потомъ слегка наклонился ко мнѣ и сказалъ, выразительно растягивая слова, чтобы дать мнѣ почувствовать всю ихъ силу:

— Каковы же должны быть у этихъ людей понятія о „возвышенныхъ идеалахъ“, если могли они совершить такую пошлость и низость!.. И потомъ еще защищать свое законное право на основаніи высшихъ наукъ!.. Ну, а если бы ошиблись они! Если бъ не эту женщину они встрѣтили, а если бъ это вы имъ попались навстрѣчу, и ваше утомленное работой и безсонной ночью лицо показалось бы имъ развратно-изношеннымъ,— и они вамъ плюнули бы въ лицо!..

Я невольно вздрогнула при этихъ словахъ и на минуту закрыла лицо рукою.

— Вы только представьте это себѣ! — возбужденно продолжалъ онъ, какъ бы электризуясь моимъ волненіемъ.—Вы, гордая, чистая дѣвушка, труженица, усталая и измученная, послѣ цѣлыхъ сутокъ труда,—вы идете одна,—и вдругъ вамъ плюнутъ въ лицо, потому что оно показалось недостаточно чисто и свѣжо!..

— А знаете,—закончилъ онъ вдругъ съ своей судорожно-измученной и какъ будто жестокой улыбкой:—знаете, я бы даже хотѣлъ, чтобы это съ вами случилось. Какую бы я вамъ тогда въ защиту рѣчь написалъ!.. Какъ бы я ихъ испотрошилъ тогда, этихъ возвышенно-благородныхъ идеалистовъ, плюющихъ на женщину, декламируя Шиллера послѣ ужина у Дюссо!..

... Лично для меня посѣщенія Ѳедора Михайловича были единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ этомъ „темномъ царствѣ“. Съ радостнымъ трепетомъ, бывало, заслышишь его шаги въ наборной... Потомъ нетерпѣливо ждешь его появленія... И когда увидишь въ дверяхъ слегка сутулую фигуру въ пальто и калошахъ, и блѣдное, измученное, всегда полное мысли, писательское лицо, съ тревогой, бывало, слѣдишь за нимъ, пока онъ раздѣвается тутъ же, въ углу, и по тому, какъ онъ снимаетъ пальто и калоши, какъ онъ кашляетъ и вздыхаетъ, какъ взглянетъ впервые,—стараешься угадать, какой онъ пришелъ: добрый или сердитый? Если сердитый и раздражительный, — знаешь, что лучше молчать и „не трогать его“, т.-е. дѣлать видъ, что не замѣчаешь его присутствія. А если добрый — можно улыбнуться и пошутить. Тогда онъ самъ начнетъ разговаривать и подшучивать надъ тѣмъ, какъ я сижу, какъ читаю...

— Точно сзади васъ гувернеръ строгій-престрогій съ розгой стоитъ.

Тогда, какъ искры, полетятъ отъ него разнообразныя интонаціи, слова, замѣчанія, то сравненія, то стихи, то воспоминанія...

И часа два или три промелькнутъ, какъ минуты. Забудешь и духоту и усталость... И вдругъ придетъ въ голову: „А вѣдь никто и не знаетъ, съ кѣмъ я тутъ сижу, разговариваю... съ Достоевскимъ!..“

Однажды, помню, онъ говорилъ мнѣ за работой:

— Они тамъ пишутъ о нашемъ народѣ: „дикъ и невѣжественъ... не чета европейскому“... Да нашъ народъ — святой въ сравненіи съ тамошнимъ! Нашъ народъ еще никогда не доходилъ до такого цинизма, какъ въ Италіи, напримѣръ. Въ Римѣ, Неаполѣ, мнѣ самому на улицахъ дѣлали гнуснѣйшія предложенія юноши, почти дѣти. Отвратительные, противоестественные пороки — и открыто для всѣхъ, и это никого не возмущаетъ. А попробовали бы сдѣлать то же у насъ! Весь народъ осудилъ бы, потому что для нашего народа тутъ смертный грѣхъ, а тамъ это—въ нравахъ, простая привычка,—и больше ничего. И эту-то „цивилизацію“ хотятъ теперь прививать народу! Да никогда я съ этимъ не соглашусь! До конца моихъ дней воевать буду съ ними,— не уступлю.

— Но вѣдь не эту же именно цивилизацію хотятъ перенести къ намъ, Ѳ.М.!—не вытерпѣла, помню, вставила я.

— Да, непремѣнно всю ту же самую!—съ ожесточеніемъ похватилъ онъ.—Потому что другой никакой нѣтъ. Такъ было всегда они вездѣ. И такъ будетъ и у насъ, если начнутъ искусственно

пересаживать къ намъ Европу. И Римъ погибъ оттого, что началъ пересаживать къ себѣ Грецію... Начинается эта пересадка всегда съ рабскаго подражанія, съ роскоши, съ моды, съ разныхъ тамъ наукъ и искусствъ, а кончается содомскимъ грѣхомъ и всеобщимъ растлѣніемъ...

— Такъ какъ же тогда жить народамъ? Что же, строить китайскую стѣну?

Ѳ. М. сумрачно взглянулъ на меня исподлобья и отрывисто произнесъ:

— Ничего вы еще не понимаете!—И въ этотъ день не хотѣлъ больше со мной говорить. Но прошелъ еще день, опять мы съ нимъ остались одни, и опять онъ мнѣ повѣрялъ свои мысли. Онъ, видимо, страдалъ своимъ духовнымъ одиночествомъ, тѣмъ, что его не понимали и перетолковывали, и отводилъ себѣ душу, не сомнѣваясь въ моихъ сочувствіяхъ всему, что бы онъ ни сказалъ.

А между тѣмъ мнѣ все труднѣй и труднѣй становилось сочувствовать и порой даже понимать его мысли. И иногда мнѣ стоило труда сдержать невольную усмѣшку въ отвѣтъ на его „прорицанія“...

Со стыдомъ вспоминаю, какъ дико показалось мнѣ, когда онъ однажды, читая корректуру своей статьи о Пруссіи, о Бисмаркѣ и папѣ, заговорилъ вдругъ тономъ... тѣмъ самымъ тономъ, надъ которымъ такъ зло, но и такъ остроумно смѣялись знакомые мнѣ „либералы“...

— Они и не подозрѣваютъ, что скоро конецъ всему... всѣмъ ихнимъ „прогрессамъ“ и болтовнѣ! Имъ и не чудится, что вѣдь антихристъ-то ужъ родился... и идетъ!—Онъ произнесъ это съ такимъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ лицѣ, какъ будто возвѣщалъ мнѣ страшную и великую тайну, и затѣмъ, окинувъ меня быстрымъ взглядомъ, строго спросилъ:

— Вы мнѣ вѣрите или нѣтъ? Я васъ спрашиваю,—отвѣчайте! Вѣрите или нѣтъ?

— Я вамъ вѣрю, Ѳ. М., но я думаю, что вы увлекаетесь и потому невольно преувеличиваете...

Онъ стукнулъ рукой по столу, такъ что я вздрогнула, и, возвысивъ голосъ, прокричалъ, какъ мулла на своемъ минаретѣ:

— Идетъ къ намъ антихристъ! Идетъ! И конецъ міру близко,—ближе, чѣмъ думаютъ!

Это показалось мнѣ тогда почти „бредомъ“, галлюцинаціей эпилептика... „Манія одной идеи...“—слышалось мнѣ, какъ отголосокъ кѣмъ-то сказанныхъ словъ... Ну, какъ повѣрить въ конецъ міра и приближеніе антихриста, когда только начинаешь мыслить и жить, когда видишь передъ собой неисчерпаемый рудникъ разнаго рода познаній, когда будущее —Богъ его знаетъ почему!—представляется какой-то лучезарной дорогой прямо на солнце!..

И я сидѣла противъ него съ моей нелѣпо-иронической усмѣшкой... А можетъ-быть—кто знаетъ!—можетъ-быть, именно въ эту ночь ему видѣлся дивный „Сонъ смѣшного человѣка“ или поэма „Великаго инквизитора!..“

Послѣ этого разговора Ѳ. М. какъ-то вдругъ замолчалъ и съ каждымъ разомъ становился мрачнѣе и раздражительнѣе. И мы просиживали теперь рядомъ или другъ противъ друга цѣлые вечера, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. „Здравствуйте!“—„Прощайте!“—говорилъ онъ, подавая мнѣ опять безжизненно-вялую, сухую и холодную руку.

Раза два я пробовала заговорить съ нимъ сама; но онъ или дѣлалъ видъ, что не слышитъ, или отвѣчалъ ледянымъ голосомъ: „да“... „нѣтъ“... И порой мнѣ начинало казаться, что умышленно подчеркиваетъ эту перемѣну въ нашихъ отношеніяхъ, чтобы дать мнѣ живѣе почувствовать безпредѣльную разницу между мною и имъ. „Знаменитость свою мнѣ доказываетъ!“ съ ироніей думала я тогда о немъ. Но потомъ взглянешь, бывало, на его худыя, блѣдныя, точно святыя какія-то руки, съ этимъ желобкомъ вокругъ кисти, всегда напоминавшимъ мнѣ цѣпи и каторгу,—и снова поймешь, что онъ не можетъ сдѣлаться похожимъ на всѣхъ „знаменитыхъ“, которыхъ я видывала до сихъ поръ въ моей жизни... „Просто занятъ онъ чѣмъ-нибудь... Думаетъ, пишетъ. Или боленъ, и не можетъ писать, и страдаетъ отъ этого“, думала я о немъ и тоже молчала.

Не знаю, что переживалъ въ это время Ѳ. М., но именно въ это мрачно-молчаливое время онъ только разъ обратился ко мнѣ, поднялъ на минуту глаза отъ корректуры „Иностранныхъ событій“ и проговорилъ холоднымъ, отрывистымъ голосомъ:

— А какъ это хорошо у Лермонтова:

..Уста молчатъ, засохъ мой взоръ.
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ
Съ толпой неусыпимыхъ думъ“...[1])

— Это изъ Байрона,—къ женѣ его относится,—но это не переводъ, какъ у тѣхъ,—у Гербеля и прочихъ,—это Байронъ живьемъ, какъ онъ есть. Гордый, ни для кого непроницаемый геній... Даже у Лермонтова глубже, по-моему, это вышло:

„Непроходимыхъ мукъ соборъ!“

Этого нѣтъ у Байрона. А сколько тутъ силы, величія! Цѣлая трагедія въ одной строчкѣ. Молчкомъ про себя... Одно это слово „соборъ“ чего стоитъ! Чисто русское слово, картинное. Удиви-

[1]) Изъ варіантовъ къ стих. „Прости! коль могутъ къ небесамъ“...

тельные это стихи! Куда выше Байрона! Я про этотъ стихъ одинъ говорю...

И опять замолчалъ надолго.

[Въ концѣ года] Ѳ. М. объявилъ мнѣ, что онъ, „слава Богу, скоро ужъ не будетъ больше редакторомъ „Гражданина“.

— И я такъ этому радъ, что вы и представить себѣ не можете. Точно камень съ души у меня свалился. Свободы хочу. Свое писать началъ. Теперь я жду сюда Александра Устиновича (Порѣцкаго). Намъ нужно сегодня съ нимъ къ Майкову. Такъ ужъ я надѣюсь на васъ!—прежнимъ дружескимъ тономъ заключилъ онъ.

Порѣцкому Ѳ. М. съ первыхъ же словъ радостно возвѣстилъ ту же новость. При этомъ онъ какъ-то внезапно преобразился. Исчезла вся его строгость и замкнутость. Онъ шутилъ, разсказывалъ анекдоты, литературныя воспоминанія давнихъ лѣтъ... И тутъ я впервые подробно услышала, какъ ихъ, „петрашевцевъ“, привозили на Семеновскій плацъ, ставили къ столбу и читали надъ ними приговоръ къ смертной казни. И какъ потомъ, сидя въ крѣпости, онъ получилъ отъ брата Библію, и началось въ немъ „духовное перерожденіе“. И онъ вполголоса, съ мистическимъ восторгомъ на лицѣ, тутъ же прочелъ тогда свои „любимѣйшіе“ стихи Огарева:

„Я въ старой Библіи гадалъ,
И только жаждалъ и вздыхалъ,
Чтобъ вышла мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка“...

За Огаревымъ послѣдовали другіе. Ѳ. М. всталъ, вышелъ на середину и съ сверкающими глазами, съ вдохновенными жестами, точно жрецъ предъ невидимымъ жертвенникомъ, читалъ намъ „Пророка“ сначала Пушкина, потомъ Лермонтова.

— Пушкина я выше всѣхъ ставлю, у Пушкина это почти *надземное*,—говорилъ онъ,—но въ Лермонтовскомъ „Пророкѣ“ есть то, чего нѣтъ у Пушкина. Желчи много у Лермонтова,—его пророкъ—съ бичомъ и ядомъ. Тамъ есть *они!*

И онъ прочелъ съ желчью и съ ядомъ:

„Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья,—
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья“...

И когда дошелъ до стиха:

„Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!“—

Θ. М. покосился на меня, какъ бы желая поймать—опять!—„дурную“, скептическую улыбку.

Корректурные оттиски, сырые и пропитанные скипидаромъ, лежали передъ нами на столѣ, но мы ихъ не читали... Вихрь поэзіи, такъ неожиданно налетѣвшій на Достоевскаго, захватилъ и насъ вмѣстѣ съ нимъ:

... „Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей“...

мрачнымъ, какъ бы умирающимъ голосомъ читалъ онъ, и подъ конецъ опять сказалъ то же Лермонтовское,—изъ Байрона:

... „Непроходимыхъ мукъ соборъ“...

На этотъ разъ сказалъ всю піесу съ начала до конца, и съ такой выразительностью, точно это было не изъ Байрона или Лермонтова, а изъ самого Достоевскаго, его собственное признаніе..., которое лицу постороннему, пожалуй, неловко было и слушать.

До сихъ поръ стоитъ у меня въ ушахъ, какъ онъ два раза повторилъ:

„Лишь знаю я—и могъ снести!—
... И могъ снести!“

какъ голосъ его вдругъ оборвался и жалобно дрогнулъ, какъ будто заглушенный рыданіемъ, когда онъ шепталъ:

„Прости! прости!“...

— Однако, въ какомъ вы сегодня поэтическомъ настроеніи, Θ. М.!—замѣтилъ Порѣцкій.

Замѣчаніе это подѣйствовало на Θ. М., какъ ушатъ холодной воды. Онъ сразу нахмурился и умолкъ, потомъ взглянулъ на часы и заторопился къ Майкову.

— Помните, я вамъ какъ-то давно обѣщалъ литературные вечера?—сказалъ онъ, прощаясь со мною.—Ну, такъ сегодня пусть это будетъ первый—въ задатокъ будущихъ!

Какъ-то вскорѣ потомъ, встрѣтившись у знакомыхъ съ однимъ изъ „тонкихъ цѣнителей всѣхъ изящныхъ искусствъ“, покойнымъ М. А. Кавосомъ, я стала разсказывать ему, какъ „чудно“ читаетъ Пушкинскіе стихи Достоевскій, но Кавосъ сдѣлалъ гримасу, невольно напомнившую мнѣ Траншеля.

— Грѣшный человѣкъ,—сказалъ онъ,—не вѣрю я, что онъ можетъ хорошо прочесть Пушкина. Вотъ свои „Записки изъ подполья“ онъ, пожалуй, прочтетъ хорошо. Не любитель я его лазаретной музы, а это и я бы послушалъ.

Я не читала этихъ „Записокъ“—и призналась въ своемъ невѣжествѣ.

— У-у! Самый ужасающій мракъ и зловоніе больничной палаты. Но сильно! Самая сильная вещь, по-моему. Совѣтую прочитать! — изрекъ мнѣ тогда этотъ меценатъ и любитель „прекраснаго“.

И я впервые прочла тогда этотъ адъ и пытки самобичеванія, самоказни,—и впечатлѣніе было особенно тяжело для меня потому, что сначала я никакъ не могла разъединить въ моемъ сознаніи личность автора отъ героя „Записокъ“,—и благоговѣніе къ „пророку Достоевскому“ невольно смѣнялось то восторгомъ къ художнику-психологу, то отвращеніемъ къ чудовищу въ образѣ человѣка, то ужасомъ отъ сознанія, что это чудовище дремлетъ въ каждомъ изъ насъ,—и во мнѣ, и въ самомъ Достоевскомъ...

Помню, что не спала цѣлую ночь, и, встрѣтившись въ то же утро съ Ѳ. М. въ типографіи, я не выдержала, — заговорила впервые сама о его сочиненіяхъ:

— Всю ночь сегодня, — сказала я, — читала ваши „Записки изъ подполья“... И не могу освободиться отъ впечатлѣнія... Какой это ужасъ — душа человѣка! Но и какая страшная правда!..

Ѳедоръ Михайловичъ улыбнулся ясной, открытой улыбкой.

— Краевскій говорилъ мнѣ тогда, что это мой настоящій chef d'oeuvre, и чтобы я всегда писалъ въ этомъ родѣ. Но я съ нимъ не согласенъ. Слишкомъ ужъ мрачно. Es ist schon ein ueberwundener Standpunkt [1]). Я могу написать теперь болѣе свѣтлое, примиряющее. Я пишу теперь одну вещь...

Это было 9 марта 1879 года, на литературномъ вечерѣ въ пользу „Общества нуждающихся литераторовъ и ученыхъ“. На программѣ стояли имена Салтыкова, Полонскаго, Потѣхина, Достоевскаго и Тургенева. Я пошла на этотъ вечеръ, чтобы видѣть и слышать одного Тургенева, а ушла съ него подъ впечатлѣніемъ одного Достоевскаго.

Салтыковъ началъ вечеръ своей „Современной идилліей“. Желчнымъ, вяло-брезгливымъ и монотоннымъ голосомъ прочелъ онъ о томъ, какъ пришелъ Глумовъ и сказалъ, что „надо погодить“,—и они начали пить водку, играть въ карты, набивать папиросы и терять свою „образованность“ въ обществѣ новаго друга ихъ—околоточнаго, пока не обрастутъ когтями и шерстью.

---

[1]) Это уже преодолѣнная точка зрѣнія.

Всѣ переглядывались тогда съ сумрачной, но удовлетворенной улыбкой. Всѣ понимали, что значитъ это Глумовское „надо погодить“. Это значило: надо закупориться въ мурьѣ и не высовывать носа за дверь, такъ какъ тутъ же, сейчасъ, его могутъ у васъ оторвать, а, быть-можетъ, и вовсе лишить живота. Закупориться и ждать перемѣны обстоятельствъ, благопріятной атмосферы для безопаснаго пребыванія мирныхъ обывателей внѣ мурьи на свободѣ, т.-е. на любой петербургской улицѣ, не только на немощеной, но даже и на покрытой торцомъ и асфальтомъ. А доколѣ обстоятельства не перемѣнятся, обывателямъ оставалось только играть въ карты, пить водку и терять „образованность“... Ибо нельзя оставаться людьми и жить человѣческой жизнью при современномъ порядкѣ вещей...

Потомъ еще что-то читали; потомъ былъ антрактъ. А послѣ антракта первымъ вышелъ на эстраду Ѳ. М. Достоевскій.

Глубокое волненіе охватило меня, когда я увидѣла снова эту фигуру и это лицо, когда услыхала этотъ давно неслышанный голосъ. Разомъ вспомнилось все: наша работа за однимъ столомъ, ночныя бесѣды „на чердакѣ“, филиппики противъ „либераловъ“ и таинственныя возвѣщенія объ антихристѣ...

Онъ читалъ главу изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ [1])—„Разсказъ по секрету“, но для многихъ, въ томъ числѣ и меня, это было чѣмъ-то въ родѣ откровенія всѣхъ судебъ... Это была мистерія подъ заглавіемъ: *Страшный Судъ* или *Жизнь и смерть*... Это было анатомическое вскрытіе больного гангреною тѣла,—вскрытіе язвъ и недуговъ нашей притупленной совѣсти, нашей нездоровой, гнилой, все еще крѣпостнической жизни... Пластъ за пластомъ, язва за язвой... гной, смрадъ... томительный жаръ агоніи... предсмертныя судороги... и освѣжающія, цѣлительныя улыбки... и кроткія, боль утоляющія слова—сильнаго, здороваго существа, у одра умирающаго. Это былъ разговоръ старой и новой Россіи, разговоръ братьевъ Карамазовыхъ—Дмитрія и Алеши.

Мнѣ слышались подъ звуки этого чтенія двѣ фразы, все объяснявшія мнѣ и въ Достоевскомъ и въ насъ самихъ. Мнѣ представлялось, какъ будто слушатели, бывшіе въ залѣ, сначала не понимали, что онъ читалъ имъ, и перешептывались между собою:

— Маніакъ!.. Юродивый!.. Странный...

А голосъ Достоевскаго съ напряженнымъ и страстнымъ волненіемъ покрывалъ этотъ шопотъ...

---

[1]) Весь послѣдующій разсказъ г-жи Т—вой очень сбивчивъ, что касается содержанія чтенія. Повидимому, читалась, судя по разсказу, „Исповѣдь горячаго сердца“ (бесѣда Димитрія Карамазова съ Алешей) и разговоръ съ нимъ же Ивана Карамазова. Но впечатлѣніе, видимо, передано точно.—*Ч. В—ій.*

— Пусть странно! Пусть хоть въ юродствѣ! Но пусть не умираетъ великая мысль!

И этотъ проникновенный, страстный голосъ до глубины потрясалъ намъ сердца... Не я одна,—весь залъ былъ взволнованъ. Я помню, какъ нервно вздрагивалъ и вздыхалъ сидѣвшій подлѣ меня незнакомый мнѣ молодой человѣкъ, какъ онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, судорожно встряхивая головой и сжимая пальцы, какъ бы съ трудомъ удерживая ихъ отъ невольныхъ рукоплесканій. И какъ, наконецъ, загремѣли эти рукоплесканія...

Всѣ хлопали, всѣ были взволнованы. Эти внезапныя рукоплесканія, не во-время прервавшія чтеніе, какъ будто разбудили Достоевскаго. Онъ вздрогнулъ и съ минуту неподвижно оставался на мѣстѣ, не отрывая глазъ отъ рукописи. Но рукоплесканія становились все громче, все продолжительнѣе. Тогда онъ поднялся, какъ бы съ трудомъ освобождаясь отъ сладкаго сна, и, сдѣлавъ общій поклонъ, опять сѣлъ читать. И опять послышался таинственный разговоръ на странную, совсѣмъ не „современную“, даже „ненормальную“ тему

„Вѣрь тому, что сердце скажетъ:
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!“

говорилъ одинъ съ ядовитой и страстной ироніей. А другой отвѣчалъ ему съ такой же страстной, изступленной лаской: „Я не мстить хочу! Я простить хочу!..“

Мы слушали это съ возраставшимъ волненіемъ и съ трепетомъ сердца тоже хотѣли „простить“! И вдругъ все въ насъ чудодѣйственно измѣнилось: мы вдругъ почувствовали, что не только не надо намъ „погодить“, но именно нельзя медлить ни на минуту... Нельзя потому, что каждый мигъ нашей жизни приближаетъ насъ къ вѣчному сумраку или къ вѣчному свѣту,—къ евангельскимъ идеаламъ или къ звѣрямъ. А неподвижной середины не существуетъ. Нѣтъ точки незыблемой въ мірѣ вѣчно текущихъ, смѣняющихся явленій, гдѣ каждое мгновеніе есть производное предыдущаго,—нѣтъ остановокъ для мыслящаго ума, какъ нѣтъ покоя для живущаго сердца. Или—„чортова ахинея“ и укусы тарантула, или „возьми свой крестъ и иди за Мной!“ Или „блаженны алчущіе и жаждущіе правды“ — и тогда „не убей“, „не укради“, „не пожелай!..“ Или—ходи по трупамъ задавленныхъ и рви кусокъ изъ чужого рта, ѣзди верхомъ на другихъ и плюй на всяческіе завѣты! А середины не существуетъ и живое не ждетъ.

... Онъ кончилъ, этотъ „ненормальный“, „жестокій талантъ“, измучивъ насъ своей мукой,—и громъ рукоплесканій опять полетѣлъ ему вслѣдъ, какъ бы въ благодарность за то, что онъ

вывелъ всѣхъ насъ изъ „нормы“, что идеалы его стали вдругъ нашими идеалами, и мы думали его думами, вѣрили его вѣрой и желали его желаніями...

И если это настроеніе было только минутнымъ для однихъ его слушателей,—для другихъ оно явилось переворотомъ на цѣлую жизнь и послужило могущественнымъ толчкомъ къ живительной работѣ самосознанія, неизсякаемымъ источникомъ вѣры въ божественное происхожденіе человѣка и въ великія судьбы его всемірной исторіи. И эти слушатели имѣли право назвать Достоевскаго своимъ великимъ учителемъ, какъ это было написано на одномъ изъ его надгробныхъ вѣнковъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Измѣнились не только понятія, но и слова. Никто не называетъ теперь Достоевскаго ни „юродивымъ“, ни „свихнувшимся“... Но Достоевскаго обвиняютъ теперь въ притворной религіозности, въ лицемѣрномъ идеализмѣ, въ томъ, что онъ училъ—чему самъ не вѣрилъ; что трагедіей его жизни была неизбѣжная необходимость „являться къ людямъ въ мундирѣ... христіанской морали“; что онъ, какъ Ницше, наединѣ съ собою жестоко смѣялся надъ обманутыми простаками [1]...

Такъ обвиняютъ теперь его... И читая и слушая подобныя обвиненія, я всегда вспоминаю одинъ разсказъ, который мнѣ довелось случайно услышать отъ почтенной старушки, вдовы священника, часто встрѣчавшей Ѳ. М. Достоевскаго въ Знаменской церкви.

Вотъ ея подлинныя слова:

— Онъ всегда къ заутренѣ или къ ранней обѣднѣ въ эту церковь ходилъ. Раньше всѣхъ, бывало, придетъ и всѣхъ позже уйдетъ. И станетъ всегда въ уголокъ, у самыхъ дверей, за правой колонкой, чтобы не на виду. И всегда на колѣнкахъ и со слезами молился. Всю службу, бывало, на колѣнкахъ простоитъ; ни разу не встанетъ. Мы всѣ такъ и знали, что это — Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, — только дѣлали видъ, что не знаемъ и не замѣчаемъ его. Не любилъ, когда его замѣчали. Сейчасъ отворотится и уйдетъ.

Вотъ здѣсь, мнѣ думается, и была его истинная трагедія. Величайшая, какая можетъ быть на землѣ,—трагедія неугомонной и неподкупной религіозной совѣсти, въ которой палачъ и мученикъ таинственно сливаются иногда воедино. Но тайны этой

---

[1]) Намекъ на статьи о Достоевскомъ Л. Шестова.

трагедіи навѣки унесъ съ собою искренній, страстный поборникъ евангельской правды, дивный художникъ ея—Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. И у людей, признающихъ святую свободу совѣсти, нѣтъ даже права разгадывать эти тайны.

По поводу легенды о великомъ инквизиторѣ.

Изъ сообщенія В. Пуцыковича [1]).

...Самъ покойный Ѳ. М. Достоевскій не только сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя разъясненія насчетъ этой легенды, но и прямо поручилъ мнѣ кое-что о ней написать. Проѣздомъ въ 1879 г. лѣтомъ въ Эмсъ и обратно въ Петербургъ нашъ знаменитый теперь повсюду писатель провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ. Вотъ что онъ мнѣ, между прочимъ, прямо тогда продиктовалъ съ просьбою написать объ этомъ: „Ѳедоръ Михайловичъ съ этою легендою—о великомъ инквизиторѣ—достигъ кульминаціоннаго пункта въ своей литературной дѣятельности или—какъ это прибавилъ онъ—въ своемъ творчествѣ“... На вопросъ же мой, что значитъ то, что онъ помѣстилъ именно такую религіозную легенду въ романъ изъ русской жизни („Братья Карамазовы“) и почему именно онъ считаетъ не самый романъ, имѣвшій такой успѣхъ даже до окончанія его, важнымъ, а эту легенду, онъ объяснилъ мнѣ вотъ что. Онъ тему этой легенды, такъ сказать, выносилъ въ своей душѣ почти въ теченіе всей жизни и желалъ бы именно теперь пустить въ ходъ, такъ какъ не знаетъ, удастся ли ему еще что-либо крупное напечатать. Относительно же самаго содержанія легенды онъ прямо объяснилъ, что она—противъ католичества и папства, и именно самаго ужаснаго періода католичества, т.-е. инквизиціоннаго его періода, имѣвшаго столь ужасное дѣйствіе на христіанство и все человѣчество. Онъ прямо говорилъ, что въ инквизиціонномъ католичествѣ дѣйствовали не Христосъ и даже не папы, а „просто злой духъ, бѣсъ, чортъ“... Противъ католичества же вообще и особенно періода первыхъ чистыхъ вѣковъ христіанства онъ, конечно, не имѣлъ ничего; даже разъ мнѣ сказалъ, что если новѣйшая Италія чѣмъ-либо прославилась, такъ это своимъ папствомъ и могучею объ-

---

[1]) Сообщеніе г. Пуцыковича напечатано въ № 9292 „Нов. Вр.“, 1902 г., въ разъясненіи полемики въ той же газетѣ (въ концѣ ноября 1901 г.) о происхожденіи легенды. Г. Инфоліо указалъ на аналогичные мотивы у Гете и Вольтера, В. В. Розановъ же оспаривалъ всякое заимствованіе, находя, что герой легенды только по виду испанскій инквизиторъ, а въ сущности „русскій интеллигентъ-фантазеръ“. См. „Литературный Вѣстникъ“, 1902 г., кн. 2.

единяющею силою на весь міръ первоначальнаго вселенскаго католичества.

Послѣ всего этого мнѣ кажется, что г. Розановъ совершенно правъ, увѣряя въ опроверженіе мыслей г. Инфоліо о томъ, что Д—ій будто бы заимствовалъ фабулу легенды у Гете и Вольтера, что невозможно „трудъ жизни, страданія мысли многолѣтнія, тяжелыя, сердечныя приравнивать къ литературному заимствованію“...

А. Н. Майковъ о Достоевскомъ [1]).

... Мы бесѣдовали съ нимъ по многимъ часамъ въ теченіе многихъ лѣтъ, вырабатывали сообща многія идеи, спорили, судили другъ друга, помогали такимъ образомъ одинъ другому уразумѣвать вещи. Текущія дѣла, отдѣльные случаи частной и общей жизни, великія событія, которыя мы пережили во внутренней жизни нашего отечества и на міровомъ поприщѣ,— все это приводилось къ своему всемірно-историческому значенію: все мелкое, случайное, преходящее приводилось въ логическую связь съ общимъ началомъ. Узнать прошедшее, чтобы понять настоящее и угадать будущее,—вотъ что было характеромъ бесѣдъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ; дойти до пониманія—вотъ къ чему онъ стремился, вотъ чего онъ желалъ всѣмъ. О, если бы люди только „поняли,—на землѣ былъ бы рай“, говаривалъ онъ. Мы ужъ знали, что значило это „если бы люди поняли“, т.-е. что именно поняли?—Да полагаю, что догадываетесь и вы, милостивые государи. Это онъ говорилъ о людяхъ вообще, о родѣ человѣческомъ. Но сердце его въ особенности горѣло по Россіи.

Разъ я прочелъ ему одно мое стихотвореніе, обращенное когда-то мною къ Ѳ. И. Тютчеву; вотъ это стихотвореніе:

„Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы,
Стоятъ передъ тобой, своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...
Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,
И тайные грядущаго обѣты...
Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ,
Твердитъ: „Поймите лишь—и будетъ вамъ прозрѣнье!
Поймите лишь, какихъ носители вы силъ,
И путь освѣтится, и упадутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ само, что жребій вамъ судилъ“...

---

1) Изъ рѣчи, произнесенной 14 февр. 1881 г. на собраніи Слав. Благ. Об-ва („Біографія, письма и записки“).

Ѳедоръ Михайловичъ воскликнулъ: „Да, да, поймите лишь! Именно, именно только бы поняли! Да нѣтъ, не поймутъ! Знаете, если у насъ что и дѣлаютъ иногда какъ слѣдуетъ, такъ это по инстинкту, а не сознательно. Николай Чудотворецъ дѣлаетъ... А что жъ вы думаете,—продолжалъ онъ,—многіе насъ понимаютъ? Все, молъ, это квасъ! Шовинизмъ! Мистицизмъ! Искусство для искусства!..“

Послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми удостоивали его на публичныхъ чтеніяхъ, опять онъ говаривалъ: „да, да, все это хорошо, да все-таки главнаго не понимаютъ!“

Теперь, послѣ торжественныхъ похоронъ, послѣ громкихъ рѣчей, послѣ множества хвалебныхъ статей въ газетахъ и журналахъ—невольно въ памяти моей выступаетъ опять этотъ же вопросъ, который задавалъ довольно часто Ѳедоръ Михайловичъ: а многіе ли понимаютъ его, и понимаютъ ли то, что онъ называлъ главнымъ?

Отвѣчать на себя не беру, но кончу мою бесѣду анекдотомъ, какъ любилъ, бывало, кончать серьезную рѣчь покойникъ.

Одинъ почтенный совѣтникъ, который былъ знакомъ съ Достоевскимъ до исторіи Петрашевскаго и не видался съ нимъ и по возвращеніи Ѳедора Михайловича изъ Сибири до прошлаго года, встрѣтился съ нимъ въ одномъ блестящемъ обществѣ.

Старые пріятели, отрекомендованные другъ другу, вспомнили старое знакомство, завязался весьма дружескій разговоръ,—пріятель сказалъ:

— Какое, однако, несправедливое дѣло была эта ваша ссылка.

— Нѣтъ, — коротко, какъ всегда, обрѣзываетъ Достоевскій, — нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почемъ вы знаете, — можетъ быть тамъ, наверху, т.-е. Самому Высшему, нужно было меня привести на каторгу, чтобъ я тамъ что-нибудь узналъ, т.-е. узналъ самое главное, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, и чтобы это самое главное я вынесъ оттуда, потому что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобъ я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку—хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу.

Какое же впечатлѣніе произвелъ на совѣтника этотъ взглядъ Ѳедора Михайловича на роковое событіе его жизни,—взглядъ, не разъ такъ или иначе выраженный имъ въ его „Дневникѣ писателя“? Совѣтникъ, отойдя отъ Достоевскаго, съ искреннѣйшимъ сожалѣніемъ, качая головою, говорилъ его окружающимъ:

— Экая жалость, экая жалость!

Что такое?

— Да вотъ, Достоевскій — совсѣмъ сумасшедшій. Богъ знаетъ какой мистицизмъ несетъ.

Къ чему же этотъ анекдотъ?

Да просто къ тому, чтобы выразить надежду, что такихъ совѣтниковъ немного!

Въ „Руси“ (1881 г., № 18, 14 марта), гдѣ была перепечатана эта рѣчь, И. С. Аксаковъ прибавилъ къ ней слѣдующее примѣчаніе:

„Этотъ разсказъ А. Н. Майкова напоминаетъ и намъ слѣдующій случай. Какъ-то разъ, проѣзжая черезъ Москву, Достоевскій зашелъ къ намъ и съ увлеченіемъ разговорился о покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ, о томъ, какъ на фонѣ прошлаго величаво рисуется этотъ историческій образъ монарха, вѣрившаго въ свой санъ и свое право, и какъ сочувственъ ему этотъ образъ. Во время разговора вошелъ извѣстный англійскій путешественникъ Уоллесъ Мекензи, прожившій передъ тѣмъ уже года три въ Россіи, отлично выучившійся по-русски и знакомый съ русской литературою. Когда онъ узналъ, что передъ нимъ Достоевскій, онъ загорѣлся любопытствомъ и съ жадностію сталъ слушать прерванную было и снова возобновившуюся рѣчь Ѳедора Михайловича о Николаѣ Павловичѣ. Достоевскій продолжалъ говорить, не обращая вниманія на англичанина и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ. ...„Вы говорите, что это Достоевскій?“ спросилъ насъ англичанинъ. „Да“.—„Авторъ „Мертваго Дома“?“—„Именно онъ“.—„Не можетъ быть. Вѣдь онъ былъ сосланъ на каторгу?“—„Былъ. Ну, что же?“—„Да какъ же онъ можетъ хвалить человѣка, сославшаго его на каторгу?“—„Вамъ, иностранцамъ, это трудно понять,—отвѣчали мы,—а намъ это понятно, какъ черта вполнѣ національная“...

К. П. Побѣдоносцевъ къ И. С. Аксакову [1]).

30 января 1881 г.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Сергѣевичъ!

Сегодня былъ у меня съ письмомъ твоимъ о. Пономаревъ. Къ сожалѣнію, я могъ видѣть его лишь на нѣсколько минутъ—и

---

[1]) „Новое Время“, 1909 г., № 12118. (Иллюстр. прилож.) — К. Побѣдоносцевъ—знаменитый оберъ-прокуроръ Св. Синода, имѣвшій огромное вліяніе на консервативное направленіе внутренней политики Россіи въ теченіе 1881—1904 г. Рѣчь Майкова и обмѣнъ писемъ между Побѣдоносцевымъ и эпигономъ славянофильства Иваномъ Аксаковымъ какъ нельзя лучше рисуютъ ихъ точку зрѣнія на Достоевскаго, какъ на союзника въ защитѣ дореформеннаго и дореволюціоннаго status quo.

жалко, что прежде онъ не зашелъ,—а имъ сообщалось изъ Слав. Ком. отъ покойнаго (увы!) Ѳ. М. Достоевскаго любопытное письмо его изъ Болгаріи.

Тяжко, пишешь ты, еще не знавъ о кончинѣ Ѳ. М. Достоевскаго. А вотъ у его гроба и вдвое тяжко. Я близко зналъ этого человѣка. Для него исключительно у меня былъ назначенъ вечеръ субботній, и онъ нерѣдко приходилъ проводить его вдвоемъ со мною. И своего „Зосиму“ онъ задумывалъ по моимъ указаніямъ: много было между нами задушевныхъ рѣчей. Насъ сблизило время его редакторства въ „Гражданинѣ“. Тогда, изъ участія къ его отчаянному положенію, я цѣлое лѣто работалъ съ нимъ вмѣстѣ, и мы весьма сошлись. Въ нынѣшнюю пору какъ разъ онъ пришелся ко времени. И теперь незамѣнимъ, ибо *стоялъ самъ по себѣ.*

И Дмитрія Об. жалко—давно уже было жалко. Уже болѣе года, какъ онъ кончился. Онъ пилъ жизнь полною чашей, и вдругъ, въ одинъ мигъ, губы вздрогнули, чаша оторвалась, упала — и разбилась. Бѣдный долго не могъ сознавать этого.

А я поистинѣ въ огнѣ горю и въ котлѣ киплю. Обнимаю тебя отъ души и цѣлую ручку у Анны Ѳедоровны.

Твой *К. Побѣдоносцевъ.*

И. С. Аксаковъ къ К. П. Побѣдоносцеву.

Москва.

Февраль, 1881 г.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Константинъ Петровичъ, за отвѣтъ на мое письмо съ Пономаревымъ.

Смерть Достоевскаго — истинное наказаніе Божіе. Только теперь вполнѣ раскрывается нравственное его значеніе, какъ учителя для молодыхъ душъ. Даже для тѣхъ, которые не были съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ. Въ немъ обрѣтали себѣ опору и смѣлость высшіе, нравственные идеалы, смутно и робко носимые въ душѣ то того, то другого юноши. Ибо въ сущности „угнетеннымъ“ и „оскорбленнымъ“ должно считаться религіозное и нравственное чувство въ средѣ русской интеллигенціи. Молодому человѣку нужна большая доля мужества и самостоятельности, чтобъ дерзать питать и исповѣдывать его въ себѣ.

Обнимаю тебя.

Твой *И. Аксаковъ.*

Тургеневъ о Достоевскомъ.

„Базарова совершенно поняли, т.-е. поняли мои намѣренія только два человѣка: Достоевскій и Боткинъ“ (В. П.)—Тургеневъ *14 апр. 1862 г.* въ письмѣ К. Случевскому, и то же повторено въ письмѣ Тургенева къ Достоевскому 22 апр. того же года.

26 дек. 1861 г. Ѳ. Достоевскому. „Очень Вамъ благодаренъ за присылку двухъ №№ „Времени“, которые я читаю съ большимъ удовольствіемъ. Особенно ваши записки изъ „Мертваго Дома“. Картина *бани* — просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напр., Петрова)—много тонкой и вѣрной психологіи. Радуюсь искренно успѣху вашего журнала—и повторяю, готовъ ему содѣйствовать всячески“.

Я. Полонскому. *24 апр. 1871 г.*

„Мнѣ сказывали, что Достоевскій „вывелъ“ меня... что жъ, пускай забавляется“... Далѣе Т. вспоминаетъ о столкновеніи съ Д. въ Баденѣ (см. прим. къ письму Д—аго къ А. Майкову 16 авг. 1867 г.), повторяя, что считаетъ Д. сумасшедшимъ.

М. А. Милютиной. *3 декабря 1872 г.*

„Любезнѣйшая Марія Аггеевна, искренно благодарю васъ за дружелюбное чувство, внушившее вамъ ваше письмо. Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Д—ій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ Кармазинова, тайно сочувствующимъ нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ,—повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ. Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета“.

Салтыкову. *25 ноября 1875 г.*

... „Содержаніе Гонкуровскаго романа довольно смѣлое: это, по его словамъ, серьезное и строгое изученіе жизни публичныхъ женщинъ. Во всякомъ случаѣ это не „Подростокъ“ Достоевскаго. Получивъ послѣднюю (ноябрьскую) книжку „Отеч. Зап.“, я за-

глянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина и больничная вонь, и никому ненужное бормотаніе, и психологическое ковыряніе!..“

Ему же. *24 сент. 1882 г.*

... „Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ [1]). Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: „Tourments et supplices“, въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя... И, какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка! Поистинѣ въ странное живемъ мы время“.

Левъ Толстой о Достоевскомъ.

(Изъ писемъ Л. Толстого Н. Н. Страхову.)

26 сентября 1880 г.

... Я не понимаю жизни въ Москвѣ тѣхъ людей, которые сами не понимаютъ ея. Но жизнь большинства,—мужиковъ, странниковъ и еще кое-кого, понимающихъ свою жизнь,—я понимаю и ужасно люблю. Я продолжаю работать надъ тѣмъ же, и, кажется, не безполезно. На-дняхъ нездоровилось, и я читалъ „Мертвый Домъ“. Я много забылъ, перечиталъ и не знаю лучше книги изъ всей новой литературы, включая Пушкина. Не тонъ, а точка зрѣнія удивительна,—искренняя, естественная и христіанская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера цѣлый день, какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю.

Начало 1881 г.

... Какъ бы я желалъ умѣть сказать все, что̀ я чувствую о Достоевскомъ! Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что̀ онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что̀ онъ дѣ-

[1]) „Жестокій талантъ“.

лалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ—тоже, но дѣло сердца—только радость. Я его такъ и считалъ своимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю — умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и я плакалъ, и теперь плачу. На-дняхъ, до его смерти, я прочелъ „Униженные и Оскорбленные“ и умилялся.

1883 г. (по выходѣ книги О. Миллера и Н. Страхова о Достоевскомъ).

... Книгу вашу прочелъ. Письмо ваше очень грустно подѣйствовало на меня, разочаровало меня. Но я васъ вполнѣ понимаю и, къ сожалѣнію, почти вѣрю вамъ. Мнѣ кажется, вы были жертвою ложнаго, фальшиваго отношенія съ Достоевскому, не вами, но всѣми—преувеличеннаго его значенія и преувеличенія по шаблону, возведенія въ пророки и святого,— человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы добра и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству нельзя человѣка, который весь борьба. Изъ книги вашей я первый разъ узналъ всю мѣру его ума. Книгу Прессансе [1]) я тоже прочиталъ, но вся ученость пропадаетъ отъ загвоздки. Бываютъ лошади-красавицы: рысакъ цѣна 1000 рублей, и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна—грошъ. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки. Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ, а я очень полюбилъ. И, забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь. Если еще не завезетъ въ канаву! И Прессансе, и Достоевскій—оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого умъ и сердце пропали ни за что. Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго, и не за художественность, а за то, что безъ заминки.

---

[1]) Эдмундъ де Прессансе (Pressensé) (1824—1891)—протестантскій богословъ и государственный дѣятель Франціи, авторъ исторіи трехъ первыхъ вѣковъ Церкви и богословскихъ трудовъ, объ одномъ изъ которыхъ и идетъ здѣсь рѣчь. Сближеніе Достоевскаго и Прессансе имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду ту предвзятость взгляда на вещи, которая у перваго опредѣлена пристрастіемъ къ православію, у второго—такимъ же прямолинейнымъ пристрастіемъ къ протестантизму.— *Ч. В–ій.*

IV.

Письма Ѳ. М. Достоевскаго.

Отцу [1]).

10 мая 1838 года.

Милый добрый Родитель мой! Неужели вы можете думать, что сынъ Вашъ, прося отъ Васъ денежной помощи, проситъ у васъ лишняго. Богъ свидѣтель, ежели я хочу сдѣлать Вамъ хоть какое бы то ни было лишенье, не только изъ моихъ выгодъ, но даже изъ необходимости. Какъ горько то одолженье, которымъ тяготятся мои кровные! У меня есть голова, есть руки. Будь я на волѣ, на свободѣ, отданъ самому себѣ, я бы не требовалъ отъ Васъ ни одной копейки; я обжился бы съ желѣзною нуждою. Стыдно было бы тогда мнѣ и заикнуться о помощи. Теперь я Вамъ высказываю себя одними обѣщаніями въ будущемъ; но это будущее недалеко, и Вы со временемъ увидите.

Теперь же, любезный Папенька, вспомните, что я *служу* въ полномъ смыслѣ слова. Волей или неволей, а я долженъ сообразоваться вполнѣ съ уставами моего теперешняго общества. Къ чему же дѣлать исключенія собою? Подобныя исключенія подвергаютъ иногда ужаснымъ непріятностямъ. Вы сами это понимаете, любезный Папенька. Вы жили съ людьми. Теперь: лагерная жизнь каждаго воспитанника военно-учебныхъ заведеній требуетъ, по крайней мѣрѣ, 40 руб. денегъ. (Я вамъ пишу все это потому, что я говорю съ отцомъ моимъ.) Въ эту сумму я не включаю такихъ потребностей, какъ, напримѣръ, имѣть чай, сахаръ и пр. Это и безъ того необходимо, и необходимо не изъ одного приличія, а изъ нужды. Когда вы мокнете въ сырую

---

[1]) Настоящее письмо, какъ и всѣ послѣдующія, источникъ которыхъ особо не оговоренъ, напечатаны въ книгѣ О. Миллера и Страхова: „Біографія, письма и замѣтки Ѳ. Достоевскаго“. Спб., 1883 г.

погоду подъ дождемъ въ полотняной палаткѣ, или въ такую погоду, прійдя съ ученья усталый, озябшій, безъ чаю, можно заболѣть, что со мною случилось прошлаго года на походѣ. Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю, требую только необходимаго на 2 пары простыхъ сапоговъ—16 рублей. Теперь мои вещи: книги, сапоги, перья, бумага и т. д., и т. д. должны же лежать гдѣ-нибудь. Для этого я долженъ имѣть сундукъ, ибо въ лагеряхъ нѣтъ никакихъ строеній, кромѣ палатокъ. Койки наши—это куча соломы, покрытая простынею. Спрашивается, не имѣя сундука, куда я положу все это? Нужно знать, что казна не заботится, нужно мнѣ мѣсто или нѣтъ; не заботится, имѣю ли я сундукъ. Ибо экзамены кончатся; слѣдовательно, книги не нужны; казна одѣваетъ меня, слѣдовательно, сапоги не нужны, и т. д. Но безъ книгъ, какъ я проведу время? 3 паръ казенныхъ сапогъ не станетъ въ городѣ и на полгода.

[Идутъ дальнѣйшіе расчеты всего необходимаго].

Я сберегъ отъ вашей посылки 15 рублей. Вы видите, любезный Папенька, что мнѣ крайне необходимо нужно 25 р. еще. Въ первыхъ числахъ іюня мы выйдемъ въ лагери. Итакъ, пришлите мнѣ эти деньги къ 1-му іюня, ежели Вамъ хочется помочь Вашему сыну въ ужасной нуждѣ. Не смѣю требовать; не требую излишняго, но благодарность моя будетъ безпредѣльна [1]).

Брату М. М. Достоевскому.

С.-Петербургъ. Августа 9 дня, 1838 года.

(Въ началѣ письма нѣсколько словъ о томъ, почему Ѳ. М. не писалъ брату: „не было ни копейки денегъ“ и пр.)

Правда, я лѣнивъ, очень лѣнивъ. Но что же дѣлать, когда мнѣ осталось одно въ мірѣ: дѣлать безпрерывный кейфъ. Не знаю, стихнутъ ли когда мои грустныя идеи? Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ сліянья неба съ землею; какое же противозаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ... Мнѣ кажется, что міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное и изъ высокой изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лицо, не раздѣляющее ни эффекта,

---

[1]) 20 іюля отецъ выслалъ сыну просимые 40 рублей.

ни мысли съ цѣлымъ,—словомъ, совсѣмъ постороннее лицо, что-жъ выйдетъ? Картина испорчена и существовать не можетъ.

Но видѣть одну жесткую оболочку, подъ которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться съ вѣчностью, знать и быть, какъ послѣднее изъ созданій... Ужасно! Какъ малодушенъ человѣкъ! Гамлетъ! Гамлетъ! Когда я вспомню эти бурныя, дикія рѣчи, въ которыхъ звучитъ стенанье оцѣпенѣлаго міра, тогда ни грустный ропотъ, ни укоръ не сжимаютъ груди моей... душа такъ подавлена горемъ, что боится понять его, чтобы не растерзать себя. Разъ Паскаль сказалъ фразу: кто протестуетъ противъ философіи, тотъ самъ философъ. Жалкая философія!

Но я заболтался. Изъ твоихъ писемъ я получилъ только 2 (кромѣ послѣдняго). Ну, братъ! ты жалуешься на свою бѣдность. Нечего сказать, и я не богатъ. Вѣришь ли, что я во время выступленія изъ лагерей не имѣлъ ни копейки денегъ; заболѣлъ дорогою отъ простуды (дождь лилъ цѣлый день, а мы были открыты) и отъ голода, и не имѣлъ ни гроша, чтобъ смочить горло глоткомъ чая. Но я выздоровѣлъ, и въ лагерѣ участь моя была самая бѣдственная до полученья папенькиныхъ денегъ. Тутъ я заплатилъ долги и издержалъ остальное.

(Слѣдуетъ нѣсколько строкъ о положеніи брата и затрудненіи занять денегъ у однихъ знакомыхъ.)

Но давно пора перемѣнить матерію разговора. Ну, ты хвалишься, что перечиталъ много... но прошу не воображать, что я тебѣ завидую. Я самъ читалъ въ Петергофѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше твоего. Весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т.-е. непереведенный Котъ-Муръ) [1]), почти весь Бальзакъ. (Бальзакъ великъ! Его характеры—произведенія ума вселенной! Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореньемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка). Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, исторія Полевого, Уголино, Ундина (объ Уголино напишу тебѣ кой-что послѣ). Также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Гернани [2]).

---

[1]) Нѣмецкій романтикъ Гофманъ (1776—1822 гг.), имѣвшій значительное вліяніе на нашу литературу двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ (Бѣлинскій, Перовскій-Погорѣльскій, Одоевскій, Гоголь), на Достоевскаго оказалъ вліяніе всего болѣе. Совпаденія между Д—мъ и Гофманомъ указаны въ характеристикѣ Г., помѣщенной въ „Энцикл. Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона А. И. Кирпичниковымъ (17-й полутомъ).—*Ч. В—ій.*

[2]) О Бальзакѣ и В. Гюго см. въ вступительной статьѣ. Упомянуты здѣсь, кромѣ того: „Исторія народа русскаго“ Н. А. Полевого и его же романтическая трагедія, переполненная кровавыми ужасами, „Уголино“ на сюжетъ изъ „Божественной комедіи“ Данте, и „Ундина“, романтическая сказка Де-Ламоттъ-Фуке, извѣстная по переводу Жуковскаго. — *Ч. В—ій.*

Теперь прощай. Пиши же, сдѣлай одолженіе, утѣшь меня и пиши какъ можно чаще. Отвѣчай немедля на это письмо. Я разсчитываю получить отвѣтъ черезъ 12 дней. Самый долгій срокъ. Пиши же, или ты меня замучаешь.

Твой братъ Ѳ. Достоевскій.

У меня есть прожектъ: сдѣлаться сумасшедшимъ. Пусть люди бѣсятся, пусть лѣчатъ, пусть дѣлаютъ умнымъ! Ежели ты читалъ всего Гофмана, то навѣрно помнишь характеръ Альбана. Какъ онъ тебѣ нравится? Ужасно видѣть человѣка, у котораго во власти непостижимое, который не знаетъ, что дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть Богъ!

С.-Петербургъ. 1838 года, 31 октября.

О, какъ долго, какъ долго я не писалъ къ тебѣ, милый мой братъ. Скверный экзаменъ! Онъ задержалъ меня писать къ тебѣ, папенькѣ, и видѣться съ Иваномъ Ник.[1]), и что же вышло? Я не переведенъ. О, ужасъ! еще годъ, цѣлый годъ лишеній! Я бы не бѣсился такъ, ежели бы не зналъ, что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалѣлъ, ежели бы слезы бѣднаго отца не жгли души моей. До сихъ поръ я не зналъ, что значитъ оскорбленное самолюбіе. Я бы краснѣлъ, ежели бы это чувство овладѣло мною... но знаешь? Хотѣлось бы раздавить весь міръ за одинъ разъ... Я потерялъ, убилъ столько дней до экзамена, заболѣлъ, похудѣлъ, выдержалъ экзаменъ отлично въ полной силѣ и объемѣ этого слова и остался... Такъ хотѣлъ одинъ преподающій (алгебры), которому я нагрубилъ въ продолженіе года и который нынче имѣлъ подлость напомнить мнѣ это, объясняя причину, отчего остался я... При 10 полныхъ я имѣлъ $9^1/_2$ среднихъ и остался... Но къ чорту все это. Терпѣть, такъ терпѣть!.. Не буду тратить бумаги, я что-то рѣдко разговариваю съ тобой.

---

[1]) И. Н. Шидловскій. — О немъ, см. Н. Рѣшетовъ. Люди и дѣла давно минувшихъ дней. *Рус. Арх.*, 1886 г., кн. 10, стр. 226—232. Шидловскій служилъ въ Спб. до 1840 г. по министерству финансовъ, отличался красотой и краснорѣчіемъ на идеалистическія отвлеченныя темы и въ этомъ же духѣ писалъ стихи, довольно риторическіе („Я — волканъ, огонь моя стихія“ и т. п.). Поселившись въ деревнѣ, Шидловскій кончилъ тѣмъ, что писалъ стихи пахабные, пьянствовалъ и скитался странникомъ по монастырямъ, при чемъ иногда выступалъ проповѣдникомъ среди богомольцевъ и, обладая познаніями въ богословіи, вступалъ въ диспуты съ монахами.

Другъ мой! Ты философствуешь, какъ поэтъ. И какъ не ровно выдерживаетъ душа градусъ вдохновенья, такъ не ровна, не вѣрна и твоя философія. Чтобъ больше *знать*, надо меньше *чувствовать* и обратно, правило опрометчивое, бредъ сердца. Что ты хочешь сказать словомъ *знать*? Познать природу, душу, Бога, любовь... это познается сердцемъ, а не умомъ. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились въ сферѣ той мысли, надъ которою носится душа наша, когда хочетъ разгадать ее. Мы же, прахъ, люди, должны разгадывать, но не можемъ обнять вдругъ мысли. Проводникъ мысли сквозь бренную оболочку въ составъ души есть *умъ*. Умъ—способность матеріальная, душа же или духъ живетъ мыслью, которую нашептываетъ ей сердце. Мысль зарождается въ душѣ. Умъ—орудіе, машина, движимая огнемъ душевнымъ. Притомъ (2-я статья) умъ человѣка, увлекшись въ область знаній, дѣйствуетъ независимо отъ *чувства*, слѣдовательно, отъ *сердца*. Ежели же цѣль познанія будетъ любовь и природа, тутъ открывается чистое поле *сердца*. Не стану съ тобою спорить, но скажу, что не согласенъ въ мнѣніи о поэзіи и философіи. Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное—природа! Замѣть, что поэтъ въ порывѣ вдохновенія разгадываетъ Бога, слѣдовательно, исполняетъ назначеніе философіи. Слѣдовательно, поэтическій восторгъ есть восторгъ философіи. Слѣдовательно, философія есть та же поэзія, только высшій градусъ ея! Странно, что ты мыслишь въ духѣ нынѣшней философіи. Сколько безтолковыхъ системъ ея родилось въ умныхъ пламенныхъ головахъ; чтобы вывести вѣрный результатъ изъ этой разнообразной кучи, надобно подвесть его подъ математическую формулу. Вотъ правила нынѣшней философіи. Но я замечтался съ тобою. Не допуская твоей вялой философіи, я допускаю, однакожъ, существованіе вялаго выраженія ея, которымъ я не хочу утомлять тебя.

Братъ, грустно жить безъ надежды. Смотрю впередъ, и будущее меня ужасаетъ. Я ношусь въ какой-то холодной, полярной атмосферѣ, куда не заползалъ лучъ солнечный. Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенья... зато часто бываю и въ такомъ состояніи, какъ, помнишь, Шильонскій узникъ послѣ смерти братьевъ въ темницѣ. Не залетитъ ко мнѣ райская птичка поэзіи, не согрѣетъ охладѣлой души. Ты говоришь, что я скрытенъ; но вотъ уже и прежнія мечты мои меня оставили, и мои чудныя арабески, которыя создавалъ я нѣкогда, сбросили позолоту свою. Тѣ мысли, которыя лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты, или сердце мое очерствѣло, или... Дальше ужасаюсь говорить. Мнѣ страшно

сказать, ежели все прошлое было одинъ золотой сонъ, кудрявыя грезы.

Братъ, я прочелъ твое стихотвореніе. Оно выжало нѣсколько слезъ изъ души моей и баюкало на время душу привѣтнымъ нашоптомъ воспоминаній. Говоришь, что у тебя есть мысль для драмы. Радуюсь. Пиши ее. О, ежели бы ты лишенъ былъ и послѣднихъ крохъ съ райскаго пира, тогда что тебѣ оставалось бы! Жаль, что я прошлую недѣлю не могъ увидѣться съ Иваномъ Николаевичемъ, боленъ былъ! Послушай. Мнѣ кажется, что слава также содѣйствуетъ вдохновенію поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна. Но одно помышленіе о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха душа чистая, возвышенно прекрасная,—мысль, что вдохновенье, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми плакалъ ты и будетъ плакать потомство, не думаю, чтобъ эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества. Пустой же крикъ толпы ничтоженъ. Ахъ! Я вспомнилъ 2 стиха Пушкина, когда онъ описываетъ толпу и поэта:

И плюетъ (толпа) на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтскій рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!..

Неправда ли, прелестно? Прощай.

Твой другъ и братъ Ѳ. Достоевскій.

Да! напиши мнѣ главную мысль Шатобріанова сочиненья Génie du Christianisme. Недавно въ „Сынѣ Отечества“ я читалъ статью критика Низара о Victor Hugo. О, какъ низко стоитъ онъ во мнѣніи французовъ. Какъ ничтожно выставляетъ Низаръ его драмы и романы. Они несправедливы къ нему, и Низаръ (хотя умный человѣкъ) вретъ. Еще: напиши мнѣ главную мысль твоей драмы: увѣренъ, что она прекрасна.

(Далѣе слѣдуетъ рѣчь о стихотвореніяхъ М. М. Д—го и Ив. Ник. Шидловскаго, о литературной новинкѣ въ изданіи Смирдина и пр.)

Мнѣ жаль бѣднаго отца! Странный характеръ! Ахъ, сколько несчастій перенесъ онъ. Горько до слезъ, что нечѣмъ его утѣшить! А знаешь ли? Папенька совершенно не знаетъ свѣта. Прожилъ въ немъ 50 лѣтъ и остался при своемъ мнѣніи о людяхъ, каксе онъ имѣлъ тридцать лѣтъ назадъ. Счастливое невѣдѣнье! Но онъ оченъ разочарованъ въ немъ, это, кажется, общій удѣлъ нашъ. Прощай еще разъ.

Спб., 1840. Генваря 1-го дня.

Благодарю тебя отъ души, добрый братъ мой, за твое милое письмо. Нѣтъ, я не таковъ, какъ ты; ты не повѣришь, какой сладостный трепетъ сердца ощущаю я, когда приносятъ мнѣ письмо отъ тебя; и я изобрѣлъ для себя новаго рода наслажденье—престранное—томить себя. Возьму твое письмо, перевертываю нѣсколько минутъ въ рукахъ, щупаю его, полновѣсно ли оно, и, насмотрѣвшись, налюбовавшись на запечатанный конвертъ, кладу его въ карманъ. Ты не повѣришь, что за сладострастное состояніе души, чувствъ, сердца. И такимъ образомъ жду иногда съ четверть часа; наконецъ, съ жадностью нападаю на пакетъ, рву печать и пожираю твои строки, твои милыя строки. О, чего не перечувствуетъ сердце, читая ихъ! Сколько ощущеній толпится въ душѣ, и милыхъ, и непріятныхъ, и сладкихъ, и горькихъ; да, братъ милый, и непріятныхъ и горькихъ; ты не повѣришь, какъ горько, когда не разберутъ, не поймутъ тебя, поставятъ все совершенно въ другомъ видѣ, совершенно не такъ, какъ хотѣлъ сказать, но въ другомъ, безобразномъ видѣ. Прочитавъ твое послѣднее письмо, я былъ un enragé, потому что не былъ съ тобою вмѣстѣ: лучшія изъ мечтаній сердца, священнѣйшія изъ правилъ, данныхъ мнѣ опытомъ,—тяжкимъ, многотруднымъ опытомъ, исковерканы, изуродованы, выставлены въ прежалкомъ видѣ. Самъ ты пишешь ко мнѣ: „пиши, возражай, спорь со мною“, и находишь въ этомъ какую-то пользу. Никакой, милый братъ мой, рѣшительно никакой; только то, что твой эгоизмъ (который есть у всѣхъ насъ, грѣшныхъ) выведетъ *превыгодное* заключеніе о другомъ, о его мнѣніяхъ, правилахъ, характерѣ и скудоуміи. Вѣдь это преобидно, братъ! Нѣтъ! Полемика въ дружескихъ письмахъ—подслащенный ядъ. Что-то будетъ, когда мы увидимся съ тобою? Это будетъ, кажется, всегдашнимъ предлогомъ раздора между нами. Но оставляю это.

(Далѣе въ письмѣ рѣчь о намѣреніи М. М. поступить въ Военную Академію, о необходимыхъ для поступленія лекціяхъ и пр.)

Теперь о твоихъ стихахъ: послушай, милый братъ! Я вѣрю: въ жизни человѣка много, много печалей, горя и радостей. Въ жизни поэта это и тернъ и розы. Лирика—всегдашній спутникъ поэта, потому что онъ существо словесное. Твои лирическія стихотворенія были прелестны: „Прогулка“, „Утро“, „Видѣнье матери“, „Роза“ (кажется, такъ), „Фебовы кони“, и много другихъ, прелестны. Какая живая повѣсть о тебѣ, милый! И какъ

близко она сказалась мнѣ. Я могъ тебя понимать тогда, потому что тѣ мѣсяцы были такъ памятны для меня, такъ памятны. О, сколько случилось тогда и страннаго и чудеснаго въ моей жизни! Это предолгая повѣсть, и я ее никому не разскажу.

[Слѣдуетъ разсказъ о Шидловскомъ, о его любовной исторіи и стихотвореніяхъ, приводившихъ Ѳ. М. въ восторгъ.]

Въ послѣднее свиданіе мы гуляли въ Екатерингофѣ. О, какъ провели мы этотъ вечеръ! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гофманѣ, о которомъ столько мы говорили, столько читали. Мы говорили съ нимъ о насъ самихъ, о будущемъ, о тебѣ, мой милый. Теперь онъ уже давно уѣхалъ и вотъ ни слуху ни духу о немъ. Живъ ли онъ? Здоровье его тяжко страдало; о, пиши къ нему!

Прошлую зиму я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Знакомство съ Шидловскимъ подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиной этого. Ты, можетъ-быть, упрекалъ и упрекнешь меня, почему я не писалъ къ тебѣ. Глупыя ротныя обстоятельства тому причиною. Но сказать ли тебѣ, милый, я никогда не былъ равнодушенъ къ тебѣ; я любилъ тебя за стихотворенія твои, за поэзію твоей жизни, за твои несчастья—и не болѣе; братской любви, дружеской любви не было. Я имѣлъ у себя товарища, одно созданье, которое такъ любилъ я. Ты писалъ ко мнѣ, братъ, что я не читалъ Шиллера. Ошибаешься, братъ. Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ; и я думаю, что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба въ моей жизни, какъ дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни; никогда бы я не могъ узнать его такъ, какъ тогда. Читая съ *нимъ* Шиллера, я повѣрялъ *надъ нимъ*[1]) и благороднаго, пламеннаго донъ-Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера. Эта дружба такъ много принесла мнѣ и горя и наслажденья. Теперь я вѣчно буду молчать объ этомъ; имя же Шиллера стало мнѣ роднымъ, какимъ-то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній; они горьки, братъ, вотъ почему я ничего не говорилъ съ тобою о Шиллерѣ, о впечатлѣніяхъ, имъ произведенныхъ: мнѣ больно, когда я услышу хоть имя Шиллера.

Хотѣлъ было много написать тебѣ въ отвѣтъ на твои нападки на меня, на то, что ты не понялъ словъ моихъ. Также и потолковать кой о чемъ; но нынѣшнее письмо къ тебѣ доставило мнѣ столько сладкихъ минутъ, мечтаній, воспоминаній, что я рѣшительно не способенъ говорить о другомъ. Оправдываюсь

---

1) О. Миллеръ предполагаетъ, что это былъ Бережецкій, упоминаемый въ воспоминаніяхъ Савельева.

только въ одномъ: я не сортировалъ великихъ поэтовъ, и тѣмъ болѣе не зная ихъ. Я никогда не дѣлалъ подобныхъ параллелей, какъ, напримѣръ, Пушкинъ и Шиллеръ. Не знаю, съ чего ты взялъ это; выпиши мнѣ, пожалуйста, слова мои; а я отрекаюсь отъ подобной сортировки; можетъ-быть, говоря о чемъ-нибудь, я поставилъ рядомъ Пушкина и Шиллера, но я думаю, что между этими словами есть запятая. Они нимало не похожи другъ на друга. Пушкинъ и Байронъ такъ. Что же касается до Гомера и Victor'a Hugo, то ты, кажется, нарочно не хотѣлъ понять меня. Вотъ какъ я говорю: Гомеръ (баснословный человѣкъ, можетъ быть, какъ Христосъ, воплощенный Богомъ и къ намъ посланный) можетъ быть параллелью только Христу, а не Гюго. Вникни въ него, братъ, пойми Иліаду, прочти ее хорошенько (ты вѣдь не читалъ ее, признайся). Вѣдь въ Иліадѣ Гомеръ далъ всему древнему міру организацію и духовной и земной жизни, совершенно въ такой же силѣ, какъ Христосъ—новому. Теперь поймешь ли меня? Victor Hugo, какъ лирикъ, чисто съ ангельскимъ характеромъ, съ христіанскимъ младенческимъ направленіемъ поэзіи, и никто не сравнится съ нимъ въ этомъ, ни Шиллеръ (сколько ни христіанскій поэтъ Шиллеръ), ни лирикъ Шекспиръ, ни Байронъ, ни Пушкинъ. Я читалъ его сонеты на французскомъ. Только Гомеръ съ такою же непоколеблемою увѣренностью въ призваніи, съ младенческимъ вѣрованіемъ въ Бога поэзіи, которому служитъ онъ, похожъ въ направленьи источника поэзіи на Victor'a Hugo, но только въ направленіи, а не въ мысли, которая дана ему природою и которую онъ выражалъ, я и не говорю про это. Державинъ, кажется, можетъ стоять выше ихъ обоихъ въ лирикѣ. Прощай, милый!

Твой другъ и братъ Ѳ. Достоевскій.

Вотъ тебѣ распеканціи: говоря о формѣ, ты почти съ ума сошелъ: я давно уже подозрѣваю это маленькое безпокойство ума твоего, и не шутя. Недавно ты что-то такое говорилъ о Пушкинѣ. Я пропустилъ это и не безъ причины. О формѣ твоей потолкую въ слѣдующемъ письмѣ, теперь нѣтъ ни мѣста ни времени. Но скажи, пожалуйста, говоря о формѣ, съ чего ты взялъ сказать: намъ не могутъ нравиться ни Расинъ, ни Корнель (?!) [1]) оттого, что у нихъ форма дурна. Жалкій ты чело-

[1]) Знаменитые французскіе драматурги—Расинъ (1639—1699) и Пьеръ Корнель (1606—1684). Сужденія молодого Д—аго о нихъ обнаруживаютъ, если отбросить нѣсколько восторженный тонъ въ отношеніи отдѣльныхъ героевъ ихъ произведеній, замѣчательное знакомство съ французской литературою и ея исторіей.

вѣкъ! Да еще такъ умно говоритъ мнѣ: *Неужели ты думаешь, что у нихъ нѣтъ поэзіи?* У Расина нѣтъ поэзіи? У Расина, — пламеннаго, страстнаго, влюбленнаго въ свои идеалы Расина, у него нѣтъ поэзіи? И это можно спрашивать? Да читалъ ли ты Andromaque? А? Братъ! Читалъ ли ты Iphigénie; неужели ты скажешь, что это не прелестно? Развѣ Ахиллъ Расина не Гомеровскій? Расинъ и обокралъ Гомера, но какъ обокралъ! Каковы у него женщины! Пойми его. *Расинъ не былъ геній; могъ ли (?) онъ создать драму? Онъ только долженъ былъ подражать Корнелю.* А Phèdre? Братъ! Ты Богъ знаетъ что будешь, если не скажешь, что это высшая, чистая природа и поэзія. Вѣдь это Шекспировскій очеркъ, хотя статуя изъ гипса, а не изъ мрамора.

Теперь о Корнелѣ. Послушай, братъ! Я не знаю, какъ говорить съ тобою; кажется, à la Иванъ Никифоровичъ „гороху наѣвшись“. Нѣтъ, не повѣрю, братъ. Ты не читалъ его и оттого такъ промахнулся. Да знаешь ли, что онъ по гигантскимъ характерамъ, духу романтизма,—почти Шекспиръ. Бѣдный! У тебя на все одинъ отпоръ: „классическая форма“. Бѣднякъ! Да знаешь ли, что Корнель появился только 50 лѣтъ послѣ жалкаго безталаннаго горемыки Jodel'я съ его пасквильною Клеопатрою, послѣ Тредьяковскаго Ronsard'а и послѣ холоднаго рифмача Malherb'а, почти его современника. Гдѣ же ему было выдумать форму плана! Хорошо, что онъ взялъ ее хоть у Сенеки. Да читалъ ли ты его „Cinna“? Предъ этимъ божественнымъ очеркомъ Октавія, предъ которыми... Карлъ Моръ, Фіеско, Телль, Донъ-Карлосъ [1]). Шекспиру честь принесло бы это. Бѣднякъ! Ежели ты не читалъ этого, то прочти, особенно разговоръ Августа съ Cinna, гдѣ онъ прощаетъ ему измѣну (но какъ прощаетъ!). Увидишь, что такъ только говорятъ оскорбленные ангелы. Особенно тамъ, гдѣ Августъ говоритъ: „Soyons amis, Cinna“. Да читалъ ли ты „Horace“? Развѣ у Гомера найдешь такіе характеры! Старый Horace—это Діомедъ. Молодой Horace—Аяксъ Теламонидъ, но съ духомъ Ахилла, а Куріасъ—это Патроклъ, это Ахиллъ, это все, что только можетъ выразить грусть любви и долга. Какъ это велико все! Читалъ ли ты „Le Cid“? Прочти, жалкій человѣкъ,—прочти и пади въ прахъ предъ Корнелемъ. Ты оскорбилъ его. Прочти, прочти его. Чего же требуетъ романтизмъ, ежели высшія идеи его не развиты въ „Cid'ѣ“? Каковъ характеръ Донъ-Родрига, молодого сына его и его любовницы! А каковъ конецъ!

Впрочемъ, не сердись, милый, за обидныя выраженія, не будь Иваномъ Ивановичемъ Перерепенко.

---

[1]) Вѣроятно, пропущено: „на колѣни“, или „нужно преклониться“, или „ничего равнаго“.—*Ч. В—ій.*

30 сентября 1844 года.

[Въ началѣ письма рѣчь о переводѣ Шиллера, который братья Достоевскіе проектировали издать.]

Ну, братъ, я и самъ знаю, что я въ адскихъ обстоятельствахъ; вотъ, я тебѣ объясню:

Подалъ я въ отставку оттого, что подалъ, т.-е., клянусь тебѣ, не могъ служить болѣе. Жизни не радъ, какъ отнимаютъ лучшее время даромъ. Дѣло въ томъ, что я, наконецъ, никогда не хотѣлъ служить долго, слѣдовательно, зачѣмъ терять хорошіе годы? А, наконецъ, главное: меня хотѣли командировать—ну, скажи, пожалуйста, что бы я сталъ дѣлать безъ Петербурга? Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь.

Насчетъ моей жизни не безпокойся. Кусокъ хлѣба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободенъ. Но что я буду дѣлать теперь, въ настоящую-то минуту,—вотъ вопросъ. Вообрази себѣ, братъ, что я долженъ 800 рублей, изъ коихъ хозяину 525 рублей ассигнаціями (я написалъ домой, что долговъ у меня 1.500 руб., зная ихъ привычку присылать $^1/_3$ чего просишь). Никто не знаетъ, что я выхожу въ отставку. Теперь, если я выйду, что тогда будетъ дѣлать? У меня нѣтъ ни копейки на платье. Отставка моя выходитъ къ 14 октября. Если свиньи-москвичи промедлятъ, я пропалъ. И меня пресерьезно стащутъ въ тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство.

[Идутъ расчеты, какъ устроиться съ домашними относительно денегъ.]

Ты говоришь: спасеніе мое—драма. Да вѣдь постановка требуетъ времени. Плата также. А у меня на носу отставка (впрочемъ, милый мой, если бы я еще не подавалъ отставки, то подалъ бы сейчасъ; я не каюсь). У меня есть надежда. Я кончаю *романъ*[1]) въ объемѣ Eugénie Grandet. Романъ довольно оригинальный. Я его уже переписываю, къ 14-му я навѣрно уже и отвѣтъ получу за него. Отдамъ въ „О. З.“. (Я моей работой доволенъ.) Получу, можетъ-быть, рублей 400, вотъ и всѣ надежды мои. Я бы тебѣ болѣе распространился о моемъ романѣ, да некогда. (Драму поставлю непремѣнно. Я этимъ жить буду.)

Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. Въ послѣднемъ письмѣ К. ни съ того ни съ сего совѣтовалъ мнѣ не увлекаться Шекспиромъ! Говоритъ, что Шекспиръ и мыльный пузырь все равно. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты понялъ эту комическую черту, озлобленіе на Шекспира. Ну, къ чему

---

[1]) Это были „Бѣдные люди“.

тутъ Шекспиръ? Я ему такое письмо написалъ! Однимъ словомъ, образецъ полемики. Какъ я его отдѣлалъ. Мои письма chef d'oeuvre *летристики.*

Братъ, пиши домой какъ можно скорѣе, пожалуйста, ради самого Создателя. Я въ страшномъ положеніи; 14—самый дальній срокъ; я уже $1^1/_2$ мѣсяца какъ подалъ. Ради небесъ! Проси ихъ, чтобы прислали мнѣ. Главное, я буду безъ платья. Хлестаковъ соглашается итти въ тюрьму, только *благороднымъ образомъ.* Ну, а если у меня *штановъ* не будетъ, будетъ ли это благороднымъ образомъ?

Мой адресъ: У Владимирской церкви, въ домѣ Прянишникова, въ Графскомъ переулкѣ. Спросить Достоевскаго.

Я чрезвычайно доволенъ романомъ моимъ. Не нарадуюсь. Съ него-то я деньги навѣрно получу, а тамъ...

Извини, что письмо безо всякой связи.

---

24 марта 1845 г.

Ты, вѣрно, заждался письма моего, любезный братъ. Но меня задерживала неустойчивость моего положенія. Я никакъ не могу заниматься вполнѣ чѣмъ бы то ни было, когда передъ глазами одна неизвѣстность и нерѣшительность. Но такъ какъ я и до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ хорошаго по части моихъ собственныхъ обстоятельствъ, то все равно пишу; ибо давно бы было нужно писать.

Я получилъ отъ москвичей 500 руб. сер. Но у меня столько было долговъ, старыхъ и вновь накопившихся, что на печать не достало. Это бы еще ничего. Можно бы было задолжать въ типографіи или уплатить не все изъ домашнихъ долговъ, но романъ еще не былъ готовъ. Кончилъ я его совершенно чуть ли еще не въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но въ декабрѣ вздумалъ его весь передѣлать; передѣлалъ и переписалъ, но въ февралѣ началъ опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я былъ готовъ и доволенъ. Но тутъ другая исторія: цензора не берутъ менѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Раньше отцензировать нельзя. Они де работой завалены. Я взялъ назадъ рукопись, не зная, на что рѣшиться. Ибо кромѣ четырехнедѣльнаго цензурованія печать съѣстъ тоже недѣли три. Выйдетъ къ маю мѣсяцу. Поздно будетъ! Тутъ меня начали толкать и направо и налѣво, чтобы отдать мое дѣло въ „Отечеств. Записки". Да пустяки. Отдашь, да не радъ будешь. Во-первыхъ, и не прочтутъ, а если прочтутъ, такъ черезъ полгода. Тамъ рукописей довольно и безъ этой. Напечатаютъ, денегъ не дадутъ. Это ка-

кая-то олигархія. А на что мнѣ тутъ слава, когда я пишу изъ хлѣба? Я рѣшился на отчаянный скачокъ; ждать, войти, пожалуй, опять въ долги и къ 1-му сентября, когда всѣ переселятся въ Петербургъ и будутъ, какъ гончія собаки, искать носомъ чего-нибудь новенькаго, тиснуть на послѣднія крохи, которыхъ, можетъ-быть, и не достанетъ, мой романъ. Отдавать вещь въ журналъ значитъ итти подъ яремъ не только главнаго Maître d'hotel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе. Диктаторовъ не одинъ; ихъ штукъ двадцать. Напечатать самому значитъ пробиться впередъ грудью, и если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупитъ меня отъ долговой кабалы и дастъ мнѣ ѣсть.

А теперь насчетъ ѣды! Ты знаешь, братъ, что я въ этомъ отношеніи предоставленъ собственнымъ силамъ. Но какъ бы то ни было, а я далъ клятву, что коль и до зарѣзу будетъ доходить,—крѣпиться и не писать на заказъ. Заказъ задавитъ, загубитъ все. Я хочу, чтобы каждое произведеніе мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждутъ монументовъ. И теперь Гоголь беретъ за печатный листъ 1000 руб. сер., а Пушкинъ, какъ ты самъ знаешь, продавалъ 1 стихъ по червонцу. Зато слава ихъ, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода. Старыя школы исчезаютъ, новыя мажутъ, а не пишутъ. Весь талантъ уходитъ въ одинъ широкій размахъ, въ которомъ видна чудовищная недодѣланная идея и сила мышцъ размаха, а дѣла крошечку. Béranger сказалъ про нынѣшнихъ фельетонистовъ французскихъ, что это бутылка Chamberlin въ ведрѣ воды. У насъ имъ тоже подражаютъ. Рафаэль писалъ года, отдѣлывалъ, отнизывалъ, и выходило чудо! Боги создавались подъ его рукою. Vernet пишетъ въ мѣсяцъ картину, для которой заказываютъ особенныхъ размѣровъ залы, перспектива богатая, наброски, размашисто, а дѣла нѣтъ ни гроша. Декораторы они!

Моимъ романомъ я серьезно доволенъ. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочемъ, ужасные недостатки. Печатаніе вознаградитъ меня. Теперь, покамѣстъ я пустъ, думаю что-нибудь написать для дебюта или для денегъ, но пустяки писать не хочется, а на дѣло нужно много времени.

Приближается время, въ которое я обѣщалъ быть у васъ, милые друзья. Но не будетъ средствъ, т.-е. денегъ. Я рѣшилъ остаться на старой квартирѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ контрактъ и знать ничего не знаешь мѣсяцевъ на шесть. Такъ дѣло въ томъ, что я все это хочу выкупить романомъ. Если мое дѣло не удастся, я, можетъ-быть, повѣшусь.

Мнѣ бы хотѣлось спасти хоть 300 руб. къ августу мѣсяцу. И на триста можно напечатать. Но деньги ползутъ, какъ раки, все въ разныя стороны. У меня долговъ было около 400 руб. сер. (съ расходами и прибавкою платья), по крайней мѣрѣ, я на два года одѣтъ прилично. Впрочемъ, я непремѣнно пріѣду къ вамъ. Пиши мнѣ поскорѣе, какъ ты думаешь насчетъ моей квартиры. Это рѣшительный шагъ. Но что̀ дѣлать?

Ты пишешь, что ужасаешься будущности безъ денегъ. Но Шиллеръ выкупитъ все, а вдобавокъ, кто знаетъ, сколько раскупится моего романа. Прощай. Отвѣчай мнѣ скорѣе. Я тебѣ объявлю въ слѣдующую почту всѣ мои рѣшенія.

Твой братъ

Достоевскій.

Цѣлуй дѣтей и кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ. Я о васъ часто думаю. Ты, можетъ-быть, хочешь знать, чѣмъ я занимаюсь, когда не пишу—читаю. Я страшно читаю и чтеніе странно дѣйствуетъ на меня. Что̀-нибудь давно перечитанное прочитаю вновь и какъ будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю и самъ извлекаю умѣніе создавать.

Писать драмы — ну, братъ! На это нужны годы трудовъ и спокойствія, по крайней мѣрѣ, для меня. Писать нынѣ хорошо. Драма теперь ударилась въ мелодраму. Шекспиръ блѣднѣетъ въ сумракѣ и сквозь туманъ слѣпондасовъ-драматурговъ кажется богомъ, какъ явленіе духа на Брокенѣ или Гарцѣ. Впрочемъ, лѣтомъ я, можетъ-быть, буду писать. 2, 3 года, и посмотримъ, а теперь подождемъ! Братъ, въ отношеніи литературы я *не тотъ*, что былъ тому назадъ два года. Тогда было ребячество, вздоръ. Два года изученія много принесли и много унесли.

Въ „Инвалидѣ“, въ фельетонѣ, только что прочелъ о нѣмецкихъ поэтахъ, умершихъ съ голода, холода и въ сумасшедшемъ домѣ. Ихъ было штукъ 20, и какія имена! Мнѣ до сихъ поръ какъ-то страшно. Нужно быть шарлатаномъ...

---

4 мая 1845 г.

Любезный братъ!

Извини, что такъ давно не писалъ къ тебѣ. Я до сей самой поры былъ чертовски занятъ. Этотъ мой романъ, отъ котораго я никакъ не могу отвязаться, задалъ мнѣ такой работы, что если бы зналъ, такъ не начиналъ бы его совсѣмъ. Я вздумалъ его еще разъ переправлять и ей Богу къ лучшему: онъ чуть ли не

вдвое выигралъ. Но ужъ теперь онъ конченъ, и эта переправка была послѣдняя. Я слово далъ до него не дотрогиваться. Участь первыхъ произведеній всегда такова, ихъ переправляешь до безконечности. Я не знаю, была ли Atala Chateaubrian'a его первымъ произведеніемъ, но онъ, помнится, переправлялъ ее 17 разъ. Пушкинъ дѣлалъ такія переправки даже съ мелкими стихотвореніями. Гоголь лощитъ свои чудныя созданія по два года, и если ты читалъ Voyage Sentimental Stern'a—крошечную книжечку, то ты помнишь, что Walter Scott въ своемъ Notice о Стернѣ говоритъ, ссылаясь на авторитетъ Ла-Флёра, слуги Стерна. Ла-Флёръ говорилъ, что баринъ его исписалъ чуть ли не сотню дестей бумаги о своемъ путешествіи во Францію. Ну, спрашивается, куда это пошло? Все это составило книжоночку, которую хорошій писака, какъ Плюшкинъ н. п., умѣстилъ бы на полудести. Не понимаю, какимъ образомъ этотъ же самый Вальтеръ-Скоттъ могъ въ нѣсколько недѣль писать такія, вполнѣ оконченныя созданія, какъ Маннэрингъ, напримѣръ! Можетъ-быть, оттого, что ему было 40 лѣтъ.

Не знаю, братъ, что со мною будетъ! Ты несправедливо говоришь, что меня не мучаетъ мое положеніе. До дурноты, до тошноты мучаетъ, часто я по цѣлымъ ночамъ не сплю отъ мучительныхъ мыслей. Мнѣ говорятъ толковые люди, что я пропаду, если напечатаю мой романъ отдѣльно. Говорятъ, положимъ, книга будетъ хороша, очень хороша. Но вы не купецъ... [идутъ соображенія о психологіи книготорговцевъ]... А книгопродавецъ—алтынная душа, прижметъ непремѣнно, и я сяду въ болото, непремѣнно сяду.

Итакъ, я рѣшилъ обратиться къ журналамъ и отдать мой романъ, разумѣется, въ „Отечеств. Записки“. Дѣло въ томъ, что „Отечеств. Записки“ расходятся въ 2.500 экземплярахъ, слѣдовательно, читаютъ ихъ, по крайней мѣрѣ, 100.000 человѣкъ. Напечатай я тамъ — моя будущность литературная, жизнь — все обезпечено. Я вышелъ въ люди. Мнѣ въ „От. Записки“ всегда доступъ, я всегда съ деньгами, а вдобавокъ пусть выйдетъ мой романъ, положимъ, въ августовскомъ номерѣ или въ сентябрѣ, я въ октябрѣ перепечатываю его на свой счетъ, уже въ твердой увѣренности, что романъ раскупятъ тѣ, которые покупаютъ романы. Къ тому же объявленія мнѣ не будутъ стоить ни гроша. Вотъ дѣло какое!

Въ Ревель я пріѣхать не могу раньше пристройки романа, а то и времени нечего напрасно терять. Нужно хлопотать. Есть у меня много новыхъ идей, которыя, если 1-й романъ пристроится, упрочатъ мою литературную извѣстность. Вотъ всѣ мои надежды въ будущемъ.

Что же касается до денегъ, то—увы!—ихъ нѣтъ. Чортъ знаетъ, куда онѣ исчезли. Зато мало долговъ...

...Устрой я романъ, тогда *Шиллеръ* [1]) найдетъ себѣ мѣсто, или я не я. „Вѣчный Жидъ“ недуренъ. Впрочемъ, Сю весьма недалекъ.

Я только не хочу писать, братъ, но меня такъ мучаетъ твое положеніе и Шиллеръ, что я о себѣ забываю. А мнѣ самому не легко.

А не пристрою романа, такъ, можетъ-быть, и въ Неву! Что же дѣлать? Я ужъ думалъ обо всемъ! Я не переживу смерти моей idée fixe!

Отвѣчай поскорѣе, ибо скучно.

---

8 октября 1845 г.

Любезнѣйшій братъ!

До сихъ поръ не было у меня ни времени ни расположенія духа увѣдомлять тебя о чемъ-нибудь, до меня касающемся. Такъ все было скверно и гадко, что самому было тошно глядѣть на свѣтъ Божій. Во-первыхъ, дражайшій, единственный другъ мой, все это время я былъ безъ копейки и жилъ на кредитъ, что весьма скверно. Во-вторыхъ, было вообще какъ-то грустно, такъ что поневолѣ упадешь духомъ, но заботишься о себѣ и становишься не безмозгло равнодушнымъ, но—что хуже этого—переходишь за предѣлъ и бѣсишься, и злишься до крайности. Въ началѣ этого мѣсяца явился Некрасовъ, отдалъ мнѣ часть долга, а другую получаю на-дняхъ. Нужно тебѣ знать, что Бѣлинскій недѣли двѣ тому назадъ прочелъ мнѣ полное наставленіе, какимъ образомъ можно ужиться въ нашемъ литературномъ мірѣ, и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что я непремѣнно долженъ, ради спасенія души своей, требовать за мой печатный листъ не менѣе 200 руб. асс. Такимъ образомъ мой Голядкинъ пойдетъ, по крайней мѣрѣ, въ 1.500 рубляхъ асс. Терзаемый угрызеніями совѣсти, Некрасовъ забѣжалъ впередъ и къ 15 генваря обѣщалъ мнѣ 100 руб. серебромъ за купленный имъ у меня романъ „Бѣдные люди“. Ибо самъ чистосердечно сознался, что 150 руб. сер. плата не христіанская и посему 100 руб. сер. набавляетъ мнѣ сверхъ изъ раскаянія. Все это покамѣстъ хорошо. Но вотъ что скверно, что еще ровнешенько ничего не слыхать изъ цензуры насчетъ „Бѣдныхъ людей“. Такой невинный романъ таскаютъ, таскаютъ, и я не знаю, чѣмъ они кончатъ. Ну, какъ запретятъ?

---

[1]) Переводъ М. М. Достоевскаго.

Исчеркаютъ сверху донизу? Бѣда, да и только, просто бѣда, а Некрасовъ поговариваетъ, что не успѣетъ издать Альманаха, а уже истратилъ на него 4.000 руб. асс.

Яковъ Петровичъ Голядкинъ [1]) выдерживаетъ свой характеръ вполнѣ. Подлецъ страшный, приступу нѣтъ къ нему; никакъ не хочетъ впередъ итти, претендуя, что еще вѣдь онъ не готовъ, а что онъ теперь покамѣстъ самъ по себѣ, что онъ ничего, ни въ одномъ глазу, а что, пожалуй, если ужъ на то пошло, то и онъ тоже можетъ, почему же и нѣтъ, отчего же и нѣтъ? Онъ вѣдь такой, какъ и всѣ, онъ только такъ себѣ, а то такой, какъ и всѣ. Что ему! Подлецъ, страшный подлецъ! Раньше половины ноября никакъ не соглашается окончить карьеру. Онъ уже теперь объяснился съ его превосходительствомъ и, пожалуй (отчего же нѣтъ?), готовъ подать въ отставку. А меня, своего сочинителя, ставитъ въ крайне негодное положеніе.

Я бываю весьма часто у Бѣлинскаго. Онъ ко мнѣ до нельзя расположенъ и серьезно видитъ во мнѣ *доказательство передъ публикою* и оправданіе мнѣній своихъ. Познакомился я на-дняхъ съ Кронебергомъ, переводчикомъ Шекспира (сыномъ стар. Кронеберга, харьк. проф.). Вообще говоря, будущность (и весьма недалекая) можетъ быть хороша и можетъ быть и страхъ какъ дурна. Бѣлинскій понукаетъ меня дописывать Голядкина. Ужъ онъ разгласилъ о немъ во всемъ литературномъ мірѣ и чуть не запродалъ Краевскому, а о „Бѣдныхъ людяхъ“ говоритъ уже полъ-Петербурга. Одинъ Григоровичъ чего стоитъ. Онъ самъ мнѣ говорилъ: „Je suis votre claqueur-chauffeur“.

Некрасовъ аферистъ отъ природы, иначе онъ не могъ бы и существовать, онъ такъ съ тѣмъ и родился, и посему, въ день же пріѣзда своего, у меня вечеромъ, подалъ проектъ *летучему маленькому альманаху*, который будетъ созидаться посильно всѣмъ литературнымъ народомъ, но главными его редакторами будемъ я, Григоровичъ и Некрасовъ. Послѣдній беретъ издержки на свой счетъ. Альманахъ будетъ въ 2 печатныхъ листа и выходить будетъ *одинъ разъ* въ двѣ недѣли: 7-го и 21-го каждаго мѣсяца. Названіе его „Зубоскалъ“. Дѣло въ томъ, чтобы острить и смѣяться надо всѣмъ, не щадить никого, цѣпляться за театръ, за журналы, за общество, за литературу, за происшествія на улицахъ, за выставку, за газетныя извѣстія, за иностранныя извѣстія,—словомъ, за все,—все это въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи. Начнется онъ съ 7 ноября. Составился онъ у насъ великолѣпно. Во-первыхъ, онъ будетъ съ иллюстраціями. Эпиграфомъ берутся знаменитыя слова *Булгарина* изъ фельетона

---

[1]) Романъ „Двойникъ“.

„Сѣверной Пчелы“, что „мы готовы умереть за правду, не можемъ безъ правды“ и т. д. и подпишетъ Ѳаддей Булгаринъ. То же будетъ написано въ объявленіи, которое пойдетъ 1-го числа ноября. Статьи для 1-го номера будутъ Некрасова: *о нѣкоторыхъ* (разумѣется, на-дняхъ случившихся) петербургскихъ подлостяхъ. 2) Будущій романъ *Евг. Сю*: „Семь смертныхъ грѣховъ“ (на 3-хъ страничкахъ весь романъ). Обозрѣніе всѣхъ журналовъ. Лекція *Шевырева* о томъ, какъ гармониченъ стихъ Пушкина, до того, что когда онъ былъ въ *Колизеѣ* и прочелъ двумъ дамамъ, съ нимъ бывшимъ, нѣсколько стансовъ *Пушкина, то всѣ лягушки и ящерицы, бывшія въ Колизеѣ, сползлись его слушать* (Шевыревъ читалъ это въ Московскомъ университетѣ). Потомъ послѣднее засѣданіе *славянофиловъ*, гдѣ торжественно докажется, что Адамъ былъ славянинъ и жилъ въ Россіи и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрѣшенія такого великаго соціальнаго вопроса для благоденствія и пользы всей русской націи. Потомъ въ отдѣлѣ искусствъ и художествъ „Зубоскалъ“ отдаетъ полную справедливость „*Иллюстраціи*“ Кукольника, при чемъ даже сошлется на слѣдующій пунктъ иллюстраціи, гдѣ она говоритъ, что *өгэншгзелдтоом—дуэурн* и т. д. нѣсколько строкъ такимъ образомъ (извѣстно, что „Иллюстрація“ весьма неисправна въ корректурѣ; переставленіе словъ, слова оборотомъ для нея вовсе ничего не значатъ). Григоровичъ напишетъ „Исторію недѣли“ и помѣститъ нѣсколько своихъ наблюденій. Я буду писать: „Записки лакея о своемъ баринѣ“ и т. д. Видишь, что журналъ будетъ весьма веселый, въ родѣ *Guèpes* Карра [1]). Дѣло это доброе, ибо самый малый доходъ можетъ дать на одну мою часть 100—150 руб. въ мѣсяцъ. Книжка пойдетъ. Некрасовъ будетъ помѣщать и стихи [2]).

... Прочти *Теверино* (Жоржъ Зандъ въ „Отеч. Зап.“, октябрь). Ничего подобнаго не было еще въ нашемъ столѣтіи. Вотъ люди первообразы...

[Опущено нѣсколько незначительныхъ фразъ и обѣщанія въ будущемъ посодѣйствовать устройству переводовъ брата.]

---

16 ноября 1845 г.

Любезный братъ!

Пишу къ тебѣ теперь наскоро, и тѣмъ болѣе, что временемъ теперь совсѣмъ не богатъ. Голядкинъ до сей поры еще не кон-

---

1) „Guèpes“—Осы—франц. журналъ Альфонса Карра.

2) Вышелъ альманахъ „1-го апрѣля“, въ которомъ помѣщены вышеназванныя шутки Некрасова, но Д—ій, повидимому, здѣсь не участвовалъ.

ченъ; а нужно кончить непремѣнно къ 25 числу. Ты мнѣ весьма долго не отвѣчалъ, и я было началъ крайне за тебя безпокоиться. Пиши почаще; а что ты отговариваешься неимѣніемъ времени, то это просто вздоръ. Времени тутъ надо немного. Лѣнь провинціальная губитъ тебя въ цвѣтѣ лѣтъ, любезнѣйшій, а больше ничего.

Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ Соллогубъ рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: кто это Достоевскій? Гдѣ мнѣ *достать Достоевскаго?* Краевскій, который никому въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ ушахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе. На-дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты, вѣрно, слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ,—я не знаю, въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ. Прочти его повѣсть въ „Отеч. Записк.“ „Андрей Колосовъ“—это онъ самъ, хотя и не думалъ тутъ себя выставлять.

Деньгами же я до сихъ поръ не богатъ, но и не нуждаюсь. На-дняхъ я былъ безъ гроша. Некрасовъ между тѣмъ затѣялъ „Зубоскала“—прелестный юмористическій альманахъ, къ которому объявленіе написалъ я. Объявленіе надѣлало шуму; ибо это первое явленіе такой легкости и такого юмора въ подобнаго рода вещахъ. Мнѣ это напомнило 1-й фельетонъ Lucien de Rubempré [1]). Объявленіе мое напечатано уже въ „Отеч. Запискахъ“, въ „Разныхъ извѣстіяхъ“. За него взялъ я 20 руб. серебр. Итакъ, на-дняхъ, не имѣя денегъ, зашелъ я къ Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея романа въ 9 письмахъ. Придя домой, я напи-

[1]) Герой романа Бальзака „Погибшія мечты“.

салъ этотъ романъ въ одну ночь; величина его $^1/_2$ печатнаго листа. Утромъ отнесъ къ Некрасову и получилъ за него 125 руб. асс., т.-е. мой листъ въ „Зубоскалѣ“ цѣнится въ 250 руб. асс. Вечеромъ у Тургенева читался мой романъ во всемъ нашемъ кругѣ, т.-е. между 20 человѣками, по крайней мѣрѣ, и произвелъ фуроръ. Напечатанъ онъ будетъ въ 1-мъ номерѣ „Зубоскала“. Я тебѣ пришлю книгу къ 1 декабря. Бѣлинскій сказалъ, что онъ теперь увѣренъ во мнѣ совершенно, ибо я могу браться за совершенно различные элементы. На-дняхъ Краевскій, услышавъ, что я безъ денегъ, упросилъ меня покорнѣйше взять у него 500 руб. взаймы. Я думаю, что я ему продамъ листъ за 200 руб. асс.

У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу н. п., чтобы назавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги. Голядкинъ выходитъ превосходно; это будетъ мой chef d'oeuvre. Вчера я въ первый разъ былъ у П. и, кажется, влюбился въ жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавокъ, любезна и пряма до нельзя. Время я провожу весело. Нашъ кружокъ пребольшой. Но я все пишу о себѣ; извини, любезнѣйшій; я откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ собственной славой своей. Съ будущимъ письмомъ пришлю „Зубоскала“. Бѣлинскій говоритъ, что я профанирую себя, помѣщая свои статьи въ „Зубоскалѣ“.

Прощай, мой голубчикъ. Желаю счастья тебѣ. Поздравляю съ чиномъ. Цѣлую ручки Эмиліи Ѳедоровнѣ и дѣтей твоихъ. Что они?

Твой *Достоевскій.*

Бѣлинскій охраняетъ меня отъ антрепренеровъ. Я перечелъ мое письмо и нашелъ, что я, во-первыхъ, безграмотенъ, а во-вторыхъ, самохвалъ.

Прощай, ради Бога, пиши.

Нашъ Шиллеръ пойдетъ на ладъ непремѣнно. Бѣлинскій хвалитъ предпріятіе *полнаго изданія*. Я думаю, со временемъ его можно выгодно продать, хоть Некрасову, напримѣръ.

Прощай.

Минушки, Кларушки, Маріанны и т. п. похорошѣли до нельзя, но стоятъ страшныхъ денегъ. На-дняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня въ прахъ за безпорядочную жизнь. Эти господа ужъ и не знаютъ, какъ любить меня, влюблены въ меня всѣ до одного. Мои долги на прежней точкѣ.

1 февраля 1846 г.

Любезный братъ!

Во-первыхъ, не сердись, что долго не писалъ. Ей Богу, некогда было, и сейчасъ докажу. Главное, что меня задержало, было то, что я до самаго послѣдняго времени, т.-е. до 28-го числа, кончалъ моего подлеца Голядкина. Ужасъ! Вотъ каковы человѣческіе расчеты: хотѣлъ было кончить до августа и протянулъ до февраля! Теперь посылаю тебѣ Альманахъ. „Бѣдные люди“ вышли еще 15-го. Ну, братъ! Какою ожесточенною бранью встрѣтили ихъ вездѣ! Въ „Иллюстраціи“ я читалъ не критику, а ругательство. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ было чортъ знаетъ что такое, но я помню, какъ встрѣчали Гоголя, и всѣ мы знаемъ, какъ встрѣчали Пушкина. Даже публика въ остервенѣніи: ругаютъ $^3/_4$ читателей, но $^1/_4$ (да и то нѣтъ) хвалитъ отчаянно. Débats пошли ужаснѣйшіе. Ругаютъ, ругаютъ, ругаютъ, а все-таки читаютъ. (Альманахъ расходится неестественно, ужасно. Есть надежда, что черезъ 2 недѣли не останется ни одного экземпляра.) Такъ было и съ Гоголемъ. Ругали, ругали его, ругали-ругали, а все-таки читали и теперь помирились съ нимъ и стали хвалить. Сунулъ же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся—мнѣ славу дурачье строятъ. До того осрамиться, какъ „Сѣверная Пчела“ своей критикой, есть верхъ посрамленія. Какъ неистово — глупо! Зато какія похвалы слышу я, братъ! Представь себѣ, что наши всѣ и даже Бѣлинскій нашли, что я даже далеко ушелъ отъ Гоголя. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ критику пишетъ Никитенко, будетъ огромнѣйшій разборъ „Бѣдныхъ людей“ въ мою пользу. Бѣлинскій подымаетъ въ мартѣ мѣсяцѣ трезвонъ. Одоевскій пишетъ отдѣльную статью о „Бѣдныхъ людяхъ“. Соллогубъ, мой пріятель, тоже. Я, братъ, пустился въ высшій свѣтъ и мѣсяца черезъ три лично разскажу тебѣ всѣ мои похожденія.

Въ публикѣ нашей есть инстинктъ, какъ во всякой толпѣ, но нѣтъ образованности. Не понимаютъ, какъ можно писать такимъ слогомъ. Во всемъ они привыкли видѣть рожу сочинителя; я же моей не показывалъ. А имъ и невдогадъ, что говоритъ Дѣвушкинъ, а не я, и что Дѣвушкинъ иначе и говорить не можетъ. Романъ находятъ растянутымъ, а въ немъ слова лишняго нѣтъ. Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю (Бѣлинскій и пр.), состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое. Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я. Прочтешь, и самъ увидишь·

А у меня будущность преблистательная, братъ! Сегодня выходитъ „Голядкинъ“. *4 дня* тому назадъ я еще писалъ его. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ онъ займетъ 11 листовъ. Голядкинъ въ 10 разъ выше „Бѣдныхъ людей“. Наши говорятъ, что послѣ „Мертвыхъ душъ“ на Руси не было ничего подобнаго, что произведеніе геніальное и чего-чего не говорятъ они! Съ какими надеждами они всѣ смотрятъ на меня! Дѣйствительно, Голядкинъ удался мнѣ до нельзя. Понравится онъ тебѣ, какъ не знаю что! Тебѣ онъ понравится даже лучше „Мертвыхъ душъ“,—я это знаю. Получаютъ ли у васъ „Отечественныя Записки“? Не знаю, дастъ ли мнѣ экземпляръ Краевскій.

Ну, братъ, я тебѣ такъ давно не писалъ, что не помню, на чемъ я тогда остановился. Такъ много воды утекло! Скоро увидимся. Лѣтомъ я непремѣнно къ вамъ, друзья мои, и все лѣто буду страшно писать: мысли есть. Теперь я тоже пишу.

За Голядкина взялъ я ровно 600 руб. серебромъ. Сверхъ того, я еще получилъ бездну денегъ, такъ что истратилъ 3 тысячи послѣ разлуки съ тобою. Живу-то я безпорядочно—вотъ въ чемъ вся штука!.. Здоровье мое ужасно разстроено; я боленъ нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я безпутенъ...

---

1 апрѣля 1846 г.

Ты, вѣрно, пеняешь, что я такъ долго тебѣ не пишу, но я совершенно согласенъ съ Гоголевымъ *Поприщинымъ: „Письмо—вздоръ, письма пишутъ аптекари“*. Что мнѣ было написать тебѣ? Мнѣ нужно было бы исписать томы, если бы начать говорить такъ, какъ бы хотѣлось мнѣ. Въ моей жизни каждый день столько новаго, столько перемѣнъ, столько впечатлѣній, столько хорошаго и для меня выгоднаго, столько и непріятнаго и невыгоднаго, что и раздумывать некогда. Во-первыхъ, я весь занятъ. Идей бездна и пишу безпрерывно. Не думай, чтобы я совсѣмъ былъ на розахъ. Вздоръ. Во-первыхъ, я прожилъ много денегъ, т.-е. ровно 4.500 руб. со времени нашей разлуки съ тобою, и на 1.000 руб. асс. продалъ впередъ своего товару. Такимъ образомъ, при извѣстной тебѣ моей аккуратности я себя обокралъ совершенно и начинаю опять попрежнему бывать безъ копейки...

Но это ничего. Слава моя достигла до апогея. Въ 2 мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35 разъ въ различныхъ изданіяхъ. Въ иныхъ хвала до небесъ, въ другихъ съ исключеніями, а въ третьихъ руготня напропалую. Чего лучше

и выше? Но вотъ что гадко и мучительно: свои, наши, Бѣлинскій и всѣ много недовольны за Голядкина. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки. Второе—критика. Именно: всѣ, всѣ съ общаго говору, т.-е. *наши* и вся публика, нашли, что до того Голядкинъ скученъ и вялъ, до того растянутъ, что читать нѣтъ возможности. Но что всего комичнѣе, такъ это то, что всѣ сердятся на меня за растянутость и всѣ до одного читаютъ напропалую и перечитываютъ напропалую. А одинъ изъ нашихъ тѣмъ только и занимается, что каждый день прочитываетъ по главѣ, чтобы не утомить себя, и только чмокаетъ отъ удовольствія. Иные изъ публики кричатъ, что это совсѣмъ невозможно, что глупо и писать и помѣщать такія вещи, другіе же кричатъ, что это съ нихъ и списано и снято, а отъ нѣкоторыхъ я слыхалъ такіе мадригалы, что говорить совѣстно. Что же касается до меня, то я даже на нѣкоторое мгновеніе впалъ въ унынie. У меня есть ужасный порокъ: неограниченное самолюбіе и честолюбіе. Идея о томъ, что я обманулъ ожиданія и испортилъ вещь, которая могла бы быть великимъ дѣломъ, убивала меня. Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано наскоро и въ утомленіи. 1-я половина лучше послѣдней. Рядомъ съ блистательными страницами, есть скверность, дрянь, изъ души воротитъ, читать не хочется. Вотъ это-то создало мнѣ на время адъ, и я заболѣлъ отъ горя. Братъ, я тебѣ пришлю Голядкина черезъ двѣ недѣли. Ты прочтешь. Напиши мнѣ свое полное мнѣніе.

Пропускаю жизнь и мое *ученіе* и скажу кое-что о нашихъ новостяхъ. 1) Огромная новость. *Бѣлинскій* оставляетъ „Отечеств. Записки“. Онъ страшно разстроилъ здоровье, отправляется на воды, можетъ-быть, за границу. Онъ не возьмется за критику года два. Но для поддержанія финансовъ издаетъ *исполинской* толщины альманахъ (въ 60 печатныхъ листовъ). Я пишу ему двѣ повѣсти: 1) „Сбритыя бакенбарды“, 2) „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“, обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ и уже, отвѣчаю, сжатыя до нельзя. Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ. Обѣ повѣсти небольшія... Кромѣ того, что-нибудь Краевскому и романъ Некрасову. Все это займетъ меня годъ. „Сбритыя бакенбарды“ я кончаю.

2-я новость. Явилась цѣлая тьма новыхъ писателей. Иные мои соперники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Герценъ (Искандеръ) и Гончаровъ. 1-й печатался, второй начинающій и не печатавшійся нигдѣ. Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ и надѣюсь, что навсегда. Вообще никогда такъ не закипала литература, какъ теперь. Это къ лучшему...

[Слѣдуютъ незначительныя подробности о себѣ. Между прочимъ, совѣтъ брату перевести „Рейнеке-Лиса“ Гете, что М. М. Достоевскій и исполнилъ.]

17 сентября 1846 г.

... Я уже тебѣ объявлялъ, что нанялъ квартиру. Мнѣ не дурно, только средствъ въ будущемъ почти не имѣю. Краевскій далъ 50 руб. сер., и по виду его можно судить, что больше не дастъ; мнѣ нужно сильно перетерпѣть.

„Прохарчинъ“ страшно обезображенъ въ извѣстномъ мѣстѣ [1]). Эти господа извѣстнаго мѣста запретили даже слово *чиновникъ* и Богъ знаетъ изъ-за чего; ужъ и такъ все было слишкомъ невинное, и вычеркнули его во всѣхъ мѣстахъ. Все живое исчезло. Остался только скелетъ того, что̀ я читалъ тебѣ. Отступаюсь отъ своей повѣсти...

... Пишу все „Сбритыя бакенбарды“. Такъ медленно дѣло идетъ. Боюсь опоздать. Я слышалъ отъ двухъ господъ, именно отъ одного 2-го Бекетова и Григоровича, что „Петербургскій сборникъ“ въ провинціи не иначе называется, какъ „Бѣдными людьми“. Остального и знать не хотятъ, хотя нарасхватъ берутъ его тамъ, перекупаютъ другъ у друга, кому удалось достать, за огромную цѣну. А въ книжныхъ лавкахъ, напр., въ Пензѣ и въ Кіевѣ, онъ официально стоитъ 25 и 30 руб. ассигн. Что̀ за странный фактъ: здѣсь сѣлъ, а тамъ достать нельзя.

Григоровичъ написалъ удивительно хорошенькую повѣсть; стараніями моими и Майкова, который, между прочимъ, хочетъ писать обо мнѣ большую статью къ 1 января, эта повѣсть будетъ помѣщена въ „Отеч. Записки“, которыя, между прочимъ, совсѣмъ обѣднѣли. Тамъ нѣтъ ни одной повѣсти въ запасѣ.

У насъ здѣсь ужаснѣйшая тоска. И работаешь хуже. Я у васъ жилъ, какъ въ раю, и чортъ знаетъ, давай мнѣ хорошаго, я непремѣнно самъ сдѣлаю своимъ характеромъ худшее...

[Опущены мелкія подробности жизни Д.]

(Письмо безъ даты 1846 г.)

Любезный братъ!

Хочу тебѣ написать слова два, но не болѣе, ибо хлопочу и бьюсь объ ледъ, какъ рыба. Дѣло въ томъ, что всѣ мои планы рухнули и уничтожились сами собою. Изданіе [2]) не состоится.

---

[1]) Цензура.

[2]) Рѣчь о проектированномъ было сборникѣ повѣстей Д.

Ибо не состоялось ни одной изъ тѣхъ повѣстей, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Я не пишу и „Сбритыхъ бакенбардъ“. Я все бросилъ, ибо все это есть не что иное, какъ повтореніе стараго, давно уже мною сказаннаго. Теперь болѣе оригинальныя, живыя и свѣтлыя мысли просятся изъ меня на бумагу. Когда я дописалъ „Сбр. бак.“ до конца, все это представилось мнѣ само собою. Въ моемъ положеніи однообразіе — гибель.

Я пишу другую повѣсть, и работа идетъ, какъ нѣкогда въ „Бѣдныхъ людяхъ“, свѣжо, легко и успѣшно. Назначаю ее Краевскому. Пусть господа „Современника“ сердятся, это ничего. Между тѣмъ, написавъ повѣсть къ январю, перестаю печатать совсѣмъ до самаго будущаго года, а пишу романъ, который ужъ и теперь не даетъ мнѣ покоя.

Но чтобъ жить, я рѣшаюсь издать „Бѣдныхъ людей“ и обдѣланнаго „Двойника“ отдѣльными книжками...

[Слѣдуютъ обширныя предположенія объ этихъ изданіяхъ.]

26 ноября 1846 г.

... Всѣ мои изданія лопнули и не состоялись. Не стоило, брало много времени и рано было. Публика, можетъ-быть, не подалась бы. Изданіе сдѣлаю къ будущей осени. Со мной къ тому времени публика болѣе ознакомится, и положеніе мое будетъ яснѣе. Къ тому же я ожидаю нѣсколькихъ авансовъ. „Двойникъ“ уже иллюстрированъ однимъ московскимъ художникомъ. „Бѣдные люди“ иллюстрируются здѣсь въ двухъ мѣстахъ — кто сдѣлаетъ лучше. Бернардскій [1]) говоритъ, что не прочь начать со мной переговоры въ февралѣ мѣсяцѣ и дать мнѣ извѣстную толику денегъ за право издать въ иллюстраціи. До того времени онъ возится съ „Мертвыми душами“. Однимъ словомъ, къ изданію я сталъ равнодушенъ. Къ тому же и некогда возиться съ этимъ. Работы и заказовъ у меня бездна. Скажу тебѣ, что я имѣлъ непріятность окончательно поссориться съ „Современникомъ“ въ лицѣ Некрасова. Онъ досадуетъ на то, что я все-таки даю повѣсти Краевскому, которому я долженъ, и что я не хотѣлъ публично объявить, что не принадлежу къ „Отечеств. Запискамъ“. Отчаявшись получить отъ меня въ скоромъ времени повѣсть, надѣлалъ мнѣ грубостей и неосторожно потребовалъ денегъ. Я его поймалъ на словѣ и обѣщалъ заемнымъ письмомъ выдать ему сумму къ 15 декабря. Мнѣ хочется, чтобы сами пришли ко мнѣ. Когда я разругалъ Некрасова впухъ, онъ только что сѣменилъ и отдѣлывался какъ жидъ, у котораго кра-

[1]) Извѣстный въ то время граверъ.

дутъ деньги. Однимъ словомъ, грязная исторія. Теперь они выпускаютъ, что я зараженъ самолюбіемъ, возмечталъ о себѣ и передаюсь Краевскому затѣмъ, что Майковъ [1]) хвалитъ меня. Некрасовъ же меня собирается ругать. Что же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ. Только съ нимъ я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный. Между тѣмъ Краевскій, обрадовавшись случаю, далъ мнѣ денегъ и обѣщалъ сверхъ того уплатить за меня всѣ долги къ 15 декабря. За это я работаю ему до весны.—Видишь ли что, братъ: изъ всего этого я извлекъ премудрое правило. 1-е убыточное дѣло для начинающаго таланта — это дружба съ пропріетерами изданій, изъ которой необходимымъ слѣдствіемъ исходитъ кумовство и потомъ разныя сальности. Потомъ независимость положенія и, наконецъ, работа для святого искусства, работа святая, чистая, въ простотѣ сердца, которое еще никогда такъ не дрожало и не двигалось у меня, какъ теперь, передъ всѣми новыми образами, которые создаются въ душѣ моей. Братъ, я возрождаюсь не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мнѣ столько обилія и ясности, столько ровности въ характерѣ, столько здоровья физическаго. Я много обязанъ въ этомъ дѣлѣ моимъ добрымъ друзьямъ: Бекетовымъ, Залюбецкому и другимъ, съ которыми я живу; это люди дѣльные, умные, съ превосходнымъ сердцемъ, съ благородствомъ, съ характеромъ. Они меня вылѣчили своимъ обществомъ. Наконецъ я предложилъ жить вмѣстѣ. Нашлась квартира большая и всѣ издержки, по всѣмъ частямъ хозяйства, все не превышаетъ 1.200 руб. ассигнац. съ человѣка въ годъ. Такъ велики благодѣянія ассоціаціи! У меня своя комната и я работаю по цѣлымъ днямъ.

1847 г.

Любезный братъ! Опять прошу твоего отпущенія за то, что не исполнилъ слова и не написалъ съ слѣдующею почтою. Но такая тоска находила на меня все это время, что невозможно было писать. Думалъ я о тебѣ очень много и мучительно. Тяжелая судьба твоя, милый братъ! Съ твоимъ здоровьемъ, съ твоими мыслями, безъ людей кругомъ, съ скукой вмѣсто праздника, и съ семействомъ, о которомъ, хоть и свята и сладка забота, но тяжело бремя—жизнь невыносима. Но не унывай духомъ, братъ. Просвѣтлѣетъ время. Видишь ли, чѣмъ больше въ насъ самихъ

[1]) Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, литературный критикъ, замѣнившій въ „Отеч. Запискахъ“ Бѣлинскаго по переходѣ его въ „Современникъ“.

духа и внутренняго содержанія, тѣмъ краше нашъ уголъ и жизнь. Конечно, страшенъ диссонансъ, страшно неравновѣсіе, которое представляетъ намъ общество. *Внѣ* должно быть уравновѣшено съ *внутреннимъ*. Иначе, съ отсутствіемъ внѣшнихъ явленій, внутреннее возьметъ слишкомъ опасный верхъ. Нервы и фантазія займутъ очень много мѣста въ существѣ. Всякое внѣшнее явленіе съ непривычки кажется колоссальнымъ и пугаетъ какъ-то. Начинаешь бояться жизни. Счастливъ ты, что природа обильно надѣлила тебя любовью и сильнымъ характеромъ. Въ тебѣ есть еще крѣпкій здравый смыслъ и блестки брильянтоваго юмора и веселости. Все это еще спасаетъ тебя. Я много думаю о тебѣ. Но, Боже, какъ много отвратительныхъ подло-ограниченныхъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ, фарисеевъ жизни, *гордящихся* опытностію, т.-е. своею безличностію (ибо всѣ въ одну мѣрку стачаны), негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, не вникнувъ въ сущность словъ этихъ,—довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу невыносящаго ихъ пошлаго дневного расписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они съ ихъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ. Подлецы они! Встрѣчаются иногда и бѣсятъ мучительно.

[Идетъ разсказъ о какомъ-то посѣтителѣ, надоѣвшемъ Д—му мелочностью своею.]

... Какъ бы я желалъ тебя видѣть. Иногда меня мучаетъ такая тоска. Мнѣ вспоминается иногда, какъ я былъ угловатъ и тяжелъ у васъ въ Ревелѣ. Я былъ боленъ, братъ. Я вспоминаю, какъ ты разъ сказалъ мнѣ, что мое обхожденіе съ тобою исключаетъ взаимное равенство. Возлюбленный мой! Это совершенно было несправедливо. Но у меня такой скверный, отталкивающій характеръ. Я тебя всегда цѣнилъ выше и лучше себя. Я за тебя и за твоихъ готовъ жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плаваетъ въ любви, не добьешься отъ меня ласковаго слова. Мои нервы не повинуются мнѣ въ эти минуты. Я смѣшонъ и гадокъ, и вѣчно посему страдаю отъ несправедливаго заключенія обо мнѣ. Говорятъ, что я черствъ и безъ сердца. Сколько разъ я грубилъ Эмиліи Ѳедоровнѣ, благороднѣйшей женщинѣ, въ 1.000 разъ лучше меня. Помню, какъ иногда я нарочно злился на Ѳедю, котораго любилъ въ то же самое время даже больше тебя [1]). Я тогда только могу показать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства,

---

[1]) Сынъ М. М. Достоевскаго.

случай вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости. До того времени я гадокъ. Неравенство это я приписываю болѣзни. Читалъ ли ты „Лукрецію Флоріани“, посмотри „Короля“. Но скоро ты прочтешь „Неточку Незванову“. Это будетъ исповѣдь, какъ *Голядкинъ*, хотя въ другомъ тонѣ и родѣ. О Голядкинѣ я слышу исподтишка (и отъ многихъ) такіе слухи, что ужасъ. Иные прямо говорятъ, что это произведеніе *чудо* и не понято. Что ему страшная роль въ будущемъ, что если бъ я написалъ одного Голядкина, то довольно съ меня, и что для иныхъ оно интереснѣе Дюмасовскаго интереса. Но вотъ самолюбіе мое разхлесталось. Но, братъ! Какъ пріятно быть понятымъ. Братъ, за что ты такъ любишь меня! Постараюсь тебя обнять поскорѣе. Будемъ любить другъ друга горячо. Пожелай мнѣ успѣха. Я пишу мою „Хозяйку“. Уже выходитъ лучше „Бѣдныхъ людей“. Это въ томъ же родѣ. Перомъ моимъ водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души. Не такъ, какъ въ Прохарчинѣ, которымъ я страдалъ все лѣто. Какъ бы мнѣ хотѣлось помочь тебѣ, братъ, поскорѣе. Но надѣйся, братъ, на тѣ деньги, которыя я обѣщалъ тебѣ, какъ на стѣну, какъ на гору. Цѣлуй всѣхъ твоихъ. А покамѣстъ

Твой Достоевскій.

(Весною 1847 г.).

[Приписка къ большому, преимущественно, дѣловому письму.]

... Ты не повѣришь. Вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща я какъ въ чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невременьемъ. Хочется установиться. Сдѣлали они мнѣ извѣстность сомнительную, и я не знаю, до которыхъ поръ пойдетъ этотъ адъ, тутъ бѣдность, срочная работа,—кабы покой!!

(Изъ крѣпости). 18 іюля 1849 г.

Я несказанно обрадовался, любезный братъ, письму твоему. Получилъ я его 11 іюля. Наконецъ-то ты на свободѣ, и воображаю, какое счастье было для тебя увидѣться съ семьей. То-то они, думаю, ждали тебя! Вижу, что ты уже начинаешь устраиваться по-новому. Чѣмъ-то ты теперь занятъ и, главное, чѣмъ ты живешь? Есть ли работа, и что̀ именно ты работаешь? Лѣто въ городѣ тяжело! Да къ тому же ты говоришь, что взялъ другую квартиру и уже, вѣроятно, тѣснѣе. Жаль, что тебѣ нельзя кончить лѣтняго времени за городомъ. Благодарю за посылки; онѣ мнѣ доставили большое облегченіе и развлеченіе. Ты

мнѣ пишешь, любезный другъ, чтобы я не унывалъ. Я не унываю; конечно, скучно и тошно, да что же дѣлать! Впрочемъ, не всегда и скучно. Вообще мое время идетъ чрезвычайно не ровно,— то слишкомъ скоро, то тянется. Другой разъ даже чувствуешь, какъ будто уже привыкъ къ такой жизни и что все равно. Я, конечно, гоню всѣ соблазны отъ воображенія, но другой разъ съ нимъ не справишься, и прежняя жизнь такъ и ломится въ душу съ прежними впечатлѣніями, и прошлое переживается снова. Да впрочемъ, это въ порядкѣ вещей. Теперь ясные дни, большею частію, по крайней мѣрѣ, и немножко веселѣе стало. Но ненастные дни невыносимы, казематъ смотритъ суровѣе. У меня есть и занятія. Я времени даромъ не потерялъ: выдумалъ три повѣсти и два романа; одинъ изъ нихъ пишу теперь, но боюсь работать много.

Эта работа, особенно если она дѣлается съ охотою (а я никогда не работалъ такъ con amore, какъ теперь), всегда изнуряла меня, дѣйствуя на нервы. Когда я работалъ на свободѣ, мнѣ нужно было безпрерывно прерывать себя развлеченіями, а здѣсь волненіе послѣ письма должно проходить само собою. Здоровье мое хорошо, развѣ только геморой, да разстройство нервовъ, которое идетъ crescendo. У меня по временамъ стало захватывать горло, какъ прежде, аппетитъ очень небольшой, а сонъ очень малый, да и то съ сновидѣніями болѣзненными. Сплю я часовъ пять въ сутки и раза по четыре въ ночь просыпаюсь. Вотъ только это и тяжело.—Всего тяжелѣе время, когда смеркается, а въ 9 часовъ у насъ уже темно. Я иногда не сплю до часа, до двухъ за полночь, такъ что часовъ пять темноты переносишь очень тяжело. Это болѣе всего разстраиваетъ здоровье. О времени окончанія нашего дѣла ничего сказать не могу, потому что всякій расчетъ потерялъ, и только веду календарь, въ которомъ пассивно отмѣчаю ежедневно прошедшій день—съ плечъ долой! Я здѣсь читалъ немного: два путешествія къ св. мѣстамъ и сочиненія Димитрія Ростовскаго. Послѣднія меня очень заняли; но это чтеніе—капля въ морѣ, и какой-нибудь книгѣ я бы, мнѣ кажется, былъ до невѣроятности радъ. Тѣмъ болѣе, что это будетъ даже цѣлительно, затѣмъ, что перебьешь чужими мыслями свои или перестроишь свои по новому складу.

Вотъ всѣ подробности о моемъ житьѣ-бытьѣ; больше нѣтъ ничего. Радъ очень, что нашелъ ты все семейство свое здоровымъ. Писалъ ли ты въ Москву о своемъ освобожденіи? Жаль очень, что тамошнее дѣло не складывается. Какъ бы я желалъ хоть одинъ день пробыть съ вами! Вотъ уже скоро три мѣсяца нашему заключенію; что-то дальше будетъ. Можетъ-быть, и не увидишь зеленыхъ листьевъ за это лѣто. Помнишь, какъ насъ

выводили иногда гулять въ садикъ въ маѣ мѣсяцѣ? Тамъ тогда начиналась зелень, и мнѣ припоминался Ревель, въ которомъ я бывалъ у тебя къ этому времени, и садъ въ инженерномъ домѣ. Мнѣ все казалось тогда, что и ты сдѣлаешь это сравненіе,—такъ было грустно. Хотѣлось бы видѣть и другихъ кой-кого. Съ кѣмъ-то ты теперь видишься? Всѣ, должно-быть, за городомъ. Братъ Андрей непремѣнно долженъ быть въ городѣ; видѣлъ ли ты Николю? Кланяйся имъ отъ меня. Перецѣлуй за меня дѣтей, кланяйся женѣ, скажи ей, что очень тронутъ тѣмъ, что она меня помнитъ, и много обо мнѣ не безпокойся. Я только и желаю, чтобы быть здоровымъ, а скука дѣло переходное, да и хорошее расположеніе духа зависитъ отъ одного меня. Въ человѣкѣ бездна тягучести и жизненности, и я, право, не думалъ, чтобы было столько, а теперь узналъ по опыту. Ну, прощай! Вотъ два слова отъ меня и желаю, чтобы они тебѣ доставили удовольствіе. Кланяйся всѣмъ, кого увидишь и кого я зналъ; не обойди никого. Я же обо всѣхъ припоминалъ. Что-то думаютъ дѣти обо мнѣ и любопытно знать, какія они дѣлаютъ обо мнѣ предположенія: куда, дескать, онъ дѣлся! Ну, прощай. Если можно будетъ, пришли мнѣ „Отечественныя Записки“. Хоть что-нибудь да прочтешь. Напиши тоже два слова. Это меня чрезвычайно обрадуетъ.

До свиданія

Твой братъ Ѳ. Достоевскій.

(Изъ крѣпости). 27 августа 1849 г.

Очень радъ, что могу тебѣ отвѣчать, любезный братъ, и поблагодарить тебя за присылку книгъ. Особенно благодаренъ за „Отечеств. Записки“. Радъ тоже, что ты здоровъ, и что заключеніе не оставило никакихъ дурныхъ слѣдовъ для твоего здоровья. Но ты очень мало пишешь, такъ что мои письма гораздо подробнѣе твоихъ. Но это въ сторону, послѣ поправишься.

Насчетъ себя ничего не могу сказать опредѣленнаго. Все та же неизвѣстность касательно нашего дѣла. *Частная* жизнь моя попрежнему однообразна; но мнѣ опять позволили гулять въ саду, въ которомъ почти семнадцать деревьевъ. И это для меня цѣлое счастье. Кромѣ того, я могу имѣть теперь свѣчу по вечерамъ — и вотъ другое счастье. Третье будетъ, если ты мнѣ поскорѣе отвѣтишь и пришлешь „Отечественныя Записки“; ибо я, въ качествѣ иногороднаго подписчика, жду ихъ какъ эпохи, какъ соскучившійся помѣщикъ въ провинціи. Хочешь мнѣ прислать историческихъ сочиненій? Это будетъ превосходно. Но

всего лучше, если бы ты мнѣ прислалъ Библію (оба Завѣта). Мнѣ нужно. Но если возможно будетъ прислать, то пришли во французскомъ переводѣ. А если къ тому же прибавить и славянскій, то все это будетъ верхомъ совершенства.

О здоровьѣ моемъ ничего не могу сказать хорошаго. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я просто ѣмъ касторовое масло и тѣмъ только и пробиваюсь на свѣтѣ. Геморой мой ожесточился до послѣдней степени, и я чувствую грудную боль, которой прежде никогда не бывало. Да къ тому же, особенно къ ночи, усиливается впечатлительность; по ночамъ длинные, безобразные сны и сверхъ того, съ недавняго времени, мнѣ все кажется, что подъ мной колышется полъ, и я въ моей комнатѣ сижу словно въ пароходной каютѣ. Изъ всего этого я заключаю, что нервы мои разстраиваются. Когда такое нервное время находило на меня прежде, то я пользовался имъ, чтобы писать,—всегда въ такомъ состояніи напишешь лучше и больше, но теперь воздерживаюсь, чтобы не доконать себя окончательно. У меня былъ промежутокъ недѣли въ три, въ которомъ я ничего не писалъ; теперь опять началъ. Но все это еще ничего; можно жить. Авось, успѣю поправиться.

Ты меня просто удивилъ, написавъ, что, по твоему мнѣнію, московскіе ничего не знаютъ о нашемъ приключеніи. Я подумалъ, сообразилъ и вывелъ, что это никакимъ образомъ невозможно. Знаютъ навѣрно, и въ молчаніи ихъ я вижу совершенно другую причину. Впрочемъ, этого и ожидать должно было. Дѣло ясное...

[Далѣе въ письмѣ рѣчь о семьѣ брата и незначительныя замѣчанія о статьяхъ „Отечественныхъ Записокъ“.]

(Изъ крѣпости). 14 сентября 1849 г.

Письмо твое, любезный братъ, книги (Шекспиръ, Библія, „Отеч. Записки“) и деньги (10 р. сер.) я получилъ и за все это тебя благодарю. Радъ, что ты здоровъ. Я же все попрежнему. То же разстройство желудка и геморой. Не знаю ужъ, когда это пройдетъ. Вотъ подходятъ теперь трудные осенніе мѣсяцы, а съ ними моя ипохондрія. Теперь небо ужъ хмурится, а свѣтлый клочокъ неба, видный изъ моего каземата, — гарантія для здоровья моего и для добраго расположенія духа. Но все же, покамѣстъ, я еще живъ, здоровъ. А ужъ это для меня фактъ. И потому ты, пожалуйста, не думай обо мнѣ чего-нибудь особенно дурного. Покамѣстъ все хорошо относительно здоровья. Я ожидалъ гораздо худшаго и теперь вижу, что жизненности во мнѣ столько запасено, что и не вычерпаешь.

Еще разъ благодарю за книги. Это все хоть развлеченіе. Вотъ уже пять мѣсяцевъ, безъ малаго, какъ я живу своими средствами, т.-е. одной своей головой и больше ничѣмъ. Покамѣстъ еще машина не развинтилась и дѣйствуетъ. Впрочемъ, вѣчное думанье и одно только думанье, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы возрождать и поддерживать душу—тяжело! Я весь какъ будто подъ воздушнымъ насосомъ, изъ-подъ котораго воздухъ вытягиваютъ. Все изъ меня ушло въ голову, а изъ головы—въ мысль, все, рѣшительно все, и, несмотря на то, эта работа съ каждымъ днемъ увеличивается. Книги хоть капля въ морѣ, но все-таки помогаютъ. А собственная работа только, кажется, выжимаетъ послѣдніе соки. Впрочемъ, я ей радъ.

Перечитывалъ присланныя тобою книги. Особенно благодарю за Шекспира. Какъ это ты догадался! Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ англійскій романъ чрезвычайно хорошъ. Но комедія Тургенева непозволительно плоха. Что̀ это ему за несчастье? Неужели же ему такъ и суждено непремѣнно испортить каждое произведеніе свое, превышающее объемомъ печатный листъ? Я не узналъ его въ этой комедіи. Никакой оригинальности: старая, торная дорога. Все это было сказано до него и гораздо лучше его. Послѣдняя сцена отзывается ребяческимъ безсиліемъ. Коегдѣ мелькаетъ что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за неимѣніемъ лучшаго. Что̀ за прекрасная статья о банкахъ! И какъ общедоступно! Благодарю всѣхъ, которые обо мнѣ помнятъ; кланяйся Эмиліи Ѳедоровнѣ, брату Андрею и поцѣлуй дѣтей, которымъ особенно желаю здоровѣть. Ужъ, не знаю, братъ, какъ и когда мы увидимся! Прощай и не забывай меня, пожалуйста. Напиши мнѣ хоть черезъ двѣ недѣли.

До свиданія

Твой Ѳ. Достоевскій.

Пожалуйста же, будь обо мнѣ покойнѣе. Если добудешь что-нибудь читать, то пришли.

(Изъ крѣпости). 22 декабря 1849 г.

Сегодня, 22 декабря, насъ отвезли на Семеновскій плацъ. Тамъ всѣмъ намъ прочли смертный приговоръ, дали приложиться къ кресту, переломили надъ головою шпаги и устроили намъ предсмертный туалетъ (бѣлыя рубахи). Затѣмъ трехъ поставили къ столбу для исполненія казни. Я стоялъ шестымъ, вызывали по трое, слѣдовательно, я былъ во второй очереди и жить мнѣ оставалось не болѣе минуты. Я вспомнилъ тебя, братъ, всѣхъ твоихъ; въ послѣднюю минуту ты, только одинъ ты былъ въ умѣ-

моемъ, я тутъ только узналъ, какъ люблю тебя, братъ мой милый! Я успѣлъ тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними. Наконецъ ударили отбой, привязанныхъ къ столбу привели назадъ и намъ прочли, что Его Императорское Величество даруетъ намъ жизнь. Затѣмъ послѣдовали настоящіе приговоры. Одинъ *Пальмъ* прощенъ. Его тѣмъ же чиномъ въ армію.

Ѳ. Д.

Ему же[1].

22 февр. 1854 г. (изъ Омска).

Наконецъ-то, кажется, я могу поговорить съ тобою попространнѣе и повѣрнѣе. Но прежде, чѣмъ напишу строчку, спрошу тебя: скажи ты мнѣ ради Господа Бога, почему ты мнѣ до сихъ поръ не написалъ ни одной строчки? И могъ ли я ожидать этого? Вѣришь ли, что въ уединенномъ, замкнутомъ положеніи моемъ я нѣсколько разъ впадалъ въ настоящее отчаяніе, думая, что тебя нѣтъ и на свѣтѣ, и тогда по цѣлымъ ночамъ раздумывалъ, что было бы съ твоими дѣтьми, и клялъ мою долю, что не могу быть имъ полезнымъ. Другой разъ, когда я узнавалъ навѣрное, что ты живъ, меня брала даже злоба (но это было въ болѣзненные часы, которыхъ у меня было много), и я горько упрекалъ тебя. Но потомъ и это проходило; я извинялъ тебя, старался пріискать всѣ оправданія, успокаивался на лучшихъ, и ни разу не потерялъ въ тебя вѣры: я знаю, что ты меня любишь и хорошо обо мнѣ вспоминаешь. Я писалъ тебѣ письмо черезъ нашъ штабъ. До тебя оно должно было дойти навѣрное, я ждалъ отъ тебя отвѣта и не получилъ. Да неужели же тебѣ запретили? Вѣдь это разрѣшено, и здѣсь всѣ политическіе получаютъ по нѣскольку писемъ въ годъ. Дуровъ получалъ нѣсколько разъ, и много разъ на запросы начальства о письмахъ разрѣшеніе писать ихъ подтверждалось. Кажется, я отгадалъ настоящую причину твоего молчанія. Ты, по неподвижности своей, не ходилъ просить полицію, или если ходилъ, то успокоился послѣ перваго отрицательнаго отвѣта, можетъ-быть, отъ такого человѣка, который и дѣла-то не зналъ хорошенько. Ты мнѣ доставилъ этимъ много и эгоистическаго горя. Вотъ, подумалъ я, если онъ и о письмѣ не можетъ выхлопотать, будетъ же онъ хлопотать о чемъ-нибудь важнѣе для меня! Пиши и отвѣчай скорѣе, а прежде всего пиши офиціально, не ожидая случая, и пиши

[1] „Рус. Стар.“, 1885, 9, стр. 511—520.

подробнѣе и пространнѣе. Я теперь отъ васъ всѣхъ ломоть отрѣзанный,—и хотѣлъ было прирасти, да не могу. Les absents ont toujours tort. Неужели и между нами это должно случиться? Но не безпокойся, я въ тебя вѣрю.

Вотъ уже недѣля, какъ я вышелъ изъ каторги [1]). Это письмо посылается тебѣ въ глубочайшемъ секретѣ, и о немъ никому ни полслова. Впрочемъ, я пошлю тебѣ письмо и официальное черезъ штабъ Сибирскаго корпуса. На официальное отвѣчай немедленно, а на это—при первомъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ, и въ официальномъ ты долженъ изложить самымъ подробнымъ образомъ все главное о себѣ за всѣ эти 4 года. Что же касается до меня, то я бы радъ былъ послать тебѣ цѣлые томы. Но такъ какъ и на это письмо едва имѣю время, то и напишу главнѣйшее.

Что главнѣйшее? И что именно въ послѣднее время было для меня главное? Какъ подумаешь, такъ и выйдетъ, что ничего не упишу я тебѣ въ этомъ письмѣ. Ну, какъ передать тебѣ мою голову, понятіе, все, что я прожилъ, въ чемъ убѣдился и на чемъ остановился во все это время? Я не берусь за это. Такой трудъ рѣшительно невозможенъ. Я ни одного дѣла не люблю дѣлать вполовину, а сказать что-нибудь — ровнешенько ничего не значитъ. Впрочемъ, главная реляція передъ тобой: читай и выжимай, что хочешь. Я обязанъ это сдѣлать и потому принимаюсь за воспоминанія.

Помнишь ли, какъ мы разстались съ тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только что ты оставилъ меня..., насъ повели, троихъ,—Дурова, Ястржембскаго и меня—заковывать. Ровно въ 12 часовъ, т.-е. ровно въ Рождество (1849 г.), я первый разъ надѣлъ кандалы. Въ нихъ было фунтовъ 10, и ходить чрезвычайно неудобно. Затѣмъ насъ посадили въ открытыя сани, каждаго особо, съ жандармомъ, и на 4 саняхъ, фельдъегерь впереди, мы отправились изъ Петербурга. У меня было тяжело на сердцѣ и какъ-то смутно, неопредѣленно отъ многихъ разнообразныхъ ощущеній. Сердце жило какой-то суетой, и потому ныло и тосковало глухо. Но свѣжій воздухъ оживлялъ меня, и такъ какъ обыкновенно передъ каждымъ новымъ шагомъ въ жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я въ сущности былъ очень спокоенъ и пристально глядѣлъ на Петербургъ, проѣзжая мимо празднично освѣщенныхъ домовъ и прощаясь съ каждымъ домомъ въ особенности. Насъ провезли мимо твоей квартиры, и у Краевскаго было большое освѣщеніе. Ты сказалъ мнѣ, что у него елка, что дѣти съ Эмиліей Ѳедоровной

---

1) 15 февраля 1854 г.

отправились къ нему, и вотъ у этого дома мнѣ стало жестоко грустно. Я какъ будто простился съ дѣтенками. Жаль ихъ мнѣ было, и потомъ уже годы спустя, какъ много разъ я вспоминалъ о нихъ, чуть не со слезами на глазахъ. Насъ везли на Ярославль, и потому къ утру, послѣ трехъ или 4 станцій, мы остановились чѣмъ свѣтъ въ Шлиссельбургѣ, въ трактирѣ. Мы налегли на чай, какъ будто цѣлую недѣлю не ѣли. Послѣ 8 мѣсяцевъ заключенія мы такъ проголодались на 60 верстахъ зимней ѣзды, что любо вспомнить.

Мнѣ было весело, Дуровъ болталъ безъ-умолку, а Ястржембскому видѣлись какіе-то необыкновенные страхи въ будущемъ. Всѣ мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это былъ славный старикъ, добрый и человѣколюбивый до насъ, какъ только можно представить, человѣкъ бывалый, бывшій во всей Европѣ—съ депешами. Дорогой онъ намъ сдѣлалъ много добра. Его зовутъ Кузьма Прокофьичъ Прокофьевъ. Между прочимъ, онъ насъ пересадилъ въ закрытыя сани, что намъ было очень полезно, потому что морозы были ужасные.

Другой день былъ праздничный, ямщики садились къ намъ въ армякахъ сѣро-нѣмецкаго сукна съ алыми кушаками, на улицахъ деревень ни души. Былъ чудеснѣйшій зимній день. Насъ везли пустыремъ по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки рѣдкіе, не важные. Но мы выѣхали въ праздничную пору, и потому вездѣ было что ѣсть и пить. Мы мерзли ужасно. Одѣты мы были тепло, но просидѣть, напр., часовъ 10, не выходя изъ кибитки, и сдѣлать 5—6 станковъ было почти невыносимо. Я промерзалъ до сердца, и едва могъ отогрѣться потомъ въ теплыхъ комнатахъ. Но чудно: дорога поправила меня совершенно. Въ Пермской губерніи мы выдержали одну ночь въ сорокъ градусовъ. Этого тебѣ не рекомендую. Довольно непріятно. Грустная была минута переѣзда черезъ Уралъ. Лошади и кибитки завязли въ сугробахъ. Была метель. Мы вышли изъ повозокъ, это было ночью, и стоя ожидали, покамѣстъ вытащатъ повозки. Кругомъ снѣгъ, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба въ ней, назади все прошедшее — грустно было, и меня прошибли слезы. По всей дорогѣ на насъ выбѣгали смотрѣть цѣлыми деревнями, и, несмотря на наши кандалы, на станціяхъ брали съ насъ втридорога. Одинъ Кузьма Прокофьичъ взялъ чуть ли не половину нашихъ расходовъ на свой счетъ, взялъ насильно, и такимъ образомъ мы... заплатили только по 15 руб. серебр. каждый за трату въ дорогѣ.

12 января (1850 г.) мы пріѣхали въ Тобольскъ и послѣ представленія начальству и обыска, гдѣ у насъ отобрали всѣ наши деньги, были отведены, я, Дуровъ и Ястржембскій, въ осо-

бую каморку; прочіе же, Спѣшневъ и другіе, пріѣхавшіе раньше насъ, сидѣли въ другомъ отдѣленіи, и мы все время почти не видались другъ съ другомъ.

Хотѣлось бы мнѣ очень подробнѣе поговорить о нашемъ шестидневномъ пребываніи въ Тобольскѣ и о впечатлѣніи, которое оно на меня оставило. Но здѣсь не мѣсто. Скажу только, что участіе и живѣйшая симпатія почти цѣлымъ счастіемъ на[illegible]ли насъ. Ссыльные стараго времени (т.-е. не они, а жены ихъ) заботились о насъ, какъ о роднѣ. Что за чудныя души, испытанныя 25-лѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ [1])! Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но они присылали намъ пищу, одежду, утѣшали и ободряли насъ. Я, поѣхавши налегкѣ, не взявши даже своего платья, раскаялся въ этомъ.

[Далѣе въ „Рус. Стар.“ письмо напечатано съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ.]

Мнѣ даже прислали платья. Наконецъ мы выѣхали и черезъ три дня пріѣхали въ Омскъ.

Еще въ Тобольскѣ я узналъ о будущемъ непосредственномъ начальствѣ нашемъ. Комендантъ былъ человѣкъ очень порядочный, но плацъ-майоръ Кривцовъ — каналья какихъ мало, мелкій варваръ, сутяга, пьяница,—все, что только можно представить отвратительнаго. Началось съ того, что онъ насъ обоихъ, меня и Дурова, обругалъ дураками за наше дѣло и обѣщался при первомъ проступкѣ наказывать насъ тѣлесно. Онъ уже года два былъ плацъ-майоромъ и дѣлалъ ужаснѣйшія несправедливости. Черезъ 2 года онъ попалъ подъ судъ. Меня Богъ отъ него избавилъ. Онъ наѣзжалъ всегда пьяный (трезвымъ я его не видалъ), придирался къ трезвому арестанту и дралъ его подъ предлогомъ, что тотъ пьянъ, какъ стелька. Другой разъ, при посѣщеніи ночью, за то, что человѣкъ спитъ не на правомъ боку, за то, что вскрикиваетъ или бредитъ ночью, за все, что только влѣзетъ въ его пьяную голову. Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ надо было безвредно прожить, и этотъ-то человѣкъ писалъ рапорты и подавалъ аттестаціи о насъ каждый мѣсяцъ въ Петербургъ.

Съ каторжнымъ народомъ я познакомился еще въ Тобольскѣ и здѣсь въ Омскѣ расположился прожить съ нимъ четыре года. Это народъ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть къ дворянамъ превосходитъ у нихъ всѣ предѣлы, и потому насъ, дворянъ, встрѣтили они враждебно и съ злобною радостью о нашемъ горѣ. Они бы насъ съѣли, если бъ имъ дали. Впрочемъ, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить,

[1]) Декабристы и жены ихъ.

ѣсть и спать съ этими людьми нѣсколько лѣтъ и когда даже не когда жаловаться за безчисленностію всевозможныхъ оскорбленій.

— Вы, дворяне, желѣзные носы, насъ заклевали. Прежде господиномъ былъ, народъ мучилъ, а теперь хуже послѣдняго, нашъ братъ сталъ.

Вотъ тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 враговъ не могли устать въ преслѣдованіи, это было имъ любо, развлеченіе, занятіе, и если только чѣмъ спасались отъ горя, такъ это равнодушіемъ, нравственнымъ превосходствомъ, котораго они не могли не понимать и уважали, и неподклонимостью ихъ волѣ. Они всегда сознавали, что мы выше ихъ. Понятія о нашемъ преступленіи они не имѣли. Мы объ этомъ молчали сами, и потому другъ друга не понимали, такъ что намъ пришлось выдержать все мщеніе и преслѣдованіе, которымъ они живутъ и дышатъ къ дворянскому сословію. Жить намъ было очень худо. Военная каторга тяжеле гражданской.

Всѣ четыре года я прожилъ безвыходно въ острогѣ, за стѣнами, и выходилъ только на работу. Работа доставалась тяжелая, конечно, не всегда, и я, случалось, выбивался изъ силъ, въ ненастье, въ мокроту, слякоть или зимою въ нестерпимую стужу. Разъ я провелъ часа четыре на экстренной работѣ, когда ртуть замерзла, и было, можетъ-быть, градусовъ 40 мороза. Я озноблилъ себѣ ногу. Жили мы въ кучѣ, всѣ вмѣстѣ, въ одной казармѣ. Вообрази себѣ старое, ветхое, деревянное зданіе, которое давно уже положено сломать и которое уже не можетъ служить. Лѣтомъ духота нестерпимая, зимою холодъ невыносимый. Всѣ полы прогнили. Полъ грязенъ на вершокъ, можно скользить и падать. Маленькія окна заиндевѣли такъ, что въ цѣлый день почти нельзя читать. На стеклахъ на вершокъ льду. Съ потолковъ капель—все сквозное. Насъ—какъ сельди въ боченкѣ. Затопятъ шестью полѣнами печку, тепла нѣтъ (въ комнатѣ ледъ едва оттаивалъ), а угаръ нестерпимый, и вотъ вся зима. Тутъ же въ казармѣ арестанты моютъ бѣлье и всю маленькую казарму заплескаютъ водою, поворотиться негдѣ. Выйти за нуждой уже нельзя съ сумерекъ до разсвѣта, ибо казармы запираются, и ставится въ сѣняхъ ушатъ, и потому духота нестерпимая. Всѣ каторжане в... какъ свиньи и говорятъ, что нельзя не дѣлать свинства, дескать, живой человѣкъ. Спали мы на голыхъ нарахъ, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голыя. Всю ночь дрогнешь. Блохъ, вшей и таракановъ четвериками. Зимою мы одѣты (были) въ полушубкахъ, часто сквернѣйшихъ, которые почти не грѣютъ, а на ногахъ сапоги съ короткими голяшками, — изволь ходить по морозу.

Ѣсть давали намъ хлѣбъ и щи, въ которыхъ полагалось ¼ фунта говядины на человѣка; но говядину кладутъ рубленую, и я ее никогда не видалъ. По праздникамъ каша совсѣмъ почти безъ масла. Въ постъ капуста съ водой и почти ничего больше. Я разстроилъ желудокъ нестерпимо и былъ нѣсколько разъ боленъ.

Суди, можно ли было жить безъ денегъ, и если бъ не было денегъ, я бы непремѣнно померъ, и никто, никакой арестантъ, такой жизни не вынесъ бы. Но всякій что-нибудь работаетъ, продаетъ и имѣетъ копейку. Я пилъ чай и ѣлъ иногда свой кусокъ говядины и это меня спасло. Не курить табаку тоже нельзя было, ибо можно было задохнуться въ такой духотѣ. Все это дѣлалось украдкой.

Я часто лежалъ больной въ госпиталѣ. Отъ разстройства нервовъ у меня случилась падучая, но, впрочемъ, бываетъ рѣдко. Еще есть у меня ревматизмы въ ногахъ. Кромѣ этого, я чувствую себя довольно здорово. Прибавь ко всѣмъ этимъ пріятностямъ почти невозможность имѣть книгу, что достанешь, то читать украдкой, вѣчную вражду и ссору кругомъ себя, брань, крикъ, шумъ, гамъ, всегда подъ конвоемъ, никогда одинъ, и это четыре года безъ перемѣны,—право, можно простить, если скажешь, что было худо. Кромѣ того, всегда висящая на носу отвѣтственность, кандалы и полное стѣсненіе духа—и вотъ образъ моего житья-бытья.

Что сдѣлалось съ моей душой, съ моими вѣрованіями, съ моимъ умомъ и сердцемъ въ эти четыре года—не скажу тебѣ. Долго разсказывать. Но вѣчное сосредоточеніе въ самомъ себѣ, куда я убѣгалъ отъ горькой дѣйствительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надеждъ такихъ, о которыхъ я и не думалъ. Но это все загадки, и потому мимо. Одно: не забудь меня и помогай мнѣ. Мнѣ нужно книгъ и денегъ. Присылай, ради Христа.

Омскъ—гадкій городишка. Деревьевъ почти нѣтъ. Лѣтомъ зной и вѣтеръ съ пескомъ, зимой—буранъ. Природы я не видалъ. Городишка грязный, военный и развратный въ высшей степени. Я говорю про черный народъ. Если бъ не нашелъ здѣсь людей, я бы погибъ совершенно. К. И. И—въ былъ мнѣ какъ братъ родной [1]). Онъ сдѣлалъ для меня все, что могъ. Я долженъ ему деньги. Если онъ будетъ въ Петербургѣ, благодари его. Я долженъ ему рублей 25 серебромъ. Но чѣмъ заплатить за это ра-

---

[1]) Константинъ Ивановичъ Ивановъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ добрѣйшихъ, весьма уважаемыхъ лицъ. Онъ женатъ на О. И. Анненковой, дочери декабриста И. А. Анненкова.—Прим. ред. „Рус. Стар.“.

душіе, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, вниманіе и заботливость, какъ о родномъ братѣ, и не одинъ онъ! Братъ, на свѣтѣ очень много благородныхъ людей.

Я уже писалъ, что твое молчаніе иногда меня мучило. Спасибо за присылку денегъ. Съ первымъ же письмомъ (хотя бы и офиціальнымъ, ибо не знаю еще, могу ли тебѣ передавать теперь извѣстія),—съ первымъ же письмомъ, пиши мнѣ подробнѣе обо всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, объ Эмиліи Ѳедоровнѣ, дѣтяхъ, обо всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, о московскихъ, кто живъ, кто умеръ, о твоей торговлѣ; напиши, на какой капиталъ ты сталъ торговать, выгодно ли, есть ли у тебя что-нибудь, и, наконецъ, можешь ли ты мнѣ помогать деньгами, и сколько ты въ состояніи мнѣ присылать ежегодно. Но денегъ не посылай въ офиціальномъ письмѣ, развѣ если я не найду тебѣ другого адреса. Покамѣстъ пересылай отъ Михаила Петровича (понимаешь?). Но у меня еще есть деньги; зато книгъ нѣтъ. Если можешь, пришли мнѣ журналы на этотъ годъ, хотя „Отечеств. Записокъ". Но вотъ что необходимо: мнѣ надо (крайне нужно) историковъ древнихъ (во французскомъ переводѣ) и новыхъ [1]), экономистовъ и отцовъ церкви. Выбирай дешевѣйшія и компактныя изданія. Пришли немедленно. Я командированъ въ Семипалатинскъ, почти въ киргизскую степь; адресъ я тебѣ вышлю. Во всякомъ случаѣ вотъ онъ: въ Семипалатинскъ, Сибирскаго линейнаго полка № 7 батальона, рядовому. Это офиціальный адресъ. На этотъ присылай письма. Но для книгъ я вышлю другой. А покамѣстъ пиши отъ Михаила Петровича. Знай только, что самая первая книга, которая мнѣ нужна, — это нѣмецкій лексиконъ.

Не знаю, что ждетъ меня въ Семипалатинскѣ. Я довольно равнодушенъ къ этой службѣ. Но вотъ къ чему не равнодушенъ: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мнѣ черезъ Тодъ, черезъ 2 на Кавказъ, — все-таки Россія! Это мое пламенное желаніе, прости ради Христа! Братъ, не забывай меня! Вотъ я пишу къ тебѣ и распоряжаюсь всѣмъ, даже состояніемъ твоимъ. Но у меня вѣра въ тебя не погасла. Ты мой братъ и любилъ меня. Мнѣ нужно денегъ. Мнѣ надо жить, братъ. Не безплодно пройду тъ эти годы. Мнѣ нужно денегъ и книгъ. Что истратишь на меня—не пропадетъ. Ты не ограбишь своихъ дѣтей, если дашь мнѣ. Если только буду живъ, то имъ съ лихвой возвращу. Вѣдь позволятъ же мнѣ печатать лѣтъ черезъ шесть, а можетъ, и раньше. Вѣдь много можетъ перемѣниться, а я теперь вздора не напишу. Услышишь обо мнѣ.

---

1) Vico Гизо, Тьери, Тьера, Ранке и т. д., и т. д.—Прим. Д—аго.

Мы увидимся, братъ, очень скоро. Я вѣрю въ это какъ въ дважды два. На душѣ моей ясно. Вся будущность моя и все, что я сдѣлаю, у меня какъ передъ глазами. Я доволенъ своею жизнію. Одного только можно опасаться: людей и произвола. Попадешь къ начальнику, который не взлюбитъ (такіе есть), придерется и погубитъ или загубитъ службой, а я такъ слабосиленъ, что, конечно, не въ состояніи нести всю тягость солдатства. „Тамъ все люди простые“, говорятъ мнѣ въ ободреніе. Да простого-то человѣка я боюсь болѣе, чѣмъ сложнаго. Впрочемъ, люди—вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками я въ четыре года отличилъ, наконецъ, людей. Повѣришь ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны. Я училъ одного молодого черкеса (присланнаго въ каторгу за разбой) русскому языку и грамотѣ. Какою же благодарностію окружилъ онъ меня. Другой каторжный заплакалъ, разставаясь со мной. Я ему давалъ денегъ, да много ли? Но за это благодарность его была безпредѣльна. А между тѣмъ характеръ мой испортился; я былъ съ ними капризенъ, нетерпѣливъ. Они уважали состояніе моего духа и переносили все безропотно. A propos: сколько я вынесъ изъ каторги народныхъ типовъ, характеровъ! Я сжился съ ними и потому, кажется, знаю ихъ порядочно. Сколько исторій бродягъ и разбойниковъ и вообще всего чернаго, горемычнаго быта. На цѣлые томы достанетъ. Что за чудный народъ! Вообще время для меня не потеряно. Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ, можетъ-быть, немногіе знаютъ его. Ну, это мое маленькое самолюбіе! Надѣюсь, простительно.

Братъ! Пиши мнѣ непремѣнно о всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ твоей жизни. Адресуй въ Семипалатинскъ офиціально, и неофиціально—какъ уже знаешь. Пиши обо всѣхъ нашихъ знакомыхъ петербургскихъ, пиши о литературѣ (поболѣе частностей) и, наконецъ, о московскихъ. Что братъ Коля? Что (и это главное), что сестрица Сашенька? Живъ ли дядя? Что братъ Андрей? Къ теткѣ я пишу черезъ сестрицу Вѣрочку по случаю. Письмо это втайнѣ. Ради Бога это письмо мое держи втайнѣ и даже сожги: не компрометируй людей. Не забудь же меня книгами, любезный другъ. Главное — историковъ, экономистовъ, „Отечеств. Записки“, отцовъ церкви и исторію церкви. Перешли въ разное время, но пересылай немедленно. Я распоряжаюсь въ твоемъ карманѣ, какъ въ своемъ, но это оттого, что я не знаю твоихъ денежныхъ обстоятельствъ. Напиши мнѣ объ этихъ обстоятельствахъ что-нибудь точное, чтобъ я имѣлъ понятіе. Но

знай, братъ, что книги—это жизнь, пища моя, моя будущность! Не оставь же меня, ради Господа Бога. Пожалуйста! Спроси разрѣшенія, можно ли будетъ тебѣ послать мнѣ книгъ офиціально. Впрочемъ, осторожнѣе. Если можно офиціально, то высылай. Если же нѣтъ, то черезъ брата Константина Ивановича, на его же имя; мнѣ перешлютъ. Впрочемъ, Константинъ Ивановичъ будетъ самъ въ Петербургѣ въ этомъ году; онъ тебѣ все разскажетъ. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпѣли!

Я постараюсь тебѣ найти другой адресъ изъ Семипалатинска, куда я отправлюсь черезъ недѣлю. Я еще немного нездоровъ и потому на нѣкоторое время задержанъ. (Пришли мнѣ коранъ. Critique de raison pure Канта) и если какъ-нибудь въ состояніи мнѣ переслать неофиціально, то пришли непремѣнно Гегеля, въ особенности Гегелеву „Исторію философіи“. Съ этимъ вся моя будущность соединена! Но, ради Бога, старайся и проси о моемъ переводѣ на Кавказъ, да навѣдайся у людей знающихъ, можно ли мнѣ будетъ печатать, и какъ объ этомъ просить. Я попрошу года черезъ два или три. Вотъ до тѣхъ-то поръ корми меня, пожалуйста. Безъ денегъ меня задавитъ солдатство. Смотри же!

Не поможетъ ли мнѣ хоть чѣмъ-нибудь другая родня, хоть на первый разъ? Въ такомъ случаѣ, пусть деньги даютъ тебѣ, а ты ужъ мнѣ пересылай. Впрочемъ, я въ письмахъ къ Вѣрочкѣ и теткѣ у нихъ не прошу. Догадаются сами, если сердце велитъ.

Филипповъ, уѣзжая въ Севастополь, подарилъ мнѣ 25 руб. сер. Онъ оставилъ ихъ у коменданта Набокова, такъ что я и не зналъ. Онъ думалъ, что у меня не будетъ денегъ. Добрая душа! Всѣ наши ссыльные живутъ помаленьку. Толь кончилъ каторгу; онъ въ Томскѣ и живетъ порядочно. Ястржембскій въ Тарѣ кончаетъ. Спѣшневъ въ Иркутской губерніи, пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Чудная судьба этого человѣка! Гдѣ и какъ онъ ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружаютъ его тотчасъ же благоговѣніемъ и уваженіемъ. Петрашевскій попрежнему безъ здраваго смысла. Момбелли и Львовъ здоровы, а Григорьевъ, бѣдный, совсѣмъ помѣшался и въ больницѣ. А что-то у васъ? Видишься ли ты съ т-те Плещеевой? Что сынъ? Отъ проходящихъ арестантовъ я слышалъ, что онъ въ Орской крѣпости и живетъ, а Головинскій давно на Кавказѣ. Какъ ты съ литературой и въ литературѣ? Пишешь ли что-нибудь? Что Краевскій и въ какихъ вы отношеніяхъ? Островскій мнѣ не нравится, Писемскаго я совсѣмъ не

читалъ, отъ Дружинина тошнитъ. Евгенія Туръ привела меня въ восторгъ. Крестовскій[1]) тоже нравится.

Много бы хотѣлось мнѣ написать тебѣ; но времени такъ прошло много, что я даже въ затрудненіи съ этимъ письмомъ. Но вѣдь не можетъ же быть, чтобы мы много оба измѣнились другъ къ другу. Расцѣлуй дѣтей. Помнятъ ли они дядю Ѳедю? Всѣмъ знакомымъ поклонъ; но письмо это въ глубокомъ секретѣ. Прощай, прощай, дорогой мой! Услышишь обо мнѣ и, можетъ-быть, увидишь меня. Да увидимся же непремѣнно! Прощай. Прочти хорошенько все, что я тебѣ пишу. Пиши ко мнѣ чаще (хотя офиціально). Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ безсчетно разъ.

Твой Достоевскій.

P. S. Получилъ ли ты мою Дѣтскую сказку, которую я написалъ въ Равелинѣ[2])? Если у тебя, то не распоряжайся и не показывай ее никому. Кто такой Черновъ, написавшій „Двойникъ“ въ 1850 году?

До свиданія!

Твой Достоевскій.

Н. Д. Фонъ-Визиной[3]).

Начало марта 1854 года, изъ Омска.

Наконецъ, добрѣйшая Н. Д., я пишу вамъ, уже выйдя изъ прежняго мѣста. Послѣдній разъ, какъ я писалъ вамъ, я былъ боленъ и душою и тѣломъ. Тоска меня ѣла, и я думаю, что написалъ пребезтолковое письмо. Эта долгая, тяжелая физически и нравственно, безцвѣтная жизнь сломила меня. Мнѣ всегда грустно писать въ подобныя минуты письма; а навязывать въ такое время свою тоску другимъ, хотя бы очень расположеннымъ къ намъ, я думаю, малодушіе. Это письмо я посылаю по оказіи, и радъ-радёхонекъ, что могу этотъ разъ поговорить съ вами; тѣмъ

---

1) Псевдонимъ Хвощинской, въ замужествѣ Заіончковской.

2) Петропавловской крѣпости.

3) „Помощь голодающимъ“. М., 1892 г., стр. 390. Наталія Дмитріевна фонъ-Визина, жена декабриста М. А. Фонъ-Визина, по своему уму, добротѣ и энергіи, пользовалась большимъ уваженіемъ въ кругу декабристовъ. Знакомство съ Д. состоялось въ 1850 г. въ Тобольскѣ. Она отличалась религіозностью. Чрезъ Фонъ-Визину происходили сношенія Д—аго съ внѣшнимъ міромъ въ бытность его въ острогѣ, когда прервалась переписка даже съ братьями. Въ то время, къ которому относится приводимое письмо, одно изъ самыхъ многозначительныхъ писемъ Д—аго, Фонъ-Визина жила подъ Москвою въ имѣніи Марьинѣ.

болѣе, что я назначенъ въ Семипалатинскъ въ 7-й батальонъ, и потому уже не знаю, какимъ образомъ можно будетъ писать къ вамъ и получать отъ васъ письма.

[Далѣе въ письмѣ идутъ соображенія Д., какъ лучше и безопаснѣе отъ постороннихъ глазъ устроить переписку съ его братомъ и Фонъ-Визиной].

Съ какимъ удовольствіемъ я читаю письма ваши, драгоцѣннѣйшая Н. Д.! Вы превосходно пишете ихъ, или, лучше сказать, письма ваши идутъ прямо изъ вашего добраго, человѣколюбиваго сердца, легко и безъ натяжки. Есть натуры замкнутыя и желчныя, которыя рѣдко застаютъ у себя добрую минуту экспансивности. Я знаю такихъ. И между тѣмъ это вовсе недурные люди, даже очень напротивъ.

Не знаю, но по вашему письму я угадываю, что вы съ грустію нашли опять родину. Я понимаю это; я нѣсколько разъ думалъ, что если вернусь когда-нибудь на родину, то встрѣчу въ моихъ впечатлѣніяхъ болѣе страданія, чѣмъ отрады. Я не жилъ вашею жизнію и не знаю многаго въ ней, какъ и всякій человѣкъ въ жизни другого, но человѣческое чувство въ насъ всеобще, и, кажется, при возвратѣ на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, въ сознаніи и воспоминаніи, все свое прошедшее горе. Это похоже на вѣсы, на которыхъ свѣсишь и узнаешь точно настоящій вѣсъ всего того, что выстрадалъ, перенесъ, потерялъ и что у насъ отняли добрые люди. Но дай вамъ Богъ еще долгихъ дней! Я слышалъ отъ многихъ, что вы очень религіозны, Н. Д. Не потому, что вы религіозны, но потому, что самъ пережилъ и прочувствовалъ это, скажу вамъ, что въ такія минуты жаждешь, какъ „трава изсохшая“, вѣры, и находишь ее, собственно, потому, что въ несчастьи яснѣетъ истина. Я скажу вамъ про себя, что я—дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія до сихъ поръ и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Какихъ страшныхъ мученій стоила и стоитъ мнѣ теперь эта жажда вѣрить, которая тѣмъ сильнѣе въ душѣ моей, чѣмъ болѣе во мнѣ доводовъ противныхъ. И, однакоже, Богъ посылаетъ мнѣ иногда минуты, въ которыя я совершенно спокоенъ; въ эти минуты я люблю, и нахожу, что другими любимъ, и въ такія-то минуты я сложилъ себѣ символъ вѣры, въ которомъ все для меня ясно и свято. Этотъ символъ очень простъ, вотъ онъ: вѣрить, что нѣтъ ничего прекраснѣе, глубже, симпатичнѣе, разумнѣе, мужественнѣе и совершеннѣе Христа, и не только нѣтъ, но съ ревнивою любовью говорю себѣ, что и не можетъ быть. Мало того, если бъ кто мнѣ доказалъ, что Христосъ внѣ истины, и *дѣйствительно* было бы, что истина внѣ Христа, то мнѣ лучше хотѣлось бы оставаться со Христомъ, нежели съ истиной.

Но объ этомъ лучше перестать говорить. Впрочемъ, не знаю, почему нѣкоторые предметы разговора совершенно изгнаны изъ употребленія въ обществѣ, а если и заговорятъ какъ-нибудь, то другихъ какъ будто коробитъ? Но мимо объ этомъ. Я слышалъ, вы куда-то хотите ѣхать на югъ? Дай вамъ Богъ выпросить позволеніе. Но когда же, скажите, пожалуйста, когда же мы будемъ совсѣмъ свободны, или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ другіе люди? Ужъ не тогда ли, когда совсѣмъ не надо будетъ свободы? Что касается до меня, то я желаю лучше всего, или ужъ ничего. Въ солдатской шинели я такой же плѣнникъ, какъ и прежде. И какъ я радъ, что въ душѣ мсей нахожу еще надолго терпѣнія, что благъ земныхъ не желаю, и что мнѣ надо только книгъ, возможности писать и быть каждодневно нѣсколько часовъ одному. О послѣднемъ я очень безпокоюсь. Вотъ ужъ очень скоро пять лѣтъ, какъ я подъ конвоемъ или въ толпѣ людей, и ни одного часу не былъ одинъ. Быть одному—это потребность нормальная, какъ пить и ѣсть, иначе въ насильственномъ этомъ коммунизмѣ сдѣлаешься человѣконенавистникомъ. Общество людей сдѣлается ядомъ и заразой, и вотъ отъ этого-то нестерпимаго мученія я терпѣлъ болѣе всего въ эти четыре года. Были и у меня такія минуты, когда я ненавидѣлъ всякаго встрѣчнаго, праваго и виноватаго, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на воровъ, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастіе—это, когда дѣлаешься самъ несправедливъ, золъ, гадокъ, сознаешь все это, упрекаешь себя даже—и не можешь себя пересилить. Я это испыталъ. Я увѣренъ, что Богъ васъ избавилъ отъ этого. Я думаю, въ васъ, какъ въ женщинѣ, гораздо болѣе было силы переносить и прощать.

Напишите мнѣ что-нибудь, Н. Д. Я ѣду въ глушь, въ Азію, и ужъ тамъ-то, въ Семипалатинскѣ, кажется, совершенно оставитъ меня все прошлое, всѣ впечатлѣнія и воспоминанія мои, потому что послѣдніе люди, которыхъ я любилъ и которые были передо мной, какъ тѣнь моего прошедшаго, должны будутъ разстаться со мной. Ужасно я сживчивъ, тотчасъ срастусь съ тѣмъ, чѣмъ окружатъ меня, и съ болью потомъ отрываюсь отъ этого. Живите, Н. Д., живите счастливѣе и дольше! Когда мы увидимся, тогда вновь познакомимся, и, можетъ-быть, еще много счастливыхъ дней будетъ на каждомъ изъ насъ. Я въ какомъ-то ожиданіи чего-то; я какъ будто все еще боленъ теперь, и кажется мнѣ, что со мной въ скоромъ, очень скоромъ времени должно случиться что-нибудь рѣшительное, что я приближаюсь къ кризису всей моей жизни, что я какъ будто созрѣлъ для чего-то, и что будетъ что-нибудь, можетъ-быть, тихое и ясное, можетъ-быть, грозное, но во всякомъ случаѣ неизбѣжное. Иначе

жизнь моя будетъ жизнь манкированная. А можетъ-быть, это все больныя бредни мои! Прощайте, прощайте, Н. Д., или, лучше сказать, до свиданія, будемъ вѣрить, что до свиданія!

Вашъ Д.

Приписано сбоку на послѣдней страницѣ:

„Ради Господа Бога, простите меня за то, что я пишу вамъ такія неопрятныя и перемаранныя письма! Но ей Богу не могу не перечеркивать. Не сердитесь же, пожалуйста“.

Маріи Дмитріевнѣ Исаевой [1]).

Изъ Семипалатинска въ Кузнецкъ (Томской губ.),
отъ 4 іюня 1855 г.

Благодарю васъ безпредѣльно за ваше милое письмо съ дороги, дорогой и незабвенный другъ мой, Марія Дмитріевна. Надѣюсь, что вы и Александръ Ивановичъ [2]) позволите мнѣ называть васъ обоихъ именемъ друзей. Вѣдь друзьями же мы были здѣсь, надѣюсь, ими и останемся. Неужели разлука насъ перемѣнитъ? Нѣтъ, судя потому, какъ мнѣ тяжело безъ васъ, моихъ милыхъ друзей, я сужу и о силѣ моей привязанности. Представьте себѣ: это уже второе письмо, что я пишу къ вамъ. Еще къ прошедшей почтѣ былъ у меня приготовленъ отвѣтъ на ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марія Дмитріевна. Но оно не пошло. Александръ Егоровичъ [3]), черезъ котораго я былъ намѣренъ отдать его на почту, вдругъ уѣхалъ въ Зміевъ, въ прошлую субботу, такъ что я даже и не зналъ о его отъѣздѣ, и только узналъ въ воскресеніе. Человѣкъ его тоже исчезъ на два дня, и письмо осталось у меня въ карманѣ. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отправится ли и это письмо. Александра Егоровича еще нѣтъ. Но за нимъ послали нарочнаго.

Къ намъ съ часу на часъ ждутъ генералъ-губернатора, который въ эту минуту, можетъ-быть, и пріѣхалъ. Слышно, что пробудетъ здѣсь дней пять. Но довольно объ этомъ. Какъ-то вы пріѣхали въ Кузнецкъ, и, чего Боже сохрани, не случилось ли съ вами чего дорогою? Вы писали, что вы разстроены и даже больны. Я до сихъ поръ за васъ въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

---

[1]) „Нива“, 1891 г., № 4.
[2]) Исаевъ.
[3]) Бар. Врангель.

Сколько хлопотъ, сколько неизбѣжныхъ непріятностей, хотя бы отъ одного перемѣщенія, а тутъ еще и болѣзнь, да какъ это вынести! Только объ васъ и думаю. Къ тому же, вы знаете, я мнителенъ; можете судить объ моемъ безпокойствѣ. Боже мой! да достойна ли васъ эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, васъ, которая можетъ служить украшеніемъ всякаго общества! Распроклятая судьба! Жду съ нетерпѣніемъ вашего письма. Ахъ, кабы было съ этою почтою! Ходилъ справляться, но Александра Егоровича все еще нѣтъ. Вы пишете, какъ я провожу время, и что не знаете, какъ расположились безъ васъ мои часы. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не знаю, куда дѣваться отъ грусти. Если бъ вы знали, до какой степени осиротѣлъ я здѣсь одинъ! Право, это время похоже на то, какъ меня первый разъ арестовали въ сорокъ девятомъ году и схоронили въ тюрьмѣ, оторвавъ отъ всего родного и милаго. Я такъ къ вамъ привыкъ. На наше знакомство я никогда не смотрѣлъ какъ на обыкновенное, а теперь, лишившись васъ, о многомъ догадался по опыту. Я пять лѣтъ жилъ безъ людей, одинъ, не имѣя, въ полномъ смыслѣ, никого, передъ кѣмъ бы могъ излить свое сердце. Вы же приняли меня, какъ родного. Я припоминаю, что я у васъ былъ, какъ у себя дома. Александръ Ивановичъ за роднымъ братомъ не ходилъ бы такъ, какъ за мною. Сколько непріятностей доставлялъ я вамъ моимъ тяжелымъ характеромъ, а вы оба любили меня. Вѣдь я это понимаю и чувствую, вѣдь не безъ сердца же я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мнѣ моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мнѣ руку, уже было цѣлой эпохой въ моей жизни. Мужчина самый лучшій, въ иныя минуты, съ позволенія сказать, ни болѣе, ни менѣе, какъ дубина. Женское сердце, женское состраданіе, женское участіе, безконечная доброта, объ которой мы не имѣемъ понятія и которой, по глупости своей, часто не замѣчаемъ, незамѣнимо. Я все это нашелъ въ васъ; родная сестра не была бы до меня и до моихъ недостатковъ добрѣе и мягче васъ. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первыхъ, я былъ неблагодарная с[illegible], а во-вторыхъ, вы сами больны, раздражены, обижены,—обижены уже тѣмъ, что не цѣнило васъ поганое общество, не понимало, а съ вашей энергіей нельзя не возмущаться несправедливостью, это благородно и честно. Вотъ основаніе вашего характера; но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили въ васъ; но Боже мой! все это выкупалось съ лихвою, сторицею. А такъ какъ я не всегда глупъ, то я это видѣлъ и цѣнилъ. Однимъ словомъ, я не могъ не привязаться къ вашему дому всею душей, какъ къ родному мѣсту. Я васъ обоихъ никогда не забуду и вѣчно вамъ буду

благодаренъ. Потому что я увѣренъ, вы оба не понимаете, что вы для меня сдѣлали, и до какой степени такіе люди, какъ вы, были мнѣ необходимы. Это надо испытать, и только тогда поймешь. Если бъ васъ не было, я, можетъ-быть, одеревянѣлъ бы окончательно, а теперь я опять человѣкъ. Но довольно; этого не разскажешь, особенно на письмѣ. Письмо уже потому проклятое, что напоминаетъ разлуку, а мнѣ все ее напоминаетъ. По вечерамъ, въ сумерки, въ тѣ часы, когда, бывало, отправляюсь къ вамъ, находитъ такая тоска, что, будь я слезливъ, я бы плакалъ, а вы вѣрно бы надо мной не посмѣялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что прирастаетъ къ тому, что мило, такъ что надо потомъ отрывать и кровянить его. Живу я теперь совсѣмъ одинъ, дѣваться мнѣ совершенно некуда; мнѣ здѣсь все надоѣло. Такая пустота! Одинъ Александръ Егоровичъ, но съ нимъ мнѣ уже потому тяжело, что я поневолѣ сравниваю васъ съ нимъ, и, конечно, результатъ выходитъ извѣстный. Да къ тому же, его и нѣтъ дома. Безъ него я ходилъ раза два въ Казаковъ садъ, куда онъ переѣхалъ, и такъ было грустно! Какъ вспомню прошлое лѣто, какъ вспомню, что вы, бѣдненькая, все лѣто желали проѣхаться куда-нибудь за городъ, хоть воздухомъ подышать, и не могли, то такъ станетъ васъ жалко, такъ станетъ грустно за васъ. А помните, какъ одинъ разъ намъ-таки удалось побывать въ Казаковомъ саду, вы, Александръ Ивановичъ, я, Елена. Какъ свѣжо я все припомнилъ, пріѣдя теперь въ садъ! Тамъ ничего не измѣнилось, и скамейка, на которой мы сидѣли, та же... И такъ стало грустно. Вы пишете, чтобъ я жилъ съ Врангелемъ, но я не хочу, по многимъ важнымъ причинамъ. 1) Деньги. Съ нимъ живя, я, очевидно, долженъ буду больше тратить: квартира, прислуга, столъ, а мнѣ тяжело было бы жить на его счетъ. 2) Мой характеръ. 3) Его характеръ. 4) Я какъ поглядѣлъ, къ нему-таки часто таскается народъ и даже помногу. Исключить себя изъ компаніи иногда невозможно, а я терпѣть не могу незнакомыхъ лицъ. Наконецъ я люблю быть одинъ, я привыкъ, а привычка—вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего вамъ не разсказалъ. Проводивъ васъ за лѣса и разставшись съ вами у той сосны (которую я замѣтилъ), мы возвратились съ Врангелемъ рука въ руку (онъ велъ свою лошадь) до гостепріимнаго хутора Пѣшехоновыхъ. Тутъ-то я почувствовалъ, что осиротѣлъ совершенно. Сначала еще было видно вашъ тарантасъ, потомъ слышно, а наконецъ все исчезло. Сѣвъ на дрожки, мы говорили о васъ, о томъ, какъ-то вы доѣдете, объ васъ въ особенности, и тутъ къ слову Врангель разсказалъ мнѣ кой-что, меня очень порадовавшее. Именно, въ самый день отъѣзда, утромъ, когда Петръ Михайловичъ пригла-

шалъ Врангеля куда-то на весь вечеръ, онъ отговорился и на вопросъ: почему? отвѣчалъ: провожаю Исаевыхъ. Тутъ были кое-кто. П. М. тотчасъ освѣдомился: стало, дескать, вы коротко знакомы? Врангель рѣзко отвѣтилъ: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ для него домовъ, и что хозяйка этого дома, т.-е. вы, такая женщина, какой онъ съ Петербурга еще не встрѣчалъ, да и не надѣется болѣе встрѣтить, такая, „какой вы“, прибавилъ онъ, „можетъ-быть, и не видывали и съ которой знакомство я считаю себѣ за величайшую честь“. Этотъ разсказъ мнѣ очень понравился. Человѣкъ, который, безспорно, видалъ женщинъ самаго лучшаго общества (ибо въ немъ и родился), имѣетъ, кажется, право въ такомъ сужденіи на авторитетъ. Въ этихъ разговорахъ и ругая Пѣшехоновыхъ, мы пріѣхали въ городъ почти на разсвѣтѣ, и кучеръ, которому предварительно не дали приказанія, привезъ прямо къ моей квартирѣ. Такимъ образомъ пропалъ предполагаемый чай, чему я былъ очень радъ, затѣмъ, что ужасно хотѣлось остаться одному. Дома я еще долго не спалъ, ходилъ по комнатѣ, смотрѣлъ на занимающуюся зарю и припоминалъ весь этотъ годъ, прошедшій для меня такъ незамѣтно, припомнилъ все, все, и грустно мнѣ стало, когда раздумался о судьбѣ своей. Съ тѣхъ поръ я скитаюсь безъ цѣли, настоящій Вѣчный жидъ. Почти нигдѣ не бываю. Надоѣло. Былъ у Гришина, который командированъ на Копалъ и на-дняхъ выходитъ (онъ будетъ и въ Вѣрномъ), былъ у Мадера, который находитъ, что я похудѣлъ, у Жулички (поздравлялъ съ именинами), гдѣ встрѣтилъ Пѣшехоновыхъ и поговорилъ съ ними, бываю у Бѣлихова и, наконецъ, хожу въ лагерь на ученіе. Иногда хвораю. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ татаръ—извозчиковъ! Ходилъ, ходилъ къ Ордынскому, и каждый вечеръ Силота бѣгалъ справляться. Заходилъ и на вашу квартиру, взялъ плющъ (онъ теперь со мной), видѣлъ осиротѣвшую Сурьку, бросившуюся ко мнѣ со всѣхъ ногъ, но не отходящую отъ дома. Наконецъ извозчики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю васъ несчетно, было для меня радостью. Я и татаръ разспрашивалъ. Они мнѣ много разсказали. Какъ хвалили васъ (всѣ-то васъ хвалятъ, Марія Дмитріевна)! Я имъ далъ денегъ. На другой день я видѣлъ Коптева у Врангеля. Онъ тоже мнѣ кое-что разсказалъ, но о самомъ интересномъ, о вашихъ деньгахъ для дороги, не могъ спросить его: вопросъ щекотливый. Я до сихъ поръ не придумаю, какъ вы доѣхали! Какъ мило вы написали письмо, Марія Дмитріевна! Именно такого письма я желалъ; какъ можно больше подробностей—и впередъ такъ дѣлайте. Я какъ будто вижу вашу бабушку. Негодная старуха! Да она васъ сживаетъ со свѣту. Пусть остается

съ своими моськами „по гробъ своей жизни“. Я надѣюсь, что Александръ Ивановичъ завѣщаніе вытянетъ, такъ должно, а ее не возьметъ. Ее надо увѣрить, что такъ будетъ лучше; иначе она должна дать подписку, что умретъ черезъ три мѣсяца (за каждый мѣсяцъ по 1.000 рублей), иначе не принимайте. Неужели вамъ, вамъ, Марія Дмитріевна, придется ходить за ея моськами да еще съ вашимъ здоровьемъ! Вѣдь эти старухи такъ несносны! Письмо ваше прочитывалъ Врангелю (мѣстами, конечно). Не утерпѣлъ и сходилъ къ Еленѣ: одна, бѣдная. Какъ мнѣ было жаль, что вы хворали дорогой! Когда-то дождусь вашего письма! Я такъ безпокоюсь! Какъ-то вы доѣхали? Жму крѣпко руку Александру Ивановичу и цѣлую его. Надѣюсь, что онъ напишетъ мнѣ въ скорости. Обнимаю его отъ всего сердца и какъ другъ, какъ братъ, желаю ему лучшей компаніи. Неужели и въ Кузнецкѣ онъ будетъ такъ же неразборчивъ въ людяхъ, какъ въ Семипалатинскѣ? Да стоитъ ли этотъ народъ, чтобы водиться съ нимъ, пить-ѣсть съ ними и отъ нихъ же сносить гадости! Да это значитъ вредить себѣ сознательно! И какъ противны они, главное, какъ грязны! Послѣ иной компаніи такъ же грязно на душѣ, какъ будто въ кабакъ сходилъ. Надѣюсь, Александръ Ивановичъ за мои пожеланія на меня не разсердится. Прощайте, незабвенная Марія Дмитріевна! Прощайте! Вѣдь увидимся, не правда ли? Пишите мнѣ чаще и больше, пишите о Кузнецкѣ, о новыхъ людяхъ, о себѣ какъ можно больше. Поцѣлуйте Пашу. Прощайте, прощайте, неужели не увидимся?!

Ѳедоръ Достоевскій.

П. Е. Анненковой[1]).

Семипалатинскъ, 18 октября 1855 г.

Прасковья Егоровна! Я такъ давно желалъ писать къ вамъ и такъ давно жду удобнаго случая, что не могу пропустить теперешняго. Податель письма моего, Алексѣй Ивановичъ Бахиревъ, очень скромный и очень добрый молодой человѣкъ, простая и честная душа. Я знаю его уже полтора года и увѣренъ, что не ошибаюсь въ его качествахъ.

Я всегда буду помнить, что съ самаго прибытія моего въ Сибирь, вы и все превосходное семейство ваше брали и во мнѣ и

---

[1]) „Русск. Вѣстн.“, 1884, 4.—Прасковья Егоровна Анненкова, жена декабриста Ивана Александровича Анненкова.

въ товарищахъ моихъ по несчастію полное и искреннее участіе. Я не могу вспоминать объ этомъ безъ особеннаго, утѣшительнаго чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывалъ въ жизни тяжелую долю и зналъ ея горечь, особенно въ иныя мгновенія, тотъ понимаетъ, какъ сладко въ такое время встрѣтить братское участіе, совершенно неожиданно.

Вы были таковы со мною, и я помню встрѣчу съ вами, когда вы пріѣзжали въ Омскъ и когда еще я былъ въ каторгѣ.

Съ самаго пріѣзда моего въ Семипалатинскъ я не получалъ почти никакихъ извѣстій о Константинѣ Ивановичѣ и многоуважаемой Ольгѣ Ивановнѣ, знакомство съ которой будетъ всегда однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни [1]). Полтора года назадъ, когда я и Дуровъ вышли изъ каторги, мы провели почти цѣлый мѣсяцъ въ ихъ домѣ.

Вы поймете, какое впечатлѣніе должно было оставить такое знакомство на человѣкѣ, который уже четыре года, по выраженію моихъ прежнихъ товарищей каторжныхъ, былъ какъ ломоть отрѣзанный, какъ въ землю закопанный. Ольга Ивановна протянула мнѣ руку, какъ родная сестра, и впечатлѣніе этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется свѣтлымъ и яснымъ на всю мою жизнь. Дай Богъ ей много, много счастья,—счастья въ ней самой и счастья въ тѣхъ, кто ей милы. Я бы очень желалъ узнать что-нибудь о ней. Мнѣ кажется, что такія прекрасныя души, какъ ея, должны быть счастливы; несчастны только злые. Мнѣ кажется, что счастье—въ свѣтломъ взглядѣ на жизнь и въ безупречности сердца, а не во внѣшнемъ. Такъ ли? Я увѣренъ, что вы это глубоко понимаете, и потому такъ вамъ и пишу.

Жизнь моя тянется кое-какъ, но увѣдомляю васъ, что я имѣю большія надежды... Надежды мои основаны на нѣкоторыхъ фактахъ; обо мнѣ сильно стараются въ Петербургѣ, и, можетъ-быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я что-нибудь и узнаю.

Вы, вѣроятно, уже знаете, что Дуровъ по слабости здоровья выпущенъ изъ военной службы и поступилъ въ гражданскую, въ Омскѣ. Можетъ-быть, вы имѣете о немъ извѣстія. Мы съ нимъ не переписываемся, хотя, конечно, другъ объ другѣ хорошо помнимъ.

Баронъ Врангель, вашъ знакомый, вамъ кланяется. Я съ нимъ очень друженъ. Это прекрасная молодая душа; дай Богъ ему всегда остаться такимъ.

---

[1]) Ольга Ив.—дочь Анненковыхъ, замужемъ за Конст. Ив. Ивановымъ, служившимъ въ Омскѣ.

Мое глубочайшее уваженіе, полное и искреннее, вашему супругу. Желаю вамъ полнаго счастія. Не слыхали ли вы чего объ одномъ гаданіи [1]) въ Омскѣ въ мое время? Я помню—оно поразило Ольгу Ивановну.

Прощайте, многоуважаемая Прасковья Егоровна.

Я увѣренъ, что Богъ приведетъ намъ свидѣться, и, можетъ-быть, скоро. Я этого очень желаю. Я съ благоговѣніемъ вспоминаю о васъ и всѣхъ вашихъ.

Позвольте пребыть, съ глубочайшимъ уваженіемъ, вамъ совершенно преданнымъ.

Ѳ. Достоевскій.

Отъ Константина Ивановича я получилъ нынѣшнимъ лѣтомъ нѣсколько строкъ.

А. И. Бахирева я очень уважаю, но не во всемъ съ нимъ откровененъ.

Аполлону Николаевичу Майкову.

Семипалатинскъ, 18 генваря, 1856 г.

Давно хотѣлось мнѣ отвѣтить на ваше дорогое письмо, дорогой мой Ап. Ник—чъ. Какъ-то повѣяло на меня старымъ, прежнимъ, когда я читалъ его. Благодарю васъ безсчетно за то, что меня не забыли. Не знаю почему, мнѣ казалось всегда, что вы меня не забудете, развѣ ужъ по одному тому, что я васъ забыть не могъ. Вы пишете, что много прошло времени, много измѣнилось, много пережилось. Я за себя отвѣчаю. Много любопытнаго могъ бы я вамъ написать о себѣ. Не пеняйте только, что теперь пишу письмо наскоро, урывками и, можетъ-быть, неясное. Но я испытываю въ эту минуту то, что, вѣроятно, испытали и вы, когда ко мнѣ писали: невозможность высказать себя послѣ стольких лѣтъ не только въ одномъ, но даже и въ 50 листахъ. Тутъ нужно говорить глазъ на глазъ, чтобы душа читалась на лицѣ, чтобы сердце сказывалось въ звукахъ слова. Одно слово, сказанное съ убѣжденіемъ, съ полною искренностью и безъ колебаній, глазъ на глазъ, лицомъ къ лицу, гораздо болѣе значитъ, нежели десятки листовъ исписанной бумаги. Благодарю васъ особенно за свѣдѣнія о себѣ.

[Идетъ нѣсколько фразъ о людяхъ, близкихъ А. Н. Майкову.]

---

[1]) Какой-то спиритическій сеансъ, на которомъ О. И. получила поразившій ее и Ѳ. М—ча отвѣтъ на мысленный вопросъ о наслѣдствѣ Анненковыхъ.

Можетъ-быть, вы черезъ брата знаете нѣкоторыя подробности обо мнѣ. Въ часы, когда мнѣ нечего дѣлать, я кое-что записываю изъ воспоминаній моего пребыванія въ каторгѣ, что̀ было полюбопытнѣе [1]). Впрочемъ, тутъ мало чисто личнаго, если кончу и когда-нибудь будетъ *очень удобный* случай, то пришлю вамъ экземпляръ, написанный моей рукой, на память обо мнѣ.

[Слѣдуетъ горячая рекомендація Майкову А. Е. Врангеля, доставившаго письмо.]

Вы говорите, что вспоминали обо мнѣ горячо и говорили: зачѣмъ, зачѣмъ? Я самъ васъ вспоминалъ горячо, а на слово ваше: зачѣмъ?—ничего не скажу,—будетъ лишнее. Вы говорите, что много пережили, много передумали и много выжили новаго. Это и не могло быть иначе, и я увѣренъ, что мы и теперь поладили бы съ вами въ мысляхъ. Я тоже думалъ и переживалъ, и были такія обстоятельства, такія вліянія, что приходилось переживать, передумывать и пережевывать слишкомъ много, даже не подъ силу. Зная меня очень хорошо, вы, вѣрно, отдадите мнѣ справедливость, что я всегда слѣдовалъ тому, что мнѣ казалось лучше и прямѣе, и не кривилъ сердцемъ, и то, чему я предавался,—предавался горячо. Не думайте, что я этими словами дѣлаю какіе-нибудь намеки на то, за что̀ я попалъ сюда. Я говорю теперь о послѣдовавшемъ за тѣмъ, о прежнемъ же говорить не у мѣста, да и было-то оно не болѣе какъ случай. Идеи мѣняются, сердце остается одно. Читалъ письмо ваше и не понялъ главнаго. Я говорю о патріотизмѣ, о русской идеѣ, о чувствѣ долга, чести національной, обо всемъ, о чемъ вы съ такимъ восторгомъ говорите. Но, другъ мой! Неужели вы были когда-нибудь иначе? Я всегда раздѣлялъ именно эти же самыя чувства и убѣжденія. Россія, долгъ, честь?—Да! я всегда былъ истинно-русскій—говорю вамъ откровенно. Что же новаго въ томъ движеніи, обнаружившемся вокругъ васъ, о которомъ вы пишете, какъ о какомъ-то новомъ направленіи? Признаюсь вамъ, я васъ не понялъ. Читалъ ваши стихи и нашелъ ихъ прекрасными; вполнѣ раздѣляю съ вами патріотическое чувство *нравственнаго* освобожденія славянъ. Это роль Россіи,—благородной, великой Россіи, святой нашей матери. Какъ хорошо окончаніе, послѣднія строки въ вашемъ „Клермонтскомъ соборѣ“! Гдѣ вы взяли такой языкъ, чтобъ выразить такъ великолѣпно такую огромную мысль? Да! раздѣляю съ вами идею, что Европу и назначеніе ея окончитъ Россія. Для меня это давно было ясно. Вы пишете, что общество какъ бы проснулось отъ апатіи. Но вы знаете, что въ нашемъ обществѣ вообще манифестацій не бываетъ, но кто же изъ этого заключалъ когда-

[1]) „Записки изъ Мертваго Дома“.

нибудь, что оно безъ энергіи? Освѣтите хорошо мысль и позовите общество, и общество васъ пойметъ. Такъ и теперь: идея была освѣщена великолѣпно, вполнѣ національно и рыцарски (это правда, надо отдать справедливость) — и наша политическая идея, завѣщанная еще Петромъ, оправдалась всѣми. Можетъ-быть, васъ смущаетъ и смущалъ еще недавно наплывъ французскихъ идей въ ту часть общества, которая мыслитъ, чувствуетъ и изучаетъ? Тутъ была и исключительность, правда, но всякая исключительность по натурѣ своей вызываетъ противоположность. Но согласитесь сами, что всѣ здравомыслящіе, т.-е. тѣ, которые даютъ тонъ всему, смотрѣли на французскія идеи со стороны научной,— не болѣе, и сами, можетъ-быть, даже преданные исключительности, были всегда русскими. Въ чемъ же вы видите новость? Увѣряю васъ, что я, наприм., до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это былъ русскій народъ, мои братья по несчастью, и я имѣлъ счастье отыскать не разъ даже въ душѣ разбойника великодушіе, потому собственно, что могъ понять его, ибо былъ самъ русскій. Несчастіе мое дало мнѣ многое узнать практически, можетъ-быть, много вліянія имѣла на меня эта практика, но я узналъ практически и то, что я всегда былъ русскимъ по сердцу. Можно ошибиться въ идеѣ, но нельзя ошибиться сердцемъ и ошибкой стать безсовѣстнымъ, т.-е. дѣйствовать противъ своего убѣжденія. Но зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ все это пишу? Вѣдь знаю, что ничего не выскажу въ строчкахъ, зачѣмъ же это писать? Скажу вамъ еще кое-что о себѣ. Въ каторгѣ я читалъ очень мало, рѣшительно не было книгъ. Иногда попадались. Выйдя сюда, въ Семипалатинскъ, я сталъ читать больше. Но все-таки нѣтъ книгъ и даже нужныхъ книгъ, а время уходитъ. Не могу вамъ выразить, сколько я мукъ терпѣлъ оттого, что не могъ въ каторгѣ писать. А между прочимъ, внутренняя работа кипѣла. Кое-что выходило хорошо, я это чувствовалъ. Я создалъ тамъ въ головѣ большую окончательную мою повѣсть. Я боялся, чтобъ первая любовь къ моему созданію не простыла, когда минутъ года и когда насталъ бы часъ исполненія, — любовь, безъ которой и писать нельзя. Но я ошибся: характеръ, созданный мною и который есть основаніе всей повѣсти, потребовалъ нѣсколькихъ лѣтъ развитія и я увѣренъ, я бы испортилъ все, если бъ принялся сгоряча, неприготовленный. Но, выйдя изъ каторги, хотя все было готово, я не писалъ. Я не могъ писать. Одно обстоятельство, одинъ случай, долго медлившій въ моей жизни и, наконецъ, посѣтившій меня, увлекъ и потопилъ меня совершенно. Я былъ счастливъ, я не могъ работать. Потомъ грусть и горе посѣтили меня. Я потерялъ то, что составляло для меня все. Сотни верстъ раздѣлили

насъ. Я вамъ не объясняю дѣла, можетъ-быть, когда-нибудь объясню; теперь не могу [1]). Однакоже я не былъ совершенно празднымъ. Я работалъ; но я отложилъ мое главное произведеніе въ сторону. Нужно болѣе спокойствія духа. Я шутя началъ комедію и шутя вызвалъ столько комической обстановки, столько комическихъ лицъ, и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія какъ можно дальше слѣдить за приключеніями моего новаго героя и самому хохотать надъ нимъ. Этотъ герой мнѣ нѣсколько сродни. Короче, я пишу комическій романъ [2]), но до сихъ поръ все писалъ отдѣльныя приключенія; написалъ довольно, теперь все сшиваю въ цѣлое. Ну, вотъ вамъ реляція объ моихъ занятіяхъ: не могъ не разсказать; это оттого, что заговорилъ *съ вами* и вспомнилъ наше старое, незабвенный другъ мой. Да! Я много разъ былъ счастливъ съ вами: какъ же бы я могъ васъ забыть! Вы пишете мнѣ кое-что о литературѣ. За нынѣшній годъ я почти ничего не читалъ. Скажу вамъ и свои наблюденія: Тургеневъ мнѣ нравится наиболѣе—жаль только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности. Л. Т. [3]) мнѣ очень нравится, но, по моему мнѣнію, много не напишетъ (впрочемъ, можетъ-быть, я ошибаюсь). Островскаго совсѣмъ не знаю, ничего не читалъ въ цѣломъ, но читалъ много отрывковъ въ разборахъ о немъ. Онъ, можетъ-быть, знаетъ извѣстный классъ Руси хорошо, но, мнѣ кажется, онъ не художникъ. Къ тому же мнѣ кажется, онъ *поэтъ безъ идеала*. Разувѣрьте меня, пожалуйста, пришлите мнѣ ради Бога, что̀ получше изъ его сочиненій, чтобъ я могъ знать его не по однѣмъ критикамъ. Писемскаго я читалъ „Фанфаронъ“ и „Богатый женихъ“—больше ничего. Онъ мнѣ очень нравится. Онъ уменъ, добродушенъ и даже наивенъ, разсказываетъ хорошо. Но одно въ немъ грустно: спѣшитъ писать. Слишкомъ скоро и много пишетъ. Нужно имѣть побольше самолюбія, побольше уваженія къ своему таланту и къ искусству, больше любви къ искусству. Идеи смолоду такъ и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчасъ высказывать, спѣшить высказываться. Лучше подождать побольше синтезу, — побольше думать; подождать, пока многое мелкое, выражающее одну идею, соберется въ одно большее, въ одинъ крупный, рельефный образъ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго

[1]) Намекъ о любви къ М. Д. Исаевой.

[2]) Повидимому, „Дядюшкинъ сонъ“. Но героя „сродни автору“ въ этомъ произведеніи не имѣется.

[3]) Левъ Толстой.

и упорно. Не выражать же всѣ промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли вы меня! Что же касается до Писемскаго, то, мнѣ кажется, онъ мало сдерживаетъ перо. Наши дамы-писательницы пишутъ, какъ дамы-писательницы, т.-е. умно, мило и чрезвычайно спѣшатъ высказываться. Скажите, почему дама-писательница почти никогда не бываетъ строгимъ художникомъ? Даже несомнѣнный, колоссальный художникъ Georges Sand не разъ вредила себѣ своими дамскими свойствами.—Много мелкихъ вашихъ стиховъ читалъ въ журналахъ за *все время*... Они мнѣ очень нравились. Мужайтесь и работайте. Скажу вамъ по секрету, по большому секрету: Тютчевъ очень замѣчателенъ, но... и т. д. Какой это Тютчевъ, не нашъ ли? Впрочемъ, многіе изъ его стиховъ превосходны.

Прощайте, дорогой другъ мой. Извините за безсвязность письма. Въ письмѣ никогда ничего не напишешь. Вотъ почему я терпѣть не могу m-me de Sevigné. Она писала уже слишкомъ хорошо письма.—Кто знаетъ? Можетъ-быть, когда-нибудь я обниму васъ. Далъ бы Богъ! Ради Бога *никому* (вполнѣ *никому*) не сообщайте письма моего. Обнимаю васъ.

Э. И. Тотлебену [1]).

Ваше Превосходительство Эдуардъ Ивановичъ!

Простите меня, что осмѣливаюсь утруждать ваше вниманіе письмомъ моимъ. Боюсь, что, взглянувъ на подпись его, на имя, вами, вѣроятно, забытое,—хотя я когда-то (очень давно) и имѣлъ честь быть вамъ извѣстнымъ, — боюсь, что вы разсердитесь на меня и на дерзость мою и бросите, не прочитавъ его. Умоляю васъ, будьте снисходительнѣе. Не обижайте меня въ томъ, что я не понимаю всей неизмѣримой разницы между моимъ положеніемъ и вашимъ. Въ моей жизни было слишкомъ много печальнаго опыта, чтобъ я могъ не понять этой разницы. Я очень хорошо понимаю и то, что не имѣю никакого права припоминать теперь то, что былъ когда-то вамъ извѣстенъ, припоминать съ тѣмъ, чтобъ считать это хоть за одну тѣнь права на вниманіе ваше. Но я такъ несчастенъ, что почти поневолѣ повѣрилъ надеждѣ, что вы не закроете свое сердце для несчастнаго изгнанника, подарите ему хоть одну минуту вниманія.

---

[1]) Товарищъ Д—аго по училищу, Э. И. Тотлебенъ былъ уже тогда извѣстенъ, какъ защитникъ Севастополя. Письмо напечатано въ журналѣ „Былое“, 1907, I, и въ сборникѣ „Петрашевцы“, М., 1907. Оно было передано Тотлебену барономъ А. Е. Врангелемъ.

Я просилъ передать это письмо барона Александра Егоровича Врангеля. Въ бытность свою здѣсь, въ Семипалатинскѣ, онъ сдѣлалъ для меня столько, сколько родной братъ не могъ бы сдѣлать. Я такъ счастливъ былъ его дружбой. Онъ знаетъ всѣ мои обстоятельства. Я просилъ его передать вамъ мое письмо лично, онъ сдѣлаетъ это, несмотря на то, что я даже не имѣю возможности увѣрить его, что письмо это будетъ принято вами снисходительно. Сомнѣніе понятно въ сердцѣ человѣка, бывшаго каторжника. Я имѣю къ вамъ огромную просьбу, только робкую надежду, что она будетъ вами услышана.

Можетъ-быть, вы слышали о моемъ арестѣ, судѣ и высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей по дѣлу, въ которомъ я былъ замѣшанъ въ 1849 году. Можетъ-быть, вы обратили на судьбу мою нѣкоторое вниманіе. Я основываю предположеніе это на томъ, что съ младшимъ братомъ вашимъ, Адольфомъ Ивановичемъ, былъ очень друженъ, почти съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ его горячо. И хотя я съ нимъ не видался въ послѣднее время, но увѣренъ, что онъ пожалѣлъ обо мнѣ и, можетъ-быть, передалъ вамъ мою грустную исторію. Я не осмѣлюсь утруждать вашего вниманія разсказомъ объ этомъ дѣлѣ. Я былъ виновенъ, я сознаю это вполнѣ. Я былъ уличенъ въ намѣреніи (но не болѣе) дѣйствовать противъ правительства; я былъ осужденъ законно и справедливо; долгій опытъ, тяжелый и мучительный, протрезвилъ меня и во многомъ перемѣнилъ мои мысли. Но тогда, тогда я былъ слѣпъ, вѣрилъ въ теоріи и утопіи. Когда я отправился въ Сибирь, у меня, по крайней мѣрѣ, оставалось одно утѣшеніе, что я велъ себя передъ судомъ честно, не сваливалъ своей вины на другихъ и даже жертвовалъ своими интересами, если видѣлъ возможность своимъ признаніемъ выгородить изъ бѣды другихъ. Но я повѣрилъ себѣ, я не сознавался во всемъ и за это наказанъ былъ строже. Передъ тѣмъ я былъ два года сряду боленъ, болѣзнію странною, нравственною. Я впалъ въ ипохондрію. Было даже время, что я терялъ разсудокъ. Я былъ слишкомъ раздражителенъ, съ впечатлительностью, развитою болѣзненно, со способностью искажать самые обыкновенные факты и придавать имъ другой видъ и размѣръ. Но я чувствовалъ, что, хотя эта болѣзнь и имѣла сильное враждебное вліяніе на судьбу мою, она была бы очень плохимъ оправданіемъ и даже унизительнымъ. Да я и не сознавалъ тогда этого хорошо. Простите меня за такія подробности. Но будьте великодушны и выслушайте меня до конца.

Для меня настала каторга,—4 года грустнаго, ужаснаго времени. Я жилъ съ разбойниками, съ людьми безъ человѣческихъ чувствъ, съ извращенными правилами; не видалъ и не могъ видѣть во всѣ эти 4 года ничего отраднаго, кромѣ самой черной,

самой безобразной дѣйствительности. Я не имѣлъ подлѣ себя ни одного существа, съ которымъ бы могъ переговорить хоть одно задушевное слово; я терпѣлъ голодъ, холодъ, болѣзни, работу не по силамъ и ненависть моихъ товарищей—разбойниковъ, мстившихъ мнѣ за то, что я былъ дворянинъ и офицеръ. Но клянусь вамъ, не было для меня мученія выше того, когда я понялъ свои заблужденія, понявъ въ то же время, что я отрѣзанъ отъ общества изгнанничествомъ и не могу уже быть полезнымъ по мѣрѣ моихъ силъ, желанія и способностей. Я знаю, что былъ осужденъ за мечты, за теоріи. Мысли и даже убѣжденія мѣняются, мѣняется и весь человѣкъ, и каково же теперь страдать за то, чего уже нѣтъ, что измѣнилось во мнѣ въ противную сторону,—страдать за прежнія заблужденія, которыхъ неосновательность я уже самъ вижу; чувствовать силы и способности, чтобы сдѣлать хоть что-нибудь для искупленія безполезности прежняго и томиться въ бездѣйствіи. Теперь я солдатъ, служу въ Семипалатинскѣ и нынѣшнимъ лѣтомъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Я знаю, что многіе приняли и принимаютъ во мнѣ искреннее участіе; что за меня хлопотали и просили, меня обнадеживали и обнадеживаютъ. Монархъ добръ, милосердъ. Я знаю, наконецъ, что трудно тому, кто рѣшился доказать, что несчастный человѣкъ желаетъ сдѣлать что-нибудь доброе, когда-нибудь не достичь своей цѣли. Что-нибудь и я могу сдѣлать; не безъ способностей же я, не безъ чувствъ, не безъ правилъ. Великая, огромная просьба есть у меня до васъ, Эдуардъ Ивановичъ. Одно только затрудняетъ меня: я не имѣю никакого права безпокоить васъ собою. Но у васъ благородное, возвышенное сердце. Объ этомъ можно говорить; вы такъ славно доказали это еще недавно, въ виду цѣлаго свѣта. Я уже давно, раньше другихъ, имѣлъ счастье получить объ васъ это мнѣніе и уже давно, давно научился уважать васъ. Ваше слово можетъ много значить теперь у милосерднаго Монарха нашего, вамъ благодарнаго и васъ любящаго. Вспомните о бѣдномъ изгнанникѣ и помогите ему. Я желаю быть полезнымъ. Трудно, имѣя въ душѣ силы, а на плечахъ голову, не страдать отъ бездѣйствія. Но военное званіе не мое поприще. Я готовъ тянуться изъ всѣхъ силъ; но я больной человѣкъ и, кромѣ того, чувствую, что я болѣе склоненъ къ другому поприщу, болѣе сообразному съ моими способностями. Вся мечта моя быть уволеннымъ изъ военнаго званія и поступить въ статскую службу, гдѣ-нибудь въ Россіи, или даже здѣсь; имѣть хоть нѣкоторую свободу въ избраніи себѣ мѣстожительства. Но не службу считаю я главною цѣлью жизни моей. Когда-то я былъ обнадеженъ благосклоннымъ пріемомъ публики на литературномъ пути. Я желалъ бы имѣть позволеніе печатать. При-

мѣры тому были: политическіе преступники, по благосклонному къ нимъ вниманію и милосердію, получали позволеніе писать и печатать еще прежде меня. Званіе писателя я всегда считалъ благороднѣйшимъ, полезнѣйшимъ званіемъ. Есть у меня убѣжденіе, что только на этомъ пути я могъ бы истинно быть полезнымъ, можетъ-быть, и я обратилъ бы на себя хоть какое-нибудь вниманіе, пріобрѣлъ бы себѣ опять доброе имя, и хотя нѣсколько обезпечилъ свое существованіе, ибо я ничего не имѣю, кромѣ нѣкоторыхъ и очень небольшихъ, можетъ-быть, литературныхъ способностей. Не скрою отъ васъ, что, кромѣ искренняго желанія моего перемѣнить свою участь на другую, болѣе соотвѣтствующую моимъ силамъ, одно обстоятельство, отъ котораго, можетъ-быть, зависитъ счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное) [1]), побудило меня попробовать осмѣлиться напомнить вамъ о себѣ. Не всего разомъ прошу я, но только по возможности выйти изъ военной службы и права поступить въ статскую.

Прочтите эти просьбы мои, не обвините въ малодушіи. Я столько перенесъ страданій, что, право, доказалъ одною возможностью ихъ перенесть и терпѣніе и даже нѣкоторую долю мужества. Но теперь я упалъ духомъ и самъ чувствую это. Я всегда считалъ за малодушіе безпокоить собою другихъ, кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе мнѣ безпокоить собою васъ. Но имѣйте жалость ко мнѣ, умоляю васъ. Я мужественно переносилъ до сихъ поръ мое бѣдствіе. Теперь же обстоятельства сломили меня, и я рѣшился на попытку, только на попытку. Мысль писать вамъ и просить васъ о себѣ не приходила прежде ко мнѣ, клянусь вамъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и тяжело было бы напоминать вамъ о себѣ. Съ самымъ безкорыстнымъ и восторженнымъ чувствомъ слѣдилъ я все это послѣднее время за подвигомъ вашимъ. Если бъ вы знали, съ какимъ наслажденіемъ говорилъ я о васъ другимъ, вы бы повѣрили мнѣ. Если бъ вы знали, съ какою гордостью припоминалъ я, что имѣлъ честь знать васъ лично. Когда здѣсь узнали объ этомъ, то меня закидали вопросами о васъ, и мнѣ было такъ пріятно говорить о васъ. Я не боюсь вамъ написать это. Вашъ подвигъ такъ славенъ, что даже такія слова не могутъ показаться лестью. Податель письма этого можетъ засвидѣтельствовать передъ вами искренность и безкорыстіе чувствъ моихъ къ вамъ. Благодарность русскаго тому, кто въ эпоху несчастья покрылъ грозную оборону Севастополя вѣчной, неувядаемой славой,—понятна. Но, повторяю, и въ мысляхъ моихъ не было безпокоить васъ собою. Но теперь, въ минуту унынія и не зная, къ кому обратиться, я припомнилъ, какъ вы были со мною

---

[1]) Намѣреніе жениться на М. Д. Исаевой.

всегда радушны, просты и ласковы. Я припомнилъ васъ всегда съ смѣлыми и возвышенными движеніями сердца и повѣрилъ надеждѣ. Мнѣ подумалось: неужели вы оттолкнете меня теперь, когда вы ступили на такую славную и высокую степень, а я упалъ такъ низко, низко. Простите же смѣлость мою, особенно простите меня за это длинное (слишкомъ длинное, я понимаю это) письмо, и если что можете сдѣлать для меня, умоляю васъ, сдѣлайте. У меня есть до васъ еще одна чрезвычайная просьба, въ которой, умоляю васъ, не откажите мнѣ. Когда-нибудь напомните обо мнѣ вашему брату Адольфу Ивановичу и передайте ему, что я его люблю попрежнему, что во время 4-лѣтней каторги, перебирая въ умѣ всю прожитую жизнь мою, день за днемъ, часъ за часомъ, я не разъ встрѣчалъ его въ моихъ воспоминаніяхъ. Но онъ знаетъ, что я люблю его. Я помню, онъ былъ очень боленъ въ послѣднее время. Здоровъ ли онъ? Живъ ли онъ? Простите и за эту просьбу. Но я не знаю, чрезъ кого бы я могъ исполнить это давнишнее желаніе мое, и обратился къ вамъ. Я знаю, что, написавъ это письмо, я сдѣлалъ новую вину, противъ службы. Простой солдатъ пишетъ къ генералъ-адъютанту. Но вы великодушны, и вашему великодушію ввѣряю себя.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ искреннимъ благодарнымъ чувствомъ русскаго, осмѣлюсь пребыть

Вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугой

Ѳедоръ Достоевскій.

Семипалатинскъ,
24 марта 1856 г.

Резолюція Тотлебена: „Его Величество приказать изволилъ написать представленіе въ формѣ записки къ г. военному министру, ходатайства о производствѣ Ѳедора Достоевскаго въ прапорщики въ одинъ изъ полковъ 2 арміи. Если же это признано будетъ неудобнымъ, то съ чиномъ 14 класса уволить его для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, въ обоихъ случаяхъ дозволить ему литературныя занятія съ правомъ печатанія на узаконенныхъ основаніяхъ“.

Барону А. Е. Врангелю.

Семипалатинскъ, 13 апрѣля 1856 г.

[Въ началѣ письма мало значительныя дѣловыя подробности о положеніи Д—аго.]

...Вы пишете, что готовится что-то изъ милостей для насъ [1]), но что именно — это держатъ въ секретѣ. Сдѣлайте милость,

[1]) Т.-е. для политическихъ ссыльныхъ.

другъ мой безцѣнный, нельзя ли хоть что-нибудь узнать заранѣе относительно меня. Это мнѣ нужно, нужно. Если что узнаете, сообщите немедленно. О Кавказѣ я и не думаю. О Барнаульскомъ батальонѣ тоже. *Теперь* все это пустяки. Вы пишете, что всѣ любятъ царя. Я самъ обожаю его. Производство мое мнѣ лично очень важно, сознаюсь. Но если ждать офицерства, то это ждать еще долго, а мнѣ хоть что бы нибудь теперь, при коронаціи. Самое лучшее и здравое, конечно, хлопотать о позволеніи печатать. Я думаю переслать вамъ въ скоромъ времени стихи на коронацію, частнымъ образомъ. Но пойдутъ они тоже и офиціальнымъ путемъ. Вы, вѣрно, встрѣтитесь съ Гасфордомъ. Онъ вѣдь ѣдетъ на коронацію. Не поговорите ли вы ему, чтобъ онъ самъ представилъ мои стихи? Нельзя ли будетъ это сдѣлать? Увѣдомьте тоже меня, до котораго времени можно будетъ писать къ вамъ, ибо если вы оставите Петербургъ, то не хорошо будетъ, если письма пропадутъ. Я говорилъ вамъ о статьѣ объ Россіи. Но это выходитъ чисто политическій памфлетъ. Изъ статьи моей я слова не захотѣлъ бы выкинуть. Но врядъ ли позволили бы мнѣ начать мое печатаніе съ памфлета, несмотря на самыя патріотическія идеи. А выходило дѣльно и я былъ доволенъ. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросилъ ее. Ну, какъ откажутъ напечатать? Къ чему же пропадать моимъ трудамъ. А теперь мнѣ время дорого, чтобъ тратить его понапрасну, изъ удовольствія писать для себя. Да и политическія обстоятельства измѣнились. И потому я присѣлъ за другую статью: „Письма объ искусствѣ“. Е. В. Марія Николаевна — президентъ академіи. Хочу просить позволенія посвятить статью мою ей и напечатать безъ имени. Статья моя—плодъ десятилѣтнихъ обдумываній. Всю ее до послѣдняго слова я обдумалъ еще въ Омскѣ. Будетъ много оригинальнаго, горячаго, за изложеніе я ручаюсь. Можетъ-быть, во многомъ со мной будутъ несогласны многіе. Но я въ свои идеи вѣрю и того довольно. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. Въ нѣкоторыхъ главахъ цѣликомъ будутъ страницы изъ памфлета. Это собственно о назначеніи христіанства въ искусствѣ. Только дѣло въ томъ, гдѣ ее помѣстить? Напечатать отдѣльно — купятъ 100 человѣкъ, ибо это не романъ. Въ журналахъ дадутъ деньги. Но „Современникъ“ былъ всегда мнѣ враждебенъ, „Москвитянинъ“ тоже. „Русскій Вѣстникъ“ напечаталъ вступленіе къ разбору Пушкина, Каткова, гдѣ идеи совершенно противоположныя моимъ. Остаются однѣ „Отечеств. Записки“, но что дѣлается съ „Отеч. Записками“ теперь— я не знаю. И потому поговорите съ Майковымъ и братомъ, только такъ, въ видѣ проекта, возможно ли будетъ гдѣ-нибудь напечатать за деньги, и сообщите мнѣ. А главное, сижу за ро-

маномъ и это мое наслажденіе. Только этимъ я могу составить себѣ имя и обратить на себя вниманіе. Но, конечно, лучше начать прежде серьезной статьей (объ искусствѣ) и на нее просить разрѣшенія печатать, ибо на романъ до сихъ поръ смотрятъ какъ на пустяки. Такъ мнѣ кажется...

[Далѣе снова рѣчь о хлопотахъ по измѣненію участи Д.]

Брату М. М. Достоевскому.

Семипалатинскъ, 31 мая 1858 г.

[Въ началѣ письма нѣсколько мелочей.]

Ты пишешь, другъ мой, чтобъ я присылалъ тебѣ написанное. Не помню (вообще, у меня память стала очень плоха) — не помню, писалъ ли я тебѣ, что я открылъ сношенія съ Катковымъ („Русскій Вѣстникъ“) и послалъ ему письмо, въ которомъ предложилъ ему участвовать въ его журналѣ, и обѣщалъ повѣсть въ этомъ году, если онъ мнѣ пришлетъ сейчасъ 500 руб. сереб.? Эти 500 руб. я получилъ отъ него назадъ тому съ мѣсяцъ или недѣль пять, при весьма умномъ и любезномъ письмѣ. Онъ пишетъ, что очень радъ моему участію, немедленно исполняетъ мое требованіе (500 р.) и проситъ какъ можно менѣе стѣснять себя, работать не спѣша, т.-е. не на срокъ. Это прекрасно. Я сижу теперь за работой въ „Русскій Вѣстникъ“ (большая повѣсть); но только то бѣда, что я не уговорился съ Катковымъ о платѣ съ листа, написавъ, что полагаюсь въ этомъ случаѣ на его справедливость. Въ „Русское Слово“ тоже пришлю въ этомъ году: это я надѣюсь. Но не романъ мой, а повѣсть. Романъ же я отложилъ писать до возвращенія въ Россію. Это я сдѣлалъ по необходимости. Въ немъ идея довольно счастливая, характеръ новый, еще нигдѣ не являвшійся. Но такъ какъ этотъ характеръ, вѣроятно, теперь въ Россіи въ большомъ ходу, въ дѣйствительной жизни, особенно теперь, судя по движеніямъ и идеямъ, которыми всѣ полны, то я увѣренъ, что я обогачу мой романъ новыми наблюденіями, возвратясь въ Россію [1]). Торопиться, милый другъ мой, не надо, а надо стараться сдѣлать хорошо. Ты пишешь, дорогой мой, что я, вѣроятно, самолюбивъ, и теперь желаю явиться съ чѣмъ-нибудь очень хорошимъ и потому сижу и высиживаю это очень хорошее на яй-

1) Возможно, что это уже возникала мысль о „Преступленіи и наказаніи“.

цахъ. Положимъ, что такъ; но такъ какъ я уже отложилъ попеченіе явиться съ романомъ, а пишу двѣ повѣсти, которыя будутъ только что сносны (и то дай Богъ), то и высиживанія во мнѣ теперь нѣтъ. Но что у тебя за теорія, другъ мой, что картина должна быть написана сразу и проч., и проч., и проч.? Когда ты въ этомъ убѣдился? Повѣрь, что вездѣ нуженъ трудъ и огромный. Повѣрь, что легкое, изящное стихотвореніе Пушкина, въ нѣсколько строчекъ, потому и кажется написаннымъ сразу, что оно слишкомъ долго клеилось и перемарывалось у Пушкина. Это факты. Гоголь восемь лѣтъ писалъ „Мертвыя души“. Все, что написано сразу,—все было незрѣлое. У Шекспира, говорятъ, не было помарокъ въ рукописяхъ. Оттого-то у него такъ много чудовищностей и безвкусія, а работалъ бы—такъ было бы лучше. Ты явно смѣшиваешь вдохновеніе, т.-е. первое, мгновенное созданіе картины или движенія въ душѣ (что всегда такъ и дѣлается) съ работой. Я, наприм., сцену тотчасъ же и записываю, такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей; но потомъ цѣлые мѣсяцы, годъ, обрабатываю ее, вдохновляюсь ею *по нѣскольку разъ*, а не одинъ (потому что люблю эту сцену), и нѣсколько разъ прибавлю къ ней или убавлю что-нибудь, какъ уже и было у меня, и повѣрь, что выходило гораздо лучше. Было бы вдохновеніе. Безъ вдохновенія, конечно, ничего не будетъ.

Правда, у васъ теперь даютъ большую плату. Значитъ, Писемскій получилъ за „Тысячу душъ“ 200 или 250 руб. съ листа. Этакъ можно жить и работать не торопясь. Но неужели ты считаешь романъ Писемскаго прекраснымъ? Это только посредственность и хотя *золотая*, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть одинъ новый характеръ, *созданный*, никогда не являвшійся? Все это уже было и явилось давно у нашихъ писателей-новаторовъ, особенно у Гоголя. Это все старыя темы на новый ладъ. Превосходная клейка по чужимъ образцамъ, Сазиковская работа по рисункамъ Бенвенуто Челлини. Правда, я прочелъ только двѣ части; журналы поздно доходятъ къ намъ. Окончаніе второй части рѣшительно неправдоподобно и совершенно испорчено. Калиновичъ, обманывающій сознательно, невозможенъ. Калиновичъ по тому, какъ показалъ намъ авторъ прежде, долженъ былъ принести жертву, предложить жениться, покрасоваться, насладиться въ душѣ своимъ благородствомъ и быть увѣреннымъ, что онъ не обманетъ. Калиновичъ такъ самолюбивъ, что не можетъ себя даже и про себя считать подлецомъ. Конечно, онъ насладится всѣмъ этимъ, переночуетъ съ Настенькой, и потомъ, конечно, надуетъ, но это *потомъ*, когда дѣйствительность велитъ и, конечно, самъ себя утѣшитъ, скажетъ и

тутъ, что поступилъ благородно. Но Калиновичъ, надувающій сознательно и ночующій съ Настенькой, отвратителенъ и *невозможенъ*, т.-е. возможенъ, только не Калиновичъ. Но довольно объ этихъ пустякахъ.

Жду отставки и не дождусь.

[Идутъ соображенія какъ устроиться по полученіи ея съ денежными дѣлами.]

Брату М. М. Достоевскому.

Семипалатинскъ, 9 мая 1859 г.

[Въ началѣ письма рѣчь объ отставкѣ, состоявшейся 18 марта, но только теперь полученной въ Семипалатинскѣ, и о денежныхъ дѣлахъ.]

...Ты пишешь мнѣ безпрерывно такія извѣстія, что Гончаровъ, напримѣръ, взялъ 7.000 за свой романъ, а Тургеневу за его „Дворянское гнѣздо“ (я, наконецъ, прочелъ. Чрезвычайно хорошо) самъ Катковъ (у котораго я прошу 100 руб. съ листа) давалъ 4.000 рублей, т.-е. по 400 рублей съ листа. Другъ мой! Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже, и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. За что же я-то, съ моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургеневъ, у котораго 2.000 душъ, по 400? Отъ бѣдности я *принужденъ* торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно, *непремѣнно портить*.

[Соображенія о томъ, какъ выгоднѣе устроить дѣло съ Кушелевымъ, издателемъ „Русскаго Слова“.]

...Я оканчиваю теперь Каткову романъ [1]) (длинный вышелъ, листовъ 14 или 15). Три четверти его ужъ отослано; остальное отошлю въ первыхъ числахъ іюня. Слушай, Миша! Этотъ романъ, конечно, имѣетъ величайшіе недостатки и главное, можетъ-быть, растянутость; но въ чемъ я увѣренъ, какъ въ аксіомѣ,—это то, что онъ имѣетъ въ то же время и великія достоинства и что это лучшее мое произведеніе. Я писалъ его два года (съ перерывомъ въ срединѣ „Дядюшкина сна“). Начало и средина обдѣланы, конецъ писанъ наскоро. Но тутъ положилъ я мою душу, мою плоть и кровь. Я не хочу сказать, что я высказался въ немъ весь; это будетъ вздоръ. Еще будетъ много, что

---

[1]) „Село Степанчиково и его обитатели“. Романъ, однако, появился не у Каткова, такъ какъ съ Катковымъ Д—ій разошелся. Онъ предлагалъ „Село Степанчиково“ Некрасову въ „Современникъ“, и, въ концѣ-концовъ, романъ былъ взятъ Краевскимъ для „Отечественныхъ Записокъ“.

высказать. Къ тому же въ романѣ мало сердечнаго (т.-е. страстнаго элемента, какъ, напримѣръ, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ"), но въ немъ есть два огромныхъ типическихъ характера, *создаваемыхъ и записываемыхъ* пять лѣтъ, обдѣланныхъ безукоризненно (по моему мнѣнію), — характеровъ вполнѣ русскихъ и плохо до сихъ поръ указанныхъ русской литературой. Не знаю, оцѣнитъ ли Катковъ, но если публика приметъ мой романъ холодно, то, признаюсь, я, можетъ-быть, впаду въ отчаяніе. На немъ основаны всѣ лучшія надежды мои и, главное, упроченіе моего литературнаго имени...

(Снова идутъ денежные расчеты и соображенія.)

Г — жѣ Ш. [1]).

Вторникъ, 3 мая 1860 г.

Многоуважаемая и добрѣйшая... вотъ уже три мѣсяца какъ я въ Петербургѣ и воротился къ своимъ занятіямъ. Вся поѣздка въ Москву представляется мнѣ какъ сквозь сонъ; опять пріѣхалъ на сырость, на слякоть, на ладожскій ледъ, на скуку и проч., проч.

Воротился я сюда и нахожусь вполнѣ въ лихорадочномъ положеніи. Всему причиной мой романъ [2]). Хочу написать хорошо, чувствую, что въ немъ есть поэзія, знаю, что отъ удачи его зависитъ вся моя литературная карьера. Мѣсяца три придется теперь сидѣть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу! Спокойствіе, ясный взглядъ кругомъ, сознаніе, что сдѣлалъ то, что хотѣлъ сдѣлать, настоялъ на своемъ. Можетъ-быть, въ награду себѣ поѣду за границу мѣсяца на два, но передъ этимъ непремѣнно заѣду въ Москву.

...Самолюбіе—хорошая вещь, но по-моему его нужно имѣть только для главныхъ цѣлей, для того, что самъ поставилъ себѣ цѣлью и назначеніемъ жизни. А прочее все вздоръ. Только бы легко жилось,—это главное; да была бы симпатія къ людямъ, да еще чтобы удалось и отъ другихъ заслужить симпатію. Даже и безъ особенныхъ цѣлей — одно это уже достаточная цѣль въ жизни.

Но я слишкомъ зафилософствовался. Новостей я слышалъ мало, почти нѣтъ. Писемскій очень боленъ, ревматизмами. Я за-

---

1) „Русская Старина", 1883 г., сентябрь. Въ концѣ апрѣля 1860 г. Д—ій былъ въ Москвѣ и, возвратившись, написалъ вскорѣ г-жѣ Ш. (Штакеншнейдеръ).

2) „Униженные и оскорбленные".

ходилъ къ Ап. Майкову. Онъ разсказывалъ, что Писемскій блажитъ, сердится, капризится и проч. и проч., немудрено: болѣзнь мучительная. Кстати: не знавали ли вы одного Сниткина? Онъ еще пописывалъ комическіе стихи подъ именемъ Аммоса Шишкина. Представьте себѣ: заболѣлъ и умеръ въ какіе-нибудь шесть дней. Литературный фондъ принялъ участіе въ его семействѣ. Очень жаль. Впрочемъ, можетъ-быть, вы его не знали. Видѣлъ Крестовскаго [1]). Я его очень люблю. Написалъ онъ одно стихотвореніе и съ гордостью прочиталъ намъ его. Мы всѣ сказали ему, что это стихотвореніе—ужасная гадость, такъ какъ между нами принято говорить правду. Что же? Нимало не обидѣлся. Милый благородный мальчикъ! Онъ мнѣ такъ нравится (все болѣе и болѣе), что хочу, когда-нибудь, на попойкѣ выпить съ нимъ на „ты“. Удивительно странныя бываютъ иногда впечатлѣнія! Мнѣ все кажется, что Крестовскій долженъ скоро умереть, а почему это впечатлѣніе? и самъ рѣшить не могу.

Хочется намъ сдѣлать что-нибудь порядочное въ литературѣ, какое-нибудь предпріятіе. Сильно мы заняты этимъ [2]). Можетъ-быть, и удастся. По крайней мѣрѣ, всѣ эти задачи — дѣятельность, хотя только первый шагъ. А я понимаю, что значитъ первый шагъ, и люблю его. Это лучше скачковъ.

У меня прескверный характеръ, да только не всегда, а по временамъ. Это-то меня и утѣшаетъ.

Ѳедоръ Достоевскій.

В. Д. Константиновой [3]).

Парижъ, 1 сент. (н. с.) 1862.

Любезнѣйшая и многоуважаемая Варвара Дмитріевна! Вы, можетъ-быть, уже изъ письма моего къ Пашѣ [4]) знаете обо мнѣ, что я счастливо и благополучно добрался до города Парижа, гдѣ и засѣлъ, но, кажется, не надолго. Не нравится мнѣ Парижъ, хоть и великолѣпенъ ужасно. Много въ немъ есть кой-что посмотрѣть; но какъ посмотришь, то нападаетъ ужасная скука. Другое дѣло, если бъ я пріѣхалъ, какъ студентъ, учиться чему-нибудь. Ну, тутъ дѣло другое: было бы много занятій и многое надо было бы осмотрѣть и прослушать, а для туриста, какъ я,

---

[1]) Всеволодъ Крестовскій, авторъ „Петербургскихъ трущобъ“.
[2]) Журналъ „Время“.
[3]) „Минувшіе годы“, 1908, № 8.—В. Д.—сестра жены Д—аго, Исаевой.
[4]) Пасынокъ Ѳ. Д—аго.

наблюдающаго просто за нравами, французы мерзятъ, а городъ такъ мнѣ извѣстенъ. Право, лучше всего здѣсь фрукты и вино; это не надоѣдаетъ. О своихъ интимныхъ дѣлахъ я вамъ ничего не напишу: „письмо—вздоръ, письма пишутъ аптекари“. А напишу вамъ кой про какія дѣлишки. Дѣло въ томъ, голубчикъ Варвара Дмитріевна, что я къ вамъ съ нѣкоторой маленькой просьбой. Видите ли, я дорогой прожилъ дня четыре въ Висбаденѣ, ну, и игралъ, разумѣется, на рулеткѣ. Да вы что думаете? Вѣдь выигралъ, а не проигралъ; хоть не столько выигралъ, сколько хотѣлъ, не 100 тысячъ, а все-таки нѣкоторую маленькую капельку выигралъ. (Кстати, NB. Не говорите объ этомъ никому, милая Варвара Дмитріевна. Т.-е., хоть вамъ и некому сказать, такъ какъ вы мало кого видите, но я разумѣю, главное, Пашу, онъ еще глупъ, и, пожалуй, заберетъ въ голову, что можно составить игрой карьеру, ну, и будетъ на это надѣяться. Вѣдь забралъ же онъ себѣ недавно въ голову, что будетъ въ магазинѣ приказчикомъ, чтобъ добывать себѣ деньги, а слѣдовательно, не надо учиться — и это мнѣ объявилъ. Ну, и не слѣдуетъ ему знать, что его папаша посѣщаетъ рулетки. И потому ни слова). Я, Варвара Дмитріевна, въ эти четыре дня присмотрѣлся къ игрокамъ. Ихъ тамъ понтируетъ нѣсколько сотъ человѣкъ и, честное слово, кромѣ двухъ, не нашелъ умѣющихъ играть. Играла тамъ одна француженка и одинъ англійскій лордъ; вотъ эти такъ умѣли играть и не проигрались, а напротивъ, чуть банкъ не затрещалъ. Пожалуйста, не думайте, что я форсю, съ радости, что не проигралъ, говоря, что знаю секретъ, какъ не проиграть, а выиграть. Секретъ-то я, дѣйствительно, знаю; онъ ужасно глупъ и простъ и состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться поминутно, несмотря ни на какіе фазисы игры, и не горячиться. Вотъ и все, и проиграть при этомъ просто невозможно, а выиграете навѣрно. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, постигнувъ секретъ, умѣетъ ли и въ состояніи ли человѣкъ имъ воспользоваться? Будьте семи пядей во лбу, съ самымъ желѣзнымъ характеромъ и все-таки прорветесь. Философъ Страховъ, и тотъ бы прорвался. А потому блаженны тѣ, которые не играютъ и на рулетку смотрятъ съ омерзѣніемъ, и какъ на величайшую глупость. — Но о дѣлѣ. Я, голубчикъ Варвара Дмитріевна, выигралъ 5.000 франковъ, то-есть выигралъ сначала 10.400 франковъ, и ужъ домой принесъ и въ сакъ заперъ и ѣхать на другой день положилъ, не заходя на рулетку; но прорвался и спустилъ половину выигрыша. Такимъ образомъ и остался только при 5.000 франковъ. На всякій случай, я положилъ оставить часть этого выигрыша при себѣ, но часть посылаю въ Петербургъ, а именно: часть брату, чтобъ сохранилъ

эти деньги къ моему пріѣзду, и часть вамъ, для передачи или пересылки Марьѣ Дмитріевнѣ.

(Далѣе письмо содержитъ подробности о способѣ пересылки золота изъ-за границы и размѣнѣ его въ Россіи.)

Н. Н. Страхову.

Римъ, 18 (30) сентября 1863 г.

[Въ началѣ письма просьба уладить денежныя дѣла Достоевскаго съ „Библіотекой для чтенія“.]

...Пусть знаетъ Боборыкинъ [1]), такъ же какъ это знаютъ „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“, что я еще (кромѣ „Бѣдныхъ Людей“) во всю жизнь мою ни разу ни продавалъ сочиненій, не бравъ впередъ деньги. Я—литераторъ-пролетарій, и если кто захочетъ моей работы, то долженъ меня впередъ обезпечить. Порядокъ этотъ я самъ проклинаю. Но такъ завелось и, кажется, никогда не выведется. Но продолжаю:

Теперь готоваго у меня нѣтъ ничего. Но составился довольно счастливый (какъ самъ сужу) планъ одного разсказа. Большею частію онъ записанъ на клочкахъ. Я было даже началъ писать, но невозможно здѣсь жарко, и, во-вторыхъ, пріѣхалъ въ такое мѣсто, какъ Римъ, *на недѣлю;* развѣ въ эту недѣлю, *при Римѣ*, можно писать? Да и устаю я очень отъ ходьбы. Сюжетъ разсказа слѣдующій: одинъ типъ заграничнаго русскаго. Замѣтьте: о заграничныхъ русскихъ былъ большой вопросъ лѣтомъ въ журналахъ. Все это отразится въ моемъ разсказѣ. Да и вообще отразится современная минута (по возможности, разумѣется) нашей внутренней жизни. Я беру натуру непосредственную, человѣка, однакоже, многоразвитаго, во всемъ недоконченнаго, извѣрившагося и *не смѣющаго не вѣрить*, возстающаго на авторитеты и боящагося ихъ. Онъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и потому — жестокая критика на людей, зовущихъ изъ Россіи нашихъ заграничныхъ русскихъ. Но всего не разскажешь. Это лицо живое (весь какъ будто стоитъ передо мною), и его надо прочесть, когда онъ напишется. Главная же штука въ томъ, что всѣ его жизненные соки, силы, буйство, смѣлость—пошли на *рулетку*. Онъ—игрокъ, и не простой игрокъ—такъ же, какъ скупой рыцарь Пушкина не простой

1) П. А. Боборыкинъ, извѣстный романистъ, издавалъ въ то время „Библіотеку для чтенія“; въ письмѣ—рѣчь о романѣ „Игрокъ“, въ дѣйствительности написанномъ лишь въ 1866 г. и съ существеннымъ отступленіемъ отъ первоначальнаго замысла.

скупецъ. (Это вовсе не сравненіе меня съ Пушкинымъ. Говорю лишь для ясности). Онъ поэтъ въ своемъ родѣ, но дѣло въ томъ, что онъ самъ стыдится этой поэзіи, ибо глубоко чувствуетъ ея низость, хотя потребность *риска* и облагораживаетъ его въ глазахъ самого себя. Весь разсказъ — разсказъ о томъ, какъ онъ третій годъ играетъ по игорнымъ домамъ на рулеткѣ.

Если „Мертвый Домъ“ обратилъ на себя вниманіе публики, какъ изображеніе каторжныхъ, которыхъ никто не изображалъ *наглядно* до „Мертваго Дома“, то этотъ разсказъ обратитъ непремѣнно на себя вниманіе, какъ *наглядное* и подробнѣйшее изображеніе рулеточной игры. Кромѣ того, что подобныя статьи читаются у насъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, игра на водахъ, собственно относительно заграничныхъ русскихъ, имѣетъ нѣкоторое (можетъ-быть, немаловажное) значеніе.

Наконецъ я имѣю надежду думать, что изображу всѣ эти чрезвычайно любопытные предметы съ чувствомъ, съ толкомъ и безъ большихъ разстановокъ.

Вещь можетъ быть весьма недурная. Вѣдь былъ же любопытенъ „Мертвый Домъ“.

А это описаніе своего рода ада, своего рода каторжной „бани“. Хочу и постараюсь сдѣлать картину.

[Далѣе снова дѣловыя частности.]

А. П. Милюкову [1]).

Іюнь, 1866 г.

Дорогой и многоуважаемый другъ Александръ Петровичъ!

...Катковъ на дачѣ, въ Петровскомъ паркѣ, Любимовъ (редакторъ-исполнитель „Русск. Вѣстн.“) тоже на дачѣ. Въ редакціи только и можно застать (и то не всегда) убитаго тоской секретаришку, отъ котораго ничего не узнаешь. Однако я съ первыхъ дней-таки досталъ Любимова. У него уже были въ наборѣ три моихъ главы. Четвертую же я предложилъ ему написать ускоренно, что и составило бы половину окончанія

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1889 г., № 2. *Примѣчаніе.* Письмо писано въ іюнѣ 1866 года. Въ это время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печатался знаменитый романъ Ѳ. М. Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“. Девятая глава второй части, гдѣ описывается посѣщеніе Раскольниковымъ Сони, несчастной женщины, поддерживавшей своимъ печальнымъ ремесломъ существованіе семьи, и чтеніе ими Евангелія, возбудила нѣкоторыя сомнѣнія въ редакціи, и М. Н. Катковъ не рѣшался печатать главу въ томъ видѣ, какъ она была доставлена авторомъ. Ѳедоръ Михайловичъ, отноше-

2-й части романа (4 печатныхъ листа), и къ слѣдующему номеру осталось бы еще четыре главы, т.-е. полное окончаніе 2-й части. Но Любимовъ съ первыхъ словъ сказалъ мнѣ: „Я васъ ожидалъ, чтобъ сказать вамъ, что теперь, въ іюнѣ и въ іюлѣ, не только можно (и должно) печатать понемножку, но даже одинъ мѣсяцъ и совсѣмъ пропустить, ибо лѣтніе мѣсяцы, а мы лучше расположимся такъ, чтобы вся 2-я половина романа пришлась бы болѣе къ осени, и послѣднія строки заключились бы въ декабрѣ, ибо эффектъ будетъ способствовать подпискѣ“. Вслѣдствіе чего и рѣшено было пропустить еще мѣсяцъ. Такъ что 4 главы (4 листа) явятся въ номерѣ, имѣющемъ выйти въ іюлѣ, и уже сданы въ наборъ.

Но въ расчетѣ Любимова (оказалось впослѣдствіи) была еще и другая, весьма коварная для меня мысль, а именно: что одну изъ этихъ, сданныхъ мною четырехъ главъ,—нельзя напечатать, что и рѣшено было имъ, Любимовымъ, и утверждено Катковымъ. Я съ ними обоими объяснялся—стоятъ на своемъ! Про главу эту я ничего не умѣю самъ сказать: я писалъ ее въ вдохновеніи настоящемъ, но, можетъ-быть, она и скверная; но дѣло у нихъ не въ литературномъ достоинствѣ, а въ опасеніи за *нравственность*. Въ этомъ я былъ правъ,—ничего не было противъ нравственности и даже *чрезмѣрно напротивъ*, но они видятъ другое, и, кромѣ того, видятъ слѣды *нигилизма*. Любимовъ объявилъ *рѣшительно*, что *надо* передѣлать. Я взялъ, и эта передѣлка большой главы стоила мнѣ, по крайней мѣрѣ, трехъ новыхъ главъ работы, судя по труду и тоскѣ, но я переправилъ и сдалъ. Но вотъ бѣда! Не видалъ Любимова потомъ, и не знаю: удовольствуются ли они передѣлкою и не передѣлаютъ ли сами? То же было и еще съ одной главой (изъ этихъ 4), гдѣ Любимовъ объявилъ мнѣ, что много выпустилъ (хотя я за это и не очень стою, потому что выпустили мѣсто не важное).

Не знаю, что будетъ далѣе, но эта начинающая обнаруживаться съ теченіемъ романа противоположность воззрѣній съ редакціей начинаетъ очень меня безпокоить.

За романъ Стелловскому я еще и не принимался, но примусь. Составилъ планъ—весьма удовлетворительнаго романчика, такъ

нія котораго въ редакціи всегда были дружелюбно-уступчивыя, согласился на передѣлку, о которой и говорится въ письмѣ. Изъ письма видно, что ему не легко было отказаться отъ задуманной утрированной идеализаціи Сони, какъ женщины, доведшей самопожертвованіе до такой ужасной жертвы. Ѳедоръ Михайловичъ значительно сократилъ разговоръ при чтеніи Евангелія, который въ первоначальной редакціи главы былъ много длиннѣе, чѣмъ сколько осталось въ напечатанномъ текстѣ. Н. А. Любимовъ и принялся улаживать это дѣло, склоняя Ѳедора Михайловича къ уступчивости и умѣряя требованія Михаила Никифоровича.—Примѣч. редакціи „Русск. Вѣстн.“.

что будутъ даже признаки характеровъ. Стелловскій безпокоитъ меня до мученія, даже вижу во снѣ.

Вообще сообщаю вамъ все поверхностно и наскоро, хотя и написалъ много. Ради Бога отвѣчайте мнѣ. Опишите мнѣ себя, вашу жизнь, ваши намѣренія и ваше здоровье. Напишите тоже и объ нашихъ, Павловскихъ; потомъ еще не слыхали ли чего? Многаго я вамъ не пишу. Мое нижайшее уваженіе Людмилѣ Александровнѣ; напомните обо мнѣ вашимъ дѣтямъ и передайте поклонъ нашимъ общимъ знакомымъ. До свиданія, добрый другъ, обнимаю васъ и пребываю вашъ Ѳедоръ Достоевскій.

N. B. Припадковъ еще не было. Водку пью. Что холера?

Къ Аполлону Николаевичу Майкову [1]).

Женева, 16 (28) августа 1867 г.

Звона сколько времени я молчалъ и не отвѣчалъ на дорогое письмо ваше, дорогой и незабвенный другъ Аполлонъ Николаевичъ. Я васъ называю: *незабвеннымъ другомъ* и чувствую въ мо-

---

[1]) Настоящее письмо напечатано въ „Біогр. и т. д.“, со значительными пропусками и опущеніемъ фамилій Гончарова и Тургенева. Часть пропусковъ нами возстановлена по извлеченію изъ этого письма, появившемуся въ „Русскомъ Архивѣ“, 1902 г., сент. Извлеченіе было когда-то доставлено редакціи неизвѣстнымъ лицомъ для храненія. Тургеневъ какъ-то узналъ о полученіи г. Бартеневымъ этого письма и о его содержаніи и запротестовалъ. Въ письмѣ его на имя Бартенева (см. тамъ же), между прочимъ, читаемъ: „Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано злоупотребленіе довѣрія (то-есть оглашенія частной бесѣды. *Ч. В—ій*), я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевныя убѣжденія предъ г. Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ, не вполнѣ обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ, это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г. Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокою бранью противъ нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты возражать ему; я, повторяю, обращался съ нимъ, какъ съ больнымъ. Вѣроятно, разстроенному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услыхать отъ меня, и онъ написалъ на меня свое... донесеніе потомству“. Къ удивленію, порядокъ предметовъ письма Д—го въ текстѣ „Біографіи“ и въ извлеченіи „Русскаго Архива“ различенъ. Повидимому, не извлеченіе, но „Біографія“ переставила часть текста, и вслѣдствіе этого то, что относилось къ какому-то русскому, у котораго были онѣмеченныя жена и дѣти, связано съ тѣмъ, что относится къ Тургеневу. Слѣдуя извлеченію, мы переставили все, что относится къ Тургеневу, на надлежащее мѣсто послѣ упоминанія о NN, то-есть о Гончаровѣ.—*Ч. В—скій.*

емъ сердцѣ, что названіе правильно: мы съ вами такіе *давнишніе* и такіе *привычные*, что жизнь, разлучавшая и даже *разводившая* насъ иногда, не только не развела, но даже, можетъ-быть, и свела насъ окончательно. Если вы пишете, что почувствовали отчасти мое отсутствіе, то ужъ кольми паче я ваше. Кромѣ ежедневно подтверждавшагося во мнѣ убѣжденія въ сходствѣ и стачкѣ нашихъ мыслей и чувствъ,—возьмите еще въ соображеніе, что я, потерявъ васъ, попалъ еще, сверхъ того, на чужую сторону, гдѣ нѣтъ не только русскаго лица, русскихъ книгъ и русскихъ мыслей и заботъ, но даже привѣтливаго лица нѣтъ. Право, я даже не понимаю, какъ можетъ заграничный русскій человѣкъ, если только у него есть чувство и смыслъ, этого не замѣтить и больно не прочувствовать. Можетъ-быть, эти лица и привѣтливы для себя, но намъ-то кажется, что для насъ нѣтъ. *Право, такъ!* И какъ можно выживать жизнь за границей? Безъ родины—*страданіе, ей Богу!* Ѣхать хоть на полгода, хоть на годъ—хорошо. Но ѣхать такъ, какъ я, не зная и не вѣдая, когда ворочусь—очень дурно и тяжело. Отъ идеи тяжело. А мнѣ Россія нужна, для моего *писанія* и труда нужна (не говорю уже объ остальной жизни), да и какъ еще. Точно рыба безъ воды; силъ и средствъ лишаешься...

Вы знаете, какъ я выѣхалъ и съ какими причинами. Главныхъ причинъ двѣ: 1-я—спасать не только здоровье, но даже жизнь. Припадки стали ужъ повторяться каждую недѣлю, а чувствовать и *сознавать* ясно это нервное и *мозговое* разстройство было невыносимо. Разсудокъ дѣйствительно разстраивался,—это истина. Я это чувствовалъ; а разстройство нервовъ доводило иногда меня до бѣшеныхъ минутъ. 2-я причина или обстоятельство: кредиторы ждать больше не могли, и въ то время, какъ я выѣзжалъ, ужъ было подано ко взысканію . . . . . .

[Идетъ рѣчь о долгахъ.]

. . . . Обуза наросла страшная. Я поѣхалъ, но уѣзжалъ я тогда съ смертью въ душѣ. Въ заграницу я не вѣрилъ, т.-е. я вѣрилъ, что нравственное вліяніе заграницы будетъ очень дурное: одинъ, *безъ матеріала*, съ юнымъ созданіемъ, которое съ наивною радостію стремилось раздѣлить со мною странническую жизнь; но вѣдь я видѣлъ, что въ этой наивной радости много неопытнаго и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень. Я боялся, что Анна Григорьевна соскучится вдвоемъ со мною. А вѣдь мы дѣйствительно до сихъ поръ только *одни* вдвоемъ. На себя же я не надѣялся: характеръ мой больной, и я предвидѣлъ что она со мной измучается. (NB. Правда, Анна Григорьевна оказалась сильнѣе и глубже, чѣмъ я ее зналъ и разсчитывалъ, и во многихъ случаяхъ была просто ангеломъ-хранителемъ моимъ; но

въ то же время—много дѣтскаго и двадцатилѣтняго, что̀ прекрасно и естественно *необходимо,* но чему я врядъ ли имѣю силы и способность отвѣтить. Все это мнѣ мерещилось при отъѣздѣ, и хотя, повторяю, Анна Григорьевна оказалась и сильнѣе и лучше, чѣмъ я думалъ, но я все-таки и до сихъ поръ не спокоенъ.) Наконецъ наши малыя средства смущали меня: поѣхали мы со средствами не великими и задолжавъ *впередъ три* (!) тысячи Каткову. Я, правда, разсчитывалъ тотчасъ же, выѣхавъ за границу, приняться немедленно за работу. Что жъ оказалось? Ничего, или почти ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ и только теперь принимаюсь за работу серьезно и окончательно. Правда, на счетъ того, что *ничего* не сдѣлалъ, я *еще* въ сомнѣніи: зато прочувствовалось и много *кой-чего выдумалось*; но написаннаго, но *чернаго на бѣломъ* еще не много, а вѣдь *черное на бѣломъ* и есть окончательное; за него только и платятъ.

Бросивъ поскорѣе скучный Берлинъ (гдѣ я стоялъ одинъ день, гдѣ скучные нѣмцы успѣли-таки разстроить мои нервы до злости и гдѣ я былъ въ русской банѣ), мы проѣхали въ Дрезденъ, наняли квартиру и на время основались.

Впечатлѣніе оказалось очень странное; тотчасъ же мнѣ представился вопросъ: для чего я въ Дрезденѣ, именно въ Дрезденѣ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и для чего именно стоило бросать все въ одномъ мѣстѣ и пріѣзжать въ другое? Отвѣтъ-то былъ ясный (здоровье, отъ долговъ и проч.). Но скверно было и то, что я слишкомъ ясно почувствовалъ, что теперь гдѣ бы ни жить—оказывается все равно, въ Дрезденѣ или гдѣ-нибудь, вездѣ на чужой сторонѣ, вездѣ ломоть отрѣзанный. Я было тотчасъ же хотѣлъ за работу, и почувствовалъ, что положительно не работается, положительно не то впечатлѣніе. Что же я дѣлалъ? Прозябалъ. Читалъ, кой-что писалъ, мучился отъ тоски, потомъ отъ жары. Дни проходили однообразно...

Мыслей моихъ вамъ не описываю. Много накопилось впечатлѣній. Читалъ русскія газеты и отводилъ душу. Почувствовалъ въ себѣ, наконецъ, что матеріала накопилось на цѣлую статью объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ и объ русскомъ верхнемъ слоѣ. Но что говорить отъ этомъ! Нѣмцы мнѣ разстраивали нервы, а наша русская жизнь, нашего верхняго слоя, и ихъ вѣра въ Европу и *цивилизацію*—тоже. Происшествіе въ Парижѣ [1]) меня потрясло ужасно. Хороши тоже адвокаты парижскіе, кричавшіе vive la Pologne! Фу, что за мерзость, а главное тупость и казенщина! Еще болѣе убѣдился я тоже въ моей прежней идеѣ: что отчасти и выгодно намъ, что Европа насъ не знаетъ и

---

[1]) Покушеніе Березовскаго на Александра II.

такъ гнусно знаетъ. А подробности процесса г. . . . . Березовскаго! Сколько гнусной казенщины; но главное, главное,—какъ это они не выболтались, какъ все еще на одномъ и томъ же мѣстѣ, все на одномъ и томъ же мѣстѣ!

Россія тоже отсюда выпуклѣе кажется нашему брату. Необыкновенный фактъ состоятельности и неожиданной зрѣлости русскаго народа при встрѣчѣ всѣхъ нашихъ реформъ (хотя бы только одной судебной), и въ то же время извѣстіе о высѣченномъ купцѣ 1-й гильдіи въ Оренбургской губерніи исправникомъ. Одно чувствуется: что русскій народъ, благодаря своему благодѣтелю и его реформамъ, сталъ, наконецъ, мало-по-малу въ такое положеніе, что поневолѣ пріучится къ дѣловитости, къ самонаблюденію, а въ этомъ-то вся и штука. Ей Богу, время теперь по перелому и реформамъ чуть ли не важнѣе Петровскаго. А что дороги? Поскорѣе бы на югъ [1]), поскорѣе какъ можно; въ этомъ вся штука. Къ тому времени вездѣ *правый судъ*, и тогда что за великое обновленіе! (Обо всемъ объ этомъ здѣсь думается, мечтается; отъ всего этого сердце бьется.) Здѣсь хоть и ни съ кѣмъ почти не встрѣчался, но нельзя не столкнуться нечаянно. Въ Германіи столкнулся съ однимъ русскимъ, который живетъ за границей постоянно, въ Россію ѣздитъ каждый годъ, недѣли на три, получить доходъ и возвращается опять въ Германію, гдѣ у него жена и дѣти, всѣ онѣ онѣмечились. Между прочимъ, спросилъ его: „Для чего собственно онъ экспатріировался?“ Онъ буквально (и съ раздраженною наглостью) отвѣчалъ: „Здѣсь цивилизація, а у насъ варварство“...

...Человѣкъ этотъ принадлежитъ къ молодымъ прогрессистамъ, впрочемъ, кажется, держитъ себя отъ всѣхъ въ сторонѣ. Въ какихъ-то шпицовъ ворчливыхъ и брезгливыхъ они за границей обращаются.

Наконецъ въ Дрезденѣ тоска измучила и меня и Анну Григорьевну... Рѣшили зимовать гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или въ Италіи. А денегъ нѣтъ. Взятыя нами уже очень поистратились. Написалъ къ Каткову, описалъ все положеніе и попросилъ еще 500 руб. *впередъ*. Какъ вы думаете: вѣдь прислалъ! Что за превосходный это человѣкъ! Это съ сердцемъ человѣкъ! Мы отправились въ Швейцарію. Но тутъ начну вамъ описывать мои подлости и позоры.

Голубчикъ Аполлонъ Николаевичъ, я чувствую, что могу васъ считать какъ моего судью. Вы человѣкъ съ сердцемъ, въ чемъ вы убѣдили меня давно, наконецъ, сужденіе ваше я всегда

---

[1]) Намекъ на историческое тяготѣніе Россіи къ Черному морю и Константинополю.—*Ч. В—ій.*

цѣнилъ. Мнѣ передъ вами покаяться не больно. Но пишу только для *васъ одного*. Не отдавайте меня на судъ людской.

Проѣзжая недалеко отъ Бадена, я вздумалъ туда завернуть. Соблазнительная мысль меня мучила: пожертвовать 10 луидоровъ и, можетъ-быть, выиграю хоть 2.000 франковъ лишнихъ, а вѣдь это на 4 мѣсяца житья, со всѣмъ, со всѣми петербургскими. Гаже всего, что мнѣ и прежде случалось иногда выигрывать. А хуже всего, что натура моя подлая и слишкомъ страстная. Вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ.

Бѣсъ тотчасъ же сыгралъ со мной штуку: я дня въ три выигралъ 4.000 франковъ съ необыкновенною легкостію. Теперь изображу вамъ, какъ все это мнѣ представилось: съ одной стороны, этотъ легкій выигрышъ,—изъ *ста* франковъ я въ три дня сдѣлалъ четыре тысячи; съ другой стороны, долги, взысканія, тревога душевная, невозможность воротиться въ Россію, наконецъ, третье и главное—сама игра. Знаете ли, какъ это втягиваетъ! Нѣтъ, клянусь вамъ, тутъ не одна корысть, хотя мнѣ прежде всего нужны были деньги для денегъ. Анна Григорьевна умоляла меня удовольствоваться 4.000 франковъ и тотчасъ уѣхать. Но вѣдь такая легкая и возможная возможность поправить все! А примѣры-то? Кромѣ собственнаго выигрыша, ежедневно видишь, какъ другіе берутъ по 20.000—30.000 франковъ (проигравшихся не видишь). Чѣмъ они святые? Мнѣ деньги нужнѣе ихъ. Я рискнулъ дальше и проигралъ. Сталъ свои *послѣднія* проигрывать, раздражаясь до лихорадки,—проигралъ. Сталъ закладывать платье. Анна Григорьевна *все* свое заложила, послѣднія вещицы. (Что за ангелъ! Какъ утѣшала она меня, какъ скучала въ проклятомъ Баденѣ, въ нашихъ двухъ комнаткахъ надъ кузницей, куда мы переѣхали!) Наконецъ довольно, все было проиграно. (О, какъ подлы при этомъ нѣмцы, какіе всѣ до единаго ростовщики, мерзавцы и надувалы! Хозяйка квартиры, понимая, что намъ покамѣстъ, до полученія денегъ, некуда ѣхать, набавила цѣну!) Наконецъ надо было спасаться, уѣзжать изъ Бадена. Опять написалъ Каткову, опять попросилъ 500 рублей (не говоря объ обстоятельствахъ, но письмо было изъ Бадена, и онъ навѣрно кое-что понялъ). Ну-съ, вѣдь прислалъ! Прислалъ! Итого теперь 4.000 взято *впередъ* изъ „Русскаго Вѣстника“...

Но чтобъ окончить съ Баденомъ: въ Баденѣ мы промучились, въ этомъ адѣ, 7 недѣль. Въ самомъ началѣ, какъ только я пріѣхалъ въ Баденъ, на другой же день я встрѣтилъ на вокзалѣ Гончарова. Какъ конфузился меня вначалѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрываться нельзя, а

къ тому же я самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностію, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро), игралъ всѣ 2 недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ, и, кажется, значительно проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку; когда я проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ, по просьбѣ моей, 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно-быть, меня ужасно: зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ!

Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ въ 12 часовъ и засталъ его за завтракомъ. Откровенно вамъ скажу: я и прежде не любилъ этого человѣка лично. Сквернѣе всего то, что я еще съ 1857 г. [1]), съ Висбадена, долженъ ему 50 талеровъ (и не отдалъ до сихъ поръ!). Не люблю также его аристократически-фарисейское объятіе, съ которымъ онъ лѣзетъ цѣловаться, но подставляетъ вамъ свою щеку. Генеральство ужасное; а главное его книга „Дымъ“ меня раздражила. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что главная мысль, основная точка его книги, состоитъ въ фразѣ: „Если бы провалилась Россія, то не было бы никакого ни убытка, ни волненія въ человѣчествѣ“. Онъ объявилъ мнѣ, что это его основное убѣжденіе о Россіи. Нашелъ я его страшно раздраженнымъ неудачею „Дыма“. А я, признаюсь, и не зналъ всѣхъ подробностей неудачи. Вы мнѣ писали о статьѣ Страхова въ „Отечественныхъ Запискахъ“; но я не зналъ, что его вездѣ отхлестали и что въ Москвѣ, въ клубѣ, кажется, собирали уже подписку именъ, чтобъ протестовать противъ его „Дыма“. Онъ это мнѣ самъ разсказывалъ. Признаюсь вамъ, что я никакъ не могъ представить себѣ, что можно такъ наивно и неловко высказывать всѣ раны своего самолюбія, какъ Тургеневъ. И эти люди тщеславятся, между прочимъ, тѣмъ, что они атеисты! Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но, Боже мой! деизмъ намъ далъ Христа, т.-е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеалъ человѣчества вѣковѣчный. А что же они-то—Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевскіе—намъ представили? Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно самолюбивы, до того безстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надѣются и кто за ними пойдетъ? Ругалъ онъ Россію и русскихъ

---

[1]) Какая-то ошибка въ „Рус. Арх.“. Вмѣсто 1857 г. можетъ быть только 1862 или 1863 годъ.—*Ч. В—ій.*

безобразно, ужасно. Но вотъ что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи Чернышевскаго просто ругаютъ Россію и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же отпрыски прибавляютъ, что они *любятъ Россію*. А между тѣмъ не только все, что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго, имъ ненавистно, такъ, что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ карикатуру, но что, если бъ дѣйствительно представить имъ, наконецъ, фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ карикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то, мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. 2) Замѣтилъ я, что Тургеневъ (равно какъ и всѣ, долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ (хотя и читаютъ газеты), и до того грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не понимаютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не отрицаетъ и только карикатуритъ по-своему. Между прочимъ, онъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая—это цивилизація, и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость. Онъ говорилъ, что пишетъ большую статью на всѣхъ руссофиловъ и славянофиловъ. Я посовѣтовалъ ему, для удобства, выписать изъ Парижа телескопъ. „Для чего?“ спросилъ онъ. „Отсюда далеко,—отвѣчалъ я.—Вы наведите на Россію телескопъ и разсматривайте насъ; а то, право, разглядѣть трудно“. Онъ ужасно разсердился. Видя его такимъ раздраженнымъ, я дѣйствительно съ чрезвычайно удавшеюся наивностью сказалъ ему: „А вѣдь я не ожидалъ, что всѣ эти критики на васъ и неуспѣхъ „Дыма“ до такой степени раздражатъ васъ; ей Богу, не стоитъ того, плюньте на все“.—„Да я вовсе не раздраженъ! Что вы?“ покраснѣлъ онъ.

Я перебилъ разговоръ; заговорили о домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, я взялъ шапку и какъ-то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ все, что накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ нѣмцевъ. „Знаете ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются? Право, черный народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну, вотъ, вы говорите про цивилизацію; ну, что сдѣлала имъ цивилизація и чѣмъ они могутъ предъ нами похвастаться?“ Онъ поблѣднѣлъ (буквально ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: „Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знаете, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за русскаго и горжусь этимъ“. Я отвѣтилъ: „Хоть

я читалъ „Дымъ“ и говорилъ съ вами теперь цѣлый часъ, но все-таки я никакъ не могъ ожидать, что вы это скажете, а потому извините, что я васъ оскорбилъ“.

Затѣмъ мы распрощались весьма вѣжливо, и я далъ себѣ слово болѣе къ Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургеневъ, ровно въ десять часовъ утра, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ хозяевамъ для передачи мнѣ свою визитную карточку. Но такъ какъ я самъ сказалъ ему наканунѣ, что я раньше двѣнадцати часовъ принять не могу, и что спимъ мы до одиннадцати, то пріѣздъ его въ десять часовъ утра я принялъ за ясный намекъ, что онъ не хочетъ встрѣчаться со мной, и сдѣлалъ мнѣ визитъ въ десять часовъ именно для того, чтобъ я это понялъ. Во всѣ семь недѣль я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ на вокзалѣ. Мы поглядѣли другъ на друга, но ни онъ, ни я не захотѣли другъ другу поклониться. Можетъ-быть, вамъ покажется непріятною эта злорадность, съ которою я вамъ описываю Тургенева, и то, какъ мы другъ друга оскорбили. Но, ей Богу, я не въ силахъ: онъ слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями. Лично мнѣ все равно, хотя съ своимъ генеральствомъ онъ и не очень привлекателенъ, но нельзя же слушать такія ругательства на Россію отъ русскаго измѣнника, который бы могъ быть полезенъ. Его ползаніе передъ нѣмцами и ненависть къ русскимъ я замѣтилъ давно, еще четыре года назадъ. Но теперешнее раздраженіе и остервенѣніе до пѣны у рта на Россію происходятъ единственно отъ неуспѣха „Дыма“, и что Россія осмѣлилась не признать его геніемъ. Тутъ одно самолюбіе, и это тѣмъ пакостнѣе.

Теперь выслушайте, другъ мой, мои намѣренія: я, конечно, сдѣлалъ подло, что проигралъ. Но, говоря сравнительно, я проигралъ немного своихъ-то денегъ. Тѣмъ не менѣе, эти деньги могли служить мнѣ мѣсяца на два жизни, даже на четыре, судя по тому, какъ мы живемъ. Я уже вамъ сказалъ: я не могу устоять противъ выигрыша. Если бъ я первоначально проигралъ 10 луидоровъ, какъ положилъ себѣ, я бы тотчасъ бросилъ все и уѣхалъ. Но выигрышъ 4.000 франковъ погубилъ меня. Возможности не было устоять противъ соблазна выиграть больше (когда это оказывалось такъ легко) и разомъ выйти изъ всѣхъ этихъ взысканій, обезпечить себя на время и всѣхъ моихъ: Эмилію Ѳедоровну, Пашу и пр. Впрочемъ, это все нимало меня не оправдываетъ, потому что я былъ не одинъ. Я былъ съ юнымъ, добрымъ и прекраснымъ существомъ, которое вѣритъ въ меня вполнѣ, котораго я защитникъ и покровитель, а слѣдовательно, которое я не могъ губить и такъ рисковать всѣмъ, хотя бы и немногимъ. Будущность моя представляется мнѣ очень тяжелою:

главное—возвратиться въ Россію не могу, по вышеизложеннымъ причинамъ, а пуще всего вопросъ: что будетъ съ тѣми, которые зависятъ отъ моей помощи? Всѣ эти мысли убиваютъ меня...

Вы одинъ у меня, вы мой голубчикъ, мое провидѣніе. Не откажитесь помогать мнѣ въ будущемъ. Ибо во всѣхъ этихъ моихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ я буду умолять принять участіе.

Вамъ, вѣроятно, ясна мысль, основная мысль всѣхъ этихъ надеждъ моихъ: ясно, что все это можетъ успѣть сдѣлаться и принести свои результаты подъ *однимъ только* условіемъ; именно: *что романъ будетъ хорошъ*. Объ этомъ, стало-быть, и нужно теперь заботиться всѣми силами. Ахъ, голубчикъ, тяжело, слишкомъ тяжело было взять на себя эту заносчивую мысль, три года назадъ, что я заплачу всѣ эти долги, и сдуру дать всѣ эти векселя! Гдѣ взять здоровья и энергіи для этого? И если опытъ показалъ уже, что успѣхъ можетъ быть, то при какомъ условіи? При одномъ только, что всякое сочиненіе мое непремѣнно будетъ настолько удачно, чтобъ возбудить довольно сильное вниманіе въ публикѣ; иначе все рушилось. Да развѣ это возможно, развѣ это можетъ войти въ ариѳметическій расчетъ!..

[Письмо кончается просьбой о ссудѣ и изложеніемъ частностей, дорисовывающихъ затруднительное положеніе Достоевскаго].

С. А. Ивановой-Хмыровой [1]).

Женева, 29 сентября (11 октября) 1867 г.

Здравствуйте, милый другъ Сонечка, не браните меня за слишкомъ долгое молчаніе, — ни меня, ни Анну Григорьевну. У А. Г. уже съ недѣлю готово къ вамъ письмо, но вмѣстѣ съ моимъ не посылаетъ, хочетъ еще приписать. Откровенно говорю, что желаю сердечно выманить отъ васъ отвѣтъ. Намъ до того скучно здѣсь въ Женевѣ, что письмо къ намъ зачтется вамъ на небеси въ число вашихъ добрыхъ дѣлъ. Кромѣ того, вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ интересуюсь всѣмъ, что бываетъ съ вами. Путешествовали мы довольно глупо. Правда, надо бы было не много больше денегъ имѣть, чтобъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто на всей волѣ. Мы же по необходимости придали характеру нашей поѣздки видъ житья за границей, а не путешествія по Европѣ.

---

[1]) Писано къ племянницѣ Ѳ. М. Достоевскаго, Софьѣ Александровнѣ Ивановой, по мужу Хмыровой. Это и далѣе помѣщаемыя письма къ ней помѣщены полностью въ „Рус. Стар.“, 1885 г., 7.

Жить же за границей очень скучно, гдѣ бы то ни было. Такъ какъ въ Парижѣ дорого и пыльно, такъ какъ въ Италіи все лѣто было жарко и начиналась холера, то мы все лѣто прожили въ Германіи по разнымъ мѣстамъ, выбирая покрасивѣе мѣстность и получше воздухъ. Вездѣ было скучно, вездѣ было мѣстоположеніе хорошее и вездѣ здоровье мое было не дурно. Очень, очень радовало меня то, что Анна Григорьевна рѣшительно не скучала, хоть я и не очень веселый человѣкъ для житья въ продолженіе шести мѣсяцевъ самъ-другъ, вдвоемъ, безъ друзей и безъ знакомыхъ. Сколько мы переговорили и вспомнили, и клянусь, что если бы вмѣсто за-границы пришлось бы намъ провести лѣто въ Люблинѣ, подлѣ васъ, то было бы намъ навѣрно въ десять разъ веселѣе. Анна Григорьевна оказалась чрезвычайной путешественницей: куда ни пріѣдетъ, тотчасъ же все осматриваетъ и описываетъ; исписала своими знаками множество маленькихъ книжекъ и тетрадокъ, жаль только, что не много еще видѣла. Наконецъ наступила осень; для путешествія въ Италію денегъ оказалось у насъ уже не много, да явились и другія причины. Хотѣли было въ Парижъ—дурно сдѣлали, что не проѣхали, а отправились въ Женеву. Я хоть прежде и бывалъ раза три въ Женевѣ, но въ ней не живалъ и не зналъ, что это за климатъ: рѣшительно по три раза въ день мѣняется погода, и припадки мои начались вновь, точь въ точь какъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ мнѣ надо работать и во всякомъ случаѣ просидѣть въ Женевѣ мѣсяцевъ пять. Принимаюсь серьезно за романъ (который позвольте посвятить вамъ, т.-е. вамъ, Соничкѣ, Софьѣ Александровнѣ Ивановой, я это такъ еще прежде рѣшилъ), будетъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Не знаю, будетъ ли порядочно; ей Богу, если бы не нужда, то ни за что бы не рѣшился печатать въ эту пору, т.-е. въ наше время. Небо заволакивается облаками. Наполеонъ объявилъ, что самъ уже замѣтилъ у себя на горизонтѣ черныя точки. Чтобы поправить мексиканскій, итальянскій и, главное, германскій вопросы, ему надо отвлечь умы войною и угодить французамъ старымъ средствомъ: военнымъ успѣхомъ. И хоть французовъ теперь этимъ, можетъ-быть, и не надуешь, но война очень можетъ быть, что и будетъ. Про это вы знаете сами. (Кстати: получаете ли вы какія-либо газеты? Читайте, ради Бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видимая связь всѣхъ дѣлъ, общихъ и частныхъ, становится все сильнѣе и явственнѣе.) Ну-съ, а если будетъ война, то цѣна на художественный товаръ должна чрезвычайно упасть. Вотъ капитальное соображеніе, которое, признаюсь, меня даже обезкураживаетъ. У насъ и безъ войны-то началось къ художественнымъ вещамъ замѣтное равнодушіе въ послѣднее время. Хуже всего боюсь по-

средственности, по-моему пусть лучше или очень хорошо, или совсѣмъ худо. Посредственность же въ тридцать печатныхъ листовъ вещь непростительная.

Прошу васъ, милый другъ мой, написать мнѣ и написать подробнѣе о себѣ и обо всѣхъ вашихъ, за всѣ эти шесть мѣсяцевъ. Что дѣлали вы, собственно вы, что дѣлаете теперь и что намѣрены или желаете дѣлать? Вообще, нужно намъ начать какъ бы сызнова. Паспортъ у меня за границу взятъ на шесть мѣсяцевъ, но приходится, кажется, прогостить здѣсь еще мѣсяцевъ 6 или больше. Зависитъ все отъ дѣлъ. А между тѣмъ очень бы хотѣлось въ Россію по многимъ причинамъ. Одно то, что на мѣстѣ. Кромѣ того, непремѣнно хочу издавать, возвратясь, нѣчто въ родѣ газеты [1]) (я даже, помнится, вамъ говорилъ это вскользь, но здѣсь теперь совершенно выяснились и форма и цѣль). А для этого надо быть дома и видѣть и слышать все своими глазами. Я, впрочемъ, очень радъ, что у меня есть теперь работа; не было бы ея, я бы умеръ со скуки; но кончивъ этотъ романъ, что будетъ не скоро, ужъ не знаю, можно ли что-нибудь начать здѣсь работать, за границей. Я и просто путешественниковъ здѣшнихъ, по три года здѣсь живущихъ, не понимаю. За границу, дѣйствительно, можно съ большою пользою и даже съ удовольствіемъ поѣхать на полгода, вездѣ объѣхать, болѣе двухъ недѣль на одномъ мѣстѣ ни за что не заживаться,—вотъ это хорошо. Кромѣ того, дѣйствительно, можно поправиться здоровьемъ. А то живутъ здѣсь семьями, дѣтей воспитываютъ, по-русски отучаютъ, а главное, возвращаясь домой, проживъ послѣдніе поскребки, еще думаютъ насъ же учить, и послѣ того надо цѣлый годъ привыкать, чтобы въ тонъ и ладъ попасть. Писателю же особенно (если только онъ не спеціалистъ, не ученый) невозможно заживаться. Въ нашемъ ремеслѣ, напримѣръ, первое дѣло дѣйствительность, ну, а здѣсь дѣйствительность швейцарская.

Женева на Женевскомъ озерѣ. Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева верхъ скуки. Это древній протестантскій городъ, а, впрочемъ, пьяницъ бездна. Я сюда попалъ прямо на Конгрессъ Мира [2]), на который пріѣзжалъ и Гарибальди. Гарибальди скоро уѣхалъ, но что эти господа, которыхъ я первый разъ видѣлъ не въ книгахъ, а наяву, — соціалисты и революціонеры, врали съ трибуны передъ 5.000 слушателей, это невыразимо! Никакое описаніе не передастъ этого. Комичность, слабость, безтолковщина, несогласіе, противорѣчіе себѣ—это вообра-

---

[1]) Осуществленный позднѣе замыселъ „Дневника писателя“.

[2]) Это былъ одинъ изъ первыхъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ.—*Ч. В—скій.*

зить нельзя. И эта-то дрянь волнуетъ несчастный людъ, работниковъ. Это грустно. Начали съ того, что для достиженія мира на землѣ нужно истребить христіанскую вѣру, большія государства уничтожить и подѣлать маленькія; всѣ капиталы прочь, чтобы все было общее по приказу и проч. Все это безъ малѣйшаго доказательства, все это заучено еще 20 лѣтъ тому назадъ наизусть, да такъ и осталось. И главное огонь и мечъ—и послѣ того какъ все истребится, то тогда, по ихъ мнѣнію, и будетъ миръ. Но довольно. Отвѣчать вамъ буду, милый другъ мой, непремѣнно и безъ задержекъ. Васъ очень любящій Ѳедоръ Достоевскій.

А. Н. Майкову.

Женева, 9 (21) октября 1867 г.

[Въ началѣ письма рѣчь о матеріальной нуждѣ.]

... Что же касается до меня *лично*, то мнѣ мѣсяцевъ на пять еще все равно хоть бы и не двигаться никуда, потому что еще мѣсяцевъ 5, не меньше, разсчитываю работать. Но несмотря на это: *все равно*, Женева — пакость, и я въ ней дѣйствительно обманулся. Припадки у меня здѣсь почти каждую недѣлю; начинается, кромѣ того, какое-то скверное сердцебіеніе. Это ужасъ, а не городъ. Это Кайенна. Вѣтры и вихри по цѣлымъ днямъ, а въ обыкновенные дни самыя внезапныя перемѣны погоды, раза по три, по четыре въ продолженіе дня. Это гемороидалисту-то и эпилептику! И какъ здѣсь грустно, какъ здѣсь мрачно! И какіе здѣсь самодовольные хвастунишки! Вѣдь это черта особенной глупости быть такъ всѣмъ довольнымъ. Все здѣсь гадко, гнило, все здѣсь дорого. Все здѣсь пьяно! Столько буяновъ и крикливыхъ пьяницъ даже въ Лондонѣ нѣтъ. И все у нихъ, каждая тумба своя,—изящна и величественна.—Гдѣ Rue такая-то? Voyez, monsieur, vous irez tout droit et quand vous passerez près de cette majestueuse et élegante fontaine en bronze, vous prendrez etc. Этотъ majestueuse et élegante fontaine,—самая чахлая, дурного вкуса, дрянь гососо, но онъ ужъ не можетъ не похвалиться, если вы даже только дорогу спрашиваете. Разбили дряннѣйшій палисадникъ, изъ нѣсколькихъ кустиковъ (ни одного дерева), совершенно въ родѣ 2-хъ московскихъ палисадниковъ, въ Москвѣ на Садовой, если бы ихъ соединить вмѣстѣ,—и фотографируютъ и продаютъ: „Англійскій садъ въ Женевѣ“. Но чортъ съ этими мерзавцами! И, однакожъ, всего $2^1/_2$ часа ѣзды, на томъ же Женевскомъ озерѣ—Vevey, гдѣ, говорятъ, зимой очень здорово и

даже пріятно... кто знаетъ, можетъ-быть, какъ-нибудь и переселимся. Все зависитъ теперь *не отъ меня*. Что будетъ — то будетъ.

Про работу мою вамъ не пишу ничего, да еще и нечего. Одно: надо сильно, очень сильно работать. А между тѣмъ припадки добиваютъ окончательно, и послѣ каждаго я сутокъ по 4 съ разсудкомъ не могу собраться. А какъ было хорошо вначалѣ, въ Германіи! Это Женева проклятая. Что съ нами будетъ? — не понимаю! А межъ тѣмъ романъ единственное спасеніе. Сквернѣе всего, что это долженъ быть очень хорошій романъ. Не иначе; это sine qua non. А какъ онъ будетъ хорошъ при совершенно забитыхъ болѣзнію способностяхъ! Воображеніе-то у меня еще есть, и даже не дурно: это я на-дняхъ на романѣ же испыталъ. Нервы тоже есть. Но памяти нѣтъ. Однимъ словомъ, бросаюсь въ романъ *на ура!*— весь съ головой, все разомъ на карту, что будетъ — то будетъ! Ну, довольно.

Объ Кельсіевѣ [1]) съ умиленіемъ прочелъ. Вотъ дорога, вотъ истина, вотъ дѣло! Знайте, однакоже, что (не говоря уже о полякахъ) всѣ наши либералишки, семинаро-соціальнаго оттѣнка, взъѣдятся, какъ звѣри. Это ихъ прайметъ. Это имъ пуще, если бы имъ всѣмъ носы отрѣзали. Ну, что имъ теперь говорить, въ кого грязью кидать? Скалить зубы, конечно, можно; у насъ только это и умѣютъ. Развѣ вы замѣчали хоть какую-нибудь серьезную идею въ нашихъ либералишкахъ? Одно только скаленіе зубовъ. Скаленіе зубовъ гимназистамъ внушаетъ. Но теперь про Кельсіева говорить будутъ, что онъ на всѣхъ донесъ. Ей Богу, помяните мое слово. И точно на нихъ ужъ можно что доносить? 1) Сами себя компрометировали, и 2) кто ими и занимается-то? Стоятъ они того, чтобъ на нихъ доносить!..

[Снова рѣчь о деньгахъ и дѣлахъ.]

Что-то скажетъ политика? Чѣмъ-то развяжутся всѣ эти ожиданія? Наполеонъ какъ будто къ чему-то и готовился. Италія, Германія. Съ замираніемъ сердца отъ радости прочелъ, что, кажется, откроютъ дорогу до Курска. Охъ, поскорѣй бы ужъ, и да здравствуетъ Русь!

---

[1]) В. Кельсіевъ, эмигрантъ, сотрудникъ Герцена, устраивавшій интеллигентную трудовую колонію на Дунаѣ и кончившій тѣмъ, что вернулся въ Россію, гдѣ получилъ прощеніе и сотрудничалъ въ „Рус. Вѣстникѣ“ М. Каткова.— *Ч. В—ій.*

П. А. Исаеву [1]).

Изъ Женевы въ С.-Петербургъ, 10/22 окт. 1867 г.

... Я, милый другъ мой, былъ чрезвычайно радъ, получивъ твое письмо. Если ты думалъ, Паша, что я, женившись, забуду о тебѣ (а я видѣлъ, что ты думалъ, и нарочно, много разъ не останавливалъ тебя), то ты очень ошибся. Даже совершенно напротивъ! Знай, что ты послѣ женитьбы еще мнѣ дороже сталъ, и Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я мучился и мучаюсь, что мало могу помочь тебѣ. Я тебя всегда считалъ и считаю добрѣйшимъ и честнѣйшимъ малымъ. Съ ними (этими качествами) счастливъ человѣкъ, чтобы съ нимъ ни случилось. Считаю тебя тоже малымъ очень не глупымъ. Одно плохо: необразованіе. Но если ты не хотѣлъ учиться, то, по крайней мѣрѣ, въ одномъ меня послушайся: надобно не пренебрегать своимъ нравственнымъ развитіемъ, насколько это возможно безъ образованія (а объ образованіи все-таки до конца жизни надо стараться). Уѣзжая, я просилъ Аполлона Николаевича [2]) быть твоимъ другомъ и не оставить тебя совѣтомъ. Паша, это рѣдкій изъ рѣдкихъ людей, знай это. Знаю же я его 20 лѣтъ слишкомъ. Онъ всегда тебѣ скажетъ хорошій совѣтъ. Главное, не хитри съ нимъ и будь откровененъ. О томъ, что тебѣ предлагаютъ и предлагали мѣсто, я давно уже знаю. Совѣтъ мой: взять мѣсто. Мѣсто у мирового судьи я считаю для тебя несравненно полезнѣе. Можно практически судъ узнать и развиться; много можно пріобрѣсти. Но не надѣюсь на тебя: тутъ надо много работать, много трудиться, это разъ, во-вторыхъ, къ какому человѣку попадешь. Если къ хорошему — счастье, а къ дурному — хуже всего. А наконецъ и Ладога. Уѣздный городъ въ твои лѣта опасенъ, да еще такой скверный и скучный. Конечно, и по желѣзной дорогѣ компанія скверная. Но по-моему и въ первѣйшей канцеляріи компанія также развращенная и скверная, только манеры другія. Вотъ поэтому Петербургъ тебѣ полезнѣе, потому что въ немъ больше людей найдешь. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, мѣсто надо взять. А то, что ты не погрязнешь въ скверныхъ порокахъ, позволь мнѣ на тебя надѣяться. Не можетъ быть, чтобы ты забылъ о своемъ покойномъ отцѣ и своей матери. И знай, что не для того я совѣтую тебѣ мѣсто взять (и не для одного жалованья), что

---

[1]) Письма пасынку Павлу Александровичу Исаеву напечатаны въ „Съв. Вѣстн.“, 1891 г., №№ 10 и 11.

[2]) Т.-е. Ап. Ник. Майкова.

ты, получая жалованье, меня облегчишь. Знай, что хоть у меня теперь и ни копейки лишней, но до тѣхъ поръ, покамѣстъ я живъ, я твой другъ и послѣднимъ подѣлюсь съ тобой—сколько бы тебѣ лѣтъ ни было. Я тебѣ совѣтую для труда, первое дѣло трудъ. Такъ точно любитъ тебя и Анна Григорьевна. Напиши мнѣ о себѣ подробно все.

С. А. Ивановой-Хмыровой.

Женева, 1 (13) января 1868 г.

... Почти передъ самой отсылкой въ редакцію романа мнѣ пришлось забраковать его, потому что онъ мнѣ пересталъ нравиться (а коли пересталъ нравиться, то нельзя написать хорошо). Я уничтожилъ много написаннаго. Между тѣмъ въ романѣ и отдача моего долга, и жизнь насущная, и все будущее заключалось. Тогда я, недѣли три тому назадъ (18 декабря новаго стиля), принялся за другой романъ и сталъ работать день и ночь. Идея романа моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смѣлъ браться за нее, а если взялся теперь, то рѣшительно потому, что былъ въ положеніи чуть не отчаянномъ. Главная мысль романа — изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, а особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только ни брался за изображеніе положительно прекраснаго—всегда пасовали, потому что это задача безмѣрная. Прекрасное есть идеалъ, а идеалъ—ни нашъ, ни цивилизованной Европы—еще далеко не выработался. На свѣтѣ есть одно только положительно прекрасное лицо — Христосъ, такъ что явленіе этого безмѣрно, безконечно прекраснаго лица ужъ, конечно, есть безконечное чудо (все евангеліе Іоанна въ этомъ смыслѣ, онъ все чудо находитъ въ одномъ воплощеніи, въ одномъ появленіи прекраснаго). Но я слишкомъ далеко зашелъ. Упомяну только, что изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ стоитъ всего законченнѣе Донъ-Кихотъ. Но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ. Пиквикъ Диккенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣмъ Донъ-Кихотъ; но все-таки огромная) тоже смѣшонъ и тѣмъ только и беретъ. Является состраданіе къ осмѣянному и не знающему себѣ цѣны прекрасному, а стало-быть, является симпатія и въ читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора. Жанъ-Вальжанъ [1]) тоже сильная попытка, но онъ

[1]) Герой романа Виктора Гюго „Несчастные“.

возбуждаетъ симпатію по ужасному своему несчастью и несправедливости къ нему общества. У меня ничего нѣтъ подобнаго, ничего рѣшительно, и потому боюсь страшно, что будетъ положительная неудача. Нѣкоторыя детали, можетъ-быть, будутъ недурны. Боюсь, что будетъ скученъ. Романъ длинный. Первую часть написалъ всю въ 23 дня и на-дняхъ отослалъ. Она будетъ рѣшительно не эффектна. Конечно, это только введеніе и хорошо то, что ничего еще не скомпрометировано; но ничего почти и не разъяснено, ничего не поставлено. Мое единственное желаніе, чтобы оно хотя нѣкоторое любопытство возбудило въ читателѣ, для того, чтобы онъ взялся за вторую. Вторую, за которую сажусь сегодня, окончу въ мѣсяцъ (я всю жизнь вѣдь такъ работалъ). Мнѣ кажется, она будетъ покрѣпче и покапитальнѣе первой. Пожелайте мнѣ, милый другъ, хоть какой-нибудь удачи! Романъ называется „Идіотъ“, посвящено вамъ, т.-е. Софьѣ Александровнѣ Ивановой. Милый другъ мой, какъ бы я желалъ, чтобы романъ вышелъ хоть сколько-нибудь достоинъ посвященія. Во всякомъ случаѣ я себѣ самъ не судья, особенно такъ сгоряча, какъ теперь...

П. А. Исаеву.

19 февраля (3 марта) 1868 г. Изъ Женевы.

[Вначалѣ рѣчь о денежныхъ дѣлахъ.]

Не ропщи на меня и не претендуй, дорогой мой и милый, мнѣ всегда Паша, что я Эмиліи Ѳедоровнѣ [1]) посылаю 100 руб., а тебѣ только 50 р. Но, другъ мой, ты все-таки одинъ, а она не одна. Самъ ты пишешь, что нуждъ у ней много. Да и Ѳедѣ надо помочь; онъ трудится и дай ему Богъ. Я его очень люблю. И тоже готовъ бы все отдать, да покамѣстъ нечего. О тебѣ же скажу, что ты меня очень обрадовалъ, что рѣшился взять мѣсто и сталъ работать. Я уважаю тебя за это, Паша. Это благородно; конечно, мѣсто не важное, но вѣдь и ты еще молодъ, подожди. Но знай, что ты не оставленъ мною. Покамѣстъ я живъ, ты будешь сынъ мой и сынъ дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще наканунѣ ея смерти. Я тебя еще малаго ребенка назвалъ сыномъ моимъ. Могу ли я тебя оставить и забыть? Когда я женился и когда ты мнѣ тогда намекалъ, что теперь твоя роль будетъ другая—я тебѣ ничего не отвѣчалъ, потому что мнѣ тогда твое предположеніе было обидно. Теперь

[1]) Вдова М. М. Д—аго. Упоминаемый далѣе Ѳедя—ея сынъ.

признаюсь тебѣ въ этомъ. Знай же, что ты всегда останешься моимъ сыномъ, моимъ старшимъ сыномъ, и не по долгу, а по сердцу. Если я на тебя часто кричалъ и сердился, то таковъ мой несчастный характеръ, а я тебя люблю такъ, какъ рѣдко кого любилъ. Какъ только ворочусь въ Петербургъ, то употреблю всѣ средства и усилія, чтобы достать тебѣ мѣсто получше и деньгами всегда буду помогать тебѣ, пока живу, и когда будутъ хоть какія-нибудь деньги. Испугалъ ты меня очень тѣмъ, что писалъ въ письмѣ, что ты нездоровъ. Напиши мнѣ (прошу тебя) сейчасъ по полученіи этого письма, хоть нѣсколько строкъ. Не франкируй, чтобы не расходоваться напрасно. Адресъ мой тамъ же. Всѣ мои надежды, разумѣется, на моемъ романѣ. Удастся онъ—продамъ 2-е изданіе, заплачу долги и ворочусь въ Россію. Сверхъ того, могу еще впередъ взять изъ журнала. Но боюсь, что выйдетъ плохо. Мысль мнѣ очень нравится, но вѣдь какъ исполненіе! Называется „Идіотъ“, I часть вышла въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Не читалъ ли? Главное, если бы удался — тогда все спасено. — Работаю день и ночь; живу скучно. Женева—ужасно скучный городъ. Всю зиму дрогъ отъ холода, но теперь у насъ весна настоящая—10 град. Реомюра. Здоровье мое ни то, ни се. Нуждаюсь ужасно и постоянно. Живешь копейками, все заложили. Анна Григорьевна теперь ужъ на послѣднихъ часахъ. Думаю, не родитъ ли сегодня въ ночь? Самъ въ тревогѣ ужасной, а между тѣмъ писать надо не останавливаясь. Суди самъ, могу ли я отвѣчать тотчасъ же на письма. О своемъ житьѣ пиши подробнѣе. Береги здоровье.

А. Н. Майкову.

Женева, 18 (30) мая 1868 г.

Благодарю васъ за ваше письмо, дорогой мой Аполлонъ Николаевичъ, и за то, что, разсердясь на меня, не прекратили со мной переписку. Я всегда, въ глубинѣ сердца моего, былъ увѣренъ, что *Аполлонъ Майковъ* такъ не сдѣлаетъ. — Соня моя умерла, три дня тому назадъ похоронили. Я за два часа до смерти не зналъ, что она умретъ. Докторъ за три часа до смерти сказалъ, что ей лучше и что будетъ жить. Болѣла она всего недѣлю; умерла воспаленіемъ въ легкихъ. — Охъ, Аполлонъ Николаевичъ, пусть, пусть смѣшна была моя любовь къ моему первому дитяти, пусть я смѣшно выражался объ ней во многихъ письмахъ моихъ многимъ поздравлявшимъ меня. Смѣшонъ для нихъ былъ только одинъ я, но вамъ, *вамъ* я не боюсь писать.

Это маленькое, трехмѣсячное созданіе, такое бѣдное, такое крошечное—для меня было уже лицо и характеръ. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходилъ. Когда я своимъ смѣшнымъ голосомъ пѣлъ ей пѣсни, она любила ихъ слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее цѣловалъ; она останавливалась плакать, когда я подходилъ. И вотъ теперь мнѣ говорятъ въ утѣшеніе, что у меня еще будутъ дѣти. А Соня гдѣ? Гдѣ эта маленькая личность, за которую я, смѣло говорю. крестную муку приму, только чтобы она была жива? Но, впрочемъ, оставимъ это, жена плачетъ. Послѣзавтра мы, наконецъ, разстанемся съ нашей могилкой и уѣдемъ куда-нибудь. Анна Николаевна съ нами: она только недѣлю раньше ея смерти пріѣхала.

Я работать послѣднія двѣ недѣли, съ самаго открытія болѣзни Сони, не могъ. Опять написалъ извиненіе Каткову и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ майскомъ номерѣ опять явится только три главы. Но я надѣюсь, что теперь день и ночь буду работать не отрываясь, и съ іюньскаго номера романъ будетъ выходить, по крайней мѣрѣ, прилично.

Благодарю васъ, что не отказались быть крестнымъ отцомъ. Она крещена была за 8 дней до смерти...

[Вторая половина письма—дѣловая.]

Вевей, 4 (22) іюня 1868 г.

[Въ началѣ письма рѣчь о ходѣ работы для „Рус. Вѣстн.“.]

Другъ мой, Аполлонъ Николаевичъ, я знаю и вѣрю, что вы истинно и искренно жалѣете меня. Но никогда я не былъ болѣе несчастенъ, какъ во все это послѣднее время. Описывать вамъ ничего не буду, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ язвительнѣе воспоминаніе и тѣмъ ярче представляется мнѣ образъ покойной Сони. Есть минуты, которыхъ выносить нельзя. Она уже меня знала; она, когда я, въ день смерти ея, уходилъ изъ дома читать газеты, не имѣя понятія о томъ, что черезъ два часа умретъ, она такъ слѣдила и провожала меня своими глазками, такъ поглядѣла на меня, что до сихъ поръ представляется, и все ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будетъ другой ребенокъ, то не понимаю, какъ я буду любить его; гдѣ любви найду; мнѣ нужно Соню. Я понять не могу, что ее нѣтъ и что я ее никогда не увижу...

[Далѣе рѣчь о состояніи жены, о дѣлахъ.]

Я такъ заработался, что отупѣлъ и голова какъ забитая. Отъ васъ писемъ жду всегда, какъ Царства Небеснаго. Голосъ изъ

Россіи, отъ друга — что же драгоцѣннѣе? Нечего мнѣ вамъ написать, никакихъ новостей, тупѣю и дурѣю я здѣсь. И, однакоже, пока не кончу романа,—ничего предпринять нельзя. А тогда, во что бы то ни стало, пріѣду въ Россію. А чтобы кончить романъ, нужно сидѣть по 8 часовъ въ день минимумъ, не вставая. Долгъ Каткову я наполовину уже отработалъ. Отработаю и остальное. Пишите мнѣ, другъ мой, Христа ради пишите...

[Нѣсколько словъ привѣтствій и поклоновъ.]

... Въ 4-хъ главахъ, которыя прочтете въ іюньскомъ номерѣ (а можетъ, только въ 3-хъ, потому что четвертая запоздала), попробовалъ эпизодъ современныхъ позитивистовъ изъ самой крайней молодежи [1]). Знаю, что написалъ вѣрно (ибо писалъ съ опыта; никто болѣе меня этихъ опытовъ не имѣлъ и не наблюдалъ), и знаю, что всѣ обругаютъ, скажутъ: нелѣпо, *наивно и глупо* и невѣрно.

Миланъ, 7 окт. (26 ноября) 1868 г.

...Прежде всего — никакого никогда я не имѣлъ на васъ неудовольствія, и говорю это честно и совѣстливо, но, напротивъ, думалъ, что вы на меня разсердились за что-нибудь. Во-первыхъ, то, что вы перестали писать, а для меня ваше письмо здѣсь—событіе въ жизни; Россіей вѣетъ, праздникъ, буквально говоря. Но какъ вы-то могли подумать, что я изъ какой-нибудь идеи или фразы могъ обидѣться? Нѣтъ, у меня сердце другое. И вотъ что: познакомился я съ вами 22 лѣтъ (въ первый разъ у Бѣлинскаго, помните?). Съ тѣхъ поръ много разъ швыряла меня жизнь туда и сюда и изумляла иногда своими варіаціями, а въ концѣ-концовъ, теперь, въ эту минуту — вѣдь одинъ вы, т.-е. одинъ человѣкъ, въ душу и сердце котораго я вѣрю и котораго я люблю и съ которымъ идеи наши и убѣжденія наши сошлись въ одно. Можете ли вы мнѣ не быть дороги, почти какъ покойный братъ былъ для меня? Письма ваши меня обрадовали и ободрили, потому что нравственное состояніе мое очень плохо. И, во-первыхъ, работа меня измучила и истощила. Вотъ ужъ годъ почти, какъ я пишу по $3^1/_2$ листа каждый мѣсяцъ. Это тяжело. Кромѣ того, нѣтъ русской жизни, нѣтъ впечатлѣній русскихъ кругомъ, а для работы моей это было всегда необходимо. Наконецъ, если вы хвалите мысль моего романа, то до сихъ поръ исполненіе его было не блестящее. Мучитъ меня очень, что напиши я романъ впередъ, въ годъ, а потомъ мѣсяца два-три пе-

[1]) Эпизодъ Бурдовскаго и его компаніи во второй части „Идіота“.

переписки и поправки, и не то бы вышло, отвѣчаю. Теперь, какъ ужъ все мнѣ самому выяснилось, я это ясно вижу..

...Отъ вашей жизни я отсталъ совершенно, хотя все сердце мое у васъ, и потому ваши письма — для меня манна небесная. Ужасно я порадовался извѣстію о новомъ журналѣ.

...теперь чего же лучше Николаю Николаевичу [1])? Но пусть только, главное, онъ будетъ полнымъ хозяиномъ на своемъ мѣстѣ. Желательно бы очень, чтобъ журналъ былъ непремѣнно *русскаго духа*, какъ мы съ вами это понимаемъ, хотя положимъ и не чисто славянофильскій. По-моему, другъ мой, намъ слишкомъ гоняться за славянствомъ, право, не надо, т.-е. слишкомъ. Надо, чтобъ они сами къ намъ пришли. Послѣ славянскаго съѣзда въ Москвѣ нѣкоторые изъ славянъ же, возвратясь къ себѣ, подшучивали свысока надъ русскими за то, что „руководствовать другихъ взялись, и какъ бы импонировать славянамъ, а у самихъ-то еще что, и какое малое самосознаніе, и т. д. и т. д.“. И повѣрьте, что многіе изъ славянъ, въ Прагѣ, напримѣръ, судятъ насъ совершенно съ западныхъ точекъ зрѣнія, съ нѣмецкой и съ французской, и даже, можетъ-быть, удивляются, что у насъ, славянофилы, напримѣръ, мало заботятся объ общепринятыхъ формахъ западной цивилизаціи. Такъ что намъ, напримѣръ, гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать ихъ—дѣло другое; помочь тоже можно; но брататься лѣзть не надо, но только лѣзть, потому что братьями ихъ считать и какъ съ братьями поступать съ ними несомнѣнно должно. Надѣюсь тоже очень, что Николай Николаевичъ придастъ журналу и политическій оттѣнокъ, не говоря ужъ о самопознаніи. Самопознаніе—это хромое наше мѣсто, наша потребность. Во всякомъ случаѣ у Николая Николаевича будетъ блистательно, и я съ неистощимымъ удовольствіемъ готовлюсь читать его статьи, которыхъ такъ давно не читалъ, съ той самой „Эпохи“...

...Я читалъ книжку, о которой вы мнѣ писали, какъ разъ незадолго до вашего увѣдомленія, и, признаюсь, былъ взбѣшонъ ужасно [2]). Наглѣе ничего представить нельзя. Конечно, наплевать, я такъ было и хотѣлъ сначала; но меня смущаетъ и то, что если я не протестую, то тѣмъ самымъ какъ бы дамъ мое оправданіе подлой книжонкѣ. Но гдѣ протестовать? Въ „Nord“? Но я по-французски не умѣю хорошо написать и, кромѣ того, желалъ бы поступить съ тактомъ. Думаю перебраться во Фло-

---

1) Журналъ „Заря“, въ которомъ работалъ Н. Н. Страховъ.

2) Дѣло идетъ о романѣ „Les secrets du palais des Tsars“, изъ временъ Николая Павловича. Однимъ изъ главныхъ лицъ выведенъ Ѳ. М. съ женой; въ романѣ, среди многихъ вздоровъ, Достоевскій умираетъ, а жена его идетъ въ монастырь.

ренцію и посовѣтоваться въ русскомъ консульствѣ, спросить наставленія, какъ поступить. Конечно, перебираюсь во Флоренцію не для одного этого...

[Опущены разнообразныя детали внѣшней жизни Д—аго и его дѣлъ.]

11 (23) декабря 1868 г., Флоренція.

...Я отъ Страхова письмо тоже получилъ, много литературныхъ новостей. Порадовало меня, между прочимъ, извѣстіе о статьѣ Данилевскаго „Европа и Россія“ [1]), о которой Ник. Ник—чъ пишетъ, какъ о капитальной статьѣ. Признаюсь вамъ, что о Данилевскомъ я съ самаго 49 года ничего не слыхалъ, но иногда думалъ о немъ. Я припоминалъ, какой это былъ отчаянный фурьеристъ. И вотъ изъ фурьериста обратиться къ Россіи, стать опять русскимъ и возлюбить свою почву и сущность! Вотъ почему узнается широкій человѣкъ!..

Равномѣрно, никогда не повѣрю словамъ покойнаго Аполлона Григорьева, что Бѣлинскій кончилъ бы славянофильствомъ. Не Бѣлинскому кончить было этимъ. Это было только... и больше ничего. Большой поэтъ въ свое время; но развиваться далѣе не могъ. Онъ кончилъ бы тѣмъ, что состоялъ бы у какой-нибудь здѣшней м-мъ Геггъ адъютантомъ по женскому вопросу на митингахъ и разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-нѣмецки. А знаете ли, кто новые русскіе люди? Вотъ тотъ мужикъ, бывшій раскольникъ, при Павлѣ Прусскомъ, о которомъ напечатана статья съ выписками въ іюньскомъ номерѣ „Русскаго Вѣстника“. Это не типъ грядущаго русскаго человѣка, но ужъ, конечно, одинъ изъ грядущихъ русскихъ людей...

...Проклятые кредиторы убьютъ меня окончательно. Дурно сдѣлалъ я, что выѣхалъ за границу, право, лучше было бы въ долговомъ просидѣть. Если бъ я могъ отсюда войти съ ними въ соглашеніе!—а я и этого-то не могу, потому что нѣтъ меня тамъ лично.—Главное же я къ тому говорю, что у меня есть на умѣ, напримѣръ, два или даже *три* изданія, требующія одной только воловьей механической работы и между тѣмъ которыя безспорно

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьяхъ Н. Я. Данилевскаго, печатавшихся въ „Зарѣ“ и составившихъ позднѣе книгу „Россія и Европа“ (3-е изд. 1888 г.). Книга представляетъ попытку подвести подъ утопическія построенія славянофильства научный фундаментъ, но далека отъ безпристрастно научной оцѣнки явленій. Европа „изжила“ уже свое историческое существованіе, очередь за Россіею осуществить свое провиденціальное назначеніе, которое авторъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы Россія стала во главѣ всеславянской федераціи, съ Константинополемъ, какъ столицей всеславянскаго союза. См. „Разложеніе славянофильства“ въ книгѣ П. Милюкова: „Изъ исторіи русской интеллигенціи“. Спб., 1902 г.—*Ч. В—ій.*

дали бы деньги. Мнѣ вѣдь на этотъ счетъ иногда удавалось. — Здѣсь же у меня на умѣ теперь: 1) огромный романъ, названіе ему „Атеизмъ“ (ради Бога между нами), но, прежде чѣмъ приняться за который, мнѣ нужно прочесть чуть не цѣлую библіотеку атеистовъ, католиковъ и православныхъ. Онъ поспѣетъ, даже при полномъ обезпеченіи въ работѣ, не раньше какъ черезъ два года. Лицо есть. Русскій человѣкъ нашего общества, *и въ лѣтахъ*, не очень образованный, но и не необразованный, не безъ чиновъ, — *вдругъ*, уже въ лѣтахъ теряетъ вѣру въ Бога. Всю жизнь онъ занимался одной только службой, изъ колеи не выходилъ и до 45 лѣтъ ничѣмъ не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человѣкъ и русскій человѣкъ). Потеря вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально (собственно дѣйствіе въ романѣ, обстановка—очень большія). Онъ шныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителямъ, по священникамъ; сильно, между прочимъ, попадается на крючокъ іезуиту пропагатору, поляку; спускается отъ него въ глубину хлыстовщины — и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа, и русскую землю, русскаго Христа и русскаго Бога (ради Бога, не говорите никому; а для меня такъ: написать этотъ послѣдній романъ, да хоть бы и умереть — весь выскажусь). Ахъ, другъ мой! Совершенно другія я понятія имѣю о дѣйствительности и реализмѣ, чѣмъ наши реалисты и критики. Мой идеализмъ—реальнѣе ихняго. Господи! Поразсказать толково то, что мы всѣ, русскіе, пережили въ послѣднія 10 лѣтъ въ нашемъ духовномъ развитіи,— да развѣ не закричатъ реалисты, что это фантазія! А между тѣмъ это исконный, настоящій реализмъ! Это-то и есть реализмъ, только глубже, а у нихъ мелко плаваетъ. Ну, не ничтоженъ ли Любимъ Торцовъ въ сущности, — а вѣдь это все, что идеальнаго позволилъ себѣ ихъ реализмъ. Глубокъ реализмъ — нечего сказать! Ихнимъ реализмомъ—сотой доли реальныхъ, дѣйствительно случившихся фактовъ не объяснишь. А мы нашимъ идеализмомъ пророчили даже факты. Случалось. Голубчикъ мой, не смѣйтесь надъ моимъ самолюбіемъ; но я какъ Павелъ: „Меня не хвалятъ, такъ я самъ буду хвалиться“.

Но покамѣстъ нужно жить: „Атеизмъ“ на продажу не потащу (а о католицизмѣ и объ іезуитѣ у меня есть что сказать сравнительно съ православіемъ). Есть у меня идея одной довольно большой повѣсти, листовъ въ 12 печатныхъ, и привлекаетъ меня. Есть и еще одна мысль. На что рѣшиться и кому предложить труды? „Зарѣ“? Но вѣдь я беру деньги впередъ, и тамъ врядъ ли дадутъ. . . . .

[Опущены всѣ дѣловыя частности.]

С. А. Ивановой-Хмыровой.

Флоренція, 6 февраля (25 января) 1869 г.

...Здѣсь, во Флоренціи, климатъ, можетъ-быть, еще хуже для меня, чѣмъ въ Миланѣ и въ Вевеѣ; падучая чаще. Два припадка сряду, въ разстояніи шести дней одинъ отъ другого, и сдѣлали то, что я опоздалъ эти 10 дней. Кромѣ того, во Флоренціи слишкомъ ужъ много бываетъ дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай. Ничего представить нельзя лучше впечатлѣнія этого неба, воздуха и свѣта. 2 недѣли было холоду, небольшого, но по подлому низкому устройству здѣшнихъ квартиръ мы мерзли эти двѣ недѣли, какъ мыши въ подполѣ. Но теперь, по крайней мѣрѣ, я отдѣлался и свободенъ, и до того меня измучила эта годичная работа, что я даже съ мыслями не успѣлъ сообразиться. Будущее лежитъ загадкой: на что рѣшусь, не знаю. Рѣшиться же надо. Черезъ три мѣсяца—2 года, какъ мы за границей. Помоему это хуже, чѣмъ ссылка въ Сибирь. Я говорю серьезно и безъ преувеличенія. Я не понимаю русскихъ за границей. Если здѣсь есть такое солнце и небо и такія — дѣйствительно ужъ — чудеса искусства неслыханнаго и невообразимаго, буквально говоря, какъ здѣсь, во Флоренціи, то въ Сибири, когда я вышелъ изъ каторги, были другія преимущества, которыхъ здѣсь нѣтъ, а главное—русскіе и родина, безъ чего я жить не могу. Когда-нибудь, можетъ-быть, испытаете сами и узнаете, что я не преувеличиваю для краснаго словца. И, однакоже, все-таки мое ближайшее будущее мнѣ неизвѣстно. Первоначальный, положительный расчетъ мой, въ настоящее время, отчасти лопнулъ. (Я написалъ слово: расчетъ положительный, но, разумѣется, каждый изъ моихъ расчетовъ, какъ человѣка безъ капитала, а живущаго работой, основанъ на рискѣ и на обстоятельствахъ). Расчетъ этотъ состоялъ въ томъ, что на 2-е изданіе романа я успѣю поправить мои дѣла и возвратиться въ Россію; но романомъ я недоволенъ: онъ не выразилъ и 10-й доли того, что я хотѣлъ выразить, хотя все-таки я отъ него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сихъ поръ.

Но во всякомъ случаѣ дѣло въ томъ, что онъ для публики не эффектенъ, и, слѣдственно, 2-е изданіе, если и состоится, то принесетъ такъ немного, что ничего на эту сумму не выдумаешь. Кстати, о романѣ я не знаю, здѣсь сидя, никакого мнѣнія читающей публики въ Россіи. Первоначально мнѣ присылали раза два вырѣзки изъ иныхъ газетъ, наполненныя восторженными по-

хвалами роману. Но теперь всякое мнѣніе давно затихло. Но хуже всего, что я рѣшительно не знаю мнѣнія о немъ самихъ издателей „Русскаго Вѣстника“...

[Далѣе рѣчь о счетахъ съ ними.]

Ей же.

Флоренція, 8 (20) марта 1869.

[Въ началѣ письма рѣчь о журнальныхъ отношеніяхъ Достоевскаго.]

... Изъ Петербурга мнѣ... писали откровенно, что *Идіота* хотя многіе ругаютъ и хотя въ немъ много недостатковъ, но зато всѣ читаютъ съ большимъ интересомъ (т.-е. тѣ, которые читаютъ). Мнѣ это только и нужно. А насчетъ недостатковъ я совершенно и со всѣми согласенъ, а главное до того злюсь на себя за недостатки, что хочу самъ на себя написать критику. Страховъ хочетъ мнѣ прислать свой разборъ „Идіота“, онъ не принадлежитъ къ моимъ хвалителямъ. Все я вамъ пишу о себѣ, но такъ какъ ужъ началъ на эту тему, то ужъ слушайте, голубчикъ мой, дальше, потому что эти литературныя обстоятельства составляютъ, по нѣкоторымъ комбинаціямъ, все мое теперешнее будущее и возвращеніе въ Россію. А какъ бы, какъ бы хотѣлось мнѣ обнять всѣхъ васъ и даже быть съ вами постоянно, что, можетъ, и сбудется! Не говорю уже, другъ мой, о томъ (что вы совершенно поймете), что въ литературномъ дѣлѣ моемъ есть для меня одна торжественная сторона, моя цѣль и надежда (и не въ достиженіи славы и денегъ, а въ достиженіи выполненія синтеза моей художественной и поэтической идеи, т.-е. въ желаніи высказаться въ чемъ-нибудь, по возможности вполнѣ, прежде чѣмъ умру). Ну, вотъ я и задумалъ теперь одну мысль, въ формѣ романа. Романъ этотъ называется „Атеизмъ“; нынѣ, кажется, я весь выскажусь въ немъ. И представьте же, другъ мой: писать его здѣсь я не могу; для этого мнѣ нужно быть въ Россіи непремѣнно, видѣть, слышать и въ русской жизни участвовать непосредственно; надо, наконецъ, писать его два года. Здѣсь же я этого не могу и потому долженъ писать другое. Все это дѣлаетъ мнѣ все дальше и дальше жизнь за границей несносною.

Мнѣ непремѣнно надобно воротиться въ Россію; здѣсь же я потеряю даже возможность писать, не имѣя подъ руками и необходимаго матеріала для письма, то-есть русской дѣйствительности (дающей мысли) и русскихъ людей. А сколько справокъ необходимо дѣлать поминутно—и негдѣ. Теперь у меня въ головѣ одна мысль огромнаго романа, который во всякомъ случаѣ, даже

и при неудачѣ моей, долженъ имѣть эффектъ собственно по своей темѣ. Тема — Атеизмъ (это не обличеніе современныхъ убѣжденій, это другое и—поэма настоящая). Это поневолѣ должно завлечь читателя. Требуетъ большого изученія предварительно. Два-три лица ужасно хорошо сложились у меня въ головѣ, между прочимъ, католическаго энтузіаста-священника (въ родѣ St. François Fanier). Но написать его здѣсь нѣтъ возможности. Вотъ это я продамъ 2 изданіемъ и выручу много; но когда? Черезъ 2 года. (Впрочемъ, не передавайте темы никому.) Придется писать другое покамѣстъ, чтобъ существовать. Все это скверно. Надо, чтобы обернулись обстоятельства иначе. А какъ они обернутся?

Знаете ли вы, другъ мой, что вы совершенно правы, говоря, что въ Россіи я бы вдвое болѣе и скорѣе и легче добылъ денегъ. Скажу вамъ для примѣра: у меня въ головѣ двѣ мысли, два изданія: одна — требующая всего моего труда, т.-е. которая уже не дастъ мнѣ заниматься, напримѣръ, романомъ, но которая можетъ дать деньги очень порядочныя (для меня это безъ сомнѣнія). Другая же мысль, почти только компилятивная, работа почти только механическая, это одна ежегодная, огромная и полезная, и необходимая настольная для всѣхъ книга, листовъ въ шестьдесятъ печатныхъ, мелкой печати, которая должна разойтись непремѣнно въ большомъ количествѣ экземпляровъ и появляться каждый годъ въ январѣ мѣсяцѣ. Мысли этой я не скажу никому, потому что слишкомъ вѣрная и слишкомъ цѣнная, барышъ ясный; работа же моя—единственно редакціонная [1]).

Н. Н. Страхову.

Флоренція, 26 февраля (10 марта) 1869 г.

...Кстати, замѣтили вы одинъ фактъ въ нашей русской критикѣ? Каждый замѣчательный критикъ нашъ (Бѣлинскій, Григорьевъ) выходилъ на поприще непремѣнно какъ бы опираясь на передового писателя, т.-е. какъ бы посвящалъ всю свою карьеру разъясненію этого писателя и въ продолженіе жизни успѣвалъ высказать всѣ свои мысли не иначе, какъ въ формѣ растолковыванія этого писателя. Дѣлалось же это наивно и какъ бы необходимо. Я хочу сказать, что у насъ критикъ не иначе растолкуетъ себя, какъ являясь рука объ руку съ писателемъ,

[1]) Повидимому, это — планъ „Дневника писателя“ и проектъ литературно-общественнаго ежегодника — обзора, изложенный позднѣе въ „Бѣсахъ“ Лизою Шатову.

приводящимъ его въ восторгъ. Бѣлинскій заявилъ себя вѣдь не пересмотромъ литературы и именъ, даже не статьею о Пушкинѣ, а именно опираясь на Гоголя, которому онъ поклонялся еще въ юношествѣ. Григорьевъ вышелъ, разъясняя Островскаго и сражаясь за него. У васъ безконечная, непосредственная симпатія къ Льву Толстому, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я васъ знаю. Правда, прочтя статью вашу въ „Зарѣ“, я первымъ впечатлѣніемъ моимъ ощутилъ, что она *необходима* и что вамъ, чтобъ по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать, какъ съ Льва Толстого, т.-е. съ *его послѣдняго сочиненія*[1]). Въ „Голосѣ“ фельетонистъ говорилъ, что вы раздѣляете *историческій фатализмъ* Льва Толстого. Наплевать, конечно, на глупенькое слово, но не въ томъ дѣло, а въ томъ: скажите, откуда они берутъ такія мудреныя мысли и выраженія? Что значитъ *историческій фатализмъ?* Почему именно рутина и глупенькіе, ничего не замѣчающіе далѣе носа, всегда затемнятъ и углубятъ такъ свою же мысль, что ее и не разберешь? Вѣдь онъ, очевидно, что-то хочетъ сказать; что онъ читалъ вашу статью, то это несомнѣнно. Именно то, что вы говорите въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорите о Бородинской битвѣ, и выражаетъ всю сущность мысли и Толстого и вашу о Толстомъ. Яснѣе бы невозможно, кажется, выразиться. Національная русская мысль заявлена почти обнаженно. И вотъ этого-то и не поняли и перетолковали въ фатализмъ. Что касается до остальныхъ подробностей о статьѣ, то жду продолженія (которое до сихъ поръ еще не дошло до меня). Ясно, логично, твердо сознанная мысль, написанная изящно до послѣдней степени. Но кой съ чѣмъ въ подробностяхъ я не согласился. Разумѣется, при свиданіи мы бы съ вами не такъ поговорили, какъ на письмѣ. Въ концѣ-концовъ, я считаю васъ за единственнаго представителя нашей теперешней критики, которому принадлежитъ будущее.

Благодарю васъ очень, добрѣйшій и многоуважаемый Николай Николаевичъ, что мною интересуетесь. Я здоровъ попрежнему, то есть припадки даже слабѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ послѣднее время, полтора мѣсяца назадъ, былъ сильно занятъ окончаніемъ „Идіота“. Напишите мнѣ, какъ вы обѣщали, о немъ ваше мнѣніе; съ жадностію ожидаю его. У меня свой особенный взглядъ на дѣятельность въ искусствѣ; и то, что большинство называетъ почти фантастическимъ и исключительнымъ, то для меня иногда составляетъ самую сущность дѣйствительнаго. Обыденность явленій и казенный взглядъ на нихъ по-моему не есть еще реализмъ, а даже напротивъ. Въ каждомъ номерѣ газетъ

---

[1]) Дѣло идетъ о „Войнѣ и мирѣ“.—*Н. С.*

вы встрѣчаете отчетъ о самыхъ дѣйствительныхъ фактахъ и о самыхъ мудреныхъ. Для писателей нашихъ они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тѣмъ они дѣйствительность, потому что они *факты*. Кто же будетъ ихъ замѣчать, ихъ разъяснять и описывать? Они поминутны и ежедневны, а не *исключительны* . . . . . псевдо-русская черта, что все начинаетъ человѣкъ, задается большимъ и не можетъ кончить даже малаго. Экая старина! Экая дряхлая пустенькая мысль, да и совсѣмъ даже невѣрная. Клевета на русскій характеръ, при Бѣлинскомъ еще. И какая мелочь и низменность воззрѣнія и проникновенія въ дѣйствительность! И все одно да одно! Мы всю дѣйствительность пропустимъ этакъ мимо носа. Кто же будетъ отмѣчать факты и углубляться въ нихъ? Про повѣсть Тургенева я уже не говорю: это чортъ знаетъ что такое! Неужели фантастичный мой „Идіотъ“ не есть дѣйствительность, да еще самая обыденная? Да именно теперь-то и должны быть такіе характеры въ нашихъ оторванныхъ отъ земли слояхъ общества,—слояхъ, которые въ дѣйствительности становятся фантастичными. Но *нечего* говорить! Въ романѣ много написано наскоро, много растянуто и не удалось, но кой-что и удалось. Я не за романъ, а за идею мою стою. Напишите, напишите мнѣ ваше мнѣніе, и какъ можно откровеннѣе. Чѣмъ больше вы обругаете, тѣмъ больше я оцѣню вашу искренность...

[Большая часть письма посвящена журналу „Заря“ и ея статьямъ.]

Ему же.

Флоренція, 18 (30) марта 1869 г.

...Статья Данилевскаго, въ моихъ глазахъ, становится все болѣе и болѣе важною и капитальною. Да вѣдь это—будущая настольная книга всѣхъ русскихъ надолго. И какъ много способствуетъ тому языкъ, ясность его, популярность его, несмотря на строго научный пріемъ. Какъ хотѣлось бы мнѣ поговорить объ этой статьѣ съ вами, именно съ вами, Николай Николаевичъ; но слишкомъ много надо говорить! Она до того совпала съ моими собственными выводами и убѣжденіями, что я даже изумляюсь, на иныхъ страницахъ, сходству выводовъ; многія изъ моихъ мыслей я давнымъ-давно, уже два года, записываю, готовя тоже статью, и чуть не подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, съ точно такою мыслію и выводами. Каково же радостное изумленіе мое, когда встрѣчаю теперь почти то же самое, что я жаждалъ осуществить въ будущемъ,—уже осуществленнымъ стройно, гар-

монически, съ необыкновенной силой логики и съ тою степенью научнаго пріема, которую я, конечно, несмотря на всѣ усилія мои, не могъ бы осуществить никогда. Я до того жажду продолженія этой статьи, что каждый день бѣгаю на почту и высчитываю всѣ вѣроятности скорѣйшаго полученія „Зари“. Потому еще жажду читать эту статью, что сомнѣваюсь нѣсколько, и со страхомъ, объ окончательномъ выводѣ; я все еще не увѣренъ, что Данилевскій укажетъ въ *полной силѣ* окончательную сущность русскаго призванія, которая состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По-моему, въ этомъ вся сущность нашего могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но въ одномъ словѣ не выскажешься, и я напрасно даже заговорилъ. Но одно еще выскажу: не можетъ такое строгое, такое русское, такое охранительное и зиждительное направленіе журнала не имѣть успѣха и не отозваться радостно въ читателяхъ, послѣ нашего жалкаго, напускного, съ раздраженными нервами, односторонняго и безплоднаго отрицанія.

[Далѣе рѣчь о статьѣ Страхова, которую хвалитъ Д., и дѣловыя подробности о предполагаемомъ сотрудничествѣ Д. въ „Зарѣ“.]

А. Н. Майкову.

Дрезденъ, 16 (28) октября 1869 г.

[Большая часть письма посвящена выясненію денежнаго недоразумѣнія съ журналомъ „Заря“.]

...Что же теперь мнѣ дѣлать? Когда я получу теперь деньги? И почему, почему онъ (Кашпиревъ, издатель „Зари“) ждетъ моей телеграммы, проситъ прислать вексель обратно („и тогда, дескать, вышлю вамъ *на другой же день*“, а не въ тотъ же),—а *не высыла тъ теперь*, сейчасъ, вторыхъ 75 руб., которые, въ настоящую минуту, уже десять дней тому назадъ, должны бы быть высланы? Неужели онъ думаетъ, что я писалъ ему о моей нуждѣ только для красоты слога? Какъ могу я писать, когда я голоденъ, когда я, чтобъ достать два талера на телеграмму, штаны заложилъ! Да чортъ со мной и съ моимъ голодомъ! Но вѣдь она (жена) кормитъ ребенка, что жъ, если она послѣднюю свою теплую, шерстяную юбку идетъ *сама* закладывать! А вѣдь у насъ второй день снѣгъ идетъ (не вру, справьтесь въ газетахъ!), вѣдь она простудиться можетъ! Неужели онъ не можетъ понять, что мнѣ *стыдно* все это объяснять ему? Но это не все, есть и

еще стыднѣе: у насъ до сихъ поръ ни бабка, ни хозяева не уплачены — и это все ей въ первый мѣсяцъ послѣ родовъ! Да неужели жъ онъ не понимаетъ, что онъ не только меня, но и *жену мою оскорбилъ*, обращаясь со мной такъ небрежно, послѣ того, какъ я самъ ему писалъ о *нуждахъ жены*. Оскорбилъ, оскорбилъ! — Онъ скажетъ, можетъ-быть: „А чортъ съ нимъ и съ его нуждой! Онъ долженъ *просить*, а не *требовать*, я не обязанъ впередъ давать". Да неужели жъ онъ не понимаетъ, что утвердительнымъ отвѣтомъ на мое первое просительное письмо *онъ заручилъ* меня! Вѣдь почему я къ нему обратился съ просьбой о 200 р., а не къ Каткову? Потому что думалъ, что отъ него получу раньше, чѣмъ отъ Каткова (котораго мнѣ не хотѣлось утруждать), тогда какъ теперь, если бъ я написалъ тогда къ Каткову, а не къ нему, то давнымъ-давно, уже недѣлю тому назадъ, имѣлъ бы деньги навѣрно! А я *не* написалъ! Почему? Потому, что онъ меня *заручилъ* своимъ словомъ! Слѣдственно, онъ не имѣетъ права говорить, что онъ плюетъ на мой голодъ и что я не смѣю торопить его.—Онъ, конечно, будетъ говорить, что онъ плюетъ на мой голодъ и что я не смѣю торопить его. Онъ, конечно, будетъ говорить, что онъ сдѣлалъ *все* съ своей стороны, вексель выслалъ тотчасъ, и онъ не виноватъ, что вышло недоразумѣніе, что онъ по моей жалобѣ къ Хессину ѣздилъ и тотъ обѣщался прислать *Avis* и т. д. И вѣдь, ей Богу же, онъ себя считаетъ правымъ! Да неужели же онъ понять не можетъ, что *нельзя* на отчаянное письмо о томъ, что столько ужъ времени ничего не получено по ихъ же ошибкѣ, отвѣчать только на *двѣнадцатый день*. На двѣнадцатый день, да, не лгу, — у меня конверты цѣлы и на нихъ штемпеля. Нельзя на телеграмму, *которую самъ вызвалъ*, ровно *шесть дней* не отвѣчать, тогда какъ почта достигаетъ на 4-й день! Это небрежность непростительная, оскорбительная! Лично для меня оскорбительная! Вѣдь я ему о женѣ моей писалъ, о томъ, что она родила? Каково же оскорбленіе, послѣ того, какъ онъ ужъ *заручилъ* меня, и черезъ это зарученіе сдѣлалъ то, что я къ Каткову не посылалъ! . . . . . Требуетъ объяснительной телеграммы о первой, и уморительно пишетъ: „на мой счетъ, разумѣется". Да развѣ онъ не вѣдаетъ, что неоплаченной телеграммы не примутъ нигдѣ и что я же долженъ достать *два талера*, что бы послать ее. Неужели ему невдомекъ (послѣ-то моихъ писемъ!), что у меня не можетъ быть двухъ талеровъ? Вѣдь это небрежность человѣка, который и знать не хочетъ обстоятельствъ другого. И послѣ того у меня требуютъ художественности, чистоты поэзіи, безъ напряженія, безъ угару, и указываютъ на Тургенева, Гончарова! Пусть посмотрятъ, въ какомъ положеніи я работаю...

Дрезденъ, 12 (24) февраля 1870 г.

...Послѣ большого промежутка между припадками теперь они принялись меня опять колотить и злятъ меня особенно тѣмъ, что мѣшаютъ работать. Сѣлъ за богатую идею [1]); не про исполненіе говорю, а про идею. Въ родѣ „Преступленія и наказанія“, но еще ближе, еще насущнѣе къ дѣйствительности и прямо касается самаго важнаго современнаго вопроса. Кончу къ осени, не спѣшу и не тороплюсь. Постараюсь, чтобъ осенью же и было напечатано, а нѣтъ, такъ все равно. Денегъ надѣюсь добыть, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько за „Преступленіе и наказаніе“, а, стало-быть, къ концу года надежда есть и всѣ дѣла мои уладить и въ Россію возвратиться. Только ужъ слишкомъ горячая тема. Никогда я не работалъ съ такимъ наслажденіемъ и съ такою легкостію. Но довольно! Убиваю я васъ моими безконечными письмами!..

[Большая часть письма объ отношеніяхъ къ издателю Стелловскому и о журналѣ „Заря“.]

Н. Н. Страхову.

Дрезденъ, 26 февраля (10 марта) 1870 г.

Спѣшу поблагодарить васъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, за память и за письмо. На чужбинѣ письма отъ прежнихъ добрыхъ знакомыхъ дороги. Вонъ Майковъ такъ совсѣмъ, кажется, пересталъ мнѣ писать. Съ жадностію прочелъ тоже ваши нѣсколько строкъ одобренія о моемъ разсказѣ [2]). Это мнѣ и лестно и пріятно; читателямъ, какъ вы, я и всегда желалъ бы угодить и желаю угодить. Кашпиревъ тоже доволенъ—въ двухъ письмахъ упомянулъ. Очень радъ всему этому и особенно радъ тому, что вы пишете о „Зарѣ“: если она стала твердо, то и славно. По направленію я совершенно ей принадлежу, и, стало-быть, ея успѣхъ все равно, что свой успѣхъ. Мнѣ она, отчего-то, „Время“ напоминаетъ,—время „нашей юности“, Николай Николаевичъ.

[Идутъ замѣчанія о журналѣ и далѣе о возможности дальнѣйшаго сотрудничества Д—аго въ „Зарѣ“.]

...Скажу вамъ прямо, что я никогда не выдумывалъ сюжета изъ-за денегъ, изъ-за принятой на себя обязанности къ сроку

---

[1]) Романъ „Бѣсы“.
[2]) „Вѣчный мужъ“, въ „Зарѣ“, 1 и 2 кн 1870 г.

написать. Я всегда обязывался и запродавался, когда уже имѣлъ въ головѣ тему, которую, дѣйствительно, хотѣлъ писать и считалъ нужнымъ написать. Такую тему имѣю я теперь. Распространяться о ней не буду, но вотъ что скажу: рѣдко являлось у меня что-нибудь новѣе, полнѣе и оригинальнѣе [1]). Я могу такъ говорить, не будучи обвиненъ въ тщеславіи, потому что говорю еще только про тему, про воплотившуюся въ головѣ мысль, а не про исполненіе. Исполненіе же зависитъ отъ Бога, могу и испакостить, что часто со мною случалось, но что-то мнѣ говоритъ внутри меня, что вдохновеніе не оставитъ меня. Но за новость мысли и за оригинальность пріема ручаюсь и покамѣстъ смотрю съ восторгомъ. Это будетъ романъ въ двухъ частяхъ—не менѣе 12, но и не болѣе 15 листовъ (такъ я думаю).

[Далѣе соображенія о возможности и условіяхъ помѣщенія новаго романа въ „Зарѣ“.]

Итакъ, жду вашего отвѣта и, кромѣ всего этого, имѣю до васъ величайшую и неотступнѣйшую просьбу: если возможно, вышлите мнѣ, на будущій кредитъ (такъ же, какъ вы высылали мнѣ „Войну и Миръ“) книжку Станкевича о Грановскомъ. Окажете мнѣ этимъ огромную услугу, которую вѣкъ буду помнить. Книжонка эта нужна мнѣ, какъ воздухъ, и какъ можно скорѣе, какъ матеріалъ, необходимѣйшій для моего сочиненія,—матеріалъ, безъ котораго я ни за что не могу обойтись [2]). Не забудьте же, ради Христа, если только найдете возможнымъ выслать...

Дрезденъ, 24 марта (5 апр.) 1870 г.

Спѣшу отвѣтить вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, и прежде всего о себѣ. Скажу вамъ откровенно и окончательно, разсчитавъ все, я никакъ не могу и не смѣю обѣщать романъ для осеннихъ книжекъ. Мнѣ кажется, что это положительно невозможно; да и редакцію я бы просилъ не стѣснять меня въ работѣ, которую я хочу сдѣлать начисто, со всѣмъ стараніемъ,—такъ, какъ дѣлаютъ тѣ господа (т.-е. великіе). За одно я отвѣчаю, что къ январю будущаго года поспѣю. Мнѣ эта работа моя дороже всего. Это одна изъ самыхъ дорогихъ мыслей моихъ, и мнѣ хочется сдѣлать очень хорошо... (На вещь,

---

[1]) Это продолженіе идеи „Атеизма“, см. письмо Майкову 11 дек. 1868 г. и далѣе ему же отъ 25 марта 1870 г., прототипъ „Братьевъ Карамазовыхъ“.

[2]) Очевидно, для фигуры Степана Трофимовича Верховенскаго въ „Бѣсахъ“, съ отвлеченнымъ его гуманизмомъ, пародирующимъ гуманизмъ Т. Н. Грановскаго.

которую я теперь пишу въ „Русскій Вѣстникъ“ [1]), я сильно надѣюсь, но не съ художественной, а съ тенденціозной стороны; хочется высказать нѣсколько мыслей, хотя бы погибла при этомъ моя художественность, но меня увлекаетъ накопившееся въ умѣ и сердцѣ; пусть выйдетъ хоть памфлетъ, но я выскажусь. Надѣюсь на успѣхъ. Впрочемъ, кто же можетъ садиться писать, не надѣясь на успѣхъ?)... Я въ „Русскій Вѣстникъ“ кончу скоро, и за романъ сяду съ наслажденіемъ. Идея этого романа существуетъ во мнѣ уже три года, но прежде я боялся сѣсть за него за границей, я хотѣлъ для этого быть въ Россіи. Но за три года созрѣло много, весь планъ романа, и думаю, что за первый отдѣлъ его (т.-е. тотъ, который назначаю въ „Зарю“) могу сѣсть и здѣсь, ибо дѣйствіе начинается много лѣтъ назадъ. Не безпокойтесь о томъ, что я говорю о „первомъ отдѣлѣ“. Вся идея потребуетъ большого размѣра, объемомъ, по крайней мѣрѣ, такого же, какъ романъ Толстого. Но это будетъ составлять пять отдѣльныхъ романовъ, и до того отдѣльныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ (кромѣ двухъ среднихъ) могутъ появляться даже въ разныхъ журналахъ, какъ совсѣмъ отдѣльныя повѣсти, или быть изданы отдѣльно, какъ совершенно законченныя вещи. Общее названіе, впрочемъ, будетъ: „Житіе великаго грѣшника“, при особомъ названіи отдѣла. Каждый отдѣлъ (то-есть романъ) будетъ не болѣе 15 листовъ. Для второго романа я уже долженъ быть въ Россіи; дѣйствіе во второмъ романѣ будетъ происходить въ монастырѣ, и хотя я знаю русскій монастырь превосходно, но все-таки хочу быть въ Россіи. Я ужасно бы хотѣлъ поговорить съ вами подробнѣе; но что же выскажешь на письмѣ? Скажу еще разъ, мнѣ невозможно обѣщать для нынѣшняго года; не торопите меня и получите вещь совѣстливую, а можетъ-быть, и хорошую (по крайней мѣрѣ, изъ этой идеи я сдѣлалъ цѣль всей моей будущей литературной карьеры, ибо нечего разсчитывать жить и писать далѣе, какъ лѣтъ 6 или 7).

[Слѣдуютъ еще нѣсколько соображеній, имѣющихъ побудить Кашпирева къ соглашенію навѣрное.]

...Мартовскую книжку „Зари“ прочелъ съ великимъ удовольствіемъ. Съ нетерпѣніемъ жду продолженія вашей статьи, чтобы все понять въ ней. Я предчувствую, что вы главное хотите представить Герцена какъ западника и поговорить о Западѣ, въ противоположеніи съ Россіей, такъ ли? [2]) Вы чрезвычайно удачно поставили главную точку: Г.—пессимистъ; но признаете ли вы

[1]) „Бѣсы“.

[2]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Литературная дѣятельность Герцена“. Статья первая. „Заря“, 1870 г., № 3.

дѣйствительно сомнѣнія его („Кто виноватъ?“, „Круповъ“ и т. д.) неразрѣшимыми? Вы это, кажется, обходите и, кажется мнѣ, для того, чтобъ высказать спеціально вашу главную мысль. Во всякомъ случаѣ съ страшнымъ нетерпѣніемъ жду продолженія статьи; тема слишкомъ задирающая и современная. И каково же это будетъ, когда вы докажете, что Г. раньше многихъ другихъ сказалъ, что Западъ гніетъ? Что̀ скажутъ западники временъ Грановскаго? Не знаю, то ли будетъ у васъ, я только предугадываю. Кстати (хотя это и не входитъ въ *тему* вашей статьи), но неправда ли, что есть и еще одна точка въ опредѣленіи и постановкѣ главной сущности всей дѣятельности Г.,—именно та, что онъ былъ всегда и вездѣ,—*поэтъ по преимуществу*. Поэтъ беретъ въ немъ верхъ вездѣ и во всемъ, во всей его дѣятельности. Агитаторъ—поэтъ, политическій дѣятель—поэтъ, соціалистъ—поэтъ, философъ—въ высшей степени поэтъ! Это свойство его натуры, мнѣ кажется, много объяснить можетъ въ его дѣятельности, даже его легкомысліе и склонность къ каламбуру въ высочайшихъ вопросахъ нравственныхъ и философскихъ (что, говоря мимоходомъ, въ немъ очень претитъ)...

[Далѣе рѣчь о полемическихъ статьяхъ Страхова, которыя Д—ій находитъ слишкомъ мягкими: „нигилисты и западники требуютъ окончательной плети“.]

...Двѣ строчки о Толстомъ, съ которыми я не соглашаюсь вполнѣ, это, когда вы говорите, что Л. Толстой равенъ всему, что̀ есть въ нашей литературѣ великаго [1]).

Это рѣшительно невозможно сказать! Пушкинъ, Ломоносовъ—геніи. Явиться съ „Арапомъ Петра Великаго“ и съ „Бѣлкинымъ“ значитъ рѣшительно появиться съ геніальнымъ *новымъ словомъ*, котораго до тѣхъ поръ *совершенно* не было нигдѣ и никогда сказано. Явиться же съ „Войной и Миромъ“,—значитъ явиться послѣ этого *новаго слова*, уже высказаннаго Пушкинымъ, и это *во всякомъ случаѣ*, какъ бы далеко и высоко ни пошелъ Толстой въ развитіи уже сказаннаго въ первый разъ до него геніемъ новаго слова. По-моему это очень важно. Впрочемъ, я не могу всего высказать въ нѣсколькихъ строкахъ...

[Далѣе нѣсколько незначительныхъ мелочей.]

---

[1]) Вотъ мои подлинныя слова: „Война и Миръ“ есть произведеніе *геніальное*, равное всему лучшему и истинно-великому, что произвела русская литература („Заря“, 1869 г., мартъ, стр. 199). Прямой смыслъ тотъ, что романъ этотъ слѣдуетъ причислить къ высшему разряду произведеній всей нашей литературы.—Н. С.

А. Н. Майкову.

Дрезденъ, 25 марта (6 апрѣля) 1870 г.

[Опущена бо́льшая первая половина, посвященная денежнымъ дѣламъ.]

...Надъ тѣмъ, что пишу въ „Русскій Вѣстникъ“, я не очень устану; зато въ „Зарю“ я обѣщаю вещь хорошую и хочу сдѣлать хорошо. Эта вещь въ „Зарю“ уже два года зрѣетъ въ моей головѣ. Это та самая идея, о которой я вамъ уже писалъ. Это будетъ мой послѣдній романъ, объемомъ въ „Войну и Миръ“, и идею вы бы похвалили,—сколько я, по крайней мѣрѣ, соображаюсь съ нашими прежними разговорами съ вами. Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 въ каждой; въ 2 года планъ у меня весь созрѣлъ). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Кашпиреву: тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ. (Общее названіе романа есть „Житіе великаго грѣшника“, но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно.) Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ,—тотъ самый, которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе. Герой,—въ продолженіе жизни то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. 2-я повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ. На эту 2-ю повѣсть я возложилъ всѣ мои надежды. Можетъ-быть, скажутъ, наконецъ, что не все писалъ пустяки. (Вамъ одному исповѣдуюсь, Аполлонъ Николаевичъ: хочу выставить во 2-й повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ на спокоѣ.) 13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, развитый и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волчонокъ и нигилистъ-ребенокъ сходится съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и все лицо Тихона). Тутъ же въ монастырѣ посажу Чаадаева (конечно, подъ другимъ тоже именемъ). Почему Чаадаеву не просидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую его свидѣтельствовали доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, напримѣръ, за границей на французскомъ языкѣ брошюру,—очень и очень могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы посидѣть въ монастырь. Къ Чаадаеву могутъ пріѣхать въ гости и другіе, Бѣлин-

скій, напримѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь у меня же не Чаадаевъ, я только въ романъ беру этотъ типъ.) Въ монастырѣ есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубовъ, и инокъ Парѳеній. (Въ этомъ мірѣ я знатокъ, и монастырь русскій знаю съ дѣтства.) Но главное—Тихонъ и мальчикъ. Ради Бога не передавайте никому содержанія этой 2 части. Я никогда впередъ не разсказываю никому моихъ темъ, стыдно какъ-то; а вамъ исповѣдуюсь. Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писалъ о монастырѣ Страхову, но про Тихона не писалъ. Авось выведу величавую, *положительную*, святую фигуру. Это ужъ не Костанжогло-съ и не нѣмецъ (забылъ фамилію) въ Обломовѣ [1]), и не Лопуховы, не Рахметовы. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важнымъ подвигомъ. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я долженъ быть въ Россіи. Ахъ, кабы удалось! Первая же повѣсть—дѣтство героя. Разумѣется, не дѣти на сценѣ; романъ есть. И вотъ, благо, я могу написать это за границей, предлагаю „Зарѣ“. Неужто откажутъ? Да и 1.000 рублей—не Богъ знаетъ какія деньги. Какъ хотятъ; этакъ дѣйствуя, все и всѣхъ упустятъ. Впрочемъ, ихъ дѣло...

Про нигилизмъ говорить нечего. Подождите, пока совсѣмъ перегніетъ этотъ верхній слой, оторвавшійся отъ почвы Россіи. Знаете ли: мнѣ приходитъ въ голову, что многіе изъ этихъ же самыхъ подлецовъ-юношей,—гніющихъ юношей, кончатъ тѣмъ, что станутъ настоящими, твердыми почвенниками, чисто-русскими. Ну, а остальные пусть сгніютъ. Кончится тѣмъ, что и они замолчатъ, въ параличѣ. А мерзавцы однакоже!

[Опущены незначительныя подробности.]

Н. Н. Страхову [2]).

Дрезденъ, 11 (23) іюня 1870 г.

[Въ началѣ письма жалобы на Кашпирева, отказавшагося отъ сдѣлки съ Д—имъ относительно „Житія великаго грѣшника“.]

Мнѣ случайно достался здѣсь „Вѣстникъ Европы“ за нынѣшній годъ, и просмотрѣлъ всѣ нумера. Меня изумило даже. Не-

---

1) Почемъ мы знаемъ: можетъ-быть, именно Тихонъ-то и составляетъ нашъ русскій *положительный* типъ, который ищетъ наша литература, а не Лаврецкій, не Чичиковъ, не Рахметовъ и проч. *Примѣч. Д—аго.*

2) „Біографія, письма и т. д.“ (295 ст.).

ужели такая неслыханная еще до сихъ поръ у насъ *посредственность* (развѣ исключая „Булгаринскую Сѣверную Пчелу“) могла имѣть подобный успѣхъ (6.000 экз. и 2-е изданіе)! Вотъ что, значитъ, всѣмъ по плечу. Какое подлаживаніе подъ уличное мнѣніе! Самая послѣдняя казенщина либерализма! Вотъ что, значитъ, успѣваетъ у насъ. Издаютъ, впрочемъ, ловко, въ 1-е число каждаго мѣсяца, и литераторовъ много. Я прочелъ, между прочимъ, „Казнь Тропмана“ — Тургенева. Вы можете имѣть другое мнѣніе, Николай Николаевичъ, но меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему онъ все конфузится и твердитъ, что не имѣлъ права тутъ быть? Да, конечно, если только на спектакль пришелъ; но человѣкъ, на поверхности земной, не имѣетъ права отвертываться и игнорировать то, что происходитъ на землѣ, и есть высшія нравственныя причины на то. Homo sum et nihil humanum... и т. д. Всего комичнѣе, что онъ въ концѣ отвертывается и не видитъ, какъ казнятъ въ послѣднюю минуту: „Смотрите, господа, какъ я деликатно воспитался! Не могъ выдержать“. Впрочемъ, онъ себя выдаетъ. Главное впечатлѣніе статьи, въ результатѣ—ужасная забота, до послѣдней щепетильности, о себѣ, о своей цѣлости и своемъ спокойствіи, и это въ виду отрубленной головы. Плевать, впрочемъ, на нихъ всѣхъ. Надоѣли они мнѣ ужасно. Я считаю Тургенева самымъ исписавшимся изъ всѣхъ исписавшихся русскихъ писателей,—что бы вы не писали „за Тургенева“, Николай Николаевичъ, — ужъ простите.

С. А. Ивановой-Хмыровой.

Дрезденъ, 17 (29) августа 1870 г.

Дорогой другъ мой Сонечка, извините, что я не тотчасъ отвѣчаю вамъ (по полученіи вашего письма отъ 3 августа; коротенькое письмо отъ 28 іюля тоже получилъ). Иногда бываетъ столько разныхъ хлопотъ, непріятностей, тягостей, что ни за что взяться силъ нѣтъ, тѣмъ болѣе за письмо. Я только сочиненія мои долженъ писать и пишу, въ какомъ бы ни былъ расположеніи духа, да и то иногда не выдерживаю и бросаю все. Жизнь моя не красна. На этотъ разъ хочу вамъ кое-что объяснить въ моемъ положеніи, хотя, главное, потому и не люблю я писемъ, что трудно въ нихъ говорить, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, о предметахъ для себя важныхъ и быть понятымъ. Письма можно только писать живыя къ людямъ, съ которыми въ сердечныхъ отношеніяхъ не состоишь.

Главное въ томъ, что мнѣ нужно возвратиться въ Россію. Мысль эта проста, но не могу же я вамъ разсказать въ подробности тѣ мученія и невыгоды, которыя я терплю отъ заграничной жизни, опускаю всѣ нравственныя (тоску по родинѣ, необходимость русскаго быта мнѣ, какъ литератору, и проч.). Но, напримѣръ, одни семейныя мученія чего стоятъ! Я вѣдь вижу, какъ хочется на родину Анѣ [1]) и что здѣсь ей невыразимо скучно. Кромѣ того, на родинѣ я бы имѣлъ гораздо болѣе средства достать для прожитія денегъ; здѣсь же мы чрезмѣрно обѣднѣли. Положимъ, жить можно, но няньки нельзя нанять. Нянька здѣшняя требуетъ себѣ особую комнату, бѣлье, чортово жалованье, три обѣда, сколько-то пива (разумѣется, съ иностранцевъ). Аня же и сама кормитъ, и съ ребенкомъ ночей не спитъ. Ни развлеченія, ни времени развлечь себя. А главное—здоровье ея плохо. Да къ чему, впрочемъ, я вамъ разсказываю, когда это невозможно разсказать, потому что мелочей такихъ сотня или двѣ и въ цѣлости ихъ тягость и ужасъ...

[Идетъ рѣчь о денежныхъ затрудненіяхъ, о долгахъ „Рус. Вѣстнику“.]

...Въ началѣ нынѣшняго года я писалъ Каткову, что начну присылать романъ съ середины года, т.-е. съ іюня, такъ что если они захотятъ, то могутъ въ концѣ года и напечатать его. Ну, слушайте же: работалъ я до изнуренія, понимая, что я не въ Россіи, что если прервутся мои литературныя сношенія съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, то жить будетъ нечѣмъ (ибо отношенія съ другими журналами заочно тяжелы), и, кромѣ того, я измучился и изстрадался буквально изъ-за мысли, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ меня считаютъ подлецомъ, тогда какъ они всегда такъ великолѣпно обращались со мной. Романъ, который я писалъ, былъ большой, очень оригинальный, но мысль нѣсколько новаго для меня разряда. Нужно было очень много самонадѣянности, чтобы съ ней справиться. Но я не справился и лопнулъ. Работа шла вяло, я чувствовалъ, что есть капитальный недостатокъ въ цѣломъ, но какой именно — не могъ угадать. Въ іюлѣ, послѣ послѣдняго письма моего къ вамъ, я заболѣлъ цѣлымъ рядомъ припадковъ падучей (каждую недѣлю). Они до того меня разстроили, что уже и думать о работѣ я не могъ цѣлый мѣсяцъ, да и опасно было. И вотъ, двѣ недѣли назадъ, принявшись опять за работу, я вдругъ разомъ увидалъ, въ чемъ у меня хромало и въ чемъ у меня ошибка; при этомъ самъ собою по

---

[1]) Анна Григ. Д—ая

вдохновенію представился въ полной стройности новый планъ романа. Все надо было измѣнить радикально; не думая нимало, я перечеркнулъ все написанное (листовъ до 15, вообще говоря) и принялся вновь съ первой страницы. Вся работа всего года уничтожена. О, Сонечка! Если бы вы знали, какъ тяжело быть писателемъ, то-есть выносить эту долю. Вѣрите ли, я знаю навѣрно, что будь у меня обезпечено два-три года для этого романа, какъ у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написалъ бы такую вещь, о которой 100 лѣтъ спустя говорили бы! Я не хвастаюсь; спросите вашу совѣсть и воспоминанія ваши обо мнѣ: хвастунъ ли я? Идея такъ хороша, такъ многозначительна, что я самъ передъ ней преклоняюсь. А что выйдетъ? Заранѣе знаю: я буду писать романъ мѣсяцевъ 8 или 9, скомкаю и испорчу. Такую вещь нельзя иначе писать, какъ два-три года. (Да и объемиста она: листовъ 35 будетъ.) Детали, можетъ, выйдутъ недурно, будутъ начерчены характеры—но начерно. Будетъ много невыдержекъ, лишнихъ растянутостей. Бездна красотъ (говорю буквально) не войдетъ ни за что, ибо вдохновеніе во многомъ зависитъ отъ времени. Ну, а все-таки сажусь писать! Развѣ не мученіе, сознательно на себя руки поднимать! Но пока дѣло не въ томъ, а дѣло въ томъ, что всѣ мои расчеты рушились.

[Далѣе говорится о сомнѣніяхъ, можно ли печатать романъ въ „Рус. В.“, разъ авторъ нарушилъ всѣ уговоры о срокѣ.]

Ну, вотъ, все это меня очень волнуетъ и мѣшаетъ мнѣ жить и работать спокойно, но есть много другого, о которомъ я не пишу. Съ войной кредитъ почти совсѣмъ кончился повсемѣстно,—жить труднѣе. Но перетащу какъ-нибудь. Главное бы—здоровье, но его-то и нѣтъ, т.-е. прежняго. Насчетъ войны съ вами не согласенъ совсѣмъ. Безъ войны человѣкъ деревенѣетъ въ комфортѣ и богатствѣ и совершенно теряетъ способность къ великодушнымъ мыслямъ и чувствамъ и непримѣтно ожесточается и впадаетъ въ варварство. Я говорю про народы въ цѣломъ. Безъ страданія и не поймешь счастья. Идеалъ черезъ страданіе переходитъ, какъ золото черезъ огонь. Царство небесное усиліемъ достается. Франція слишкомъ очерствѣла и измельчала. Временная боль ничего не значитъ; она ее перенесетъ и воскреснетъ къ новой жизни и къ новой мысли. А то вѣдь все была старая фраза, съ одной стороны, и трусость и тѣлесныя наслажденія—съ другой.

Наполеонова фамилія будетъ уже невозможна. Эта новая будущая жизнь и преобразованіе такъ важны, что страданіе, хоть тяжелое, ничего не значитъ. Неужели вы не видите руки Божіей?

Семидесятилѣтняя наша русская, европейская, нѣмецкая политика должна тоже будетъ измѣниться сама собою. Тѣ же нѣмцы намъ откроютъ, наконецъ, каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Вообще перемѣна для Европы будетъ великая всюду.

Каковъ толчокъ! Сколько новой жизни будетъ повсемѣстно вызвано! Даже наука вѣдь падала въ узкомъ матеріализмѣ за отсутствіемъ великодушной мысли. Что значитъ временное страданіе!

Вы пишете: „Изранятъ, убьютъ, а потомъ перевязываютъ и ухаживаютъ“. Вспомните величайшія въ мірѣ слова: „Милости хочу, а не жертвы“. Кажется, въ настоящее мгновеніе или надняхъ многое должно рѣшиться. Кто кого надулъ? Кто сдѣлалъ стратегическую ошибку? Нѣмцы или французы? Мнѣ кажется, что нѣмцы.

Я еще за десять дней такъ думалъ. Но все равно, кажется, временно нѣмцы одолѣютъ: у французовъ есть одна бездна, въ которую они временно свалятся: это династическій интересъ, которому пожертвовано отечество. А многое бы я могъ вамъ написать, какъ личный наблюдатель нѣмецкихъ нравовъ, по отношенію къ настоящей минутѣ, да некогда.

Всѣмъ поклонъ. Напомните обо мнѣ всѣмъ. Васъ цѣлую крѣпко и знайте, что нѣтъ у васъ доброжелателя и друга крѣпче меня. Мнѣ счастье ужъ одно то, что я пишу это къ вамъ. Пишите, не забывайте, а я сажусь за каторжную работу. Вашъ всей душой и сердцемъ Ѳ. Достоевскій.

Н. Н. Страхову.

Дрезденъ, 9 (21) октября 1870 г.

Не отвѣтилъ я вамъ до сихъ поръ потому, что буквально сидѣлъ не разгибая шеи за романомъ въ „Русскій Вѣстникъ“. До того не удавалось, до того много разъ пришлось передѣлывать, что я, наконецъ, далъ себѣ слово не только не читать и не писать, но даже и не глядѣть по сторонамъ, прежде чѣмъ кончу то, что задалъ себѣ. И это вѣдь еще только самое первое начало! Правда, романа много написано изъ середины, и много забракованнаго (разумѣется, не цѣликомъ). Но, тѣмъ не менѣе, я все-таки сижу еще на началѣ. Признакъ дурной, и, однако, хочется сдѣлать что-нибудь получше. Говорятъ, что тонъ и манера разсказа должны у художника зарождаться сами собою. Это правда, но иногда въ нихъ сбиваешься и ихъ ищешь. Однимъ словомъ, никогда никакая вещь не стоила мнѣ бо̀льшаго труда.

Вначалѣ, т.-е. еще въ концѣ прошлаго года, я смотрѣлъ на эту вещь, какъ на вымученную, какъ на сочиненную, смотрѣлъ свысока. Потомъ посѣтило меня вдохновеніе настоящее — и вдругъ полюбилъ вещь, схватился за нее обѣими руками—давай черкать написанное. Потомъ лѣтомъ опять перемѣна: выступило еще новое лицо, съ претензіей на настоящаго *героя романа*, такъ что прежній герой (лицо любопытное, но дѣйствительно не стоящее имени героя) сталъ на второй планъ. Новый герой до того плѣнилъ меня, что я опять принялся за передѣлку. И вотъ теперь, какъ уже отправилъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ начало, я вдругъ испугался: боюсь, что не по силамъ взялъ тему. Но серьезно боюсь, мучительно! А между тѣмъ я вѣдь взялъ героя не съ бухъ да барахъ. Я предварительно *записалъ* всю его роль въ программѣ романа (у меня программа въ нѣсколько печатныхъ листовъ [1]), и вся записалась однѣми сценами, т.-е. дѣйствіемъ, а не разсужденіями. И потому думаю, что выйдетъ лицо и даже, можетъ-быть, *новое;* надѣюсь, но боюсь. Пора же, наконецъ, написать что-нибудь и серьезное. А можетъ-быть, и лопну. Что бы тамъ ни было, а надо писать, потому что этими передѣлками я ужасно много времени потерялъ и ужасно мало написалъ...

[Далѣе рѣчь о журналистикѣ, „Зарѣ“ и проч.]

А. Н. Майкову.

Дрезденъ, 15 (27) декабря 1870 г.

...Работу навалилъ на себя почти сверхъ силъ. Задумавъ огромный романъ (съ направленіемъ—дикое для меня дѣло), полагалъ сначала, что слажу легко. И что же? Перемѣнилъ чуть не десять редакцій и увидалъ, что тема obligе, а поэтому ужасно сталъ къ роману мнителенъ. Еле-еле окончилъ первую часть (большую, въ 10 листовъ, а всѣхъ частей 4) и отослалъ. Думаю, что сильно не казиста и не эффектна. Съ первой части даже и угадать нельзя будетъ читателю, куда я клоню и во что обратится дѣйствіе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ отозвалися благосклонно. Названіе романа „Бѣсы“ (все тѣ же „бѣсы“, о которыхъ писалъ вамъ какъ-то) съ эпиграфомъ изъ Евангелія. Хочу высказаться вполнѣ открыто и не заигрывая съ молодымъ поколѣніемъ. А, впрочемъ, въ письмѣ ничего не разскажешь.

[Все письмо далѣе касается полученія денегъ съ издателя Стелловскаго.]

---

[1]) См. приложеніе къ роману „Бѣсы“ въ изданіи „Просвѣщенія“.

Дрезденъ, 30 декабря 1870 г.

[Начало письма о томъ же.]

... Да, пріѣхать я непремѣнно хочу и ворочусь весной навѣрно. Здѣсь я нахожусь въ такомъ гнусномъ состояніи духа, что почти писать не могу. Мнѣ ужасть какъ тяжело писать. За событіями слѣжу и у насъ и здѣсь лихорадочно, и много прожилъ жизни въ эти четыре года. Сильно жилъ, хотя и уединенно. Что Богъ пошлетъ дальше—приму безропотно. Семейство тоже сильно обязываетъ совѣсть. Хочется, наконецъ, и людей видѣть.

Страховъ писалъ мнѣ, что ужасно все еще въ нашемъ обществѣ молодо-зелено. Если бъ вы знали, какъ это отсюда видно! Но если бъ вы знали, какое кровное отвращеніе, до ненависти, возбудила во мнѣ къ себѣ Европа, въ эти четыре года. Господи, какіе у насъ предразсудки насчетъ Европы! Ну, развѣ не младенецъ тотъ русскій (а вѣдь почти всѣ), который вѣритъ, что пруссакъ побѣдилъ школой? Это похабно даже: хороша школа, которая грабитъ и мучаетъ, какъ Атиллова орда? (да не больше ли?)

Вы пишете, что противъ грубой силы встаетъ теперь во Франціи духъ націи? Да никогда же я въ этомъ не сомнѣвался съ самаго начала, и если тамъ не дадутъ маху, заключивъ миръ, и переждутъ еще мѣсяца три, то нѣмцы будутъ выгнаны, и тогда—какой позоръ! Долго писать надо, а то бы я могъ сообщить вамъ много любопытнаго изъ наглядныхъ наблюденій, напримѣръ, какъ отправляются отсюда во Францію солдаты, какъ собираютъ ихъ, экипируютъ, продовольствуютъ и везутъ. Это ужасно любопытно.

Дрянная, напримѣръ, бабенка, проживающая тѣмъ, что снимаетъ двѣ комнаты и, меблировавъ ихъ внаемъ (стало-быть, имѣетъ свою мебель на два гроша), за то, что имѣетъ свою мебель, должна дать постой, съ прокормленіемъ на свой счетъ, десятерымъ солдатамъ. Они простоятъ дня три, два, одинъ, рѣдко недѣлю. Но вѣдь это ей въ 20—30 талеровъ обойдется.—Я самъ читалъ нѣсколько писемъ солдатиковъ-нѣмцевъ изъ Франціи, изъподъ Парижа, сюда къ своимъ матерямъ и отцамъ (лавочникамъ, торговкамъ). Господи, что пишутъ! Какъ они больны, какъ голодны! Но—долго разсказывать! Между прочимъ, наблюденіе: первоначально Wacht am Rein раздавалось на улицѣ въ толпѣ часто, теперь *совсѣмъ нѣтъ*. Всего больше горячатся и *гордятся* профессора, доктора, студенты, но народъ — не очень. Совсѣмъ даже нѣтъ. Но профессора гордятся. Въ Lese-Bibliotek каждый

вечеръ встрѣчаю ихъ. Одинъ сѣдой, какъ лунь, и вліятельный ученый громко кричалъ третьяго дня: „Paris muss bombardirt seyn!“ Вотъ результаты ихъ науки. Если не науки—такъ глупости. Пусть они ученые, но они ужасные глупцы! Еще наблюденіе: весь здѣшній народъ грамотенъ, но до невѣроятности не образованъ, глупъ, тупъ, съ самыми низменными интересами. Но до свиданія, довольно. Обнимаю васъ, благодарю заранѣе. Ради Бога, не забывайте и увѣдомьте теперь.

Вашъ Достоевскій.

А. Н. Майкову.

Дрезденъ, 2 (14) марта 1871 г.

[Начало письма занято дѣломъ Д—аго съ издателемъ Стелловскимъ].

...Лестный вашъ отзывъ о началѣ моего романа [1]) привелъ меня въ восторгъ. Боже, какъ я боялся и боюсь! Когда прочтете это—вѣроятно, уже прочтете и вторую половину 1-й части въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Что-то скажете? Боюсь, боюсь. А за дальнѣйшее—просто въ отчаяніи, справлюсь ли. Кстати, вѣдь всего будетъ 4 части—сорокъ листовъ. Степанъ Трофимовичъ лицо второстепенное, романъ будетъ совсѣмъ не о немъ: но его исторія тѣсно связывается съ другими происшествіями (главными) романа, и потому я и взялъ его какъ бы за краеугольный камень всего. Но все-таки бенефисъ Степана Трофимовича будетъ въ 4-й части: тутъ будетъ преоригинальное окончаніе его судьбы. За все другое—не отвѣчаю, но за это мѣсто отвѣчаю заранѣе. Но опять повторяю: боюсь, какъ испуганная мышь. *Идея* соблазнила меня и полюбилъ я ее ужасно, но слажу ли, не . . . . . -ли весь романъ,—вотъ бѣда.

Вообразите, что я уже получилъ нѣсколько писемъ изъ разныхъ концовъ съ поздравленіями за первую часть. Это ужасно, ужасно ободрило меня. Но безъ лести къ вамъ прямо говорю: вашъ отзывъ для меня больше всего стоитъ. Во-первыхъ, вы ужъ не польстите мнѣ, а во-вторыхъ, у васъ въ отзывѣ вашемъ, проскочило одно геніальное выраженіе: „*это Тургеневскіе герои въ старости*“. Это геніально! Пиша, я самъ грезилъ о чемъ-то въ этомъ родѣ; но вы тремя словами обозначили все, какъ формулой. Ну, благодарю васъ за эти слова: вы мнѣ все дѣло освѣтили.

---

[1]) „Бѣсы“.

Ужасно туго работается, чувствую себя нездоровымъ, и наступаетъ для меня очень скоро частый періодъ припадковъ. Боюсь не поспѣть въ срокъ, опоздать. Не хотѣлось бы портить поспѣшностію. Правда, планъ хорошо составленъ и изученъ, но поспѣшностію можно все испортить.

Непремѣнно рѣшилъ воротиться весною.

[Далѣе рѣчь о журналахъ „Бе ѣда“ и „Заря“].

Н. Н. Страхову.

Дрезденъ, 23 апрѣля (5 мая) 1871 г.

[Въ началѣ письма Д—ій настойчиво совѣтуетъ Страхову не бросать критической дѣятельности].

...Вслѣдствіе громадныхъ переворотовъ, начиная съ гражданскихъ и доходя до тѣсно-литературнаго цикла, у насъ разбилось, разсѣялось на нѣкоторое время и понизилось общественное образованіе и пониманіе. Люди вообразили, что имъ уже некогда заниматься литературой (точно игрушкой, каково образованіе!), и уровень критическаго чутья и всѣхъ литературныхъ потребностей страшно понизился, такъ что всякій критикъ, кто бы у насъ ни появился, не произвелъ бы теперь надлежащаго впечатлѣнія. Добролюбовъ и Писаревъ имѣли успѣхъ именно потому, что, въ сущности, отвергли литературу, — цѣлую область человѣческаго духа. Но потакать этому невозможно и продолжать критическую дѣятельность все-таки должно. Простите же и меня за совѣтъ, но вотъ какъ бы я поступилъ на вашемъ мѣстѣ.

У васъ была, въ одной изъ вашихъ брошюръ, одна великолѣпная мысль и, главное, первый разъ въ литературѣ высказанная,—это: что всякій, чуть-чуть значительный и дѣйствительный талантъ—всегда кончалъ тѣмъ, что обращался къ національному чувству, становился народнымъ, славянофильскимъ. Такъ свистунъ Пушкинъ вдругъ, раньше всѣхъ Кирѣевскихъ и Хомяковыхъ, создаетъ лѣтописца въ Чудовомъ монастырѣ, т.-е. раньше всѣхъ славянофиловъ высказываетъ всю ихъ сущность и, мало того,—высказываетъ это несравненно глубже, чѣмъ всѣ они до сихъ поръ. Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этотъ же путь и невозможность изъ-за скверныхъ свойствъ личности. Но этого мало: этотъ законъ поворота къ національному можно прослѣдить не въ однихъ поэтахъ и литературныхъ дѣятеляхъ, но и во всѣхъ другихъ дѣятельностяхъ. Такъ что, наконецъ, можно бы вывесть даже дру-

гой законъ: если человѣкъ талантливъ дѣйствительно, то онъ, изъ вывѣтрившагося слоя, будетъ стараться воротиться къ народу, если же, дѣйствительно, таланта нѣтъ, то не только останется въ вывѣтрившемся слоѣ, но еще экспатрируется, перейдетъ въ католичество и проч. и проч... [пропускъ въ „Біографіи“]. Бѣлинскій (котораго вы до сихъ поръ еще цѣните) именно былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и проклялъ Россію и принесъ ей сознательно столько вреда (о Бѣлинскомъ еще много будетъ сказано впослѣдствіи, вотъ увидите). Но дѣло въ томъ, что эта мысль ваша до того сильна, что непремѣнно должна быть развита особо, спеціально. . . . . .

...Письма ваши я получаю съ радостію. Но вотъ что̀ скажу о вашемъ послѣднемъ сужденіи о моемъ романѣ: во 1) вы слишкомъ высоко меня поставили за то, что нашли хорошимъ въ романѣ, и 2) вы ужасно мѣтко указали главный недостатокъ. Да, я страдалъ этимъ и страдаю; я совершенно не умѣю, до сихъ поръ, (не научился) совладать съ моими средствами. Множество отдѣльныхъ романовъ и повѣстей разомъ втискиваются у меня въ одинъ, такъ что ни мѣры, ни гармоніи. Все это изумительно вѣрно сказано вами, и какъ я страдалъ отъ этого самъ уже многіе годы, ибо самъ созналъ это[1]). Но есть и того хуже: я,

---

[1]) Для ясности приведу отрывокъ изъ своего письма: „Во второй части „Бѣсовъ“—чудесныя вещи, стоящія на ряду съ лучшимъ, что вы писали. Нигилистъ Кириловъ—удивительно глубокъ и ярокъ. Разсказъ сумасшедшей, сцена въ церкви и даже маленькая сценка съ Кармазиновымъ,—все это самые верхи художества. Но впечатлѣніе въ публикѣ до сихъ поръ очень смутное. Она не видитъ цѣли разсказа и теряется во множествѣ лицъ и эпизодовъ, которыхъ связь ей не ясна. Простите, что пишу вамъ эти неблагопріятныя сужденія. Мнѣ даже приходило въ голову предложить вамъ совѣты, и я не могу воздержаться отъ этой глупости, которую прошу принять, какъ выраженіе величайшаго моего интереса къ вашей дѣятельности“.

„Очевидно—по содержанію, по обилію и разнообразію идей, вы у насъ первый человѣкъ, и самъ Толстой, сравнительно съ вами, однообразенъ. Этому не противорѣчитъ то, что на всемъ вашемъ лежитъ особенный и рѣзкій колоритъ“.

„Но, очевидно же, вы пишете большею частію для избранной публики и вы загромождаете ваши произведенія, слишкомъ ихъ усложняете. Если бы ткань вашихъ романовъ была проще, они бы дѣйствовали сильнѣе. Напр., „Игрокъ“, „Вѣчный мужъ“ произвели самое ясное впечатлѣніе, а все, что̀ вы вложили въ „Идіота“, пропало даромъ. Этотъ недостатокъ, разумѣется, находится въ связи съ вашими достоинствами. Ловкій французъ или нѣмецъ, имѣй онъ десятую долю вашего содержанія, прославился бы на оба полушарія и вошелъ бы первостепеннымъ свѣтиломъ въ исторію всемірной литературы. И весь секретъ, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вмѣсто двадцати образовъ и сотни сценъ остановиться на одномъ образѣ и десяткѣ сценъ. Простите, Ѳедоръ Михайловичъ, но мнѣ все кажется, что вы до сихъ

не спросясь со средствами своими и увлекаясь поэтическимъ порывомъ, берусь выразить художественную идею не по силамъ. (NB. Такъ, сила поэтическаго порыва всегда, напримѣръ, у V. Hugo сильнѣе средствъ исполненія. Даже у Пушкина замѣчаются слѣды этой двойственности). И тѣмъ я гублю себя.—Прибавлю, что переѣздъ и множество хлопотъ этимъ лѣтомъ страшно повредятъ роману. Но благодарю васъ за сочувствіе. Какъ жаль, что долго еще не увидимся. А покамѣстъ я вашъ весь, сполна преданный вамъ. Ѳедоръ Достоевскій.

Ему же.

Дрезденъ, 18 (30 мая) 1871 г.

Многоуважаемый Николай Николаевичъ, вы прямо такъ-таки и начали ваше письмо съ Бѣлинскаго. Я это предчувствовалъ. Но взгляните на Парижъ, на коммуну. Неужели вы одинъ изъ тѣхъ, которые говорятъ, что опять не удалось за недостаткомъ людей, обстоятельствъ и проч.? Во весь XIX вѣкъ это движеніе или мечтаетъ о раѣ на землѣ (начиная съ фаланстеры), или чуть до дѣла (48 годъ, 49—теперь)—выказываетъ унизительное безсиліе сказать хоть что-нибудь положительное. Въ сущности, все тотъ же Руссо и мечта пересоздать вновь міръ разумомъ и опытомъ (позитивизмъ). Вѣдь ужъ, кажется, достаточно фактовъ, что ихъ безсиліе сказать новое слово—явленіе не случайное. Они рубятъ головы почему? Единственно потому, что это всего легче. Сказать что-нибудь несравненно труднѣе. Желаніе чего-нибудь не есть достиженіе. Они желаютъ счастья человѣка и остаются при опредѣленіяхъ слова „счастье“ Руссо, т.-е. на фантазіи, неоправданной даже опытомъ. Пожаръ Парижа есть чудовищность: „Не удалось, такъ погибай міръ“, ибо коммуна выше счастья міра и Франціи. Но вѣдь имъ (да и многимъ) не кажется чудовищностью это бѣшенство, а напротивъ, *красотою*. Итакъ, эстетическая идея въ новомъ человѣчествѣ помутилась. Нравственное основаніе общества (взятое изъ позитивизма) не только не даетъ результатовъ, но и не можетъ само опредѣлить себя, путается въ желаніяхъ и идеалахъ. Неужели, наконецъ, мало теперь фактовъ для доказательства, что не такъ создается общество, не тѣ пути ведутъ къ счастью и не оттуда происходитъ оно, какъ до

поръ не управляете вашимъ талантомъ, не приспособляете его къ наибольшему дѣйствію на публику. Чувствую, что касаюсь великой тайны, что предлагаю вамъ нелѣпѣйшій совѣтъ—перестать быть самимъ собою, перестать быть Достоевскимъ. Но я думаю, что въ этой формѣ вы все-таки поймете мою мысль“.—Примѣч. *Н. С.*

сихъ поръ думали? Откуда же? Напишутъ много книгъ, а главное упустятъ. На Западѣ Христа потеряли (по винѣ католицизма), и оттого Западъ падаетъ, единственно оттого. Идеалъ перемѣнился и—какъ это ясно! А паденіе папской власти рядомъ съ паденіемъ главы римско-германскаго міра (Франція и друг.)—какое совпаденіе!

Все это требуетъ большихъ и долгихъ рѣчей, но вотъ, что я собственно хочу сказать: если бы Бѣлинскій, Грановскій и вся эта . . . . . поглядѣли теперь, то сказали бы: „Нѣтъ, мы не о томъ мечтали, нѣтъ, это уклоненіе: подождемъ еще, явится свѣтъ, и воцарится прогрессъ, и человѣчество перестроится на здравыхъ началахъ, и будетъ счастливо!“ Они никакъ бы не согласились, что, разъ ступивъ на эту дорогу, никуда больше не придешь, какъ къ коммунѣ и къ Феликсу Піа. Они до того были тупы, что и *теперь бы,* уже послѣ событія, не согласились бы и продолжали мечтать. Я обругалъ Бѣлинскаго болѣе, какъ явленіе русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни. Одно извиненіе—въ неизбѣжности этого явленія. И увѣряю васъ, что Бѣлинскій помирился бы теперь на такой мысли: „А вѣдь это оттого не удалось коммунѣ, что она все-таки прежде всего была французская, т.-е. сохраняла въ себѣ заразу національности. А потому надо пріискать такой народъ, въ которомъ нѣтъ ни капли національности и который способенъ бить, какъ я, по щекамъ свою мать (Россію)“. И съ пѣной у рта бросился бы вновь писать поганыя статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина),—чтобъ окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла. Іезуитизмъ и ложь нашихъ передовыхъ двигателей онъ принялъ бы со счастьемъ. Но вотъ что еще: вы никогда его не знали, а я зналъ и видѣлъ и теперь осмыслилъ вполнѣ. Этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ. . . . . , и между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить со Христомъ для сравненія. Онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное, самолюбія. Онъ не сказалъ себѣ никогда: что же мы поставимъ вмѣсто него? Неужели себя, тогда какъ мы такъ гадки? Нѣтъ, онъ никогда не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость.—Вы говорите, онъ былъ талантливъ. Совсѣмъ нѣтъ, и, Боже! какъ навралъ о немъ въ своей статьѣ Григорьевъ! Я помню мое юношеское удивленіе, когда я прислушивался къ нѣкоторымъ чисто-художественнымъ его сужденіямъ (наприм., о „Мертв. Душахъ“);

онъ до безобразія поверхностно и съ пренебреженіемъ относился къ типамъ Гоголя и только радъ былъ до восторга, что Гоголь *обличилъ*. Здѣсь, въ эти 4 года, я перечиталъ его критики. Онъ обругалъ Пушкина, когда тотъ бросилъ свою фальшивую ноту, и явился съ повѣстями Бѣлкина и съ Арапомъ. Онъ съ удивленіемъ провозгласилъ ничтожество повѣстей Бѣлкина.—Онъ въ повѣсти Гоголя *Коляска* не находилъ художественнаго цѣльнаго созданія и повѣсти, а только шуточный разсказъ. Онъ отрекся отъ окончанія „Евгенія Онѣгина“. Онъ первый выпустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина. Онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ, а между тѣмъ это сказано по прочтеніи чрезвычайно значительнаго разсказа Тургенева „Три портрета“. Я бы могъ вамъ набрать такихъ примѣровъ сколько угодно, для доказательства неправды его критическаго чутья и „воспріимчиваго трепета“, о которомъ вралъ Григорьевъ (потому что самъ былъ поэтъ). О Бѣлинскомъ и о многихъ явленіяхъ нашей жизни судимъ мы до сихъ поръ еще сквозь множество чрезвычайныхъ предразсудковъ.

Неужели я вамъ не писалъ про вашу статью о Тургеневѣ? Читалъ я ее, какъ всѣ ваши статьи,—съ восхищеніемъ, но и съ нѣкоторой маленькой досадой. Если вы признаете, что Тургеневъ потерялъ точку и виляетъ и *не знаетъ, что сказать* о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни (на всякій случай, относясь къ нимъ насмѣшливо), то должны бы были и признать, что великая художественная способность его ослабѣла (и должна была ослабѣть) въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Такъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ: онъ очень ослабѣлъ, какъ художникъ. „Голосъ“ говоритъ, что это потому, что онъ живетъ за границей; но причина глубже. Вы же признаете и за послѣдними произведеніями его прежнюю художественность. Такъ ли это? Впрочемъ, я, можетъ-быть, ошибаюсь (не въ сужденіи о Тургеневѣ, а въ вашей статьѣ). Можетъ-быть, вы не такъ только выразились... А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература. Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Льва Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. *Новаго слова*, замѣняющаго помѣщичье, еще не было, да и некогда. Рѣшетниковы ничего не сказали. Но все-таки Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего-то новаго въ художническомъ словѣ, уже *не помѣщичьяго*, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ.

[Далѣе рѣчь о возвращеніи въ Петербургъ, о „Зарѣ“ и пр.].

Х. Д. Алчевской.

Петербургъ, 9 апрѣля 1876 г.

...Вы сообщаете мнѣ мысль о томъ, что я въ „Дневникѣ“ размѣняюсь на мелочи. Я это уже слышалъ и здѣсь. Но вотъ что́ *я, между прочимъ*, вамъ скажу: Я вывелъ неотразимое заключеніе, что писатель художественный, кромѣ поэмы, долженъ знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую дѣйствительность. У насъ, по-моему, одинъ только блистаетъ этимъ — графъ Левъ Толстой. Victor Hugo, котораго я высоко цѣню какъ романиста (за что, представьте себѣ, покойникъ Ѳ. Тютчевъ на меня даже разъ разсердился, сказавши, что „Преступленіе и Наказаніе“ (мой романъ) выше „Miserables“), хотя и очень иногда растянутъ въ изученіи подробностей, но, однако, далъ такіе удивительные этюды, которые, не было бы его, такъ бы и остались совсѣмъ неизвѣстными міру. Вотъ почему, готовясь написать одинъ очень большой романъ, я и задумалъ погрузиться спеціально въ изученіе—не дѣйствительности собственно, я съ нею и безъ того знакомъ, а подробностей текущаго. Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ въ этомъ текущемъ, для меня, напримѣръ, молодое поколѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ—современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, какъ всего еще двадцать лѣтъ назадъ. Но есть и еще многое, кромѣ того.

Имѣя 53 года, можно легко отстать отъ поколѣнія при первой небрежности. Я на-дняхъ встрѣтилъ Гончарова и на мой искренній вопросъ; понимаетъ ли онъ все въ текущей дѣйствительности или кое-что уже пересталъ понимать, онъ мнѣ прямо отвѣтилъ, что многое пересталъ понимать. (NB. Это между нами). Конечно, я про себя знаю, что этотъ *большой умъ* не только понимаетъ, но и учителей научитъ, но въ томъ извѣстномъ смыслѣ, въ которомъ я спрашивалъ (и что онъ понялъ съ $^1/_2$ слова), онъ, разумѣется, не то что не понимаетъ, а не хочетъ понимать. „Мнѣ дороги мои идеалы и то, что я такъ излюбилъ въ жизни“, прибавилъ онъ, „я и хочу съ этимъ провести тѣ немного лѣтъ, которыя мнѣ остались, а штудировать этихъ (онъ указалъ мнѣ на проходившую толпу на Невскомъ проспектѣ) мнѣ обременительно, потому что на нихъ пойдетъ мое дорогое время“... Не знаю, понятно ли я вамъ это выразилъ, Христина Даниловна, но меня какъ-то влечетъ еще написать что-нибудь съ полнымъ знаніемъ дѣла; вотъ почему я, нѣкоторое время, и буду штудировать и рядомъ вести „Дневникъ Писателя“, чтобъ не пропало

даромъ множество впечатлѣній. Все это, конечно, идеалъ! Вѣрите ли вы, напримѣръ, тому, что я еще не успѣлъ уяснить себѣ форму „Дневника“, да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, такъ что „Дневникъ“ хоть и два года, напримѣръ, будетъ продолжаться, а все будетъ вещью неудавшеюся. Напримѣръ: у меня 10—15 темъ, когда сажусь писать (не меньше); но темы, которыя я излюбилъ больше, я поневолѣ откладываю: мѣста займутъ много, жару много возьмутъ (дѣло Кронеберга, напримѣръ), номеру повредятъ, будетъ неразборчиво, мало статей; и вотъ пишешь не то, что хотѣлъ. Съ другой стороны, я слишкомъ наивно думалъ, что это будетъ *настоящій* дневникъ. Настоящій дневникъ почти невозможенъ, а только показной, для публики. Я встрѣчаю факты и выношу много впечатлѣній, которыми очень бываю занятъ,—но какъ объ иномъ писать? Иногда просто невозможно...

Вдругъ, третьяго дня, утромъ входятъ ко мнѣ двѣ дѣвицы, обѣ лѣтъ по двадцать. Входятъ и говорятъ: „Мы хотѣли съ вами познакомиться еще съ поста. Надъ нами всѣ смѣялись и сказали, что вы насъ не примете, а если и примете, то ничего съ нами не скажете. Но мы рѣшили попытаться и вотъ пришли, такая-то и такая-то“. Ихъ приняла сначала жена, потомъ вышелъ я. Онѣ разсказали, что онѣ студентки Медицинской Академіи, что ихъ тамъ, женщинъ, уже до 500, и что онѣ „вступили въ Академію, чтобы получить высшее образованіе и приносить потомъ пользу“. Этого типа новыхъ дѣвицъ я не встрѣчалъ (старыхъ же *нигилистокъ* знаю множество, знакомъ лично и хорошо изучилъ). Вѣрите ли, что рѣдко я провелъ лучше время, какъ тѣ два часа съ этими дѣвицами. Что за простота, натуральность, свѣжесть чувства, чистота ума и сердца, *самая искренняя серьезность* и самая *искренняя веселость!* Черезъ нихъ я, конечно, познакомился со многими, такими же, и признаюсь вамъ—впечатлѣніе было сильное и свѣтлое. Но какъ описать его? Со всею искренностью и радостію за молодежь—невозможно. Да и личность почти. А въ такомъ случаѣ, какія же я долженъ заносить впечатлѣнія?

Вчера вдругъ узнаю, что одинъ молодой человѣкъ еще изъ учащихся (гдѣ—не могу сказать) и котораго мнѣ показали, будучи въ знакомомъ домѣ, зашелъ въ комнату домашняго учителя, учившаго дѣтей въ этомъ семействѣ, и, увидавъ на столѣ его *запрещенную книгу*, донесъ объ этомъ хозяину дома, и тотъ тотчасъ же выгналъ гувернера. Когда молодому человѣку, въ другомъ уже семействѣ, замѣтили, что онъ сдѣлалъ *низость*, то онъ этого *не понялъ*. Вотъ вамъ другая сторона медали. Ну, какъ я разскажу объ этомъ? Это личность, а между тѣмъ тутъ не

личность, тутъ характеренъ былъ особенно, какъ мнѣ передавали, тотъ процессъ мышленія и убѣжденій, вслѣдствіе которыхъ онъ *не понялъ*, и объ чемъ можно бы сказать любопытное словцо.

Но я заболтался. Къ тому же, я ужасно не умѣю писать писемъ. Простите и за почеркъ, у меня грипъ, болитъ голова и нынѣшній день—ломъ въ глазахъ, потому пишу почти не видя буквъ.

Всеволоду Соловьеву [1])

Эмсъ, іюль 1876 г.

„...Я уѣхалъ, не порѣшивъ и съ нѣкоторыми собственными, самыми необходимыми дѣлами. Но теперь, здѣсь, въ скукѣ, на водахъ, ваше письмецо рѣшительно оживило меня и дошло прямо къ сердцу, а то я сталъ было и очень уже тосковать, такъ какъ не знаю почему, какъ попадаю въ Эмсъ, сейчасъ начинаю тосковать мучительно, съ ипохондріей, иногда почти безпредметно. Уединеніе ли тому причиной среди восьмитысячной толпы, климатъ ли здѣшній—не знаю, но тоскую здѣсь какъ никто. Вы пишете, что вамъ нужно меня видѣть; а мнѣ-то какъ бы желалось васъ теперь видѣть!

„Итакъ, іюньская тетрадь „Дневника“ вамъ понравилась. Я очень радъ тому и имѣю на то большую причину. Я никогда еще не позволялъ себѣ, въ моихъ писаніяхъ, довести *нѣкоторыя* мои убѣжденія до конца, сказать *самое послѣднее слово*. Одинъ умный корреспондентъ изъ провинціи укорялъ меня даже, что я о многомъ завожу рѣчь въ „Дневникѣ“, многое затронулъ, но ничего еще не довелъ до конца, и ободрялъ не робѣть. И вотъ я взялъ, да и высказалъ послѣднее слово моихъ убѣжденій—мечтаній на счетъ роли и назначенія Россіи среди человѣчества, и выразилъ мысль, что это не только случится въ ближайшемъ будущемъ, но уже и начинаетъ сбываться.

И что же, какъ разъ случилось то, что я предугадывалъ: даже дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на парадоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ, мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ. Вотъ что значитъ доводить мысль до конца! Поставьте какой угодно парадоксъ, но не доводите его до конца и у васъ выйдетъ и остроумно, и тонко, и comme il faut; доведите же иное слово до конца, скажите, напримѣръ, вдругъ: „вотъ это-то и есть Мессія“—прямо и не намекомъ, и

---

[1]) „Истор. Вѣстн.“, 1881 г., 4.

вамъ никто не повѣритъ именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое послѣднее ваше слово. А впрочемъ, съ другой стороны, если бы многіе изъ извѣстнѣйшихъ остроумцевъ, Вольтеръ, напримѣръ, вмѣсто насмѣшекъ, намековъ, полусловъ и недомолвокъ, вдругъ рѣшились бы высказать все, чему они вѣрятъ, показали бы всю свою подкладку разомъ, сущность свою,—то, повѣрьте, и десятой доли прежняго эффекта не стяжали бы. Мало того—надъ ними бы только посмѣялись. Да человѣкъ и вообще какъ-то не любитъ ни въ чемъ послѣдняго слова, „изреченной“ мысли, говоритъ, что:

„Мысль изреченная есть ложь“.

И вотъ, сами судите, дорого ли мнѣ или нѣтъ, послѣ всего этого, ваше привѣтливое слово за іюньскій №. Значитъ, вамъ понятно было мое слово, и вы приняли его именно такъ, какъ я мечталъ, когда писалъ статью мою. За это спасибо, а то я былъ уже немножко разочарованъ и укорялъ себя, что *поторопился*. И если такихъ *понимателей* найдется въ публикѣ еще немного, то цѣль моя достигнута, и я доволенъ; значитъ, не пропало высказанное слово... А тутъ какъ разъ и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!..“ и это говорятъ именно тѣ, у которыхъ никогда ни одной мысли *своей* не бывало въ головѣ...

Я пробуду здѣсь до 7 августа (нашего стиля). Пью здѣсь воды, но никогда бы не рѣшился на муку жить здѣсь, если бы эти воды не помогали мнѣ дѣйствительно. Описывать Эмсъ нечего, нечего! Я обѣщалъ августовскій „Дневникъ“ въ двойномъ числѣ листовъ, а между тѣмъ еще и не начиналъ, да и скука, апатія такая, что на предстоящее писаніе смотрю съ отвращеніемъ, какъ на предстоящее несчастье. Предчувствую, что выйдетъ сквернѣйшій №. Во всякомъ случаѣ, черкните мнѣ сюда, голубчикъ...

Г-жѣ Герасимовой.

С.-Петербургъ, 7 марта 1877 г.

Милостивая государыня, г-жа Герасимова!

Письмо ваше измучило меня тѣмъ, что я такъ долго не могъ на него отвѣтить. Что вы обо мнѣ подумаете? И въ вашемъ тяжеломъ душевномъ настроеніи примете, пожалуй, мое молчаніе за оскорбленіе.

Знайте, что я заваленъ работой. Кромѣ срочной работы съ моимъ „Дневникомъ“, я заваленъ перепиской. Такихъ писемъ, какъ вы написали, приходитъ ко мнѣ по нѣскольку въ день (буквально), а на нихъ нельзя отвѣчать двумя строчками. Я вы-

держалъ *три* припадка моей падучей болѣзни, чего уже многіе годы не бывало въ такой силѣ и такъ часто. Но послѣ припадковъ я по два, по три дня ни работать, ни писать, ни даже читать ничего не могу, потому что весь разбитъ и физически, и духовно. А потому, узнавъ это теперь, извините меня за долгій неотвѣтъ.

Письмо ваше я ни въ какомъ случаѣ не могъ счесть ни *дѣтскимъ*, ни *глупымъ*, какъ вы пишете сами. Главное то, что теперь это общее настроеніе, и такихъ молодыхъ страдающихъ дѣвушекъ очень много. Но много я вамъ писать на эту тему не буду, а выражу лишь основныя мои мысли и вообще по этому вопросу и относительно васъ въ частности. Дѣло въ томъ, что просить васъ успокоиться и, оставшись въ родительскомъ домѣ, приняться за какое-нибудь интеллигентное занятіе (за спеціальность какую-нибудь по образованію и проч.), кажется, нечего,—не послушаетесь. Но, однако, чего же вы спѣшите и куда торопитесь? Вы торопитесь быть поскорѣе *полезною*. А между тѣмъ съ такимъ душевнымъ рвеніемъ, какъ ваше (предполагая, что оно искреннее), можно бы, дѣйствительно, не торопясь Богъ знаетъ куда, а занявшись правильно своимъ образованіемъ, приготовить себя на дѣятельность *во сто разъ* болѣе полезную, чѣмъ темная и ничтожная роль какой-нибудь фельдшерицы, бабки и лѣкарки. Вы рветесь на медицинскіе здѣшніе курсы. Я положительно бы вамъ отсовѣтовалъ поступать на нихъ. Тамъ не дается ни малѣйшаго образованія, мало того, происходитъ нѣчто худшее. И что въ томъ, что вы когда-нибудь будете бабкой или лѣкаркой? Этакую спеціальность, если ужъ слишкомъ захотите пойти по ней, можно взять и послѣ, а не лучше ли бы теперь преслѣдовать другія цѣли, заняться высшимъ образованіемъ? Посмотрите на всѣхъ нашихъ спеціалистовъ (даже профессоровъ университета), чѣмъ они страдаютъ и чѣмъ вредятъ (вмѣсто того, чтобы приносить пользу!) своему же дѣлу и призванію? Тѣмъ, что у насъ большинство нашихъ спеціалистовъ—все люди *глубоко необразованные*. Не то въ Европѣ, тамъ встрѣтите и Гумбольдта, и Клодъ-Бернара, проч. людей съ универсальной мыслью, съ огромнымъ образованіемъ и *знаніемъ*, не по одной своей спеціальности. У насъ же люди даже съ огромными талантами—Сѣченовъ, напримѣръ, въ сущности человѣкъ необразованный и внѣ своего предмета мало знающій О противникахъ своихъ (философахъ) не имѣетъ понятія, а потому научными выводами своими скорѣе вреденъ, чѣмъ приноситъ пользу. А большинство студентовъ и студентокъ,—это все безо всякаго образованія. Какая тутъ польза человѣчеству! Такъ только, поскорѣе бы мѣсто съ жалованьемъ занять...

А. П. Н—у [1]).

1877 г.

Мая 19, 1877 г.

Милостивый государь, Александръ Павловичъ, извините отъ сердца, что долго не отвѣчалъ вамъ. Только сегодня могу уѣхать изъ Петербурга на время, а до сихъ поръ все суетился въ хлопотахъ и возился съ нездоровьемъ. Но что же я вамъ напишу? Вы умный человѣкъ и сами можете понять, что вопросы ваши, мнѣ вами заданные, какъ-то отвлеченны, дымны, да и личности вашей я къ тому же совсѣмъ вѣдь не знаю. Меня то же мучило, что и васъ, еще съ 16, можетъ-быть, лѣтъ, но я какъ-то увѣренъ былъ, что рано или поздно, а непремѣнно выступлю на поприще, а потому (безошибочно вспоминаю это) не безпокоился очень. Насчетъ же мѣста, которое займу въ литературѣ, былъ равнодушенъ: въ душѣ моей былъ своего рода огонь, въ который я и вѣрилъ, а тамъ, что изъ этого выйдетъ, меня не очень заботило, ну, вотъ и весь мой опытъ, про который вы спрашиваете.

Но могу ли знать въ точности вашу душу? Если хотите мое мнѣніе, то продолжайте твердо вѣрить въ ваше влеченіе, и, можетъ-быть, судьба васъ поставитъ на поприще. Желанія ваши къ тому же очень скромны, т.-е. быть непремѣнно второстепеннымъ труженикомъ. Но вотъ что прибавлю: мое влеченіе меня въ мое время нисколько не отвлекало отъ реальнаго взгляда на жизнь, и я, будучи поэтомъ, а не инженеромъ, до самаго послѣдняго года въ инженерномъ училищѣ былъ изъ первыхъ въ классѣ постоянно; затѣмъ нѣкоторое время служилъ, и хоть зналъ, что рано ли, поздно ли, а оставлю службу, но до срока не видѣлъ ничего въ общественныхъ моихъ занятіяхъ слишкомъ неопреодолимо враждебнаго моему будущему; напротивъ, твердо былъ увѣренъ, что будущее все-таки будетъ мое и что я одинъ ему господинъ.

Если, напримѣръ, служебныя занятія не помѣшаютъ пока вашимъ литературнымъ занятіямъ, то почему бы вамъ и не взять мѣста?

Все это я пишу, конечно, совсѣмъ наобумъ, т.-е. слишкомъ мало зная васъ, но единственно желая сдѣлать вамъ угодное и отвѣтить вамъ искренно и по возможности.

А затѣмъ насчетъ (событія!) и прочаго, то не преувеличивайте.

Позвольте пожать вашу руку. Вашъ Ѳедоръ Достоевскій.

---

1). „Рус. Стар.“, 1884, 9.

Н. Л. Озмидову.

(„Русь“, № 30, 1881 г.).

Февраля, 1878 г. Петербургъ.

Добрѣйшій и любезнѣйшій Николай Лукичъ! Во-первыхъ, простите, что такъ непростительно запоздалъ отвѣтомъ за хворостью и всякими недосугами. Во-вторыхъ, что я вамъ могу отвѣтить и какой намекъ могу вамъ дать на вашъ роковой и вѣковѣчный вопросъ? И въ двухъ ли строкахъ письма уложится это дѣло? Вотъ если бы мы говорили съ вами нѣсколько часовъ—другое дѣло, но вѣдь и тогда бы ничего, можетъ-быть, не вышло; невѣрующіе всего труднѣе убѣждаются словами и разсужденіями. А не лучше ли бы вамъ прочесть повнимательнѣе всѣ посланія ап. Павла? Тамъ очень много говорится собственно о вѣрѣ, и лучше сказать нельзя. Хорошо, если бы вы тоже прочли всю библію въ переводѣ. Удивительное впечатлѣніе въ цѣломъ дѣлаетъ эта книга. Выносите, напримѣръ, такую мысль несомнѣнно, что другой такой книги въ человѣчествѣ нѣтъ и не можетъ быть. И это—вѣрите ли вы, или не вѣрите.

Намековъ тутъ никакихъ быть не можетъ. Скажу лишь вамъ одно слово: всякій организмъ существуетъ на землѣ, чтобы жить, а не истреблять себя. Наука опредѣлила такъ и уже подвела довольно точно законы для утвержденія этой аксіомы. Человѣчество въ его цѣломъ есть, конечно, только организмъ. Этотъ организмъ, безспорно, имѣетъ свои законы бытія. Разумъ же человѣческій ихъ отыскиваетъ. Теперь представьте себѣ, что нѣтъ Бога и безсмертія души (безсмертіе души и Богъ—это все одно, одна и та же идея). Скажите: для чего мнѣ тогда жить хорошо, дѣлать добро, если я умру на землѣ совсѣмъ? Безъ безсмертія-то вѣдь все дѣло въ томъ, чтобъ только достигнуть мой срокъ, а тамъ хоть все гори. А если такъ, то почему мнѣ (если я только надѣюсь на мою ловкость и умъ, чтобъ не попасться закону) и не зарѣзать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мнѣ, если ужъ не рѣзать, такъ прямо не жить на счетъ другихъ, въ одну свою утробу? Вѣдь я умру и все умретъ, ничего не будетъ! Такимъ образомъ и выйдетъ, что одинъ лишь человѣческій организмъ не подпадаетъ подъ всеобщую аксіому и живетъ лишь для разрушенія себя, а не для сохраненія и питанія. Ибо что за общество, если всѣ члены одинъ другому враги? И выйдетъ страшный вздоръ. Прибавьте тутъ, сверхъ всего этого, мое *я*, которое все сознало. Если оно это все сознало, т.-е. всю землю и ея аксіому, то, стало-быть, это мое *я* выше всего этого, по крайней

мѣрѣ, не укладывается въ одно это, а становится какъ бы въ сторону, надъ всѣмъ этимъ, судитъ и сознаетъ его. Но въ такомъ случаѣ это *я* не только не подчиняется земной аксіомѣ, земному закону, но и выходитъ изъ нихъ, выше ихъ имѣетъ законъ. Гдѣ же этотъ законъ? Не на землѣ, гдѣ все закончено и все умираетъ безслѣдно и безъ воскресенія. Нѣтъ ли намека на безсмертіе души? Если бъ его не было, то стали ли бы вы сами-то, Николай Лукичъ, о немъ безпокоиться, письма писать, искать его? Значитъ, вы съ вашимъ *я* не можете справиться; въ земной порядокъ оно не укладывается, а ищетъ еще чего-то другого, кромѣ земли, чему тоже принадлежитъ оно. Впрочемъ, что ни пиши, ничего изъ этого не выйдетъ. Крѣпко жму вамъ руку и прощаюсь съ вами. Не оставляйте вашего безпокойства, ищите и, можетъ-быть, найдете.—Вашъ слуга и искренній доброжелатель Ѳ. Достоевскій.

Неизвѣстной матери [1]).

Петербургъ, 27 марта 1878.

Милостивая Государыня!

На ваше письмо отъ 2 февраля отвѣчаю лишь теперь, черезъ мѣсяцъ, за недосугомъ и нездоровьемъ, а потому весьма прошу васъ, не разсердитесь.

Вы задаете вопросы, на которые надо писать вмѣсто отвѣта трактаты, а не письма. Да и вопросы-то разрѣшаются лишь всею жизнью. Ну, что, если бъ я вамъ написалъ хоть 10 листовъ, но одно какое-нибудь недоумѣніе, которое при устномъ разговорѣ могло бы быть тотчасъ разъяснено, и вотъ вы меня не понимаете, не соглашаетесь со мною и отвергаете всѣ мои десять листовъ. Ну, развѣ можно на эти темы говорить между собою людямъ, вовсе незнакомымъ, черезъ переписку? По-моему, это совершенно невозможно, а для дѣла такъ и вредно

Изъ вашего письма я заключаю, что вы добрая мать и многимъ озабочены насчетъ вашего подрастающаго ребенка. Но къ чему вамъ разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые вы мнѣ прислали—не могу понять: вы слишкомъ многимъ задаетесь и болѣзненно безпокоитесь. Дѣло можетъ быть ведено гораздо проще. Къ чему такія задачи: „Что такое *благо*, что нѣтъ?“ Эти вопросы — вопросы лишь для васъ, какъ и для всякаго *внутренняго* человѣка, но при воспитаніи-то вашего ребенка къ чему это?

---

[1]) „Вѣстникъ Воспитанія“, 1894 г., № 1.

Всѣ, кто способны къ *истинѣ*, всѣ тѣ чувствуютъ своею совѣстью, что такое благо, а что нѣтъ. Будьте добры, и пусть ребенокъ вашъ пойметъ, что вы добры, самъ (безъ подсказыванія), и пусть запомнитъ, что вы были добры, то, повѣрьте, вы исполните предъ нимъ всю вашу обязанность на всю его жизнь, потому что вы *непосредственно* научите его тому, что добро хорошо. И при этомъ онъ всю жизнь будетъ вспоминать вашъ образъ съ большимъ почтеніемъ, а можетъ-быть, и съ умиленіемъ. И если бъ вы сдѣлали много и дурного, т.-е., по крайней мѣрѣ, легкомысленнаго, болѣзненнаго и даже смѣшного, то онъ, несомнѣнно, проститъ вамъ рано ли, поздно ли въ воспоминаніи о васъ все ваше дурное, ради хорошаго, которое запомнитъ. Знайте тоже, что болѣе вы для него ничего и не можете сдѣлать. Да этого и слишкомъ довольно. Воспоминаніе о *хорошемъ* у родителей, т.-е. о добрѣ, о правдѣ, честности, о состраданіи, объ отсутствіи ложнаго стыда и, по возможности, лжи,—все это изъ него сдѣлаетъ другого человѣка, рано ли, поздно ли будьте увѣрены. Не думайте, по крайней мѣрѣ, что этого мало. Къ огромному дереву прививаютъ крошечную вѣтку, и плоды дерева измѣняются.

Вашъ ребенокъ 8 лѣтъ: знакомьте его съ Евангеліемъ, учите его вѣровать въ Бога строго по закону. Это sine qua non, иначе не будетъ хорошаго человѣка, а выйдетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ *страдалецъ*, а въ дурномъ—такъ и равнодушный *жирный* человѣкъ, да и еще того хуже. Лучше Христа ничего не выдумаете, повѣрьте этому.

Представьте себѣ, что ребенокъ вашъ, выросши до 15 или 16 лѣтъ, придетъ къ вамъ (отъ дурныхъ товарищей въ школѣ, напримѣръ) и задастъ вамъ или своему отцу такой вопросъ: „Для чего мнѣ любить васъ и къ чему мнѣ ставить это въ обязанность?“ Повѣрьте, что тогда вамъ никакіе знанья и вопросы не помогутъ, да и нечего совсѣмъ вамъ будетъ отвѣчать ему. А потому надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ *и не приходилъ къ вамъ* съ такимъ вопросомъ. А это возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ васъ прямо любить, непосредственно, такъ что и вопросъ-то не въ состояніи будетъ зайти ему въ голову—развѣ какъ-нибудь въ школѣ наберется парадоксальныхъ убѣжденій; но вѣдь слишкомъ легко будетъ разобрать парадоксъ отъ правды, и на вопросъ этотъ стоитъ лишь улыбнуться и продолжать ему молча дѣлать добро.

Къ тому же, излишне и болѣзненно заботясь о дѣтяхъ, можно надорвать имъ нервы и надоѣсть,—просто надоѣсть имъ, несмотря на взаимную любовь, а потому нужно страшное чувство мѣры. Въ васъ же, кажется, чувства мѣры въ этомъ отношеніи мало. Вы пишете, напр., такую фразу, что, „живя для нихъ (для мужа

и сына), жилъ бы лично эгоистическою жизнью, а имѣешь ли право на то, когда вокругъ тебя люди, нуждающіеся въ тебѣ?" Какая праздная и ненужная мысль! Да кто жъ вамъ мѣшаетъ жить для людей, будучи женой и матерью? Напротивъ, именно живя и для другихъ окружающихъ, изливая и на нихъ доброту свою и трудъ сердца своего, вы станете примѣромъ свѣтлымъ ребенку и вдвое милѣе вашему мужу. Но если вамъ пришелъ въ голову такой вопросъ, значитъ, вы вообразили, что нужно прилѣпиться къ мужу и къ ребенку, забывъ весь свѣтъ, т.-е. безъ чувства мѣры. Да вы этакъ только надоѣдите ребенку, даже если бъ онъ васъ любилъ. Замѣтьте еще, что вамъ можетъ показаться вашъ кругъ дѣйствія малымъ и что вы захотите огромнаго, чуть не мірового круга дѣйствія. Но вѣдь всякій ли имѣетъ право на такія желанія? Повѣрьте, что быть примѣромъ хорошаго даже и въ маломъ районѣ дѣйствія — страшно полезно, потому что вліяетъ на десятки и сотни людей. Твердое желаніе не лгать и правдиво жить смутитъ легкомысліе людей, васъ всегда окружающихъ, и повліяетъ на нихъ. Вотъ вамъ и подвигъ. И тутъ можно страшно много сдѣлать. Не ѣздить же, бросивъ все, *за вопросами* въ Петербургъ въ медицинскую академію или шататься по женскимъ курсамъ. Я этихъ вижу каждый день: какая бездарность, я вамъ скажу! И даже становятся дурными людьми мало-по-малу изъ хорошихъ. Не видя дѣятельности подлѣ себя, начинаютъ любить человѣка по книжкѣ и отвлеченно; любятъ человѣчество и презираютъ единичнаго несчастнаго, скучаютъ при встрѣчѣ съ нимъ и бѣгаютъ отъ него.

На вопросы, вами заданные, рѣшительно не знаю, что сказать, потому что и не понимаю ихъ. Конечно, виноваты въ дурномъ ребенкѣ, въ одно и то же время, и дурныя его природныя наклонности (такъ какъ человѣкъ, несомнѣнно, рождается съ ними) и воспитатели, которые не сумѣли или полѣнились во-время *овладѣть* дурными наклонностями и направить ихъ къ хорошему (примѣромъ). Во-вторыхъ, на ребенка, какъ и на взрослаго, вліяетъ и большинство среды, въ которой онъ находится, и вліяютъ и отдѣльныя личности до полнаго овладѣнія имъ. Никакого тутъ вопроса нѣтъ, и все это судя по обстоятельствамъ (а вамъ надо побѣждать обстоятельства, такъ какъ вы мать и это вашъ долгъ, но не мученіемъ, не чувствительностью, не докучаніемъ любовью, а добрымъ внѣшнимъ примѣромъ). По вопросу же о трудѣ и говорить не хочу. Заправьте въ добрыхъ чувствахъ ребенка, и онъ полюбитъ трудъ. Но довольно, написалъ много, усталъ и сказалъ мало, такъ что, конечно, вы меня поймете.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи

Вашъ слуга *Ѳедоръ Достоевскій.*

Петръ Великій могъ бы оставаться на жирной и спокойной жизни въ московскомъ дворцѣ, имѣя полтора милліона государственнаго дохода, и, однакожъ, онъ всю жизнь проработалъ, былъ *въ трудѣ* и удивлялся, какъ это люди могутъ не трудиться.

Къ московскимъ студентамъ [1]).

Петербургъ, 18 апрѣля 1878 г.

Многоуважаемые г-да писавшіе мнѣ студенты!

Простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ; кромѣ дѣйствительнаго нездоровья моего, были и еще обстоятельства замедленія. Я хотѣлъ было отвѣчать печатно въ газетахъ; но вдругъ вышло, что это невозможно, *по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ*, по крайней мѣрѣ, невозможно отвѣтить въ должной полнотѣ. Во-вторыхъ, если бъ отвѣчать вамъ лишь письменно, то, думалъ я, что же я вамъ отвѣчу? Ваши вопросы захватываютъ *все*, рѣшительно *все* современное внутреннее Россіи; итакъ, цѣлую книгу писать, что ли,—все profession de foi?

Рѣшился, наконецъ, написать это маленькое письмецо, рискуя быть въ высшей степени вами непонятымъ, а это было бы очень мнѣ непріятно.

Вы пишете мнѣ: „Всего нужнѣе для насъ разрѣшить вопросъ, насколько мы сами, студенты, виноваты, какіе выводы о насъ изъ этого происшествія можетъ сдѣлать общество и мы сами?“

Далѣе вы очень тонко и вѣрно подмѣтили существеннѣйшія черты отношенія русской современной прессы къ молодежи.

Въ нашей прессѣ явно господствуетъ какой-то „*предупреждающій* тонъ снисходительнаго извиненія (къ вамъ т.-е.)“. Это очень вѣрно: именно *предупреждающій*, заготовленный заранѣе, на всѣ случаи, по извѣстному шаблону, и въ высшей степени оказенившійся и износившійся.

И далѣе вы пишете: „очевидно, намъ нечего ожидать отъ этихъ людей, которые сами ничего отъ насъ не ожидаютъ и отворачиваются, высказавъ свое безповоротное сужденіе „дикимъ“ народамъ“.

---

[1]) Это письмо Ѳ. М. Достоевскаго получено было нѣсколькими студентами Московскаго университета, обратившимися къ Ѳедору Михайловичу съ просьбой высказаться въ печати по поводу уличнаго избіенія студентовъ мясниками Охотнаго рынка. Избіеніе разыгралось 3 апрѣля 1878 г., при проводахъ студентами привезенныхъ изъ Кіева арестованныхъ товарищей (см., напр., „Недѣля“, 1878 г., № 15).

Это совершенно вѣрно, именно *отворачиваются*, да и дѣла (большинству, по крайней мѣрѣ) нѣтъ до васъ никакого. Но есть люди, и ихъ не мало, и въ прессѣ и въ обществѣ, которые убиты мыслью, что молодежь отшатнулась *отъ народа* (это главное и прежде всего) и потомъ, т.-е. теперь, и отъ общества. Потому что это такъ. Живетъ мечтательно и отвлеченно, слѣдуя чужимъ ученіямъ, ничего не хочетъ знать въ Россіи, а стремится учить ее сама. А, наконецъ, теперь, *несомнѣнно*, попала въ руки какой-то совершенно внѣшней политической руководящей партіи, которой до молодежи ужъ ровно никакого нѣтъ дѣла и которая употребляетъ ее, какъ матеріалъ и Панургово стадо, для своихъ внѣшнихъ и особенныхъ цѣлей. Не думайте отрицать это, господа; это такъ.

Вы спрашиваете, господа: насколько мы сами, студенты, виноваты? Вотъ мой отвѣтъ: по-моему, вы ничѣмъ не виноваты. Вы лишь дѣти этого же общества, которое вы теперь оставляете, и которое есть „ложь со всѣхъ сторонъ“. Но, отрываясь отъ него и оставляя его, нашъ студентъ уходитъ не къ народу, а куда-то за границу, въ „европеизмъ“, въ отвлеченное царство небывалаго никогда общечеловѣка, и такимъ образомъ разрываетъ и съ народомъ, презирая его и не узнавая его, какъ истинный сынъ того общества, отъ котораго тоже оторвался. А между тѣмъ въ народѣ все наше спасеніе (но это длинная тема)... Разрывъ же съ народомъ тоже не можетъ быть строго поставленъ въ вину молодежи. Гдѣ же ей было, раньше жизни, *додуматься до народа*?

А между тѣмъ всего хуже то, что народъ уже увидѣлъ и замѣтилъ разрывъ съ нимъ интеллигентной молодежи русской, и худшее тутъ то, что уже назвалъ отмѣченныхъ имъ молодыхъ людей *студентами*. Онъ давно ихъ сталъ отмѣчать, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; затѣмъ всѣ эти хожденія *въ народъ* произвели въ народѣ лишь отвращеніе. „Барчонки“, говоритъ народъ (это названіе я знаю, я гарантирую его вамъ, онъ такъ назвалъ). А между тѣмъ вѣдь въ сущности тутъ есть ошибка и со стороны народа, потому что никогда еще не было у насъ, въ нашей русской жизни, такой эпохи, когда бы молодежь (какъ бы предчувствуя, что вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездной) въ большинствѣ своемъ огромномъ была болѣе, какъ теперь, искреннею, болѣе чистою сердцемъ, болѣе жаждущею истины и правды, болѣе готовою пожертвовать всѣмъ, даже жизнью за правду и за слово правоты. Подлинно великая надежда Россіи! Я это давно уже чувствую и давно уже сталъ писать объ этомъ. И вдругъ, что же выходитъ? Это слово правды, котораго жаждетъ молодежь, она ищетъ Богъ

знаетъ гдѣ, въ удивительныхъ мѣстахъ (и опять-таки въ этомъ совпадая съ породившимъ ее и прогнившимъ европейскимъ русскимъ обществомъ), а не въ народѣ, не въ землѣ. Кончается тѣмъ, что къ данному сроку и молодежь и общество *не узнаютъ народъ*. Вмѣсто того, чтобы жить его жизнью, молодые люди, ничего въ немъ не зная, напротивъ, глубоко презирая его основы, напримѣръ вѣру, идутъ въ народъ—не учиться народу, а учить его, свысока учить, съ презрѣніемъ къ нему — чисто аристократическая, барская затѣя! „Барчонки", говоритъ народъ—и правъ. Странное дѣло: всегда и вездѣ, во всемъ мірѣ, демократы бывали за народъ; лишь у насъ, русскій нашъ интеллигентный демократизмъ соединился съ аристократами противъ народа: они идутъ въ народъ, „чтобы сдѣлать ему добро", и презираютъ всѣ его обычаи и его основы. Презрѣніе не ведетъ къ любви!

Прошлую зиму, въ Казанскую исторію нашу [1]), толпа молодежи оскорбляетъ храмъ народный, куритъ въ немъ папироски, возбуждаетъ скандалъ. „Послушайте,—сказалъ бы я этимъ казанскимъ (да и сказалъ нѣкоторымъ въ глаза),—вы въ Бога не вѣруете,—это ваше дѣло, но зачѣмъ же вы народъ-то оскорбляете, оскорбляя храмъ его?" И народъ назвалъ ихъ еще разъ „барчонками", а хуже того—отмѣтилъ ихъ именемъ „студентъ", хотя тутъ много было какихъ-то евреевъ и армянъ (демонстрація, доказано, политическая, извнѣ). Такъ, послѣ дѣла Засуличъ народъ у насъ опять назвалъ уличныхъ револьверщиковъ студентами. Это скверно, хотя тутъ, несомнѣнно, были и студенты. Скверно то, что народъ ихъ уже отмѣчаетъ, что начались ненависть и разладъ. И вотъ вы сами, господа, называете московскій народъ „мясниками" вмѣстѣ со всей интеллигентной прессой. Что же это такое? Почему мясники не народъ? Это народъ,—настоящій народъ, мясникъ былъ и Мининъ. Негодованіе возбуждается лишь отъ того способа, которымъ проявилъ себя народъ. Но знаете, господа, если народъ оскорбленъ, то онъ всегда проявляетъ себя такъ. Онъ неотесанъ, онъ мужикъ. Собственно тутъ было разрѣшеніе недоразумѣнія, но уже стариннаго и накопившагося (чего не замѣчали) между народомъ и обществомъ, т.-е. самою горячею и скорою на рѣшеніе его частью—молодежью. Дѣло вышло слишкомъ некрасивое, и далеко не такъ правильно, какъ бы слѣдовало выйти, ибо кулаками никогда ничего не докажешь. Но такъ бывало всегда и вездѣ, во всемъ мірѣ, у *народа*. Англійскій народъ на митингахъ весьма часто пускаетъ въ ходъ кулаки противъ противниковъ своихъ, а во французскую революцію народъ ревѣлъ отъ радости и плясалъ

[1]) Демонстрація на Казанской площади въ С.-Петербургѣ.

передъ гильотиной во время ея *дѣятельности*. Все это, разумѣется, пакостно. Но фактъ тотъ, что народъ (народъ, а не одни мясники, нечего утѣшать себя тѣмъ или другимъ словцомъ) возсталъ противъ молодежи и уже отмѣтилъ студентовъ; а, съ другой стороны, бѣда въ томъ (и знаменательно то), что пресса, общество и молодежь соединились вмѣстѣ, чтобы не узнать народа: это, дескать, не народъ, это чернь.

Господа, если въ моихъ словахъ есть что-нибудь съ вами несогласное, то лучше сдѣлаете, если не будете сердиться. Тоски и безъ того много. Въ прогнившемъ обществѣ — ложь *со всѣхъ* сторонъ. Само себя оно сдержать не можетъ. Твердъ и могучъ лишь народъ, но съ народомъ разладъ за эти два года объявился страшный. Наши сентименталисты, освобождая народъ отъ крѣпостного состоянія, съ умиленіемъ думали, что онъ такъ сейчасъ и войдетъ въ ихнюю европейскую ложь, въ просвѣщеніе, какъ они называли. Но народъ оказался самостоятельнымъ, и, главное, начинаетъ *сознательно* понимать ложь верхняго слоя русской жизни. Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ много озарили и вновь укрѣпили его. Но онъ различаетъ, кромѣ враговъ, и друзей своихъ. Явились грустные, мучительные факты: искренняя, честнѣйшая молодежь, желая правды, пошла было къ народу, чтобы облегчить его муки, и что же? Народъ ее прогоняетъ отъ себя и не признаетъ ея честныхъ усилій. Потому что эта молодежь принимаетъ народъ не за то, что онъ есть, ненавидитъ и презираетъ его основы и несетъ ему лѣкарства, на его взглядъ, дикія и безсмысленныя.

У насъ здѣсь въ Петербургѣ чортъ знаетъ что. Въ молодежи проповѣдь револьверовъ и убѣжденіе, что ихъ боится правительство. Народъ же они, попрежнему презирая, считаютъ ни во что и не замѣчаютъ, что народъ-то, по крайней мѣрѣ, *не* боится ихъ и никогда не потеряетъ голову. Ну, что, если произойдутъ дальнѣйшія столкновенія? Мы живемъ въ мучительное время, господа!

Господа, я написалъ вамъ *что могъ*. По крайней мѣрѣ, отвѣчаю прямо, хотя и не полно, на вопросъ вашъ: по-моему студенты не виноваты, напротивъ, никогда молодежь наша не была искреннѣе и честнѣе (что не малый фактъ, а удивительный, великій, историческій). Но въ томъ бѣда, что молодежь несетъ на себѣ ложь всѣхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи. *Не въ силахъ*, стало-быть, она разобрать дѣло въ полнотѣ, и винить ее нельзя, тѣмъ болѣе, когда она сама очутилась пристрастной (и уже обиженной) участницей дѣла. Но хоть и *не въ силахъ*, а блаженъ тотъ, и блаженны тѣ, которымъ даже и теперь удастся найти правую дорогу. Разрывъ съ средой долженъ быть гораздо силь-

нѣе, чѣмъ, напримѣръ, разрывъ по соціалистическому ученію будущаго общества съ теперешнимъ. Сильнѣе, ибо, чтобы пойти къ народу и остаться съ нимъ, надо прежде всего *разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества въ отношеніяхъ его съ народомъ. Во-вторыхъ, надо, напримѣръ, увѣровать и въ Бога, а это ужъ окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя въ Европѣ и вѣрятъ въ Бога).

Кланяюсь вамъ, господа, и, если позволите, жму вамъ руку. Если хотите мнѣ сдѣлать большое удовольствіе, то ради Бога не сочтите меня за какого-то учителя и проповѣдника свысока. Вы меня вызывали сказать правду отъ сердца и совѣсти; я и сказалъ правду, какъ думалъ и какъ въ силахъ думать. Вѣдь никто не можетъ сдѣлать больше своихъ силъ и способностей.

Вашъ весь Ѳедоръ Достоевскій.

Г-жѣ N. N.

Петербургъ, 11 апрѣля 1880 г.

Милостивая государыня, глубокоуважаемая N. N.!

Простите, что слишкомъ долго промедлилъ вамъ отвѣчать на прекрасное и столь дружественное письмо ваше; не сочтите за небрежность. Хотѣлось отвѣтить вамъ что-нибудь искреннее и задушевное, а ей Богу моя жизнь проходитъ въ такомъ безпорядочномъ кипѣніи и даже въ такой суетѣ, что, право, я рѣдко когда принадлежу весь себѣ. Да и теперь, когда я, наконецъ, выбралъ минуту, чтобы написать вамъ—врядъ ли, однако, я въ состояніи буду написать хоть малую долю изъ того, что сердце бы хотѣло вамъ сообщить. Мнѣніе ваше обо мнѣ я не могу не цѣнить: тѣ строки, которыя показала мнѣ, изъ вашего письма къ ней, ваша матушка, слишкомъ тронули и даже поразили меня: я знаю, что во мнѣ, какъ въ писателѣ, есть много недостатковъ, потому что я самъ, первый, собою всегда недоволенъ. Можете вообразить, что въ иныя тяжелыя минуты внутренняго отчета, я часто съ болью сознаю, что не выразилъ, буквально, и 20-й доли того, что хотѣлъ бы, а можетъ-быть, и могъ бы выразить. Спасаетъ при этомъ меня лишь всегдашняя надежда, что когда-нибудь пошлетъ Богъ настолько вдохновенія и силы, что я выражусь полнѣе,—однимъ словомъ, что выскажу все, что у меня заключено въ сердцѣ и въ фантазіи. На недавнемъ здѣсь диспутѣ молодого философа Влад. Соловьева (сына историка) на доктора философіи я услышалъ отъ него одну глубокую фразу: „Чело-

вѣчество, по моему глубокому убѣжденію (сказалъ онъ), *знаетъ гораздо болѣе*, чѣмъ до сихъ поръ успѣло высказать въ своей наукѣ и въ своемъ искусствѣ". Ну, вотъ такъ и со мною: я чувствую, что во мнѣ гораздо болѣе сокрыто, чѣмъ сколько я могъ до сихъ поръ выразить, какъ писатель. Но все же, безъ ложной скромности говоря, я вѣдь чувствую же, что и въ выраженномъ уже мною было нѣчто сказанное отъ сердца и правдиво. И вотъ, клянусь вамъ, сочувствія встрѣтилъ я много, можетъ-быть, даже болѣе, чѣмъ заслуживалъ, но критика, печатная литературная критика, даже если и хвалила меня (что̀ было рѣдко), говорила обо мнѣ до того легко и поверхностно, что, казалось, совсѣмъ не замѣтила того, что̀ рѣшительно родилось у меня съ болью сердца и вылилось правдиво изъ души. А потому можете заключить, какъ пріятно должна была подѣйствовать на меня такая тонкая, такая глубокая оцѣнка меня, какъ писателя, которую прочелъ я въ вашемъ письмѣ къ вашей матушкѣ.

Но я все о себѣ, хотя трудно не говорить о себѣ, говоря съ такимъ глубокимъ и симпатичнымъ мнѣ критикомъ моимъ, котораго вижу въ васъ. Вы пишете о себѣ, о душевномъ настроеніи вашемъ въ настоящую минуту. Я знаю, что вы художникъ, занимаетесь живописью. Позвольте вамъ дать совѣтъ отъ сердца: не покидайте искусства и даже еще болѣе предайтесь ему, чѣмъ доселѣ. Я знаю, я слышалъ (простите меня), что вы не очень счастливы. Живя въ уединеніи и растравляя душу свою воспоминаніями, вы можете сдѣлать свою жизнь слишкомъ мрачною. Одно убѣжище, одно лѣкарство: искусство и творчество. Исповѣдь же вашу, теперь, по крайней мѣрѣ, не рѣшайтесь писать; это будетъ, можетъ-быть, вамъ очень тяжело. Простите за совѣты, но я бы очень желалъ васъ увидѣть и сказать вамъ хоть два слова изустно. Послѣ такого письма, которое вы мнѣ написали, вы, конечно, для меня дорогой человѣкъ, близкое душѣ моей существо, родная сестра по сердцу—и не могу же я вамъ не сочувствовать.

Что̀ вы пишете о вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсѣмъ, впрочемъ, обыкновенныхъ. Черта, свойственная человѣческой природѣ вообще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и поэтому вы мнѣ родная, потому, что это *раздвоеніе* въ васъ точь въ точь, какъ и во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе. Это сильное сознаніе, потребность самоотчета и присутствіе въ природѣ вашей потребности нравственнаго долга къ самому себѣ и къ человѣчеству. Вотъ что̀ значитъ эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умомъ, были бы

ограниченнѣе, то были бы и менѣе совѣстливы и не было бы этой двойственности. Напротивъ, родилось бы великое самомнѣніе. Но все-таки эта двойственность большая мука. Милая, глубокоуважаемая N. N., вѣрите ли вы во Христа и въ Его обѣты? Если вѣрите (или хотите вѣрить очень), то предайтесь Ему вполнѣ, и муки отъ этой двойственности сильно смягчатся, и вы получите исходъ душевный, а это главное.

Простите, что написалъ такое безпорядочное письмо. Но если бы вы знали, до какой степени я не умѣю писать писемъ и тягочусь писать ихъ. Но вамъ всегда буду отвѣчать, если вы еще напишете. Наживъ такого друга, какъ вы, не захочу потерять его. А пока прощайте. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ другъ вашъ и родной по душѣ

Ѳ. Достоевскій.

Е. А. Штакеншнейдеръ [1]).

Старая Русса, 17 іюля 1880 г.

Глубокоуважаемая Елена Андреевна! Нуждаюсь во всемъ вашемъ человѣколюбіи и разумномъ снисхожденіи къ людямъ, чтобы простить меня за то, что такъ промедлилъ отвѣтомъ на прекрасное и привѣтливое ваше ко мнѣ письмецо отъ 19 іюня. Но вникните, однакоже, въ факты и, можетъ-быть, найдете въ себѣ силу даже и ко мнѣ быть снисходительной. 11 іюня я возвратился изъ Москвы въ Руссу, ужасно усталый, но тотчасъ же сѣлъ за Карамазовыхъ и залпомъ написалъ три листа. Затѣмъ, отправивъ, принялся перечитывать все написанное обо мнѣ и о моей московской рѣчи въ газетахъ (чего до сихъ поръ и не читалъ, занятый работой) и рѣшилъ отвѣчать Градовскому, т.-е. не столько Градовскому, сколько написать весь нашъ profession de foi на всю Россію: ибо знаменательный и прекрасный, совсѣмъ новый моментъ въ жизни нашего общества, проявившійся въ Москвѣ на праздникѣ Пушкина, былъ злонамѣренно затертъ и искаженъ. Въ прессѣ нашей, особенно Петербургской, буквально испугались чего-то совсѣмъ новаго, ни на что прежнее не похожаго, объявившагося въ Москвѣ: значитъ, не хочетъ общество одного подхихикиванія надъ Россіей и одного оплеванія ея, какъ доселѣ: значитъ, настойчиво захотѣло иного. Надо это затереть, уничтожить, осмѣять, исказить и всѣхъ разувѣрить: „Ничего де такого новаго не было, а было лишь благодушіе сердецъ послѣ московскихъ обѣдовъ. Слишкомъ де ужъ много кушали“. Я еще

1) „Русскій Архивъ“, 1891 г., 10.

въ Москвѣ рѣшилъ, напечатавъ мою рѣчь въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, сейчасъ же издать въ Петербургѣ одинъ номеръ „Дневника писателя“—единственный номеръ на этотъ годъ, и въ немъ напечатать мою рѣчь и нѣкоторое къ ней предисловіе, пришедшее мнѣ въ голову буквально въ ту минуту на эстрадѣ, сейчасъ послѣ моей рѣчи, когда, вмѣстѣ съ Аксаковымъ и всѣми, Тургеневъ и Анненковъ тоже бросились лобызать меня и, пожимая мнѣ руки, настойчиво говорили мнѣ, что я написалъ вещь геніальную! Увы, такъ ли они теперь думаютъ о ней? И вотъ мысль о томъ, какъ они подумаютъ о ней сейчасъ, какъ опомнились отъ восторга, и составляетъ тему моего предисловія. Это предисловіе и рѣчь я отправилъ въ Петербургъ въ типографію и уже и корректуру получилъ, какъ вдругъ и рѣшилъ написать и еще новую главу въ „Дневникѣ“, profession de foi, съ обращеніемъ къ Градовскому; вышло два печатныхъ листа, написалъ—всю душу положилъ и сегодня, всего только сегодня, отослалъ ее въ Москву въ типографію. Вчера былъ день рожденія моего Ѳеди; пришли гости, а я сидѣлъ въ сторонѣ и кончалъ работу! А потому будьте же снисходительны ко мнѣ и вы, Елена Андреевна, и не сердитесь за то, что замедлилъ отвѣтомъ. Я васъ люблю, и вы это знаете! Впечатлѣній моихъ въ Москвѣ и проч. не могу пересказать на письмѣ, теперешняго настроенія почти тоже. Весь въ работѣ, въ каторжной работѣ. Къ сентябрю хочу и рѣшилъ окончить всю послѣднюю четвертую часть Карамазовыхъ, такъ что, воротясь осенью въ Петербургъ, буду, относительно говоря, нѣкоторое время свободенъ и буду приготовляться къ „Дневнику“, который, кажется, уже навѣрно возобновлю въ будущемъ 1881 г. Вы на дачѣ? Откудова же къ вамъ доходятъ вѣсти изъ Москвы? Не знаю, какъ вамъ передавалъ Гаевскій, но дѣло съ Катковымъ не такъ было. Каткова оскорбило Общество любителей русской словесности, устраивавшее праздникъ, отобравъ у него назадъ посланный ему билетъ; а говорилъ рѣчь Катковъ на думскомъ обѣдѣ, какъ представитель Думы и по просьбѣ Думы. Тургеневъ же совсѣмъ не могъ бояться оскорбленій отъ Каткова и дѣлать видъ, что боится, а, напротивъ, Катковъ могъ опасаться какой-нибудь гадости себѣ. У Тургенева же была подготовлена (Ковалевскимъ и университетомъ) такая колоссальная партія, что ему нечего было опасаться. Оскорбилъ же Тургеневъ Каткова первый. Послѣ того, какъ Катковъ произнесъ рѣчь и когда такіе люди, какъ Иванъ Аксаковъ, подошли къ нему чокаться (даже враги его чокались), Катковъ протянулъ самъ свой бокалъ Тургеневу, чтобы чокнуться съ нимъ, а Тургеневъ отвелъ свою руку и не чокнулся. Такъ разсказывалъ мнѣ самъ Тургеневъ.

Вы пишете, чтобы я прислалъ вамъ мою рѣчь. Но я не имѣю у себя экземпляра, а единственный экземпляръ, который имѣлъ, въ типографіи, гдѣ печатается Дневникъ. Дневникъ выйдетъ около 5 августа; обратите на него вниманіе и сообщите его Андрею Андреевичу, дорогому моему сотруднику. Мнѣ хочется знать его мнѣніе. Вашъ весь Достоевскій.

Н. Л. Озмидову.

Старая Русса, 18 августа 1880 г.

М. Г. Николай Лукичъ!

Я письмо ваше прочелъ со всѣмъ вниманіемъ, и что же я могу на него отвѣтить? Вы сами весьма умно замѣтили, что въ письмѣ всего не упишешь. Я даже думаю, что и ничего нельзя написать удовлетворительно, кромѣ общихъ положеній. Пріѣзжать ко мнѣ за совѣтами тоже для васъ совсѣмъ безцѣльно, потому что вовсе не считаю себя такимъ компетентнымъ судьей для разрѣшенія вашихъ вопросовъ. Вы говорите, что до сихъ поръ не давали читать вашей дочери что-нибудь литературное, боясь развить фантазію. Мнѣ вотъ кажется, что это не совсѣмъ правильно: фантазія есть природная сила человѣка, тѣмъ болѣе во всякомъ ребенкѣ, у котораго она, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, преимущественно передъ всѣми другими способностями, развита и требуетъ утоленія. Не давая ей утоленія, или умертвишь ее, или обратно,— дашь ей развиться, именно чрезмѣрно (что и вредно), своими собственными уже силами. Такая же натуга лишь истощитъ духовную сторону ребенка преждевременно. Впечатлѣнія же прекраснаго именно необходимы въ дѣтствѣ. 10-ти лѣтъ отроду я видѣлъ въ Москвѣ представленіе „Разбойниковъ“ Шиллера съ Мочаловымъ и увѣряю васъ, что сильнѣйшее впечатлѣніе, которое я вынесъ тогда, подѣйствовало на мою духовную сторону очень плодотворно. 12-ти лѣтъ я въ деревнѣ, во время вакацій, прочелъ всего Вальтеръ-Скотта, и пусть я развилъ въ себѣ фантазію и впечатлительность, но зато и направилъ ее въ хорошую сторону и не направилъ на дурную, тѣмъ болѣе, что захватилъ съ собой въ жизнь, изъ этого чтенія, столько прекрасныхъ и высокихъ впечатлѣній, что, конечно, они составили въ душѣ моей большую силу для борьбы съ впечатлѣніями соблазнительными, страстными и растлѣвающими. Совѣтую и вамъ дать вашей дочери теперь Вальтеръ-Скотта, тѣмъ болѣе, что онъ забытъ у насъ, русскихъ, совсѣмъ, и потомъ, когда уже будетъ жить самостоятельно, она уже и не найдетъ ни возможности, ни потреб-

ности сама познакомиться съ этимъ великимъ писателемъ; итакъ, ловите время познакомить ее съ нимъ, пока она еще въ родительскомъ домѣ. Вальтеръ-Скоттъ же имѣетъ высокое воспитательное значеніе. Диккенса пусть прочтетъ всего безъ исключенія. Познакомьте ее съ литературой прошлыхъ столѣтій (Донъ-Кихотъ и даже Жиль-Блазъ). Лучше всего начать со стиховъ. Пушкина она должна прочесть всего,—и стихи и прозу. Гоголя тоже. Тургеневъ, Гончаровъ, если хотите; мои сочиненія, не думаю, чтобы всѣ пригодились ей. Хорошо прочесть всю исторію Шлоссера и русскую Соловьева. Хорошо не обойти и Карамзина. Костомарова пока не давайте. Завоеваніе Перу, Мексики—Прескота необходимы. Вообще историческія сочиненія имѣютъ огромное воспитательное значеніе. Левъ Толстой долженъ быть весь прочтенъ. Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте—всѣ есть и въ русскихъ очень хорошихъ переводахъ. Ну, вотъ этого пока довольно. Сами увидите, что впослѣдствіи, съ годами, можно бы еще прибавить! Газетную литературу надо бы, по возможности, устранить, теперь, по крайней мѣрѣ. Не знаю, останетесь ли вы довольны мои совѣтами. Написалъ я вамъ по соображенію и по опыту. Если угожу—буду очень радъ. Личное свиданіе считаю пока совсѣмъ ненужнымъ, тѣмъ болѣе, что я, именно въ эту минуту, слишкомъ занятъ. Да и повторяю опять: вовсе не считаю себя въ этихъ вопросахъ особенно компетентнымъ. Номеръ „Дневника“ вамъ высланъ. Онъ стоитъ съ пересылкою лишь 35 коп.; 65 коп. считаю за мною.

Истинно вамъ преданный Ѳ. Достоевскій.

И. С. Аксакову.

Старая Русса, 28 августа 1880 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ! Я и на первое письмо ваше хотѣлъ отвѣчать немедленно, а получивъ теперь и второе для меня *драгоцѣнное* письмо ваше, вижу, что надо говорить много и обстоятельно. Никогда еще въ моей жизни я не встрѣчалъ критика, столь искренняго и столь полнаго участія къ моей дѣятельности, какъ теперь вы. Я даже забылъ и думать, что есть и что могутъ быть такіе критики. Это не значитъ, что я съ вами во всемъ согласенъ *безусловно*, но вотъ какой есть, однакоже, фактъ: это то, что я самъ нахожусь во многомъ въ большихъ сомнѣніяхъ, хотя и имѣлъ 2 года опыта въ изданіи „Дневника“. Именно о томъ: какъ говорить, какимъ тономъ говорить и о чемъ вовсе не говорить? Ваше письмо застало меня въ самой глубинѣ этихъ сомнѣній ибо я серьезно принялъ на-

мѣреніе продолжать „Дневникъ“ въ будущемъ году, а потому волнуюсь и молю, Кого слѣдуетъ, чтобы послалъ силъ, а главное умѣнія. Вотъ почему обрадовался ужасно, что имѣю васъ,—ибо вижу теперь, что вамъ могу изложить хоть часть сомнѣній, а вы всегда мнѣ скажете глубоко-искреннее и прозорливое слово. Я ужъ это вижу, изъ двухъ вашихъ писемъ понимаю. Но вотъ моя бѣда: написать придется къ вамъ не мало, а я теперь не свободенъ и писать не способенъ. Вы не повѣрите, до какой степени я занятъ, день и ночь, какъ въ каторжной работѣ! Именно—кончаю Карамазовыхъ, слѣдственно, подвожу итогъ произведенію, которымъ я, по крайней мѣрѣ, дорожу, ибо много въ немъ легло меня и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, съ мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически. Теперь же подводится итогъ тому, что три года обдумывалось, составлялось, записывалось. Надо сдѣлать хорошо, т.-е., по крайней мѣрѣ, сколько я въ состояніи. Я работы изъ-за денегъ на почтовыхъ — не понимаю. Но пришло время, что все-таки надо кончить, и кончить не оттягивая. Вѣрите ли, несмотря, что уже три года выписывалось, иную главу напишу, да и забракую, вновь напишу и вновь напишу. Только вдохновенныя мѣста и выходятъ за разъ, залпомъ, а остальное все претяжелая работа. Вотъ почему теперь, сейчасъ, несмотря на *жгучее* желаніе, не могу написать вамъ; духъ во мнѣ не тотъ, да и разбивать себя не хочу. Напишу же вамъ около 10-го будущаго мѣсяца (сентября), когда освобожусь. Да и обдумаю пока, потому что вопросы-то трудные, и надо ихъ ясно изложить. А потому на меня не сердитесь, напримѣръ, за равнодушіе: если бы вы знали, какъ вы въ такомъ случаѣ ошибетесь! А пока обнимаю васъ искренно и благодарю душевно. Мнѣ вы нужны, и я васъ не могу не любить. Вашъ искренній *Ѳ. Достоевскій.*

Къ врачу А. Ѳ. Благонравову [1]).

Петербургъ, 19 декабря 1880 г.

Милостивый государь Александръ Ѳедоровичъ!

Благодарю васъ за письмо ваше. Вы вѣрно заключаете, что причину зла я вижу въ безвѣріи, но что отрицающій народность отрицаетъ и вѣру. Именно у насъ это такъ, ибо у насъ вся на-

---

1) Это отвѣтъ на письмо г. Благонравова (въ г. Юрьевѣ-Польскомъ, Владимирской губерніи), который написалъ Ѳедору Михайловичу свое мнѣніе — мнѣніе врача — по поводу мастерскаго изображенія галлюцинаціи Ивана Карамазова въ послѣдней части романа.

родность основана на христіанствѣ. Слова „крестьянинъ“, „Русь православная“ суть коренныя наши основы. У насъ русскій, отрицающій народность (а такихъ много), есть непремѣнно атеистъ или равнодушный. Обратно, всякій невѣрующій или равнодушный рѣшительно не можетъ понять и никогда не пойметъ ни русскаго народа, ни русской народности. Самый важный теперь вопросъ: какъ заставить съ этимъ согласиться нашу интеллигенцію? Попробуйте заговорить: или съѣдятъ, или сочтутъ за измѣнника. Но кому измѣнника? Имъ, т.-е. чему-то носящемуся въ воздухѣ и которому даже имя придумать трудно, потому что они сами не въ состояніи придумать, какъ назвать себя. Или народу измѣнника? Нѣтъ, ужъ я лучше буду съ народомъ; ибо отъ него только можно ждать чего-нибудь, а не отъ интеллигенціи русской, народъ отрицающей и которая даже не интеллигентна.

Но возрождается и идетъ новая интеллигенція, та хочетъ быть съ народомъ. А первый признакъ неразрывнаго общенія съ народомъ есть уваженіе и любовь къ тому, что̀ народъ всею цѣлостію своей любитъ и уважаетъ болѣе и выше всего, что̀ есть въ мірѣ, т.-е. своего Бога и свою вѣру.

Эта новогрядущая интеллигенція русская, кажется, именно теперь начинаетъ поднимать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась къ общему дѣлу, и она это начинаетъ и сама сознавать.

Здѣсь за то, что я проповѣдую Бога и народность, изъ всѣхъ силъ стараются стереть меня съ лица земли. За ту главу Карамазовыхъ (о галлюцинаціи), которою вы, врачъ, такъ довольны, меня пробовали уже было обозвать ретроградомъ и изувѣромъ, дописавшимся „до чортиковъ“. Они наивно воображаютъ, что всѣ такъ и воскликнутъ: „Какъ? Достоевскій про чорта сталъ писать? Ахъ, какой онъ пошлякъ, ахъ, какъ онъ не развитъ!“ Но, кажется, имъ не удалось. Васъ, особенно какъ врача, благодарю за сообщеніе ваше о вѣрности изображенной мною психической болѣзни этого человѣка. Мнѣніе эксперта меня поддержитъ, и, согласитесь, что этотъ человѣкъ (Ив. Карамазовъ) при данныхъ обстоятельствахъ никакой иной галлюцинаціи не могъ имѣть, кромѣ этой. Я эту главу хочу впослѣдствіи, въ будущемъ „Дневникѣ“, разъяснить самъ критически.

За симъ примите увѣреніе въ моихъ искреннѣйшихъ и лучшихъ чувствахъ. Вамъ совершенно преданный

Ѳедоръ Достоевскій.

V.

Замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго.

Разсказъ Достоевскаго о его арестѣ [1]).

Двадцать второго, или, лучше сказать, двадцать третьяго апрѣля (1849 года), я воротился домой часу въ четвертомъ отъ Григорьева, легъ спать и тотчасъ же заснулъ. Не болѣе какъ черезъ часъ я, сквозь сонъ, замѣтилъ, что въ мою комнату вошли какіе-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задѣвшая. Что за странность? Съ усиліемъ открываю глаза и слышу мягкій, симпатическій голосъ: „Вставайте!“

Смотрю: квартальный или частный приставъ, съ красивыми бакенбардами. Но говорилъ не онъ; говорилъ господинъ, одѣтый въ голубое, съ подполковничьими эполетами.

— Что случилось?—спросилъ я, привставая съ кровати.

— По повелѣнію...

Смотрю: дѣйствительно „по повелѣнію“. Въ дверяхъ стоялъ солдатъ, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

„Эге, да это вотъ что!“ подумалъ я. — Позвольте же мнѣ...—началъ было я.

— Ничего, ничего! Одѣвайтесь. Мы подождемъ-съ, — прибавилъ подполковникъ еще болѣе симпатическимъ голосомъ.

Пока я одѣвался, они потребовали всѣ книги и стали рыться; немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Приставъ обнаружилъ при этомъ много предусмотрительности; онъ полѣзъ въ печку и пошарилъ моимъ чубукомъ въ старой золѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ по его приглашенію сталъ на стулъ и полѣзъ на печь, но оборвался

---

[1]) „Русская Старина“, 1881 г., т. 30, стр. 705—706. Разсказъ напечатанъ въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.

съ карниза и громко упалъ на стулъ, а потомъ со стуломъ на полъ. Тогда прозорливые господа убѣдились, что на печи ничего не было.

На столѣ лежалъ пятиалтынный, старый и согнутый. Приставъ внимательно разглядывалъ его и, наконецъ, кивнулъ подполковнику.

— Ужъ не фальшивый ли?—спросилъ я.

— Гмъ... Это, однакоже, надо изслѣдовать...—бормоталъ приставъ и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ и его къ дѣлу.

Мы вышли. Насъ провожала испуганная хозяйка и человѣкъ ея Иванъ, хоть и очень испуганный, но глядѣвшій съ какою-то тупой торжественностью, приличною событію, впрочемъ, торжественностью не праздничною. У подъѣзда стояла карета; въ карету сѣлъ солдатъ, я, приставъ и подполковникъ; мы отправились на Фонтанку, къ Цѣпному мосту, у Лѣтняго сада. Тамъ было много ходьбы и народа. Я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Всѣ были заспанные и молчаливые. Какой-то господинъ, статскій, но въ большомъ чинѣ, принималъ... Безпрерывно входили голубые господа съ разными жертвами.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — сказалъ мнѣ кто-то на ухо.

23 апрѣля былъ дѣйствительно Юрьевъ день.

Мы мало-по-малу окружили статскаго господина со спискомъ въ рукахъ. Въ спискѣ передъ именемъ г. Антонелли написано было карандашомъ: „агентъ по найденному дѣлу“.

„Такъ это Антонелли!“ подумали мы.

Насъ размѣстили по разнымъ угламъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, куда кого дѣвать. Въ такъ называемой бѣлой залѣ насъ собралось человѣкъ семнадцать...

Вошелъ Леонтій Васильевичъ... (Дубельтъ).

Но здѣсь я прерываю мой разсказъ. Долго разсказывать. Но увѣряю, что Леонтій Васильевичъ былъ препріятный человѣкъ.

Ѳ. Достоевскій. 24 мая 1860 г.

Показаніе Ѳ. М. Достоевскаго [1]).

Отъ меня требуютъ, чтобъ я передалъ все, что знаю о Петрашевскомъ и о тѣхъ людяхъ, которые у него бывали по пятницамъ, т.-е. показанія фактовъ и личнаго мнѣнія моего объ этихъ фактахъ. Соображаясь съ первымъ допросомъ моимъ, я заключаю, что отъ меня требуютъ отчетливаго отвѣта на слѣдующіе пункты:

---

[1]) „Петрашевцы“. Изд. Саблина. М. 1907.

1) О томъ, каковъ характеръ Петрашевскаго, какъ человѣка вообще и какъ политическаго человѣка въ особенности.

2) Что бывало на тѣхъ вечерахъ у Петрашевскаго, на которыхъ я присутствовалъ, и мое мнѣніе о тѣхъ вечерахъ.

3) Не было ли какой тайной, скрытой цѣли въ обществѣ Петрашевскаго. Вредный ли человѣкъ самъ Петрашевскій, и до какой степени онъ вреденъ для общества.

Я никогда не былъ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, хотя и ѣздилъ къ нему по пятницамъ, а онъ, въ свою очередь, отдавалъ мнѣ визиты. Это одно изъ такихъ знакомствъ моихъ, которымъ я не дорожилъ слишкомъ много, не имѣя сходства въ характерѣ, ни во многихъ понятіяхъ съ Петрашевскимъ. И потому я поддерживалъ знакомство съ нимъ ровно настолько, насколько того требовала учтивость, т.-е. посѣщалъ его изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Оставить же его совсѣмъ я не имѣлъ причины. Да къ тому же мнѣ бывало иногда любопытно ходить на его пятницы.

Меня всегда поражало много эксцентричности и странности въ характерѣ Петрашевскаго. Даже знакомство наше началось тѣмъ, что онъ съ перваго раза поразилъ мое любопытство своими странностями. Но ѣзжалъ я къ нему не часто. Случалось, что я не бывалъ у него иногда болѣе полугода. Въ послѣднюю же зиму, начиная съ сентября мѣсяца, я былъ у него не болѣе восьми разъ. Мы никогда не были коротки другъ съ другомъ; я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вмѣстѣ одни, глазъ на глазъ, болѣе получаса. Я даже замѣтилъ положительно, что онъ, заѣзжая ко мнѣ, какъ будто исполняетъ долгъ учтивости, но что, напримѣръ, вести со мной долгій разговоръ ему тягостно. Да и со мной было то же самое, потому что, повторяю, у насъ мало было пунктовъ соединенія и въ идеяхъ и въ характерахъ. Мы оба опасались долго заговариваться другъ съ другомъ, потому что съ десятаго слова мы бы оба заспорили, а это намъ обоимъ надоѣло. Мнѣ кажется, что взаимныя впечатлѣнія наши другъ о другѣ одинаковы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я очень часто ѣзжалъ къ нему по пятницамъ не столько для него и для самихъ пятницъ, сколько для того, чтобы встрѣтить нѣкоторыхъ людей, съ которыми я хотя и былъ знакомъ, но видѣлся чрезвычайно рѣдко, и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго.

Объ эксцентричностяхъ и странностяхъ его говорятъ очень многіе, почти всѣ, кто знаютъ или слышали о Петрашевскомъ,

и даже по нимъ дѣлаютъ свое о немъ заключеніе. Я слышалъ нѣсколько разъ мнѣніе, что у Петрашевскаго больше ума, чѣмъ благоразумія. Дѣйствительно, очень трудно было бы объяснить многія изъ его странностей. Нерѣдко при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ спросишь: куда онъ и зачѣмъ? И онъ отвѣтитъ какую-нибудь такую странность, разскажетъ такой странный планъ, который онъ шелъ только что исполнять, что не знаешь, что подумать о планѣ и о самомъ Петрашевскомъ. Изъ-за такого дѣла, которое нуля не стоитъ, онъ иногда хлопочетъ такъ, какъ будто дѣло идетъ обо всемъ его имѣніи. Другой разъ спѣшитъ куда-нибудь на полчаса кончить маленькое дѣльце, а кончить это маленькое дѣльце можно развѣ только въ два года. Человѣкъ онъ вѣчно суетящійся и движущійся, вѣчно чѣмъ-нибудь занятъ. Читаетъ много, уважаетъ систему Фурье и изучилъ ее въ подробности. Кромѣ того, особенно занимается законовѣдѣніемъ. Вотъ все, что я знаю о немъ, какъ о частномъ лицѣ, по даннымъ, весьма неполнымъ для совершенно точнаго опредѣленія характера, потому что, повторяю еще разъ, въ слишкомъ короткихъ сношеніяхъ я съ нимъ никогда не находился. Трудно сказать, чтобъ Петрашевскій (наблюдаемый, какъ политическій человѣкъ) имѣлъ какую-нибудь свою опредѣленную систему въ сужденіи, какой-нибудь опредѣленный взглядъ на политическія событія. Я замѣтилъ въ немъ послѣдовательность только одной системѣ, да и та не его, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье и мѣшаетъ ему смотрѣть самобытнымъ взглядомъ на вещи. Впрочемъ, могу утвердительно сказать, что Петрашевскій слишкомъ далекъ отъ идеи возможности немедленнаго примѣненія системы Фурье къ нашему общественному быту. Въ этомъ я былъ увѣренъ.

Общество, которое у него собиралось по пятницамъ, почти все состояло изъ его короткихъ пріятелей или давнихъ знакомыхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю. Впрочемъ, являлись и новыя лица, но, сколько я могъ замѣтить, довольно рѣдко. Изъ этихъ людей я знаю хорошо только очень малую часть. Другихъ знаю только потому, что раза три-четыре въ годъ случалось говорить съ ними, и, наконецъ, многихъ изъ гостей Петрашевскаго почти совсѣмъ не знаю, хотя схожусь съ ними по пятницамъ уже годъ или два. Но хотя и не знаю хорошо всѣхъ лицъ, однакоже прислушался къ инымъ мнѣніямъ. Всѣ эти мнѣнія большею частью разноголосица и одно противорѣчитъ другому Я не встрѣтилъ никакого единства въ обществѣ Петрашевскаго никакого направленія, никакой общей цѣли. Положительно можно сказать, нельзя найти трехъ человѣкъ, согласныхъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, на любую заданную тему. Оттого велись споры,

другъ съ другомъ; вѣчныя противорѣчія и несогласія во мнѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ споровъ бралъ участіе и я.

Но прежде, чѣмъ я скажу, по какой причинѣ я участвовалъ въ этихъ спорахъ и на какую именно тему я говорилъ, я скажу нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Въ сущности я еще не знаю доселѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Мнѣ объявили только, что я бралъ участіе въ общихъ разговорахъ у Петрашевскаго, говорилъ *вольнодумно* и что, наконецъ, прочелъ вслухъ литературную статью: „Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ“. Скажу отъ чистаго сердца, что до сихъ поръ для меня было всего на свѣтѣ труднѣе опредѣлить слово: *вольнодумецъ, либералъ*. Что разумѣть подъ этимъ словомъ? Человѣка, который говоритъ противозаконно? Но я видалъ такихъ людей, для которыхъ признаться въ томъ, что у нихъ болитъ голова, значитъ, поступить противозаконно, и знаю, что есть и такіе, которые готовы говорить на каждомъ перекресткѣ все, что только въ состояніи перемолоть (ихъ) языкъ. Кто видалъ мою душу? Кто опредѣлилъ ту степень вѣроломства, вреда и бунта, въ которомъ меня обвиняютъ? По какому масштабу сдѣлано это опредѣленіе? Можетъ-быть, судятъ по нѣсколькимъ словамъ, сказаннымъ мною у Петрашевскаго? Я говорилъ три раза: два раза я говорилъ *о литературѣ* и одинъ разъ о предметѣ вовсе не политическомъ, *о личности и о человѣческомъ эгоизмѣ*. Не припомню, чтобъ было что-нибудь политическаго и вольнодумнаго въ словахъ моихъ. Не припомню, чтобъ я когда-нибудь высказался *весь, каковъ я на самомъ дѣлѣ*, у Петрашевскаго. Но я знаю себя, и если основываютъ обвиненія на нѣсколькихъ словахъ, схваченныхъ на лету и записанныхъ на клочкѣ бумаги, то я не боюсь и такого обвиненія, хотя оно самое опасное, ибо ничего нѣтъ губительнѣе, сбивчивѣе и несправедливѣе нѣсколькихъ словъ, вырванныхъ Богъ знаетъ откудова, относящихся Богъ знаетъ къ чему, подслушанныхъ наскоро, понятыхъ наскоро, а все чаще непонятыхъ, записанныхъ наскоро. Но повторяю: я знаю себя и не боюсь даже такого обвиненія.

Да, если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ, можетъ-быть, названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ, который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ себя въ правѣ быть гражданиномъ, чувствуетъ себя въ правѣ желать добра своему отечеству, потому что находитъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ отечеству и сознаніе, что никогда ничѣмъ не повредилъ ему. Но это *желаніе лучшаго* было въ возможномъ или невозможномъ? Пусть уличатъ меня, что я желалъ перемѣнъ и переворотовъ насильственно, революціонерно, возбуждая

желчь и ненависть! Но я не боюсь улики, ибо никакой доносъ въ свѣтѣ не отниметъ отъ меня и не прибавитъ мнѣ ничего, никакой доносъ не заставитъ меня быть другимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Въ томъ ли проявилось мое вольнодумство, что я говорилъ вслухъ о такихъ предметахъ, о которыхъ другіе считаютъ долгомъ молчать, не потому, чтобы опасались сказать что-нибудь противъ правительства (этого и въ мысли не можетъ быть!), но потому, что, по ихъ мнѣнію, предметъ такой, о которомъ уже принято не говорить громко? Въ этомъ ли? Но меня всегда даже оскорбляла эта боязнь слова, скорѣе способная быть обидной правительству, чѣмъ быть ему пріятною. И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ правому человѣку опасаться за себя и за свое слово? Это значитъ полагать, что законы недостаточно ограждаютъ личность и что можно погибнуть изъ-за пустого слова, изъ-за неосторожной фразы. Но зачѣмъ же мы сами такъ настроили всѣхъ, что на громкое откровенное слово, сколько-нибудь похожее на мнѣніе, высказанное прямо, безъ утайки, смотрятъ какъ на эксцентричность? Мое мнѣніе, что если бы всѣ были откровеннѣе съ правительствомъ, то было бы гораздо лучше для насъ самихъ. Мнѣ всегда было грустно видѣть, что мы все какъ будто инстинктивно боимся чего-то; что, сойдемся ли мы, напримѣръ, толпой въ публичномъ мѣстѣ, мы смотримъ другъ на друга недовѣрчиво, исподлобья, косимся по сторонамъ, подозрѣваемъ кого-то. Заговоритъ ли кто-нибудь о политикѣ, то заговоритъ непремѣнно шопотомъ и съ самымъ таинственнымъ видомъ, хотя бы республика была такъ же далека отъ его идей, какъ и Франція. Скажутъ: „Оно и лучше, что у насъ не кричатъ на перекресткахъ“.—Безъ сомнѣнія, никто и слова не скажетъ противъ этого, но излишнее умолчаніе, излишній страхъ наводитъ какой-то мрачный колоритъ на нашу обыденную жизнь, который кажетъ все въ безрадостномъ, непривѣтливомъ свѣтѣ, и что всего обиднѣе—колоритъ этотъ ложный; весь этотъ страхъ безпредметенъ, напрасенъ (я вѣрю въ то), всѣ эти опасенія больше ничего, какъ наша выдумка, и мы сами только напрасно безпокоимъ правительство своею таинственностью и недовѣрчивостью, ибо изъ этого натянутаго положенія часто выходитъ много шуму изъ пустяковъ. Самое обыкновенное слово, сказанное громко, получаетъ гораздо болѣе вѣса, а самый фактъ по своей эксцентричности принимаетъ размѣры иногда колоссальные и, навѣрно, припишется постороннимъ (не обыкновеннымъ), а не настоящимъ (обыкновеннымъ) причинамъ. Я всегда былъ увѣренъ, что сознательное убѣжденіе лучше, крѣпче безсознательнаго неустойчиваго, колеблющагося, способнаго пошатнуться отъ перваго вѣтра, который подуетъ. А сознаніе не высидишь и не выживешь молча,

Сами мы бѣжимъ общенія, дробимся на кружки или черствѣемъ въ уединеніи. А кто виноватъ въ этомъ положеніи? Мы, мы сами и болѣе никто,—я такъ всегда думалъ.

Хотя я и привелъ для примѣра наши общественные разговоры, а между тѣмъ я самъ далеко не крикунъ, и то же самое скажетъ про меня всякій, кто меня знаетъ. Я не люблю говорить громко и долго даже съ пріятелями, которыхъ у меня очень немного, а тѣмъ болѣе въ обществѣ, гдѣ я слыву за человѣка неразговорчиваго, молчаливаго, несвѣтскаго. Знакомствъ у меня очень мало. Половина моего времени занята работой, которая кормитъ меня; другая половина занята постоянно болѣзнью, ипохондрическими припадками, которыми я страдаю уже скоро три года. Едва остается немного времени на чтеніе и на то, чтобы узнать, что на свѣтѣ дѣлается. Для пріятелей и знакомыхъ остается очень немного времени. А потому, если я и написалъ теперь противъ системы всеобщаго, какъ бы систематическаго умолчанія и скрытности, то это потому, что мнѣ захотѣлось высказать свое убѣжденіе, а вовсе не защищать себя. Но въ чемъ обвиняютъ меня? Въ томъ, что я говорилъ о политикѣ, о Западѣ, о цензурѣ и пр. Но кто же не говорилъ и не думалъ въ наше время объ этихъ вопросахъ? Зачѣмъ же я учился, зачѣмъ наукой во мнѣ возбуждена любознательность, если я не имѣю права сказать моего личнаго мнѣнія или не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое само по себѣ авторитетъ? На Западѣ происходитъ зрѣлище страшное, разыгрывается драма безпримѣрная. Трещитъ и разрушается вѣковой порядокъ вещей. Самыя основныя начала общества грозятъ каждую минуту рухнуть и увлечь въ своемъ паденіи всю націю. Тридцать шесть милліоновъ людей каждый день ставятъ словно на карту всю свою будущность, имѣніе, существованіе свое и дѣтей своихъ! И эта картина не такова, чтобы возбудить вниманіе, любопытство, любознательность, потрясти душу? Это тотъ самый край, который далъ намъ науку, образованіе, цивилизацію европейскую. Такое зрѣлище — урокъ. Это, наконецъ, исторія — наука будущаго. И послѣ этого неужели обвинятъ насъ, которымъ дали извѣстную степень образованія, въ которыхъ возбудили жажду знанія и науки,—неужели обвинятъ насъ въ томъ, что мы имѣли столько любопытства, чтобъ говорить иногда о Западѣ, о политическихъ событіяхъ; читать современныя книги, приглядываться къ движенію западному, даже изучать его по возможности? Неужели обвинятъ меня въ томъ, что я смотрю нѣсколько серьезно на кризисъ, отъ котораго ноетъ и ломится надвое несчастная Франція, что я считаю, можетъ-быть, этотъ кризисъ исторически необходимымъ въ жизни этого народа, какъ состояніе переходное

(кто разрѣшитъ это теперь?) и которое приведетъ, наконецъ, лучшее время? Дальше этого мнѣнія, дальше такихъ идей никогда не простиралось мое вольнодумство о Западѣ и о революціи. Но если я говорилъ о французскомъ переворотѣ, если я позволялъ себѣ судить о современныхъ событіяхъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что я вольнодумецъ, что я республиканскихъ идей, что я противъ самодержавія, что я его подкапываю? Невозможно! Для меня никогда ничего не было нелѣпѣе идеи республиканскаго правленія въ Россіи. Всѣмъ, кто знаетъ меня, извѣстны на этотъ счетъ мои идеи. Да, наконецъ, такое обвиненіе будетъ противно всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, моему образованію. Я, можетъ-быть, объясню еще себѣ революцію западную и *историческую необходимость* тамошняго современнаго кризиса. Тамъ нѣсколько столѣтій, болѣе тысячелѣтія длилась упорнѣйшая борьба общества съ авторитетомъ, основавшимся на чуждой цивилизаціи завоеваніемъ, насиліемъ, притѣсненіемъ. А у насъ? И земля-то наша сложилась не по-западному. У насъ историческіе примѣры передъ глазами: 1) паденіе Россіи передъ татарами отъ ослабленія авторитета и раздробленія его, 2) безобразіе республики новгородской,—республики, испробованной въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ на славянской почвѣ, и, наконецъ, 3) двукратное спасеніе единственно усиленіемъ авторитета, усиленіемъ самодержавія: въ первый разъ отъ татаръ, второй разъ въ реформу Петра Великаго, когда только одна теплая дѣтская вѣра въ своего великаго кормчаго дала Россіи возможность перенести такой поворотъ въ новую жизнь. Да и кто у насъ думаетъ о республикѣ? Если и предстоятъ реформы, то даже для тѣхъ, кто желаетъ ихъ, будетъ ясно, какъ день, что должны эти реформы истечь именно изъ авторитета, да еще болѣе усиленнаго на то время, а иначе дѣло должно произойти революціонернымъ образомъ. Не думаю, чтобы нашелся въ Россіи любитель русскаго бунта. Примѣры извѣстны и до сихъ поръ памятны, хотя случились давно. Въ заключеніе я припомнилъ теперь слова свои, нѣсколько разъ повторявшіяся мною, что все, что только было хорошаго въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, все то постоянно выходило свыше, отъ престола, а снизу до сихъ поръ ничего не выказывалось, кромѣ упорства и невѣжества. Это мнѣніе мое извѣстно многимъ изъ тѣхъ, кто меня знаетъ.

Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время и сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей. Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ

написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральнаго, вольнодумнаго, противнаго нравственности, а, напримѣръ, потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозрѣвала никого въ обществѣ и хотя бы самая трагедія произошла чисто случайнымъ и внѣшнимъ образомъ. Пусть разберутъ все, что я написалъ напечатаннаго и ненапечатаннаго, пусть просмотрятъ рукопись уже напечатанныхъ сочиненій и увидятъ, каковы они были до поступленія къ цензору,—пусть найдутъ въ нихъ хоть одно слово, противное нравственности и установленному порядку вещей. А между тѣмъ я именно подвергся подобному запрещенію собственно за то, что картина написана была слишкомъ мрачными красками. Но если бъ знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія! Онъ увидѣлъ передъ собою необходимость просидѣть хуже, чѣмъ безъ хлѣба цѣлыхъ три мѣсяца, ибо работа давала мнѣ средства къ существованію. Да, кромѣ того, среди лишеній, грусти и почти отчаянія (ибо, откинувъ денежный вопросъ, тяжело до отчаянія видѣть свое произведеніе, которое любилъ, на которое потратилъ трудъ, здоровье, лучшія силы душевныя, запрещеннымъ отъ *недоразумѣнія*, отъ *подозрѣнія*), итакъ, кромѣ того, среди лишеній, грусти, отчаянія нужно еще найти столько легкихъ веселыхъ часовъ, чтобы написать въ это время литературное произведеніе красками свѣтлыми, розовыми, пріятными. А написать непремѣнно нужно, потому что нужно существовать. Если я говорилъ, если я жаловался (а я жаловался такъ немного!), то неужели я вольнодумствовалъ? И на что я жаловался? *На недоразумѣніе*. Именно: я бился изъ всѣхъ силъ, доказывая, что каждый литераторъ уже заподозрѣнъ заранѣе, что на него смотрятъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣріемъ, и обвинялъ самихъ же литераторовъ въ томъ, что они сами не хотятъ изыскивать средства для разрушенія пагубнаго недоразумѣнія. Пагубнаго потому, что литературѣ трудно существовать при такомъ напряженномъ состояніи. Цѣлые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедія уже не могутъ существовать. Уже не могутъ существовать при строгости нынѣшней цензуры такіе писатели, какъ Грибоѣдовъ, Фонвизинъ и даже Пушкинъ. Сатира осмѣиваетъ порокъ и чаще всего порокъ подъ личиною добродѣтели. Какъ можетъ быть теперь хоть какое-нибудь осмѣяніе? Цензоръ во всемъ видитъ намекъ, заподозрѣваетъ, нѣтъ ли тутъ какой личности, нѣтъ ли

желчи, не намекаетъ ли писатель на чье-нибудь лицо и на какой-нибудь порядокъ вещей. Мнѣ самому случалось очень часто, забывши грусть, захохотать надъ тѣмъ, что нашелъ цензоръ *вреднымъ для общества* и неспособнымъ къ напечатанію въ моихъ или въ чьихъ чужихъ рукописяхъ. Смѣялся я потому, что никому, кромѣ цензора, не придетъ въ голову подобныхъ подозрѣній. Въ самой невиннѣйшей, чистѣйшей фразѣ подозрѣвается преступнѣйшая мысль, которую видно, что цензоръ преслѣдовалъ съ напряженіемъ умственныхъ силъ, какъ вѣчную неподвижную идею, которая не можетъ покинуть его головы, которую онъ самъ создалъ, колеблемый страхомъ и подозрѣніями, самъ воплотилъ ее въ своемъ воображеніи, самъ расцвѣтилъ небывалыми страшными красками и, наконецъ, уничтожилъ свой фантомъ вмѣстѣ съ невинной причиной его страховъ—безгрѣшной первоначальной фразой писателя. Точно какъ будто скрывая порокъ и мрачную сторону жизни, скроемъ отъ читателя, что есть на свѣтѣ порокъ и мрачная сторона жизни. Нѣтъ, авторъ не скроетъ этой мрачной стороны, систематически опуская ее передъ читателемъ, а только заподозритъ себя передъ нимъ въ неискренности, въ неправдивости. Да можно ли писать однѣми свѣтлыми красками? Какимъ образомъ свѣтлая сторона картины будетъ видна безъ мрачной? Можетъ ли быть картина безъ свѣта и тѣни вмѣстѣ? О свѣтѣ мы имѣемъ понятіе только потому, что есть тѣнь. Говорятъ: описывай однѣ доблести, добродѣтели. Но добродѣтели мы не узнаемъ безъ порока: самыя понятія *добра* и *зла* произошли отъ того, что добро и зло постоянно жили вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Но подумай только я выставить на сцену невѣжество, порокъ, злоупотребленіе, спесь, насиліе! Цензоръ тотчасъ же заподозритъ меня и подумаетъ, что я говорю про все вообще безъ изъятія. Я не стою за изображеніе порока и мрачной стороны жизни: и тотъ и другая вовсе не милы мнѣ; но я говорю единственно только въ интересахъ искусства.

Видя, убѣдясь, наконецъ, что между литературой и цензурой происходитъ недоразумѣніе (одно недоразумѣніе—и больше ничего!), я сѣтовалъ, я молилъ, чтобы это печальное недоразумѣніе прошло скорѣе, потому что я люблю литературу и не могу не интересоваться ею, потому что я знаю, что литература есть одно изъ выраженій жизни народа, есть зеркало общества. Съ образованіемъ, съ цивилизаціей являются новыя понятія, которыя требуютъ опредѣленія, названія—русскаго, чтобы быть переданными народу; ибо не народъ можетъ назвать ихъ въ настоящемъ случаѣ, затѣмъ, что цивилизація не отъ него идетъ, а свыше,—назвать ихъ можетъ только то общество, которое пре-

жде народа приняло цивилизацію, т.-е. высшій слой общества, классъ уже образованный для принятія этихъ идей. Кто же формулируетъ новыя идеи въ такую форму, чтобы народъ ихъ понялъ,—кто же, какъ не литература! Реформа Петра Великаго не принялась бы такъ легко въ народѣ, который и не понялъ бы, чего хотятъ отъ него. Каковъ былъ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ? Наполовину русскій, наполовину нѣмецкій, потому что наполовину жизни нѣмецкой, понятій нѣмецкихъ, нравовъ нѣмецкихъ привилось къ жизни русской. Но русскій народъ не говоритъ по-нѣмецки, и явленіе Ломоносова сейчасъ послѣ Петра Великаго было не случайное. Безъ литературы не можетъ существовать общество, а я видѣлъ, что она угасала, и, въ десятый разъ повторяю, недоразумѣніе, возникшее между литературой и цензорами, волновало меня, мучило меня. Я говорилъ,— но я говорилъ только о согласіи, о соединеніи, объ уничтоженіи недоразумѣнія. Я не поджигалъ кругомъ меня никого, *потому что я вѣрилъ*. Да и говорилъ-то я только съ самыми короткими пріятелями, со своими товарищами-литераторами. Это ли вредное вольнодумство?

Меня обвиняютъ въ томъ, что я прочелъ статью *Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ* на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго. Да, я прочелъ эту статью, но тотъ, кто донесъ на меня, можетъ ли сказать, къ которому изъ переписывающихся лицъ я былъ пристрастнѣе? Пусть онъ припомнитъ, было ли не только въ сужденіяхъ моихъ (отъ которыхъ я воздержался), но хотя бы въ интонаціи голоса, въ жестѣ во время чтенія, что-нибудь способное выказать мое пристрастіе къ одному лицу преимущественно, чѣмъ къ другому изъ переписывающихся? Конечно, онъ не скажетъ того.

Письмо Бѣлинскаго написано слишкомъ странно, чтобъ возбудить къ себѣ сочувствіе. Ругательства отвращаютъ сердце, а не привлекаютъ его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконецъ вся статья—образецъ бездоказательности, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ избавиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который усиливался по мѣрѣ истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ его въ болѣзни. Письма эти написаны въ послѣдній годъ его жизни, во время пребыванія за границею. Нѣсколько времени я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ довольно коротко. Это былъ превосходный человѣкъ, какъ человѣкъ. Но болѣзнь, сведшая его въ могилу, сломила въ немъ даже и человѣка. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображеніе его, разстроенное, напряженное, увеличивало все въ колоссальныхъ размѣрахъ и показывало ему такія вещи, которыя одинъ онъ и способенъ

былъ видѣть. Въ немъ явились вдругъ такіе недостатки и пороки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ, явилось самолюбіе, крайне раздражительное и обидчивое. Въ журналѣ, въ которомъ онъ числился сотрудникомъ и гдѣ за болѣзнью очень мало работалъ, ему связывала редакція руки и уже не давала писать слишкомъ серьезныхъ статей. Это оскорбляло его. И вотъ въ этомъ-то состояніи онъ написалъ письмо свое къ Гоголю. — Въ литературномъ мірѣ небезызвѣстно весьма многимъ о моей ссорѣ и окончательномъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ въ послѣдній годъ его жизни. Извѣстна тоже и причина нашей размолвки: она произошла изъ-за идей о литературѣ и о направленіи литературы. Взглядъ мой былъ радикально противоположный взгляду Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ силится дать литературѣ частное, недостойное ея, назначеніе, низводя ее единственно до описанія, если можно такъ выразиться, однихъ газетныхъ фактовъ или скандалезныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью не привлечешь никого, а только надоѣшь смертельно всѣмъ и каждому, хватая встрѣчнаго и поперечнаго на улицѣ, останавливая каждаго прохожаго за пуговицу фрака и начиная насильно проповѣдывать ему и учить его уму-разуму. Бѣлинскій разсердился на меня, и, наконецъ, отъ охлажденія мы перешли къ формальной ссорѣ, такъ что и не видались другъ съ другомъ въ продолженіе всего послѣдняго года его жизни. Я давно желалъ прочесть эти письма. Въ моихъ глазахъ эта переписка—довольно замѣчательный литературный памятникъ. И Бѣлинскій и Гоголь—лица очень замѣчательныя. Отношенія ихъ между собою весьма любопытны, тѣмъ болѣе для меня, который былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ. Петрашевскій, случайно увидавъ эти письма въ моихъ рукахъ, спросилъ: „Что такое?“ и я, не имѣя времени показать ему эти письма тотчасъ, обѣщалъ ихъ принести къ нему въ пятницу. Самъ я вызвался, и уже потомъ долженъ былъ сдержать слово. Я прочелъ эту статью, ни болѣе ни менѣе, какъ литературный памятникъ, твердо увѣренный, что она никого не можетъ привести въ соблазнъ, хотя она и не лишена нѣкотораго рода литературнаго достоинства. Что меня касается, я буквально не согласенъ ни съ однимъ изъ преувеличеній, находящихся въ ней. Теперь я прошу взять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: сталъ ли бы я читать статью человѣка, съ которымъ былъ въ ссорѣ именно за идеи (это не тайна, это очень многимъ извѣстно), да еще писанную въ болѣзни, въ разстройствѣ умственномъ и душевномъ,—сталъ ли бы я читать эту статью, выставляя ее, какъ образецъ, какъ формулу, которой нужно слѣдовать? Я только теперь понялъ, что сдѣлалъ ошибку и что не слѣдовало

мнѣ читать этой статьи вслухъ; но тогда я не спохватился, ибо даже и не подозрѣвалъ того, въ чемъ могутъ обвинить меня, не подозрѣвалъ за собою грѣха. Изъ уваженія къ человѣку, уже умершему, замѣчательному въ свое время, котораго многіе уважаютъ за нѣкоторыя литературно-эстетическія статьи его, написанныя дѣйствительно съ большимъ знаніемъ литературнаго дѣла,— наконецъ, изъ щекотливаго чувства по поводу ссоры нашей за идеи, которая многимъ извѣстна, я прочелъ всю переписку, воздержавшись отъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ безпристрастіемъ.

Я упомянулъ, что я говорилъ о политикѣ, о цензурѣ и т. д., но я только напрасно сказалъ на себя. Мнѣ хотѣлось только высказать образъ идей моихъ. Никогда я не говорилъ у Петрашевскаго объ этихъ предметахъ. Говорилъ я у него только три раза или, лучше сказать, два раза. Разъ *о литературѣ*, по поводу спора съ Петрашевскимъ изъ-за Крылова, и другой разъ *о личности и объ эгоизмѣ*. Вообще я человѣкъ неразговорчивый и не люблю громко говорить тамъ, гдѣ есть мнѣ незнакомые. Образъ мыслей моихъ и я весь извѣстенъ только очень немногимъ моимъ пріятелямъ. Отъ большихъ споровъ я удаляюсь и люблю уступить, только бы меня оставили въ покоѣ. Но я былъ вызванъ на этотъ литературный споръ, темой котораго, съ моей стороны, было то, что искусство не нуждается въ направленіи, что искусство само себѣ цѣлью, что авторъ долженъ только хлопотать о художественности, а идея придетъ сама собою, ибо необходимое условіе художественности. Однимъ словомъ, *извѣстно, что это направленіе діаметрально противоположно газетному* и...[1]) Многимъ тоже извѣстно, что это направленіе мое уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ споръ нашъ слышали всѣ у Петрашевскаго; всѣ могутъ засвидѣтельствовать то, что я говорилъ. Кончилось тѣмъ, что оказалось, что Петрашевскій со мною однѣхъ идей о литературѣ, но что мы не понимали другъ друга. Объ этомъ заключеніи тоже всѣ слышали. И я замѣтилъ, наконецъ, что весь споръ вышелъ отчасти изъ самолюбія, потому что я заподозрѣлъ разъ Петрашевскаго въ отчетливомъ знаніи по этому предмету. Что же касается до второй темы, *о личности* и *эгоизмѣ*, то въ ней я хотѣлъ доказать, что между нами болѣе амбиціи, чѣмъ настоящаго человѣческаго достоинства, что мы сами впадаемъ въ самоумаленіе, въ размельченіе личности отъ мелкаго самолюбія, отъ эгоизма и отъ безцѣльности занятій. Эта тема чисто-психологическая.

Я сказалъ, что въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго, не было ни малѣйшей цѣлости ни малѣйшаго единства

---

[1]) Не разобрано въ рукописи (подстрекательному?).

ни въ мысляхъ ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество, чтобы спорить и доспориться; ибо каждый почти разъ расходились съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій разъ возобновить споръ съ новою силою, чувствуя, что не высказали и десятой части того, что хотѣли сказать. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни объ чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно. Я такъ увѣренъ. И если я участвовалъ иногда въ спорахъ у Петрашевскаго, если я ѣздилъ къ нему и не пугался того, когда слышалъ иное горячее слово, то это потому, что совершенно былъ увѣренъ (и увѣренъ въ томъ до сихъ поръ), что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей Петрашевскаго, а не публично. Такъ и дѣйствительно было, и если теперь обратили такое исключительное вниманіе на то, что было у Петрашевскаго, то, мнѣ кажется, это произошло оттого, что Петрашевскій извѣстенъ почти всему Петербургу своими странностями и эксцентричностями, а поэтому и вечера его извѣстны; а я знаю положительно, что молва преувеличивала ихъ значеніе, хотя въ людской молвѣ было больше насмѣшки къ вечерамъ Петрашевскаго, чѣмъ опасенія. Тѣмъ, что говорилось иногда довольно откровенно (но всегда въ видѣ сомнѣнія, и всегда то, что говорилось, подымалось на споръ), я не смущался, потому что по моей идеѣ, лучше пусть иной горячій парадоксъ, иное сомнѣніе идетъ на судъ другихъ (конечно, не на площадь, а въ пріятельскій кругъ), чѣмъ остается внутри человѣка безъ выхода, черствѣетъ и укореняется въ душѣ его. Общій споръ полезнѣе уединенія. Истина всегда наверхъ всплыветъ, и здравый смыслъ одержитъ побѣду; такъ я смотрѣлъ на эти собранія, и на основаніи такого взгляда ходилъ иногда къ Петрашевскому. И опытъ оправдалъ меня, потому что, напримѣръ, о фурьеризмѣ перестали, наконецъ, совсѣмъ говорить, ибо фурьеризмъ былъ засыпанъ насмѣшками со всѣхъ сторонъ, даже какъ ученіе. Но если бы рѣшился кто-нибудь у Петрашевскаго говорить о примѣненіи системы Фурье къ нашему общественному быту, то ему тутъ же бы безъ всякихъ околичностей насмѣялись въ глаза. Я говорю такъ потому, что увѣренъ въ истинѣ словъ моихъ.

Чтобъ отвѣчать на вопросъ, не было ли какой тайной, скрытой цѣли въ обществѣ Петрашевскаго, можно утвердительно сказать, припоминая всю разногласицу, все это смѣшеніе понятій, характеровъ, личностей, спеціальностей, всѣ эти споры, доходив-

шіе чуть не до вражды, и которые, тѣмъ не менѣе, оставались одними спорами,—смотря на все это и сообразивъ, можно утвердительно сказать, что невозможно, чтобъ была какая-нибудь тайная, скрытая цѣль во всемъ этомъ хаосѣ. Тутъ не было и тѣни единства и не было бы до скончанія вѣковъ; и хотя я зналъ не всѣхъ и не все въ обществѣ Петрашевскаго, но, судя по тому, что я видѣлъ, могу положительно сказать, что я не ошибаюсь.

Теперь мнѣ приходится отвѣчать на послѣдній вопросъ, отвѣтъ на который составитъ заключеніе моего оправданія,—вредный ли человѣкъ Петрашевскій и до какой степени онъ вреденъ для общества? Когда мнѣ предложили этотъ вопросъ въ первый разъ, я не могъ отвѣчать на него прямо. До этого вопроса я долженъ былъ разрѣшить въ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, которые тотчасъ же породились въ умѣ моемъ, которыхъ я разрѣшить не могъ тутъ же на мѣстѣ, которые требовали нѣкотораго соображенія, и потому я стоялъ, не зная, что отвѣчать. Теперь, сообразивъ все, я представляю и предварительныя соображенія мои и, наконецъ, отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ, какъ слѣдствіе этихъ соображеній.

Во-первыхъ, если меня спрашивали, вреденъ ли Петрашевскій для общества, то я разумѣю прежде всего, какъ фурьериста, какъ послѣдователь и распространитель ученія Фурье. Мнѣ показали тетрадь, мелко исписанную, и сказали, что я, вѣроятно, узнаю почеркъ. Руки Петрашевскаго я не знаю, мы съ нимъ никогда не переписывались, и я рѣшительно не подозрѣвалъ, чтобы онъ пускался въ авторство. И я говорю утвердительно. И потому я рѣшительно ничего не знаю о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ-распространителѣ. Я знаю только его научныя вѣрованья. Да и то мы съ нимъ и въ научный разговоръ о Фурье рѣдко вступали, почти никогда, ибо нашъ разговоръ въ ту же минуту обратился бы въ споръ. Это онъ зналъ очень хорошо. Плановъ же и распоряженій Петрашевскій мнѣ никогда не сообщалъ, и я рѣшительно не знаю, были ли они у него или не были. Кромѣ того, если бъ даже и были, чего я совершенно не знаю, то онъ, будучи совсѣмъ не въ короткихъ отношеніяхъ со мною, и вовсе не объявилъ бы мнѣ ни слова. Я же, съ своей стороны, въ желаніи никогда не имѣлъ провѣдать его тайны. И потому я рѣшительно ничего не могу сказать о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ, кромѣ какъ въ отношеніи чисто научномъ.

Я знаю, что Петрашевскій уважаетъ систему Фурье. Какъ фурьеристъ, онъ, конечно, не можетъ не желать, чтобъ ему сочувствовали. Но меня спрашивали: дѣлаетъ ли онъ учениковъ? *Не завлекаетъ ли онъ къ себѣ учителей изъ разныхъ учебныхъ за-*

веденій съ тѣмъ, чтобы, обративъ ихъ, дѣйствовать черезъ нихъ на распространеніе фурьеризма въ юношествѣ? Отвѣчаю: положительно я ничего не могу сказать на этотъ вопросъ, потому что не имѣю достаточныхъ данныхъ, рѣшительно не знаю тайнъ Петрашевскаго. Мнѣ сказали, что у Петрашевскаго въ числѣ знакомыхъ есть учителя, напримѣръ, *Толь*. Но съ Толемъ я совершенно незнакомъ, и узналъ, что онъ учитель, только очень недавно. Что же касается Ястржембскаго, то о немъ я узналъ, что онъ учитель, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ о политической экономіи. Больше учителей я никого не знаю. Будучи не только не въ короткихъ, но даже въ далекихъ отношеніяхъ къ Толю, я не знаю ни исторіи знакомства его съ Петрашевскимъ, ни того, когда они познакомились, ни того, въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу,—однимъ словомъ, мнѣ было вовсе не любопытно знать это. Что же касается Ястржембскаго, то я имѣлъ случай узнать образъ экономическихъ идей его, когда два раза удалось мнѣ его слышать. Онъ, сколько мнѣ кажется, экономистъ послѣдней школы и допускаетъ соціализмъ настолько, насколько его допускаютъ самые строгіе профессора науки. Ибо соціализмъ, въ свою очередь, сдѣлалъ много научной пользы критической разработкой и статистическимъ отдѣломъ своимъ. Однимъ словомъ, я полагаю, что Ястржембскій далеко не фурьеристъ, и что ему нечему учиться у Петрашевскаго. Но замѣчу, что Ястржембскаго, какъ человѣка, я не знаю совсѣмъ. Я съ нимъ *никогда* не вступалъ въ разговоры, и кажется, что и онъ находится точно въ такихъ же ко мнѣ отношеніяхъ. Полнаго образа его идей я не знаю, равно какъ и онъ моего. Итакъ, я могу судить о Петрашевскомъ, какъ о распространителѣ ученія только по однѣмъ догадкамъ, по соображенію.

Но по догадкамъ я ничего не могу сказать. Я знаю, что мое показаніе не возьмется за окончательное, за основное, но все-таки оно останется показаніемъ. Что же, если я ошибусь? Ошибка ляжетъ на моей совѣсти. Мнѣ показали рукопись, о существованіи которой я не зналъ прежде. Я прочелъ фразу этой рукописи. Въ этой фразѣ высказано горячее желаніе скорѣйшаго торжества системы Фурье. Если вся рукопись въ этомъ родѣ, если Петрашевскій призналъ ее, то, конечно, онъ желалъ распространенія системы Фурье. Но употреблялъ ли онъ дѣйствительно какія-либо мѣры до сихъ поръ—я не знаю. Мнѣ неизвѣстны его тайны, и я думаю, что мнѣ можно, наконецъ, повѣрить. Никто не покажетъ, что мы были съ Петрашевскимъ когда-нибудь въ отношеніяхъ очень близкихъ. Я ѣздилъ къ нему по пятницамъ, какъ знакомый, не болѣе. Я не знаю никакихъ его плановъ, и я въ первый разъ видѣлъ эту рукопись, содержанія которой,

кромѣ одной фразы, я совершенно не знаю. Итакъ, дѣлалъ ли онъ что-нибудь, употреблялъ ли онъ какія мѣры, объ этомъ я сказать не могу. Но да позволятъ мнѣ изложить нѣсколько собственныхъ моихъ соображеній, которыя составляютъ во мнѣ глубочайшее убѣжденіе, которыя я долго обдумывалъ, которыя и прежде мнѣ представлялись такими же, какъ и теперь, и вслѣдствіе которыхъ, наконецъ, я при первомъ вопросѣ о виновности Петрашевскаго не могъ отвѣчать положительно. Я понимаю, какъ важны въ глазахъ судей Петрашевскаго такія улики, какъ книги, рукописи и разговоры, записанные отрывками. Но такъ какъ меня спросили о Петрашевскомъ, то да позволятъ мнѣ изложить мой взглядъ на все его дѣло.

Петрашевскій вѣритъ Фурье. Фурьеризмъ — система мирная; она очаровываетъ душу своею изящностью, обольщаетъ сердце тою любовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ составлялъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая. Она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягновенія на фамилію. Наконецъ эта система кабинетная и никогда не будетъ популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры. Но, безъ сомнѣнія, эта система вредна, во-первыхъ, уже по одному тому, что она система; во-вторыхъ, какъ ни изящна она, она все-таки утопія самая несбыточная. Но вредъ, производимый этой утопіей, если позволятъ мнѣ такъ выразиться, болѣе *комическій*, чѣмъ приводящій въ ужасъ. Нѣтъ системы соціальной, до такой степени осмѣянной, до такой степени не популярной, освистанной, какъ система Фурье на Западѣ. Она уже давно померла, и предводители ея сами не замѣчаютъ, что они живые только мертвецы, больше ничего. На Западѣ, во Франціи, въ эту минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества; ибо голодные пролетаріи въ отчаяніи хватаются за всѣ средства и изъ всякаго средства готовы сдѣлать себѣ знамя. Тамъ минута крайности. Тамъ голодъ гонитъ на улицу. Но фурьеризмъ забытъ изъ презрѣнія къ нему, и даже *кабетизмъ*, нелѣпѣе котораго ничего не производилось на свѣтѣ, возбуждаетъ гораздо болѣе симпатіи. Что же касается до насъ, до Россіи, до Петербурга, то здѣсь стоитъ сдѣлать два-

дцать шаговъ по улицѣ, чтобъ убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ только существовать или въ неразрѣзанныхъ листахъ книги, или въ мягкой, незлобивой, мечтательной душѣ, но не иначе, какъ въ формѣ идилліи или подобно поэмѣ въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, въ стихахъ. Фурьеризмъ вреда нанести не можетъ серьезнаго. Во-первыхъ, если бы и былъ вредъ серьезный, то самое распространеніе его уже утопія, ибо до невѣроятности медленно. Чтобы понять фурьеризмъ вполнѣ, нужно его изучить, а это цѣлая наука. Нужно прочесть до десятка томовъ. Можетъ ли такая система когда-либо сдѣлаться популярною? Распространять ее съ каѳедръ черезъ учителей? Но это физически невозможно, уже по одному объему фурьеристической науки! Но, повторяю, вреда серьезнаго, по моему мнѣнію, отъ системы Фурье быть не можетъ, и если фурьеристъ нанесетъ кому вредъ, такъ только развѣ себѣ, въ общемъ мнѣніи, у тѣхъ, въ которыхъ есть здравый смыслъ. Ибо самый высочайшій комизмъ для меня—*это ненужная никому дѣятельность*. А фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а съ другой стороны, до того порожденіе Запада, до того продуктъ тамошняго, западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается, во что бы ни стало, пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ съ своею настойчивою необходимостью въ настоящее время у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшонъ. Дѣятельность фурьериста была бы самая ненужная, слѣдовательно, самая комическая. Вотъ почему по *догадкѣ* моей я полагаю Петрашевскаго умнѣе, и никогда не подозрѣвалъ его *серьезно* дальше кабинетнаго уваженія къ Фурье... Все остальное я *поистинѣ* готовъ былъ счесть за шутку. Фурьеристъ —несчастный и невиновный человѣкъ, — вотъ мое мнѣніе. Наконецъ, по моему мнѣнію, ни одинъ парадоксъ, сколько ихъ ни было, не могъ удержаться долго самъ собою, своими силами. Такъ насъ учитъ исторія. И доказательство, что во Франціи почти въ одинъ годъ пали всѣ системы, одна за другой, и пали сами собою, чуть только дѣло дошло до малѣйшаго опыта. Сообразивъ это все, если бъ я даже зналъ (чего я не знаю, повторяю еще разъ), но если бъ я даже зналъ, что Петрашевскій, не боясь никакой насмѣшки, все еще старался о распространеніи фурьеризма, то я бы все-таки удержался сказать, что онъ вреденъ, что онъ приноситъ положительный вредъ. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ бы быть вреденъ Петрашевскій, какъ пропагаторъ фурьеризма? Свыше моихъ понятій! Смѣшонъ, а не вреденъ! Вотъ мое мнѣніе, и вотъ что я по совѣсти могу отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ.

Наконецъ во мнѣ возникло еще одно соображеніе, о которомъ я не могу умолчать,—соображеніе чисто житейское. У меня было давнее, старое убѣжденіе, что Петрашевскій зараженъ нѣкотораго рода самолюбіемъ. Изъ самолюбія онъ созывалъ къ себѣ въ пятницу, и изъ самолюбія же пятницы не надоѣдали ему. Изъ самолюбія онъ имѣлъ много книгъ, и, кажется, ему нравилось, что у него есть рѣдкія книги. Впрочемъ, это не болѣе, какъ мое наблюденіе, догадка, ибо, повторяю, все, что я знаю о Петрашевскомъ, я знаю не полно, не совершенно, а по догадкамъ, основаннымъ на томъ, что я видѣлъ и слышалъ.

Вотъ мой отвѣтъ,—я передалъ истину.

Ѳедоръ Достоевскій.

---

24 декабря 77 г. Memento. На всю жизнь.

1) Написать русскаго Кандида.
2) Написать книгу о Іисусѣ Христѣ.
3) Написать свои воспоминанія.
4) Написать поэму Сороковины.

BN. (Все это, кромѣ послѣдняго романа и предполагаемаго изданія „Дневника“, т.-е. minimum на 10 лѣтъ дѣятельности, а мнѣ теперь 56 лѣтъ.)

Изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго [1]).

Кровь. „Только то и крѣпко, подо что кровь протечетъ“. Только забыли негодяи, что крѣпко то оказывается не у тѣхъ, которые кровь прольютъ, а у тѣхъ, чью кровь прольютъ. Вотъ онъ—законъ крови на землѣ.

Казнь Квятковскаго, Прѣснякова и помилованіе остальныхъ. Какъ Государство—не могло помиловать (кромѣ воли Монарха). Что такое казнь?—Въ Государствѣ—жертва за идею. Но если Церковь—нѣтъ казни. Церковь и Государство нельзя смѣшивать. То, что смѣшиваютъ,—добрый признакъ, ибо, значитъ, клонитъ на Церковь. Въ Англіи и во Франціи и не задумались бы повѣсить.

---

[1]) „Біографія, письма и записки“ и выдержки въ „Русск. Богатствѣ“ 1883 г., № 1. Двѣ послѣднихъ замѣтки (объ образованіи) напечатаны были въ журн. „Былое“, 1907 г., авг. Замѣтки эти представляютъ собою наброски мыслей, которыя должны были быть развиты въ „Дневникѣ писателя“.

Женскій вопросъ. „Новое Время“, № 1642, вторникъ, 23 сентября 1880 г. Дрянная и рутинная статья Дюма фиса. Вся ошибка „Женскаго вопроса“ въ томъ, что дѣлятъ недѣлимое, берутъ мужчину и женщину раздѣльно, тогда какъ это единый цѣлокупный организмъ. „*Мужа и жену создалъ ихъ*“. Да и съ дѣтьми, и съ потомками, и съ предками, и со всѣмъ человѣчествомъ человѣкъ единый цѣлокупный организмъ. А законы пишутъ, все раздѣляя и дѣля на составные элементы. Церковь не дѣлитъ.

Въ природѣ все разсчитано на нормальность, все разсчитано на святого и на безгрѣшнаго. (Мужчинѣ 30 лѣтъ и женщинѣ 30.) Красота дается женщинѣ вначалѣ, чтобы привязывать мужчину, ибо нравственная связь еще слаба. Потомъ и не надо ужъ красоты, любятъ женщину, потому что сживутся душами (органическое соединеніе).

Общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе у насъ дрянное: кто въ лѣсъ, кто по дрова, но его *кое-гдѣ боятся*, стало-быть, оно своего рода сила, а стало-быть, и годиться можетъ. Скажутъ: существованіе нашего общественнаго мнѣнія мало обезпечено; такъ, но оно уже тѣмъ хорошо, что существуетъ; дрянненькое, а существуетъ, но главное такъ существуетъ, что сократить его теперь не только невозможно, но даже немыслимо, несмотря на то, что существованіе его, какъ выражаются, не обезпечено.

Уничтожить общественное мнѣніе, такъ не то что ничего больше не будетъ, а и то, что̀ есть, исчезнетъ.

Общественное мнѣніе дрянное, потому что до сихъ поръ еще только что зародилось, и кто въ лѣсъ, кто по дрова. Слагается же оно долгимъ ходомъ исторіи, многими поколѣніями.

Формула. Русскій народъ весь въ Православіи и въ идеѣ его. Болѣе въ немъ и у него ничего нѣтъ—да и не надо, потому что Православіе все. Православіе есть Церковь, а Церковь—увѣнчаніе зданія и уже навѣки. Вы думаете, я теперь разъяснять стану: нимало, нисколько. Это все потомъ и неустанно. А покамѣстъ лишь ставлю формулу, да къ ней прибавлю и другую! Кто не понимаетъ Православія, тотъ никогда и ничего не поймете въ народѣ. Мало того; тотъ не можетъ и любить русскаго народа, а будетъ любить его лишь такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть. Обратно, и народъ не приметъ такого человѣка, какъ своего: если ты не любишь того, что̀ я люблю, не вѣруешь въ то, во что я вѣрую, и не чтишь святыни моей, то не чту и я тебя за своего. О, онъ не оскорбитъ его, не съѣстъ, не прибьетъ, не ограбитъ и даже слова ему не скажетъ. Онъ широкъ, выносливъ и въ вѣрованіяхъ терпимъ. Народъ такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть, выслушаетъ, если тотъ уменъ и толковъ, по-

благодаритъ за совѣтъ даже, за науку, мало того, совѣтомъ воспользуется (ибо широкъ русскій народъ и отвлекать все умѣетъ). Но своимъ не сочтетъ, руки не подастъ, сердца своего не отдастъ ему. А наша интеллигенція изъ чухонскихъ болотъ прошла мимо. Сердится, когда ей говорятъ, что не знаетъ народа.

Государство есть Церковь. — Вирховъ. — Важное, наше различіе съ Европой. Государство есть по преимуществу христіанское общество и стремится стать Церковью (христіанинъ—крестьянинъ). *Въ Европѣ наоборотъ* (одно изъ глубокихъ нашихъ различій съ Европой). Рѣчь профессора Вирхова („Новое Время", № 1745, 6 января, вторникъ). Вирховъ провозглашаетъ, что Государство есть по преимуществу свободное отъ религіи и христіанства общество. Такъ во Франціи и Гамбетта. Крюцификсы. Наши глупенькіе тотчасъ подхватили западную формулу и записали въ свой катихизисъ. А она—глубоко не народная и не христіанская у *насъ*, въ русскомъ народѣ. Вся штука въ томъ, что Вирховъ боится, будто христіане станутъ тотчасъ же избивать не-христіанъ. Напротивъ, полная свобода вѣроисповѣданій и свобода совѣсти есть духъ настоящаго христіанства. *Увѣруй свободно*—вотъ наша формула. Не сошелъ Господь со креста, чтобы *насильно* увѣрить внѣшнимъ чудомъ, а хотѣлъ именно свободы совѣсти. Вотъ духъ народа и христіанства! Если же есть уклоненія, то мы ихъ оплакиваемъ.

„Отечественныя Записки". Васъ трепещетъ вся литература, особенно Сатирическаго старца. Никто противъ него не посмѣетъ: дескать, либералъ, проѣденъ либерализмомъ.—Нѣтъ, вы полиберальничайте, *когда это невыгодно*, вотъ бы я на васъ посмотрѣлъ

Пробиваетесь прожеванными мыслями.

Пресса. Пресса, между прочимъ, обезпечиваетъ слово всякому подлецу, умѣющему на бумагѣ ругаться, такому, которому ни за что бы не дали говорить въ порядочномъ обществѣ. А въ печати пріютъ: приходи, сколько хочешь ругайся, даже съ почтеніемъ примутъ.

Карамазовы. Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною вѣрою въ Бога. Этимъ олухамъ и не снилось такой силы отрицаніе Бога, какое положено въ „Инквизиторѣ" и въ предшествовавшей главѣ, которому отвѣтомъ служитъ *весь романъ*. Не какъ дуракъ же (фанатикъ) я вѣрую въ Бога. И эти хотѣли меня учить и смѣялись надъ моимъ неразвитіемъ! Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицанія, которое перешелъ я. Имъ ли меня учить!

Чортъ. (Психологическое и *подробное* критическое объясненіе Ив. Ѳедоровича и явленія чорта.) Ив. Ѳед. глубокъ, это не со-

временные атеисты, доказывающіе въ своемъ невѣріи лишь узость своего міровоззрѣнія и тупость тупенькихъ своихъ способностей.

Бѣлинскій. Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ—каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, растоптать все старое, съ ненавистью, съ оплеваніемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда отмщенія старому: „и я сжегъ все, чему поклонялся".

Кавелину. Есть нѣкоторыя жизненныя вещи,—живыя вещи, которыя весьма, однако, трудно понять отъ чрезмѣрной учености. Ученость, такая прекрасная вещь даже и въ случаѣ чрезмѣрности, обращается отъ прикосновенія къ инымъ *живымъ* вещамъ въ вещь даже вредную. Не всѣ живыя вещи легко понимаются. Это аксіома. А чрезмѣрная ученость вноситъ иногда съ собой нѣчто мертвящее. Ученость есть матеріалъ, съ которымъ иные, конечно, очень трудно справляются.

Чрезмѣрная ученость не всегда есть тоже истинная ученость. Истинная ученость не только не враждебна жизни, но, въ концѣ-концовъ, всегда сходится съ жизнію и даже указываетъ и даетъ въ ней *новыя откровенія*. Вотъ существенный и величавый признакъ истинной учености. Неистинная же ученость, хотя бы и чрезмѣрная, въ концѣ-концовъ, всегда враждебна жизни и отрицаетъ ее.—У насъ объ ученыхъ перваго разряда что-то не слыхать, второго же разряда было довольно, и даже только и есть, что второй разрядъ. Такъ что будь разчрезмѣрная ученость, и все-таки второй разрядъ. Но ободримся, будетъ и первый. Когда-нибудь да вѣдь будетъ же онъ. Къ чему терять всякую надежду?

„Русская Мысль". Жаль, что вы мало думаете, господа, а живете готовыми мыслями.—А у насъ не только готовыми мыслями, но и готовыми страданіями живутъ (безъ культуры-то!).

Всѣ нигилисты. Нигилизмъ явился у насъ потому, что мы *всѣ нигилисты*. Насъ только испугала новая, оригинальная форма его проявленія. (Всѣ до единаго Ѳедоры Павловичи.)

Комическій былъ переполохъ и заботы мудрецовъ нашихъ отыскать: откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были съ нами, въ насъ и при насъ (Бѣсы). Нѣтъ, какъ можно, толкуютъ мудрецы, мы не нигилисты, а мы только на отрицаніи Россіи хотимъ спасти ее (т.-е. стать въ видѣ *зоны*, аристократами, надъ народомъ, вознеся народъ до нашего ничтожества). Сравненіе нигилизма съ расколомъ (Уманца). Да расколъ много пользы принесъ.

Кавелину. Не отъ омерзѣнія удалялись святые отъ міра, а для нравственнаго совершенствованія. Да древніе иноки жили почти на площади. Инокъ Парѳеній.

Да ужъ одно ношеніе жажды духовнаго просвѣщенія есть уже духовное просвѣщеніе.

Вы скажете, что на Западѣ померкъ образъ Спасителя? Нѣтъ, я этой глупости не скажу.

Совѣсть безъ Бога есть ужасъ, она можетъ заблудиться до самаго безнравственнаго.

Недостаточно опредѣлять нравственность вѣрностью своимъ убѣжденіямъ. Надо еще безпрерывно возбуждать въ себѣ вопросъ: вѣрны ли мои убѣжденія? Провѣрка же ихъ одна—Христосъ. Но тутъ ужъ не философія, а вѣра, а вѣра—это красный цвѣтъ.

Дѣльцами бываютъ только люди нравственности сомнительной. Да откуда вы все это взяли?

Сожигающаго еретиковъ я не могу признать нравственнымъ человѣкомъ, ибо не признаю вашъ тезисъ, что нравственность есть согласіе съ внутренними убѣжденіями. Это лишь *честность* (русскій языкъ богатъ), но не нравственность. Нравственный образецъ и идеалъ есть у меня—Христосъ. Спрашиваю: сжегъ ли бы онъ еретиковъ,—нѣтъ. Ну, такъ, значитъ, сжиганіе еретиковъ есть поступокъ безнравственный.

Инквизиторъ ужъ тѣмъ однимъ безнравственъ, что въ сердцѣ его, въ совѣсти его, могла ужиться идея о необходимости сожигать людей. Орсини [1])—тоже. Конрадъ Валленродъ—тоже [2]).

Добро — что̀ полезно, дурно—что̀ не полезно. Нѣтъ, то, что̀ любимъ. Всѣ Христовы идеи испорчены человѣческимъ умомъ и кажутся невозможными къ исполненію. Подставлять ланиту, возлюбить болѣе себя. Помилуйте, да для чего это? Я здѣсь на мигъ, безсмертія нѣтъ, буду жить въ мою волю. Нерасчетливо (англійскій министръ). Позвольте ужъ мнѣ знать, что̀ расчетливо, что̀ нѣтъ.

Государство создается для средины. Когда же это государство создаваясь говорило: я создаюсь для средины? Вы скажете, что такъ дѣлала исторія. Нѣтъ, всегда вели избранные! И тотчасъ послѣ этихъ мужей середина, дѣйствительно, это правда, формулировала на идеяхъ высшихъ людей свой серединненькій кодексъ. Но приходилъ опять великій или оригинальный человѣкъ и всегда потрясалъ кодексъ. Да вы, кажется, принимаете государство за нѣчто абсолютное. Повѣрьте, что мы не только абсолютнаго, но болѣе или менѣе даже законченнаго государства еще не видали. Все эмбріоны.

---

[1]) Итальянскій революціонеръ, бросившій бомбу въ Наполеона III.
[2]) Конрадъ Валленродъ—герой поэмы Мицкевича.

Общества слагались вслѣдствіе потребности ужиться. Это неправда, а всегда вслѣдствіе великой идеи.

Кавелину. Церковь—весь народъ, признано восточными патріархами весьма недавно, въ 48 году, въ отвѣтѣ папѣ Пію IX.

Подставить ланиту, любить больше себя—не потому, что полезно, а потому, что нравится, до жгучаго чувства, до страсти. Христосъ ошибался — доказано! Это жгучее чувство говоритъ: лучше я останусь съ ошибкой, со Христомъ, чѣмъ съ вами.

Вы говорите: да вѣдь Европа сдѣлала много христіанскаго помимо папства и протестантства. Еще бы, не сейчасъ же тамъ умерло христіанство, умирало долго, оставило слѣды. Да тамъ и теперь есть христіане, но зато страшно много извращеннаго пониманія христіанства.

Поступокъ нравственный, но не идея.

Нравственно только то, что совпадаетъ съ вашимъ чувствомъ красоты и съ идеаломъ, въ которомъ вы ее воплощаете.

Поведеніе его (да и то лишь общее), положимъ, честно, но поступокъ не нравственный. Потому еще *нравственное* не исчерпывается лишь однимъ понятіемъ о послѣдовательности съ своими убѣжденіями,—что иногда нравственнѣе бываетъ не слѣдовать убѣжденіямъ, и самъ убѣжденный, вполнѣ сохраняя свое убѣжденіе, останавливается отъ какого-то чувства и не совершаетъ поступка. Бранитъ себя и презираетъ умомъ, но чувствомъ, значитъ, совѣстно, не можетъ совершить и останавливается (и знаетъ, наконецъ, что не изъ трусости остановился). Это единственно потому остановился онъ, что призналъ остановиться и не послѣдовать убѣжденію,—поступкомъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ если бы послѣдовать. Засуличъ—„тяжело поднять руку пролить кровь“—это колебаніе было нравственнѣе, чѣмъ само пролитіе крови.

Живая жизнь отъ васъ улетѣла, остались однѣ формулы и категоріи, а вы этому какъ будто и рады. Больше, дескать, спокойствія (лѣнь).

„Нѣтъ славянофиловъ и западниковъ, *какъ партій*“. Это неправда. Именно въ послѣднее время образовались въ партіи.—Славянофильство, правда, едва-едва, но западничество—это партія во всеоружіи, готовая къ бою противъ народа, и именно политическая. Она стала надъ народомъ, какъ опекающая интеллигенція, она отрицаетъ народъ, она, какъ вы, спрашиваетъ, чѣмъ онъ замѣчателенъ, и, какъ вы, отрицаетъ всякую характерную самостоятельную черту его, снисходительно утверждая, что эти черты у всѣхъ младенческихъ народовъ. Она стоитъ надъ вопросами народными: надъ земствомъ, такъ какъ его хочетъ и признаетъ народъ; она мѣшаетъ ему, желая управлять имъ по-чиновнически, она гнушается идеи органической духовной солидар-

ности народа съ царемъ, и толкуетъ о европейской вздорно бабѣ [1]), и, конечно, только для себя зоветъ эту бабу, для увѣнчанія зданія, чтобы быть похожими на европейцевъ. Ибо, если народъ не захочетъ промежуточной бабы между собой и царемъ а все попрежнему будетъ вѣрить, что онъ—дѣти, буквально дѣти, а царь—отецъ, то вѣдь остается опять сковать народъ.

Бабу вздорную мы эту,
Изъ Европы...
Подведемъ. . . . . къ отвѣту,
А народъ опять скуемъ.

Вотъ вѣдь ваши идеалы! Какъ же вы не партія? Развѣ не съ вами извѣстная сила? И кому, кому въ руку вы работаете—заходило вамъ это въ умъ?

Россіи учиться. У насъ дошло до того, что Россіи надо учиться, обучаться какъ наукѣ, потому что непосредственное пониманіе ея въ насъ утрачено. Не во всѣхъ, конечно, и блаженъ тотъ, который не утратилъ непосредственнаго пониманія ея. Но такихъ немного. Всякій такой уже не западникъ и уже не партія.

Партіи, западники и Русь. Партія—только западничество, ибо за нею власти.

Русская же партія не собрана и не организована, но зато опирается на весь народъ, а нѣкоторые вожаки ея понимаютъ непосредственно народныя начала, въ нихъ вѣруютъ и ихъ исповѣдуютъ. Роль этой партіи еще вся впереди, но она будетъ несомнѣнно.

Я.—При полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка. Это русская черта по преимуществу, и въ этомъ смыслѣ, я конечно, народникъ (ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго)—хотя и неизвѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему. Меня зовутъ психологомъ: неправда, я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т.-е. изображаю всѣ глубины души человѣческой.

Ругатели-романисты. И только и дѣлаютъ, что ругаются, и хоть, дѣйствительно, иногда дурное ругаютъ, такое, что ужъ никакъ нельзя похвалить, но когда прочтешь, какъ они ругаются, то всегда, прочтя, невольно спросишь себя: что же гаже? То ли, что они такъ обругали (что ими обругано), или они сами?

Какъ все книжно, свысока! Простодушно писать не умѣютъ Гордятся очень, тонъ берутъ не тотъ, покровительствуютъ, учатъ опекунами смотрятъ, въ облако славы своей замыкаются.

---

[1]) Т.-е. о конституціи.

Кавелину. Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убѣжденію. Но откудова же вы это вывели? Я вамъ прямо не повѣрю и скажу, напротивъ, что безнравственно поступать по своимъ убѣжденіямъ. И вы, конечно, ужъ ничѣмъ меня не опровергнете.

Проливать кровь вы не считаете нравственнымъ, но проливать кровь по убѣжденію вы считаете нравственнымъ. Но, позвольте, почему безнравственно кровь проливать?

Если мы не имѣемъ авторитета въ вѣрѣ и во Христѣ, то во всемъ заблудимся.

Нравственныя идеи есть. Онѣ вырастаютъ изъ религіознаго чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могутъ.

Жить стало бы невозможно.

Каламбуръ: Іезуитъ лжетъ, убѣжденный, что лгать полезно для хорошей цѣли. Вы хвалите, что онъ вѣренъ своему убѣжденію, т.-е.: онъ лжетъ, и это дурно; но такъ какъ онъ по убѣжденію лжетъ, то это хорошо. Въ одномъ случаѣ, что онъ лжетъ—хорошо, а въ другомъ случаѣ, что онъ лжетъ—дурно. Чудо, что̀ такое!

На той почвѣ, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственныя идеи *есть* (отъ чувства, отъ Христа); доказать же, что онѣ нравственны, нельзя (соприкасаніе мірамъ инымъ).

...Конечно, это не научно, хотя почему бы и нѣтъ: огромный фактъ появленія на землѣ Іисуса и всего, что̀ за симъ прошло, требуетъ, по-моему, и научной разработки. А между тѣмъ не можетъ же погнушаться наука и значеніемъ религіи въ человѣчествѣ, хотя бы и въ виду историческаго только факта, поразительнаго своею непрерывностью и стойкостью. Убѣжденіе же человѣчества въ *соприкосновеніи мірамъ инымъ*, упорное и постоянное, тоже вѣдь весьма значительно. Нельзя же вѣдь рѣшить его однимъ почеркомъ пера, тѣмъ способомъ, какъ вы рѣшили про Россію, т.-е. у всѣхъ младенческихъ народовъ и такъ далѣе. Т.-е. у всѣхъ, дескать, народовъ въ младенческомъ состояніи и прочее и прочее. Это уже слишкомъ была бы легка наука. Это уже петербургская наука, русско-европейская...

Инквизиторъ и глава о дѣтяхъ. Въ виду этихъ главъ вы бы могли отнестись ко мнѣ хотя и научно, но не столь высокомѣрно по части философіи, хотя философія и не моя спеціальность. И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выраженій* нѣтъ и *не было*. Стало-быть, не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ большое *горнило сомнѣній* моя *осанна* прошла, какъ говоритъ у меня же, въ томъ же романѣ, чортъ.

Вотъ, можетъ-быть, вы не читали Карамазовыхъ—это дѣло другое, и тогда прошу извиненія [1]).

Горе отъ ума.—Гончаровъ. Комедія Грибоѣдова геніальна, но сбивчива:

„Пойду искать по свѣту...“

Т.-е. гдѣ? Вѣдь у него только и свѣту, что въ его окошкѣ, у Московскихъ хорошаго круга, не къ народу же онъ пойдетъ. А такъ какъ Московскіе его отвергли, то, значитъ, „свѣтъ“ означаетъ здѣсь Европу. За границу хочетъ бѣжать.

Если бы у него былъ *свѣтъ* не въ московскомъ только окошкѣ, не вопилъ бы онъ, не кричалъ бы онъ такъ на балѣ, какъ будто лишился всего, что имѣлъ, послѣдняго достоянія. Онъ имѣлъ бы надежду и былъ бы воздержнѣе и разсудительнѣе.

Чацкій—декабристъ. Вся идея его—въ отрицаніи прежняго, недавняго, наивнаго поклонничества. Европы всѣ нюхнули, и новыя манеры понравились. Именно *только* манеры, потому что сущность поклонничества и раболѣпія и въ Европѣ та же.

О себѣ. Я ничего не ищу и ничего не приму, и не мнѣ хватать звѣзды за мое направленіе.

Я, какъ и Пушкинъ, слуга Царю, потому что дѣти его, народъ его не погнушаются слугой царевымъ, еще болѣе буду слуга ему, когда онъ дѣйствительно повѣритъ, что народъ ему дѣти. Что-то ужъ очень долго не вѣритъ.

Объ обществѣ. Безпрестанныя жалобы, что не оживляется общество (комично!). Нѣмцы, поляки, евреи—корпораціи и себѣ помогаютъ. Въ одной Руси нѣтъ корпораціи—она одна раздѣлена. Да сверхъ этихъ корпорацій, еще и важнѣйшая: прежняя административная рутина. Говорятъ: наше общество не консервативно. Правда! Самый историческій ходъ вещей сдѣлалъ его не консервативнымъ. А главное: оно не видитъ, что сохранять. Все у него отнято, до самой законной иниціативы. Всѣ права русскаго человѣка отрицательныя. Дайте ему что положительное и увидите, что онъ будетъ тоже консервативенъ. Вѣдь было бы что охранять. Не консервативенъ онъ потому, что нечего охранять. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“—это вѣдь не одна только фраза у насъ, а къ несчастью—самое дѣло...

Земскій соборъ. Доктринеры пусть поучатся у народа смиренію и какъ такое великое дѣло надобно дѣлать. А великое это дѣло: царю всю правду сказать...

---

[1]) Все относящееся къ К. Д. Кавелину, написано, надо думать, подъ первымъ впечатлѣніемъ его открытаго письма къ Ѳ. М. Достоевскому въ „Вѣстникѣ Европы“.

И какъ плодотворно будетъ обученіе (общества — народу), сколько перебѣгутъ, какъ осиротѣютъ доктринеры, вся молодежь отъ нихъ отшатнется, даже взрыватели отшатнутся и примкнутъ къ русской правдѣ. Останутся только старые доктринеры, отжившіе свой срокъ, колпаки 40-хъ годовъ.

Наши либералы, стоящіе за земство противъ чиновничества, противорѣчатъ себѣ. Земство, правильное земство—это поворотъ къ народу, къ народнымъ началамъ (столь осмѣянное ими словечко). Такъ устоитъ ли европеизмъ въ настоящемъ-то видѣ, если правильно укоренится земство? Это еще вопросъ, и вѣроятнѣе всего, что не устоитъ.

Что такое у насъ лучшіе люди? Дворянство разрушено. Во Франціи тоже было разрушено. Почетный легіонъ привился, но не исчерпалъ задачи. (Въ Европѣ лучшихъ людей создаетъ власть). У насъ Петръ Великій, чтобы подавить аристократію—бояръ, ввелъ 14 классовъ. Тутъ есть аналогія съ почетнымъ легіономъ. Привилось, но и не начинало исчерпывать задачи. Не признано духомъ народнымъ, да и у чиновниковъ начало банкрутиться (чиновники по найму, аферисты, адвокаты болѣе пересолятъ). А между тѣмъ безъ лучшихъ людей нельзя. Но Петръ тоже поступилъ по западному духу, надѣлавъ 14 классовъ... „Лучшіе“ пошли отъ правительства, а не отъ духа народнаго. Правда, народъ еще безмолвствуетъ, хотя и называетъ, кромѣ Алексѣя, человѣка Божія, Суворова, напримѣръ, Кутузова... Но у него еще нѣтъ голоса. Голосъ же интеллигенціи сбитъ и народу не понятенъ, да и не слышенъ. Богъ знаетъ, кого интеллигенція поставитъ „лучшимъ“? Парижская коммуна и западный соціализмъ не хотятъ лучшихъ, а хотятъ равенства и отрубятъ голову Шекспиру и Рафаэлю. У насъ въ народѣ нѣтъ зависти. Сдѣлайте народу полезное дѣло, и станете народнымъ героемъ (но не возвышая его до себя, любите народъ, а сами принизившись до него).

Облегчить народъ... Гдѣ взять денегъ? Для этого непремѣнно и неотложно обложить налогомъ высшіе богатые классы и тѣмъ снять тягость съ бѣднаго класса.

Аксіома,—что тамъ и благосостояніе, гдѣ твердо стоитъ земледѣліе... Не будетъ земледѣлія, не будетъ и финансовъ.

По поводу споровъ о классическомъ и реальномъ образованіи,—провести идею, что реальное образованіе *не можетъ* не сохраняться у насъ, не развиваться и не усиливаться, но рядомъ съ нимъ должно непремѣнно итти (вмѣсто классическаго) *познаніе Россіи* (усиленное), ея исторіи, народности, обычаевъ, всѣхъ сла-

вянскихъ исторій и нарѣчій и даже Византизма. Если ужъ нельзя быть нашему юношеству на дѣлѣ русскимъ, то пусть будетъ хоть по наукѣ. Однимъ словомъ, во что бы то ни стало преодолѣть и сознать законы русской мысли и русскаго развитія, ихъ особенности, индивидуальности въ отличіе отъ всепоглотившей римско-германской мысли. Эта же *русская мысль* и ея законы почти и не подозрѣваются русскими даже въ томъ, что она должна быть на свѣтѣ, есть дѣйствительно и что съ условіями ея развитія слита, можетъ-быть, вся русская будущность.

Отчего у насъ вяло образованіе? Потому что намъ нужно не просвѣщеніе, не промышленность, не счастье, а централизація государства въ самодержавіи, а слѣдовательно, чиновники.

Но въ чемъ же ошибка? Именно въ томъ, что самодержавіе себя сознало (при Петрѣ) на европейскій манеръ и утратило мысль о древне-русскомъ *отношеніи своемъ къ народу*.

Государственная центральная идея у насъ пересолила, черезъ норму перешла, враждебное и побѣдное европейское начало въ себя приняла, а слѣдовательно, завела дружину для самосохраненія, т.-е. чиновниковъ; прежде же оно свободно относилось къ народу и земскаго собора не боялось.

VI.

Литература о Достоевскомъ.

А. Собранія сочиненій.

Собраніе сочиненій Достоевскаго, беллетристическихъ и публицистическихъ, выдержало уже не мало изданій. Наиболѣе распространено изъ нихъ дешевое изданіе, приложенное къ журналу „Нива“ въ 1894 и 1895 гг. Наиболѣе полно послѣднее изданіе фирмы „Просвѣщеніе“, содержащее въ приложеніяхъ нѣкоторые варіанты и отрывки и статьи, не входившія въ прежнія изданія (цѣнно приложеніе къ „Бѣсамъ“).

Собраніе писемъ Достоевскаго, вмѣстѣ съ біографіей и воспоминаніями О. Ѳ. Миллера и Н. Н. Страхова и различными матеріалами, входило въ составъ изданія 1883 года; поступило въ продажу также и отдѣльно въ книгѣ „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Съ портретомъ Д—го и приложеніями“. Спб., 1883 г.—Со времени выхода этой книги, въ печати появилось довольно много писемъ Достоевскаго, частью весьма важныхъ для его біографіи и характеристики; важнѣйшія изъ этихъ писемъ включены въ настоящій сборникъ. Отдѣльныя библіографическія указанія см. при самыхъ письмахъ.

Б. Біографическіе и критическіе матеріалы и статьи.

а) Указатели литературы о Достоевскомъ:

Библіографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ „Музеѣ памяти Ѳ. М. Достоевскаго“, въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени императора Александра III, 1846—1903 гг. Составила **А. Достоевская.** Спб., 1906 г.—Въ названный музей переданы также нѣкоторые неизданные матеріалы.

Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. **Д. Д. Языкова.** Выпускъ первый (писатели, умершіе въ 1881 году), второе исправленное изданіе. М., 1903 г.

Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ **С. А. Венгеровъ.** Т. II. Спб., 1910 г. (Указатель доведенъ только до 1900 г.)

Русская словесность съ XI по XIX столѣтія. Составила **А. В. Мезьеръ.** Часть II. Спб., 1902 г., и другіе указатели общаго характера, энциклопедическіе словари и т. п.

б) Важнѣйшіе біографическіе матеріалы и статьи (кромѣ указанныхъ въ различныхъ частяхъ настоящаго сборника).

Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Спб., 1883 г. (О. Ѳ. Миллера и Н. Н. Страхова).

Ѳ. М. Достоевскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литер. статей, сост. **В. И. Покровскій.**

Соловьевъ, Е. Достоевскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1891 г. (Біогр. библіотека Ф. Павленкова.)

К. Арсеньевъ. Многострадальный писатель Европы. «Вѣстн. Евр.», 1884 г., № 1.

К. Случевскій. Достоевскій. Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб., 1889 г.

Е. Гаршинъ. Испорченная жизнь. „Истор. Вѣст.“, 1884 г., № 2, и въ книгѣ „Критическіе опыты“. Спб., 1888 г.

Д. Аверкіевъ. Очеркъ при изданіи сочиненій 1885—6 гг.

Тарасовъ, И. Достоевскій. Харьковъ, 1884 г.

См. также вышеназванные указатели.

в) Общія характеристики литературной дѣятельности:

В. Зелинскій. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. 4 части.—Настоящій сборникъ выдержалъ уже нѣсколько изданій, и здѣсь, въ выдержкахъ или цѣликомъ, даны главнѣйшія критическія статьи, съ соотвѣтствующими библіографическими указаніями (кончая 1905 годомъ). Называемъ здѣсь, отсылая къ сборнику Зелинскаго, лишь нѣкоторыя, болѣе новыя работы о Достоевскомъ.

Д. Мережковскій. Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Жизнь и творчество. Т. II. Религія. 4-е изд. Спб., 1909 г., и новое собраніе сочиненій.

В. Вересаевъ. Живая жизнь. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. М. 1911.

Обѣ книги даютъ художественныя и яркія характеристики личности Д—аго, но вторая изъ нихъ особенно подчеркиваетъ болѣзненныя стороны личности и творчества Д—аго.

В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Достоевскаго. Изд. 3-е. Спб., 1906 г.

А. Волынскій. Ѳ. М. Достоевскій. Критическія статьи. Второе изд. Спб., 1909 г. (Здѣсь же, изд. также отдѣльно, статьи: „Царство Карамазовыхъ“ и „Книга великаго гнѣва“ (о „Бѣсахъ“) и др.).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Т. II.

С. Андреевскій. Литературные очерки („Братья Карамазовы“). 3-е изд. Спб., 1902 г.

С. Н. Булгаковъ. Вѣнецъ терновый. Спб., 1907 г.

В. Реформатскій. Культъ страданія, какъ одинъ изъ мотивовъ творчества Д—аго. Казань, 1909 г.

Н. Баженовъ. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. (Больные писатели и патологическое творчество.) М., 1903 г. Ср. „Чижъ“. Достоевскій, какъ психопатологъ. М., 1885 г., и „Рус. Вѣстн.“, 1884 г., 5—6.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб., 1902 г. („Кто виноватъ?“ Ученіе Д—аго объ отвѣтственности). Тѣмъ же авторомъ приготовлено для печати обширное изслѣдованіе о Достоевскомъ, пока не увидѣвшее свѣта. — Его же. Религіозно-нравственная проблема у Д—аго. „М. Божій“, 1905 г., № 6—8, и брошюра „Жизнь и проповѣдь Д—аго“.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Ѳ. М. Достоевскій. Исторія русской литературы XIX в. подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Томъ IV.

Л. Шестовъ. Достоевскій и Ницше. Философія трагедіи. „Міръ искусства“, 1902 г., и отдѣльно.

М. Хейсинъ. Достоевскій и Ницше. „Міръ Божій“, 1903 г., № 6.

А. Закржевскій. Подполье. Кіевъ, 1911 г. и Карамазовщина. Кіевъ, 1912 г.

В. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Критическій очеркъ. Москва, 1912 г.

Литература объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Достоевскаго названа въ указателѣ Мезьеръ и сборникахъ Зелинскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ редакціи „Историко-литературной библіотеки“.	III
I. **Ѳ. М. Достоевскій.** Вступительная статья. *Ч. Вѣтринскаго.* . . .	V
II. **Хронологическая канва.**	LI
III. **Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ:**	
Дѣтство и учебные годы (изъ матеріаловъ для жизнеописанія *О. Ѳ. Миллера*).	1
Достоевскій въ инженерномъ училищѣ. *А. Савельева*	15
Воспоминанія *К. Трутовскаго.*	18
Изъ воспоминаній *Д. В. Григоровича.*	21
Изъ воспоминаній *П. В. Анненкова.*	31
Воспоминанія *С. Д. Яновскаго*	33
Изъ воспоминаній *А. П. Милюкова*	40
Въ „Мертвомъ Домѣ“	59
Изъ воспоминаній *барона А. Е. Врангеля.*	64
Изъ воспоминаній *Н. Н. Страхова.*	88
Изъ воспоминаній *С. В. Ковалевской.*	109
Изъ воспоминаній *Н. фонъ-Фохта*	117
Изъ воспоминаній *Всеволода Соловьева*	119
Изъ воспоминаній *В. В. Т—вой (Починковской).*	134
По поводу легенды о великомъ инквизиторѣ. *В. Пуцыковича.*	159
Изъ рѣчи *Майкова* о Достоевскомъ.	160
Письма *К. Побѣдоносцева* и *И. Аксакова* о Достоевскомъ.	162—163
Тургеневъ о Достоевскомъ (изъ писемъ).	164
Левъ Толстой о Достоевскомъ (изъ писемъ).	165
IV. **Письма Ѳ. М. Достоевскаго.**	167
V. **Замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго:**	
Разсказъ Достоевскаго объ его арестѣ	305
Показаніе Ѳ. М. Достоевскаго въ дѣлѣ Петрашевскаго . . .	306
Memento 24 декабря 1877 г.	323
Выдержки изъ записной книжки.	—
VI. **Литература о Достоевскомъ.**	334

Книгоиздательство Т-ва И. Д. СЫТИНА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА

подъ ред. **А. Е. Грузинскаго,**

при ближайшемъ участіи **Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона** и **Н. П. Сидорова.**

Историко-литературная библіотека имѣетъ цѣлью служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія.

I. **Н. В. ГОГОЛЬ въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ.** Составилъ *В. В. Каллашъ.*

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительныя статьи.— Избранныя мѣста изъ воспоминаній П. В. Анненкова, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, И. И. Панаева, А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. В. Берга.—Сводъ извѣстій о II т. „Мертвыхъ душъ“.— Избран. письма Гоголя.— Библіографія. 263 стр. Ц. 1 р.

Мин. Нар. Пр. **признана** подлежащей внесенію въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библ., а равно и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Гл. Упр. воен.-учебн. зав. **допущена** въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

II. **ЗАПАДНИКИ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ**: Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и другіе. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ: Хронологическія даты.—Руководящая статья составителя.— Письма и статьи: П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина, В. Г. Бѣлинскаго, А. И. Герцена, Т. Н. Грановскаго, В. П. Боткина.—Библіографія. 272 стр. Ц. 1 р.

III. **А. С. ГРИБОѢДОВЪ.** Составилъ *А. Д. Алферовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительная статья.— Грибоѣдовъ и его время.— Сочиненія Грибоѣдова.— Изъ писемъ Грибоѣдова.— Пушкинъ о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ.—Изъ „Записокъ современника“ С. П. Жихарева.—Грибоѣдовская Москва въ перепискѣ М. А. Волковой съ В. И. Ланской.—Библіографическія указанія. 231 стр. Ц. 80 к.

IV. **А. С. ПУШКИНЪ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ.** Сост. *Н. А. Заозерскій.*

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительныя статьи.— Избранныя мѣста изъ воспоминаній А. С. Пушкина, И. И. Пущина, А. Н. Вульфъ, А. П. Кернъ, М. П. Погодина, С. И. Шевырева, В. И. Даля, И. С. Тургенева, В. А. Жуковскаго.— П. В. Анненковъ. Изъ матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина.— Н. В. Гоголь. Нѣсколько словъ о Пушкинѣ.—Статьи и замѣтки А. С. Пушкина.—Письма А. С. Пушкина.— Хронологическая канва.— Указатель литературы о Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Ц. 1 р.

V. **РАННІЕ СЛАВЯНОФИЛЫ**: А. С. Хомяковъ, И. В. Кирѣевскій, К. С. и И. С. Аксаковы. Сост. *Н. Л. Бродскій.*

СОДЕРЖАНІЕ: Хронологическія даты.— Вступительныя статьи.— Статьи И. В. Кирѣевскаго, К. С. Аксакова; избранныя мѣста изъ соч. А. С. Хомякова.—И. С. Аксаковъ и газ. „Парусъ“.— Эстетика славянофиловъ.— Поэтическія произведенія А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. С. Аксакова.— Библіографія. Ц. 1 р.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. Сытина: въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

Цѣна 1 р. 10 к.

2007067306